

Министерство науки
и высшего образования Российской Федерации
Тольяттинский государственный университет

ТЕКСТ:

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ
И МЕТОДИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ

**VII Международная
научная конференция**
(к 80-летию профессора
Г.Н. Тараносовой)

Тольятти, 17–19 апреля 2023 года

Сборник материалов

В 2 частях

Часть I

ISBN 978-5-8259-1600-2

УДК 80(063)
ББК 80.9я431

Научный редактор д-р филол. наук, профессор **И.А. Измestьева**

Рецензенты:

канд. пед. наук, д-р психол. наук, доцент, профессор кафедры психологии семьи и детства Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета **Л.Т. Потанина**;
д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык, литература и лингвокриминалистика» Тольяттинского государственного университета **М.Г. Соколова**

Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. VII Международная научная конференция (к 80-летию профессора Г. Н. Тараносовой), Тольятти, 17–19 апреля 2023 г. Сборник материалов. В 2 частях. Часть I / под ред. И. А. Измestьевой. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2023. – 1 оптический диск. – ISBN 978-5-8259-1600-2.

Сборник материалов VII Международной научной конференция «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты». К 80 летию профессора Г. Н. Тараносовой (17–19 апреля 2023 г.) содержит статьи, посвященные актуальным направлениям общегуманитарных исследований, определившихся в конце XX – начале XXI вв., в материалах конференции затрагиваются современные проблемы и обобщается накопленный опыт в области изучения теории и практики русского языка и литературы, иностранных языков и зарубежной литературы, социологии и журналистики, истории и философии, педагогики, в целом текста как объекта социокультурных исследований.

Текстовое электронное издание.

Рекомендовано к изданию ученым советом гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета.

Минимальные системные требования: IBM PC-совместимый компьютер: Windows XP/Vista/7/8/10; ПИИ 500 МГц или эквивалент, 128 Мб ОЗУ; SVGA; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

© Авторы статей, 2023

© Оформление. Издательство ТГУ, 2023

Научное издание

**ТЕКСТ:
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ,
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ,
РЕГИОНАЛЬНЫЙ
И МЕТОДИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ**

VII Международная
научная конференция
(к 80-летию профессора
Г.Н. Тараносовой)

Тольятти,
17–19 апреля 2023 года

Сборник материалов
В 2 частях
Часть I

В авторской редакции

Компьютерная верстка:
Компьютерное
проектирование:

Е.В. Веселова

Е.В. Веселова

Дата подписания
к использованию
Объем издания

22.12.2023.

0,0 Мб.

Комплектация издания:

компакт-диск, первичная упаковка.

Тираж

... экз.

Заказ

№ 4-07-23.

Издательство Тольяттинского
государственного университета
445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14,
тел. 8 (8482) 44-91-47, www.tltsu.ru

Содержание

Наш любимый учитель	11
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	15
<i>О.А. Арбатская</i> Употребление некоторых древнерусских и старославянских синонимов фонетического характера в «Задонщине»	15
<i>Н.В. Атаманова</i> Лексическая сочетаемость слов-звукообозначений в поэтическом словаре Ф.И. Тютчева	20
<i>Ф.У. Галиханова</i> Прагматический аспект графического оформления слоганов к фильмам (на материале русско- и англоязычных слоганов)	26
<i>А.Е. Журавлёва</i> Текст орфоэпических словарей: корреляция кодифицированных норм и реального произношения носителей русского литературного языка	33
<i>Н.А. Илюхина</i> О функциях компаративного комплекса в тексте	38
<i>Н.Б. Литвинова</i> Мемуарный текст о Великой Отечественной войне как источник лингвоментальной информации	47
<i>Ю.В. Милютина</i> Этнонимы и топонимы как ценное наследие истории и культуры	54
<i>О.Г. Никулкина</i> Пространственный мир в историческом романе А.К. Толстого «Князь Серебряный»	60
<i>О.Д. Паришина</i> Провинция как проприальная единица	66
<i>А.Г. Пастухов</i> К обоснованию динамической теории текста	76
<i>Е.В. Пулов</i> Концепт «Россия» в творчестве Н.С. Лескова (на примере романа «Некуда»). Вербально-семантический уровень	84
<i>Э.М. Рянская, Ю.В. Шевченко</i> Проявление авторской индивидуальности в научном тексте: коммуникативно-прагматический аспект	89

М.Г. Соколова

Образные репрезентанты дендронима *ветла*
в русской поэзии XIX–XXI веков 97

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА 105

Т.Н. Андреюшкина

Код современной немецкоязычной поэзии
(на материале антологии «Небесное ископаемое») 105

О.И. Ананченко

О жанре «стихотворение-вещь»
в цикле «Новые стихотворения» Р.М. Рильке 111

Г.М. Васильева

Корейская германистика и проблемы литературного перевода 118

А.В. Котова

Некоторые проблемы школьного чтения в античности 124

Д.Р. Насырова

«Пейзаж с падением Икара» Питера Брейгеля Старшего
и Уильяма Карлоса Уильямса 129

В.Г. Сибирцева

Трансформация образа Ф.Г. Клопштока в переводных
и критических статьях русской периодики начала XIX века 136

Ю.Л. Цветков

Поэтический текст венского модерна 142

ТЕКСТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК 147

О.А. Безгина

Первые книги о городе Ставрополе — Тольятти: анализ текстов 147

В.А. Гуров

Воспоминания ветеранов Афганской войны 1979–1989 гг.
в книге «Прощай, шурави. 30 лет спустя» — исторические источники,
отразившие исторические события и конкретные факты 152

М.А. Кокорев

Воспоминания и письма воинов-интернационалистов
как исторический источник Афганской войны
(«Прощай, шурави. 30 лет спустя») 159

Ф.Р. Латыпов

Что хотели сказать авторы северо-пиценской светской надписи
на каменной стеле из Новилары? 168

<i>А.В. Мищенко</i> Визиты делегаций и взаимоотношения городов-побратимов Тольятти – Лоян в отражении интернет-ресурсов	174
<i>О.В. Мищенко</i> Цифровизация текстовых источников как способ сохранения и осмысления истории АВТОВАЗА (на примере интернет-проекта библиотеки КЦ «Автоград» «АВТОВАЗ и его время»).....	182
<i>В.А. Серкова</i> Феноменологическая интерпретация текста	189
<i>Т.А. Сироткина</i> Имена собственные в поэтических текстах Александра Кердана.....	195
<i>И.В. Цветкова, О.Е. Евченко</i> Источники информации как факторы ценностного отношения студентов к истории.....	202
<i>С.В. Яковенко</i> Фольклор Японии как исторический источник: кейс-стади <i>Доротабо</i> :.....	210
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕКСТА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	217
<i>А.В. Богомолова, Т.В. Котова</i> Контент-анализ как способ социологического измерения текста при изучении средств массовых информаций	217
<i>Т.Н. Иванова, Е.Д. Стрельцова</i> Интерактивное коммуникационное пространство цифрового общества: эмпирический опыт социологического исследования.....	222
<i>М.В. Манова</i> Оценка доверия населения к СМИ и ее источникам	229
<i>М.П. Павлова</i> Текст как средство управления и конструирования инновационной социальной реальности студентов	233
<i>А.В. Тонковидова</i> Автоматизированный текстовый анализ как метод получения маркетинговой информации.....	238
<i>И.В. Цветкова</i> Чтение художественной литературы в экзистенциальном измерении	244
ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ	252
<i>Н.А. Белова, Е.А. Кашкарева</i> Изучение приемов риторизации в курсе «Методика преподавания русского языка»	252

В.В. Волков, Н.В. Волкова

Русский характер в зеркале личных местоимений
(на материале литературы о Великой Отечественной войне) 260

Н.А. Выдрина

Выявление роли «сцеплений» в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница»
как путь освоения её нравственного содержания школьниками 267

М.Н. Запорожец

Работа с текстом на уроках русского языка и литературы
как средство формирования читательской грамотности школьников 274

И.А. Измestyева

Поэтический текст как средство освоения
орфоэпических норм русского литературного языка
в многонациональной студенческой аудитории 280

Е.В. Корпечкова

Художественный текст как материал для работы по расширению
словарного запаса на занятиях по русскому языку в высшей школе 285

Н.А. Лобачева

Web-квест на уровне текста как способ совершенствования
лингвистической компетенции школьников в обучении русскому языку 293

Е.С. Сычyва

Профессионально ориентированный текст в обучении
русскому языку как иностранному студентов технического вуза 299

Э.В. Щербакoва

Проблема изучения города как текста
в методике преподавания литературы 304

ТЕКСТ В ТРАДИЦИОННОЙ
И МУЛЬТИМЕДИЙНОЙ МЕДИАСРЕДЕ 310

Р.П. Баканов

Специфика визуализации текстов СМИ Республики Татарстан 310

Д.С. Быльева

Нелинейность текста в цифровой среде 321

В.Е. Замальдинов, В.А. Беляйков

Новообразования на базе антропонимов в русском языке
нового периода (на примере социальной сети «Telegram») 326

Л.В. Иванова

Метажанровый подход к журналистскому тексту: постановка проблемы 330

Н.Н. Немич

Современный газетный текст как эмотивно-оценочное пространство 338

<i>Чжу Пэнсяо, В.В. Хорольский</i> Может ли «безбумажное» обучение заменить «бумажное»? Китайский опыт работы с сетевыми культурологическими текстами.....	343
ТЕКСТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ.....	348
<i>Г.В. Ахметжанова, Т.А. Гудалина</i> Развитие творческой личности педагога в процессе непрерывного образования	348
<i>А.И. Дмитрива, М.С. Чистяков</i> Дуализм латыни в медицинском образовании: «мертвый язык» в сохранении жизни и здоровья	353
<i>Т.А. Мальцева</i> К вопросу о влиянии внеучебной деятельности вуза на профессионально-личностное развитие студентов	359
<i>А.В. Орлянская</i> Зарубежный опыт как ресурс совершенствования практики обучения детей безопасному поведению на дорогах.....	367
<i>Т.Ю. Плотникова, М.А. Ценёва</i> К вопросу о развитии связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня	373
<i>И.В. Руденко</i> Педагогические журналы начала XX века как источник изучения новой формы воспитания в России	379
<i>О.Н. Черноштан</i> Комплексная работа над текстом как условие гармоничного формирования языковой компетенции и навыков критического мышления обучающегося на занятиях по иностранному языку в современном вузе.....	385
ПОЭТИКА ТЕКСТА. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	392
<i>Н.В. Жыла</i> Художественный мир романа Ульриха Бехера «Сердце акулы»	392
<i>Т.В. Иоффе</i> Художественное пространство безысходности в повести Лу Синя «Завтра»	400
<i>Г.Г. Ишимбаева</i> Поэтологические особенности романа М. Кунцевич «Тристан 1946»	405
<i>Н.В. Майборода</i> Интертекст в произведениях детской литературы. Повесть Валерия Герланца «Приключения Санта Клаусенка»	408

<i>С.О. Муминов</i> Роман А. Платонова «Чевенгур» и мировоззренческое пространство русской философии	414
<i>К.А. Ожерельев</i> Маленький человек на «небесном судилище»: трансформация сюжета рассказа В.Г. Короленко «Сон Макара» в новелле И.-Л. Переца «Бонче-молчальник»	422
<i>Н.Е. Петрова</i> Доминантные грамматические формы в стихотворениях-посвящениях М. Цветаевой	431
<i>О.А. Плахова</i> Двойничество как контакт миров в авторском сказочном дискурсе (на материале произведения Н. Геймана «Коралина»)	438
<i>Е.Н. Подтележникова</i> Маркеры ирреальности в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	443
<i>Е.А. Правда</i> Предметы сравнений в тексте комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»	448
<i>Е.В. Радько</i> Мифопоэтика сборника «Легкие миры» Т. Толстой	454
<i>А.В. Самойлова</i> Категория пространства и специфика его стилистического воплощения в художественном тексте (на материале романа Д. Киза «Цветы для Элджернона»)	462
<i>Е.В. Харитонова</i> Особенности семантики, поэтики и прагматики книги Тамары Михеевой «Вертушинки»	471
<i>В.В. Хорольский</i> Коммуникология в поэтическом тексте как инструмент реконструкции замысла автора	479
<i>Г.А. Шпилевая, У.Ю. Борисова, О.А. Горбацевич</i> Фрагмент как ключ к пониманию целого: к проблеме интерпретации художественного текста (на материале повести А.С. Пушкина «Дубровский», романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», пьесы А.П. Чехова «Чайка»)	484
<i>Г.И. Шербакова</i> Образ автора в беллетристике В.П. Мещерского	490
ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	499
<i>Ю.В. Ведерникова</i> Фасилитационный метод работы с текстом в аспекте межкультурной коммуникации для обучения будущих переводчиков	499

С.М. Вопияшина

Форенизация/доместикация или переводческая ошибка? К проблеме критериев разграничения	505
--	-----

Г.Л. Денисова

Рождественские образы в немецкой политической карикатуре как поликодовом тексте	512
--	-----

О.В. Мурдускина

Тексты корпоративных пресс-релизов в аспекте перевода	520
---	-----

Д.В. Панченко

Поэтическая «кардиология» в художественной культуре Востока и Запада	526
---	-----

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ

ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР	532
------------------------------------	-----

М.В. Абрамова

Дидактические свойства и методические функции блог-технологии в процессе формирования основ межкультурной коммуникации	532
---	-----

М.А. Ананьина, М.В. Чернова

Лингвистические средства создания художественного концепта (на материале романов Ника Хорнби)	537
--	-----

Н.О. Дурмаз

Лексический состав английского научно-технического текста: некоторые рекомендации по обучению переводу	542
---	-----

А.А. Исакова

Особенности изучения экологии транспортной номинации и языковой коммуникации в техническом вузе (к вопросу об иноязычном образовании)	548
---	-----

О.С. Камышева

Музыкальная метафора в сильной позиции текста (на материале пьесы А. Уилсона “The Piano Lesson”)	559
---	-----

О.К. Кирсанова

Практические аспекты обучения английской пунктуации	564
---	-----

В.В. Коломенская, Ван Янцзэ

Изучение китайскими студентами синтаксических конструкций русского языка на материале газетных заголовков (на примере заголовков газеты «Амурская правда»)	574
--	-----

Н.Е. Петрова, И.В. Савицкая

Художественный текст в аспекте методики преподавания русского языка как иностранного	578
---	-----

Наш любимый учитель

В 2023 году исполняется 35 лет гуманитарному образованию в г. Тольятти.

Весной 1988 года был подписан указ об открытии филиала Куйбышевского (Самарского) государственного педагогического института в г. Тольятти. В 2000 году кафедра русского языка и литературы организует и проводит I Международную научную конференцию «Текст: теория и методика», на которую съезжаются ученые из России, ближнего и дальнего зарубежья, чьи интересы связаны с изучением поэтики художественного текста. В дальнейшем под руководством Галины Николаевны Тараносовой проведено шесть Международных научных конференций. В 2023 году отмечается юбилей Галины Николаевны, человека, чье имя определяет целую эпоху в развитии филологического образования в г. Тольятти. VII Международная научная конференция «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты» приурочена к 80-летию профессора Г.Н. Тараносовой.

Научный и творческий путь Галины Николаевны Тараносовой определен академическим филологическим образованием. Начало профессиональной карьеры связано с Новокузнецким государственным педагогическим институтом (1961–1965), средней школой № 19 в городе Междуреченск Кемеровской области (1965–1968). С 1974 по 1980 годы Галина Николаевна работает преподавателем, заведующим кафедрой литературы, проректором по учебной работе Кулябского государственного педагогического института. В 1977 году в г. Москве в Академии педагогических наук СССР Галина Николаевна защищает кандидатскую диссертацию на тему «Роль и место лингвистического анализа художественного текста в пропедевтическом курсе русской литературы». Затем с 1980 по 1991 годы

Галина Николаевна осуществляет преподавательскую и научную деятельность в Таджикском педагогическом институте русского языка и литературы.

Много лет отдает Галина Николаевна преподаванию русской литературы в вузах Таджикской ССР. Она возглавляет кафедру литературы в Кулябском государственном педагогическом институте, является ректором Таджикского педагогического института русского языка и литературы г. Душанбе. Галина Николаевна не только читает студентам курсы русской и зарубежной литературы, но учит постигать красоту художественного слова. В Кулябском педагогическом институте она является создателем и душой литературного клуба, на заседания которого приходят не только коллеги и студенты, но и военнослужащие расположенной неподалеку военной части.

В 1991 году Галина Николаевна переезжает в г. Тольятти и защищает в г. Москве докторскую диссертацию на тему «Анализ художественного текста в системе подготовки учителя русского языка и литературы в национальной школе», становится первой женщиной-профессором в г. Тольятти. За годы работы в ТГУ под руководством Галины Николаевны защищены кандидатские и докторские диссертации, создана научная школа по изучению специфики анализа художественного текста, опубликованы учебники и монографии по русской литературе и филологическому анализу художественного текста.

В Тольяттинском филиале Самарского государственного педагогического института Галина Николаевна работает до 2001 года, занимает должности профессора, заведующего кафедрами «Методика преподавания русского языка и литературы», «Практическая филология и журналистика», «Литература»; с 1995 по 1998 годы становится первым заместителем директора ТФСГПУ. С 2001 по 2008 годы Галина Николаевна – профессор, заведующий кафедрой литературы Тольяттинского государственного университета. С 2008 по 2021 – профессор кафедры «Русский язык, литература и лингвокриминалистика». Галина Николаевна является создателем (1996), а затем бессменным президентом Дома учёных ТГУ.

Вся педагогическая и научная жизнь Галины Николаевны озарены удивительным светом красоты и мудрости. Творческая искра зажглась еще в студенческие годы, когда звучали на поэтических вечерах в Новокузнецком педагогическом институте в ее исполнении строки древнегреческой поэтессы Сапфо: «...юность люблю, радость люблю и солнце. Жребий мой – быть в солнечный свет и в красоту влюблённой». В г. Тольятти Галина Николаевна объединяет вокруг себя студентов, пишущих стихи и прозу, создает творческое объединение начинающих поэтов и прозаиков «Зеленая лампа». Обсуждение первых литературных опытов проходит под светом настольной лампы с зеленым абажуром.

Галине Николаевне принадлежит инициатива научного осмысления литературы нашего города. В Доме ученых ТГУ осенью 2007 года со-

стоялось заседание, в котором приняли участие поэты и прозаики г.Тольятти, преподаватели разных кафедр ТГУ, сотрудники городских библиотек и ценители художественного слова; были заслушаны доклады о состоянии тольяттинской прозы, поэзии и драматургии. Заседание превратилось в оживленную и содержательную дискуссию о развитии литературы г. Тольятти. Впоследствии под научной редакцией и с авторскими разделами профессора Г.Н. Тараносовой было выпущено 2-х томное учебное пособие «Современная русская литература: читаем, полемизируем» (Издательство ТГУ, 2012), в которое вошёл анализ творчества тольяттинских прозаиков, поэтов и драматургов. Пособие переиздано московским издательством (ИНФРА-М, 2019).

В ТГУ по предложению Галины Николаевны становятся традиционными дискуссии о произведениях современных авторов, опубликованных в отечественных литературно-художественных журналах.

Под руководством Галины Николаевны начинают разрабатываться новые программы по литературе для инновационных учебных заведений города. Результатом проделанной работы явились изданные фондом «Духовное наследие» учебные пособия и хрестоматии для учителей и школьников по русскому языку, русской и зарубежной литературе, авторами которых стали вошедшие во временный научно-исследовательский коллектив преподаватели ТФСГПУ Л.И. Дергун, О.Г. Каменская, М.Г. Лелявская, Н.С. Ярыгина, Л.Р. Вдовиченко. В рамках ВНИК и Г.Н. Тараносова выполняет исследование, лёгшее в основу изданного фондом «Духовное наследие» пособия для учителей и учащихся 10–11 классов «Поэтика словесного искусства. Комплексный филологический анализ художественного текста» (1997, 257 с.).

В 2003–2016 годах Галина Николаевна является членом диссертационного совета Д 212.264.02 при Тольяттинском государственном университете, членом редколлегии научных журналов «Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева (Филологические науки)» и «Волжский вестник» Поволжского православного института.

Заслуги профессора Г.Н. Тараносовой отмечены многочисленными наградами. Это медали «Ветеран труда» (1988), медаль «За трудовую доблесть» (1986), нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования России» (1998), памятный знак, учрежденный распоряжением Губернатора Самарской области «Куйбышев – запасная столица» (2016). Ей присвоены звания «Заслуженный работник высшего профессионального образования Самарской области» (2015), «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2021).

Признание в научном сообществе получили учебные пособия «Анализ художественного текста в профессиональной подготовке филолога» (2004, 240 с.) и «Основы теории литературы» (В 2-х частях, 420 с.), получившее первое место в конкурсе «Лучшая научная книга России» (2006). Подтверждением плодотворности научных исследований в области

филологического анализа художественного текста стало и получение первого места на Третьем Приволжском межрегиональном конкурсе «Университетская книга – 2010» в номинации «Лучшее учебное пособие по филологическим наукам» и в номинации «Новые виды учебных изданий» во II Южном межрегиональном конкурсе «Университетская книга – 2013».

Под руководством Галины Николаевны студенческие и аспирантские проектные группы выполняют научные исследования по темам: «Тольятти просвещённый», «Тольятти литературный», «Поэтика русской литературы: теоретический и методический аспекты». Студенческий проект «Тольятти литературный» получает диплом и медаль за 1-ое место на Всероссийской выставке НТТМ в г. Москве «За успехи в научно-техническом творчестве». По итогам студенческого анкетирования Галина Николаевна входит в тридцать лучших преподавателей ТГУ в номинации «Студенческое признание».

В настоящий сборник VII Международной научной конференции «Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты» включены статьи учеников и последователей научной школы, основанной Г.Н. Тараносовой.

М.Г. Лелявская

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 811.161.1'04'373

УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОСЛАВЯНСКИХ СИНОНИМОВ ФОНЕТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В «ЗАДОНЩИНЕ»

О.А. Арбатская

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
г. Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема взаимодействия древнерусского и старославянского языков. В статье анализируется употребление некоторых синонимов древнерусского и старославянского происхождения на материале шести списков «Задонщины». Статья будет полезна тем, кто изучает историю древнерусского языка и русского литературного языка.

Ключевые слова: древнерусский язык, старославянский язык, полногласие, неполногласие, памятник XIV века.

История русского литературного языка как самостоятельная наука сформировалась в первой половине XX века. Объектом исследования этой науки явился русский литературный язык, который охватывает огромный период с X века до наших дней. С XVI века было положено начало изучению стилистических особенностей русского литературного языка, а начиная с XVIII века русские ученые стали уделять внимание связям русского литературного языка с другими славянскими языками, прежде всего старославянским. Огромная роль в этом принадлежит М.В. Ломоносову, который положил начало изучению вопроса о происхождении русского литературного языка.

В спорах о старом и новом слоге в начале XIX века обсуждались вопросы, которые актуальны и по сей день: происхождение русского литературного языка, отношение русского литературного языка к языку старославянскому, соотношение русизмов и старославянизмов в языке, роль старославянизмов и их стилистическая функция в тексте и т.п.

Основы будущего курса по истории русского литературного языка были заложены в трудах Н.И. Греча, Г.П. Павского, К.С. Аксакова, Ф.И. Буслая, Я.К. Грота, И.И. Срезневского, А.И. Соболевского и многих других исследователей.

В начале XX века появляются труды академика А.А. Шахматова, профессора Е.Ф. Будде, в которых значительное место занимают проблемы взаимосвязи русского литературного языка с живой народной речью, со старославянским и другими славянскими языками, а также вопросы соотношения русизмов, старославянизмов и других заимствований в русском тексте.

Теме создания и развития истории русского литературного языка в советский период посвящены работы очень многих исследователей. В частности, в работах ученых В.В. Виноградова, С.П. Обнорского, П.Я. Черных, Ф.П. Филина, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, Л.А. Булаховского, Б.А. Успенского и многих других придается немаловажное значение проблеме взаимодействия старославянского (церковнославянского) и древнерусского литературного языка, вопросу о роли и функциях старославянизмов в древнерусском и современном русском языке.

Изучение роли и функций старославянизмов в древнерусском языке велось, как правило, на материале отдельных памятников. Позже появились работы, которые рассматривали отдельные группы старославянизмов на материале памятников разных жанров. Например, работы И.С. Улуханова (полногласные и неполногласные морфемы), Т.Н. Кандауровой (полногласная и неполногласная лексика) и многих других.

Следует отметить, что более или менее систематического описания старославянизмов и их функций в памятниках русского литературного языка на всем протяжении его развития не создано, поэтому по-прежнему актуальны исследования, посвященные или отдельным группам русизмов-старославянизмов, или исследования отдельных памятников, которые способствовали бы в дальнейшем созданию такого систематического описания.

Древнерусский литературный язык – это язык дошедших до нас памятников. Древнерусская литература начала развиваться на языке высокой культуры – старославянском языке, и (что естественно) старославянский язык оказал огромное влияние на древнерусский литературный язык, так как по своей природе был к нему близок.

Древнерусский язык был гораздо разнообразнее, менее замкнут; в отличие от церковнославянского, он «не имел той неподвижной базы образцов, которой обладал язык церковнославянский» [4, с. 306)].

Как считает Н.М. Шанский, «причины появления и укрепления в русской лексике слов старославянского происхождения объясняются историей русского литературного языка, влиянием на него после появления на Руси христианства старославянского языка; а также тем, что этот язык в течение очень долгого времени имел определяющее значение для целого ряда разновидностей письменного языка древней Руси» [8, с. 16].

Наличие некоторого количества старославянизмов в «Задонщине» при ведущей роли древнерусского языка еще раз подтверждает мысль о том, что в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные, применялся язык, широко совмещавший элементы живой восточнославянской народно-поэтической речи и славянизмы [1, с. 185].

Активное взаимодействие древнерусского и церковнославянского языка в древнерусский период явилось причиной того, что многие старославянизмы оказались соотнесенными с древнерусскими вариантами. В первую очередь это относится к полногласным и неполногласным вариантам. И в современном русском языке мы встречаем синонимичные полногласные и неполногласные

варианты слов, некоторые из которых соотносятся с общепотребительной нормой современного литературного языка, а некоторые используются лишь в определенных стилях и дискурсах [6, с. 1491].

«Задонщина» – произведение народно-литературного типа словесности в жанре воинской повести. Язык памятника отражает взаимодействие двух речевых традиций – книжной и народно-поэтической. Влияние книжной культуры на язык «Задонщины» (в основе своей древнерусский) обусловило появление в памятнике небольшого числа старославянизмов, ставших предметом исследования данной статьи.

В статье описаны особенности употребления старославянизмов с фонетическими признаками в «Задонщине» – памятнике древнерусского языка XIV века. Так как в рамках отдельной статьи описать все случаи употребления полногласных-неполногласных синонимов невозможно, речь пойдет о словах с некоторыми неполногласными и полногласными корнями: *-шлем/-шелом-*, *-время/-веремя-*, *-брег/-берег-*, *-плен/полон-*.

Материалом для исследования послужили все сохранившиеся списки памятника: Кирилло-Белозерский (в дальнейшем К-Б, датируется 1470 годом), список Исторический первый (в дальнейшем И-1, конец XVI века), список Исторический второй (в дальнейшем И-2, начало XVI века), Ждановский список (в дальнейшем Ж, XVII век), список Синодальный (С, XVII в) и список Ундольского (Унд, XVII в.).

Шлем/шелом. Старославянизм *шлем* представлен только в одном списке «Задонщины» – И-1: 1) *Можеши ли, Господин князь великий, весла Непра запрудити, а Дон шлемом вычерпати?* 2) *...золочеными шлеми осветиши*. В остальных случаях встречаем полногласный вариант *шелом* (или в иной огласовке *шолом*): И-1 – 9 раз; С – 7 раз; К-Б – 3 раза; У – 8 раз, И-2 – 4 раза.

Большинство примеров с полногласным вариантом *шелом* близко по своему лексическому окружению к тексту «Слова о полку Игореве». Приведенные два примера с неполногласным вариантом *шлем* также соотносимы с текстом «Слова». Связано это с тем, что весь текст «Задонщины» соотнесен со «Словом о полку Игореве» – в «Задонщине» есть сходные с текстом «Слова» поэтические приемы, характеристики персонажей, даже повторение целых отрывков. Текстологическая близость некоторых отрывков «Задонщины» послужила причиной того, что при исследовании текста «Задонщины» часто привлекаются и материалы текста «Слова о полку Игореве».

Автор «Задонщины» явно предпочитает полногласный вариант *шелом* неполногласному. Это может быть объяснено влиянием текста «Слова», где постоянно приводится полногласный вариант. А тот факт, что в списке И-1 мы встречаем старославянизм *шлем*, скорее всего свидетельствует об особенностях индивидуального сознания переписчика XVI в.: не разграничивая русизм и старославянизм, он невольно мог употребить существительное с неполногласным корнем *-шлем-*.

В современном русском литературном языке старославянизм *шлем* встречается в двух значениях: 1) старинный металлический воинский головной убор, защищавший от ударов; 2) специальный головной убор летчиков,

танкистов, лыжников. Русизм *шелом* представлен в некоторых говорах русского языка в значениях, соотносимый с понятиями «возвышенность», «возвышенное место». В литературном языке сохранился глагол *ошеломить* (в значении *крайне удивить, внезапно озадачить*; первоначально имевший значение «ударить в бою по шелому») и производные от него слова *ошеломительный, ошеломленный*.

Время/веремья. Старославянизм *время* встречается в «Задонщине» в значении «отрезок времени, пора»: 1) *Помянем первых лет времена* (С); 2) *Тои ж бо ест(ь) сынове храбрии, родиися в ратное време* (С); 3) *В тоя ж время* (С); 4) *Помянем первых лет времена* (У); 5) *Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени* (У); 6) *Грозно и жалостно в то время бяше тогды слышати* (У); 7) *У зла тошна времени железная забрала* (У); 8) *И в то время стару надобно помолодети* (У); 9) *Помянем первых лет времена* (И-1); 10) *Те бо суть сынова храбрии, кречати в ратном времени* (И-1); 11) *Добро бы, брате в то время стару помолодится* (И-1); 12) *В то время по резанской земли ...* (И-1); 13) *Что ти еси у зла времени железная забрала* (И-1); 14) *...времена первыи...* (И-1); 15) *... в то время...* (И-1).

В этом же значении в двух списках встречается восточнославянский вариант *веремья*: 1) *То ти ест(ь) железное забороло у зло тошного веремени* (С); 2) *То еси у зла тошна веремени железна забороло* (И-2).

Существительное *веремья* по сравнению со старославянским *время* было малоупотребительным в русском литературном языке. По наблюдению А.С. Львова, «в восточнославянской речи *веремья, веремий* было известно в значении *погода*», а «написание *веремья ...* не является свидетельством того, что в восточнославянской речи XI–XII вв. это слово употреблялось в значении *пора, период*» [5, с. 8]. Поэтому объяснить использование русизма в значении *пора, период* трудно, тем более что старославянизм *время* получил широкое распространение в литературном языке еще с XI века.

Очень быстрому распространению неполногласной формы *время* не только во всех жанрах письменного языка, но и в разговорной речи, по мнению Ф.П. Филина, способствовал тот факт, что «в данном случае произошло не использование слова в неполногласной форме в целях стилистических, а заимствование слова с новым понятием» [7, с. 108]. Именно поэтому старославянизм *время* очень рано перестал восприниматься как заимствование.

Сравнивая семантику слов *время* и *веремья*, Л.В. Вяткина указывает, что в «Слове *время* выделяется большее количество значений, чем в его русском варианте» [2, с. 79]. И это закономерно: чем прочнее слово входит в язык, тем шире предполагается круг его значений.

История существительного *время* объясняет и то обстоятельство (характерное и для некоторых других старославянизмов), что в современном русском языке оно не воспринимается как заимствование. «Единая стилевая окраска характеризует сейчас многие церковнославянизмы, но не все. Например, нет ее в словах *время, главный...* и др. [3, с. 79].

В литературном языке все значения древнерусского существительного *веремья* входили в круг значений неполногласного *время*, поэтому

утрата русизма, дублировавшего старославянизм, но с меньшим объемом значений, вполне закономерна.

Брег\берег. Варианты *брег/берег* представлены в «Задонщине» в одном значении – *берег реки*: 1) *Чудно стези стояти у великого Дону на берези* (С); 2) *Иная многа дружина у Дона на березе лежит побита и постреляна* (С); 3) *...пробил еси берези хараужныя* (К-Б); 4) *Стоят стези у Дунаю великого брезе* (У); 5) *А иные лежат посечены у Дуная великого на брезе* (У); 6) *Иже лежат трупы крестьяньские у Дуная великого на брезе* (У); 7) *А иные лежат посечены у Дону на брези* (И-1); 8) *У Москвы у брега* (И-1); 9) *Стоят стязи у Дону у великого на брези* (И-1).

Как видно из примеров, одни списки представляют только полногласный восточнославянский вариант *берег* (С и К-Б), а другие списки (У и И-1) – неполногласный вариант *брег*. В списках И-2 и Ж нет примеров с существительными *брег/берег*.

Варианты *брег/берег* еще долго сосуществуют в произведениях древнерусской литературы (особенно в светских жанрах). Современный русский литературный язык усвоил древнерусский вариант *берег*. Старославянский вариант *брег* встречается в поэтической речи. Неполногласный корень *-брег-* сохранился в прилагательном *прибрежный*.

Варианты *-плен-/полон-* (*пленити/полонити*). В «Задонщине» используется в основном полногласный вариант причастия от глагола *полонити* – *полоненный*. Связано это с влиянием «Слова о полку Игореве», где мы читаем: «*Брате и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти!*». В «Задонщине»: 1) *Лучьжи ш бы нам, господине, посеченным быти, нижли полоненым быти от поганых татар* (С); 2) *Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым от поганых татарь* (У); 3) *Луче бы посечены пасты, а не полоняным быти от поганых*. Неполногласный глагол *пленити* встретился в одном (И-1) списке «Задонщины»: *... и пленил от востока и до запада*.

Поскольку в списках не представлено больше примеров с корнем *-плен-/полон-*, можно только предположить, что предпочтение отдавалось бы неполногласному варианту, исключая случаи, где налицо заимствование из «Слова о полку Игореве». Русизмы *полон*, *полонить* встречаются в современном русском языке в народно-поэтической речи, литературный же язык усвоил неполногласный вариант.

Говоря о выборе того или иного варианта в «Задонщине», необходимо помнить о наличии шести списков памятника. Это обстоятельство нередко осложняет исследования, так как разные списки могут представлять разные варианты, а восстановить первоначальное употребление практически невозможно.

В целом можно сказать, что неполногласная лексика – обычное явление в древнерусском литературном языке, многие неполногласные слова сохраняются и в современном русском языке. И без всякого сомнения можно сказать, что каждая пара «старославянизм-русизм» имеет свою неповторимую судьбу в русском литературном языке и в языке отдельного памятника.

Литература

1. Виноградов В. В. История русского литературного языка : избранные труды. Москва : Наука, 1978. 320 с.
2. Вялкина Л. В. Из истории слов-терминов времени // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование / отв. ред. В. И. Борковский. Москва, 1975. С. 69–93.
3. Итэс Е. Г. О коннотативном содержании церковнославянизмов и отражении их стилистической окраски в словаре // Историческая лексика русского языка : (сборник науч. трудов) / редкол. : А. И. Федоров (отв. ред.), Л. Г. Панин. Новосибирск, 1983. С. 78–88.
4. Лихачев Д. С. Несколько мыслей о языке литературы и литературном языке Древней Руси // Историко-филологические исследования : сборник статей к семидесятилетию академика Н. И. Конрада / отв. ред. М. Б. Храпченко. Москва, 1967. С. 302–307.
5. Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». Москва : Наука, 1975. 367 с.
6. Сицына-Кудрявцева А. Н. Приоритетный нормативный лексический вариант в паре слов-аналогов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 5. С. 1491–1496.
7. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи : (По материалам летописей) : доктор. дис. / отв. ред. Н. П. Гринкова. Ленинград, 1949. 288 с.
8. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. Москва : Учпедгиз, 1959. 246 с.

USAGE OF SOME ANCIENT RUSSIAN AND OLD CHURCH SLAVONIC PHONETIC SYNONYMS IN "ZADONSHCHINA"

O.A. Arbatskaya

National Research Nuclear University MEPhI
Moscow, Russian Federation

The article deals with the problem of interaction of the Old Russian and Old Slavonic languages. In this article the usage of some phonetic synonyms of ancient Old Russian and Old Church Slavonic origin in "Zadonshchina" is analyzed. The article would be useful for those, who studies the history of Ancient Russian language and Russian literary language.

Key words: old Russian language, old church language (old Slavonic languages), poliphony, nepolnoglasje, monument of the XIV century.

УДК 811.161.1'42+82.09-1(47)

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВ-ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ Ф.И. ТЮТЧЕВА

Н.В. Атаманова

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
г. Брянск, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением понятия лексической сочетаемости, описанием способов сочетаемости слов, особенностей синтагматической связи лексем в художественном тексте на примере слов-звукообозначений, употребляемых в поэтических контекстах Ф.И. Тютчева. Отмечено, что проблема лекси-

ческой сочетаемости является одной из актуальных в современном языкознании, ее разноаспектное изучение позволяет определить лексическую сочетаемость как особую лексико-синтаксическую категорию языка. В поэтическом тексте необычная сочетаемость слов может способствовать появлению в их семантике лексической неоднозначности, приращения смысла. Синтагматические связи слов-звукообозначений играют значимую роль в процессе создания метафорических сочетаний.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, лексема, звукообозначения, глаголы звучания, поэтический текст, Ф.И. Тютчев.

Общетеоретические аспекты сочетаемости как одного из проявлений языковой синтагматики, отраженной в трудах известных российских и зарубежных лингвистов В.В. Виноградова, В.Н. Телии, Ю.Д. Апресяна, В.В. Морковкина, Дж. Ферса и др., показывают, что сочетаемость является органическим, релевантным и постоянным свойством языковых единиц. Лингвисты отмечают, что проблемы сочетаемости лексем подробно исследованы в лексикологии. Их изучение предполагает обращение к основной единице языка – слову, а значит, в сочетаемости проявляются его лексические и грамматические характеристики. Поэтому правомерным в процессе изучения языковых возможностей сочетаемости является обращение к таким ключевым понятиям, как лексико-семантический вариант, семантическая валентность, лексическое и грамматическое значение и др.

Слово, как правило, реализует свои значения во взаимодействии с другими словами. Синтаксические связи слов зачастую определяются признаками, заключенными в семантике класса слов, имеющих одинаковую частеречную принадлежность. Каждая часть речи обладает своеобразными моделями синтаксической сочетаемости. Например, традиционными для русского языка являются модели сочетаемости существительных с глаголами, прилагательными, другими существительными. Как правило, лексическая сочетаемость предполагает соединение слов по их лексическому значению, в выборе сочетающихся слов проявляются их потенциальные семантические возможности. Всё это позволяет говорить о лексической сочетаемости как об особой лексико-синтаксической категории языка [6, с. 72].

В современной лингвистике лексическая сочетаемость как категория языка остается одним из актуальных понятий, исследуется в разных направлениях и аспектах: на материале художественных текстов [4] и больших корпусов текстов [9], словарей [6; 1], на примере отдельных тематических групп и лексико-семантических полей [4], с точки зрения когнитивного подхода [10] и с использованием статистического метода [8], что позволяет говорить о большом научном заделе и возможной перспективе дальнейшего изучения проблемы сочетаемости в лингвистической науке.

В современном языкознании сочетаемость определяется как «конкретная реализация данной способности слова, которая обнаруживает себя в дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала» [10, с. 12]. В качестве конкрет-

ного иллюстративного материала могут привлекаться художественные тексты, так как в них под пером художника слова, поэта или писателя, лексическая сочетаемость может приобретать ограниченный характер или необычный смысл.

Целью данного исследования является анализ сочетаемостных возможностей слов-звукообозначений в поэтических контекстах Ф.И. Тютчева. В задачи исследования входит описание способов лексической сочетаемости слов, определение сочетаемостных возможностей, изучение метафорических сдвигов в семантике лексем ввиду необычной сочетаемости и приращения смысла в тютчевских стихотворениях.

По мнению лингвистов, лексическая сочетаемость звукообозначений в художественном тексте имеет тенденцию к расширению своих границ. Это связано, во-первых, с тем, что писатель или поэт стремится к точности соответствия слова и речевой ситуации, во-вторых, необычные метафорические и метонимические сочетания слов способствуют художественному воспроизведению действительности [4, с. 116].

Анализ синтагматических связей слов-звукообозначений в поэтических контекстах Ф.И. Тютчева показал, что наиболее частотной в плане сочетаемости является модель «существительное + глагол». Позицию субъекта здесь занимают имена, называющие различные источники звука: «неживая природа (растения: *шуршат листья, шумят верхи, вершины ропщут, деревья поют* и др.; музыкальные инструменты: *звучит рожок, свирель поет, барабаны заливались*; механизмы, постройки: *мосты гремят, пушки гремят, колеса пели*; металлические предметы: *звон затрепетал в струне, ось трещит, колокол сливает голос*; названия жидкостей и их потоков: *воды шумят и гласят; поток поет, ревет; волны поют, шумят, звучат; река пела, шумит*, а также названия движущихся слоев воздуха: *буря баюкает, поет, скрыпит и свищет; ветер свистит; гром грохочет, рассыпался с треском* и др.); животный мир (животные: *лев заревел, зарычал, волк завыл, пес лает, леопард рычит*; птицы: *птица стонет, соловей поет, ласточка щебечет, жаворонки подняли трезвон, ворон каркнул* и др.); человек: *кричит, поет, откликается*» [2, с. 70].

Многие из глаголов получают широкую сочетаемость, как прямую, так и метафорическую, например, «глагол *кричать* может употребляться с наименованиями людей (*они*) и птиц (*петух, ворон*), глагол *петь* – со словами-наименованиями людей (*мы, ахее, певец, дети*), природных реалий (*валы, потоки, река, деревья*), птиц (*птичка, соловей*), предметов (*свирель, колеса*)» [2, с. 71]. Ряд глаголов, сочетаясь с субъектами действия – животными или птицами, употребляется в прямых значениях (*каркнуть, щебечать, лаять* и др.). «Следует отметить, что глаголы собственно звучания, как показывают контексты, редко функционируют для обозначения звуков, издаваемых человеком, в то время как звуки природных объектов могут обозначаться глаголами звучания и в метафорических употреблении глаго-

лами речи. Здесь, вероятно, проявляется характерная для лирики Ф.И. Тютчева тенденция к одухотворению природы, представлению ее как живого организма: героем стихов чаще становится природа, нежели человек в его месте и взаимоотношениях в обществе» [2, с. 71].

Глаголы звучания в поэтическом тексте, как и в языке, могут употребляться с зависимыми словами, а именно с наречиями или существительными в формах косвенных падежей. В качестве обстоятельственных распространителей, как показали поэтические контексты Ф.И. Тютчева, могут выступать лексемы, характеризующие звучание с разных сторон, а именно посредством обозначения физических свойств звука (*пели, громко славя богов* <179> [7]; *фонтаны плещут тиховойейно* <245>; *звучнее пела река* <122>), с точки зрения эмоционально-оценочной стороны и восприятия звука (*воплъ раздался, отчаян и дик* <114>; *шум пронзителен и дик* <106>; *знамена весело шумели* <205>; *сладки песни пастухов* <6>; *слышнее стали звуки* <335>), с указанием локальных и временных звуковых характеристик (*свирель поет издалика* <57>; *несутся свыше звуки лир* <6>; *колокольный звон тихо веет над долиной* <30>).

В качестве зависимого компонента при глаголе звучания может выступать имя существительное в форме косвенного падежа, обозначающее предмет, с помощью которого производится действие-звук, или указывающее на место воспроизведения звука: *бить в бубны* <22>; *ударить в колокол* <156>; *грянуть в струны* <59>; *песнь по роце раздалася...* <55>; *весной из облаков песнь жавронка звенит* <88>. «В языке глаголы звучания с семой «источник звука – неживая природа» могут регулярно употребляться при субъекте, обозначающем одушевленное лицо. При этом зависимое от глагола существительное употреблено в форме творительного падежа (*гости звенят бокалами, шелестят страницами*). В поэтическом идиолекте Ф.И. Тютчева случаи такого употребления единичны: *голос из-под земли ответствует стенаньем* <67>» [2, с. 72].

Глагольные лексемы, сочетаясь с существительными-звукообозначениями, могут репрезентировать звук в целостности, указывать на возникновение, распространение, прекращение и восприятие звука (*крики рождались, звук прекратился, голос слышался*). Как и в языке, глаголы, указывающие на всевозможные характеристики существования звука, обычно непереходные (*звуки доносились, благовест разнесся, гул гремит*). Для передачи воздействия звука на слушающих используются переходные глаголы (*звук манит меня* <87>; *ветр принес звук любви* <116>; *крик смутил воздушное молчанье* <67>).

Сочетаемостные возможности имен существительных в поэтических контекстах Ф.И. Тютчева расширяются за счет способа согласования. Так, продуктивное употребление существительных с именами прилагательными или адъективированными причастиями, имеющими в структуре значения сему «характер звука», акцентируют в дефиниции сочетания физические характеристики звука: интенсивность (*дикий вопль* <67>, *дикий заунывный*

шум <158>, стозвучный гул <77>, легкий звон арфы <26>, тихий шепот ключа <93>), долготу (протяжный благовест <10>), высоту (звучный голос <254>, колокольный звон <30>).

Согласование существительных с прилагательными или адъективированными причастиями с «незвучковым» значением частотны в поэтическом языке Ф.И. Тютчева, например, *потрясающие звуки* <26>, *неистовые звуки* <94>, *отчаянные крики* <322>, *непостижимый гул* <105> и др. В таком случае прилагательные, указывающие на отношение к чувству, настроению или выражающие состояние, чувство того, кто производит данный звук, передают эмоциональное восприятие звука и одновременно дают оценку звучанию. В целом тютчевские поэтические контексты фиксируют нечастые случаи наличия в семантике имен прилагательных положительной или отрицательной оценки качества звучания или его восприятия (*страшный голос* <67>, *волшебные звуки* <350>, *звуки жизни благодатной* <50>).

Кроме того, в синтагматике слов-звукообозначений проявляется характерное для поэтической системы Ф.И. Тютчева явление лексической неоднозначности. Например, в сочетании *потрясающие звуки* прилагательное-причастие *потрясающие* реализует одновременно два значения – «звуки, воспринимаемые слухом» (причастие от глагола *потрясать*) и «звуки, производящие очень сильное впечатление» (прилагательное) [5, с. 83]. «В сочетании *звучные листья* <30> адъективат *звучный*, т.е. издающий громкие звуки, приобретает контекстуальные признаки «шуршащий» (тихий), а в сочетаниях *звучно-ясный голос* <107> («отчетливо-слышимый, хорошо воспринимаемый звук»), *звучащие веселием лучи* <69> («яркие, сияющие, дающие сильный свет»), *гремящая тьма* <74> («слышимые сквозь сон громкие, сильные звуки») наблюдаем возникновение нового синкретичного метафорического значения» [3, с. 7–8].

Сочетаемостьная модель «существительное + прилагательное», в которой посредством адъективата передается источник звучания (*птичий гам*, *орлиный крик*, *детский вопль*, *младенческий крик*), нерегулярна для поэтических контекстов Ф.И. Тютчева. Эквивалентом подобных отношений гораздо чаще выступают сочетания, в которых существительное в форме родительного падежа обозначает источник звука: *звук цепей* <8>, *пенье вод* <52>, *гул молвы* <167>, *щебетанье ласточки* <342>, *глас жаворонка* <88>, *крик пернатых* <37>, *свист полозьев* <342> и др.

Узуальная лексическая сочетаемость слов-звукообозначений имеет тенденцию к расширению своих границ. Как видим, особенно ярко проявляются сочетаемостьные особенности единиц звучания в поэтической речи. Проведенное исследование показывает, что слова-звукообозначения являются активным звеном в создании метафорических сочетаний. Представляется, что изучение особенностей сочетаемости лексем в контексте творчества поэта позволит создать полное впечатление о системности поэтического словаря автора, описать синтагматические связи слов в лексикографическом аспекте.

Литература

1. Архипова Н. Г. Сочетаемость слова в лексикографическом описании : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2000. 231 с.
2. Атаманова Н. В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук. Брянск, 2006. 226 с.
3. Атаманова Н. В. Способы создания семантической сложности слова в поэтическом тексте (на примере поэтических контекстов Ф. И. Тютчева) // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин : материалы I Междунар. заочной науч.-практ. конф. молодых исследователей / отв. ред. О. В. Редькина. Киров, 2015. С. 6–9.
4. Глушич О. Д. Лексическая сочетаемость существительных-звукообозначений в русском языке // Русское языкознание. Киев, 1989. Вып. 18. С. 111–117.
5. Голованевский А. Л. Лексическая неоднозначность в языке поэзии Ф. И. Тютчева // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 82–88.
6. Задорожнева Е. В. Категория сочетаемости в лингвистической науке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 70–74.
7. Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / ред. В. С. Киселев. Ленинград : Советский писатель, 1987. 446, [1] с. (Цитаты из стихотворений Ф.И. Тютчева приводятся по данному сборнику. Номер стихотворения указывается в косых скобках). Комментарии в скобках даны автором.
8. Хохлова М. В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов (на базе корпусов текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 26 с.
9. Хохлова М. В. Атрибутивные коллокации в золотом стандарте сочетаемости русского языка и их представление в словарях и корпусах текстов // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 33–68.
10. Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное») : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2006. 40 с.

LEXICAL COMPATIBILITY OF WORDS-SOUND MEANINGS IN THE POETIC DICTIONARY OF F.I. TYUTCHEV

N.V. Atamanova

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education
«Bryansk State Academician I.G. Petrovski University»
Bryansk, Russian Federation

The article deals with issues related to the definition of the concept of lexical compatibility, description of the ways of word compatibility, the features of the syntagmatic connection of lexemes in a literary text on the example of words-sound meanings used in the poetic contexts of F.I. Tyutchev. It is noted that the problem of lexical compatibility is one of the most relevant in modern linguistics, its diverse study makes us to define lexical compatibility as a special lexical-syntactic category of language. In a poetic text an unusual combination of words can contribute to the appearance of lexical ambiguity in their semantics, an increment of meaning. Syntagmatic connections of words-sound meanings play a significant role in the process of creating metaphorical combinations.

Key words: lexical compatibility, lexeme, sound meanings, sound verbs, poetic text, Tyutchev.

УДК 81'35:659.131.25

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ СЛОГАНОВ К ФИЛЬМАМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЛОГАНОВ)

Ф.У. Галиханова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

В статье рассматриваются различные способы графического оформления слоганов к русско- и англоязычным фильмам. Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной степенью изученности графического оформления слоганов к фильмам, в частности. Графические средства слоганов играют немаловажную роль в привлечении внимания зрителя к киноафише, в чём прослеживается их прагматическая направленность.

Ключевые слова: слоган, параграфемика, метаграфемные средства, супраграфемика, топографемика, модификация, синграфемика.

В силу образной и стилистической насыщенности рекламных текстов возрастает интерес не только к интралингвистическим средствам её достижения, но и к паралингвистическим. Изучению вопроса функционирования паралингвистических средств посвящены работы таких исследователей, как Л.П. Амири, Е.О. Филинковой, Е.О. Захаровой, Ю.К. Пироговой и др.

В данном свете представляют интерес слоганы фильмов, как элемент рекламного текста. Эффектность слогана достигается посредством комплексного взаимодействия лингвистических и паралингвистических средств. В контексте паралингвистических средств в данном исследовании будут рассмотрены графические паралингвистические средства, встречающиеся в слоганах к фильмам.

Термин «паралингвистика» подразумевает раздел науки, занимающийся изучением невербальных средств, применяемых в передаче информации вместо вербальных или одновременно с ними, в том числе и сами данные средства. Они носят неоднородный характер, среди них выделяются три группы средств: фонационные, кинетические, графические [4, с. 293–294]. В рамках нашего исследования интерес представляют графические паралингвистические средства. К ним относятся дополнительные способы передачи информации на письме: шрифтовые вариации, пробелы, схемы, рисунки и др. [4, с. 293–294].

В свою очередь, графические искажения могут рассматриваться и как приёмы языковой игры в рекламе [6, с. 173], или в качестве графического каламбура [5, с. 62], [7, с. 61]. В работах современных исследователей вспомогательные графические средства рассматриваются с точки зрения параграфемики или метаграфемики. «Параграфемика» в словаре лингвистических терминов со ссылкой на дефиницию Л.Н. Шубиной трактуется с точки зрения вторичных по отношению к языку невербальных средств, которые сопровождают письменную речь и способствуют восприятию текста читателем [2, с. 251]. Исследователи подразделяют параграфемные средства на:

синграфемику (пунктуационные вариации), супраграфемику (шрифтовые вариации) и топографемику (плоскостное варьирование) [3, с. 131].

Цель данной статьи – рассмотреть и систематизировать основные способы графического оформления слоганов к русско- и англоязычным полнометражным фильмам. Материалом нашего исследования послужили слоганы полнометражных фильмов на русском и английском языках, вышедшие в прокат с 2010 по 2023 гг.

Элементы синграфемки. Среди случаев синграфемки в русскоязычных афишах наиболее распространено опущение пунктуационных знаков в слоганах (66%) (рис. 4). В данном случае речь идёт о полном опущении знака препинания в конце слогана. Пример, представленный на рисунке 1, лаконичный, не осложнённый никакими дополнительными элементами.

Рис. 1 Афиша к/ф «Графомафия»

Рис. 2 Афиша к/ф “Snowmen”

Данный приём характерен и для англоязычных слоганов (71%). Опущение точки в конце слогана придаёт ему независимый характер, ввиду его оформления, как правило, прописными буквами, что делает его весьма заметным. Пример представлен на рис. 2.

В единичных случаях в русско- и англоязычных слоганах из пунктуационных вариаций можно встретить утроение восклицательного знака и комбинацию вопросительного и восклицательного знаков. Данный способ пунктуационного варьирования привлекает внимание аудитории, демонстрирует эмоциональную насыщенность слогана. Например, в слогане русскоязычного фильма «30 свиданий» *ПАРНЕЙ МНОГО НЕ БЫВАЕТ?!!* Наблюдаем удвоение восклицательного знака, что демонстрирует эмоциональную насыщенность слогана. В слогане англоязычного фильма “Bachelor night” *WHAT HAPPENED IN VEGAS!?!* наблюдаем нестандартную комбинацию вопросительного и восклицательного знаков. Таким образом, обыгрывается и эмоциональная, и смысловая составляющая слогана.

В ряде случаев в русскоязычных примерах встречаются слоганы или их компоненты, оформленные в кавычки (5%), что создаёт впечатление ци-

тирования (рис. 3). Присутствие данного приёма прослеживается и среди англоязычных киноафиш (рис. 4) (6%). Данный приём приближает слоган к живой речи, подчёркивая принадлежность фразы конкретному лицу, можно сказать, придаёт некоторый эффект инородности.

Рис. 3 Афиша к/ф «Влюбить и обезвредить»

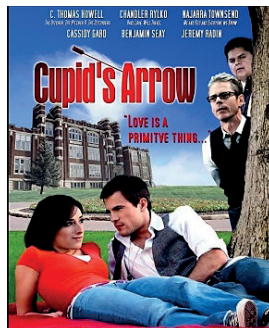

Рис. 4 Афиша к/ф «Cupid's Arrow»

Элементы супраграфемики. Следует отметить, что шрифтовое решение в кинослоганах достаточно разнообразное. Самым распространённым видом является написание прописными буквами целого слогана или его компонента рис. 5–6. В слоганах русскоязычных фильмов в 60% случаев встречается оформление прописными буквами. В англоязычных афишах частотность данного вида написания – 51% случаев. Как отмечает Л.П. Амири, графические приёмы способствуют увеличению ёмкости рекламного текста [1, с. 87], а в нашем случае – кинослоганов.

Рис. 5 Афиша к/ф «Елки лохматые»

Рис. 6 Афиша к/ф «Life happens»

Цветовое выделение целого слогана, его компонента или буквы в нём (13%). Например, в слогане русскоязычного фильма «Частное пионерское» (рис. 7) один из компонентов слогана в сочетании с курсивным шрифтом выделен красным цветом, что по стилю оформления ярко и гармонирует с названием фильма и датой его выхода. Подобное цветовое созвучие можно проследить и в англоязычных примерах (15%) (рис. 8). Например, выделенное желтым слово *ideas* ассоциируется с лампочкой, которую держит в руке герой фильма и названием, в котором присутствует слово *invention*.

Рис. 7 Афиша к/ф «Частное пионерское»

Рис. 8 Афиша к/ф «FATHER of INVENTION»

Следующей шрифтовой особенностью, характерной для кинослоганов на обоих языках (рис. 9–10), является курсив. Однако широкой распространённости данный приём не представляет.

Рис. 9 Афиша к/ф «Бегущая к мечте»

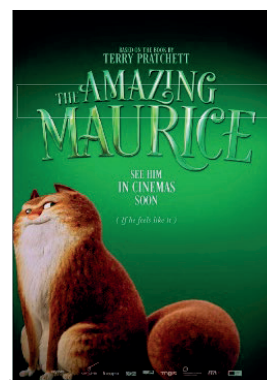

Рис. 10 Афиша м/ф «The Amazing Maurice»

Специфичным приёмом также выступает модификация или стилизация под старинный шрифт. В написании русскоязычных слоганов можно

встретить стилизацию под старорусскую кириллицу, а в англоязычных – под староанглийский. Например, среди русскоязычных киноафиш данный приём прослеживается в слоганах к фильмам «Ёлки 1914» (рис. 11) и «Холоп» (рис. 12).

Рис. 11 Афиша к/ф «Ёлки 1914»

Рис. 12 Афиша к/ф «Холоп»

Как отмечает Е.О. Филинкова, данная модификация имеет не только выразительный потенциал, но добавляет новые смысловые оценки [8, с. 265]. Как видно на рисунке 11, дореформенный элемент *ер* (ѣ) фигурирует в слогане дважды. Таким образом подчёркивается и страна происхождения фильма, и связь слогана с названием, в котором отмечен 1914 год. На рисунке 12 также видим слоган, графически стилизованный под старорусский стиль, что перекликается с названием фильма.

Ю.К. Пирогова, говоря о нарушениях графического образа слова, отмечает, что элементы старой орфографии порождают коннотации, связанные с солидными традициями дореволюционного бизнеса [6, с. 174].

Модификация под староанглийский шрифт была замечена и на примере единичных случаев среди афиш к англоязычным фильмам. Например, слоган фильма “The Night Before” – *Bringing joy to the world*, наряду с названием оформлен в староанглийском стиле.

В изучаемом нами материале встречаются также случаи имитации написания вручную. Яркий пример представлен на рисунке 13 в виде подписи под сердцем, в котором написано название. Здесь видим сочетание нескольких решений, и наличие кавычек, и необычное расположение. В русскоязычных афишах встречаемость данного приёма составляет 24%. По мнению Е.О. Филинковой, в смысловом аспекте подобного рода написание «приближает» слоган к его предполагаемому автору [8, с. 266]. Имитация актуальна и для англоязычных слоганов. Частота встречаемости – 10%. Здесь также можем наблюдать интересные вариации. Например, в представленной на рисунке 14 афише, видим слоган, написанный мелом от руки на хлопuche.

Рис. 13 Афиша к/ф «Из Уфы с любовью!»

Рис. 14 Афиша к/ф «Walk of fame»

Среди шрифтовых вариаций, присутствующих в кинослоганах, встречается и написание строчными буквами (рис. 15 и 16). Отметим, что данный вариант написания не самый распространённый в кинослоганах. На наш взгляд, подобное графическое решение снижает привлекательность слогана. На рисунках 15 и 16 видно, что слоган в основном выделен цветом, но практически не заметен.

Рис. 15 Афиша
к/ф «Новогодний переполох»

Рис. 16 Афиша к/ф «Love wedding marriage»

Топографема. В кинослоганах активно используется и топографема – вариация расположения на киноафише. Слоган может располагаться в 2 и более строчек, иметь диагональное направление, быть написанным по форме предмета, изображенного на афише, буквы могут быть прыгающими, разной величины, взаимодействовать с названием фильма или персонажем. В русскоязычных афишах подобный приём можно наблюдать в 55% слу-

чаев. Например, слоган русскоязычного фильма «Дабл трабл» представлен словами, вырезанными из газет (рис. 17). Каждое слово при этом разного шрифта, цвета, стиля. Расположение также представлено в ступенчатом виде. Слоган взаимодействует с названием и персонажем. В свою очередь, англоязычный пример на рисунке 18 представляет неравномерное расположение слогана, что удачно смотрится на афише детского фильма. В англоязычных афишах применение вариации расположения было зафиксировано в 65% случаев. Печатный текст на киноафишах в основном статичен, но использование элементов топографемики помогает усилить его динамику.

Рис. 17 Афиша к/ф «ДАБЛ ТРАБЛ»

Рис. 18 Афиша к/ф «Home Sweet Home Alone»

Подытоживая сказанное о графическом оформлении кинослоганов, необходимо подчеркнуть разнообразие их оформления. С одной стороны, это может быть объяснено с точки зрения непрекращающейся модернизации компьютерной печати и дизайнерских программ. С другой стороны, неизменной целью рекламы привлечь внимание потенциального зрителя. Исходя из полученных результатов, в афишах на обоих языках наибольшая распространённость наблюдается в написании слоганов прописными буквами, а также в использовании топографемики. На наш взгляд вопросы графического оформления слоганов к фильмам не потеряют своей актуальности, поскольку они наряду с языковыми стилистическими средствами вносят вклад в усовершенствование коммуникативной стратегии слогана.

Дальнейшие перспективы исследования видятся нами в изучении цветового оформления шрифта и изучения особенностей его восприятия аудиторией.

Литература

1. Амири Л. П. Шрифтовыведение как один из приемов языковой игры в рекламе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S14. С. 84–87.

2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 485 с.
3. Захарова Е. О. Особенности пунктуационно-графического взаимодействия в рекламе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 7. С. 130–137.
4. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 562, [1] с.
5. Морозова И. Г. Слагая слоганы : монография. Москва : РИП-холдинг, 1998. 172 с.
6. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю. К. Пирогова, П. Б. Паршин, А. Н. Баранов [и др.]. Москва : Международный институт рекламы, 2000. 270 с.
7. Романова Т. П. Современная слоганистика : учеб. пособие. Самара : Универс групп, 2011. 121 с.
8. Филинкова Е. О. Особенности графического оформления рекламных текстов // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 3. С. 264–268.

PRAGMATIC ASPECT OF THE GRAPHIC MEANS USE IN MOVIE SLOGANS (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH MOVIE SLOGANS)

F.U. Galikhanova

Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

The article studies various ways of the graphic means use in Russian and English movie slogans. The relevance of the article is explained by the lack of studies devoted to the use of graphic means in movie slogans, in particular. Graphic means play an important role in attracting the viewer's attention, which is also marked by its pragmatic orientation.

Key words: slogan, paragraphemics, metagraphemic means, supraphraphics, topographemics, syngraphemics.

УДК 811.161.1'374

ТЕКСТ ОРФОЭПИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ: КОРРЕЛЯЦИЯ КОДИФИЦИРОВАННЫХ НОРМ И РЕАЛЬНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

А.Е. Журавлёва

Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена теме соотношения реального произношения носителей современного русского литературного языка и норм, зафиксированных в орфоэпических словарях. Обозначаются проблемы, возникающие при составлении текста словаря, которые могут быть связаны с составлением словника, разработкой системы словарных помет, принятием кодификационного решения. Каждая из обозначенных проблем рассматривается во взаимосвязи с реальной произносительной практикой носителей языка, предлагаются пути преодоления возникающих несоответствий.

Ключевые слова: орфоэпический словарь, современный русский литературный язык, кодификация, орфоэпическая норма, словарная помета.

Орфоэпические нормы, особенно лежащие в области акцентологии, всегда находятся не только под пристальным вниманием ученых-лингвистов, но и носителей языка. В языке, как в любой «живой» системе, происходят изменения, которые должны, по возможности, своевременно фиксироваться специалистами и отражаться в текстах словарей. С одной стороны, процесс составления словаря очень трудоёмок, занимает немалое количество времени, из-за чего зачастую кодификаторы не успевают за реальной динамикой произносительной нормы, с другой стороны, все еще существует мнение о сугубо предписывающей роли словаря, согласно которой составители должны опираться исключительно на существующие традиции, решительно отрицая происходящие в языке объективные изменения: «Серьезный разрыв между словарными рекомендациями и узуальными нормами постановки ударения в звучащей речи образованных людей обусловлен не только и не столько изменениями, происходящими в языке, сколько устаревшим подходом к кодификации акцентологических норм» [6, с. 125].

Какими же критериями должны руководствоваться составители текстов современных орфоэпических словарей? Об этом неоднократно писала известный лингвист, автор орфоэпических словарей М.Л. Каленчук. Рассматривая четыре основных критерия, которые принято считать основополагающими при решении о нормативном статусе варианта произношения (соответствие внутреннему языковому закону или тенденции, соответствие культурно-исторической традиции, распространённость варианта, общественное одобрение) М.Л. Каленчук отмечает, что в современной лексикографической практике только два основания – соответствие внутреннему языковому закону или тенденции и распространённость варианта – следует принимать во внимание при принятии кодификационных решений [4, р. 285]. Однако проблемы, связанные с несоответствием реальной картины словоупотребления и норм, отражённых в текстах орфоэпических словарей, возникают не только на этапе принятия кодификационного решения. Ниже рассмотрим проблемы, возникающие на трёх разных этапах составления словаря, а именно: составление словника, разработка системы помет, принятие кодификационного решения.

Уже на этапе составления словника необходимо действовать системно и представлять себе аудиторию читателей будущего словаря. Во-первых, в орфоэпические словари и словари ударений должны включаться только слова, имеющие произносительные варианты, во-вторых, должно быть детально продумано, какие словоформы из парадигмы будут раскрыты в каждой словарной статье и, в-третьих, словник должен соответствовать специфике будущего словаря. Мы уже отмечали ранее, что эти аспекты, к сожалению, учитываются далеко не всегда [9, с. 263]. Так, например, в школьном словаре ударений И.С. Иванова [11] содержатся слова, едва ли имеющие акцентологические варианты (*абажур*, *абсорбент*) а также слова, имеющие узко ограниченную сферу употребления (*абразия*, *абсанс*), что для школь-

ного словаря представляется излишним. Иногда наблюдается обратная ситуация: в словаре отсутствуют слова, имеющие орфоэпические варианты. Так, например, в Большом орфоэпическом словаре русского языка [БОС] отсутствуют слова *арксинус*, *оргсвязь*, *активистка*, в которых существует проблема произношения группы согласных на стыке, причём последние два не относятся к специальным терминам, а являются общеупотребительными. Кроме того, в словари для работников СМИ [10] в отличие, например, от академических орфоэпических словарей при составлении словника включаются часто употребляемые в общественно-политической сфере имена собственные, а все нормы, отраженные в школьных словарях [1; 8], должны строго соответствовать материалам государственной итоговой аттестации.

Разработка системы словарных помет – один из важнейших и очень сложных этапов при составлении словаря. Именно этот этап наиболее тесно связан ориентацией на аудиторию будущего словаря. Так, в предписывающих словарях, к каким относятся словари для работников СМИ [10] и школьные орфоэпические словари [8], система помет должна быть предельно краткой, ясной для читателя и однозначной, чтобы человек, обратившийся к словарю, смог оперативно выбрать необходимый вариант и применить его в практике речи. Совершенно иной системы помет требуют академические словари, которые, в первую очередь, имеют не прикладное, а научное значение, отражают динамику языковой нормы и фиксируют изменения, происходящие в языке. Такая система помет, например, разработана и применена в вышеупомянутом Большом орфоэпическом словаре русского языка, в котором предпринята попытка не только зафиксировать существующие произносительные варианты, но и обозначить их взаимосвязь с факторами, влияющими на выбор того или иного произношения. Например, такой социолингвистический фактор как возраст говорящего отражён в пометах *допустимо старшее*, *допустимо младшее*, а ситуация общения – в помете *в беглой речи возможно*. Современные исследования показывают, что на выбор того или иного орфоэпического варианта может влиять множество факторов, и отражение их в словаре с помощью системы помет – очень сложная задача. Так, при изучении произношения групп согласных на стыке выяснилось, что в каждом конкретном случае на выбор того или иного орфоэпического варианта (с упрощением группы согласным или без него) могут влиять разные факторы, что существенно осложняет кодификацию данной орфоэпической нормы: «норма в области произношения групп согласных является очень разнородной, претерпевающей изменения, и в каждом конкретном случае может зависеть от разных факторов», ее кодификация «требует не только пересмотра рекомендуемого произношения некоторых слов, но и разработки развернутой и сложной системы помет» [3].

Еще одной проблемой, связанной с системой помет, является неумение (или нежелание) читателя разобраться в ней. Из-за этого зачастую со-

ставителей словарей начинают обвинять в «разрушении русского языка», хотя вариант, вызывающий общественное неодобрение, дается не в качестве основного, а, например, с пометой «*допустимо младшее*», «*допустимо старшее*» или «*устаревшее*» и включается в текст словаря на основании полученных экспериментальных данных и соответствии развитию языковых законов. Когда в ноябре 2012 года вышло первое издание Большого орфоэпического словаря русского языка [БОС] в СМИ неоднократно стали возникать сообщения о том, что учёные Российской академии наук предлагают в качестве «правильного» варианты *вклЮчит*, *дОговор*, *рАкушка*, хотя первые два слова сопровождаются в словаре пометой «*допустимо младшее*», а третье – пометой «*допустимо*». Подобные суждения возникают еще и из-за узкого понимания роли словаря как некоего свода однозначных правил а не научного издания, охватывающего широкий спектр процессов, происходящих в языке.

За принятием кодификационного решения всегда кроется большая подготовительная работа. Не только по изучению тех или иных языковых тенденций и предшествующего лексикографического опыта, но и непосредственно экспериментальная. Причем уже на этапе подготовки к эксперименту необходимо учитывать влияние целого комплекса факторов, могущих оказывать влияние на выбор того или иного произносительного варианта. Так, например, при составлении текстов для респондентов (которыми являются строго носители русского литературного языка – люди, проживающие на территории Московского региона в 2–3 поколениях, с высшим образованием) слова, имеющие произносительные варианты, могут включаться в разные контексты в зависимости от лексического значения, просодической позиции и т.п. Респонденты, как правило, распределяются на несколько возрастных групп с целью проследить динамику языковой нормы. Благодаря такому подходу удастся зафиксировать процессы, происходящие в орфоэпической системе русского языка. В качестве примера можно привести изменение места ударения в глагольных формах прошедшего времени в среднем роде: абсолютное большинство носителей русского литературного языка (в младшей возрастной группе до 100% случаев) произносят формы типа *гналО*, *взялО*, *ждалО* с ударением на окончании, хотя нормативным считается вариант с ударением на основе. Соответственно, при составлении новых орфоэпических и акцентологических словарей данную норму уже можно фиксировать как *допустимо младшее* произношение. Таким образом, предпринимается попытка отразить в тексте будущего словаря реальную картину произношения, существующую на данный момент среди носителей русского литературного языка, а не некий вымышленный или глубоко устаревший вариант.

Руководствуясь вышеописанными принципами, в настоящее время отделом фонетики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН ве-

дется работа по созданию фундаментального словаря ударений, в котором будут отражены современные акцентологические тенденции и учтены многие важные моменты, позволяющие наиболее полно и объективно кодифицировать нормы в области ударения [5]. В некотором смысле создание академического словаря ударений не менее сложная задача по сравнению с созданием Большого орфоэпического словаря, поскольку именно нормы в области акцентологии легко улавливаются носителями языка и вызывают большой общественный интерес, споры и обсуждения.

Таким образом, составляя тексты современных орфоэпических словарей, учёные-лингвисты стремятся отразить реальную картину произношения носителей современного русского литературного языка, опираясь на следование языковым законам и тенденциям, хотя эта задача является чрезвычайно сложной и многоаспектной.

Литература

1. Байкова Т. А. Словарь ударений : Как правильно произносить слова? : 1–4 классы : более 700 словарных статей, цитаты из любимых детских стихов, ассоциативные рисунки, обучающие и игровые задания. Москва : АСТ-Пресс, 2014. 221, [1] с.
2. Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка : литературное произношение и ударение начала XXI века : норма и ее варианты / под ред. Л. Л. Касаткина. Москва : АСТ-Пресс, 2012. 1000, [1] с.
3. Журавлёва А. Е. Особенности произношения групп согласных в русском литературном языке: норма и узус (на примере сочетаний -стк-, -стн-, -стс-) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 4.
4. Каленчук М. Л. Нормы произношения в живой речи и словаре: стратегия преодоления различий // 45th International Philological Conference (IPC 2016) : Proceedings / Eds: S. Monakhov [et al.], Dordrecht [et al.], 2016. P. 282–285. (Advances in Social Science, Education and Humanities Research ; vol. 122).
5. Каленчук М. Л., Савинов Д. М. О создании нового академического акцентологического словаря русского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 4.
6. Норма произношения в узусе и кодификации / М. Л. Каленчук, О. В. Антонова, Д. М. Савинов [и др.] ; отв. ред.: М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2021. 247 с.
7. Новый орфоэпический словарь разрешил говорить «вКЛЮчит» // Аргументы и факты. URL: aif.ru/society/education/novyy_orfoepicheskiy_slovar_razreshil_govorit_vklyuchit?ysclid=le5stoslm2112177355 (дата обращения: 15.03.2023).
8. Скачедубова Е. С. Орфоэпический словарь русского языка : 9–11 классы : более 8000 слов, особенности произношения и ударения. Москва : АСТ-Пресс, 2016. 344, [3] с.
9. Сомова А. Е. Проблемы составления школьного словаря ударений // Школа будущего. 2020. № 2. С. 262–265.
10. Штудинер М. А. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ : ударение, произношение, грамматические формы. Москва : АСТ-Пресс, 2017. 592 с.
11. Школьный словарь ударений / сост. И. С. Иванов. Москва : Центрполиграф, 2010. 350 с.

TEXT OF ORTHOEPIC DICTIONARIES: CORRELATION OF CODIFIED NORMS
AND REAL PRONUNCIATION OF NATIVE SPEAKERS
OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

A.E. Zhuravleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the topic of the correlation of the real pronunciation of the speakers of the modern Russian literary language and the norms recorded in the orthoepic dictionaries. The problems arising during the compilation of the dictionary text, which may be related to the compilation of a dictionary, the development of a system of vocabulary notes, the adoption of a codification decision, are indicated. Each of the identified problems is considered in relation to the actual pronunciation practice of native speakers, and ways to overcome emerging inconsistencies are proposed.

Key words: orthoepic dictionary, modern Russian literary language, codification, orthoepic norm, vocabulary note.

УДК 811.161.1'42

О ФУНКЦИЯХ КОМПАРАТИВНОГО КОМПЛЕКСА В ТЕКСТЕ

Н.А. Илюхина

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация

В статье рассматриваются структура и функции сложного компаративного комплекса, включающего несколько образов сравнения. В результате анализа выявлены конкретные варианты объединения нескольких сравнений: с учетом состава образов, которые вступают в сочинительные связи с образом ребенка; с учетом общности или различий признака, являющегося основанием сравнения. На основе исследования собранного материала выявлены основные функции, выполняемые компаративным комплексом, к которым относятся функции уточнения признака, выражения его количественной характеристики, оценки, экспрессии, субъективной интерпретации реалии. Установлено, что в большинстве случаев компаративный комплекс в тексте выполняет одновременно несколько функций.

Ключевые слова: сравнение, образ сравнения, компаративный комплекс, текст, текстовые функции.

Компаративные конструкции привлекали к себе внимание в разных аспектах: грамматическом (М.И. Черемисина [7] и др.), фразеологическом (Л.А. Лебедева [2], В.М. Мокиенко [3] и др.), стилистическом (Е.А. Некрасова [4] и др.), функционально-семантическом (А.В. Трегубчак [6] и др.), функциональном (М.М. Паршукова [5], С.К. Алфалки, Н.А. Илюхина [1] и др.). Последний аспект реализуется на материале разных типов текста. На

фоне многоаспектного осмысления сравнений интерес представляют компаративные комплексы, включающие несколько сравнительных конструкций, в составе которых используются один и тот же или разные объекты сравнения. Такие комплексы исследовательски интересны в разных аспектах, в том числе в функциональном.

Целью статьи является анализ функций компаративного комплекса как приема нанизывания сравнений в рамках небольшого контекста. Предметом исследования послужили сложные компаративные комплексы, включающие два и более образов, одним из которых является детский образ. Материалы для анализа извлечены из Национального корпуса русского языка.

Компаративный комплекс и лежащий в его основе прием нанизывания сравнений в рамках микротекста выполняет много функций: уточнения признака, оценки, создания экспрессии, фиксации субъективного восприятия, концептуализации сложного (преимущественно абстрактного) объекта.

Противопоставим две модели компаративного комплекса, различающиеся единством или различием субъекта сравнения – характеризуемого денотата:

а) компаративный комплекс включает несколько образов, характеризующих один денотат, например: *Виновен я, но и вы все виновны тоже!.. Да-да, виновны! Так сбросим же вины наши, стряхнем их со своих плеч, окунемся в радость, в беззаботность, в безмыслие! Будем, как дети, как птицы, как деревья лесные, как каракатицы в море, как перистые облака над преподлеющим этим вашим горизонтом!.. Только не будем более как человеки!..* (С. Шуляк); *...согласилась с французенкою, что любовь становится блаженством и счастьем нашей жизни тогда только, когда она свободна, как воздух, и прихотлива, как дитя* (М. Загоскин);

б) компаративный комплекс включает один образ, который воспроизводится неоднократно по отношению к одному и тому же денотату, например: *И ты, как дитя, храбра, и, как дитя же, будешь беспомощна, когда придет твой час...* (И. Гончаров).

I. Первая модель компаративного комплекса может характеризовать денотат:

а) по линии одного и того же признака; *И те и другие любили Россию, славянофилы, как мать, западники, как дитя* (Н. Бердяев);

б) по линии разных признаков; *Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя, То как зверь она завоет, То заплачет, как дитя* (А. Пушкин).

Центральное место среди образов, находящихся в составе единого комплекса с образом ребенка, занимают варианты образа человека. На втором месте по частотности находится образ животного. Другие образы в составе данного компаративного комплекса зафиксированы единичными случаями.

Рассмотрим комплексы, включающие **образ ребенка и другие варианты образа человека**, как правило, характеризующие взрослого человека.

Обратимся к случаям использования в составе комплекса **вариантов образа ребенка**.

Два сравнения, представляющие образы ребенка, могут характеризовать один и тот же признак (иметь общее основание сравнения). Ребенок при этом может называться общим обозначением ребенка (*ребенок, дитя, дети*) и обозначением по полу (*мальчик, девочка*):

- по отношению к мужчине: – *Господа, вы рассуждаете, как дети, как мальчики!* (А. Писемский);
- по отношению к женщине: *...я вчера поступила как ребенок, как девочка, и, разумеется, вышло так, что всему виновато мое доброе сердце...* (Ф. Достоевский).

Ср также: *Мальмгрен протянул компас Мариано. Но компас взял я. Мариано мог только плакать, как девчонка. Мальмгрен обнял его и утешал, как ребенка* (Н. Шпанов); *Вы видите, я слаб, как ребенок, влюблен, как мальчишка* (Н. Шаликова). В этих случаях использование названий ребенка, маркированных и немаркированных в указании на пол, является мотивированным. В первом примере более выразительно выглядит использование образа девочки как эталона поведения (*плакать*), не характерного для лица мужского пола. Тем самым обеспечивается более яркий экспрессивный эффект. К тому же, в таком использовании образа девочки можно видеть функцию отрицательной оценки поведения мужчины. Что касается использования обобщенного образа ребенка в качестве объекта утешения, то в этом случае указание на пол ребенка не является коммуникативно важным и потому не используется. Во втором примере при характеристике слабости (*слаб*) уточнение пола ребенка как эталона этого качества неважно, однако при описании влюбленности мужчины органичен именно образ мальчика, т.к. поведение и чувства мальчика и девочки как проявления гендера в данном случае различаются. В приведенных фрагментах у образа мальчика или девочки можно видеть функцию уточнения, так как эти образы коррелируют по гендерно-половому признаку с характеризуемым взрослым лицом. Вместе с тем нанизывание образов сравнения способствует в этих текстах усилению актуального признака за счет его дублирования.

В следующем примере два обозначения объекта сравнения (*ребенок и младенец*) находятся в иных отношениях – отношениях отрицательного противопоставления, нацеленного также на уточнение актуального признака (*смеялся*): *Смеялся Мандельштам не как ребенок, а как младенец. Он раскрывал и закрывал свой беззубый рот, его прекрасные загнутые ресницы смежались, и из-под них ручьем текли слезы. Он вытирал их и мотал головой* (Э. Герштейн). Противопоставление имеет целью конкретизировать поведение лица, которое более точно передается образом младенца.

Зафиксированы случаи, когда в качестве объекта указаны дети разного пола: *...или в Купавне высадят контролеры, или где-нибудь у 105-го километра я задремлю от вина, и меня, сонного, удавят, как мальчика? или*

зарезжут, как девочку? (В. Ерофеев). В этом случае половые варианты образа обеспечивают расширенное представления о лице детского возраста и в то же время актуализируют конкретные представления, способствуют усилению воздействия на реципиента.

В других случаях оба обозначения указывают на пол ребенка – мужской или женский (*мальчишка – пацан; мальчишка – школьник; девочка – школьница*): *А не огрызался бы, как мальчишка, как пацан...* (Е. Гришковец); *– Видишь, всему свое время. Организм пришел в себя. Ты совсем как девочка, школьница* (М. Трауб). В таких случаях преобладает функция усиления актуального признака за счет образного повтора. Однако с учетом того, что вторая номинация лица детского возраста конкретизирует представления о нем, можно усмотреть и функцию конкретизации восприятия лица.

В составе компаративного комплекса используются **другие варианты образа человека**.

Прежде всего интерес представляют случаи, когда несколько сравнений, включающих один субъект сравнения (взрослого человека), характеризуют один и тот же актуальный признак, являющийся основанием сравнения.

Обратимся к использованию названий ребенка в одном ряду с оценочными обозначениями человека. Оценочные обозначения (*дурак, подлец, идиот, сумасшедший*) обеспечивают более яркую (чем только отсылка к образу ребенка) отрицательную оценку, в том числе самооценку: *Если бы я жил среди диких, я ходил бы на звериную и рыбную ловлю, я делал бы дело, – а теперь я, как ребенок, как дурак, играю в мечты и призраки!* (А. В. Никитенко); *– Ты, ей-богу, поступаешь, как дитя или как сумасшедший...* (А. Герцен); *– Нет, не ее я оплакиваю, а долг свой, свои обязанности, над которыми я надругался, как подлец, как мальчишка какой!* (А. Писемский). В приведенных примерах наблюдается градация оценки при повторе сравнения: в первых двух – усиление отрицательной оценки, в третьем, напротив, – ее смягчение.

Во многих случаях при описании одного актуального признака привлекаются образы, далекие друг от друга: ребенок и – женщина, мудрец, раб, любовник, девственница, жрец и др.

Так, при характеристике плачущего мужчины в качестве выразительных образов наряду с ребенком выступают женщина и юноша, например: *...стало отчего-то так грустно, так невесело на сердце, что я расплакался, как дитя или как баба, и все больше из за пустяков...* (К. Березкин); *Твердый, благоразумный, убеленный сединами, охлажденный летами, Али-мари рыдал, как дитя, как юноша, лишившийся подруги своего сердца* (Н. Греч). Использование образов плачущей женщины и плачущего юноши, лишившегося возлюбленной, в дополнение к образу ребенка способствует уточнению впечатления о нетипичном поведении взрослого мужчины. При

этом в первом примере наблюдается снижение оценки, во втором – романтизация образа.

Неожиданным и потому экспрессивным представляется объединение в рамках компаративного комплекса образов ребенка и раба или любовника, девственницы, например:

- три разных образа характеризуют подчинение одного лица другому: *Одной лишь «Аликс», которую он беззаветно любил, — он верил и подчинялся, как раб, как дитя, как покорный любовник* (М. Вишняк); при этом наряду с образным уточнением характера поведения лица (его полного подчинения) концентрация образов создает экспрессивный эффект;
- два образа определяют разные стороны и проявления чувства любви к другому лицу: *Она этого кота любила, как друга, как дитя* (Л. Тихомиров).

Итогом комплексной образной характеристики лица оказывается детальное уточнение проявления одного и того же качества.

Рассмотрим пример совместного использования образа детей и женщин: *Они любовались своим великодушием, как женщины красотой, как дети — игрушкой, а Рюрик всю жизнь презирал женщин и детей* (Б. Васильев). Контекст позволяет уточнить функцию двойного сравнения: эти образы не только ассоциативно отражают восприятие Рюриком поведения других лиц, но и выражают отрицательную оценку: *Рюрик всю жизнь презирал женщин и детей*.

Повышенной экспрессией отличаются сравнения, содержащие мало сопоставимые между собой объекты сравнения: дитя и жрец; младенец и пылкий юноша; мальчишка, жених и скряга и др., например: *Глина была холодной, заскорузлой, неприятной на ощупь; прикоснувшись к ней, я ощутил легкий внутренний озноб. Как мальчишка у витрины оружейного магазина. Как жених на пороге супружеской спальни. Как скряга у входа в сокровищницу* (М. Дяченко). Наряду с функцией уточнения, конкретизации авторского впечатления, можно видеть здесь и функцию создания экспрессивного эффекта.

Вторая разновидность первой модели компаративного комплекса включает несколько образов сравнения, которые характеризуют **разные признаки** одного денотата – взрослого человека, например: *Летящий рысью маленький, как мальчик, тёмный, как мулат, командир алы — сириец, равняясь с Пилатом, что-то тонко выкрикнул и выхватил из ножен меч* (М. Булгаков).

Эта разновидность компаративного комплекса имеет целью:

- образную характеристику лица с разных сторон через обращение к эталонным образам того или иного признака;
- указание на неординарность человека в нескольких отношениях и тем самым на отсутствие цельности его натуры, иногда – ее противоречивость.

Анализ выявил состав образов, входящих в такой компаративный комплекс: 1) образы ребенка и других вариантов человека; 2) образы ребенка и животных; 3) образы ребенка и неодушевленных реалий.

Отметим некоторые соотношения признаков взрослого человека, вызывающих у автора ассоциации с разными вариантами образа человека:

- чистота и мудрость: *Источник этого света – человек со светлой улыбкой, наивный и чистый, как ребенок, и мудрый, как старик* (М. Шнеерсон);
- пылкость и ученость: *...вижу в нем только доказательства, что ни лета, ни учение не охладили энергии души его, и он всегда пылок, как дитя, хотя и учен, как старик* (Н. Полевой);
- застенчивость и философствование: *Застенчива, как девчонка, и философствует, как старый, преукрашенный добродетелями дьячок!* (А. Чехов);
- объект любви и объект осторожного опасения: *Меня лелеяли, как мальчика, меня остерегались, как взрослого* (Н. Хвощинская);
- жестокость и сила, коварство: *Мы еще жестоки, как дети, но уже сильны и коварны, как взрослые* (Г. Садулаев);
- причудливость и избалованность: *Старики бываюи иногда так же причудливы, как прекрасные женщины, и избалованы, как дети* (М. Загоскин);
- кротость, страстность и грозную молчаливость: *Он ждал ее кротко, как дитя; жадно, как истомленный любовник; грозно и молча, как восстанавливающий право* (А. Грин).

Прокомментируем функции двух конкретных образов, представляющих варианты человека: ребенка и мудреца.

В языковой картине мира эти образы противопоставлены по ряду признаков: возрасту, жизненному опыту, интеллектуальным способностям, моральной зрелости и т.д. В составе компаративного комплекса обычно наивность, чистота, пылкость связаны с представлением о ребенке, а эталоном мудрости, учености выступает мудрец, старик. Например: *Источник этого света – человек со светлой улыбкой, наивный и чистый, как ребенок, и мудрый, как старик* (М. Шнеерсон); *...вижу в нем только доказательства, что ни лета, ни учение не охладили энергии души его, и он всегда пылок, как дитя, хотя и учен, как старик* (Н. Полевой).

Наряду со случаями противопоставления этих образов как эталонов противоположных качеств, отмечены случаи, когда эти образы выступают средством характеристики одного актуального признака. В данном случае это признаки наивности и устремленности к познанию: *Наивный, как дитя или мудрец, он читал в домах, где его кормили, свои стихи: «А там, в Кремле, в темнице мрака, хотел понять двадцатый век не понимавший Пастернака, сухой и жесткий человек»* (Г. Бакланов); *Глеб-христианин не мечтал бы так, но Глеб, стоящий за Анной, одетой в черный ласкающий бархат и глядящей в то же окно, этот Глеб мечтает так же, как все, —*

не как нашедший, а **ищущий**, как **мудрец** или как **дитя** (И. Новиков). Анализ примеров показывает, что в этих случаях речь идет о разном проявлении и разной степени развитости одного качества в возрасте ребенка и в возрасте мудреца: если у ребенка наивность обусловлена отсутствием жизненного опыта, аналитических способностей, то у старика она может быть проявлением морального принципа. Устремленность к познанию, свойственная человеку, у ребенка выражается в любознательности, а у мудреца – в установке на познание глубинных основ человека, общества, бытия и т.д. на высшем уровне человеческого познания.

Продемонстрируем использование компаративного комплекса, включающего **образ ребенка и образы животных**. В нашем материале он включает образы агнца, котенка, собачонки, птички, рыбы, птенцов, воробушка, зверя, медведя, волка, барана. Приведем некоторые примеры: *Закутавшись в мантилью, она уселась так удобно и ловко... – **приютилась, как котенок на солнце, как дитя**, которое, положив головку на руку, долго о чем-то задумается* (Н. Помяловский); *И захотелось, чтобы он ее **погладил – как маленькую девочку, как любимую собаку*** (М. Чулаки). В этих и подобных примерах удвоение образа сравнения обычно обеспечивает уточнение признака в конкретной ситуации.

В двух приводимых ниже посредством употребления такого типа компаративного комплекса отражается субъективная образная интерпретация эмпирических впечатлений.

*Сначала эта **песня** была **тиха, как завывавшая буря**, потом все крепла и крепла, становилась сильнее и сильнее, все громче и громче. И **достигла такой силы, как будто тысяча волков собрались и выли**, выли страшно, угрожающе, а потом опять **жалобно тихо, как побитые собачонки, как ребенок, просящий у груди матери молока, как маленькая птичка, пойманная в клетку**. Но вдруг песня стала злобной. Угрожающе взмахнули киргизы руками и понеслись в диком танце. Это было так красиво, так жутко, так страшно, что тогда же я подумал: вот что нужно этому чудовищу, публике, вот чего она ищет в театре, платит деньги и не получает того, что ей нужно* (А. Сорокин). Объединение столь разных образов в составе компаративного комплекса обеспечивает уточнение авторского восприятия песни и яркий экспрессивный эффект.

В следующем примере комплекс образных ассоциаций выступает способом субъективной интерпретации состояния писательского вдохновения: *Общая **жажда писать** была сравнима с... Представьте, как **ребенок тянется к яркой игрушке, как мальчик ест мороженое, как девочка хочет куклу, как в майский день впервые мама позволяет выйти на улицу босиком**, потому что земля уже не холодная, как **хочется в детстве научиться кататься на коньках, как ждут любви, мучительно и радостно пытаюсь угадать ее в надвигающихся днях*** (В. Горб). Прием концентрации образов как экспрессивное средство усиливает эмоциональное воздействие, уточняет передаваемую мысль.

Увеличение числа объектов сравнения в составе компаративного комплекса, включение в него разных по природе образов выполняет, как правило, несколько функций. Рассмотрим такой пример: *В наши дни, чтобы быть современной, женщина должна **выглядеть, как юная девушка, одеваться, как мальчик, думать, как мужчина и работать, как лошадь*** (Коллекция анекдотов: женщины). В данном тексте сочетаются несколько функций: выражения основного признака, который в тексте прямо не назван и наводится фоновыми знаниями (*выглядеть, как юная девушка, одеваться, как мальчик, думать, как мужчина*), визуализации этого признака и его количественной характеристики (*работать – как лошадь*). Наряду с этим прием концентрации образов, каждый из которых связан с выражением отдельного признака, не типичного для женщины в общепринятом представлении, обеспечивает экспрессивный эффект и ироническую оценку.

Еще одним проявлением многофункциональности компаративного комплекса следует считать сочетание образной характеристики реалии сразу по нескольким признакам и количественную оценку проявлений этих признаков. В этом случае комплекс объединяет образы, являющиеся в языковой картине мира эталонами высшего проявления таких признаков. В приводимом ниже примере эталоном высшей степени доверчивости выступает младенец, эталоном интеллектуальной ограниченности – баран, необразованности с точки зрения говорящего – папуас: *Ведь нельзя же без конца рассчитывать на то, что все готовые идти за большевиками должны быть **доверчивы, как младенцы, недалковидны, как бараны, невежественны, как папуасы*** (Н. Суханов). Результатом концентрации названных образов в составе компаративного комплекса создается саркастическая характеристика взрослого человека.

Компаративный комплекс, включающий **образы ребенка и неодушевленных реалий**, в нашем материале представлен единичными примерами. Он реализуется в двух моделях: при характеристике одного или разных признаков, характеризующих взрослого человека:

а) при характеристике признака «объект, требующий бережного, осторожного отношения» используются образы ребенка и хрупкого сосуда: *Сколько бы он ни задавался, сколько бы ни дрался, ни пил, ни матерился по-мужски, ему прощали, с ним **обрашались как с мальчиком, как с сосудом, который боязно уронить*** (В. Лихоносов);

б) при характеристике разных признаков человека: холодности и глупости – используются соответственно образы куклы и ребенка: *Лидия; – вы думали, что я **холодна, как кукла, глупа, как ребенок***... (Н. Шаликова).

II. Вторая модель компаративного комплекса включает один образ, который воспроизводится неоднократно. Прием буквального повтора образа, называемого одной и той же лексемой, используется для характеристики **разных признаков объекта**: *На самом деле, русские **доверчивы, как дети, русские обидчивы, как дети, русские недалковидны, как дети*** (З. Прилепин).

В этом случае компаративный комплекс, в составе которого один образ подвергается семантическому варьированию и актуализирует совершенно разные признаки, выполняет принципиально иной набор функций. Наряду с образным уточнением нескольких признаков одного лица, каждый из которых ассоциируется с ребенком, прием концентрации сравнений передает впечатление цельности лица в его авторском восприятии – устойчивое впечатление «детскости» взрослого человека: *Старые были лысы, как младенцы, и как младенцы безмятежны...* (В. Галактионова); *К витринам, мимо которых Марина проходила, искренне не замечая их, Бальмонт тянулся, как ребенок, и, как ребенка уговаривая, отвлекала его от них верная Елена* (А. Эфрон); – *Увлекаюсь, как мальчишка, и хвастлив, как мальчишка...* (В. Липатов); *...шубка коротенькая, как у девочки, глаза умные, ясные, чистые, тёмно-карие и тоже как у девочки, а меж тем всё уже знающие в жизни, в её печалих и загадочности...* (И. Бунин).

Таким образом, сложные компаративные комплексы выполняют в тексте широкий спектр функций, часто – одновременно несколько функций.

Литература

1. Алфалки С. К., Илюхина Н. А. Сравнение как способ экспликации семантической структуры концепта (на примере образа ребенка) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 4–5. С. 97–108.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеогрфии. Краснодар : Кубанский государственный университет, 1999. 192 с.
3. Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии // Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. Санкт-Петербург [и др.], 2016. С. 37–49.
4. Некрасова Е. А. Сравнения // Языковые процессы современной русской художественной литературы : Поэзия / Н. Н. Иванова, М. А. Бакина, И. А. Оссовецкий [и др.] ; отв. ред. и авт. предисл. А. Д. Григорьева. Москва, 1977. С. 240–294.
5. Паршукова М. М. Типы и функции сравнений в русском и английском языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6. С. 149–153.
6. Трегубчак А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения : дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2008. 221 с.
7. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск : Наука, 1976. 270 с.

ABOUT THE FUNCTIONS OF COMPARATIVE COMPLEX IN THE TEXT

N.A. Ilyukhina

Samara National Research University
Samara, Russian Federation

In the article, the structure and functions of complex comparative complex including several images of comparison one of which is the image of a child are viewed. As a result of the analysis, specific options for combining several comparisons were identified: taking into account the composition of images that enter into compositional connections with the image of the child; taking into account the commonality or differences of the feature that is the basis for comparison. Based on the study of the collected material, the main functions performed by the

comparative complex were identified, which include the functions of clarifying the feature, expressing its quantitative characteristics, evaluation, expression, and subjective interpretation of reality. It has been established that in most cases the comparative complex in the text performs several functions simultaneously.

Key words: comparison, image of comparison, comparative complex, text, text functions.

УДК 811.161.1'42:94(47)+82-94(47)

МЕМУАРНЫЙ ТЕКСТ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Н.Б. Литвинова

Луганская государственная академия культуры
и искусств имени М. Матусовского
г. Луганск, Российская Федерация

В статье проанализирована семантика высказываний со словами-концептами «человек», «народ», «земля», которые являются прецедентными в художественном пространстве мемуарных текстов русских писателей о военных событиях. Их контекстное функционирование указывает на внеидеологемную связь с русскими духовными традициями в отображении морально-нравственного облика человека. Это позволяет рассматривать тексты воспоминаний писателей в межпредметной научной плоскости текста культуры.

Ключевые слова: русская литература, текст, дискурс, концепт, ментальность, историческая память.

*...русская литература – это
лучший проводник вхождения
в русский мир, обретения род-
ства и чувства принадлежно-
сти к русской культуре...*

Г.Н. Тараносова

Великая Отечественная война является знаковым событием в истории России, нашедшем глубокое отображение в сознании и культуре русского народа. Более чем полувековая традиция изучения и осмысления её фактов сложилась в разных сферах гуманитарных наук – историографии, документалистике прежде всего. Кроме того, тема Великой Отечественной войны стала неотъемлемой частью текста русской культуры второй половины XX – начала XXI веков, резонируя в современных научном, социально-политическом дискурсах, а также искусстве – литературе, кинематографе. Историческая парадигматика объединяет все устремления в субъективно-объективном познании Великой Отечественной войны, актуализируя таким образом важную для русского народа категорию исторической памяти, недопущение её искажения. Общий и фрагментарный анализ совокупности трудов по истории ВОВ, произведений искусства, объектов культуры, созданных в России, зафиксированных свидетельств очевидцев, которые сегодня доступны в едином информационном поле, направлены,

в частности, на реализацию данной нравственной сверхзадачи. Главная роль в этом сложнейшем деле безусловно принадлежит русской литературе о ВОВ середины и второй половины XX века, художественно-смысловые доминанты которой противопоставлены засилью массовой культуры, распространению идеалов потребительского общества, ведущих к обезличиванию современного человека, утрате и забвению им исконно русских духовных ценностей.

Произведения русской литературы, выполняя важную функцию мировоззренческого становления читателя, отсылают к фундаментальным концептам русской культуры [17, с. 242]. Одним из источников воссоздания не только хронологической канвы событий ВОВ, но и сущности исторической памяти выступают тексты мемуаров писателей-фронтовиков, в годы войны бывших корреспондентами, офицерами, рядовыми солдатами. Представляя собой по сути свидетельства очевидцев событий тех лет, тексты мемуаров писателей-фронтовиков в то же время транслируют значимую для сбережения исторической памяти, русской идентичности информацию культурно-ментального плана через призму художественного слова, образных обобщения и конкретизации. Данная информация эксплицирована в типологически воспроизводимых высказываниях-суждениях писателей о судьбе русского человека на войне, его мировоззрении и аксиологических ориентирах в семантико-грамматическом пространстве мемуарных текстов о ВОВ.

Исследования мемуарного текста о ВОВ в русистике позиционируют его как многоуровневый феномен, который имеет равное отношение к исторической науке и литературоведению, становясь достоянием и профессионального историка, и читателя. В литературоведческих работах отмечен синкретизм жанра мемуарного текста о ВОВ на основе соотношения социальной стратификации его авторов и историко-художественной специфики текста: мемуары, написанные военными людьми и тружениками тыла [9; 10]. Изучение текстов художественных мемуаров писателей-фронтовиков велось главным образом в направлении идейно-художественных черт их содержания. Близкими к ним по ряду исследуемых проблем мемуарного текста – воспоминаний «детей войны» – оказываются изыскания в сфере собственно историографии [13; 19]. Тексты мемуаров как источник исторической и культурологической информации также рассматриваются в ряде работ [2; 6; 15; 18]. В лингвистике мемуарный текст включен в изучение с точки зрения теории речевых жанров [11]. При этом экспликация лингвоментальных структур – носителей аксиологической информации – в текстах русской мемуарной прозы о ВОВ не была предметом специального исследования.

В пространстве новейшей собственно литературоведческой интерпретации, вызванной необходимостью внеидеологемного прочтения классической советской литературы в контексте возвращения к исконно русским духовным ценностям, тексты мемуаров советских писателей – участников

ВОВ – приобретают особую значимость. В русской литературе второй половины XX века данный жанр представлен целым массивом произведений. Учитывая этот факт, объектом исследования мы избрали тексты мемуаров К. Симонова, И. Эренбурга, Ю. Бондарева, В. Астафьева, Б. Васильева, творчество которых объединяет, помимо принадлежности одной эпохе, известность широкому кругу советских читателей, осознание национального и общечеловеческого, органичная включенность в народную культуру [12, с. 17–18], что даёт возможность рассматривать тексты произведений этих авторов как носители характерной для эпохи духовно-культурной аксиологической информации. В лингвокогнитивном плане мемуарные тексты о ВОВ писателей актуализируют тезис о ценностноориентированной избирательности личностной памяти, составляющей основу воспоминаний. В то же время творческое сознание писателя – автора текста-воспоминания – выступает также носителем определённой ментальности, осмысленной сквозь призму своей судьбы и других людей [5, с. 68].

Цель данного исследования – структурно-семантический анализ в художественном пространстве мемуарных текстов названных писателей типологических грамматических единиц – высказываний с отдельными словиконцептами, содержащих лингвоментальную аксиологическую информацию. Задачи исследования заключаются в определении информационной общности выделенных компонентов, интерпретации их концептуальной семантики в духовно-культурном плане.

Поскольку само понятие лингвоментальной информации предполагает обращение к термину «ментальность» – предмету исследования в разных сферах гуманитарного знания, он требует уточнения. В данной работе мы следуем за определением ментальности В. Колесова, сформулированным в монографии «Русская ментальность в языке и тексте» и выделенном на примере ряда основополагающих для русской философской и литературной мысли концептов в соответствующих текстах. Под ментальностью таким образом понимается мировоззрение, которое выражается в категориях и формах языка, транслирует качества национального характера [8, с. 11]. В такой проекции мемуарные тексты о ВОВ русских писателей являются одним из базисов в продолжении традиции осмысления русской ментальности через пространство текста художественной литературы.

Исходя из идейно-содержательной направленности мемуаров, произведений русских писателей о ВОВ, закономерно обнаруживающих имманентную общность, фактологическую и духовно-нравственную корреляцию, – показать героическую борьбу русского народа за освобождение своей земли сквозь призму судьбы отдельного человека, в том числе и автора, объектом нашего наблюдения в мемуарных текстах о ВОВ стали в частности прецедентные высказывания, которые апеллируют к словам-концептам «человек», «народ», «земля» и репрезентируют одни из знаковых категорий русской ментальности и культуры [8; 16].

Преобладающей структурообразующей чертой проанализированных массивов мемуарных текстов о ВОВ обозначенных авторов выступает прежде всего антропоцентричный нарратив – повествование о разных людях, встреченных писателями на жизненном пути, через атрибутивные психологические характеристики. Поэтому закономерно слово-концепт «человек» в них выражает семантику: 1) личностной нравственной, морально-этической оценки: *Впоследствии мы еще не раз встречались с ним, и эти встречи подтвердили мое первое впечатление о нем как о человеке глубоких и сильных чувств* [14]; *Словом, веселый, шумный человек, у которого есть и ум, и сердце, и собственные мысли в голове* [14]; *Альберт Львович был человеком очень скромным, тихим, молчаливым, но прежде всего он был – Человеком* [14].

Свойственная тексту-меморату фрагментарность, избирательность авторской памяти помещает в фокус авторского повествования прежде всего людей, проявивших в условиях тяжелого военного времени, по мнению писателя, исключительные нравственные качества, а потому справедливо заслуживающих внимания читателя. Слово-концепт «человек» в составе высказываний-синтаксических конструкций с подобной семантикой в грамматическом пространстве мемуарных текстов о ВОВ употреблён с атрибутами «честный», «смелый», «мужественный», «верный»: *Мне он показался интересным человеком, честным, смелым, но смелым; тронули его слова о верности* [20]; *На войне это был честнейший и мужественнейший человек, таким он остался и на «гражданке»* [1]. В книге К. Симонова «Разные дни войны» эта текстообразующая тенденция нашла непосредственную формулировку в создании образа человека-фронтовика, воплощающего не только такие личностные качества, как товарищество, скромность, смелость, но и олицетворяющего образ достойного человека в целом [14].

Слово-концепт «человек» в анализируемых текстах выявляет тесную структурно-семантическую связь с одним из основополагающих понятий для русской ментальности – концептом «народ» [8; 16]. Примечательно в лингвоментальном плане функционирование лексемы *народ* в сочетании с местоимениями *наш*, *мой* в выделенных синтаксических конструкциях-высказываниях: *Наш народ показал свою силу, плохо подготовленный, застигнутый врасплох, он не сдался, стоял насмерть под Москвой, у Волги, повернулся лицом к захватчику, повалил* [20]; *Мне дорог мой народ, моё Отечество* [1].

Если не брать во внимание распространённый идеологемный подтекст в интерпретации подобных высказываний в советском литературоведении и обратиться к общеизвестной более ранней идее единства русского писателя с народом, экзистенциальной для него необходимости переживать в своём творчестве чувство включенности в судьбу своего народа, берущей начало ещё в русской классической литературе XIX века, то мы можем допускать, что так в текстах мемуаров о ВОВ сохраняется преемственность русских художественных традиций, преодолевается идеологизм.

Данный тезис может быть также доказан прямым обращением к общему идейно-художественному содержанию мемуарных текстов о ВОВ в русской литературе, неизбежно перекликающихся, дополняющих друг друга в осмыслении военной эпохи, а значит, – проявляющих имманентную дискурсивность как свойство этих текстов. Так, В. Астафьев в своём нарративе о войне подчёркивает, что народ – главный герой на войне, задача же писателя – поведать ему правду о войне [1]. Концептуальное понятие правды о войне становилось предметом дискуссии между писателями-фронтовиками: в пространстве выбранных нами для исследования текстов мемуаров о ВОВ в дискуссию об «окопной» правде вовлечены К. Симонов, В. Астафьев, Ю. Бондарев. Анализ семантики лексемы *правда* в художественном пространстве воспоминаний данных авторов в подобном контексте, безусловно, сам по себе прецедентен и отсылает к историческому опыту отыскания русскими философами ментальной сущности истины.

Полагаем, что описанная выше на уровне лексико-грамматических структур духовно-ментальная нарративная интенция в текстах мемуаров о ВОВ русских писателей нашла подтверждение и продолжение в переклещении авторских регистров повествования «я – мы»: *Я вспоминаю сейчас первые тяжёлые июньские и июльские дни, первые жестокие неудачи и уроки, кровавые дороги, по которым мы отступали и по которым теперь идём обратно* [14]; *Нас было много, и мы шли туда, молодые, весёлые, не ощущая угрозы непоправимого одиночества. Но какая безысходность песчинки охватывает меня, когда я думаю, сколько кануло нас в никуда (...)* [3].

Антропоцентризм в текстах мемуаров о ВОВ также проявляется в грамматических единицах – оценочных высказываниях со словосочетаниями «русский человек», «русская натура», которые неоднократно становились объектом анализа в русской духовной традиции, ведь русскому человеку свойственно стремление к познанию самого себя в мироустройстве [8, с. 5]. Русские писатели в своих мемуарах о войне продолжают эту традицию: опираясь на субъективно-личностный опыт, творческое мышление, детализируют в формах языка те черты, которые присущи русскому человеку. Выделенные из массива мемуарных текстов о ВОВ высказывания с подобной концептуальной семантикой, с одной стороны, диалогичны с существующими в тексте русской культуры в целом, а с другой стороны, характеризуют эпоху, подчеркнув в человеке качества, к которым призывает само время. Среди них, в частности, духовно-нравственная требовательность, добродушие, всепрощение, любовь к труду, и, конечно, храбрость: *Кого убили, кого в плен, и все в порядке, – говорил Николаев с тем особенным раздражительным самобичеванием, которое есть в нашей русской натуре* [14]; *Русский человек добродушен, его нужно очень обидеть, чтобы он рассвирепел; в гневе он страшен, но быстро отходит* [20]; *Я хочу, чтоб без войны, без кровопролития наш человек вернулся к своему привычному облику, к тому, каким Бог задумал русского: добродушным, трудолюбивым, терпимым* [1];

Как вчерашнее, так и сегодняшнее отношения, конечно же, крайности, но мы, русские, чаще всего и полагаем крайности истиной [4]; Есть у нас, у русских, этот грех. Какая-то мрачная отрешённость: на реку – так на реку, воевать – так воевать, дежурить – так дежурить, мрачно сложив руки на животе [14].

В русском мемуарном тексте о ВОВ писателями подчеркивается значимость для русского человека своей земли, защиты её от врага. Семантика слова-концепта «земля» в структуре высказываний исследуемых текстов мемуаров о ВОВ тяготеет к отдельным словарным дефинициям, представленным в Словаре В. Даля: страна, народ, государство, край; почва; поверхность, по которой передвигается человек [7]. В проанализированных высказываниях со словом-концептом «земля» проявляется привязанность русского человека к земле: 1) восприятие мира сквозь призму состояния земли, наделение её чертами одушевлённости: *Голая земля с редкой травой, песчаная, осыпающаяся под ногами [14]; (...) холодела под туманом земля, исчерненная воронками [3];* 2) отношение человека к земле, её спасительности на войне: *Он шел зигзагами вдоль цепи, то влево, то вправо, мимо упавших и прижавшихся к земле людей [14]; Петр Петрович удивительно крепко стоял на земле, это меня притягивало к нему [20];* 3) земля, олицетворяющая фронтовые дороги и возможность передвигаться по ним, а значит, – идти вперёд, шаг за шагом освобождая свою землю от врага (слово-образ пути): *(...) после недавней оттепели земля немного размякла, потом ее поверху опять засыпал снег, и камни были в скользкой ледяной корке [14];* 4) русская земля ассоциируется в сознании писателя с Родиной, Отечеством: *И вдруг я почувствовал, что есть очень важное и цепкое – земля [20]; Пойте гимны земле вашего Детства, ибо это и есть ваша Родина [4].* Последний семантический компонент коррелирует с названными выше, раскрывая очевидный патриотический контекст толкования авторами мемуаров о ВОВ слова-концепта «земля».

Таким образом, анализ семантики слов-концептов «человек», «народ», «земля» в структуре высказываний мемуарных текстов о ВОВ свидетельствует о включённости этих текстов в концептосферу русской культуры, народной этики в виде представлений о морально-нравственном идеале русского человека, его духовных ценностях, что в современных социально-исторических условиях имеет важное просветительское, воспитательное значение, возвращая к постулату о незыблемости исторической памяти. Мемуарный нарратив о ВОВ, проявляя дискурсивность в пространстве русской литературы, раскрывает значительный потенциал в качестве одного из источников изучения идеи русской ментальности, её составляющих. Последующее углубление научной рецепции аспектов лингвоментальных параметров в текстах мемуаров о ВОВ позволит обозначить направления в современной внеидеологемной интерпретации русской советской литературы в русле общечеловеческих и исконно русских духовных ценностей.

Литература

1. Астафьев В. П. Моя война : Писатель в окопах : Война глазами солдата. Москва : Алгоритм, 2018. 222, [2] с. URL: litmore.ru/7939-moya-vojna-pisatel-v-okopah-vojna-glazami-soldata.html (дата обращения: 20.01.2023).
2. Быков А. В. Мемуарная литература в историографии Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 3. С. 55–64.
3. Бондарев Ю. В. Горький пот войны. Москва : Родина, 2020. 286, [1] с. URL: bookz.ru/authors/bondarev-iurii/book-gorkii-pot-voiny-371267/read.html (дата обращения: 20.01.2023).
4. Васильев Б. Л. В окружении. Страшное лето 1941-го. Москва : Алгоритм, 2017. 222, [1] с. URL: militera.lib.ru/memo/1/all/v/n63222/index.html (дата обращения: 20.01.2023).
5. Володина Н. В. «Мемуарный хронотоп» как литературоведческое понятие: к постановке проблемы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 2. С. 66–71.
6. Гриднев В. П. Мемуары как источник изучения битвы за Ленинград // Управленческое консультирование. 2018. № 5. С. 162–171.
7. Даль В. Земля // Толковый словарь Даля онлайн. URL: slovardalja.net/word.php?wordid=10726 (дата обращения: 23.01.2023).
8. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2007. 619, [4] с.
9. Маркус А. М. Военные мемуары и дневниковая проза Великой Отечественной войны: жанрово-стилевые особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2017. 22 с.
10. Оляндэр Л. К. Документально-художественная проза о Великой Отечественной войне (история развития и поэтика документальных жанров) : дис. ... д-ра филол. наук. Луцк, 1992. 367 с.
11. Орлова Н. А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 212 с.
12. Поль Д. В. Константин Симонов в начале XXI века: к столетию со дня рождения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 4. С. 15–22.
13. Протасова Е. В. Военное детство в воспоминаниях уральцев о 1941–1945 годах // Научный диалог. 2017. № 10. С. 355–367.
14. Симонов К. Собрание сочинений. Москва : Художественная литература, 1983. Т. 9 : Разные дни войны : Дневник писателя. Т. 2 : 1942–1945 годы. 688 с. URL: royallib.com/read/simonov_konstantin/raznie_dni_voyni_dnevniki_pisatelya.html (дата обращения: 04.01.2023).
15. Сиротина И. Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова : Материалы междунар. конф. / отв. ред. М. С. Уваров. Санкт-Петербург, 1997. С. 78.
16. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд, испр. и доп. Москва : Академический проект, 2004. 991 с.
17. Тараносова Г. Н. Формирование социокультурной идентичности в процессе вузовского гуманитарного образования // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2014. № 4. С. 240–248.
18. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 35–55.

19. Чуркин М. М., Умнов Е. Е. Воспоминания как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 69–74.
20. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Москва : Текст, 2005. Т. 1–3. URL: thelib.ru/books/erenburg_i/lyudi_gody_zhizn_kniga_i.html (дата обращения: 04.01.2023).

A MEMOIR TEXT ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A SOURCE OF LINGUOMENTAL INFORMATION

N.B. Litvinova

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky
Lugansk, Russian Federation

The article analyzes the semantics of statements with the words-concepts "man", "people", "land", which are precedent in the artistic space of Russian writers' memoir texts about military events. Their contextual functioning indicates an extra-ideological connection with Russian spiritual traditions in the portrayal of the moral and ethical image of man. This allows us to consider the texts of writers' memories in the interdisciplinary scientific plane of the culture text.

Key words: Russian literature, text, discourse, concept, mentality, historical memory.

УДК 811.161'373.2

ЭТНОНИМЫ И ТОПОНИМЫ КАК ЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Ю.В. Милютина

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
г. Брянск, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема изучения этнонимов и топонимов как важной составляющей лексики русского языка. Указываются различные точки зрения на проблему происхождения славянства, этнонимов, имен народов. Анализируется лексический состав речи в памятниках письменности, а также объясняется происхождение некоторых этнонимов и топонимов. Привлекаются материалы известных ученых, исследователей, которые внесли особый вклад в развитие данной проблемы.

Ключевые слова: этнос, этнонимы, этнография, русский, Русь, этимология, топонимы, лексика, лексический состав речи, происхождение.

Слова *этнос*, *этнография*, *этноним*, несомненно, однокоренные. Что общего в их значениях? Несомненно, эта связь обусловлена понятием *этнос*, под которым в настоящее время принято понимать все разновидности народов мира: нации, народности, племена, этнические группы и т.д. По подсчетам, современное человечество унаследовало от прошлого двести тысяч этносов, или этнических общностей, как указывает Ю.В. Бромлей [4, с. 3].

Следует отметить, что уже автора «Повести временных лет» интересовала проблема происхождения славянства, «откуда есть пошла Русская земля...и откуда русская земля стала есть». Много точек зрения высказано по этому вопросу, но эта сложнейшая проблема все еще окончательно не решена. Но не менее важна и непроста проблема возникновения этнонимов, имен народов. Нам представляется целесообразным в курсе русского языка остановиться на наиболее обоснованном, наиболее аргументированном названии: *русский, Русь*.

Известный историк В.В. Мавродин проследил время указаний в «Повести временных лет» на появление имени *Русь*. Оказалось, что под 852 годом помещено свидетельство летописца о том, что «начася прозывати ся Руска земля» в царствование византийского императора Михаила. Но призывание варягов к восточным славянам, в соответствии с тем же летописным свидетельством, произошло в 862 г.

Как же исследователю не обратить внимания на данные важные даты и не сопоставить их? Оказывается, что существование наименований Руси, Русской земли и Русского государства предшествовало приглашению варягов братьев Рюрика, Синеуса и Трувора на Русь. Под 944 г. «Повесть временных лет» упоминает «Русь» наряду с варягами, словенами, кривичами, с рядом других племен. Следует отметить, что особенно в последнее время все чаще подвергается сомнению теория приглашения варягов править Русью. Эта теория призвана была показать интеллектуальную и духовную убогость восточных славян, их неспособность даже править самими собой. Исследования отечественных историков и культурологов последних лет вносят в решение этой проблемы на новых фактических материалах принципиально новые нюансы, учет которых раскрывает историю наших предков в ином свете.

Вспомним работу «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» академика А.А. Шахматова. Ссылаясь на Новгородскую летопись, он писал о том, что в 1043 г. мы встречаем прямое противопоставление Руси варягам. Следует учесть одну возникающую трудность при интерпретации летописных текстов. Как детально это показал академик А.А. Шахматов, летописцы разных племен, русских монастырей находились в материальной зависимости от воли своего князя-покровителя, желавшего прославить себя и нередко унижить других князей, и с этой целью «редактировали» тексты местных летописей.

Вслед за Шахматовым эту мысль поддерживает и В.В. Мавродин, указывая на стремление феодалов разных стран в эпоху средневековья вывести свой род «из-за моря», чтобы подчеркнуть особую родовитость и аристократичность своего происхождения [6, с. 154]. При анализе восстановленного им «Начального свода» летописи 1093 г. А.А. Шахматов установил, что варяжские дружины стали называться *Русью* лишь после того, как перешли на юг. Стало быть, название *Русь* – отнюдь не варяжское, а наше собственное, восточнославянское образование. Этой же точки зрения придерживается и лингвист Олег Николаевич Трубачев [9, с. 122].

Ученые учитывают и другое существенное обстоятельство. Этнонимы *Русь*, *Русская земля* выступали в наших древнейших летописях в двух значениях, относившихся, к тому же, к разному времени: 1) древнейшее значение этих этнонимов – область Среднего Приднепровья и только. Северные и северо-восточные земли, (например, новгородские) назывались словами, а земли суздальские – суздальскими. Не входила в состав «Руси» Смоленщина. Каждый, поселяющийся здесь, становился русским, русином, будь он по своему происхождению вятичем или радимичем; 2) более позднее значение термина *Русь*: вся остальная восточнославянская земля [6, с. 163–164].

Среди восточнославянских топонимов достаточно широко известны образования от корней *рус-* и *рос-* (*рось-*). Первый преобладает на севере, второй – в топонимике Среднего Приднепровья как наименование речек (река Рось, ее приток Росава). Территорию же бассейна этой реки называют Поросьем. Специалисты подсчитали, что в разное время известные из летописи крупные восточнославянские племена (поляне, северяне, дреговичи, вятичи, радимичи, кривичи, хорваты, дулебы, бужане, волыняне и др.) объединяли около ста более мелких славянских племен. При изучении вопросов расселения и жизненного уклада славянских племен ученые стали уделять все большее внимание исследованию, прежде всего лексического состава речи этих племен, ища свидетельств этого рода не только в памятниках письменности, но и в лингвистических реконструкциях индоевропейских и общеславянских форм на основе использования продуктивного метода исследования, широко распространившегося в лингвистической и исторической науке с первой четверти XIX века: сравнительно-исторического метода.

Особый интерес в этом плане представили исследования слависта, этнографа и историка А.С. Будиловича в работе «Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения» и, к сожалению, незавершенная им монография «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным» [5]. В первом труде автор предложил тематическую классификацию обширного древнего лексического состава славянских языков. В представлении ученого, этот состав включал в себя около 10000 общеславянских слов. А.С. Будилович анализировал эти слова и с точки зрения их значений, и с не менее важной для нашей науки позиции географических территорий, на которых эти слова были издревле известны, то есть с позиций особой науки, так называемой «лингвистической географии». Так, например, анализируя общеславянскую лексику **more*, автор показал ее соответствие в ряде неславянских языков: лит. *māres*, латыш. *mare*, герм. *meer*, лат. *mare*. Здесь становится важным, показательным семантический, смысловой аспект, на котором исследователь акцентирует внимание читателя. В прибалтийских языках эти слова называют заливы. В лит. – собственно Курляндский залив, др.-пр. *mari-* залив; в герм. языках **mari*, *mara* — первоначально «стоячая вода», «болотная местность». В нем. *das See* (ср. род) – озеро, *die See* (жен. род) – море. Это же ученый отметил

и в олонечских русских говорах: 1) море; 2) озеро. Из этого факта был сделан вывод о том, что в праславянском языке специального слова для моря не существовало. Название озера было перенесено на море позже. В этом же направлении А.С. Будилович осуществил анализ семантики слов *берег* и *остров*. Первоначальное значение слова *берег* было «гора», «возвышение» (ср. нем. *Berg* – гора).

Что касается слова *остров*, то в мифах содержится представление древних о рае как о «блаженном жилище души». А.С. Будилович при этом ссылается на А.Н. Афанасьева, считавшего, что это представление народа немореходного, смотревшего со страхом в морскую даль [1]. И лингвисту следует в этом случае посмотреть на этимологию праславянского слова *остров*, определить его древнюю структуру. Русский этимолог Макс Романович Фасмер впоследствии приведет прасл. **o-stro* – «то, что обтекается, речной остров», от *струя*. Ср., напр, лит. *strava* – «течение» [10].

Одним из ценных приемов поиска ответов на поставленные вопросы может быть использование показаний не только языка, но и ряда других наук: исторической зоологии, исторической ботаники, исторической климатологии и пр. Так, при решении А.А. Шахматовым проблемы происхождения славянства и его языка ученым привлекались данные исторической ботаники.

Во «Введении в курс истории русского языка» (1916) ученый А.А. Шахматов утверждал, что общей прародиной балтийцев и славян был Прибалтийский край. Несомненно, интересно проследить логику доказательства такого утверждения. Слово *бук* – общеславянское, как размышлял А.А. Шахматов. Действительно, в укр., болг., сербо-хорв., польск., н.-луж., чеш. языках известно дерево *бук* [10]. Однако в то же время известно, что *бук* не растет восточнее полосы, идущей от Кенигсберга (теперь Калининграда) через Польшу и Подолию к Черному морю. Следовательно, заимствование осуществлено там, где *бук* был известен, значит, не в северном Поднепровье, а в Повислинье.

Конечно, все эти и им подобные исторические поиски полезны учащимся не только как информация о жизни восточных славян, но и как начатки осмысления будущими исследователями *методологии*, знакомства с методами, использование которых необходимо для серьезного анализа исторической и культурной ситуации той или иной эпохи. Естественно, история, и имена, и наименования географических (топонимы) не могут не иметь своих особенностей и формирования, и истории, и структуры, и, естественно, функционирования.

Говоря об одной интереснейшей для всех нас науке, топонимии, А.М. Селищев писал: «Топонимия представляет собою один из ценнейших источников наших сведений по исторической этнографии и для истории общественной и экономической жизни страны» [8]. В силу их древности и устойчивости, названия этого типа, их этимология также предоставляет ученым прекрасную возможность успешно решать вопросы происхождения

и истории народов. Но, конечно, разгадка этимологии чаще всего не так проста и порождает нередко и два, и более истолкований. Изучение всего этого сейчас в нашей науке – дело совершенно обычное. И оно не перестает быть важной научной темой [7].

Поиски и вполне возможные находки в этом плане предоставят еще одну возможность узнать о наших старинных именах, а эти открытия прояснят юным исследователям источники этих имен, особенно связь их номинации с народной, в том числе диалектной речью. Так, например, село Жирятино Брянской области восходит к имени *Жирята*, уменьшительной форме к имени *Жирой*, *Жирослав*. Название г. Одинцово под Москвой исследователь А.М. Селищев возводит к имени *Одинец*, *Останкино* – к имени *Останок*, Радонеж – к имени *Радонег*, название г. Рославль – к имени Рослав и т.д. Село Собакино А.М. Селищев связывает с именем *Собака*, по утверждению ученого, широко бытовавшее и у русских, и у многих других народов [8].

Диалектный и исторический материал объясняет происхождение немалого числа русских топонимов: с. Дулепово называется по имени *Дулеп*, восходящее к диалектному нарицательному существительному *дулеп* – «глупый, остопоп». Подмосковное *Мытищи* порождено историзмом *мыто* – «пошлина за воз товара». Видимо, там, в старину, находились мытницы, службы сбора налогов с купцов, ехавших в Москву.

К этимологическим разысканиям в области топонимики, для углубления на этом материале познаний в области истории русского языка целесообразно привести примеры старинных названий ряда городов: *Курьск* (Курск), *Севьскъ* (Севск), и др., в которых ь («ерь»), находясь в сильной позиции (перед конечным «слабым» (то есть почти неслышным звуком [ъ]) произносился почти как гласный полного образования, то есть как обычный русский звук [е]: *Куреск*, *Севеск* и под. Однако все эти и подобные им формы в родительном и других косвенных падежах имели иное произношение, так как [ъ] в них оказывался в слабой позиции перед обычным гласным [а], и потому почти не произносился: *Курьска* [Курска], *Севьска* [Севска], то есть суффикс -ьск приобретал в них новый, современный, вид: -ск. Подробнее о протекании этого процесса можно увидеть в работах исследователя А.Д. Черенковой [11, с. 43–53]. Но самое интересное в том, что под влиянием аналогии (этого, как мы уже говорили, уникального, всеохватного процесса в истории любого языка) форма именительного падежа в топонимах изменялась по образцу косвенных падежей. Так и появились исторически «неправильные» формы *Курск*, *Севск*, *Можайск* и др.

Топонимику ученый А.А. Шахматов использовал достаточно широко. В его лекционном курсе исторической диалектологии данная лексика заняла почти треть объема курса. Что же касается А.М. Селищева, мы выделили и уже использовали для читателя его работу «Из старой и новой топонимики». Во вступлении к статье ученый подчеркнул, что изучение топонимики Восточной Европы «находится в зачаточном состоянии». Не собраны

и не разобраны давние местные названия, идущие от населения, предшествовавшего водворению славян в разных местностях северо-востока» [8].

В настоящее время процесс познания этих групп лексики стал значительно более активным, хотя и современный ученый все еще сетует на то, что ономастика мало исследована» [9, с. 134]. Естественно, в работах по этой проблематике по-прежнему встречаемся со случаями ложного этимологизирования терминов, без чего в научных поисках не обойтись.

Следует отметить, что в среде топонимов очень много случаев *ложной* этимологии. Поэтому основываться на каких-то из них приходится очень осторожно, чтобы не заблудиться. Так, в Подмосковье в далеком прошлом было очень сильно балтийское и финно-угорское влияние проживавших здесь иноязычных племен [2, с. 92]. На Дону на топонимию заметно воздействовали тюркские языки (ср. названия населенных пунктов *Аксай, Батайск, рек Дон, Сал, Кальмиус, Кагальник, Кагарлык* и мн.др.). В районе Санкт-Петербурга тоже немало «проблемных» наименований. Так, вызывает, например, разночтения этимология топонима *Васильевский остров*. Одни авторы связывают его с именем новгородского посадника Василия Ананьины, другие – с именем других новгородских посадников, третьи – с именем артиллериста Василия Корчмина, современника Петра Великого и т. д.

Следует обратить внимание на такую деталь: географические наименования могут служить источником появления в языке и нарицательных имен. Так, по свидетельству «Этимологического словаря английского языка» (Оскфорд, 1963), *jean (jane)* – хлопчатобумажная ткань, известная с середины или второй половины XVI века. Но «джинс» – это отнюдь не английское по происхождению слово, а итальянское, где возникло от имени города *Gene (Geane)*, Генуи. Сначала *jean* было обычным определением: *jean sar* «шапка, кепи из ткани джин». Затем сделанные из этой же ткани брюки были названы *jeans* как одежда для работы и спорта. В русском языке с середины 60-х годов прошлого века слово получает форму мн.ч., по естественной аналогии со словом брюки [3, с. 76–77]. Вы, конечно, знаете и другие названия тканей, произведенные от названий городов: *кашмир* от имени индийского города Кашмир, *бостон* – от имени города Бостон. Таким образом, этнонимы и топонимы служат ориентирами во времени и пространстве, создавая историко-культурный облик русского государства.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Москва : Современный писатель, 1995. Т. 1–3.
2. Барандеев А. В. Народная этимология в топонимии Подмосковья // Русский язык в школе. 2014. № 6. С. 88–93.
3. Брагина А. А. О разных типах словарных заимствований и роли синонимии // Русская речь. 1979. № 2. С. 75–80.
4. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. Москва : Наука, 1983. 412 с.

5. Будилович А. С. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным : исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Киев : тип. М. П. Фрица, 1878–1882.
6. Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Ленинград : Издательство ЛГУ, 1978. 184 с.
7. Никитин О. В. Афанасий Матвеевич Селищев: Очерк жизни и деятельности // Труды по русскому языку / А. М. Селищев ; сост.: Б. А. Успенский, О. В. Никитин. Москва, 2003. Т. 1 : Язык и общество. С. 10–21.
8. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) // Труды по русскому языку / А. М. Селищев ; сост.: Б. А. Успенский, О. В. Никитин. Москва, 2003. Т. 1 : Язык и общество. С. 47–279.
9. Трубачев О. Н. В поисках единства : взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. Москва : Наука, 2005. 285, [2] с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем О. Н. Трубачева ; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
11. Черенкова А. Д. Исторический комментарий к современному русскому языку. Часть 1. Отражение древнейших фонетических процессов в современном русском языке : учеб. пособие. Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2009. 171, [1] с.
12. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. Москва : Просвещение, 1964. 244 с.

ETHNONYMS AND TOPONYMS AS A VALUABLE HERITAGE OF HISTORY AND CULTURE

Yu.V. Milutina

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky
Bryansk, Russian Federation

The article deals with the problem of studying ethnonyms and toponyms as an important component of the lexicon of the Russian language. Various points of view on the problem of the origin of Slavs, ethnonyms, names of peoples are indicated. The lexical composition of speech in the monuments of writing is analyzed, and the origin of some ethnonyms and toponyms is also explained. The materials of well-known scientists and researchers who have made a special contribution to the development of this problem are involved.

Key words: ethnos, ethnonyms, ethnography, Russian, Rus, etymology, toponyms, vocabulary, lexical composition of speech, origin.

УДК 81.161.1'373.2

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МИР В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ А.К. ТОЛСТОГО «КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ»

О.Г. Никулкина

Российский экономический университет
г. Брянск, Российская Федерация

Основой статьи послужила публикация автора: Никулкина О. Г. Топонимия романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» // Коммуникативные позиции русского языка

в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : Международный форум русистов, г. Новозыбков, Брянская область, 24–26 мая 2018 г. / Фонд «Русский мир» [и др.] ; редкол.: С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов. Брянск [и др.], 2018. С. 573–578.

В статье рассматривается топонимическое пространство исторического романа А.К. Толстого «Князь Серебряный». Выделяются структурно-словообразовательные типы топонимов, их функциональные особенности. Устанавливается роль поэтонимов в художественном тексте, исследуется их семантический потенциал. Топонимы маркируют реальное пространство и не несут дополнительной смысловой нагрузки.

Ключевые слова: топонимия, реальный топоним, топоним-историзм, топоним-архаизм, функции топонимов.

Ономастикон любого художественного произведения как носитель национальной культуры представляет большой исследовательский интерес не только для филологов, но и для историков, культурологов, этнографов. Топонимия романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» не только номинирует географические объекты и определяет пространственные ориентиры художественного произведения, но и способствует созданию исторически достоверной картины жизни Московского государства эпохи Ивана Грозного.

Роман А.К. Толстого «Князь Серебряный» преимущественно изучался в литературоведческом аспекте [2; 3; 11; 14]. Лексическая составляющая изучена в меньшей степени, в частности, предпринимались попытки анализа устаревшей лексики в романе [1], особенностей картины мира в произведении [7], поэтонимосферы романа в целом [10] или структурно-словообразовательных особенностей антропонимов [5]. Топонимия романа не становилась объектом всестороннего исследования, что и обусловило актуальность настоящей работы.

Целью исследования является анализ топонимии романа «Князь Серебряный», она реализуется в ряде задач: 1) определении количества топонимических единиц, 2) исследовании семантических разрядов топонимов, 3) анализе их функциональных и структурных особенностей.

А.К. Толстой определил основную творческую задачу в романе как «изображение общего характера целой эпохи» [12, с. 61]. В тексте топонимы помогают писателю организовать пространство, представленное исключительно реальными онимами. Наименования географических объектов конкретно и с исторической достоверностью локализуют место действия в произведении. Топонимические границы отражают географию Московского государства XVI века.

Топонимия романа «Князь Серебряный» представлена следующими тематическими разрядами (термины взяты из словаря Подольской Н.В. [8]): 1) хоронимами (*Англия, Германия, Ливония, Литва, Польша, Русь, Сибирь, Украина, Пермская земля и Югорская земля, Астраханское царство, Казанское царство, Сибирское царство*), 2) астионимами (*Москва, Тула, Новгород, Псков, Астрахань, Суздаль*), 3) комонимами (*деревня Медведевка, село*

Богородицкое, Александрова слобода), 4) урбанонимами (Китай-город, Красная площадь, Крестовская застава и Бутырская застава), 5) эргонимом (Дума), экклезионимами (Лобное место, Соловецкий монастырь, церковь Василия Блаженного, церковь Трифона Напрудного, Троицкая лавра), 6) дрононимом (Владимирская дорога).

Гидронимия романа представлена потапонимами (матушка-Волга, Москва-река, Кама, Иртыш, Ока, Яуза, Свияга, Неглинная), лимнонимами (Студеное море, Хвалынское море) и гелонимом (название болота) Поганая Лужа.

Каждый из топонимов указывает в отдельности на определенный объект, реализуя своё прямое топонимическое значение.

Наименования большинства географических объектов актуальны в современном языке (Польша, Германия, Москва и др.). ИС Русь – фонетический вариант топонима Россия: «От полей и лесов так и веяло **Русью**» [12, с. 10]. Данный топоним как название государства употребляется с XV века наряду с онимом *Московское царство*.

Топоним *Украина* (фонетический вариант онима *Украина*) возник в XII веке. Слово первоначально было нарицательным, означало *пограничную территорию* (из основы –*край*- в значении *конец, граница*, ср. современное русское слово *окраина*), к XII веку стало этнонимом [4, с. 435].

Именная конструкция *деревня Медведевка* построена по модели «апеллятив + комоним», где комоним, скорее всего возник на основе фамилии своего основателя – Медведева – путем прибавления суффикса -к (*а*) к производящей основе: «<...> Никита Романович Серебряный подъехал к **деревне Медведевке**, верст за тридцать от Москвы» [12, с. 9].

ИС село *Богородицкое* также построено по модели «апеллятив + комоним», где комоним возник путем субстантивации агонима *Богородица*. Возможно, возникновение села связано с деятельностью паломников, совершивших крестное шествие с иконами святых: «<...> знаешь ли, атаман, на Волге село **Богородицкое**?» [12, с. 151].

ИС *Александрова слобода* построено по модели «прилагательное + апеллятив», где апеллятив *слобода* обозначает небольшой населенный пункт: *слобода* – «большое село с некрепостным населением, пригород» [6, с. 672].

Некоторые топонимы относятся к устаревшей онимической системе. Топонимами-историзмами можно считать следующие именованья: *Ливония, Пермская земля, Югорская земля, Казанское царство, Астраханское царство, Сибирское царство*.

Ливонией (Ливонская конфедерация) называлось ныне не существующее государство рыцарей-крестоносцев, основанное на захваченных ими латышских и эстонских землях.

Именные конструкции (*Пермская земля и Югорская земля*) построены по модели «прилагательное + апеллятив», где апеллятив *земля* соотносится с понятием *государство*. Что касается этимологии ИС *Югорская земля*, то

в XII-XVII вв. так называли земли Северного Урала и побережье Ледовитого океана от устья Печоры до Обской губы, где проживали югра (старинное название хантов и мансийцев) [9, с. 292].

Пермская земля (Великая Пермь) – историческая область в Прикамье и в Западном Приуралье в XIV – нач. XVIII вв. Онимы *Пермская земля* и *Пермь Великая* употреблялись в официальных документах до губернской реформы 1708 года, когда указанная территория вошла в состав Сибирской губернии.

Прилагательные *Казанское*, *Астраханское* и *Сибирское* в структуре топонимов *Астраханское царство*, *Казанское царство*, *Сибирское царство* имеют оттопонимное происхождение (*Казань*, *Астрахань*, *Сибирь*). Именные конструкции отражают исторический процесс территориального деления, когда во главе отдельной территориальной единицы Золотая Орда ставила своего наместника.

Топонимы редко подвергаются изменениям любого характера, потому что представляют консервативный пласт ономастической лексики. В топонимическом пространстве романа «Князь Серебряный» зафиксировано два топонима-архаизма (*Студеное море* и *Хвалынское море*). *Хвалынское море* – это фонетико-номинативный вариант онима *Хвалиское море*, названия Каспийского моря. В.Н. Топоров, исследовав многочисленные варианты топонима, встречающиеся в летописях и других источниках, – *Хвалиское*, *Хвалийское*, *Хвалимское*, *Хвалижское*, *Хвалынское*, *Волынское* и другие – выводит их из персидского языка [13, с. 55]. *Хвалиское море* под влиянием народной этимологии обрело фонетическое созвучие, ассоциации со словом *хвалить* и трансформировалось в *Хвалынское море*. До XVIII века Баренцево море называлось Студеным морем [9, с. 70].

Микротопонимы, которые А.К. Толстой использует при воссоздании условий общения и взаимодействия людей, очерчивают реальное внутригородское пространство. Главная их функция заключается в идентификации определенного внутригородского объекта, в создании национального колорита. В тексте все микротопонимы выполняют описательную функцию.

Урбанонимы *Крестовская застава* и *Бутырская застава*, построены по модели «прилагательное + аппеллятив», где аппеллятивом *застава* обозначается место въезда в город, пункт контроля привозимых грузов и приезжающих [6, с. 220].

ИС *Лобное место* представляет конструкцию, построенную по модели «прилагательное + аппеллятив», где прилагательное соотносится со словом *лоб*. Лобным местом в старину называли возвышение, помост, с которого объявлялись царские указы, а также на котором совершались казни [6, с.330]: «*Что ни день, то кровь текла и на Лобном месте, и в тюрьмах, и в монастырях*» [12, с. 42].

Реальные макро- и микротопонимы выполняют в художественном произведении номинативную и описательную функции. Они локализуют

место действия и используются как ориентиры, делая повествование зрительно ощущаемым. Такие онимы лишены стилистической образности: «...дьяк обратился к прочим осужденным и прочел им обвинение в заговоре против *государя*, в намерении *отдать Новгород и Псков* литовскому королю ... » [12, с. 249]; «*Афанасий, – продолжал царь, – я этими днями еду молиться в Суздаль ...*» [12, с. 63]; «*Еще до восхода солнца народ столпился на Красной площади ...*» [12, с. 221]; «*или церковь Трифона Напрудного между Бутырскою и Крестовскою заставами* » [12, с. 291]; «*Вот созвал он в Думу и нас и духовенство*» [12, с. 43]; «*Особенное удивление возбуждали исполинские рыбы, пойманные в Студеном море и присланные в Слободу из Соловецкого монастыря*» [12, с. 60]; «*...церковь Василия Блаженного, коей пестрые главы могут дать понятие о причудливом зодчестве Иоанна Дворца*» [12, с. 291]; «*Дорога от Москвы до Троицкой лавры представляла самую живую картину*» [12, с. 48]; «*Местом сборища были запovedные дуга и перелески верстах в двух от Слободы по Владимирской дороге*» [12, с. 144]; «*На Язуе и на Неглинной вертелись десятиками мельничные колеса...*» [12, с. 26]; «*среди дремучего леса, было топкое и непроходимое болото, которое народ прозвал Поганою Лужей*» [12, с. 89]; «*с жилищем наборщиком и особым помещением для иностранных мастеров, выписанных Иоанном из Англии и Германии*» [12, с. 50]; «*Князь провел целых пять лет в Литве*» [12, с. 9]; «*... иди к ним обратно в Югорскую землю...*» [12, с. 288]; «*Прибавь великий государь, к завоеванным тобой царствам Казанскому и Астраханскому еще и это Сибирское*» [12, с. 283]; «*... молодой боярин князь Никита Романович Серебряный подъехал к деревне Медведевке, верст за тридцать от Москвы*» [12, с. 9]; «*тогда ты, государь, боярина Морозова одел в шутовской кафтан и велел ему, спавшему Тулу и Москву, забавлять тебя...*» [12, с. 243]; «*... перетаскивая суда из реки в реку, они добрались до берегов Иртыша ...*» [12, с. 281]; «*Когда я вместе с Хабаром Симским разбил чуваш и черемис на Свияге, когда прогнал от Оки крымского царевича*» [12, с. 240].

Сложный по структуре потамоним *матушка-Волга* состоит из двух компонентов (апеллятив + ИС) и выполняет в романе поэтическую функцию. Незакрепленность в словарях подобного двухкомпонентного обозначения свидетельствует о народной основе подобного именования объекта. Аналогично можно трактовать и такие сходные обозначения, как *Киев-град* и *Днепр-река*, а также *Дон-батюшка*, характерные для различных жанров устного народного творчества. Они отображают менталитет русского народа и являются особым стилистическим приемом поэтизации природы. Характерное для фольклора сочетание ИС с апеллятивом в едином словесном комплексе является отображением заключенного в подсознании народа восприятия каждого значимого объекта как «личного существа».

Восприятию в сознании Волги как антропоморфного существа женского рода способствует фонетическое оформление соответствующего гидронима (по звучанию совпадает с женскими именами на гласный): «*В песни*

говорилось про широкое раздолье степей, про матушку-Волгу, про разгульное бурлацкое житье» [12, с. 18].

ИС *Москва-река* представляет собой устойчивый комплекс, где с оном взаимодействует апеллатив, указывающий на принадлежность обозначаемого объекта к классу предметов. При этом постпозиция нарицательного существительного обязательна, в противном случае именование приобретает официальный характер и не вписывается в эмоциональную ткань произведения: *«Проезжая верхом по берегу **Москвы-реки**, можно было поверх частокола видеть весь сад Морозова»* [12, с. 33].

Реалистический, исторически достоверный пространственный мир в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» помогает воспроизвести «дух времени» Московского государства XVI века, воссоздает колорит эпохи, социальную, экономическую, культурную и политическую обстановку того периода. Топонимы маркируют реальное пространство и не несут дополнительной смысловой нагрузки, выполняют преимущественно номинативную и описательную функции и являются «документами» эпохи.

Литература

1. Вороничев О. Е., Шестакова Н. А. Устаревшая лексика в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Русский язык в школе. 2015. № 10. С. 41–45.
2. Григорьева Н. Г. Принципы характерологии в творчестве А. К. Толстого («Князь Серебряный», драматическая трилогия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 23, [1] с.
3. Егорова О. Н. Лингвотенденции русской художественно-исторической литературы первой половины XIX века и стиль романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 25 с.
4. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь : около 4000 названий. Москва : Мысль, 1966. 509с.
5. Никулкина О. Г Структурно-словообразовательные особенности мужского антропонимикона в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 9. С. 68–73.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва : Технологии, 2007. 938, [3] с.
7. Печёнкина О. Ю. Картина мира в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 3. С. 166–169.
8. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1988. 187, [2] с.
9. Поспелов Е. М. Топонимический словарь : около 1500 географических названий мира. Москва : Астрель [и др.], 2005. 329, [3] с.
10. Пронченко С. М. Поэтонимы в художественной системе исторического романа графа А. К. Толстого «Князь Серебряный» // Новый филологический вестник. 2021. № 1. С. 138–147.
11. Старыгина Н. Н. «Князь Серебряный» А. К. Толстого: система религиозных мотивов // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 362–373.
12. Толстой А. К. Князь Серебряный : Повесть времен Иоанна Грозного / примеч. А. С. Курилова. Тула : Пересвет, 1993. 317, [2] с.

13. Топоров В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры : источники и методы / отв. ред. Н. И. Толстой. Москва, 1989. С. 23–60.
14. Федоров А. В. Творчество А. К. Толстого и русская литература третьей четверти XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2018. 451 с.

SPATIAL WORLD IN A HISTORICAL NOVEL BY A.K. TOLSTOY "PRINCE SILVER"

O.G. Nikulkina

Russian Economic University
Bryansk, Russian Federation

The article deals with the toponymic space of the historical novel by A.K. Tolstoy "Prince Silver". Structural and derivational types of toponyms, their functional features are distinguished. The role of poetonyms in a literary text is established, their semantic potential is explored. Toponyms mark the real space and do not carry an additional semantic load.

Key words: toponymy, real toponym, toponym-historicism, toponym-archaism, functions of toponyms.

УДК 811.161. 1'373

ПРОВИНЦИЯ КАК ПРОПРИАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА

О.Д. Паршина

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается номинация «провинция», выступающая в функции проприальной единицы в современном русском языке. Интерес к изучению феномена русской провинции в лингвистике растет, исследователи рассматривают ее разноаспектно. Являясь одним из ключевых элементов русской лингвокультуры, лексема «провинция» активно используется для создания имен собственных на рубеже XX–XXI веков. Установлено, что в зависимости от типа денотативной основы номинация «провинция» наиболее часто используется для формирования эргонимов и урбанонимов. Реже представлены библионимы, прагматонимы и артионимы. В территориальном отношении использование лексемы «провинция» для создания онима наиболее характерно для Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов.

Ключевые слова: провинция, проприальная единица, урбаноним, прагматоним, эргоним.

Российская провинция в современном гуманитарном знании изучается как социокультурный феномен, обладающий целым рядом характеристик, к которым можно отнести «тесную связь природного и культурного пространств, многообразие связей с этническими традициями, включенность культуротворчества в повседневность провинциальной жизни, непосредственная близость и частота контактов в сфере личного взаимодействия, консерватизм, традиционализм и др.» [9, с. 145]. Так, самарские ученые

отмечают, что междисциплинарное изучение провинции задает, по сути, новое направление – провинциологию [1; 5]. Разноаспектное изучение феномена провинции в рамках лингвистики в настоящее время ведется в семантико-прагматическом, семиотическом и аксиологическом подходах [2; 3; 10; 11; 12; 13].

Профессор Е.П. Иванян полагает, что «отдельной ветвью провинциологии должна стать ономастическая провинциология. Именно этот раздел мог бы изучать весь континуум топонимических обозначений провинции, исследовать сложное взаимодействие проприальных единиц и апеллятивов в рамках системных отношений в лексике (синонимы, омонимы, меронимия и прочее)» [6, с. 45].

Настоящее исследование посвящено рассмотрению использования номинации *провинция* в функции проприальной единицы. Следует отметить, что впервые лексема *провинция* в функции онима была охарактеризована М.Я. Спивак в 2000 году. В частности, исследователь отмечает, что «слово «провинция» является сегодня... не только легким способом продвижения на рынке своего товара. «Провинция» становится серьезной картой в политической игре центра и регионов» [16, с. 516].

Имена собственные представляют собой необходимый для коммуникации элемент. Динамичные изменения жизни влекут изменения в языке и отражаются в том числе и в ономастике. Вопрос о характере номинации при образовании проприальных единиц является в настоящее время дискуссионным [7].

Далее речь пойдет об особенностях функционирования лексемы *провинция* в качестве проприальной единицы, что можно обозначить в качестве цели настоящей работы. Поставленная цель предполагает решение ряда задач: сделать выборку материала на базе современных интернет-ресурсов, определить типы отобранных имён собственных, а также их частотность.

Для достижения поставленной цели была осуществлена сплошная выборка в поисковых системах «Гугл» и «Яндекс», а также в социальной сети «ВКонтакте», в результате которой было отобрано 90 проприальных единиц, классифицированных с опорой на типологию имён собственных, представленную в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской [14]. Чтобы рассмотреть семантические и прагматические характеристики проприальных единиц с компонентом *провинция*, необходимо обратиться к контекстуальному и семантическому анализу.

Выявленные проприальные единицы представлены как одиночными, так и двукомпонентными образованиями, которые в зависимости от характера денотативной основы могут быть отнесены к следующим типам ономаем: 1) эргонимы; 2) урбанонимы; 3) библионимы; 4) прагматонимы; 5) геортонимы; 6) артионимы.

1. Лексема *провинция* в составе эргонимов была выявлена в 37 случаях, что составляет 41% от общего числа проприальных единиц.

М.Г. Курбанова отмечает, что «функциональное многообразие эргонимов определяется интенциями номинатора и рядом требований к современному эргониму: он должен привлекать внимание и легко запоминаться, вызывать положительные ассоциации и быть понятным широким слоям городского населения» [8, с. 30].

Однокомпонентный эргоним «*Провинция*» представлен 26 единицами и используется для обозначения концертного агентства, производственных компаний, музыкальных групп, танцевальных коллективов, футбольных и спортивных клубов и т.д. Наиболее частотным являются различные сообщества в социальной сети «ВКонтакте». А.В. Зубарева подчеркивает, что «проблема функционирования онимов в интернет-среде является комплексной в силу ее многоаспектности. Ономастикон интернет-коммуникации формируется в соответствии с логикой, которой подчиняется взаимодействие онлайн (интернет-среда) и офлайн (привычного «реального» мира)» [4]. Следует ответить, что для эргонимов – названий интернет-сообществ можно обнаружить определенные обоснования, которые создатели сообществ фиксируют в профиле паблика. Например, одно из сообществ «*Провинция*» во «ВКонтакте» предваряется следующим описанием: «Друзья, товарищи!!! Настало не очень лёгкое время. Но, во всем можно найти свои плюсы. Я хочу показать вам, как данных условиях проходит жизнь в маленьких городах, так называемая «провинция» (URL: <https://vk.com/province47> (дата обращения: 12.03.2023)).

Для номинации творческой волонтерской группы из г. Новороссийска эргоним «*Провинция*» представлен в старом орфографическом облике, что позволяет подчеркнуть характер деятельности группы: «*любовь к истории родного города, края, страны, горячее желание сохранить и приумножить историческое наследие*» (URL: <https://clck.ru/32q4Tj> (дата обращения: 12.03.2023)).

В 11 случаях эргоним представляет собой дву- или трехкомпонентное словосочетание, один из компонентов которого – адъектив, выраженный именем прилагательным (9 онимов) или именем существительным (2 онима).

Адъектив в данных эргонимах выполняет разные функции. С одной стороны, он актуализирует информацию характере детальности того или иного объединения, сообщества, организации, выполняя информативную функцию, например: «*Моя сладкая провинция*» (кондитерская компания, г. Тамбов), «*Библиотечная провинция*» (объединение библиотек, г. Бердск), «*Провинция танго*» (школа аргентинского танго, г. Самара). С другой стороны, адъектив выражает различные коннотации, выполняя прагматическую функцию привлечения внимания потенциального потребителя: «*Провинция Человека*» (музыкальная группа), «*Русская провинция*» (ассоциация развития исторических поселений, д. Рукав Владимирской обл.), «*Злая провинция*», «*Мертвая провинция*» (названия сообществ во «ВКонтакте», г. Астрахань и г. Москва), «*Моя провинция*» (туристический паблик, г. Качканар Свердловской обл.), «*Неизвестная провинция*» (туристическое

агентство, г. Москва). Ряд эргонимов содержит обоснования, выражающие интенцию номинатора: сообщество во «ВКонтакте» «*Уральская провинция*» (г. Краснотурьинск Свердловской обл.) включает обоснование: «*Красота российской глубинки в повседневности*» (URL: <https://vk.com/uralprovinciaaesthetic> (дата обращения: 12.03.2023)); туристический паблик «*Удивительная провинция*» (г. Бежецк Тверской обл.) содержит описание характеристик города: «*Маленький провинциальный и такой привлекательный Бежецк*» (URL: https://vk.com/amazing_province (дата обращения: 12.03.2023)).

2. Урбанонимы с лексемой *провинция* представлены 25 единицами, что составляет 28% от общего числа проприальных единиц.

Е.Н. Ремчукова и Т.П. Соколова предлагают относить к урбанонимам проприальные единицы – наименования объектов городской среды (кафе, магазины, рестораны и т.д.), поскольку они «демонстрирует реализацию антиномии «свое – чужое», акцентируя в названии объекта внимание потребителя на ценности своего» [15, с. 35].

В 18 случаях урбанонимы представлены номинацией *провинция* и наиболее активно используются для наименования заведений общественного питания (кафе, ресторан, бар и т.д.) и объектов туристической инфраструктуры (гостинца, база отдыха, гостевой дом и др.). Обоснование в выборе онима достаточно частотно для данных урбанонимов, например: название кулинарии «Провинция» в г. Екатеринбурге актуализирует для потребителя положительные коннотации номинации *провинция*: «*Кулинария "Провинция" – это вековые рецепты, качество и уют. Сделано вручную с любовью!*» (URL: https://vk.com/kulinaria_provintsia (дата обращения: 12.03.2023)).

Для урбанонима – названия ресторана в г. Москве использованы нетранслитерированные итальянские слова «*La Provincia*». Е.Н. Ремчукова и Т.П. Соколова видят в этом «общую тенденцию к латинизации и стремление номинатора повысить статус заведения, так как изысканная дорогая кухня традиционно ассоциируется именно с итальянской гастрономией» [15, с. 37].

В 6 случаях урбанонимы представлены адъективными словосочетаниями, в которых зависимое слово (имя прилагательное или имя существительное) выполняет либо идентифицирующую функцию, актуализируя информацию о производителе или продукции: сеть фирменных розничных магазинов «*Провинция Солгон*» (с. Солгон Красноярского края); магазин «*Мясная провинция*» (г. Рязань), магазин «*Чайная провинция*» (г. Москва). Либо подчеркивают иные характеристики: географические (ресторан китайской кухни «*Китайская провинция*» в г. Москве), аксиологически значимые для потребителя (клуб-отель «*Старая провинция*» на озере Кумкуль Челябинской обл.; театрально-фестивальный центр «*Золотая провинция*» в г. Пензе).

3. Прагматонимы с номинацией *провинция* выявлены в 10 случаях (11% от общего числа проприальных единиц). В большинстве случаев проприальная единица «*Провинция*» используется для наименования непродовольственной продукции: различных наборов посуды, полотенец, наборов для вышивания и для раскрашивания по номерам.

Обоснование в выборе прагматонима представлено владельцами марки одежды «*Провинция*»: «*Провинция*» в качестве бренда, с одной стороны, отражает самоощущение депрессивных регионов, а с другой – возвращает жителям малых городов утраченную гордость» (URL: <https://provincerussia.ru/page/o-nas> (дата обращения: 12.03.2023)).

4. К библионимам, представляющим собой номинации книг, журналов газет и т.д., можно отнести 9 единиц (10%). Следует отметить, что однокомпонентный библионим выявлен в 4 случаях. В наименовании иркутской интернет-газеты «*Provincia*» латиница использована как маркер так называемого модного нейминга, представляющего «свое» (русское) как «чужое» при помощи транслитерации [15, с. 38]. Номинаторы так обосновывают выбор библионима: «*Небольшие города России, особенно те, что "за Уралом" – это провинция. В хорошем и уютном смысле этого слова. Мы пишем об образе жизни жителей небольшого города, о том, как формирует культура пространство провинции, и о том, как она функционирует. Провинция – это про всех нас*» (URL: <https://the-province.ru> (дата обращения: 12.03.2023)).

В двух случаях для образования проприальных единиц использована графогибридизация: в названиях журнала «*Провинция.pro*» и российского информационного портала «*Провинция.ру*». Подобное обыгрывание графического облика онимов позволяет соотнести их с названием домена, на котором работает в интернете каждый из порталов.

В двух онимах-словосочетаниях адъективы либо отсылают к ойкониму: «*Псковская провинция*» (Газета, г. Псков), либо к этнотопониму «*Российская провинция*» (общественно-политическая газета, г. Бузулук).

5. В числе выявленных геортонимов (7 единиц – 8%) можно обнаружить два графодеривата. В названии конкурса видеопроектов «*Центр-Провинция*» (г. Калуга) соединены антонимы, организаторы видят цель конкурса в том, чтобы «*показать красоту души российской провинции, людей, там живущих*» (URL: <https://goo.su/kRs79D8> (дата обращения: 12.03.2023)). В геортониме-названии проекта Русского географического общества «*Сибирская Не_провинция*» (г. Томск) новообразование *Не_провинция* репрезентирует семантику центра/столицы. Номинаторы видят целью проекта помочь «*подросткам и молодым жителям Томской области... использовать свой потенциал на благо своего родного края, сделать среду вокруг себя насыщеннее, позитивнее и интереснее*» (URL: <http://neprovinciya.rgotomsk.com> (дата обращения: 12.03.2023)).

В остальных случаях геортоним-словосочетание построен на основе метафорического переноса значения одного из компонентов: перифрасти-

ческая структура «Провинция – душа России» функционирует в качестве геортонима-названия музыкального фестиваля в селе Вятское Ярославской области (URL: <https://clck.ru/32ndNG> (дата обращения: 12.03.2023)); геортоним «Провинции душа живая» представляет собой инверсированную конструкцию, именующую фестиваль народного творчества в поселке Сусанино Костромской области (URL: <https://clck.ru/32ndUy> (дата обращения: 12.03.2023)); название выставки художника Н. Зудовой «Душа провинции» (г. Москва) создано на основе антропоморфной метафоры.

6. Два наименования произведений искусства (2% от общего числа проприальных единиц) представлены артионимом «Дух провинции» – названием граффити в Промышленном районе г. Самары; название картины «Провинция» художника И.С. Школьника.

Выявленные проприальные единицы с компонентом провинция представлены в синоптической таблице 1 с указанием частотности каждого онима.

Таблица 1

Денотативная основа проприальных единиц с компонентом провинция

№	Проприальная единица	Денотат	Местонахождение
Эргоним – 37 единиц (41%)			
1.	«Провинция»	Сообщество во «Вконтакте» (10)	г. Пенза, г. Пермь, г. Шадринск
		Творческий коллектив / музыкальная группа (4)	г. Кишинев, г. Барнаул, г. Рыбинск
		Производственная компания (2)	с. Фоки (Пермский край)
		Футбольный / спортивный клуб (2)	г. Пенза, г. Кемерово
		Туристическое сообщество (1)	г. Краснодар, г. Тамбов
		Концертное агентство (1)	г. Новороссийск
2.	«Провинция»	Творческая волонтерская группа	г. Воронеж
3.	«Моя сладкая провинция»	Кондитерская компания	г. Новороссийск
4.	«Провинция Человека»	Музыкальная группа	г. Тамбов
5.	«Провинция танго»	Музыкальная группа	-
6.	«Русская провинция»	Школа аргентинского танго	г. Самара
7.	«Библиотечная провинция»	Ассоциация развития исторических поселений	д. Рукав (Владимирская обл.)
8.	«Злая провинция»	Объединение библиотек	г. Бердск
		Сообщество во «Вконтакте»	г. Астрахань

Продолжение таблицы 1

№	Проприальная единица	Денотат	Местонахождение
9.	«Мертвая провинция»	Сообщество во «ВКонтакте»	г. Москва
10.	«Моя провинция»	Туристический паблик	г. Качканар (Свердловская обл.)
11.	«Неизвестная провинция»	Туристическое агентство	г. Москва
12.	«Уральская провинция»	Сообщество во «ВКонтакте»	г. Краснотурьинск (Свердловская обл.)
13.	«Удивительная провинция»	Туристический паблик	г. Бежецк (Тверская обл.)
Урбаноним – 25 единиц (28%)			
1.	«Провинция»	Ресторан / кафе / бар (9)	г. Екатеринбург, г. Серпухов, г. Воронеж, г. Коломна, г. Сызрань, г. Норильск, г. Первоуральск, г. Урюпинск, г. Городец (Нижегородская обл.)
		Гостиница / гостевой дом / база отдыха (5)	г. Омск, г. Березовский, д. Буньково (Московская обл.), п. Слюдорудник (Челябинская обл.)
		Продовольственный магазин (2)	г. Минск, п. Боброво (Архангельская обл.)
		Стриптиз-клуб (1)	г. Ростов-на-Дону
		Мужская парикмахерская (1)	г. Барнаул
2.	«La Provincia»	Ресторан	г. Москва
3.	«Провинция Солгон»	Сеть фирменных розничных магазинов	с. Солго (Красноярский край)
4.	«Китайская провинция»	Ресторан китайской кухни	г. Москва
5.	«Мясная провинция»	Магазин	г. Рязань
6.	«Старая провинция»	Клуб-отель	озеро Кумкуль (Челябинская обл.)
7.	«Чайная провинция»	Магазин	г. Москва
8.	«Золотая провинция»	Театрально-фестивальный центр	г. Пенза
Прагматоним – 10 единиц (11%)			
1.	«Провинция»	Наборы непродовольственных товаров: хрустальной посуды; чайной посуды; полотенец; плетеных корзин; кашпо; наборы для вышивания; для раскрашивания по номерам (7)	г. Гусь-Хрустальный

Окончание таблицы 1

№	Проприальная единица	Денотат	Местонахождение
		Марка одежды (1)	с. Вознесенье (Ивановская обл.)
		Мебель (1)	г. Лида (Беларусь)
		Молочные продукты (1)	г. Киров
Библионим – 9 единиц (10%)			
1.	«Провинция»	Средство массовой информации (газета, радио, информационная программа) (3)	г. Шимановск (Амурская обл.), г. Пятигорск, с. Викулово (Тюменская обл.)
		Сборник стихотворений А.А. Хальзунова (1)	-
2.	«Provincia»	Иркутская интернет-газета	г. Иркутск
3.	«Провинция.рго»	Журнал	-
4.	«Провинция.ру»	Российский информационный портал	-
5.	«Псковская провинция»	Газета	г. Псков
6.	«Российская провинция»	Общественно-политическая газета	г. Бузулук
Геортоним – 7 единиц (8%)			
1.	«Центр-Провинция»	Конкурс видеопроектов	г. Калуга
2.	«Моя провинция»	Всероссийский фестиваль	-
3.	«Джазовая провинция»	Ежегодный фестиваль импровизационной музыки	г. Курск
4.	«Сибирская Не провинция»	Проект Русского географического общества	г. Томск
5.	«Провинции душа живая»	Фестиваль народного творчества	п. Сусанино (Костромская обл.)
6.	«Душа провинции»	Выставка художника Н. Зудовой	г. Москва
7.	«Провинция – душа России»	Музыкальный фестиваль	с. Вятское (Ярославская обл.)
Артионим – 2 единицы (2%)			
1.	«Провинция»	Картина И.С. Школьника	-
2.	«Дух провинции»	Граффити стрит-арт-художника Дениса Вертиго	г. Самара

Представляется интересным проследить особенности географического распределения проприальных единиц, поскольку для 65 онимов установлена территория их возникновения и функционирования. Полученные результаты представлены в таблице 2, в которой в порядке убывания расположены наименования российских федеральных округов с указанием количества зафиксированных в них онимов. Следует обратить внимание на

то, что три проприальных единицы были зарегистрированы на зарубежной территории: музыкальная группа «*Провинция*» (г. Кишинев, Молдова), набор мебели «*Провинция*» (г. Лида, Беларусь), продовольственный магазин «*Провинция*» (г. Минск, Беларусь).

Таблица 2

Денотативная основа проприальных единиц с компонентом *провинция*

Наименование федерального округа	Кол-во проприальных единиц	Наименование федерального округа	Кол-во проприальных единиц
Центральный	23	Южный	7
Приволжский	10	Северо-Западный	2
Уральский	9	Северо-Кавказский	1
Сибирский	9	Дальневосточный	1

Как можно видеть, выбор номинации *провинция* в качестве основы создания проприальной единицы наиболее актуален для территорий Центрального, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов.

Таким образом, анализ отобранных проприальных единиц показал, что «провинциальные» проприальные единицы, к которым относятся эргонимы, урбанонимы, прагматонимы, библионимы, геортоним и артионимы, играют большую роль во многих ключевых сферах деятельности человека, а лексема *провинция* занимает важное место в языковой картине мира носителей русского языка.

Литература

1. Бурлина Е. Я., Барабошина Н. В., Иливицкая Л. Г. Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее // Философские науки. 2019. Т. 62, № 11. С. 27–45.
2. Бычкова В. С. Вербализация внешности провинциалки в русской лингвокультуре // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа, 2022. С. 28–30.
3. Бычкова В. С. К вопросу о семантико-прагматических особенностях номинации «провинциалка» в современном русском языке // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой юбилеям ... Александра Николаевича Гвоздева и Евгения Михайловича Кубарева / отв. ред. Т. Е. Баженова. Самара, 2022. С. 108–119.
4. Зубарева А. В. Онимы в интернет-коммуникации: новые явления и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 120–136.
5. Иванян Е. П. К вопросу о проприальных единицах Российской провинции // Наука и культура России. 2022. Т. 1. С. 119–122.
6. Иванян Е. П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами // Русистика без границ. 2022. Т. 6, № 2. С. 44–55.

7. Косс Е. В. Проблемы теории номинации в филологическом образовании // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : Материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа, 2022. С. 134–136.
8. Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка в коммуникативно-прагматическом аспекте // Гуманитарные исследования. 2012. № 1. С. 29–35.
9. Мухамеджанова Н. М. Феномен провинции и провинциальной культуры в социокультурном измерении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7. С. 143–146.
10. Паршина О. Д., Давыденко А. А. Ценностное восприятие пространства города Тольятти // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога : Материалы Междунар. науч.-практ. онлайн-конференции, посвященной 90-летию Воронежского государственного педагогического университета / под ред. Г. А. Заварзиной. Воронеж, 2022. С. 225–231.
11. Паршина О. Д., Шадрин А. А. Средства актуализации значения лексемы «глушь» как репрезентанта семантики провинциальности // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : Материалы XIII Всерос. науч. конф. / отв. ред. С. В. Степанов. Санкт-Петербург, 2022. С. 20–23.
12. Паршина О. Д., Сатгареев А. М. Образ города как репрезентант пространственной картины мира в художественных текстах о Тольятти // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2021. № 2-1. С. 200–206.
13. Паршина О. Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3859–3868.
14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Наука, 1988. 187, [2] с.
15. Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П. «Свое» и «чужое» в коммуникативном пространстве российского города // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 31–50.
16. Спивак М. Я. «Провинция идет в регионы»: о некоторых особенностях современного употребления слова провинция // Геопанорама русской культуры : провинция и ее локальные акты / отв. ред. Л. О. Зайонц. Москва, 2004. С. 503–518.

PROVINCE AS A PROPER NAME

O.D. Parshina

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article considers the naming unit of *province* as a proper name in the modern Russian Language. The scientists are increasingly interested in the Russian province phenomenon and they study it from different perspectives. Being one of the key elements in the Russian linguoculture, the lexical item *province* is actively used in the proper names formation at the turn of the 20th and 21st centuries. It is established, that depending on the denotative base type, the naming unit of *province* is most commonly used for the ergonym and urbanonym formation. Biblionyms, pragmatonyms and artonyms are less common. In the territorial respect, it is typical to use the naming unit of *province* for proper names formation in the Central, Volga, Ural, and Siberian Federal Districts.

Key words: province, a proper name, an urbanonym, a pragmatonym, an ergonym.

К ОБОСНОВАНИЮ ДИНАМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

А.Г. Пастухов

Орловский государственный институт культуры
г. Орёл, Российская Федерация

Постоянно изменяющаяся способность сознания к рецепции объектов окружающего мира средствами медиа, стремление к содержательному реагированию на них представляет собой сложный процесс распознавания, различения социально-коммуникативного контекста, а также его прагматического замысла (совокупности актуальных интенций). В этих условиях возникает качественно новая реальность, связанная с социальным «проявлением» медиа, с их социальной манифестацией. Специфика медийной коммуникации значительно влияет на определение свойств текста и во многом предопределяет генезис новых текстотипов, в то время как традиционные теории обращают внимание лишь на информационную структуру. Требованием современной лингвистики текста является поиск обновленной динамической парадигмы, которая позволила бы более дифференцированно обосновать жанровую природу текста. Имеются в виду теория мотивации, а также анализ строительных блоков текста, через которые объективируется структура медийного знания. Таким образом, многообразие динамических свойств медиаречи, её вариации и коммуникативные взаимодействия формируют фокус постоянно обновляемых рефлексий: речевых актов, жанровых констелляций и изменяющихся дискурсов.

Ключевые слова: медиатекст, свойства текста, эволюция жанра, текстовая динамика, динамизация, рецептивный дизайн текста, структура знания.

Старые понятия и дефиниции не могут устроить исследователя, если речь идёт об описании новых феноменов. Медийная сфера – не исключение. В ситуации ускорений технологического и медийного развития, наука и её понятийный аппарат требуют обновлённых подходов и своей ресистематизации. Возникающие то и дело кризисы подтверждают мысль о том, что наше время – это время глубоких структурных изменений, касающихся не только общественных систем, но и других подсистем, включая науку [3, с. 175].

Приход новых технологий и эволюция медиа связываются также с изменением всей социальной семантики. Данные процессы протекают не постепенно и не параллельно во времени, а с некоторым сдвигом, смещением. Об этом свидетельствуют в т.ч. данные социологии науки, описывающих диффузные общественные процессы. Свои итоги подводит и лингвистика: для неё особенно важно установить «устойчивую связь сведений, активизируемых соответствующими номинативными средствами, с ядерными ориентациями лингвокультурного общества и ядерной частью идентичности, прежде всего, коллективного субъекта, а также возможностями активизации значительных фрагментов картины мира» [1, с. 109].

В этой ситуации *жизнеспособность* речевой формы связана в первую очередь с её *временной быстротечностью*. Для медиакommunikации в це-

лом и для *системы* и *эволюции* медиажанров выбор в пользу рациональности не является предопределённым. Дело в том, что формы менее постоянны, чем медиальный субстрат. Но даже если та или иная форма длительное время сохраняет свою стабильность, свободный потенциал медиального субстрата и его формы от этого не уменьшаются. На фоне ассиметричного различения медиального субстрата и формы, новые коммуникационные системы перерабатывают большие объёмы коммуникации, фокусируя внимание на том, что в тот или иной момент происходит [2, с. 16–17].

Критерии динамики и интенсивности текста безо всякой натяжки можно считать некими предварительными условиями акта использования медиа и одновременно приёма, в ходе реализации которого интерпретация медиасообщения объективно соотносится с содержанием, срок действия которого, как правило, короче, чем временной отрезок, за который нужно оценить медиатекст [5, с. 117].

Исследования медийных нарративов и их риторической структуры являются принципиально важным моментом. Анализ вписывается в «модель информационного потока» (*information flow*), в котором вертикальная, иерархическая организация мышления и язык дополняются и обогащаются за счёт большего внимания к горизонтальному аспекту» [11, р. 166]. Поскольку эти линии тесно связаны друг с другом, не имеет смысла рассматривать их по отдельности; гораздо важнее попытаться проследить их взаимосвязи. Что касается теории «акционального действия» и связанного с ней вопроса о текстовых ресурсах для решения конкретных коммуникативных задач, т.е. собственно определения природы внутренней текстовой динамики, их комбинация не всегда и не сразу представляется абсолютным решением для возможных теорий, форм или моделей [12, S. 24].

Принятие в качестве узлового пункта динамической теории текста его линейной структуры предполагает последовательную отработку коммуникативной задачи, в результате чего медиасообщения начинают восприниматься сквозь призму особенностей коммуникативного акта и решения конкретных рецептивных задач. В этой ситуации принципы и процедуры организации текста воспринимаются как задачи создания и последующей обработки текстов, в т.ч. как продуктов использования этих процедур. При этом существенно возрастает значение первичного статуса линейной организации текста, в то время как вторичность иерархических структур также будет иметь место. При этом сами структуры могут приобретать оттенок «придуманности» и выступать в виде некоей объединяющей фикции.

Аktуальной *целью* исследования является выявление причин, определяющих эволюцию языка, как: (a) непосредственной биологической способности к языку, (b) его «культурной» эволюции, начиная от доязыковых, протолингвистических форм [20; 24, pp. 480–481]), вплоть до (c) эволюции естественного языка в ходе своего исторического развития.

Изучая разнообразные «коммуникативные режимы» и «состояния», следует обратить внимание на действие основных модальностей в них. Так,

подходы к рецепции, касающиеся принятия/непринятия социально-психологических теорем, в наиболее общем виде можно сформулировать как возможность выбора в отношении устойчивого медиаконтента, проявляющегося хотя и в субъективной форме, но обладающего собственной мотивацией или простой предрасположенностью [5, с. 123].

Задачами данного исследования становится таким образом выяснение «динамических» свойств текста, участвующих в его моделировании ситуациях, когда модели адаптации текстовых черт в различных дискурсивных средах не будут одинаковыми и прототипичными, а будут зависеть от устойчивости наиболее распространённых *текстовых шаблонов* (Textmuster). Находясь под влиянием языкового действия, большинство из них доказали свою состоятельность и являются носителями характерного модуса текстового сообщения, что вполне соотносится с представлениями о жанре у получателя информации.

Комбинация семиотических, когнитивных, квантитативных, а также теоретико-акциональных подходов содержит в себе достаточный потенциал, который позволяет оценить причины, повлиявшие на наш методологический выбор. Совместимость теорий и наличие конкурентных точек зрения характерно фиксирует ориентации адресата и в качестве фундаментального принципа ведёт к установлению границ динамической теории текста. Основанный на диалогизме и динамичности коммуникации, текст обретает свой нормативный статус. Сюда следует добавить и фактор партнёра по коммуникации, и, поскольку коммуникативные обязательства являются частью внутренней структуры языкового действия, то и сами языковые действия.

В результате внедрения данного исследовательского алгоритма были выделены следующие актанты динамической теории текста: 1) функциональность в рамках теории акционального действия (*Handlungstheorie*); 2) диалогический характер; 3) собственная динамика текста; 4) инклюзивность. Так как задача исследования речевого произведения – это прежде всего анализ вербальных действий, вписывающихся в контекст дескриптивных описаний или конвенциональных коммуникативных действий (актов), то и решение коммуникативной задачи, сформулированной как речевой образец, шаблон или матрица, расширяет общее понимание медиaproдукта (медиатекста) как некоей культурной копии, что в значительной степени детерминирует функции и свойства медиажанра. В этой ситуации важно показать его синтез, возможные расширения, а также то, как они соотносятся с медиатекстом, гипотетически характеризующимися внутренней динамикой.

Динамизация свойств медиатекста предполагает в этом смысле ряд потенциальных возможностей как для печатной, так и для цифровой коммуникации. Языковая норма, в свою очередь, также может восприниматься в динамическом аспекте. Она является результатом социально-исторически детерминированной речевой деятельности, закрепляющей традиционные

и системные реализации, что репродуцирует единицы с более высокой потенциальной дееспособностью, с одной стороны, и с реализационными образцами, с другой.

Эти процессы охватывают как статическую (система языковых единиц), так и динамическую (языковое функционирование) стороны речевой деятельности [19, р. 525]. Это будут по преимуществу вербальные действия, которые манифестируют деятельностную манеру речи. Соединение теоретико-акционального метода и его конвенциональных реализаций имеют лишь один недостаток, который читатель (реципиент) не отмечает для себя в качестве приоритетного. Никто также не станет отрицать важности индикаторов связи между языковыми и неязыковыми действиями, которые не только объективны и показательны, но и весьма продуктивны в плане встраивания языкового действия в общую парадигму медийной коммуникации.

Другими словами, хотя текст и считается контекстно-свободным, неинтерактивным и монологичным, это несколько не снижает важности его коммуникативной задачи (авторы медиатекста пишут для аудиторий) [27, р. 18]. Каждый текст обретает свою аудиторию, и автор хотя бы отчасти обязан учитывать этот факт. Данная позиция созвучна концепции «реципиентного дизайна», которая была разработана в связи с этнометодологическим анализом, сочетающем в себе «устность» и аналитизм на основе секвенцирования¹ и тематической организации как некоего баланса между теорией акционального текстового действия и анализом нарратива. Подобное понимание [см.: 6, р. 41–43], дополняемое концепцией общего знания и производной от него теории динамического построения знания, будучи диалогичными по своей сути, являются важной рефлексией для участников коммуникации, для всех тех, кто принимает участие в обмене знанием (информацией), которые последовательно накапливаются и систематизируются.

Обратимся непосредственно к «динамической» основе в теории текста. Когда кто-то строит предложение, изменяется мир: сознание автора (журналиста) в этой ситуации направлено на то, чтобы задуматься о последствиях своих коммуникативных шагов (сравн.: *отказ от поставок российских энергоносителей на германский рынок, антироссийские санкции, взрыв на газопроводе «Северный поток-2»* и т.п.). После того, как автор написал текст, наступает новый этап «коммуникативной» игры. Нарративная (разговорно-аналитическая) составляющая предполагает, что линейная и тематическая организация текста становится отправной точкой для возникновения динамических свойств медиатекста. Она устанавливает связи между акциональной теорией и анализом нарратива, помогает лучше понять способность не просто «стоять» на обстоятельствах, но и привлекать новый фон для рецепции актуальных медиасообщений.

¹ Секвенцирование – свободное пространство для опций, из которого необходимо выбрать одну, наиболее подходящую для конкретной ситуации (Прим. автора).

Формы предъявления информации (медиажанры), пересекаясь интертекстуально и интердискурсивно, обладают устойчивой потенцией накопления *динамического эффекта*. Сравним в этом смысле родственные теории формальной диалектики [15], изменения контекста [23], семантики смены файлов [16], а также ряд психологических штудий, которые соприкасаются с моделью «обновления» ситуаций [18]. Своим рождением они обязаны концепции игровой метафоры, которая, в свою очередь, восходит к теории «языковой игры» Л. Витгенштейна.

Лингвистическое действие является непреложным «ходом в языковой игре» и содержит в себе важное теоретическое преимущество: значение (смысл) высказывания характеризуется «контекстуальным динамическим потенциалом» (*Kontextveränderungspotenzial*), отчего задача документирования коммуникации воспринимается как компонент динамической теории. Сама «бухгалтерия» протекания коммуникации (И. Хайм, напротив, говорит о строгом учёте, а не о банальном документировании ситуации коммуникативного состояния (*Spielstandsdokumentation*)) свидетельствует о том, что идея документирования содержит в себе черты кинематики текста в попытке «установить исследовательские императивы философии, лингвистики и информатики, которые плодотворно «работают» и даже усиливают друг друга» [26, р. 341].

Можно предположить, что уровень когнитивной схемы в сопоставимых контекстах определяется спецификой и установками языкового коллектива, лингвистическими и дискурсивными возможностями социальных ролей медиаакторов. Не следует также забывать, что языковое взаимодействие всегда глубже, нежели конвенциональное использование языковых структур или лексики. Поэтому для нашего анализа – жанры – это главным образом сценарии, которые реализуются в рамках конкретной социальной и речевой ситуации и затем разворачиваются в ходе дискурсивного взаимодействия, обретая свою конкретную форму. Таким образом, жанр выступает рубрикаторм подобного *социального и культурного взаимодействия* [4, с. 59].

Как видим, исследовательская стратегия лингвистики текста неплохо вписывается в жанровую проблематику [13, S. 21–23]. Идея динамизма, развиваемая в других дисциплинах, имеет большой потенциал для жанровой теории, которая до сих пор лишь в ограниченной степени применялась в традиционной лингвистике текста (*Textlinguistik*). *Динамико-транзакционный подход* (ДТП) [14] является еще одним важным дополнением к ней, что касается медиаэффектов и эмпирической коммуникативистики. Он объединяет в себе изучение связки «стимул – реакция», а также определяет преимущества, которые несёт в себе удовлетворение запросов участников коммуникации. До 1980-х гг. исследования медиавоздействия касались в основном позиций коммуникатора (медиа), или, наоборот, получателя (аудитории). ДТП пытается совместить в себе обе эти точки зрения; он открывает возможность интегративных перекрещиваний теории текста, рецептивной и референциальной динамики, теории тематического разворачивания, сис-

темного предъявления знания, вплоть до изучения глобальных последовательностей, вариативности и жанровых изменений.

Акциональная теория текста завязана на проблему его производства, и в этом она отличается от когнитивной теории, которая демонстрирует свою близость к рецептивным решениям. Асимметрия между действием и пониманием очевидна: действие активно и преднамеренно, а рецепция спонтанна. Однако и слушатель (читатель) может активизироваться и улучшить качество рецепции, проводя некоторые «герменевтические операции». Потенциал акциональной концепции для лингвистической герменевтики становится наглядным в ходе реализации текстовых шаблонов. Модель рецептивно-ориентированной теории языкового действия [22] специально конципирована для анализа текста. В начале XXI в. теоретико-акциональная модель дополняется рецептивным анализом мультимодальных текстов, которые не всегда имеют линейную организацию. Предположим дальше, что линейная организация первична, тогда иерархические структуры будут носить вторичный характер, или, что ещё более вероятно, являться теоретическими фикциями [10, p. 286].

В целом *динамическая теория текста* является существенным вкладом в лингвистическую герменевтику, т.к. активно использует связи с теорией когерентности. О концепции лингвистической герменевтики см. также: [17]. При изучении макроречевых свойств медиатекста ещё до того, как на их основе будет проиллюстрировано действие собственных «матриц», целесообразно их сравнение с исходной моделью. Переход от макрожанров к матрице жанров предполагает, что последняя имеет расширительное толкование. В сравнении с обычным жанрово-типологическим инструментарием, охватывающем внушительный массив «новых» текстов из разных коммуникативных сфер и культурных контекстов, актуальные речевые реализации будут являться носителем новых текстуальных качеств и действовать как самостоятельные тексты, даже не будучи абсолютно гомогенными и/или исключительно вербальными. Вот почему в их оценке акцент всё больше делается на их семиотической, медиальной природе, покрывающей «свой» сегмент «картины мира» и устанавливающей регистры отношений между автором и читателем. Будучи самодостаточными акторами, коммуниканты вкладывают особый смысл и сами являются полноправной частью обновлённого медиадискурсивного контекста, для которого характерен баланс «картинки», вербального текста и иных знаков современной семиотической культуры [4, с. 71].

Учет процедурного характера динамики текста и связанных с ней вариантов и последовательностей позволяет моделировать факторы текстообразования, такие как, например, условия принятия решений, пошаговая обработка коммуникативных задач, практика поэтапного предъявления текста, вариативность предложений, что объясняет существование функционально и тематически обусловленных реализаций. Похожие точки зрения на акциональную теорию высказывает Г. Антос [8].

В смежных теориях динамизация текста всё активнее добавляет важности вопросам накопления и предъявления знаний, последовательному развитию ситуационных моделей, хотя хорошо известно, что часто текстовые интерпретации представляют собой относительно простые пропозиционные модели. Для более детального рассмотрения условий производства текста привлекаются также теория мотивации и теория рабочей памяти (*working memory*) в качестве теоретического блока. В нём явно отмечается связь с акциональной теорией, не в последнюю очередь, как стремление к приемлемой «оптимизации текста» (см. *Textoptimierung*) [7; 8].

И ещё о теории динамического текста. Первым шагом к её интегративному пониманию может быть гарантия того, что её отдельные элементы хорошо подходят друг к другу и не создают каких-либо концептуальных противоречий. В случае с другими гибридными теориями, которые также имеют отношение к теории текста, их несовместимость может представлять определённую опасность. Напротив, совместимость «блоков» теории (происходит из родственных ориентаций) даёт отсылку к акциональной теории текста, затрагивает теорию изменения контекста, теорию языковой игры, теорию игровой метафоры и т.п., которые в своей совокупности обеспечивают необходимую интеграцию упорядочения и «упаковки» знания. Для реализации тематического развертывания она является, пожалуй, оптимальной в плане приоритетного предъявления темы, а также того, как она взаимодействует с другими сюжетными линиями [22, S. 83] в ситуациях, когда на этапе накопления знаний в одном месте сходятся все нити текстовой организации.

Подводя предварительный итог нашего анализа, отметим, что основными компонентами теории динамического текста можно считать наличие: 1) функциональных текстовых модулей и обеспеченность их языковыми формами; 2) локальных детерминант (схема последовательностей, создание локуса знания, ссылок, гиперссылок и т.п.), 3) глобальных последовательностей жанрообразования, накопления знания, а также непосредственно текстовых структур и тематического «менеджмента», специфичных форм коммуникации и т.п.

Для понимания комплекса факторов, определяющих динамизацию свойств медиатекста, в первую очередь следует выделить комплексные взаимосвязи и речевые реализации в медийной практике. Отметим также, что понятие динамизации свойств медиатекста активно коррелирует с понятиями, уже используемыми в исследовании системы современных медиа: *медиаизация, дигитализация, медийность, интертекстуальность, гипертекстуальность* и др. Они являются не просто амальгамой свойств, но и скрытыми смыслами, символами, мифами, имеют при этом достаточно устойчивый характер и закреплены в языке: *Web 2.0, Всемирная паутина, глобализация, информационное общество* [25; 9]. Их объяснительный смысл, а также последующее декодирование вновь создаваемых языковых «этикеток», хотя и распространяется с неимоверной быстротой, вызывает к жизни «появление на свет» новых, что имеет не только научную, но и ин-

терпретативную значимость [21, S. 50]. По крайней мере, до тех пор, пока они не доказаны эмпирически и не оформлены в соответствии с принятыми речевыми образцами.

Литература

1. Гришаева Л. И. Об устойчивости моделей осмысления политической реальности // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сборник науч. трудов / Волгоградский государственный педагогический университет [и др.] ; редкол.: Е. И. Шейгал (отв. ред.) [и др.]. Волгоград, 2009. С. 93–112.
2. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. Москва : Праксис, 2005. 253, [1] с.
3. Пастухов А. Г. Динамизация свойств медиатекста // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты : сборник науч. трудов, посвященный юбилею Людмилы Ивановны Гришаевой / отв. ред. Л. В. Цурикова, Л. Ю. Щипицина. Воронеж, 2014. С. 174–195.
4. Пастухов А. Г. Систематика и динамика жанра: от матрицы к формату // Антропологический поворот: теории и практики : сборник трудов междунар. науч. конф. / отв. ред. А. В. Овсянников [и др.]. Орел, 2021. Т. 2. С. 56–75.
5. Пастухов А. Г. Стратегический медиафрейминг и атрибутивная повестка. DOI 10.18287/2542-0445-2022-28-4-115-129 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 4. С. 115–129.
6. Alston W. P. Philosophy of Language. New York : Prentice-Hall, 1964. 140 p.
7. Antos G. Grundlagen einer Theorie des Formulierens: Textherstellung in geschriebener und gesprochener Sprache. Tübingen : Niemeyer, 1982. 216 s.
8. Antos G. Schriftliche Textproduktion: Formulieren als Problemlösen // Textlinguistik 15 Einführungen / Hrsg. N. Janich. Tübingen, 2008. S. 237–254.
9. Bittlingmayer U. H., Bauer U. Die «Wissensgesellschaft». Mythos, Ideologie oder Realität. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006. 693 s.
10. Bucher H.-J., Niemann P. Visualizing science: The reception of PowerPoint presentations // Visual Communication. 2012. № 11. S. 283–306.
11. Chafe W. L. The flow of thought and the flow of language // Discourse and Syntax / Ed. T. Givón. San Diego [et al.], 1979. P. 159–181. (Syntax and Semantics ; vol. 12).
12. Fritz G. Dynamische Texttheorie / Hrsg.: I. Bons, G. Fritz, T. Gloning. Gießen : Gießener Elektronische Bibliothek, 2013. 707 s. (Linguistische Untersuchungen 5). URL: geb.uni-giessen.de/geb/volltexte/2013/9243 (дата обращения: 16.03.2023).
13. Fritz G. Zur Beschreibung der Dialogdynamik. Plädoyer für eine kommunikationshistorische Betrachtungsweise // Dialoganalyse II / Hrsg.: F. Hundsnißscher, E. Weigand. Tübingen, 1989. Bd. 1. S. 19–32. (Linguistische Arbeiten ; vol. 229).
14. Früh W., Schönbach K. Der dynamisch-transaktionale Ansatz. Ein neues Paradigma der Medienwirkungen // Publizistik. 1982. Vol. 27, № 1–2. S. 74–88.
15. Hamblin C. L. Fallacies. London : Methuen, 1970. 326 p.
16. Heim I. File Change Semantics and the Familiarity Theory of Definiteness // Meaning Use and Interpretation of Language / Eds.: R. Bäuerle [et al.]. Berlin [et al.], 1983. P. 164–189.
17. Hermanns F., Holly W. Linguistische Hermeneutik. Theorie und Praxis des Verstehens und Interpretierens. Tübingen : Niemeyer, 2007. 426 s.
18. Millis K., King A., Kim H.-J. Updating situation models from descriptive texts. A test of the situational operator model // Discourse Processes. 2000. Vol. 30, № 3. P. 201–236.
19. Pastukhov A. Dynamization vs. Hybridisation in Media Texts: Acquisition and Accumulation of New Properties // Media Education. 2020. Vol. 60, № 3. P. 515–529.
20. Pleyer M. Protolanguage and Mechanisms of Meaning construal in Interaction // Language Sciences. 2017. № 63. P. 69–90.

21. Rust H. Am ehesten: Ideengesellschaft // Was kommt nach der Informationsgesellschaft? 11 Antworten. Gütersloh : Bertelsmann-Stiftung, 2002. S. 40–67.
22. Schröder T. Die Handlungsstruktur von Texten. Ein integrativer Beitrag zur Texttheorie. Tübingen : Narr, 2003.
23. Stalnaker R. C. Common ground // Linguistics and Philosophy. 2002. № 25. P. 701–721.
24. Tallerman M. Protolanguage // The Oxford Handbook of Language Evolution / Eds.: M. Tallerman, K. R. Gibson. Oxford, 2012. P. 479–491.
25. Tänzler D., Knoblauch H., Soeffner H.-G. Zur Kritik der Wissensgesellschaft. Konstanz : UVK-Verlagsgesellschaft, 2006. 301 s.
26. Thomason R. H. Accomodation, Meaning, and Implicature: Interdisciplinary Foundation for Pragmatics // Intentions in Communication / Eds.: P. R. Cohen [et al.]. Cambridge : MIT Press, 1990. P. 325–363.
27. Traugott E. C., Dasher R. B. Regularity in semantic change. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 341 p.

SOME FOUNDATIONS OF THE DYNAMIC TEXT THEORY

A.G. Pastukhov

Orel State Institute of Culture

Orel, Russian Federation

The constantly changing ability to perceive objects of the surrounding world by the modern media system, responds a complex process of recognizing, distinguishing the social and communicative context, as well as its pragmatic design (a set of actual intentions). Under these conditions a qualitatively new reality arises associated with the social "manifestation" of media and their social issues. The specificity of communication significantly affects the text properties and predetermines the genesis of new text types, while traditional theories pay attention only to the information structure. The modern text linguistics discovers the needs for an updated dynamic text paradigm that would allow a more differentiated substantiation of the genre nature. This refers to the motivation theory, as well to the analysis of the constructing text blocks, through which the structure of media knowledge is objectified. In detail, it turns out that the dynamic properties of media speech are so diverse that their variations and communicative interactions will be always in the focus of updated and dynamic reflections: speech acts, genre constellations and changing discourses.

Key words: media text, text properties, genre evolution, text dynamics, dynamization, receptive text design, knowledge structure.

УДК 811.161.1'373+82.09-31(47)

КОНЦЕПТ «РОССИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Н.С. ЛЕСКОВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «НЕКУДА») ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Е.В. Пулов

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

г. Саранск, Российская Федерация

Данная исследовательская работа направлена на выявление и описание концепта «Россия». Она представляет собой ориентацию на языковую личность писателя и указы-

вает на текстовое бытование данного концепта. Проблема выявления и описания концептов на данный момент играет доминирующую роль в когнитивистике, концептологии, антропологической лингвистике. Концепт – это ментальная база, которая служит определяющей единицей мыслительного процесса человека, обладает структурированностью и несёт обобщающую информацию об изучаемом явлении. В данной статье понятие «концепт» рассматривается с точки зрения подхода В.И. Карасика.

Ключевые слова: концепт, Россия, Лесков, концептология, когнитивизм, концептуальный анализ, художественный текст.

Рассмотрение главных концептологических связей в художественном дискурсе через текстовый анализ, на наш взгляд, считается актуальным подходом в рамках концептологии, дискурсологии и проблем, связанных с языковой личностью [3]. Мы считаем, что нужно основываться не только на языковой основе, но и обращаться к компаративистике. В современном языкознании можно выделить следующие подходы к разъяснению понятия «концепт».

1. Связь концепта и понятия. Эта позиция принадлежит Ю.С. Степанову, который говорит, что концепт является содержательной и ведущей единицей памяти. Он полагает, что концепт – сгусток культурной памяти в ментальной способности человека. Ю.С. Степанов пишет, что в культурологии понятие «концепт» употребляют, если пытаются абстрагироваться от общественного содержания, когда имеют в виду лишь культуры, отрывая её от носителей. Подобный подход свойственен математической логике [9]. Другой учёный, В.З. Демьянков, не видит принципиальных различий между понятием и концептом и считает их историческими дублетами, но на современном этапе они имеют разную семантику по культурологическим причинам [2].

2. Связь концепта и смысла. Е.С. Кубрякова соотносит понятия «концепт» и «смысл». Под последним она понимает результат освоения миром человеком. Целостность концепта (здесь его понятие близко к гештальту – «собранный единице») заключается в его способности к замещению знаний, оценок, мнений. Из этого формируется определяющая функция концептов – смыслозамещающая [4].

3. Связь концепта и ментальности. Этот подход мы можем наблюдать в работах В.И. Карасика, который определяет концепт как квант переживаемого опыта и говорит, что к концепту относятся понятие, ценности, образы. Концепты являются «лакмусовой бумажкой» этнических, культурных, социологических устоев, исторически обусловленных; канонов жанра, функционально-смысловых стилей. Этот учёный классифицирует концепты по параметрам. Непараметрические представляют собой предметное содержание, а параметрические – классификационные категории [3]. Исследователь Г.Г. Слышкин понимает под концептом единицу менталитета, обладающую лингвокультурным комплексом и появляющуюся как результат усечения части окружающего мира до границ памяти человека. Этот редукционный компонент включается в культурный контекст и вербализуется [8].

М.Вл. Пименова тоже представляет своё определение концепта. В первую группу она относит фундаментальные единицы языка – это базовый концептологический подход. Вторая группа включает дескрипторные концепты, которые являются классификаторами базовых концептов. Третья группа концептов определяется релятивными концептами, реализующими различные типы отношений [7]. С.Г. Воркачев считает, что под «концептом» следует понимать способность к квантификации и категоризации языковой картины мира, потому что его категориями выступают сущности менталитета, образуются которые уровнем абстрагирования, модель которого определяется данным концептом. Иными словами, объект создаётся самим концептом [1]. Не принимает этих точек зрения В.Ф. Новодранова, сравнивая концепт и понятие, приходит к выводу, что терминологичность здесь неоднозначна, так как исследователи ставят рамки для логического структурирования семантики понятий, для того чтобы подчинить это универсалию научного дискурса. Концепты же формируются естественно [6]. Для описания концептосферы писателя нам близка третья интерпретация концепта, потому что, по нашему мнению, она пытается отразить языковую картину мира с помощью текстов, принадлежащие художественному дискурсу.

Цель данной статьи – провести вербально-семантический анализ концепта «Россия» в романе Н.С. Лескова «Некуда». Особое внимание уделить лексемам «русский», «Россия», «по-русски», «российский», проанализировать их ядерные и периферийные значения. Задачи предпринятого исследования: изучить историографию вопроса; выявить ядро концепта «Россия»; определить возможные перспективы данного исследования.

Прежде чем приступить к анализу концепта «Россия» в романе Н.С. Лескова «Некуда» [5], рассмотрим значение репрезентирующих его слов в художественном дискурсе Н.С. Лескова.

Анализ словарных статей показал, что в русской языковой картине мира вербализация концепта «Россия» менялась в зависимости от исторической эпохи. На современном этапе мы будем обращаться к лексемам «русский», «Россия», «по-русски», «российский», использованным в романе Н.С. Лескова. Выбор нами данного автора и произведения не случаен. Николай Семёнович Лесков – великий и один из самых недооценённых писателей русской литературы. Но неудачно сложившаяся творческая судьба, непризнание современниками повлияли на оценку вклада писателя в русскую литературу. К сожалению, она не сильно изменилась со временем. Роман «Некуда» (1864) очень сложен по содержанию, прошёл через рогатки петербургской цензуры и был ею искалечен. В произведении Н.С. Лесков выступил на путь защиты человеческих традиций, семейных ценностей, дал симпатичный тип русского человека, указал на истоки формирования русской картины мира. Особенно это представляется важным в современных условиях искажения истории нашей страны и понимания основных ценностей российского общества. Этим подтверждается обращение к данному автору и произведению.

Концепт «Россия» в произведении реализуется как соответствие социокультурным традициям народа России, которые отражаются в языковой картине и в сознании коллектива.

Основные события в произведении происходят во время существования революционно настроенных шестидесятников. В этот период меняется отношение к стране. Многие люди начинают вести активную социальную, политическую, трудовую деятельность. *«Днями она бегала по купеческим домам, давая полтинные уроки толстоногим дочерям русского купечества»* [5, с. 45], мать Юстина Помады, пытавшаяся прокормить семью. В данном примере даётся характеристика одному из общественных классов того времени. Сам Юстин в романе является переселенцем – *«он мигом собрался и «пошил» себе «цивильный» сюртук, пальто и отправился в «Россию», в известное нам село Мерево* [5, с. 47], следует обратить внимание на лексему «Россия», которой называли нашу страну за границей и на характеристику внешнего вида Помады, который должен был сначала привести себя в опрятный вид. По приезде герой встречается с местным населением, которое предпочитает считать эталоном французский язык: *«Monsieur Potada! Я, право, дурно говорю по-русски, но вы меня понимаете?»* [5, с. 48]. Подобное явление было характерно для первой половины XIX века. Видим мы носителей языка глазами Юстина Помады и других персонажей.

Всего слово «русский» в романе употребляется 135 раз. Обращение к нему подразделяется на две смысловые группы – 1) гордость и народный дух (87 раз) и 2) отрицательное восприятие реальности, отсталость. К первому разряду относятся следующие репрезенты: *Выросши в России и воспитавшись в русских училищах, он был совершенно русский и даже сам не считал себя поляком* [5, с. 49]; – *У вас какие большие книги? – Разный специальный хлам, а из русских только исторические* (диалог Лизы Бахаревой и отца Женни) [5, с. 69]; – *Мы в институте доставали разные русские журналы и все читали, а здесь ничего нет* [5, с. 69]; *А ты мне покажи мне пример такой на человеке развитом, из среднего класса, из того, что вот считают бьющегося, живую-то жилою русского общества* [5, с. 107]. Ко второй группе относятся такие примеры: *В этом лице выражалась какая-то весьма приятная смесь энергии, ума, прямоты и силы и русского безволья и распущенности* [5, с. 64]; Доктор Розанов: *А это наша, русская, каторжная, зазнобистая любва, та любва, про которую эти адски-мучительные песни поются, за которую и душатся, и режутся...* [5, с. 107]; *Даже уснула носившаяся серыми облачными столбами воющая русская кура...* [5, с. 108].

Лексема «по-русски», которая является наречным эквивалентом слова «Россия», отмечена в тексте 58 раз. Этим словом именуется признак действия, предназначенный для реализации концепта «Россия»: *То-то, вы кушаете по-нашему, по-русски, вплотную* (Егор Николаевич Бахарев) [5, с. 85]; – *Где вы учились по-русски?* (Обращение Женни к Райнеру) [5, с. 101] и др.

Лексема «российский» встречается 9 раз, а лексема «Россия» 65 раз. Лексема «российский» используется как признак реализации концепта: *Не слушайте меня, преподлейшего в сношениях с зверями, которые stanno называть себя перед вами разными кличками греко-российского календаря* [5, с. 66].

В общей сложности выявлено 211 лексических единиц, содержащих сему «Россия», в семантическое поле которой входят лексемы «русский», «по-русски», «российский». Из них 144 называют признак этого предмета, 58 слов – это наречный эквивалент, образованный от прилагательного «русский» и 9 относятся к упоминанию государственной принадлежности.

Как видим, в романе Н.С. Лескова «Некуда» ядром концепта «Россия» являются два дополняющих друг друга сегмента – «общество» и «государство». На ближней периферии от ядра находятся вербально-семантически обусловленные лексемы. Перспективным представляется дальнейшее изучение и описание когнитивного и прагматического уровня концепта «Россия» в романе Н.С. Лескова.

Литература

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и её моделирование. Москва : МГУ, 1994. 205 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 331 с.
4. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б. А. Серебренников. Москва : Наука, 1986. 156, [2] с.
5. Лесков Н. С. Собрание сочинений. Москва : Првда, 1989. Т. 4 : Некуда. 670 с.
6. Новодранова В. Ф. Когнитивная карта науки // Международный конгресс по когнитивной лингвистике : сборник материалов / редкол.: Н. Н. Болдырев (отв. ред.) [и др.]. Тамбов, 2006. С. 69–70.
7. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие. Москва : Флинта [и др.], 2011. 174, [1] с.
8. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 39 с.
9. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры : опыт исследования. Москва : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

THE CONCEPT OF "RUSSIA" IN THE WORK OF N.S. LESKOV (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "NOWHERE"). VERBAL-SEMANTIC LEVEL

E. V. Pulov

N.P. Ogarev Mordovian State University
Saransk, Russian Federation

The ongoing study of the verbalization of the concept is cognitively oriented and at the same time relies on discursive aspects to confirm the textual existence of this concept. The

problem of identifying and describing concepts currently plays a dominant role in cognitive science, conceptology, and anthropological linguistics. A concept is a mental formation, which is the basic unit of the mental code, which has an internal structure and carries complex information about the reflected phenomenon. In this article, the concept of «concept» is considered from the point of view of approach B.I. Karasik.

Key words: concept, Russia, Leskov, conceptology, cognitivism, conceptual analysis, artistic text.

УДК 811.161.1'276.6

ПРОЯВЛЕНИЕ АВТОРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Э.М. Рянская, Ю.В. Шевченко

Нижевартовский государственный университет
г. Нижневартовск, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема проявления индивидуальности ученого в научном тексте с позиций реализации коммуникативно-прагматических задач. Принимается положение о включении индивидуализированной авторской речи в сферу нормативного стандарта в качестве варианта как результата креативной деятельности языковой личности. Анализ языкового материала позволил выявить нетипичные для научного стиля формы и способы реализации коммуникативных стратегий. Полученные результаты показали возможности использования ученым языковых средств для выражения своей уникальности.

Ключевые слова: научный текст, норма, авторская индивидуальность, коммуникативные стратегии, идиостиль ученого.

Процесс создания научного текста характеризуется поиском наиболее соответствующей формы речевой реализации полученного знания и наиболее эффективных способов организации, оформления и развертывания текста не только в соответствии со сложившимися нормами научного дискурса, но и согласно ожиданиям адресата. Одной из отличительных особенностей текстов научного содержания является то, что они предполагают владение адресатом и адресантом равноценной фоновой информацией и коммуникативных навыков, что определяет динамику текстообразования в целом. Данная особенность способствует тому, что научные труды воспринимаются не пассивно, а творчески, а научное содержание характеризуется наличием индивидуальных языковых единиц, семантически независимых от проблематики научного труда и явно ориентированных на адресата [1, с. 3–4]. В своем исследовании Т.А. Кубрак отмечает, что, согласно нормам научного дискурса, передача научного знания носит внеличностный характер, отличается объективностью и беспристрастностью. Вместе с тем в реальном научном общении обнаруживаются расхождения между формулируемыми нормами и их реализацией. В результате речь может идти о формальном и неформальном научном дискурсе [8, с. 102].

В связи с вышесказанным актуальной становится постановка проблемы проявления авторской индивидуальности в контексте соотношения нормы и отступления от нормы в научном тексте. В работах ряда ученых, занимающихся данной проблематикой, отмечается, что индивидуализация авторской речи, а также проявление авторского начала зависят от условий и целей коммуникации в научной сфере [11, с. 3], дискурсивных практик, которыми владеет языковая личность ученого [2, с. 6], жанрового статуса научного текста [14; 3], тенденций и характерных черт конкретной науки [4, с. 10].

Идея соотношения нормы и индивидуальности в научной коммуникации подробно рассмотрена в монографии В.Е. Чернявской на примере научных текстов [20]. Размышляя о том, как связаны «типовое, коллективное, закрепленное правилами» и «творческое, индивидуальное, отклоняющееся от правил», ученый отмечает, что в аспекте нормы порождение научного текста предполагает «обращение к нормирующему образцу текстового построения, к модели, к текстовому типу» [20, с. 20]. При этом коммуникация в науке создает условия для индивидуализированного речевого поведения, которое проявляется в авторских чертах, в речевой креативности [20, с. 17, 22–24]. В работе В.Е. Чернявской убедительно показано, что индивидуальное является частью нормы и выступает как вариативное по отношению к инварианту: «индивидуальность – это проявление особенных, единичных черт на фоне преобладания нормативного стандарта как выражения общих закономерностей» [20, с. 27]. Для нашего исследования важен также вывод о том, что обсуждение явлений нормы и отклонений от нормы тесно связано с вопросами изучения индивидуального стиля.

Анализ теоретической литературы позволяет выделить ряд важных аспектов, характеризующих формирование авторской индивидуальности в рамках научных текстов. Значимым представляется положение, согласно которому идиостиль ученого формируется посредством одновременного включения в повествовательную канву языковых единиц, относящихся к информативному и коммуникативному уровням. Информативный языковой уровень включает в себя терминологическую, общенаучную и общеупотребительную лексику, в то время как коммуникативный характеризуется наличием единиц, помогающих устанавливать взаимосвязь между отрезками текста и управлять вниманием читателя, осуществляя речеоорганизующую функцию в научном дискурсе [7, с. 12].

Неповторимый идиостиль ученого, который является маркером самовыражения и самопрезентации в рамках коллективного научного сообщества, формируется в результате гармоничного сосуществования и взаимодействия языковых единиц, характерных для текстов научного дискурса, с уникально-авторскими языковыми единицами. Уникальность и нетипичность организации текста выступает одной из ключевых составляющих формального выражения идиостиля ученого, и используется для расстановки акцентов, передачи дополнительного смысла и придания языковым едини-

цам эмоциональной окраски [6, с. 81]. Специфика научного дискурса обуславливает придание особой роли языковым единицам, относящимся к коммуникативному языковому уровню, и определяет необходимость использования в нем различных как типичных, так и индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик.

Целью нашего исследования является установление индивидуальных особенностей авторского научного текста. Ставится задача выявления и описания доминантных идиостилевых средств в контексте реализации коммуникативных стратегий.

Объектом исследования послужили тексты научных статей, принадлежащих известному российскому ученому – Татьяне Владимировне Черниговской, профессору, доктору биологических и филологических наук, директору Института когнитивных исследований СПбГУ, член-корреспонденту Российской академии образования, автору многочисленных научных трудов в области когнитивных наук [16; 17; 18; 19]. Анализируемые работы характеризуются наличием большого количества языковых единиц, привлекающих внимание читателя и выделяющих исследуемые авторские статьи из целого ряда научных трудов, созданных преимущественно в рамках принятой в научном сообществе манере изложения.

В первую очередь, интерес вызывают заголовки отобранных статей. Выступая первичным коммуникативно значимым элементом структурной организации текста, заголовок несет в себе основную идею текста и направляет внимание читателя. Согласно общепринятым требованиям к заглавию научных статей, заголовок должен быть кратким, информативным и содержать ключевые слова, передающие основной смысл исследования [22, с. 33]. Обращаясь к заглавиям научных статей Т.В. Черниговской, можно отметить, что ученый отходит от традиционных принципов наименования статей в рамках научного дискурса: *«До опыта приобрели черты» ... Мозг человека и породивший его язык; Nature vs. Nurture в усвоении языка; Неотвратимое настоящее; Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога)*.

Первый заголовок представляет собой пример необычной для научного дискурса реализации композиционной стратегии посредством тактики цитирования. Данный заголовок несет в себе две отдельные законченные мысли, где первая является цитатой из произведения известного отечественного поэта и прозаика О.Э. Мандельштама. Наличие примеров цитирования в научных текстах вполне закономерно и является неотъемлемым элементом аргументации и поддержания доказательной стратегии автора. Однако данный пример демонстрирует обращение ученого к тексту художественного дискурса, что несвойственно научному стилю. Цитата здесь является проявлением творческой индивидуальности ученого, она придает тексту яркое своеобразие, привлекая внимание научного сообщества своей оригинальностью. Приведенную цитату дополняет такой пунктуационный знак,

как многоточие, который является маркером стратегии актуализации многозначности, указывающей на недоговоренность и незавершенность высказывания. Данная цитата в заголовке несет в себе скрытый смысл, заложенный ученым, раскрыть который удастся лишь после прочтения всего текста. Вторая часть заголовка (*Мозг человека и породивший его язык*) также является примером отступления от строгого формально-логического стиля репрезентации научной информации. Следует отметить, что метафора в тексте научного дискурса предоставляет возможность рассмотреть абстрактное понятие более формализовано и, как отмечают некоторые ученые, не является фактором, препятствующим формированию научного знания, а наоборот может выступать смыслообразующим центром, способствующим раскрытию семантического потенциала высказывания [12, с. 120].

Следующий заголовок (*Nature vs. Nurture в усвоении языка*) демонстрирует реализацию стратегии установления и поддержания контакта с реципиентом посредством использования сразу нескольких тактик. Использование иноязычной лексики является коммуникативной тактикой актуализации фоновых знаний. В данном случае предполагается, что адресат владеет английским языком. Кроме того, англоязычное словосочетание представляет собой игру слов с противопоставлением паронимов, что указывает на применение тактики привлечения внимания. Слова *Nature* (природа) и *Nurture* (воспитание) имеют схожее написание и произношение, но различное лексическое значение, что в данном случае представляет собой такую стилистическую фигуру как паронимазия. Авторы текстов часто прибегают к использованию данного стилистического приема для создания заголовков. Однако паронимазия, помогая создавать яркие и каламбурные заголовки, характерна исключительно для публицистики и несвойственна текстам научного дискурса [23, с. 214–215]. Данный пример также подтверждает современную тенденцию среди авторитетных ученых, отмеченную многими лингвистами, к преодолению налагаемых научным сообществом языковых ограничений и рамок в процессе научной коммуникации [9, с. 7]. Т.В. Черниговская, стремясь вызвать интерес к статье, использует один из приемов, который способствует тому, что внимание читателя фокусируется на необычном словосочетании, вызывая интерес и желание продолжить дальнейшее ознакомление с текстом.

Заголовок *Неотвратимое настоящее* являет собой пример употребления такого риторического приема, как оксюморон, который представляет собой соединение несовместимых с логической точки зрения лексических единиц, воспроизводя новую сложную семантему. Использование данной стилистической фигуры так же, как и в предыдущем примере, является языковым средством реализации стратегии установления и поддержания контакта посредством тактики привлечения внимания. Оксюморон придает заголовку эмоциональную окрашенность, благодаря которой облегчается восприятие фактической части содержания статьи. Наконец, заголовок в фор-

ме вопроса (*Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила?*) позволяет кратко и одновременно интригующе раскрыть основную тему статьи [13, с. 34].

Анализ композиционных стратегий, характерных для публикаций Т.В. Черниговской, показал, что ученый нередко прибегает к использованию эпиграфа. Эпиграф к тексту научной статьи не является обязательным компонентом научного дискурса. Универсальность композиционной стратегии научной статьи обусловлена наличием ряда установленных когнитивных концепций формирования научного знания, а также типичным для нее форматом представления информации в виде «проблема-решение» [15, с. 19]. Использование эпиграфа свидетельствует о стремлении автора передать скрытую идею текста. В частности, таковой представляется задача эпиграфа к одной из анализируемых статей: *Quodcunque ostendis mihi sic, incredulus odi. Horatius* (*Я не поверю тебе, и мне зрелище будет противно. Гораций*). С помощью приведенной цитаты ученый указывает на полемический характер статьи, посвященной проблеме выработки нового, современного подхода к междисциплинарности наук.

Своеобразие индивидуального стиля ученого проявляется в реализации стратегии информирования путем употребления автором вставных конструкций в предложениях:

Возможно также, что нейрон (все еще основной игрок в нервной системе) – и правда устройство для совершения логических операций типа или, и, не, если и, только если и пр., <...>.

*<...> язык приобретает с опытом, формируясь его характеристиками (пресловутая *tabula rasa* при рождении).*

<...> вовсе не все они осознаваемы вполне (т. е. могут и не принадлежать сознанию) и не описываются вычислениями в традиционном смысле.

Употребление вставных конструкций в текстах научного дискурса рассматривается как один из способов проявления в тексте авторского «я» и может выступать средством реализации коммуникативной стратегии самопрезентации. Вставная конструкция выражает субъективную модальность и является синтаксической фигурой расчленения текста, способствуя интимизации повествования, так как имитирует спонтанность выражения авторской мысли и отображает ход мышления адресата [10, с. 54].

Еще одной особенностью научных работ Т.В. Черниговской является выражение авторских эмоций и чувств, тесно связанных с тактикой оценочности:

И теперь, читая лекции в университете или планируя новые эксперименты, я уже не могу не учитывать всю целостность этой пестрой, но захватывающей картины.

Не менее обескураживающими выглядят обнаруживающиеся в языке «говорящих обезьян» свойства человеческого языка <...>.

На то, как происходит это поразительное овладение знанием сложнейшего кода <...>.

Эмоциональный план научного познания, по мнению Н.В. Данилевской, играет важную роль в процессе смыслоформирования научного текста, так как единство интеллектуального и эмоционального способствует формированию познавательного процесса [5, с. 39]. Познавательная оценка, проявляя себя в виде эмотивной оценки, выражает личное мнение автора, а также его отношение к знанию [21, с. 48]. В анализируемых статьях средства выражения эмотивной оценки характеризуются различностью степени экспрессии. Ряд примеров включает в себя применение ученым дополнительных средств интенсификации характеристик объекта речи посредством использования таких лексических единиц как *очень*, *абсолютно*, *совершенно*, *крайне*, а также прилагательных в сравнительной и превосходной степени (*простейший*, *важнейший*, *лучший*, *более сильный*).

Следует отметить еще одну черту индивидуального стиля Т.В. Черниговской – частое использование автором риторического восклицания. Данный прием представляет собой эмоционально окрашенное высказывание, транслирующее кульминационную точку накала авторских чувств:

<...> таких изменений были существенно выше, чем в среднем по геному, в некоторых из них в 70 раз!

<...> без догматов веры в это никто не смог бы прожить и мгновения!

Понятно, что язык живого — физико-химический, но это не та информация, которая нам поможет справиться с вышеозначенными проблемами: ведь текст, написанный на этом языке, надо «перевести»!

В рамках научного дискурса восклицательные предложения рассматриваются скорее, как авторское отклонение от нейтральной формы изложения информации и визуально выделяются из общей повествовательной канвы научных статей, привлекая внимание читателя. В анализируемых статьях риторические восклицания характеризуются тесным взаимодействием эмоционального и интеллектуального компонентов содержания. Использование данного стилистического приема демонстрирует стремление автора выделить значимые в смысловом отношении фрагменты текста, а также заставить читателя переосмыслить ранее приведенную автором информацию.

Риторическая стратегия, активно используемая ученым, реализуется также путем применения риторических вопросов, медитативных вопросов и вопросно-ответных комплексов. Наиболее широко в текстах анализируемых статей представлены примеры использования медитативных вопросов, которые являются средством выражения эмоционального размышления, а не запроса или репрезентации той или иной информации:

Что же привело к формированию того, что отличает человека от других населяющих нашу планету существ, — языка и чрезвычайно сложного мозга? Мутация, приведшая к особому переустройству мозга для обеспечения сложнейших и специальных, отличных от всех иных, операций или

континуальный отбор с постепенно усложнявшимися когнитивными возможностями?

А что значит — генетического? В какой степени наше поведение, способности, особенности зависят от характеристик нашего мозга?

Каким образом мог возникнуть мозг, давший человеку разум?

Вопросно-ответные комплексы, также часто используемые Т.В. Черниговской, являются примером диалогизации, направленной на облегчение восприятия информации адресатом, вовлечения его в коммуникацию:

Что в этом случае мы проверяем? Способность овладеть и другими, не их, принципами и параметрами (используя терминологию Хомского в более широком, почти метафорическом, смысле).

Важен ли он для когнитивной деятельности, ведь это несопоставимо более высокий и интегративный пласт? Разумеется!

Таким образом, тексты научных статей Т.В. Черниговской характеризуются наличием целого ряда коммуникативных стратегий и тактик, способствующих вовлечению адресата в процесс восприятия предоставляемой автором информации. Идиостиль ученого проявляется в уникальных и нетипичных для научного дискурса способах и формах реализации коммуникативных стратегий убеждения, информирования, самопрезентации, а также контактоустанавливающей, риторической и композиционной стратегий. Ученый довольно часто отходит от устоявшихся норм написания научных статей, стремясь к авторской открытой модальности и яркой экспрессии. Избегая монотонности и однообразия, Т.В. Черниговская использует стилистические приемы, придающие повествованию динамичность, образность и диалогичность, что способствует расширению коммуникативно-прагматической направленности научных работ. Яркая индивидуальность языковой личности Т.В. Черниговской характеризуется высоким уровнем эмоциональности, рефлексии и стремлением к активному коммуникативному взаимодействию с адресатом.

Литература

1. Баженова Е. А. Средства адресации в научном тексте // Медиаскоп : электрон. науч. журнал. 2012. № 4. URL: www.mediascope.ru/node/1240 (дата обращения: 12.03.2023).
2. Виноградов А. С. Метатекстовые включения как способы репрезентации интегративной индивидуальности в научном дискурсе (на материале текстов российских лингвистов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2017. 22 с.
3. Голованова Е. И. Личностное начало в современном научном дискурсе (на примере текста посвящения к книге) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 2. С. 41–47.
4. Гричин С. В. Авторизационная модель научного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2017. 40 с.
5. Данилевская Н. В. Об особом статусе оценки в научном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 2. С. 37–43.

6. Зуева В. В. Просодические особенности научных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-2. С. 80–83.
7. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в научном тексте: этнокультурный и дискурсивный аспекты (на материале русского и немецкого языков) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 160 с.
8. Кубрак Т. А. Научный дискурс и проявление в нем интенции самопрезентации субъекта // Дискурс в современном мире : Психологические исследования / К. И. Алексеев, Н. А. Алмаев, А. Н. Воронин [и др.] ; под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. Москва, 2011. С. 98–122.
9. Мамаева С. А. Коммуникативные стратегии ученых // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 3. С. 6–11.
10. Марьина О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980–2000-х годов) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 54–60.
11. Милинчук Н. С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 24 с.
12. Пятунина А. А. О когнитивном потенциале метафоры в научном дискурсе // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 3. С. 120–129.
13. Рянская Э. М., Алексеева Л. В. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории) : монография. Нижневартовск : Нижневартровский государственный университет, 2020. 98 с.
14. Самойлова И. В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 20 с.
15. Хомутова Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 3. С. 15–22.
16. Черниговская Т. В. «До опыта приобрели черты...». Мозг человека и породивший его язык // Логос. 2014. № 1. С. 79–96.
17. Черниговская Т. В. Nature vs. Nurture в усвоении языка // Теория развития : Дифференционно-интеграционная парадигма : доклады участников круглого стола / сост. Н. И. Чуприкова. Москва, 2009. С. 206–222.
18. Черниговская Т. В. Неотвратимое настоящее // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 1. С. 116–118.
19. Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) // Разумное поведение и язык / сост.: А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. Москва, 2008. Вып. 1 : Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. С. 395–412.
20. Чернявская В. Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное : Лингвистический и социокультурный анализ. Москва : Директ-Медиа, 2014. 258 с.
21. Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 3. С. 44–55.
22. Шапкина Е. В. Языковые особенности заголовочных комплексов в научном тексте (на примере англоязычной научной статьи) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 3. С. 32–38.
23. Эффективное речевое общение : (Базовые компетенции) : словарь-справочник / Сибирский федеральный университет ; гл. ред. А. П. Сковородников. Электрон. изд. Красноярск : СФУ, 2014. 852 с. URL: klex.ru/1dlk (дата обращения: 15.02.2023).

THE MANIFESTATION OF THE AUTHOR'S INDIVIDUALITY IN A SCIENTIFIC TEXT: THE COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT

E.M. Ryanskaya, Y.V. Shevchenko
Nizhnevartovsk State University
Nizhnevartovsk, Russian Federation

The article deals with the problem of the manifestation of the scientist's individuality in a scientific text and the unique forms of implementation of author's communicative and pragmatic tasks. The inclusion of individualized authorial speech in the sphere of normative standard is considered as a result of the creative activity of the scientist's linguistic personality. The analysis of language material allowed us to identify atypical for scientific style types of communication strategies and forms of their realization. The results revealed diverse ways of using a variety of language means to express scientist's uniqueness and individuality.

Key words: scientific text, normative standard, author's personality, communication strategies, scientist's idiosyncrasy.

УДК 811.161.1'373.22+82.09-1(47)

ОБРАЗНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ДЕНДРОНИМА ВЕТЛА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX–XXI ВЕКОВ

М.Г. Соколова
Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматриваются особенности семантики и функции дендронима *ветла* в русской поэзии XIX–XXI вв. в аспекте образной репрезентации. Выявлен состав образов сравнения, характеризующих дендроним *ветла* как компонент компаративных тропов. Установлены репрезентируемые данными образами сравнения перцептивные семантические признаки лексемы *ветла* и их референционно-денотативная обусловленность. Доказано, что семантические особенности дендронима *ветла* в русской поэзии определяют женская ассоциативность и связанная с ней семантика тоски, печали; репрезентация символических значений «родное пространство», «память», «обыденная реальность, простота, твердая опора», «жизнестойкость».

Ключевые слова: русская поэзия, дендроним ветла, образная парадигма, образное поле, тропы.

В современной лингвистике сложилась актуальная тенденция к изучению образных средств языка в аспекте инвариантности – воспроизводимости по различным смысловым инвариантам, то есть образным парадигмам. Понятие «образная парадигма», введенное в научный оборот Н.П. Павлович [9], в настоящее время активно используется при описании как отдельных систем компаративных тропов определенных временных периодов русского поэтического языка (так называемых «образных полей»), так и конкретных идиостилей и художественных произведений [7; 10; 13]. Дендронимы, являясь важнейшей частью языковой поэтической картины

мира и ключевыми понятиями художественных текстов, требуют дальнейшего изучения в указанном аспекте.

Предметом исследования в настоящей статье являются образы сравнения, характеризующие дендроним *ветла* как компонент компаративных тропов; репрезентируемые данными образами сравнения перцептивные семантические признаки и их референционно-денотативная обусловленность. Цель статьи – выявить особенности семантики и функции дендронима *ветла* в русской поэзии XIX–XXI вв. в аспекте образной репрезентации.

Предлагаемое исследование выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка [8], а также поэтического сборника В.Ф. Дударева [4]. Общее количество проанализированных поэтических контекстов из произведений В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, Н.А. Клоева, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой, С.А. Есенина, Г.Н. Оболдуева, И.В. Елагина, Д. Самойлова, В.Ф. Дударева – 42; общее количество образных словоупотреблений лексемы *ветла* – 54.

По данным Национального корпуса русского языка, динамика функционирования дендронима *ветла* в поэтических текстах разных авторов представлена по векам следующим образом: XIX в. включает произведения 10 авторов, XX в. – 28 авторов, XXI в. – 3 авторов. Для рассмотрения были отобраны фрагменты произведений обозначенных выше поэтов, у которых отмечается наиболее частотное употребление лексемы *ветла* в качестве важного элемента ситуации художественного текста.

В процессе исследования используются описательный метод, методы структурно-семантического, контекстуального и межконтекстуального анализа. Работа основывается на концептуальном положении об изоморфной структуре образного поля, разработанном в рамках проведенного квалификационного исследования образных полей дендронимов как компонентов компаративных тропов в русской поэзии XVIII–XX вв. [11; 12]. В соответствии с названным положением референционно-денотативная сфера реалии в объективной действительности обуславливает план выражения и план содержания образных полей.

Представим результаты проведенного исследования. Референционно-денотативный план дендронима *ветла*, согласно сведениям из толковых словарей, включает следующие семантические признаки, передающие представления об онтологических свойствах денотата: «семейство ивовых» (белая серебристая ива), «узкие, острые серебристые листья» [1]; *ветляный* (относящийся к ветле) – «приветливый» [3]. Этимология данного названия восходит к «ветвь», «вить», лексема является суффиксальным производным от этой основы [14].

Анализ тропеических поэтических контекстов употребления рассматриваемого дендронима, принадлежащих разным авторам, показал, что наиболее яркую репрезентацию получают семантические перцептивные признаки *белый, серебристый, острый, узкий*. В качестве расширения

семантического потенциала дендронима *ветла* в поэтическом языке следует рассматривать актуализацию признаков, не представленных в семной структуре словарной единицы (некоторые из них отмечаются при описании растения в ботанических словарях): *косматый, гибкие, свисающие ветви, темно-серый (о коре), расположение около воды, дорог, дуплистость, печаль (тоска), наклоняться, трепетать, шелестеть*.

Средствами образной репрезентации перечисленных перцептивных семантических признаков являются следующие образы сравнения компаративных тропов:

– **ветла – человек**; данная парадигма включает образы сравнения *пращур, гибкий человек, седая (седые космы), сын, дрожь, голова, рот (пасть), руки, тоска (смотреть с тоской, сердце в слезах), стелить (холсты), ходить*: *А древние пращуры зорко / Следят за работой сынов, / Ветлой наклонясь с пригорка, / Туманом вставая с лугов* (В.Я. Брюсов. «Взрывают весенние плуги...», 1907); *Я сын твой, / Выросший, как ветла, / При дороге* (С.А. Есенин. «Тучи – как озера...», 1917); *И не султана взмах, – / Ветла, / Седые космы разметав* (М.И. Цветаева. «И настезь, и настезь / Руки – две...», 1921); *Ему на кудри меда ковши / Пролили вётлы, хаты, рожь* (Н.А. Клюев. «Коль славен...» поет заря...», 1929–1934); *В седые дали ноябрю / Уходят вётлы, как слепые / Без палки и поводыря* (Б.Л. Пастернак. «Открыли дверь, и в кухню паром...», 1944); *Тураев юн: ни подл, / Ни без ошибок, / Он был, как ветви вётл / Упруг и гибок* (Г.Н. Оболдуев. «Я видел мглу невзгод...», 1941–1952) и др.;

– **ветла – мифологические и т. п. существа**: *Как будто вётлы стоят над речкой, как будто призрак дрожит близ них* (В.Я. Брюсов. «Туман осенний струится грустно над серой далью нагих полей...», 1913);

– **ветла – предмет**; парадигма представлена образными ассоциациями *веретенце, сизая свеча, метла, одежда (воскрылие – подол, пола нижней одежды; косник – лента или шнурок, вплетаемые в косу; украшение, привязываемое к концу косы; платок)*: *По тени от вётлы-веретенца / Богомолки идут на канон* (С.А. Есенин. «По дороге идут богомолки...», 1914); *Заслонили вётлы сиротливо / Косниками мёртвые жилища* (С.А. Есенин. «Заслонили ветлы сиротливо...», 1915); *Плакучий Харьковский уезд, / Русалочки начесы лени, / И вётел, и плетней, и звезд, / Как сизых свечек шевеленье* (Б.Л. Пастернак. Стучат колеса на селе...», 1915–1928); *Косматых воскрылий взлёты, / Аль так – ветла? / Вдымайте, вдымайте мётлы!* (М.И. Цветаева. «И настезь, и настезь / Руки – две...», 1921) и др.

Охарактеризуем особенности функционирования дендронима *ветла* в рамках отдельных идиоматилей. Как показывает рассматриваемый материал, ветла в поэтических контекстах М.И. Цветаевой, Б.Л. Пастернака наделяется, как правило, женской образной ассоциативностью, что соотносится с народно-поэтической традицией словесного воплощения образа ивы (ветла – вид ивы): *Мчится, мчится вместе с Ветром – молодая! / Замечает след – ветла седая* (М.И. Цветаева. «Ой, ветлы, ой, ветлы...», 1920); *То*

не ветер расцумелся над **вётлами** – / Вспоминает молода – орла залетного (М.И. Цветаева. «Обронил орёл залетный перышко...», 1921); **Вётлами** – вслед – поднимаются руки. / Две достоверности верной раздуки, / Кровь без слезы пролитая! (М.И. Цветаева. «Вёрстами – врозь – разлетаются брови...», 1922); Он платок срывает с **вётел** / И стрищет их наголо (Б.Л. Пастернак. «Дождь дороги заболотил...», 1956). С помощью соответствующих ассоциаций реализуются семантические перцептивные признаки *серебристый, белый, гибкие, свисающие ветви, раздука*.

С женской ассоциативностью косвенно связана семантика тоски (печали), которая актуализируется посредством тропов: *Понагнулись вётлы к мутному стеклу / И качают ветки, голову понуря, / И с тоской угрюмой смотрят в полумглу* (С.А. Есенин. «Дрогнули листочки, закачались клены...», 1913–1915), *Мережитися странником голос, / Под выюгой без верной клюки, / И сердце в слезах раскололось / Дулистой ветлой у реки* (Н.А. Клюев. «Когда осыпаются липы...», 1932) и др.

С помощью образов сравнения семантической сферы «Человек», а также в контекстах синтагматической сочетаемости лексемы *ветла* репрезентируются культурно-стереотипные символические значения «родное пространство» и «память» [11], которые восходят к архетипу дерева, моделирующему окружающий мир на основе типизированных противопоставлений «свой – чужой», «прошлое – настоящее» [2]. Так, у В.Я. Брюсова ветла изображается в виде древнего пращура, который следит за упорным трудом пахарей (пример приведен выше); посредством образного параллелизма – «ветла над речкой, туман как призрак – призрак былого над темным миром души» – лирический герой обращается к яркому миру прошлого: *Здесь было солнце! здесь были нивы! здесь громкий говор жнецов не тих! / Я помню счастье, и поцелуи, и мной пропетый звенящий стих!* (В.Я. Брюсов. «Туман осенний струится грустно над серой далью нагих полей...», 1913). В нескольких стихотворениях автора ветла становится индивидуальным символом обыденной реальности, простоты, твердой опоры, противопоставленной ночным поэтическим грёзам поэта, творческому вдохновению: *«десятки новолуний / Расплавленный текущий алебастр – / И я плыву среди горящих астр. / А летний день слился с весной в июне, / И зло с добром сосватал Зороастр... / Измученный, я надаю... подушки / Горят огнем... в раскрытое окно / Далеких вётл виднеются верхушки. Всё просто так, всё тихо, всё темно»* [8] (В.Я. Брюсов. «Торжественно-больное беспокойство...», 1895); *«Никто не узнает вождя каравана / В узорном бурнуса на жгучем коне... / Не вётлы России, а розы Харрана / Под смертным самумом вздохнут обо мне!»* (Н.А. Клюев. «Я давно не смеялся, но в праздник Коммуны...», 1919–1921).

Следует отметить, что простота, приземлённость поэтического образа ветлы передается также компаративными тропами в рамках парадигмы «ветла – предмет» и монохромной цветовой репрезентацией данного дендронима. Среди представленных образов сравнения семантической

сферы «Предмет» выделяются обозначения бытовых предметов и явлений (*веретенце, косник, метла, крюк, сифилис*), что соотносится с тенденцией к стилистическому снижению экспрессивных поэтических средств [7]: *Ой, вѣтлы, ой, вѣтлы – Полночные мѣтлы!* (М.И. Цветаева. «Ой, ветлы, ой, ветлы...», 1920); *Што там крючится / Вровень с полозом? – Вѣтлы – сучьями* (М.И. Цветаева. «И кони не ржали...», 1922); *Есть сифилис – ветла с разинутым дуплом / Над жёлчи омутом, где плещет осетром / Безносый водяник, утопленников пестун* (Н.А. Клюев. «Есть демоны чумы, проказы и холеры...», 1934) и другие примеры, приведенные ранее.

Обратим внимание, что образ сравнения *веретенце* (приспособление для прядения, стержень для навивания нити) очень точно воспроизводит архаическую ассоциацию, содержащуюся в этимоне лексемы – «вить»: *Лижут сумерки золото солнца, / В дальних рощах аукает звон... / По тени от вѣтлы-веретенца / Богомолки идут на канон* (С.А. Есенин. «По дороге идут богомолки...», 1914). Вместе с тем данная ассоциация порождает и «символическую ауру» (Е.В. Шелестюк) вокруг соответствующего понятия: веретено – символ переходящего характера жизни, а также соединения земного и небесного, благодаря форме в виде двух пересекающихся кругов [6].

Ветла как элемент изображаемой художественной ситуации часто включается в унылый поэтический пейзаж, формируемый лексемами *туман, ветер, дождь, лужи, ненастье, ночь* и т. п.: *Лужи заплывшие, вѣтлы поникшие / Кажут пути незнакомаго след. / Выйдешь к селенью, так родственно-близкому, / Тихо, как в склепе забытом, окрест* (Н.А. Клюев. «Ночью дождливою, ночью осеннею...», 1907); *Хотя ещё октябрь, за дряблой дрожью вѣтел / Уже набрякли сумерки хандрою ноября* (Б.Л. Пастернак. «Постойте! Куда вы? Читать? Не дотолчетесь!...», 1926–1927); *Не красный пожар лесной, / Не заяц – по зарослям, / Не вѣтлы – под бурею, / – За фюрером – фурии!* (М.И. Цветаева. «Не бесы – за иноком...», 1939); *Я выходил в такое время, / Когда на улице ни зги, / И рассыпал лесною тьмою / Свои скрипучие шаги. / Навстречу мне на переезде / Вставали вѣтлы пустыря* (Б.Л. Пастернак. «Я под Москвою эту зиму...», 1941); *Озябшие птицы кричат на ветле, / Туманы заколобродили* (Д. Самойлов. «Стоят у околицы женщины...», 1944); *Над вѣтлами, над ульями, / Над липами, над пчѣлами / Гудело утро пулями / Свинцовыми, тяжелыми* (И.В. Елагин. «Над ветлами, над ульями...», 1939–1953) и др. В качестве элемента унылого пейзажа ветла не получает яркой цветовой репрезентации. Семантика цвета передается преимущественно признаками «белый», «серебристый», «серый», обусловленными объективными признаками денотата: *За валом, над привадой в яме, / Серо маячила ветла* (И.А. Бунин. «В полях, далеко от усадьбы...», 1905); *И листва / Ветлы, склоненной к их подножью, / Вся серебристой мледа дрожью / – В грядущем страхе божества* (И.А. Бунин. «Как дым пожара, туча шла...», 1912) и др.

В идиостилиях С.А. Есенина, Н.А. Клюева при образной репрезентации дендронима *ветла* отражается христианская картина мира посредством использования образов сравнения компаративных тропов с компонентами семантической сферы «Религия»: *ветла – звон, сумрак – ангел, ветла – свеча, ветла – жизнь в свете Божия Сына* и др.: *Божий Сын, Невидимый Учитель, / Изведи из мира тьмы наружной / Человека – брата своего! / Чтоб горел он, как и Ты, Пресветлый, / Тихим светом в сумраке ночном, / Чтоб белей цветов весенней ветлы / Стала жизнь на поприще людском!* (Н.А. Клюев. Брачная песня, 1910–1911); *Под окном от скользких вётел / Перепёлы звоны ветра. / Тихий сумрак, ангел тёплый, / Напоен нездешним светом* (С.А. Есенин. «Даль подернулась туманом...», 1916); *Симоне Пётр... / Где ты? Приди. / Вздрогнули вётлы: / «Там, впереди!»* (С.А. Есенин. «Господи, я верую!...», 1917) и др.

По нашему мнению, дальнейшая авторская эволюция выделенного символического значения «ветла – земная опора» наблюдается в творчестве поэта ХХI в. В.Ф. Дударева. Дендроним *ветла* употребляется автором в качестве заголовка сборника стихотворений. В такой сильной текстовой позиции подчеркивается символическая функция лексемы. Напряжённое ожидание лирического героя произведений связано с уверенностью в том, что «ветла не загорится» от молнии: *Возможно, лес сгорит дотла. / Возможно, сгинут звери, птицы. / Но старая ветла / От молнии не загорится. / Мы можем бросить все дела, / Мы можем спятить, можем спиться... / Ветла / Не загорится!* (В.Ф. Дударев «Когда от молний ночь светлая...», 1994)». Данный образ, по словам современных исследователей, – «вечная монументальная непоколебимая ветла» [5, с. 222] – проецируется и на другое стихотворение сборника – «Сгорают звёзды, люди, царства», в котором также возникает образ уничтожающего огня, тема трагической судьбы родины после крушения Советского Союза: *«Сгорают звёзды, люди, царства... / Испепеляющий конец! – / И нет на свете государства, / В котором умер мой отец. / И словно он в сороковые / И не выигрывал войну – / Так быстро справили живые / Себе отдельную страну. / И словно не было державы, / Свалившей гордого врага. / И там, где город русской славы, / Теперь чужие берега. / И там, где время сохранило / Могилы русских казаков, / Теперь степная правит сила / Чужих очей, чужих подков. / И там теперь чужие страны, / Где гибли русские полки, / А горстку русских ветеранов / Добьют латышские стрелки...»* (В.Ф. Дударев «Сгорают звёзды, люди, царства...», 1994) [4]. В данном контексте ветла приобретает коннотативное приращение жизнестойкости, надежды на социально-историческое возрождение.

Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что дендроним *ветла* в русских поэтических текстах имеет яркую и многообразную образную репрезентацию посредством образов сравнения семантических сфер «Человек» и «Предмет»: *ветла – пращур, гибкий человек, сын, дрожь, голова, рот (пасть), руки, тоска (смотреть с тоской,*

сердце в слезах), седая (седые космы), стелить (холсты), ходить; ветла – призрак; ветла – веретенце, сизая свеча, метла, одежда и др.

С помощью данных образных ассоциаций находит актуализацию комплекс перцептивных семантических признаков лексемы *ветла*, как представленных в семной структуре словарной единицы и ее этимоне, так и имплицуруемых контекстом: *серебристый, белый, узкий, острый, темно-серый (о коре), расположение около воды, дорог, дуплистость, косматый, гибкие, свисающие ветви, печаль (тоска), наклоняться, трепетать, шелестеть, вить*. К особенностям семантики дендронима *ветла* в русской поэзии следует отнести женскую ассоциативность и связанную с ней семантику тоски, печали; репрезентацию культурно-стереотипных символических значений «родное пространство» и «память», индивидуального символа обыденной реальности, простоты, твердой опоры в идиостиле В.Я. Брюсова; трансформацию данного символа в творчестве В.Ф. Дударева за счет коннотативного приращения жизнестойкости, надежды на социально-историческое возрождение родины.

Особенности функционирования дендронима *ветла* в рассматриваемых поэтических контекстах связаны с включенностью в унылый пейзаж, с актуализацией простоты и приземленности, неброскости поэтического образа ветлы, с передачей христианской картины мира в рамках образной репрезентации дендронима в идиостилиях С.А. Есенина, Н.А. Клюева.

Специфика образной репрезентации лексемы *ветла* в русской поэзии XIX–XXI вв. обусловлена референционно-денотативной сферой, отражающей отличительные онтологические свойства растительной реалии: окраску и форму листьев, цвет коры дерева, гибкие, свисающие ветви, место произрастания, дуплистость.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург [и др.] : Норинт [и др.], 2008. 1534, [1] с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка : значение, употребление, культурологический комментарий / авт.-сост.: И. С. Брилева [и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. Москва : АСТ-Пресс КНИГА, 2006. С. 13.
3. Толковый словарь Даля // Академик. URL: dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/ (дата обращения: 10.01.2023).
4. Дударев В. Ф. Ветла и другие стихотворения. Москва : Художественная литература, 2016. 194 с.
5. Дударева М. А. Алфавит деревьев русской литературы: образ ветлы и его фольклорные параллели // Вестник славянских культур. 2022. № 64. С. 217–226.
6. Керлот Х. Э. Словарь символов : Мифология, Магия, Психоанализ / отв. ред. С. В. Пролеес; пер.: Н. А. Богун [и др.]. Москва : REFL-book, 1994. 601, [2] с.
7. Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. Москва : Знак, 2009. 892 с.
8. Национальный корпус русского языка : сервис. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.01.2023).

9. Павлович Н. В. Язык образов : парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Азбуковник, 2004. 527 с.
10. Петрова З. Ю. Образное поле «Растения» в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 54–59.
11. Соколова М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей «тополь – человек» и «клён – человек» в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 43–53.
12. Соколова М. Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход : монография. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2020. 182 с.
13. Шпилева Ю. В. Образные поля в орнаментальной прозе : (на материале произведений русской литературы первой трети XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2015. 22 с.
14. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н. М. Шанского. Москва : Издательство Московского университета, 1968 . Т. 1, вып. 3. 283 с.

FIGURATIVE REPRESENTATIVES OF THE VETLA DENDRONYM IN RUSSIAN POETRY OF THE XIX–XXI CENTURIES

M.G. Sokolova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article discusses the features of the semantics and functions of the dendronym *vetla* in Russian poetry of the XIX–XXI centuries. in the aspect of figurative representation. The composition of comparison images characterizing the dendronym *vetla* as a component of comparative tropes is revealed. Perceptual semantic features of the *vetla* lexeme, represented by these comparison images, and their referential-denotative conditionality are established. It is proved that the semantic features of the dendronym *vetla* in Russian poetry determine female associativity and the semantics of longing and sadness associated with it; representation of symbolic meanings "native space", "memory", "everyday reality, simplicity, firm support", "resilience".

Key words: Russian poetry, *vetla* dendronym, figurative paradigm, figurative field, tropes.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА

УДК 811.112.2'255.2+82.09-1(430)

КОД СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНТОЛОГИИ «НЕБЕСНОЕ ИСКОПАЕМОЕ»)

Т.Н. Андреюшкина

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматриваются такие характерные черты современной немецкой лирики, как интертекстуальность и использование различных лирических кодов, которые предполагают филологическую эрудицию читателя и его способность к декодированию лирического текста. Такие же требования, помимо знания иностранных языков и умения эквивалентно передать особенности лирического высказывания в контексте сохранения формы и содержания оригинала, предъявляются и к переводчикам. Поэтому в статье анализируются тексты более или менее удачных переводов антологии «Небесное ископаемое», над которой работала группа молодых нижегородских переводчиков.

Ключевые слова: интертекстуальность, герметичность, поэтический код, перевод лирического текста, подстрочник, антология «Небесное ископаемое».

Вышедшая в печать в 2021 г. книга «Небесное ископаемое. Антология актуальной немецкоязычной поэзии», перевод стихотворений в которой выполнен в нижегородской мастерской по поэтическому переводу, куда в основном вошли филологи и поэты, создала повод поговорить о современной немецкоязычной поэзии и ее поэтическом коде. Эта статья – продолжение ряда статей, посвященных современной немецкой поэзии [1; 2; 3].

Как заявил составитель сборника Хендрик Джексон, выбор поэтов был субъективным, со следами личных предпочтений и «знаков времени» [4, с. 5]. Многих из авторов Джексон знает по portalу www.lyrik.de, ответственным редактором которого он является. Многие печатались в берлинском издательстве koockbooks (Фальб, фом Брокке, Брейгер). Некоторые из поэтов были в России, как и Джексон, писали о ней, проявляли интерес к российской поэзии. Итак, для антологии Джексон и Анной Фроловой, еще одним составителем сборника, филологом из Нижегородского государственного университета, было выбрано 10 авторов.

При всем различии поэтик этих авторов объединяет, помимо уже названного интереса к России, внимание к своему времени (в особенности в политических стихотворениях Вагнера и Фальба), к заявленным авторами «ископаемым» (пользуясь метафорой Верены Штауфер) традициям (аллюзии к Данте у Брейгера, к Вергилию у Вагнера, к Петрарке у Сандры Буркхардт, к А. Хольцу с его центричной осью у Фальба), а также к более близким, но не таким явным, не обозначенным авторами традициям: Ф.И. Чернина у Брейгера и Утлер, Р. Кирша у Вагнера, А. Дросте фон Хюльсхоф

и Г. Кольмар у фом Брое), О. Пастиора у Буркхардт. Т.е. интертекстуальность у современных поэтов проявляется очевидно и цитируемость ими других авторов (это франко-и англоязычные авторы) велика [6; 7].

Всех поэтов характеризует также интерес к разнообразным лирическим жанрам, типичным для разных эпох, которые претерпевают трансформации: от книги гимнов Ани Утлер (*kommen sehen. Lobgesang*), прославляющей солнце после катастрофы, сонета (Вагнер, Буркхардт, Штауфер), оды (Пошман), приамели (Эггер) до длинного стихотворения как традиции поэзии «новой субъективности» (Фальб, Буркхардт, Джексон, Вагнер). Кроме жанров переводимые авторы проявляют интерес и к строфам: терцины (Штауфер), секстины с 6-стопным стихом (Брейгер) и двустишия (Пошман, Утлер). Строфы также имеют интертекстуальные связи.

Современных поэтов отличает интерес к общей, блуждающей от одного стихотворения к другому, топике («Замкнутое пространство», 2016 Вагнера и «Закрытое общество», 2021 В. Штауфер, что свидетельствует о герметичности их лирики; «украденный воздух», «беглые луны» Брейгера, «небесное ископаемое» (В. Штауфер) и «Антропоцен. Поэзия в современной геологии», «Вариации дождевой бочки» Вагнера). Все эти лирические тексты, написанные в традиции натурмагической лирики, свидетельствуют об интересе к вопросам естественных наук: биологии, геологии, метеорологии и др.

Что касается переводов, в интернете можно найти профессиональные переводы, например, поэзии Брейгера, выполненные Еленой Раджешвари. И у нее, и у Евгения славянские корни (он родился в Харькове, она – в Одессе). Переводчица тем самым в стихотворении «Украденный воздух» создала некий образец, задающий тон переводам. Поэтому последняя строчка в «Инферно» в антологии в переводе А. Колесникова – заключительный аккорд стихотворения – удивляет своей нескладностью. «Was lernt man ohne Absicht zu verzeihen» [4, с. 18] как-то не совсем по-русски сформулировано: «Что учатся ненамеренно прощать?» [4, с. 19]. Ведь можно найти другие варианты, более понятные: «Чему научишься, / прощать не собираясь?».

Тончайшей природы поэзия Сони фом Брое требует и тончайшего подхода при переводе. Они совсем не удались. Эта нежнейшая анималистическая поэзия не о рыбах и жабах, она о человеке и метафорически выраженной эротике. Прежде чем переводить, надо подробно изучить Дросте, Кольмар, Кристину Лавант, а переводчицы-«поэтки» (как они себя в антологии величают) вряд ли подробно изучали немецкоязычную женскую поэзию, если даже имя Евы переводится на русский как Ив [4, с. 23]. В этом же стихотворении «хрустишь» (картофелем фри) («knackst») переводится как «трескаешься». Странное определение «густые, подробные волосы» [4, с. 23] («mit dem dicken, sichtlich erschöpfenden Haar» [4, с. 22]) выбрано для «явно утомляющих», требующих заботы волос.

В переводах Сандры Буркхардт и Марион Пошман меня удивил лирический герой мужского рода (хотя это в принципе возможно, но нужно ли) и очень примерный, почти вольный перевод психолога А. Полуховой. В стихотворении С. Буркхардт «Я думаю» falsch fluchtende Straßen [4, с. 34] («лживо извивающиеся») – переводятся как «изогнутые улицы» [4, с. 35]. «Extremität» («крайность») – как «конечность», «kurzer Tuch» («короткое полотно») – как «шарф», «Erträgerin» («вытерпевшая») – как «носительница». «Nie war Gesicht so schwer / wie das, was ich behalte» [4, с. 34], переведенное как «Лицу никогда не было так тяжело / от оставленной ноши» [4, с. 35], очень приблизительно передает смысл высказывания.

Почему нужно так выпендренно переводить «Lärm der Verkehre» [4, с. 90] в стихотворении М. Пошман «Порядки глуши» как «шум уличных движений» [4, с. 91], если это просто «шум транспорта»? Зачем переводить «считать деревья», когда героиня их просто «наблюдает» («sehen»), как и тот момент, «который обрамлен стеклом, как на картинах старых мастеров» («der hinter / Glas gefasst bleibt wie auf den Bildern alter / Meister die Ferne» [4, с. 90]). В переводе это передано довольно натужно, как «остающийся за стеклом так спокойно как на картинах старых мастеров даль» [4, с. 91]. «Traktor, schweres Gerät, das Furchen / riß in dieser flachesten Gegend» [4, с. 90] переводится как «трактор, тяжелый прибор, борозда обрывается в ровной местности той» [4, с. 91], а надо бы перевести: «трактор, тяжелая машина, которая бороздит эту плоскую местность». Пошман, как принято у поэтов, играет полисемантикой слова «anziehen». Переводчиком без долгого размышления берется первое значение – «надевать», потому что перед глаголом стоит словосочетание «без повода», а как быть с другими значениями глагола, такими как «притягивать», «привлекать», «тянуть», «двигать»? И другое слово («anlasslos») образовано от «anlassen» – «запускать», «приводить в движение» (машину). Ведь речь идет о бороздах, оставляющих орнаменты на полях. Поэтому данная строфа звучит в переводе довольно неуклюже:

wie man etwas anlaßlos anzieht, und es
wäre später so und nicht anders, wäre
in die Symmetrien des Sachten einfach
eingefügt, wäre
wäre Wildnis [4, с. 90];

будто бы надеваешь без повода что-то, если
бы позже и никак по-другому, было бы
еле заметно в симметрию легкого
вписано просто было бы
было бы глушью [4, с. 91].

На этом слове остановимся, потому что слово «Wildnis» возвращает нас к названию стихотворения («Ordnungen der Wildnis»), которое переведено как «Порядки глуши» вместо «Упорядочение беспорядка». Поэтому и перевод указанной строфы мог бы звучать так: «словно без натуги приводишь что-то в движение / и позже, так и не иначе, просто приспособился бы / к симметрии неспешности / и беспорядком было бы (другое), то, что поднимается с поверхности».

У Яна Вагнера («Карл VI») строка «die Gedanken durchrieseln mich wie eine Sanduhr» [4, с. 120] переведена как «мысли тянутся во мне, как в песочных часах» [4, с. 121] вместо «сыплются», «струятся» или «текут». Или еще один сомнительно переведенный пассаж из Вагнера: ein hauch nur, isabelle, / von deinen lippen, schon beschlage ich [4, с. 120] переводится А.Г. Ингером как «один вздох, изабелла, / твоих губ, и я помутнел» (!?) [4, с. 121]. Глагол beschlagen имеет много значений (как переходный – «оббивать», «ковать», «конфисковывать»; как возвратный – «покрываться налетом», «выветриваться»), но поскольку речь идет о дыхании, то подошел бы морской термин «крепить паруса» и это была бы интересная метафора.

В приамелиях Эггера «got» [4, с. 40] («красный») переводится как «мастовый» [4, с. 41], хотя речь идет о крови ведьмы. Чем обусловлен руссизм в переводе стихотворения «Вина» Х. Джексона – «ясный мой свет» [4 с. 72], несущий на себе груз попсовой песни, не совсем понятно [4, с. 73].

В титульном стихотворении «Небесное ископаемое» Верены Штауфер выражение «jagen Wasser» [4, с. 94] переводится как «разыскивают воду» [4, с. 95], хотя имеется в виду противоположное действие.

Почему переводчик заставляет Карбункул летать «в скоплении нектара» в стихотворении «Сирень» Штауфер?

Sind im Aufschocken des Nektars in Trunkenheit
Carbunkulus geflogen [4, с. 96].

Опьяненный в скоплении нектара
Карбункул летал [4, с. 97].

А ведь этот карбункул нужен поэтессе только для звукописи, потому что далее следует das karfunkelnde Meer [4, с. 97].

Смысловые ошибки в переводах не проясняют, а затемняют смысл стихотворений, чей герметичный язык и без того сложен для восприятия. Часто возникает впечатление, что переводчик мало или совсем не понимает, о чем идет речь, что неудивительно, потому что современная поэзия энигматична. Обратимся к другому стихотворению Пошман «И сохранившийся снег в моих теплых руках» [4, с. 85], что опять же переведено не совсем точно. «И храню снег» («Und hege den Schnee» [84]) – этот эпический заход важен для автора в названии. Снег как мечту, иллюзию надо хранить, утверждает поэтесса.

Настораживает уже эпиграф к этому стихотворению из «Антигоны» Софокла, который переведен так: «Чудовищнее природы не встретить, / чем человек» [4, с. 85] («Vielgestaltig ist / das Ungeheure, / und nichts / ist ungeheurer / als der Mensch» [4, с. 84]. Ближе к оригиналу это звучало бы так: «Ужасное имеет много форм, но ничего ужаснее нет человека».

Начало стихотворения вводит читателя в ступор: Еще вчера стоял я в снежных горах. Сейчас они исчезли [4, с. 84].

Как, горы исчезли? – пугается воображаемый читатель. Нет, успокаивает нас переводчик, они «разглажены» – т. е. стали долиной, размышляет читатель. Нет, все еще проще: «Так просто, как разморозить холодильник». Значит снег в горах растаял? – приходит в себя догадливый

читатель. Зачем же двумя первыми строками травмировать читателя? А почему не написать: «Еще вчера я был в заснеженных горах. Сегодня они ниже – снег растаял, так просто, словно разморожен холодильник». Кажется, это больше соответствует тексту:

Noch gestern hielt ich mich in tiefverschnitten
Bergen auf. Jetzt sind sie eingeebnet,
aufgelöst, ganz schlicht, so wie man einen Kühlschrank abtaut [4, с. 84].

После еще двух мало вразумительных строф переводчица пишет:

На пути желания
преграды нет, и якобы где воля,
там средство, тонкий воздух
еще служить заставить, чудовище,
чудовищное одолеть,
легко, как будто спишь ты в кресле
и видишь вечный сон полета [4, с. 85].
Читатель остается в недоумении – так кто кого одолел?
Dem Wunsch ist nichts
unmöglich, heißt es doch, und wo ein Wille
ist, da ist ein Weg, die dünne Luft noch
dienstbar sich zu machen, das Ungeheure,
Ungeheuerlichste zu bezwingen,
ganz leicht, als schliefe man in seinem Sessel
und träumte nur von einem langen Flug [4, с. 84].

Что означает:

желанье исполнимо,
ведь говорят же, что воля
приведет нас к цели, и легкий воздух
нам поможет одолеть чудовищное
из чудовищ легко, как будто ты уснул в удобном кресле
и видишь сон и ты во сне летаешь (а не уснул вечным сном).

Анализ переводов можно было бы продолжить, хотя предполагается, что в мастерской следовало бы коллективно или в частном порядке обсудить переведенные произведения, предварительно обсудив их с авторами, опубликовавшими свои стихи по большей части в 2020 г., т. е. они вполне досягаемы для обсуждения, например, по интернету. Из сообщения А. Фроловой стало известно, что обсуждение с авторами состоялось, но поскольку русскоязычные поэты беседовали с ними через переводчика, а некоторые общались по интернету по-английски и владеют только английским языком, переводя по подстрочнику, то общение с авторами дало небольшой результат.

И тут мне хочется привести один эпизод из книги известного литературоведа и переводчика Е. Эткинда о том, как переводили корифеи русской поэзии, часто работавшие по подстрочнику. В своей книге Е. Эткинд

рассказывает, что в 1946 г. в русском переводе вышла поэма «Времена года» литовского поэта К. Донелайтиса, написанная в середине XVIII века. Неудовлетворенный своим переводом по подстрочнику Д. Бродский выучил литовский язык, чтобы осуществить перевод по оригиналу. Девять лет спустя появился новый перевод поэмы. «Второй вариант перевода Д. Бродского возник вследствие изучения истории литовского крестьянства, этнографии и географии, литературы и материальной культуры Литвы, но главное, самое главное – языка. Овладев литовским языком, прочитав подлинник, Бродский сам оказался собственным редактором – более жестоким и неумолимым, чем любой из мыслимых редакторов. В самом деле, кто мог бы заставить маститого поэта-переводчика переработать свой труд на 80-90%, кроме его профессиональной совести? Надо думать, что, если видные поэты, до сих пор переводившие про помощи подстрочников, по примеру Д. Бродского изучат языки своих оригиналов, современная поэзия обогатится несметным количеством таких «новых редакций», а по существу новых переводов» [5, с. 199].

Замечательный пример, обращенный непосредственно к молодым переводчикам, мог бы вдохновить их на глубокое изучение материала, подлежащего переводу, с целью создания наиболее эквивалентных переводов. Что касается характера современной поэзии, то, как мы видели, она герметична, интертекстуальна, соотносится с определенными открытиями в естественных науках, поэтому чтобы декодировать ее, надо не только хорошо владеть иностранными языками, но и родным языком, чтобы поэзия звучала как поэзия, а не как путаная скороговорка из случайных слов или неудобоваримого синтаксиса. Но главное – изучать историю литературы, знать тексты ее выдающихся авторов, изучать поэтические традиции, потому что немецкие тексты написаны авторами-филологами, пристально изучавшими родную словесность. В современной поэзии нет рифм, но используются аллитерации, ассонансы, внутренние рифмы, определенная строфика, что так важно сохранять и в переводе. Хочется отметить и положительный момент анализируемой антологии – она знакомит русского читателя с современными поэтами, не самыми значительными, за исключением Яна Вагнера, но все же достаточно интересными. На материале книги был проведен вебинар по современной поэзии для молодежи – результаты его также могли бы найти отражение в антологии. В биографических сведениях о немецких поэтах хотелось бы увидеть краткую характеристику их стиля, особенностей работы над ним переводчиков. Этот брошенный взгляд в кухню языковой лаборатории был бы чрезвычайно полезен читателю в процессе освоения языка современной поэзии. Хочется пожелать переводчикам мастерской более активного взаимодействия с авторами и в своем коллективе, чтобы избегать нежелательных ляпов (*lapsus linguae*) и неточностей.

Литература

1. Андреевская Т. Н. Перевод как «диалект всеобщего языка поэзии»: русские авторы в «Музее современной поэзии» (1960/2002) Х. М. Энценсбергера // Россия –

- Германия : литературные встречи (после 1945 года) / отв. ред.-сост.: Т. В. Кудрявцева, А. А. Стрельникова. Москва : ИМЛИ РАН, 2022. С. 749–767.
2. Андреюшкина Т. Н. Сонеты Г. Сапгира в переводах и комментариях Э.-Ю. Драйера // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 2, №2. С. 57–65.
 3. Андреюшкина Т. Н. Переводы немецкой поэзии в книге Н. Эскиной «Поэтические переводы» (2016) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков : К 70-летию профессора Юрия Ивановича Горбунова : VII Междунар. конф. : сборник материалов / редкол.: Ю. И. Горбунов (отв. ред.) [и др.]. Тольятти, 2021. С. 291–297.
 4. Небесное ископаемое : антология актуальной немецкоязычной поэзии / сост.: Х. Джексон, А. Фролова ; ред.: С. Городецкий, А. Фролова ; пер. с нем. Нижегородская мастерская по поэтическому переводу. Нижний Новгород : Издательство Волго-Вятского филиала ГМИИ им. А. С. Пушкина [и др.], 2021. 127 с.
 5. Эткинд Е. Исследования по истории и теории художественного перевода. Санкт-Петербург : Петрополис, 2018. Кн. 1 : Поэзия и перевод. 424 с.
 6. Echtermeyer T., Elisabeth K. Paefgen, Wiese B. V. Deutsche Gedichte : Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 18ten Aufl., 4te Druck. Berlin : Cornelsen, 1995. S. 645.
 7. Gegenwartsliteratur seit 1968 / Hrsg.: K. Briegleb, S. Weigel. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1992. 885 s. (Hansers Sozialgeschichte der deutschen Literatur ; Bd. 12).

CODE OF MODERN GERMAN POETRY
(BY THE MATERIAL OF THE ANTHOLOGY "HIMMELSSOSSL")

T.N. Andreiushkina
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with such characteristic features of modern German lyrics as intertextuality and the use of various lyrical codes, which suggest the reader's philological erudition and his ability to decode a lyrical text. The same requirements, in addition to knowledge of foreign languages and the ability to equivalently convey the features of a lyrical statement in the context of preserving the form and content of the original, are also imposed on translators. Therefore, the article analyzes the texts of more or less successful translations of the anthology «Himmelsfossil», on which a group of young Nizhny Novgorod translators worked.

Key words: intertextuality, hermeticity, poetic code, translation of a lyrical text, interlinear, anthology «Himmelsfossil».

УДК 82.09-1(430)

**О ЖАНРЕ «СТИХОТВОРЕНИЕ-ВЕЩЬ»
В ЦИКЛЕ «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ» Р.М. РИЛЬКЕ**

О.И. Ананченко
Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос о развитии жанра «стихотворение-вещь» в творчестве немецкоязычного поэта Р.М. Рильке на примере анализа стихотворений «Ранний

Аполлон» и «Арханческий торс Аполлона» из цикла «Новые стихотворения». В статье высказывается предположение о причине выбора образа Аполлона для заглавных стихотворений, открывающих первую и вторую части цикла. Также рассматривается культурный срез времени и предпосылки, способствующие формированию новой формы поэтического выражения предмета во внешнем контексте (Innenwelt и Außenwelt).

Ключевые слова: модерн, стихотворение-вещь (Ding-Gedichte); сонет, художественный перевод, цикл Рильке «Новые стихотворения».

Время на стыке веков, которое мы переживаем сейчас, имеет свои сложности. Недавняя пандемия, военные конфликты, спецоперация отправляют нас рефреном в к. XIX – н. XX веков, когда бушевала испанка, произошли революционные перевороты и Первая мировая война. Н.Я. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869) пишет о цикличности развития цивилизации. Его идея развития человечества состоит в том, что при смене типов культурно-исторических моделей, последующий тип неизбежно будет достигать прежних высот в какой-либо области, но будет идти в новом направлении, совершая новые открытия. «Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [3, с. 124].

События исторической эпохи начала XX века подтолкнули к появлению нового стиля «Art Nouveau», или «модерн», пришедший на смену реализму. Впервые термин «модерн» был упомянут в бельгийском журнале L'Art Moderne в 1884, поэтому его также именовали «бельгийским». В Германии по названию печатного издания «Jugend» – югендстиль, стиль либерти в Италии, стиль Тиффани в Америке, сецессион в Австрии, ар-нуво во Франции.

Начало XX века – непростое время, мир менялся и рушился прежний уклад. Новая эпоха набирающего ход технического прогресса требовала новых подходов художественного выражения. Именно в этот период появляется плеяда новаторов в различных областях искусства и литературы. Австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926) был из их числа.

Традиционно богатое наследие в литературном творчестве Р.М. Рильке исследователи делят на ранний, средний и поздний периоды, а также отдельно рассматривают его лирику и прозу. К ранним произведениям относятся сборники «Ранние стихи», «Часослов», написанные в духе неоромантики в период 1895–1906 гг. По словам А. Карельского, переведившего сборники Р.М. Рильке, «Часослов»: «По форме это «сборник молитв» ... лирическая поэма, рассказывающая о гордом осознании поэтического дара» [4, с. 238]. В обоих сборниках заложены основы будущих монументальных лирических циклов-соборов Р. М. Рильке – «Новых стихотворений», «Дуинских элегий», «Сонетов к Орфею».

В контексте данной статьи рассмотрим средний период, озаглавленный публикацией двухтомника «Новые стихотворения» в 1907–1908 гг. Благодаря своему чутью, тонкому восприятию мира и вещей, он задает новый ракурс, новое звучание в поэзии, что и делает его новатором, создавшим новый жанр, который Р.М. Рильке назвал «стихотворение-вещь» («Ding-Gedichte»). Хотя известно, что «новый жанр всегда представляет собой трансформацию одного или нескольких старых жанров: путем инверсии, смещения, комбинирования» [1, с. 5]. Многие исследователи подчеркивают непосредственное влияние на представителей модерна, или югендстиля философии Мартина Хайдеггера о Бытии (Dasein) и о Вещи (Ding).

Р.М. Рильке, как и все его современники, становится свидетелем разрушения прежнего мира. Возможно, в поисках устойчивых опор Рильке обращается к незыблемым культурным вечным ценностям, сохранившимся в виде артефактов-вещей: античных скульптур, древних соборов, фонтанов, башен, площадей и др. В «Новых стихотворениях» поэт вдохновляется различными образами мифологии и переосмысляет образы Аполлона, Орфея, Лебеди (Леды), Венеры. На примере анализа стихотворений «Ранний Аполлон» и «Архаический торс Аполлона» мы проследим, как происходит формирование нового поэтического языка, как прежние «вещные вещи» предстают в поэтическом прочтении Р. М. Рильке в созвучии с новыми смыслами зарождающейся эпохи.

Благодаря путешествиям по Европе поэт знакомится с античной культурой, архитектурой и скульптурой. Культурная среда способствовала раскрытию таланта поэта – прежде всего дружба с русско-немецкой писательницей, философом и одной из первых женщин, занимавшихся психоанализом, Лу Андреас-Саломе, ученицей и музой не только молодого Рильке, но также Ницше и Фрейда. «Русский след» этой дружбы, несомненно, обогатил духовную составляющую поэзии Р.М. Рильке. Россию поэт считал своей духовной родиной. Во время поездки в Россию он посещает православные храмы, благодаря Лу Саломе знакомится с русскими деятелями культуры, например, с писателем Л.Н. Толстым, художником Леонидом Пастернаком. Позже Р.М. Рильке переписывается с Б. Пастернаком (сыном Л. Пастернака) и М. Цветаевой.

С 1901 года в период написания «Новых стихотворений» он проживает в деревне художников Ворпсведе, создает семью с художницей и ваятельницей Кларой Вестхофф. Первый том «Новых стихотворений» Р.М. Рильке посвящает Карлу и Элизабет фон дер Хейдт.

В период жизни в Париже поэт был секретарем Огюста Родена, великого скульптора. Именно ему посвящен II том цикла «Новые стихотворения», который вдохновленный Рильке так и назвал «Роден». Рейчел Корбетт в своей книге «Вы должны изменить свою жизнь: история Райнера Марии Рильке и Огюста Родена» описывает их как полные противоположности друг друга: «(Они) настолько отличались, что никак не походили на жите-

лей одного континента и одной эпохи... Роден – материалист, полагающийся на ощущения; а Рильке – идеалист, опирающийся на духовность. Творения Родена низвергали в бездну, а Рильке – возносили в обитель ангелов» [5, с. 6]. Несмотря на несовпадение взглядов и разногласия, поэт искренне восхищался талантом скульптора, умению воплощать страстную динамику чувств в своих скульптурах так, что, казалось бы, незблемые статичные статуи оживали и вовлекали эмпатичного зрителя следовать за порывом чувств роденовских героев и сопереживать происходящее в моменте. Позже О. Мандельштам рефреном подхватил эту же идею о «сущности бытия» и «поэзии в камне».

Многие литературоведы, открывая для себя философскую лирику Р.М. Рильке, в течение последних 100 лет неоднократно анализировали его произведения и подходили к исследованию творчества поэта с разных сторон. Считается, что именно в период написания цикла «Новых стихотворений» сформировался жанр «стихотворения-вещи», где герою или объекту в стихотворении отводится центральное место, и поэт держит его постоянно в фокусе внимания. Н.Т. Рымарь в статье о Р.М. Рильке пишет: «Вещь переживает Рильке как посредник между человеком и миром в его глубинных основаниях. Поэтика Kunst-Ding показана как поэтика развертывания феномена вещи в контекстах бытийного опыта большого континуума человеческой культуры» [11, с. 152].

Один из ключевых приемов у Р.М. Рильке в названии стихов обозначать центральную фигуру или предмет. Мы видим это уже из содержания сборника «Новых стихотворений», куда помимо «Раннего Аполлона» и «Архаического торса Аполлона», вошли и другие стихотворения с названиями «Портал», «Собор», «Окно-роза», «Будда», «Пантера», «Лебедь», «Карусель», «Испанская танцовщица» и т.д. Главную роль в синтаксисе стихотворения играет существительное.

У центральной фигуры есть и контекст, расширяющий пространство до мирового или божественного. С помощью противопоставления внутреннего мира внешнему, субъективного объективному поэт затрагивает широкий диапазон чувств – от самых нижних до высочайших регистров. Такой контраст, так называемая дихотомия, создает впечатление расширения и многозначности мира. Н.С. Павлова в статье «О собирательности слова у Рильке» пишет о «соединении внутреннего и безграничности внешнего мира – Innenwelt и Außenwelt» [8, с. 2].

Поэт подводит читателя к тому, что за каждым конкретным воплощенным в физическом мире объектом, присутствует идея, история в контексте происходящего «бытия». Символично построение циклов: первый начинается «Раннего Аполлона», второй – с «Архаического торса Аполлона». Оба стихотворения написаны в твердой стихотворной форме сонета: 14 строк состоят из двух начальных катренов и двух терцетов.

Аполлон у Р.М. Рильке появляется в заглавных стихотворениях обеих частей «Новых стихотворений», символично предвеляя священнодействие

поэзии, давая необходимое благословление для его «стихотворений-вещей». Р.М. Рильке ставит образ Аполлона на первое место, заимствуя традицию у древних греков, которые использовали образ Аполлона как фетиш, и ставили его перед входом в здание в виде каменного обелиска или колонны.

В изобразительном искусстве Аполлона представляют в качестве идеала мужской, юношеской красоты. «В греческой мифологии сын Зевса и Лето, брат Артемиды, олимпийский бог, включивший в свой классический образ архаические и хтонические черты догреческого и малоазийского развития (отсюда разнообразие его функций – как губительных, так и благодетельных, сочетание в нем мрачных и светлых сторон)» [6, с. 52]. По мифологии Аполлон, сын Зевса и Лето, предстает в нескольких ипостасях. Символическое изображение Аполлона с кифарой или лирой говорят о его музыкальности, изображение стрел – о том, что он воин и лучник. Другим неотъемлемым атрибутом является лавровый венок, отсылая к мифу о его любви к Дафну и превращении ее в лавровое дерево.

Предположу, что ассоциативный ряд поэта Р.М. Рильке в «Раннем Аполлоне», сосредоточен на Аполлоне – покровителе искусств и пропагандисте. В.Н. Ахтырская пишет о «Раннем Аполлоне»: «Не случайно «Новые стихотворения» открывает сонет «Ранний Аполлон», своеобразное «поэтическое заклинание» античного бога, еще не разомкнувшего уста и лишь готовящегося создать мир животворящим поэтическим словом» [2, с. 12].

Обозначив в названии сюжет – «Ранний Аполлон», Р.М. Рильке отводит читателю место зрителя, который в череде сменяющихся строк, должен мысленно увидеть образ, и получить эмоциональный заряд от представленной в воображении картины, подкрепленной контекстом реальности происходящего. В описании утра «Morgen», весны «Frühling» мы слышим намек на юного, просыпающегося Аполлона – «Früher Apollo»:

Wie manches Mal durch das noch unbelaubte
Gezweig ein Morgen durchsieht, der schon ganz
im Frühling ist: so ist in seinem Haupte
nichts was verhindern könnte, daß der Glanz
aller Gedichte uns fast tödlich träfe... [9, с. 7].

Р.М. Рильке завораживает строем рифмы, погружает в ощущение неизбежного вечного бытия. Такой ритм создает некоторую статику и отстраненность наблюдателя. Проникновение в момент наблюдения дважды подчеркивается посредством «durch» («сквозь/через»), и глаголом «durchsieht» (дословный перевод «смотреть сквозь или через что-либо», «проникать» в переводе К.П. Богатырева и «насквозь пронзать» в переводе В.М. Летучего).

Перевод К.П. Богатырева:

Как иногда в сплетенье неедотой
листвою чащи проникает плеск
весны в разливе утра, – так и это
лицо свободно пропускает блеск
стихов, сражающих нас беспощадно [9, с. 7]

Перевод В.М. Летучего:

Как ветви без листвы насквозь пронзает
рассвет, уже повеявший весной, – так
в нем нет ничего, что помешает сиянию
поэзии земной почти сразить нас силой
небывалой [10, с. 399]

Окончание фразы, внезапно переходящей на другую строку следующего катрена, вызывает эффект удивления и очарованности чем-то значительным и новым. Новизна такого почти рваного ритма стиха Р.М. Рильке передается контрастами, создающими необычную динамику, появляющимися также резкими отрицаниями «*nichts*» и «*kein*», и успокаивающими наречиями «*jetzt noch still*», а также обилием шипящих:

denn noch kein Schatten ist in seinem Schaun,
zu kühl für Lorbeer sind noch seine Schläfe
und später erst wird aus den Augenbraun
hochstämmig sich der Rosengarten heben,
aus welchen Blättern, einzeln, ausgelöst... [9, с. 7].

В последнем терцете используются деепричастные и сослагательные формы глаголов, передающие в «как бы» робкое предположение, догадку прохожего, восхищенного величием Аполлона. Невольно сравнение с песней наталкивает на мысль о поэтах-певцах:

der jetzt noch still ist, nie gebraucht und blinkend
und nur mit seinem Lächeln etwas trinkend
als würde ihm sein Singen eingeflößt» [9, с. 7].

Очень импонирует мастерский перевод последнего терцета А. Летучего, и также сохранение рисунка оригинальной авторской стопы:

в устах, что пребывают в неге зыбкой
и упиваются своей улыбкой,
как будто песню собственную пьют [10, с. 399].

Для сравнения приведем перевод К.П. Богатырева, который также сохраняет оригинальную рифму последней строфы, но вместо глагола в сочетании «*Singen eingeflößt*» использует в переводе существительные «пение глотки»:

пока еще недвижимого, но с гибкой,
по каплям отпивающей улыбкой
струящегося пения глотки [9, с. 7].

И здесь существительными очерчены уста поэта: Mundes, Lächeln, Singen. Таким образом «пение» отражает бытие (*Singen ist Dasein*), т.е. пение поэта – это и есть его существование. Поэт и есть олицетворение «струя-

щегося пения глотки». В этом весь замысел Рильке: очертив линию «предмета» дать дальнейшее развитие образа, превратив предмет в символ – знак, который в сознании явственно сопоставляется с «голосом и словом». Очень тонкая связь невидимых нитей приводит к истоку творчества, как и сказано в священном писании: «Вначале было слово».

Стихотворение «Архаический торс Аполлона» открывает второй том цикла «Новые стихотворения». Принято считать, что прототипом «Архаического торса Аполлона» стала мраморная статуя из Лувра «Милетский торс» 480–470 до н. э.

Отмечается явная отсылка к Родену и скульптуре. О. Седакова в статье «Два наброска о греческой классике, авангарде и модерне» [12, с. 31] цитирует «историю своих встреч с античностью» М.И. Матюшина, музыканта и педагога, работавшего в лаборатории органической культуры в государственном институте художественной культуры: «Переживание классической красоты, видимой на грани невидимого и потому целиком глядящей, в каком-то смысле подобно инициации. После нее все меняется. Р.М. Рильке заканчивает свой «Архаический торс Аполлона» знаменитым утверждением:

Denn da ist keine Stelle,
Die dich nicht sieht. Du musst dein Leben ändern.

«Ибо здесь нет ни одной точки, Которая бы тебя не видела. Ты должен изменить свою жизнь» [7, с. 45].

Таким образом, Р.М. Рильке удается в полуразрушенной статуе увидеть целостную фигуру и выразить словесно достаточно ясно концептуальную идею, передаваемую образом Аполлона в самом начале своих циклов. Действительно, в «Новых стихотворениях» Р.М. Рильке сказал новое слово в поэзии. Так еще никто не говорил о вещах. Слово в «Новых стихах» Р.М. Рильке использует как контур предмета, за которым есть невидимый другой смысл. Позже абстракционисты используют этот прием, заявляя в разной степени громко и ярко о любом явлении, чувстве, предмете, не называя его, а обозначая линией, цветом, формой и другими художественными средствами.

Литература

1. Андреюшкина Т. Н. Феномен жанра «стихотворение-вещь» в поэзии Р. М. Рильке и философские основы «вещи» // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 5–13.
2. Ахтырская В. Н. Ландшафт и лик: Стихотворение Райнера Марии Рильке «Оливовая Роща» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2008. № 3. С. 11–17. URL: cyberleninka.ru/article/n/landshaft-i-lik-stihotvorenie-raynera-marii-rilke-olivovaya-roscha/viewer (дата обращения: 30.04.2023).
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Москва : Книга, 1991. 573, [1] с.
4. Карельский А. В. Райнер Мария Рильке // Зарубежная литература XX века : учебник / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова [и др.] ; под ред. Л. Г. Андреева. Москва, 1996. С. 237–248.

5. Корбетт Р. История Рильке и Родена. Ты должен измениться. Москва : АСТ, 2019. 348, [3] с. URL: [фб2.pf/api/downloadFromLitres/42393717](https://phb2.pf/api/downloadFromLitres/42393717) (дата обращения: 30.04.2023).
6. Лосев А. Ф. Аполлон // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва, 1992. С. 52.
7. Матюшин М. В. Творческий путь художника : автобиография / под общ. ред. А. В. Повелихиной. Коломна : Музей Органической Культуры, 2011. 406, [1] с. URL: museumart.ru/library (дата обращения: 30.04.2023).
8. Павлова Н. С. О собирательности слова у Рильке // Новый филологический вестник. 2009. № 3. С. 1–18. URL: slovorggu.ru/nfv2009_3_10_pdf/02Pavlova.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
9. Rilke R. M. Neue Gedichte = Новые стихотворения / пер. К. П. Богатырев. Augsburg : Im Werden-Verlag, 2003. 53 с. URL: imwerden.de/pdf/rilke_novye_stixotvorenija.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
10. Рильке Р. М. Новые стихотворения / пер. В. Летучего // Избранные сочинения / сост. Е. Витковский. Москва, 1998. С. 327–398.
11. Рымарь Н. Т. О творческих истоках рильковских концептов «вещь» и «фигура» // Культура и текст. 2022. № 1. С. 152–165. URL: cyberleninka.ru/article/n/o-tvorcheskih-istokah-rilkovskih-kontseptov-vesch-i-figura (дата обращения: 30.04.2023).
12. Седакова О. А. Два наброска о греческой классике, авангарде и модерне // The Prime Russian Magazine. 2013. № 1. С. 31–35. URL: www.olgasedakova.com/art/2064 (дата обращения: 30.04.2023).

ABOUT "POEM-THING" IN THE CYCLE "NEW POEMS" R.M. RILKE

O.I. Ananchenko
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the development of the genre "poem-thing" in the work of the German-speaking poet Rainer Maria Rilke supported by the analysis of the poems "Early Apollo" and "Archaic Torso of Apollo" from the cycle "New Poems". The article suggests the reason for choosing the image of Apollo for the poems which used as the starting poems in both parts of the cycle. It also considers the cultural slice of time and background contributed to the formation of a new form of poetic expression of the subject and the aside context (Innenwelt and Außenwelt).

Key words: modern, poem-thing (Ding-Gedichte); sonnet, literary translation, Rilke's cycle "New Poems".

УДК 811.112.2:811.525'255.2

КОРЕЙСКАЯ ГЕРМАНИСТИКА И ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА

Г.М. Васильева
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск, Российская Федерация

В статье рассматривается история германистики в Республике Корея. Исследуются проблемы перевода в академической сфере, в профессиональной деятельности

корейских и немецких авторов. На примере проекта «социальный перевод» изучаются новые практики.

Ключевые слова: корейско-немецкие институты сотрудничества, корейская переводческая школа, база переводов немецкоязычной литературы.

Интерес к немецкому языку в Республике Корея возник еще в конце XIX века. В 1880-е годы в страну из Китая прибыл юрист, дипломат П.Г. фон Мёллендорф, который стал впоследствии заместителем министра иностранных дел при дворе короля Годжонга. Именно он создал в Корее школу переводчиков, а в 1898 году открыл первую немецкую школу. Необходимо исследовать, как важная роль переводов отражается в сознании, персональном и общественном, и определяет потенциальные возможности культуры.

Большинство программ по немецкому языку и литературе в Республике Корея были созданы в 1980-е годы [2]. Кафедры германистики существуют в ряде университетов страны, например, в таких как Корейский национальный университет, Национальный университет Каннин-Вонджу, Сеульский женский университет, Национальный университет Чунгбук. В ряде корейских вузов преподают предметы «Германская филология», «Немецкий язык и культура», «Европейские языки и литература». В университете Сунгшин ежегодно проводится мероприятие «Ночь читающего человека» (독문인의 밤) [15]. Студенты и преподаватели в неофициальной обстановке представляют различные сценки по мотивам немецких произведений [8]. В 2020 году совместно с Немецким культурным центром и Культурным фондом «Right Kyung» состоялась «Неделя немецкой литературы» [7]. Были приглашены писатель, профессор Зигенского университета Карл Лиха, критики из Берлинской литературной школы. Они посетили Сеульский национальный университет, Сеульский женский университет, университеты Кёнвон и Йонсей.

Немецкая служба академических обменов (DAAD) ежегодно направляет в Сеульский национальный университет приглашенного профессора, что позволяет студентам ознакомиться с происходящим в немецкоязычных странах [1].

Был основан как Фонд (1992) Корейско-немецкий институт литературного перевода (한독문학번역연구소): исследовательские задачи Института должны были осуществляться через межгосударственное сотрудничество и продуктивное взаимодействие стран. Основатель Института, германист, профессор Ким Бён Ок поставил четыре цели: 1) развитие корейской германистики, рассмотрение вопросов перевода на основе академического изучения иностранной литературы, синтез теории и профессиональной деятельности; 2) совершенствование корейской переводческой школы, что позволит укрепить собственную культурную идентичность; 3) содействие международным обменам, прежде всего коллегиальное сотрудничество с пред-

ставителями немецкоязычных стран, Японии и Китая. Германисты смогут добиться результатов, используя немецкий язык в качестве языка общения; 4) предоставление германистам, независимо от их статуса, возможности принимать участие в различных проектах, обсуждать результаты исследований, соответствующих направлениям Института, предлагать идеи для воплощения в рамках будущих исследований [3].

Основатель Института Ким Бён Ок имеет большие заслуги перед корейской германистикой. Именно он положил начало работе над расширенным корейско-немецким словарем. В сентябре 2022 года совместно с Институтом немецкой культуры Сеульского национального университета была проведена международная конференция, посвященная 30-летию Института. Кроме ученых из ФРГ, КНР, Японии, в конференции приняли участие германисты из Республики Индии. Научная встреча завершилась церемонией вручения награды SIMONE, учредителем которой является корейская компания SIMONE [17], и специальной награды переводчику, приуроченной к 30-летию Института. Премия SIMONE была вручена профессору Им Хон Бэ за перевод на корейский язык сочинения И. Канта «Ответ на вопрос: Что такое просвещение?» («Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung?», 1784) [17]. Специальной награды удостоились Ан Ин Хи и Хон Сон Кван за переводы с немецкого на корейский язык, а также Ким Сон Хи за переводы на немецкий язык [17].

Ан Ин Хи перевела ряд произведений: «Письма об эстетическом воспитании человека» («Über die ästhetische Erziehung des Menschen», 1795) И.К.Ф. фон Шиллера, «Демиян» («Demian», 1919) и «Ода деревьям» («Eine Ode an die Bäume», 1920) Г.К. Гессе, «Звёздные часы человечества» («Sternstunden der Menschheit», 1927) и «Совесть против насилия: Кастеллио против Кальвина» («Castellio gegen Calvin oder. Ein Gewissen gegen die Gewalt», 1936) С. Цвейга и многие другие [6].

Одним из ключевых проектов Института является UeDeKo [16] – Übersetzungsdatenbank Deutschsprachiger Literatur in Korea (База переводов немецкоязычной литературы в Корее). Цель проекта – сбор информации о переведенной в Корею немецкоязычной литературе, публикация рецензий на эти произведения, свод данных о том, сочинения какого автора, когда и кем переводились. В сентябре 2019 г. проект был включен в программу финансирования Национального исследовательского фонда Кореи в области продвижения гуманитарных и социальных наук.

Необходимость данного проекта отметил профессор Кwon Сон Хён в статье «Корейцы читают Гёте в переводе» [11]. Он писал, что в Республике Корея существует более ста вариантов переводов романа Гёте «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers», 1774). Авторы перевода иногда меняли имя главного героя. «Неужели переводчики по-разному понимали одно и то же произведение? Часто говорят, что перевод – это второе творение, но действительно ли переводчики переводят оригинал,

основываясь на собственном понимании и интерпретации? Если это так, то какой из более чем ста переводов следует читать?» [11]. Рецензии помогают читателям понять, какому переводу стоит отдать предпочтение.

Проект «социальный перевод», разработанный Goethe-Institut Korea в сотрудничестве с Merck Korea в 2018 г., представляет собой новую практику художественного перевода. Авторы из азиатских стран переводят немецкоязычные книги на родные языки. В процессе работы они встречаются на закрытом цифровом форуме [5]. Для этого используется социальная функциональная платформа E-Book, предназначенная для обмена мнениями. Переводчики, писатели делают комментарии, заметки к тексту электронной книги. Здесь можно проконсультироваться о более точном варианте труднопереводимого слова, задать вопросы. Авторы из других регионов также могут принять участие в дискуссиях в рамках партнерства с немецкими издательствами, которые предоставляют книги для осуществления проекта.

В качестве первого опыта социального перевода был выбран роман Томаса Мелле «Мир за спиной» («Die Welt im Rücken», 2016). Десять участников переводили книгу на свои материнские языки: корейский, японский, китайский, монгольский, тайский, вьетнамский, бенгальский, маратхи и синхала [12]. Переводчик Ли Ки Сук поделился впечатлениями: «В тексте были неологизмы, придуманные автором. Переводчики не могли их объяснить, поэтому я спросил писателя о значениях, и понял, что ошибался. Сам, без подсказки, я бы не догадался, и чувствовал бы себя неловко из-за неверного перевода» [4].

Наряду с классиками – И.В. Гёте, И.К.Ф. Шиллером, Х.И.Г. Гейне, П.Т. Манном, Б. Брехтом, Г. Гессе – важную роль в развитии германистики в Республике Корея сыграло творчество Ф. Кафки. Читательская аудитория Кафки в современном корейском обществе охватывает широкий круг: от школьника-подростка до преподавателя. Кафка является одним из самых изучаемых среди немецкоязычных авторов. При университетах открыты бесплатные курсы немецкого языка для студентов, где, в частности, они изучают язык, читая произведения Кафки в оригинале. В июне 1955 г. рассказы Кафки «Перед законом» («Vor dem Gesetz», 1914), «Когда строилась китайская стена» («Beim Bau der Chinesischen Mauer», 1917) были впервые переведены на корейский язык и напечатаны в журнале «Язва» («순창»). С этого времени и до 2000 года были опубликованы 77 прозаических произведений, дневников и писем Кафки – всего 127 книг и в 10 десяти журналах. Например, в период с 1960 по 2013 годы роман «Замок» («Das Schloß», 1922) был переведен на корейский язык 37 раз. В качестве переводчиков выступили известные лингвисты и преподаватели университетов Ким Чон Джин, Кан Ду Сик, Пак Хван Дук [13, р. 50]. «Процесс» («Der Prozeß», 1914–1915) и «Замок» были инсценированы. В рамках цикла «Мировая классика» (2018) в Национальной театральной

труппе Кореи был поставлен спектакль «Замок» в Художественном театре Мёндон. Постановку осуществил Ку Тэ Хван. В 2007 г. он уже ставил «Суд» («Das Urteil», 1912) Кафки, признанный Корейской ассоциацией театральных критиков одной из трех лучших драм года [14].

В 1983 году, к столетию со дня рождения Кафки, было основано Корейское общество Кафки. Целью членов Общества является публикация исследований, проведение весной и осенью ежегодных научных конференций [9]. Издаваемый им журнал «Исследование творчества Кафки» («카프카연구») выходил два раза в год. Последний, сорок третий выпуск, был издан в 2020 году.

В 1960-е годы появились первые переводы романов Э.М. Ремарка. Ряд его сочинений был опубликован в Собрании мировой литературы в издательстве Чонымса, а в начале 1990-х годов – в издательском доме Сончан (Seongchang Publishing House). В издании участвовали лучшие специалисты в области немецкого перевода: Пак Хван Док, Сон Ён Тхэк, Кан Ду Сик и Хон Кён Хо. «Земля обетованная» («Das gelobte Land») была переведена в 1998 году, сразу же после появления поздней версии романа в ФРГ. В этом же юбилейном году – столетие со дня рождения писателя – появился перевод романа «Время жить и время умирать» («Zeit zu leben und Zeit zu sterben», 1954). Переводчица Ан Ми Хён писала о корейской версии названия: «С 1970-го года, когда эта работа завершилась, роману было дано название “Время любить и время умирать”, но, строго говоря, точнее было бы привести вариант “Время жить и время умирать”» [10]. Романы «Искра жизни» («Der Funke Leben», 1952), «Черный обелиск» («Der schwarze Obelisk», 1956) с 1960-х годов не переиздавались в Южной Корее.

На сайтах корейских книжных магазинов размещено множество отзывов о книгах Ремарка. В основном это отклики на одни и те же сочинения: «На Западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues», 1929), «Триумфальная арка» («Arc de Triomphe», 1945). По мотивам первого романа в 2022 году на веб-портале Netflix транслировался фильм «На западном фронте без перемен». Он вновь привлек внимание корейцев к наследию Ремарка. Они стали сравнивать книгу и фильм; у тех, кому понравился фильм, возникло желание перечитать книгу. Таким образом, универсальные основания человеческого мышления делают культуры взаимопроницаемыми.

Литература

1. German Language and Literature // College of Humanities. URL: humanities.snu.ac.kr/en/academics/department?deptidx=5 (дата обращения: 11.01.2023).
2. Dept. of German Language, Literature and Culture // Sungshin Women's University. URL: www.sungshin.ac.kr/main_eng/15329/subview.do (дата обращения: 11.01.2023).
3. Institut für Übersetzungsforschung zur deutschen und koreanischen Literatur. URL: kode-trans.or.kr/de_home?ckattempt=1 (дата обращения: 11.01.2023).

4. Publishing «Tim Waldo»? The «Social Translation Project», where 10 translators gather multiple intelligences, was introduced at the Seoul International Book Fair // **뉴스페이퍼** = News Paper. URL: www.news-paper.co.kr (дата обращения: 11.01.2023).
5. Social translating // Goethe Institut. URL: www.goethe.de/ins/kr/ko/kul/lit/sct.html (дата обращения: 11.01.2023).
6. 알라딘 = Aladdin. URL: www.aladin.co.kr/m/msearch.aspx?AuthorSearch=%EC%95%88%EC%9D%B8%ED%9D%AC@25533&BranchType=1 (дата обращения: 11.01.2023).
7. 독일 저명문인들 대거 방한 = A large number of famous German writers visited Korea // 한겨레 = Hankyoreh. URL: www.hani.co.kr/arti/legacy/legacy_general/L353763.html?fromMobile (дата обращения: 11.01.2023).
8. 2018 독문인의 밤 = 2018 German Reading Night // 부산대학교 = Pusan National University. URL: his.pusan.ac.kr/bbs/german/5056/722620/artclView.do (дата обращения: 11.01.2023).
9. 한국카프카학회 = Korea Kafka Society. URL: www.kafka-gesellschaft.com/ (дата обращения: 11.01.2023).
10. 임형두. 레마르크의 「사랑할 때...」 원어번역판 나와 연합뉴스 = Remarque's «When I love you...» / Hyeong-doo Lim // 연합뉴스 = Yunhap News. URL: n.news.naver.com/mnews/article/001/0004572767?sid=103 (дата обращения: 11.01.2023).
11. 권선형. 한국 사람은 괴테를 번역본으로 읽는다 = Koreans read Goethe in translation / Sun Hyung Kwon // 송대시보 = Soongdae Times : Soongsil University Newspaper. URL: www.ssunews.net/news/articleView.html?idxno=7757 (дата обращения: 11.01.2023).
12. 오은지. 머크, 소셜 번역 프로젝트 작품 첫 선 = Merck's first social translation project / Eunji Oh // KPOST : Korea Industry Post. URL: www.kipost.net/news/articleView.html?idxno=3720 (дата обращения: 11.01.2023).
13. 목승숙. 카프카의 ‘트러블과 함께하기’의 서사 : 학술원에 드리는 보고, 가장의 근심 다시 읽기 = Narrative of Kafka's «Together with Trouble» : Rereading «Report to the Academy», «Family's Concern» / Seung-suk Mok // 독어독문학 = German Language and Literature. 2022. Vol. 63, № 2. P. 93–113.
14. 이성봉. 프란츠 카프카의 '성' 연극으로 만나다! = Meet Franz Kafka's 'Castle' play! / Seongbong Lee // 문학뉴스 = Literature News. URL: www.munhaknews.com/news/articleView.html?idxno=15787 (дата обращения: 11.01.2023).
15. 소모임 및 학과행사 = Small gatherings and departmental events // 성신여자대학교 : Sungshin Women's University. URL: www.sungshin.ac.kr/german/11234/subview.do (дата обращения: 11.01.2023).
16. UeDeKo : 독일문학. 번역 DB = UeDeKo : Übersetzungsdatenbank Deutschsprachiger Literatur в Копее. URL: www.uedeko.or.kr/ (дата обращения: 11.01.2023).
17. 추인영. 美한국어마을 '600 만불 사나이'...그는 원래 '핸드백 장사꾼'이었다 = American Korean Village «Six Million Dollar Man»... He was originally a «handbag dealer» [Sok Etting] / In-young Choo // The JoongAng. URL: www.joongang.co.kr/article/25116747 (дата обращения: 11.01.2023).

KOREAN GERMANISTICS AND PROBLEMS OF LITERARY TRANSLATION

G.M. Vasilyeva

Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation

The article deals with the history of German studies in the Republic of Korea. The problems of translation in the academic sphere, in the professional activity of Korean and German authors are investigated. Using the example of the project “social translation”, new practices are being studied.

Key words: Korean-German institutes of cooperation, Korean translation school, database of translations of German-language literature.

УДК 373.091.33:81:93(37)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ШКОЛЬНОГО ЧТЕНИЯ В АНТИЧНОСТИ

А.В. Котова

Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы обучения чтению в грамматических школах Древнего Рима. Показано, что античный текст был написан в технике *scriptio continua*, при которой слова не имели разделения и отсутствовали указания каких-либо пауз. Такой текст требовал тщательной подготовки, прежде чем его можно было прочитать вслух с соответствующим произношением и выражением. Первая трудность состояла в определении границ слов, поскольку буквы можно было соединить двумя разными способами, каждый из которых имел собственное смысловое значение. Вторая трудность заключалась в отсутствии знаков пунктуации, которые читателем расставлялись самостоятельно в соответствии собственным пониманием и интерпретацией текста. В античную эпоху искусство чтения вслух и декламации по памяти входило в систему ценностей аристократических слоев римского общества и составляло основу в подготовке будущего оратора.

Ключевые слова: *scriptio continua*, выразительное чтение, римская пунктуация.

В античной культуре господствовал идеал *vir eloquentissimus*, возникший во времена древних демократий, когда умение произносить хорошую речь в судах и общественных собраниях считалось необходимым. Цицерон заслужил свою репутацию лидера римского форума из-за его выдающихся речей, «слог которых силен и высок» [1, с. 14]; по той же причине он стал идеализированной фигурой в более поздние периоды [6, р. 9]. По мнению самого Цицерона «красноречие есть нечто такое, что дается труднее, чем это кажется, и рождается из очень многих знаний и стараний» (Cic. de Or., I, 16). В его образовательной теории значимое место уделяется изучению литературы, и Цицерон возлагает на грамматика задачу научить своих учеников «правильному ударению и произношению» (Cic. de Or., I, 187). Акцент на красноречии (*eloquentia*) в древнем образо-

вании обусловлен тем, что письменное слово рассматривалось как запись произнесенного слова и тексты обычно читались вслух. Идеальным считалось декламирование с хорошо модулированным произношением, в котором текст был тщательно сформулирован (*distincta*) с помощью соответствующих пауз [6, р. 9]. В течение долгого времени грамотность была продуктом консервативной образовательной традиции, в которой обучение было направлено на подготовку к эффективным публичным выступлениям и красноречие оставалось «главной целью высокой культуры, венцом всякого свободного воспитания, желающего полноты» [5, р. 274].

Квинтилиан рассматривает изучение грамматики как предварительное к изучению риторики; обучение охватывало две области, а именно искусство правильного устного выражения и интерпретацию поэтов (Quint. Inst. orat., I, 4, 2). Основным методом обучения на начальных этапах было *praelectio*, изложение текста, «предназначенное для того, чтобы ученики могли легко и точно следовать написанному слову» (Quint. Inst. orat., II, 5, 4).

Сохранившиеся до нашего времени письменные памятники свидетельствуют об особенностях античных книг. Вплоть до II в. н. э. стандартным носителем для всех литературных произведений был свиток папируса, на одной стороне которого текст был написан в несколько столбцов [8, р. 2]. Римские писцы, подражая греческим, записывали тексты в *scriptio continua*, то есть без разделения слов пробелами и использования знаков препинания [6, р. 10]. Такой текст требовал тщательной подготовки, прежде чем его можно было прочесть вслух с соответствующим произношением и выражением.

Особую трудность вызывали места, где буквы могут быть неправильно соединены или разделены. Например, написанное греческими буквами словосочетание ΕΣΤΙΝΑΧΙΟΣ можно разделить на ΕΣΤΙΝ ΑΧΙΟΣ «он достоин», что подходит по контексту, и ΕΣΤΙ ΝΑΧΙΟΣ «он житель Наксоса», что не подходит по контексту [3, р. 220].

Известными примерами на латыни были строки из Вергилия. Грамматик IV в. Сервий подверг критике грамматика Доната за то, что он прочитал в «Энеиде» II, 798 *collectam ex Ilio pubem* («народ, собравшийся из Трои») вместо *collectam exilio pubem* («народ, собравшийся в изгнание») [6, р. 10]. Грамматик V в. Помпей ссылается на аналогичную трудность в «Энеиде» VIII, 83, где слова могут быть разделены либо как *conspicit ursus* («медведь шпионит»), либо *conspicitur sus* («свиноматка замечена») [7, р. 132].

Древний экземпляр «Истории Рима» Ливия содержит ряд ошибок, отражающих трудности, с которыми столкнулся переписчик V в. при идентификации и разделении слов в тексте. В Книге XXII, глава XX, 6 он написал *ubiuis magnas partis ad rem nauticam collecta*, когда правильное прочтение должно быть *ubi uis magna sparti ad rem nauticam collecta* («где было собрано большое количество эспарто для военно-морских целей»):

переписчик не смог определить слово *spartum* – испанское растение эспарто, используемое для изготовления веревок. Он допускает аналогичные ошибки в именах собственных, *cum iis* вместо *Cumis*, и есть несколько примеров *pecquiscquam* (т.е. *ñeç quĩsquam* «и ничего») вместо *pequiscquam* (т.е. *nẽquĩsquam* «напрасно») [6, p. 10–11].

Во всех случаях идентификации слов читатель должен был сам решить, какое из двух возможных прочтений требуется контекстом отрывка, и в школе учитель мог указать, где необходимо отметить текст разделительной запятой, или диастолой. После того, как границы слов были определены, дальнейшее чтение вслух концентрировалось на трех аспектах, которые изложил Дионисий Тракс, а именно на пунктуации, акцентировании и выражении.

Без каких-либо знаков, указывающих, является ли предложение утверждением, вопросом или цитатой, читатель должен был определить его природу, но ему помогал тот факт, что латинский язык использовал для этой цели определенные лингвистические маркеры [4, p. 408]. Вопросы были введены не только вопросительными словами, такими как *quis* и *ubi*, но и такими формами, как *nonne*, *num* и энклитикой *-ne*. Цитаты вводились такими фразами, как *scriptum est* (написано) или *inquit* (говорит). Глагол *dicit* (говорит) обычно предназначался для косвенной речи, выраженной *accusativus cum infinitivo* (оборот, в котором подлежащее ставится в винительный падеж, а сказуемое – в инфинитив). Распознавание и анализ таких базовых маркеров зависели от практики преподавания грамматики, которая выделяла слова и стремилась идентифицировать их всеми возможными способами [6, p. 11].

Латинские знаки представляют собой вводные вопросительные слова: *quis* и другие *qu*-слова, включая (с)*ubi* и (с)*unde*; *ne*, *nonne*, *num*, *an* и т.д.: *cum tu supplex in rebus egenis / quas gentes Italum aut quas non ogeris urbes!* (Aen. VI, 91). Восклицательные предложения очень близки по своей природе к вопросительным. Они вводятся *quam*, наречием степени, *quantus*, *qualis* и т. д., а также формами относительного местоимения *qui*: *Ei mihi, qualis erat! quantum mutatus ab illo* (Aen. II, 274) [4, p. 408].

Введение градуированных пауз во время чтения предполагало интерпретацию текста, и эта деятельность требовала от читателя литературного суждения. Квинтилиан заметил, что многим вещам, связанным с чтением, можно научить только на практике: когда ученик должен сделать вдох, в какой момент он должен сделать паузу в стихотворной строке, где заканчивается или начинается смысл, когда голос должен быть повышен или понижен, какую модуляцию следует придать каждой фразе, где необходимо уменьшить или увеличить скорость, или говорить с большей или меньшей энергией; и, чтобы сделать это правильно, ученик должен, прежде всего, понимать то, что он читает (Quint. Inst. orat., I, 8, 1-2).

В нашем современном представлении такие ситуации должны быть обозначены знаками пунктуации, тогда же читатель должен был проанализировать формулировку текста, прежде чем он смог прочесть его правильно. Писатель II в. н.э. Авл Геллий рассказывает, что когда один тщеславный человек предложил ему публично прочесть незнакомый отрывок, он воскликнул: «Как я могу прочесть то, чего не понимаю? Ведь то, что я прочту, будет сбивчивым и неясным»; когда же этот человек сам попытался прочесть текст без подготовки, «он исказил мысли и неправильно произнес слова» (Gell., NA XIII, 31, 5).

Чтобы избежать такого недопонимания в школьном обучении, текст должен был быть помечен грамматиком заранее или самим учеником в ходе *praelectio* (чтения вслух). Для обозначения пауз использовались различные положения точки по отношению к последней букве, чтобы указать как конец предложения, так и более короткую паузу, эквивалентную нашей запятой. Один из методов состоял в том, чтобы поместить точку напротив верхней части последней буквы, чтобы указать полную остановку, напротив ее основания, чтобы указать короткую паузу, и рядом с серединой, чтобы указать паузу промежуточной длины [3, p. 221].

Обычно указываются конкретные причины для расстановки знаков препинания. Мальчикам также было предложено сделать короткую паузу, например, между двумя или более частями предложения, соединенными союзами «и» или «но», и непосредственно перед относительным, или временным, или заключительным, или пояснительным, или условным предложением. Парентеза, или придаточное предложение, или два прилагательных, определяющих одно существительное, также должны быть выделены паузой. Кроме того, следует избегать любой возможной двусмысленности.

Все это в значительной степени относится к области грамматики, но пауза также может быть введена для риторического или драматического эффекта. Например, обычно советовали делать короткую паузу после обращения к кому-либо в вокативе (звательном падеже), поскольку слово в вокативе было отдельным элементом в структуре предложения. Но это также несло в себе риторическую силу, особенно когда гомеровские герои упрекали друг друга целой серией вокативов, каждому из которых нужно было придать полную силу стаккато. Такие короткие паузы, как заметил поэт и грамматик IV в. Авзоний, «придают речи бодрости» (*dant intervalla vigorem*) и способны «усилить чувство» (*distinctio sensum auget*) (Aus., Epp. 22, 49-50) [3, p. 222].

Интересная демонстрация использования паузы при чтении на латыни приведена Квинтилианом в анализе начальных строк «Энеиды» (Quint. Inst. orat., XI, 3, 36-38): «После *пою оружий звук и подвиги героя*, смысл приостанавливается; ибо слова *подвиги героя* относятся к следующему смыслу: *что первый, как легла во прах от Греков Троя*. И здесь приостанавливается опять. И хотя есть разница в том, откуда пришел, и куда

пришел, однако разделять смысла не надобно, поелику то и другое заключается в одном глаголе, *достичь* (venit). Третья расстановка при словах: *Италии берегов* (Italiam), потому что здесь вставляется, *судьбой гоним* (fato profugus), и *Италия* отделяется от *Лавинских берегов* (Italiam Lavinaque). По той же причине останавливаемся в третий раз при слове *гоним*, напоследок при словах *достиг Лавинских берегов* (Lavinaque venit littora). Здесь кончится первый смысл, который отделить надлежит от следующего. Такие отделы делаются остановками более или менее продолжительными, смотря по тому, смысл ли тут оканчивается, или целая речь. Сим образом после слова *берегов* (littora) я приостановлюсь; а дошед до: *И воздвиг гордые стены Рима* (atque altae moenia Romae), несколько отдохну и начну потом новый смысл» [2, с. 370].

Античные папирусы свидетельствуют о значительном разнообразии методов пунктуации и о том, что не было выработано согласованной общей практики. Знаки препинания и другие диакритические знаки были использованы в качестве подготовки к чтению вслух и никогда не распространялись на оригинальные литературные издания, которые, как видно из сохранившихся рукописей, всегда были составлены в *scriptio continua* [5, p. 559]. Особенностью *scriptio continua* было то, что он представлял нейтральный текст и читатель, опираясь на собственное понимание и интерпретацию произведения, самостоятельно расставлял необходимые знаки в соответствии со своими индивидуальными потребностями. В школьном обучении этим процессом руководил грамматик, под контролем которого учениками были вставлены знаки, связывающие или разделяющие слова (соединительная черта (ὕφέν) или знак разделения (διαστολή)), долгие гласные были снабжены знаком долготы (арех), а также были добавлены специальные знаки для указания продолжительности пауз.

В античную эпоху искусство чтения вслух и декламации по памяти входило в систему ценностей аристократических слоев римского общества и составляло основу в подготовке будущего оратора.

Литература

1. Борк У. Созерцание превосходнейших писателей латинского языка в златом, серебряном, медном и железном веке процветавших / сокращенно представленное Оллаем Боррихем ; пер. с Лат. Гавриилом Данковым ; с приобщением известия о новейших и самых лучших изданиях трудов упоминаемых тут писателей и о переведенных на российский язык и напечатанных книгах из их сочинений Петром Богдановичем. Санктпетербург : в типографии у Шнора, 1783. 104, [12] с.
2. Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. Александром Никольским. Санктпетербург : в типографии Императорской Российской Академии, 1834. Ч. 2. X, 522 с.
3. Bonner S. F. Education in Ancient Rome : From the elder Cato to the younger Pliny. London – New York : Routledge, 2012. XII, 404 p.
4. Hodgman A. W. Latin Equivalents of Punctuation Marks // The Classical Journal. 1924. Vol. 19, № 7. P. 403–417.

5. Marrou H. I. A History of Education in Antiquity / Transl. by G. Lamb. New York : Mentor Book, 1964. 600 p.
6. Parkes M. B. Pause and Effect : An Introduction to the History of Punctuation in the West. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2016. XVIII, 343 p.
7. Pompeii Commentum artis Donati // Grammatici Latini / Ed. H. Keil. Cambridge, 2009. Vol. 5. P. 81–312.
8. Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars : A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. 3rd Ed. Oxford : Clarendon Press, 1991. IX, 321, XVI p.

SOME PROBLEMS OF SCHOOL READING IN ANTIQUITY

A.V. Kotova

St. Petersburg State University of Veterinary Medicine
St. Petersburg, Russian Federation

The article discusses the issues of teaching reading in grammar schools of Ancient Rome. It is shown that the ancient text was written in the technique of *scriptio continua*, in which the words had no separation and there were no indications of any pauses. Such a text required careful preparation before it could be read aloud with the appropriate pronunciation and expression. The first difficulty was to determine the boundaries of words, since the letters could be connected in two different ways, each of which had its own semantic meaning. The second difficulty was the absence of punctuation marks, which the reader placed independently in accordance with his own understanding and interpretation of the text. In the ancient era, the art of reading aloud and reciting from memory was part of the value system of the aristocratic strata of Roman society and formed the basis for the preparation of the future speaker.

Key words: scriptio continua, expressive reading, Roman punctuation.

УДК 82.09-1(73)

«ПЕЙЗАЖ С ПАДЕНИЕМ ИКАРА» ПИТЕРА БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО И УИЛЬЯМА КАРЛОСА УИЛЬЯМСА

Д.Р. Насырова

Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова
г. Ульяновск, Российская Федерация

В статье рассматривается поэтическое творчество одного из самых влиятельных американских модернистских поэтов – У.К. Уильямса. Отличительными чертами его поэтического стиля являются отказ от традиционного стихосложения и приверженность к разговорному языку и к реалиям повседневной американской жизни. Анализ стихотворения «Пейзаж с падением Икара» («Landscape with the Fall of Icarus») демонстрирует его тесную связь с полотном голландского живописца XVI века – Питера Брейгеля Старшего. В этом стихотворении проявляется взаимодействие словесного и изобразительного искусства, которое основано не на буквальном описании картины, а на точном восприятии и передаче ее образности.

Ключевые слова: Икар, Брейгель, Уильямс, экфрасис, имажизм, модернизм.

Целью данной статьи является анализ стихотворения У.К. Уильямса «Пейзаж с падением Икара» («Landscape with the Fall of Icarus») и выявление его экфрастической составляющей. В задачи исследования входило рассмотреть особенности поэтического стиля автора, благодаря которым ему удалось лаконично, но при этом максимально точно воспроизвести сюжет и композиционное построение картины Брейгеля, выявить вербальные средства, с помощью которых Уильямс достигает многогранности восприятия стихотворения, а также провести параллель между содержанием стихотворения и его графической организацией.

В основе поэзии американского поэта-модерниста У.К. Уильямса всегда была жизнь ближайшей округи. Он считал, что ни один американский художник или поэт не может состояться без обращения к национальной идентичности, в отрыве от своих корней. Уильямс придерживался мнения, что большое искусство всегда опирается на знание исконно местного. По его собственному признанию, он не был таким поэтом, которого привлекало лишь нечто исключительное. Он полагал, что поэзию необходимо нести в окружающий нас мир, при этом она не должна быть сокрытой, отдаленной от людей [12, р. 63]. Практически всегда герои его стихотворений – это самые обычные люди, но в глазах поэта они обретают уникальную нешаблонную красоту, выразительность и индивидуальность.

В стихотворении «Апология» («Apology») автор пишет о красоте *«этих страшных лиц / людей незначительных / ... негритянских жёниц / поденщиков – / старых и столько переживших – / ... их лица подобны / старому флорентийскому дубу»* [6, с. 73]. (*the beauty of / the terrible faces / of our nonentities / ... colored women / day workers – / old and experienced – / ... faces like / old Florentine oak*) [6, р. 261–262] Такое необычное сравнение, с одной стороны, подчеркивает внутреннее изящество людей в их обыденной, но в тоже время сложной жизни. Они подобны предметам искусства, настоящим шедеврам, созданным итальянскими мастерами. С другой стороны, дуб символизирует благородство и душевную энергию [10, с. 737], которые присущи этим людям. Вместе с этим Уильямс вводит в свое стихотворение и резкое противопоставление этих некрасивых лиц простых людей с «застывшими масками значительных людей» («The set pieces of your faces <...> leading citizens» [6, с. 262]). Человеческая индивидуальность и их внутренняя красота противопоставляются ханжеству и фальши «приличного» общества.

В поэзии Уильямса преобладает обращение к предметам и явлениям повседневной жизни. Самые незначительные вещи, которые человек не замечает и не придает им значения в жизненной рутине, будь то лошадь («The Horse»), или баржа («The Motor-Barge»), или даже свернутый в трубочку газетный лист («The Term»), выступают на центральный план в его стихотворениях. Поэт тем самым улавливает тонкие акценты и нюансы, акцентирует внимание читателя на незамеченной ранее прелесть этих объектов, подчеркивает их несомненную важность. Так, в лошади из од-

ноименного стихотворения поэт видит независимость и осознанность, сравнивает ее глаза с женским притягательным взглядом, но в то же время говорит о том, что это животное усердно работает: *«когда потребует-ся / она тянет и / тянет здорово / пуская пар // из ноздрей / похожих на спаренные / выхлопные трубы / автомашины»* [6, с. 84]. В последней строфе Уильямс снова сравнивает лошадь, но уже с автомобилем, снова замечая то, что ускользает от взора людей, привыкших к обыденному восприятию этого животного. В этом необычном сравнении ноздрей с выхлопными трубами одновременно содержится и резкий контраст: благородное животное, приносящее пользу, и автомобиль, трубы которого, загрязняя воздух, наносят вред окружающей среде.

Такое внимание к мелочам во многом может быть продиктовано профессиональной деятельностью Уильямса: в течение 40 лет он работал врачом. Для него в его лечебной практике не могло быть несущественных симптомов при постановке диагноза и определении способов лечения. Анализируя поэзию Уильямса, К.В. Спэнкерен отмечает схожесть его стихотворений с натюрмортами голландских мастеров живописи [2, с. 89]. В них, как и в стихотворениях американского поэта, каждая деталь оказывается достойной внимания. О.Ю. Панова пишет, что одним из ключевых аспектов в творчестве американского поэта является «American Object» (американский объект) и «убеждение в том, что основой подлинно американского мироощущения должно стать чувство реальной вещи, материальности, весомости, конкретности мира» [1, с. 368]. Уильямс стремится передать все своеобразие мира, который его окружает, не упуская ни одной детали.

Неслучайно, что в своей последней книге «Образы Брейгеля и другие стихотворения» («Pictures from Breughel and other poems», 1962), за которую он был посмертно удостоен Пулитцеровской премии, Уильямс обращается к творчеству Питера Брейгеля Старшего – одного из выдающихся голландских живописцев XVI века, который также придавал большое значение деталям и тонким нюансам. Следует отметить, что экфрасис в своем творчестве использовали и другие модернистские поэты. Например, стихотворение Э.Э. Каммингса «моя возлюбленная сад из слоновой кости» («my lady is an ivory garden») представляет собой словесный образ картины «Флора» Джузеппе Арчимбольдо [4, с. 405]. В этом стихотворении Каммингс словно рисует свою возлюбленную с помощью вербальных средств, воссоздавая в каждой детали, описываемой им женщины, форму и аромат цветов, которые лежат в основе картины итальянского художника.

У.К. Уильямс создает целый ряд стихотворений, посвященных полотнам голландского художника. Всего в цикл «Образы Брейгеля» поэт включил 10 стихотворений: «Автопортрет» («Self-portrait»), «Пейзаж с падением Икара» («Landscape with the Fall of Icarus»), «Охотники на снегу» («The Hunters in the Snow»), «Поклонение волхвов» («The Adoration of the Kings»), «Крестьянская свадьба» («Peasant Wedding»), «Сенокос» («Haymaking»), «Жатва» («The Corn Harvest»), «Свадебный танец под от-

крытым небом» («The Wedding Dance in the open Air»), «Притча о слепых» («The parable of the Blind»), «Игры детей» («Children's Games»).

В данной работе подробнее остановимся на втором стихотворении этого цикла «Пейзаж с падением Икара», которое было написано по одноименной картине. Следует отметить, что существуют две версии этой картины, которые отличаются друг от друга рядом важных деталей. Так, к примеру, на одном из полотен отсутствует фигура Дедала, отца главного героя, что нарушает каноничное изображение сюжета древнегреческого мифа. В картине остается больше загадок для зрителя, что, в свою очередь, ведет к множественности интерпретаций. В основу своего стихотворения У.К. Уильямс взял именно эту версию, поэтому в своем анализе будем рассматривать именно ее.

К этому античному мифологическому сюжету обращались многие живописцы: Т. Верхахт, Й. де Момпер, М. да Сан Фриано и другие. Однако, при первом взгляде на картины Брейгеля и других мастеров бросается в глаза различие в их композиционном построении. В центре всех картин основные персонажи мифа изображены вместе и приковывают к себе внимание не только зрителей, но и других персонажей, изображенных на полотне. Брейгель же вновь отступает от канона и изображает на переднем плане второстепенных персонажей: пахаря, пастуха, рыбака; присутствие Икара на картине почти не заметно. Следует отметить, что выбор художником именно этих второстепенных персонажей неслучаен. Очевидна отсылка к поэме Овидия «Метаморфозы»: «Каждый, увидевший их, рыбак ли с дрожащей удою, / Или с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг приналегший, – / Все столбенели и их, проносящихся вольно по небу, / За неземных принимали богов» [8, с. 215]. Поэма древнеримского автора представляет собой повествование, в основе которого лежат исконно мифологические сюжеты о превращениях людей в животных, созвездия, камни. Анализируя «Метаморфозы», В.С. Муравьев отмечает, что «превращения становятся формой осознания превратности и ненадежности человеческой судьбы в мире, подвластном лишь произволу случая или загадочной высшей воле» [3, с. 1121]. Согласно этой концепции, гибель Икара может символизировать хрупкость человеческой жизни, которая находится под воздействием всевозможных факторов, не зависящих от самого человека.

Брейгель отходит от литературного оригинала, так как ни один из персонажей на его полотне не замечает ни падения Икара, ни его погружения в воду. В своем стихотворении У.К. Уильямс содержательно повторяет композиционное построение картины. А.Н. Нестеров пишет, что стихи американского поэта: «это не навеянные созерцанием Брейгеля “образы”, а попытка рисовать словами, по чужой канве», и, как справедливо отмечает исследователь, цель Уильямса – не описать, а воссоздать вербальными средствами картину Брейгеля [5].

«According to Brueghel / when Icarus fell / it was spring // a farmer was ploughing / his field / the whole pageantry // of the year was / awake tingling /

near // the edge of the sea / concerned / with itself // sweating in the sun / that melted / the wings' wax // insignificantly / off the coast / there was // a splash quite unnoticed / this was / Icarus drowning». «По Брейгелю / когда Икар упал / была весна // крестьянин / пахал свою пашию / все великолепие // года пробудившись / пело и звенело / вблизи // морского побережья / природа / была занята собой // потя под солнцем / растопившим своими лучами / воск // слабый всплеск / в стороне от берега / остался // никем не замечен / это была / гибель Икара» [6, с. 90].

Стихотворение разделено на трехстишия, как и все стихи, входящие в цикл «Образы Брейгеля». Автор широко использует анжамбеман, перенося части фразы и разделяя их между стихами или даже строками. Благодаря этому приему читателю приходится останавливаться при переходе ко второй части высказывания, чтобы не потерять его смысл. Создается эффект движения взгляда с одного изображения на другое, будто читатель рассматривает жанровую картину с многочисленными деталями. Таким образом, Уильямс в своем стихотворении воспроизводит особенности восприятия картины, когда человек переводит взгляд от одного предмета на другой. Этот эффект непрерывности взгляда усилен отсутствием знаков препинания и заглавных букв, за исключением трех слов в начале стихотворения («According», «Breughel» и «Icarus»).

В первом трехстишии Уильямс представляет читателю автора картины, которая легла в основу стихотворения, и главного героя. Несмотря на то, что в самом начале Уильямс упоминает Икара, основная мысль первого трехстишия связана с приходом весны: «it was spring». Все стихотворение пронизано идеей весеннего пробуждения, расцвета жизни: «the whole pageantry of the year was awake tingling». В центре полотна Брейгеля находится фигура пахаря, которая является еще и самым ярким цветовым акцентом. Уильямс не отступает от концепции художника. Крестьянин, который работает на земле, и в стихотворении выступает центральным персонажем. Второе трехстишие, которое повествует читателю о пахаре, является единственным во всем стихотворении, где поэт не прибегает к анжамбеману, тем самым фокусируя внимание на персонаже и делая его образ максимально цельным.

Основную часть стихотворения занимает описание пейзажа и природы, что также соотносимо с картиной Брейгеля, которая представляет собой единство пейзажной и жанровой живописи. Художник детально прорисовывает каждого персонажа или объект на своей картине, в стихотворении Уильямс лаконично изображает происходящее, но в то же время создает точный образ, сопоставимый с детализацией Брейгеля. Следует отметить, что на формирование своеобразной манеры художественного выражения Уильямса большое влияние оказал имажизм. Уильямс был в дружеских отношениях с видными представителями этого течения: Э. Паундом и Х. Дулитлом. В его поэтическом стиле легко проследить элементы доктрины имажизма: главенствующие принципы «точного изображения» и «чистой об-

разности». Центральным понятием имажизма был образ, который представлял собой «интеллектуальную и эмоциональную совокупность в единый миг» [7, с. 313].

Представители этого модернистского течения исходили из того, что в произведении должны преобладать лаконичность и ясность, эмоциональная сдержанность, основная мысль стихотворения должна выявляться посредством реминисценций, интуитивных и ассоциативных параллелей. Особое внимание имажисты уделяли свежим, нетрадиционным метафорам и экспериментам со стихотворным размером стихотворений. Н.Т.Рымарь подчеркивает, что создается «не изображение какого-то предмета, а ряд емких и крайне эмоциональных словесных образов» [9, с. 101]. Каждое слово в стихотворении является значимой и неотъемлемой его частью, что соответствует одному из постулатов имажизма, обозначенному впоследствии Э.Паундом, в котором говорится, что поэту «не позволено пользоваться словами, не несущими никакого содержания, и эпитетами, которые ничего не проясняют» [11, р. 3, 4].

Уильямс создает цельные и четкие образы, передающие содержание картины Брейгеля, с помощью всего нескольких тщательно подобранных слов. При этом крестьянин, вспахивающий поле, олицетворяет собой не только обычного человека, занятого ежедневным трудом, но также подчеркивает и выбранное Брейгелем время года, так как именно весной обрабатывают поля и сеют новый урожай. В своем стихотворении поэт создает эффект двух перспектив, который еще больше сближает литературное произведение с произведением изобразительного искусства. Так, первая строка пятого трехстишия «sweating in the sun» («потея под солнцем») является своеобразным переходом к раскрытию истории главного персонажа картины – Икара, так, «солнце растопило своими лучами воск», которым были скреплены крылья античного героя. Однако, эта же строка может относиться и к пахарю, который занимается тяжелым физическим трудом. К этому приему автор прибегает и в начале стихотворения: строка «была весна» в равной степени относится и к падению Икара, и к работе на поле. Таким образом, Уильямс объединяет несколько перспектив изображаемого сюжета, достигая эффекта восприятия стихотворения, как картины, когда зритель одновременно захватывает взглядом несколько объектов и объединяет в своем сознании несколько фрагментов изображения.

Глядя на полотно Брейгеля, человеку, который видит ее впервые, требуется достаточно много времени, чтобы сопоставить ее название с изображением, представленным на картине. Лишь внимательно осмотрев ее целиком, можно заметить в затемненном правом нижнем углу на фоне морской пены едва различимые ноги Икара, который почти полностью ушел под воду. Уильямс максимально точно повторяет замысел художника в своем стихотворении, выражая с помощью вербальных средств суть композиционного построения картины. Так, лексически подчеркивается неprimetность падения героя такими словами, как «unsignificantly» («несу-

пещенно») и «unnoticed» («незамеченный»). Повторение отрицательной приставки «un-» усиливает значение незаметности и незначительности произошедшего. Используя слово «splash» («всплеск»), поэт обращается к приему ономатопеи для создания необходимого эффекта. В жизни человек сначала слышит звук и только затем обращает свое внимание в сторону источника этого звука. В стихотворении читатель также сначала узнает о всплеске воды недалеко от берега в предпоследнем трехстишии, и лишь в финальной строке последнего седьмого terceta осознает, что этот всплеск был вызван ударом о воду при падении Икара с высоты.

Наступившая смерть Икара резко контрастирует с временем года, которое ассоциируется с пробуждением и обновлением, с плодородием и зарождением новой жизни. Природный цикл не прерывается из-за гибели одного человека. Течение жизни продолжается несмотря на трагические события, с которыми сталкиваются отдельные люди. Стихотворение Уильямса написано одним предложением, что также может символизировать собой непрерывность жизни и цикличность природы. Отсутствие точки в конце усиливает эту идею. Как справедливо отмечает О.Ю. Панова, в понимании Уильямса: «жизнь – это неоформленный поток бытия, она составляет «сырой материал», который поэт должен переработать видоизменить <...>, чтобы родилось произведение искусства, появился смысл, возникло эстетическое переживание» [1, с. 374].

Литература

1. Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.) : Теория. История. Поэтика / Е. А. Бобринская, Т. В. Горячева, В. Н. Терехина [и др.] ; отв. ред. Ю. Н. Гирин. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. Кн. 2. 702, [1] с.
2. Спэнкерен К. Краткая история американской литературы / отв. ред. Х. Синкотта, Дж. Клэк. Вена : Информационное агентство США, 1994. 135 с.
3. Муравьев В. С. Фантастика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. Москва, 2001. Стб. 1119–1124.
4. Насырова Д. Р. Синтез искусств в поэзии Э. Э. Каммингса // Молодежь и наука: слово, текст, личность : Материалы V Междунар. молодеж. науч.-практ. конф. / Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова. Ульяновск, 2020. С. 403–407.
5. Нестеров А. Н. Уильям Карлос Уильямс: «смотреть» и «понимать» // Иностранная литература. 2014. № 3. С. 137–148. URL: magazines.gorky.media/inostran/2014/3/uilyam-karlos-uilyams-smotret-i-ponimat.html (дата обращения: 30.03.2023).
6. От Уитмена до Лоуэлла : Американские поэты в переводах В. Британишского / сост., введ. тексты и пер. В. Л. Британишского. Москва : Аграф, 2005. 287 с.
7. Паунд Э. Несколько запретов имажиста // Антология имажизма / пер. с англ., общ. ред., предисл., послесл. А. И. Кудрявицкого. Москва, 2001.
8. Овидий П. Н. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / пер. с лат. С. В. Шервинского. Москва : Художественная литература, 1983. 511 с.
9. Рымарь Н. Т. Кубистический принцип в литературе XX века // Научные чтения в Самарском филиале Университета РАО, Москва, 2001. Вып. 1. С. 97–107.
10. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. Москва [и др.] : АСТ [и др.], 2008. 1007 с.

11. Pound E. Literary Essays of Ezra Pound / Ed. T. S. Eliot. New York : New Directions Publishing Corporation, 1968. 484 p.
12. Williams W. C. I Wanted to Write a Poem : The Autobiography of the Works of a Poet. New York : New Directions Publishing Corporation, 1978. IX, 100 p.

"LANDSCAPE WITH THE FALL OF ICARUS"

BY P. BREUGHEL AND W.C. WILLIAMS

D.R. Nasyrova

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov
Ulyanovsk, Russian Federation

The article deals with the poetic work of one of the most influential American modernist poets – W.K. Williams. The most distinctive features of his poetic style are the rejection of traditional versification and adherence to the realities of everyday American life and colloquial language. The analysis of the poem «Landscape with the Fall of Icarus» demonstrates its close connection with the canvas of the 16th-century Dutch painter – Pieter Brueghel the Elder. This poem shows the interaction of verbal and visual arts, which is based not on the literal description of the picture, but on the exact reproduction and transmission of its imagery.

Key words: Icarus, Brueghel, Williams, ekphrasis, imagism, modernism.

УДК 82.091-1(47)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА Ф.Г. КЛОПШТОКА В ПЕРЕВОДНЫХ И КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ РУССКОЙ ПЕРИОДИКИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В.Г. Сибирцева

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Нижний Новгород, Российская Федерация

Статья посвящена ранней рецепции творчества немецкого поэта XVIII века Ф.Г.Клопштока в России. На примере журнальных статей, созданных по следам зарубежных источников, рассматриваются искажения и умолчания в переводах на русский язык, конечной целью которых является создание идеального образа поэта. Недостоверность предлагаемой в журналах информации в совокупности с объективной трудностью текстов автора приводят к тому, что безоговорочно признанный «великим» автор практически не читается и не исследуется в России до середины XX века.

Ключевые слова: Клопшток, «Мессиада», Жермена де Сталь, Фелисите де Жан-лис, перевод, публицистика.

Отношение к тексту в XXI веке во многом определяется рамками достоверности информации. Вопросы авторского права и плагиата в литературе давно урегулированы, однако успех художественного произведения нередко влечет за собой многочисленные трансформации текста. Чем интереснее текст, тем больше вероятность, что он попадет в социальные сети, «потеряет» автора, будет цитироваться фрагментарно или приблизительно, в зависимости от того, какую цель ставит перед собой посредник

между оригинальным текстом и новым читателем. Вольность обращения с оригинальным текстом в XXI веке напоминает процессы, происходящие в русской литературе в начале XIX века с переводной литературой. Переводы из иностранных авторов, будучи опубликованы в русских журналах, отличались от оригинала в переводе

В конце XVIII – начале XIX вв. художественный иностранный текст по пути к русскому читателю мог претерпеть значительные трансформации. Все еще заметны были следы «принципиальной анонимности автора», о которой в труде о русском классицизме писал Г.А. Гуковский [2, с. 131]. Разнице между переводным и оригинальным произведением не придавалось особого значения, коль скоро эти произведения отвечали запросам публики и воссоздавали некий идеальный текст. При этом, как указывает Ю.Д. Левин в монографии о развитии художественного перевода в России, переводчик «позволял себе вполне свободно обращаться с переводимым автором, если переделки, с его точки зрения, улучшали произведение» [8, с. 9]. Улучшения, приближения к идеалу, нередко захватывали не только произведения, но и образы авторов – создателей оригинальных сочинений, переводы которых появлялись в публицистике или выходили отдельными изданиями.

Изменения смысла, которые должны были пойти на пользу русскому читателю, захватывали также критическую литературу. Степень достоверности представленного текста, так же, как и целесообразность его изменения, едва ли можно оценить с позиций далекого XXI века. Однако не подлежит сомнению тот факт, что создание «правильного» с точки зрения морали образа писателя или поэта могло иметь далеко идущие последствия. Рассмотрим «моральное преображение» иностранного автора на примере рецепции творчества немецкого поэта второй половины XVIII века Фридриха Готлиба Клопштока.

Клопшток стал известен в России с последней четверти XVIII века благодаря статьям в журналах Н.М. Карамзина «Московские ведомости» и «Вестник Европы» и фундаментальной стихотворной эпопее «Мессиада», которая считается главным трудом всей жизни немецкого поэта. Это обширное произведение остается почти единственным из всего наследия Клопштока, переведенным на русский язык полностью и максимально близко к тексту А.М. Кутузовым (1 и 2 части) и, вероятно, самим Н.М. Карамзиным (3 и 4 части, по утверждению И. И. Дмитриева [3, с. 289]). Переводчики отклонились только от оригинального размера: вместо созданного Клопштоком для немецкого языка гекзаметра на русском языке «Мессиада» предстает в прозе. Сама поэма была затянута в описаниях и утомительной в чтении, прилежные читатели могли осилить, в основном, первые три песни поэмы (из двадцати). Неглубокое знание текста, религиозная тематика самого произведения и статьи, опубликованные в журналах Карамзина, сформировали образ Клопштока как великого, благочестивого религиозного поэта, творчеством которого надобно только восхищаться.

В свою очередь, невнимательно прочитанный текст и шаблонный образ поэта, созданный апологетическими отзывами в периодической печати, привели к интересному явлению. Подобно тому, как в наше время текст утрачивает автора в социальных сетях, благочестивый образ «создателя Мессиады» начал жить в России своей жизнью, мало связанной с реальным поэтом, Ф.Г. Клопштоком.

В 1803 году, уже после смерти Клопштока, в одиннадцатом, июньском номере журнала Карамзина «Вестник Европы» опубликован перевод статьи историка и издателя политического журнала «Минерва» Й. Архенгольца, посвященной памяти Клопштока. В статье достаточно точно передается содержание оригинального очерка. Переводчик сохраняет все хвалебные эпитеты (Архенголец называет Клопштока «Великим Поэтом», «великим мужем») и обход достоинств «Мессиады», оставляя за рамками перевода абзацы, посвященные отношению Клопштока к Французской революции и разбор позднего творчества немецкого поэта (бардиты). Основной текст переводной статьи предваряют слова издателя:

Достоинство и слава великих талантов не ограничиваются их отечеством: Клопштока уважала Европа; и в России многие читали его Мессиаду. По крайней мере имя сего необыкновенного Гения известно всем, которые сколько-нибудь знакомы с литературою. Издатель Вестника думает, что такие статьи украшают Журнал. Здесь же говорит о Клопштоке известный Автор и друг его (Вестник Европы. 1803. Ч. 9, № 11).

Таким образом, во вступительных строках уже программируется вектор «правильного» отношения к Клопштоку, построенного на достоверности слов друга и известности (значит, автор достоин подражания в своих поступках).

Под пером Архенгольца и его переводчика Клопшток преобразился в житийного персонажа. Поэт отличался благочестивым нравом: «Воспоминание о благородных, прекрасных свойствах его останется навсегда приятнейшею для меня мыслию. Он был удивительно нежен в своих чувствах, и тверд характером». Клопшток был чувствительным и снисходительным другом:

Слыша мнение, несогласное с его мыслями, он часто с видом добродушия говорил людям: «Это для меня совершенно ново и любопытно; продолжайте». Иногда, разговаривая с удовольствием и жаром, вдруг останавливался и забывал все, естли кому-нибудь в горнице случилось охнуть, зашибить себе палец или только поморщиться. Доброй Клопшток уподоблялся тогда самой чувствительной женщине, беспокоился, заботился, не из модной учтивости, не притворно, но искренно [1].

Тем самым у читателя формировалось мнение, что великий автор, создавший бессмертный божественный труд, не может не быть благочестивым и в своих поступках. Он должен стать примером для подражания как в творчестве, так и в жизни.

Два года спустя, в 1805 году, в «Московском курьере», издававшемся в вольной типографии Гария и компании, были опубликованы отрывки из мемуаров графини де Жанлис, которые вновь привлекли внимание читателя к Клопштоку. Автор перевода не был указан, напомним, что для начала XIX века это было нормой при публикации иностранных авторов в русских журналах. Однако публикация в «Московском курьере» создала образ рассказчика – графини де Жанлис – настолько неправдоподобно кроткий, что возникла необходимость свериться с оригиналом и оценить степень достоверности перевода:

Во время бытности моей в Гамбурге, Г. Клопшток принял меня ласково и оставил на чашку кофе; говорил о французских Писателях, хвалил доброту Руссо и ненавидел Вольтера [5, с. 107].

Стефани-Фелисите Дюкре де Сент-Обен, графиня де Жанлис, популярная в России сочинительница нравоучительных повестей (произведения которой перелагал, в том числе, и Карамзин, «сильно адаптируя для русского читателя» [7, с. 58]), в своих мемуарах гораздо менее мягка к человеческим слабостям. Как пишет филолог А.Н. Полосина, мадам де Жанлис обладала некоей смелостью, позволявшей ей «не считаться с великими авторами, нападать на Вольтера, противоречить Руссо, насмехаться над Дидро, высмеивать “философов” и их неприличную «Энциклопедию», сопротивляться во имя религии и морали» [14, с. 106]. Оказалось, что Клопштока графиня де Жанлис также не пощадила, однако до русского читателя ядовитые слова французской писательницы не дошли.

Графиня де Жанлис была современницей Клопштока и встречалась с ним лично. Они не состояли в дружественных отношениях, и встреча была продиктована скорее желанием де Жанлис приобщиться к великому. Во время своего пребывания в Гамбурге мадам де Жанлис остановилась у подруги, мадмуазель Матиссон. Однажды ее пригласили в гости к пастору Вольтресу, где и произошла встреча с немецким поэтом. О разговоре с Клопштоком можно прочитать в мемуарах де Жанлис, опубликованных отдельной книгой в 1825 году во Франции [12]. Уже предварительные замечания настраивают читателя на встречу с не самым приятным человеком:

Для некоторых есть определенные люди, первая встреча с которыми невыносима. Эти люди не хотят вас любить. Когда они с вами сближаются, они хотят показать вам все, что знают и что у них на уме. Я всегда буду помнить свой единственный разговор со знаменитым автором «Мессиады» (здесь и далее перевод наш – В.С.).

Можно предположить, что дальнейшие характеристики Клопштока сложились уже постфактум, но на их формирование сам разговор оказал непосредственное влияние:

Я увидела, как вошел маленький старик, хромой, очень некрасивый... Затем громким и визгливым голосом он обратился ко мне с таким своеобразным вопросом: “Кого вы считаете лучшим прозаиком, сударыня, Вольтера или Бюффона?..” Это начало, не разговор, а тезис, парализовало меня.

Продолжение разговора, затянувшегося, по словам рассказчицы, на три часа, могло бы показаться комичным, если бы в рассказе графини де Жанлис не сквозила неприязнь:

Клопшток, гораздо больше стремившийся высказать мне свое мнение, чем мое, не стал настаивать на ответе. «Что касается меня, – продолжал он, – я выбираю Вольтера и основываю его на нескольких причинах; первая ... <...> Во всем этом разговоре не нашлось места для моих шести односложных слов.

Разумеется, такой портрет автора священной «Мессиады» никак не укладывался в образ, подходящий для восприятия российского читателя. Именно поэтому заметка в «Московском курьере», озаглавленная как «Нечто о сочинениях и характере знаменитого Клопштока» оказалась настолько малосодержательной и далекой от оригинала. Простое перечисление произведений Клопштока завершается (предсказуемо) хвалебными словами о характере немецкого поэта – именно такими, каким русский читатель должен представлять автора религиозной эпопеи «Мессиада»:

Скажем теперь о характере его: он добр, временем вспыльчив, ласков в обхождении; запирается всегда в кабинете, когда намеревается что-нибудь делать; всегда готов к услугам и ненавидит гордецов [5, с. 107].

Образ благочестивого Клопштока остался незамутненным, а фундамент литературной репутации немецкого поэта был укреплен еще одним камнем незнания и недоговоренности. Даже принимая во внимание крайнюю субъективность оценок графини де Жанлис в мемуарах, мы видим, насколько идеализированным получился образ в пересказе заметок Архенгольца и графини де Жанлис. Русский Клопшток все более отдалялся от современного ему немецкого, жившего совсем недавно. Свидетели его жизни еще не умерли, но их речи искажались в нужном русле, готовилась почва для литературной канонизации Клопштока.

Авторитет имени Клопштока не допускает никаких критических высказываний. Мы видим, что каноническая репутация Клопштока как великого немецкого поэта складывалась не только из внимательного прочтения его произведений. Такими читателями были, например, Г.Р. Державин, первым попытавшийся перевести «Мессиаду» «размером подлинника» [9], или В.А. Жуковский, чей перевод отрывка из «Мессиады» наиболее известен в России [6], или А.С. Пушкин, который разбирал «немца Клопштока и не мог понять его, премудрого» [10]. В настоящей статье представлена попытка показать иные пути формирования литературной репутации: умолчание, умышленное искажение фактов, намеренная идеализация образа немецкого поэта. И только с середины XX века начинается внимательное чтение Клопштока. Его творчество обращает на себя все более пристальное внимание, застывшая репутация одного из важнейших немецких поэтов обогащается филологическими, философскими и социологическими исследованиями.

Литература

1. Архенгольц о Клопштоке / пер. Н. М. Карамзина // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. Москва, 1803. Ч. 9, № 11. С. 171–186. URL: viewer.rsl.ru/ru/rsl60000084835?page=325&rotate=0&theme=white (дата обращения: 16.02.2023).
2. Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме : Состязания и переводы // Поэтика : сборник статей / Б. Томашевский, Н. Коварский, А. Федоров [и др.]. Ленинград, 1928. С. 126–148. (Временник Отдела Совесных Искусств ; вып. 4).
3. Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь : записки действительного тайного советника / издание М. А. Дмитриева. Москва : Типография В. Готье, на Кузнецком мосту, дом Торлецкаго, 1866. Ч. 1–3. 313, [2] с.
4. Дурылин С. Г-жа Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. 1939. Т. 33–34. С. 215–330.
5. Жанлис С. Ф. Нечто о сочинениях и характере знаменитого Клопштока // Московский курьер. 1805. Ч. 2, № 33. С. 107–108.
6. Жуковский В. А. Собрание сочинений. Москва [и др.] : Гослитиздат, 1959. Т. 2 : Баллады. Поэмы и повести. 487 с.
7. Кафанова О. Б. Переводы Карамзина как культурный универсум. Санкт-Петербург : Алетей, 2020. 353 с.
8. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / отв. ред. А. В. Федоров. Ленинград : Наука, 1985. 299 с.
9. Полевой Н. А. Сочинения Державина // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Москва, 1832. Ч. 46, № 15. С. 362–398 ; Ч. 46, № 16. С. 523–555; Ч. 47, № 18. С. 213–244. URL: archive.org/details/mosk_telegraf/1832_Ch_47_17-20/mode/2up (дата обращения: 16.02.2023).
10. Пушкин А. С. Бова // Слово : Библиотека русской поэзии. URL: slova.org.ru/pushkin/bova-otryvok-iz-roemtu (дата обращения: 16.02.2023).
11. Смесь // Вестник Европы, издаваемый Владимиром Измайловым. Москва, 1814. Ч. 74, № 8. С. 305.
12. Genlis S. F. de. Mémoires inédits de Madame la comtesse de Genlis, sur le dix-huitième siècle et la révolution françoise, depuis 1756 jusqu'à nos jours. Paris : Ladvocat, 1825. S. 78–83.
13. Staël Holstein de. De l'Allemagne. London, 1813. XV, [1], 139 p.
14. Полосина А. Н. Стефани-Фелисите де Жанлис в русской литературе // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 106.

TRANSFORMATION OF F.G. KLOPSTOCK'S IMAGE
IN TRANSLATED AND CRITICAL ARTICLES
IN RUSSIAN PERIODICALS OF THE EARLY 19th CENTURY

V.G. Sibirtseva

National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russian Federation

This article is concerned with the early reception of the creative work by F.G. Klopstock, a German poet of the 18th century, in Russia. Through the example of magazine articles written in the wake of foreign sources, distortions and omissions in translations into Russian are considered. The ultimate goal of the transformed translations is to create an ideal image

of the poet. The magazine information turns out to be unreliable. Coupled with the objective complexity of the author's texts, this leads to the fact that the author unconditionally recognized to be great is practically neither read nor researched in Russia until the middle of the 20th century.

Key words: Klopstock, Messiah, Germaine de Stael, Felicite de Genlis, translation, publicism.

УДК 82.091-1(436)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ ВЕНСКОГО МОДЕРНА

Ю.Л. Цветков

Ивановский государственный университет
г. Иваново, Российская Федерация

Анализируются поэтические тексты крупнейшего австрийского поэта и драматурга венского модерна Гуго фон Гофмансталь (1874–1929). Интерес поэта исключительно к явлениям истории, философии, культуры и искусства определил его эстетское мировосприятие и символистскую поэтику, ярко проявившуюся в поэзии французских символистов, которые были для него непререкаемым образцом. Мистика «души поэта» и поиски безграничного мистического «единство мира» требовали от поэта-мага поисков значимого символа, имевшего у Гофмансталь природные черты, например, смена времени дня и ночи. Поэт, призванный приоткрывать «тайну мира» посредством символа, косвенно передавал и всеобщий смысл быстротекущей жизни.

Ключевые слова: венский модерн, поэтика текста, эстетизм, символизм, Гуго фон Гофмансталь.

Осознание значительности поэтического дара пришло к начинающему венскому поэту очень рано. Он, подобно Джону Китсу и Артуру Рембо, в юношеские годы создавал удивительные стихотворения и стал известным автором стихотворных драм «Смерть Тициана» (1892) и «Глупец и Смерть» (1893). Получивший блестящее образование с домашними учителями, а затем в Венской академической гимназии Гофмансталь проявил серьёзный интерес к философии, истории и литературе в широком европейском масштабе. Его поэтическое творчество рождалось в контексте немецкой, французской, английской и итальянской лирики. Отлично ориентируясь, кроме немецкой, во французской литературе (благодаря французско-гувернёру), итальянской литературе (его бабушка была итальянкой), а также активно изучая античную и английскую филологию в гимназии, Гофмансталь под руководством отца штудировал далеко не лёгкие для восприятия труды по философии, истории, эстетике и психологии. Юноша живо откликался на проблемы, остро волновавшие его: осмысление окружающего мира, своего места в нём, а также вопросы поэтического совершенствования [6, с. 223].

Первое напечатанное стихотворение Гофмансталь «Вопрос» появилось в известном журнале «На прекрасном голубом Дунае» (1890) под

псевдонимом Лорис Меликов. Псевдоним был выбран в честь русского генерала, умершего в 1888 г., а имя Лорис было созвучно любимому немецкому поэту Новалису. В этом же году шестнадцатилетний Гофмансталь был восторженно принят в венском литературном кафе «Гринстадль», впоследствии ставшем местом встреч писателей кружка «Молодая Вена»: Герман Бар, Артур Шницлер, Леопольд фон Андриан, Рихард Бер-Гофман, Феликс Зальтен, Феликс Дёрман, Карл Краус и др. Поэзия для многих из них не была серьёзным творчеством. Известны юношеские стихотворения А. Шницлера, во многом подражательные (Г. Гейне). Л. фон Андриан оставил несколько стихотворений. Ф. Дёрман напечатал два сборника пародий на декадентскую лирику. У К. Крауса есть сатирические стихотворения. Самым представителем поэтом венского модерна остаётся Гуго фон Гофмансталь, замечательный поэт-символист, один из ярких представителей европейской эстетской литературы.

Начинающий поэт, до личной встречи с Г. Баром, организатором и эстетиком младовенцев, показался умудрённым опытом и жизнью человеком, который долгое время прожил «*в Париже среди Флобера, Гонкуров и Тургенева, много путешествовал и, наконец, нашёл себе тихую обитель среди садов, картин и книг*» [5, s. 40–41]. Такое впечатление Бара легко объяснимо. Единственный сын директора крупного банка в Вене Гофмансталь жил замкнуто и одиноко. Интеллектуальная жизнь его была не только благоприятной почвой для развития, но и чрезмерной нагрузкой. Юный поэт считал, что он и его друзья были подвержены излишней чувствительностью к погоде, внешним условиям жизни и интеллектуальному труду. Замкнутый круг общения в родительском доме и интерес исключительно к явлениям культуры и искусства, бесспорно, ограничивали познание реальной жизни. Выход из этого положения поэт видел в создании «собственного мира» в мире реальном: «*Мы слишком критичны, чтобы жить в мире сна подобно романтикам... Речь идёт, собственно говоря, всегда только о том, чтобы поставить вокруг, на границе нашего кругозора, потёмкинские деревни, но такие, в которые веришь сам*» [7, s. 47]. «Потёмкинские деревни», широко известные в Вене из писем австрийского императора Иосифа II, участвовавшего в известной поездке Екатерины II по Новороссии (1783) под именем графа Фалькенштейна, скрывали под показным блеском неблагоприятное состояние дел империи. Свообразным построением «потёмкинских деревень» магическим даром поэта можно рассматривать словесное творчество молодого Гофмансталя.

Мир литературный в ранний период имел большее значение, чем мир реальный. Подчёркнутая отстранённость от мира бытийного – важная черта эстетского мироощущения, находящего истинную красоту только в мире искусства. Один из первых сонетов Гофмансталя «Что такое мир?» отвечал однозначно: «мир – это стихотворение», заменившее поэту реальность:

Was ist die Welt?

Was ist die Welt? Ein ewiges Gedicht,
Daraus der Geist der Gottheit strahlt und
glüht,
Daraus der Wein der Weisheit schäumt und
sprüht,
Daraus der Laut der Liebe zu uns spricht.
Und jedes Menschen wechselndes Gemüht
Ein Strahl ists, der aus dieser Sonne bricht,
Ein Vers, der sich an tausend andre flicht,
Der unbemerkt verhallt, verlischt, verblüht.
[8, s. 86].

Что такое мир?

Что такое мир? Это вечная поэма,
Из которой пылает и лучится дух Божества,
Из которой пенится и разливается вино
мудрости,
Из которой звучит голос любви к нам.
И меняется душа каждого человека,
И преломляется луч, идущий от солнца,
И одна строка, создавая тысячи других,
Незаметно затихает, гаснет, отвечает.
Пер. М. Давиша [3].

Своеобразие лирики Гофманстала заключается в том, что поэт отстраняется от непосредственного лирического переживания и выстраивает почти прозаический или философский нарратив, теряя эмоциональное состояние поэта, особенно молодого возраста. Именно поэтому Гофмансталь произвёл на Бара впечатление поэта преклонных лет. Цель поэзии венского автора заключалась не в передаче собственного чувства, что было свойственно немецкой лирике начала и середины XIX века (И.В. Гёте, К.М. Брентано, Г. Гейне и др.), а совершенно иное понимание «лирического начала», имеющего целый комплекс новых качеств, характерных прежде всего для поэзии французского символизма (Ш. Бодлер, П. Верлен, А. Рембо и С. Малларме) [4, с. 236–237].

Возможность проникновения поэта в сущностные первоосновы жизни – один из центральных в поэтологии Гофманстала. Постигание их истинной сути – процесс мистический, характерный для средневекового, романтического и символистского сознания. Обе разновидности мистического переживания («мистика души» и «мистическое единство мира») характерны для зрелой лирики Гофманстала. В «Сонете о душе» (1891) перед читателем является вобравшая в себя весь природный мир душа, родственная таинственным «мировым силам» [8, s. 177]. Призыв покинуть душу, поменять её на «душу вселенной» и прислушаться к её мелодии звучит в стихотворении “Sunt animae rerum” (1890) [8, s. 89]. Мистическое «слияние» в одно целое человека, вещи и мечты осуществляется в третьей части «Терцин» (1894), утверждая мысль о их нерасторжимости:

Terzinen III

Wir sind aus solchem Zeug wie das zu Träumen,
Und Träume schlagen so die Augen auf
Wie kleine Kinder unter Kirschenbäumen,
Aus deren Krone den blaßgoldnen Lauf
Der Vollmond anhebt durch die große Nacht.
... Nicht anders tauchen unsre Träume auf,
Sind da und leben wie ein Kind, das lacht,

Терцины III

Мечты! У них одна природа с нами,
Они, как дети, спать не могут в час,
Когда восходит месяц и лучами
Сквозь кроны вишен брызнув в первый раз,
Он золотит вечерний небосвод.
Вот так же и мечта родится в нас
И радостная, как дитя, живёт,

Nicht minder groß im Auf- und Niederschweben
Als Vollmond, aus Baumkronen aufgewacht.
Das Innerste ist offen ihrem Weben;
Wie Geisterhände in versperstem Raum
Sind sie in uns und haben immer Leben.
Und drei sind eins: ein Mensch, ein Ding, ein Traum.
[8, s. 22].

Не менее светла, огромна, рдяна,
Чем полный месяц, что меж крон плывёт.
Её в душе несём мы непрестанно,
Как слышим в комнате, что заперта,
Каких-то рук незримых шорох странных.
Три суть одно: вещь, человек, мечта.
Пер. Ю. Корнеева [2, с. 760–761].

Мистическое в поэтологии Гофманстала способствует поискам единственного искомого слова, в то время как искания мистика заканчиваются молчанием. Поэт вводит другой термин, имеющий не менее широкое распространение в его эстетике – магию. «Магическая сила» целенаправленно и созидательно воздействует на процесс творения поэтического произведения. Задача поэта заключается в том, чтобы превратить увиденную «суть мира» или «суть вещей» магическим образом в слова. Именно они являются посредниками между «высшим миром» и действительным: *«Слова – талисманы – ангелы и посланники Бога. Такие талисманы оставляют после себя волшебный сад жизни, они имеют силу над миром... Талисманы – это идеи вещей: они заключены в словах, жестах, которые мы, не глядя, бросаем в ночь...»* [9, с. 396–397]. Ключевая роль слова-символа «вечер» проявляется в финале стихотворения «Баллада внешней жизни»:

Ballade des äußeren Lebens

Was frommt das alles uns und diese Spiele,
Die wir doch groß und ewig einsam sind
Und wandernd nimmer suchen irgend Ziele?
Was frommts, dergleichen viel gesehen haben?
Und dennoch sagt der viel, der Abend sagt,
Ein Wort, daraus Tiefsinn und Trauer rinnt
Wie schwerer Honig aus den hohlen Waben.
[8, s. 23].

Баллада внешней жизни

К чему нам это всё? И игр тревога?
Нам, кто велик, и одинок, и вдали
Бесцельно странствует своей дорогой?
К чему нам это всё – земля и воды?
Но много значит слово «вечер» – слово,
Струящее и мудрость, и печаль,
Как полость сот поток тяжёлый мёда.
Пер. В. Адмони [1, с. 44].

Слово «вечер» – значимый символ, который лишь отдалённо проявляет «тайну» жизненных явлений: скоротечности, бренности и мудрости. Взятый из обыденной жизни символ приобретает своё значение во всеобщей связи многих примет реальной жизни. Тем самым значительно расширяются смысловые ассоциации слова с отдельными проявлениями действительности. В результате общей ассоциативной всесвязанности символ приобретает многозначность и как следствие – неясность. В «Балладе внешней жизни» символ «вечер» придаёт явлениям реальности связующий смысл. Он, трудноуловимый и смутный, указывает, по Гофмансталу, на идею или праобраз, постигаемый поэтом в процессе стихотворчества – «вечер» как символ угасания, умирания, предчувствия блага и мудрости. Гофмансталь,

создавший теорию эстетизма, в которой ценностный статус искусства превзошёл всё остальное, стал демиургом. Всевластие поэта не имело границ, ему было подвластно любое волшебство. Творящее сознание поэта, способного представить новый гармоничный мир в своём воображении, имело символистские черты. Поиски Гофмансталем единственного поэтического слова-символа привели к смелым экспериментам в немецкоязычной лирике, ставшей таинственной и музыкальной.

Литература

1. Адмони В. Поэтика и действительность : из наблюдений над зарубежной литературой XX века. Ленинград : Советский писатель, 1975. 308, [2] с.
2. Гофмансталь Г. фон Избранное : драмы, проза, стихотворения. Москва : Искусство, 1995. 846 с.
3. Гофмансталь Г. фон. Что такое мир? : Стихи / пер. М. Давиша. Видео. 00:01:00 (время воспроизведения). URL: www.youtube.com/shorts/Tv5VMG1Q7z8 (дата обращения: 20.02.2023).
4. Цветков Ю. Л. Литература венского модерна : постмодернистский потенциал. Москва : МИК [и др.], 2003. 431 с.
5. Fiechtner H. Hugo von Hofmannsthal: Der Dichter im Spiegel der Freunde. Bern [et al.] : Francke, 1963. 310 s.
6. Hofmannsthal H. von. Edgar Karg von Bebenburg : Briefwechsel / Bearb. M. E. Gilbert. Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag, 1966. 255 s.
7. Hofmannsthal H. von, Beer-Hofmann R. Briefwechsel. Frankfurt am Main : S. Fischer, 1972. 262 s.
8. Hofmannsthal H. von. Gedichte ; Dramen I, 1891–1898. Frankfurt am Main : S. Fischer, 1986. 655 s.
9. Hofmannsthal H. von. Reden und Aufsätze III, 1925–1929 ; Buch der Freunde ; Aufzeichnungen. Frankfurt am Main : S. Fischer, 1986. 662 s.

THE POETIC TEXT OF THE VIENNESE MODERNISM

Y.L. Tsvetkov

Ivanovo State University

Ivanovo, Russian Federation

The poetic texts of the largest Austrian poet and playwright of the Viennese modernism Hugo von Hofmannsthal (1874–1929) are analyzed. The poet's interest exclusively in the phenomena of history, philosophy, culture and art determined his aesthetic worldview and symbolist poetics, vividly manifested in the poetry of the French symbolists, who were an indisputable model for him. The mysticism of the "poet's soul" and the search for the boundless mystical "unity of the world" required the poet-magician to search for a significant symbol that had natural features in Hofmannsthal, for example, the change of time of day and night. The poet, who was called to reveal the "secret of the world" through a symbol, indirectly conveyed the universal meaning of a fast-flowing life.

Key words: Viennese modernism, poetics of the text, aestheticism, symbolism, Hugo von Hofmannsthal.

ТЕКСТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

УДК 930(470.43):81'42

ПЕРВЫЕ КНИГИ О ГОРОДЕ СТАВРОПОЛЕ – ТОЛЬЯТТИ: АНАЛИЗ ТЕКСТОВ

О.А. Безгина

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье анализируются тексты первых книг, посвященных городу Ставрополю – Тольятти. В статье выделены авторы этих работ, внесшие наибольший вклад в изучение истории города Ставрополь – Тольятти. Автор статьи обращает внимание на структуру, содержание и лексику анализируемых текстов.

Ключевые слова: история города, историография города, Ставрополь – Тольятти, сборники, мемуары.

Город Ставрополь – Тольятти, основанный в 1737 году, получил свою широкую известность лишь во второй половине XX века в связи со строительством Волжской ГЭС им. В.И. Ленина и дальнейшего промышленного роста. Вместе с активным развитием города, появилась и первая литература о нем. Описание природных достопримечательностей, фольклорных и поэтических памятников, посвященных территории, на которой расположен Ставрополь – Тольятти, нашли свое отражение в книге «Легенды и были Жигулей»[8]. Интересные факты о начале промышленного развития города содержатся в книгах воспоминаний первого руководителя Куйбышевгидростроя Т.В. Комзина [6; 7]. Первыми книгами, дающими общее представление о прошлом и настоящем Ставрополя – Тольятти и отражающих планы на его дальнейшее развитие, стали две книги с одноименным названием «Город Тольятти», выходившие последовательно к 230-летию и 250-летию города.

Целью данной статьи является анализ текстов первых книг о Ставрополе – Тольятти, выходивших в 60–80 годах XX века.

Первые шаги по изучению истории города были сделаны местными краеведами. Наиболее известным из них является Александр Михайлович Тураев (1913–1996) – учитель истории, Почетный гражданин города Тольятти с 1967 г. Он кропотливо собирал сведения по истории города, выступал с краеведческими статьями в местной прессе. «Благодаря его подвижнической деятельности был создан городской краеведческий музей, первооснову которого составили коллекции и экспозиции А.М. Тураева» [5, с. 221].

С открытием в Тольятти первого высшего учебного заведения – Тольяттинского политехнического института – центром исторических и, в частности, краеведческих исследований становится кафедра истории

КПСС под руководством Анатолия Эммануиловича Лившица (1927–2004). Будучи первым в городе профессиональным историком-ученым, Лившиц неоднократно привлекался руководством Тольятти к исследованию его истории.

Впоследствии в эту работу включились его младшие коллеги и ученики. Кроме того, большую работу по изучению и сохранению истории города Ставрополя – Тольятти проводили тольяттинские архивисты, работники музеев и библиотек, журналисты, литераторы.

Одной из первых работ, посвященных Ставрополю – Тольятти, стала небольшая по формату книга «Город Тольятти», изданная в Куйбышевском книжном издательстве в 1967 году. В число авторского коллектива этой книги вошли преподаватели Тольяттинского политехнического института А.Э. Лившиц и А.И. Линяев, а также А.М. Тураев.

Книга «Город Тольятти», написанная по законам жанра такого рода литературы, охватывает все этапы истории города. Первая глава этой книги «Вглубь времен» содержит короткий исторический экскурс в первые десятилетия существования города Ставрополя. Автором этой части книги стал М.А. Тураев. Впоследствии А.Э. Лившиц писал, о нем: «Александр Михайлович Тураев, человек, влюбленный в наш край. Ему мы обязаны тем, что в первом издании книги «Город Тольятти» появился очерк, охватывающий период от основания города (1737 г.) до начала строительства Волжской ГЭС им. В.И. Ленина» [1, с. 121].

Эта часть книги содержит большое количество сведений о начальном этапе в истории Ставрополя. Автор рассказывает об основании «крепости и города Ставрополь – столицы крещеных калмыков» [3, с. 8], поселении здесь первых помещичьих фамилий, восстании Е. Пугачева, отмене крепостного права и др. Описывая ранний период в истории города, А.М. Тураев опирался на работы П.С. Палласа и И.И. Лепехина. Собственные же оценки автора очевидно продиктованы марксистской методологией. Выражается это в том, например, что весь ранний период городской истории разворачивается в логике угнетения низших слоев населения и их попытками противостоять насилию. Интересно, что даже первый параграф главы, посвященный основанию Ставрополя крещеными калмыками, называется «Революционное прошлое» [3, с. 6].

Советская идеологическая традиция текста данной книги проявляется в том, что, начиная со второй половины XIX в. структура повествования разворачивается в логике развития революционного движения в России и его проявления в Ставрополе. Проследить это можно даже по названию параграфов первой главы: «Деятельность народных масс в Ставрополе и уезде», «В годы первой русской революции», «Октябрьская революция и установление советской власти», «Революционные организации молодежи и возникновение комсомола» и т.п. Отсюда текст изобилует такими эпитетами, как: «вопиющая несправедливость», «полувековая история мук и жертв» [3, с. 19] «кровавое злодеяние царизма», «мощная волна по-

литических забастовок» [3, с. 21], «озверевшие царские палачи [3, с. 26] и т.п. Вместе с тем, А.М. Тураеву удалось хорошо показать созидательный процесс роста и развития Ставрополя.

Вторая глава книги «Строительство Волжской ГЭС им. В.И. Ленина и второе рождение города» рассказывает о строительстве гидроэлектростанции, его руководителях, рабочих и инженерах. Современному читателю будет очень интересно познакомиться с описанием позднее затопленного Ставрополя и некоторыми деталями жизни того времени. Например, из книги мы узнаем, что в 1950 г., чтобы попасть из областного центра в Ставрополь, нужно было «трястись 6–8 часов по грунтовой дороге» [3, с. 56]. Авторам «повезло» и они, «держась за кабину грузовика, мягко подпрыгивающего на ухабах, ...быстро добрались до города» [3, с. 57]. Это описание не случайно так эмоционально передает ощущения авторов. Дело в том, что автор этого текста – один из первых преподавателей Ставропольского вечернего отделения Куйбышевского индустриального института. «Первое время после открытия вечернего отделения преподаватели в открытых грузовиках приезжали в Ставрополь из Куйбышева читать лекции и проводить практические занятия» [2, с. 174]

Не менее любопытно познакомиться с описанием самого города Ставрополя: «Прямые немощеные улицы, ряды деревянных, в большинстве одноэтажных домов. Деревьев мало, пыль. На главной улице несколько двухэтажных каменных домов, несколько магазинов с тяжелыми железными дверями и ставнями, кинотеатр «Буревестник» и районный Дом культуры» [3, с. 57].

Завершили авторы эту главу словами: «С окончанием строительства гидроузла открывались новые перспективы для города, получившего свое второе рождение» [3, с. 84]. Можно предположить, что именно в этой книге впервые зафиксировано выражение о втором рождении города, ставшее впоследствии глубоко укоренившимся образом.

Содержание и названия глав отражают пафос социалистического строительства: «Индустрия Тольятти расправляет плечи» [3, с. 85], «Город смотрит в будущее» [3, с. 238] и т.п. Отдельные главы посвящены транспортным магистралям города, здравоохранению, культуре, образованию. Так, из главы «Народное образование» мы узнаем, что в Тольятти «в 1965 г. создан «городской совет по общественному и семейному воспитанию детей», который «совместно с гороно координирует работу родителей, школы и общественности» [3, с. 194].

Образцом советской стилистика является окончание одной из глав: «На глазах преобразуется волжский край у Жигулей. Это знамение времени. Великий Октябрь открыл перед советским народом широкую дорогу к творчеству, созиданию, счастью. Преобразующая сила идей Великого Октября наглядно видна на примере города Тольятти, в короткий срок превратившегося в крупный индустриальный центр Средней Волги» [3, с. 163].

Особый интерес вызывает глава «Научные силы города», которая начинается словами: «Тольяттинцы гордятся своим политехническим институтом» [3, с. 195]. Книга, написанная вскоре после того, как был построен главный корпус ТПИ, отражает радость и восхищение авторов этим событием: «огромное светлое здание монументально и легко», «...смелый модернизм внутренней отделки хорошо сочетается с практическим назначением отдельных комнат и аудиторий» [3, с. 195].

Одна из особенностей этой книги заключается в том, что она показывает Тольятти как крупный промышленный центр в тот период, когда он еще не был автомобильной столицей страны. Книга написана до начала строительства в Тольятти Волжского автомобильного завода и глава «Здесь делают машины» посвящена не автомобилестроению, как можно было бы подумать, а продукции Тольяттинского завода цементного машиностроения (Волгоцеммаш) [3, с. 132].

Вместе с тем, авторы представляют город не только как промышленный, но и научный центр. Современным тольяттинцам любопытно будет узнать, что в 1950–60-е годы в Ставрополе – Тольятти работало два Всесоюзных научно-исследовательских институтов: цементного машиностроения (ВНИИЦеммаш) и нерудных строительных материалов (ВНИИНеруд).

В целом, эта книга интересна тем, что передает взгляд на город людей середины 1960-х годов. Она написана образным, живым языком. Текст этой работы отражает авторское восхищение быстрым преобразованием города и личное сопереживание всему, что с ним происходит.

Через 20 лет, в 1987 году, к 250-летию города эта книга была творчески переработана и дополнена К.М. Гордеевой. В книге появилась глава, посвященная ВАЗу, а также небольшие очерки о выдающихся тольяттинцах. Раздел о научном потенциале Тольятти пополнился информацией о Институте экологии Волжского бассейна АН СССР [4, с. 154].

Обращает на себя внимание и тот факт, что книга, опубликованная в период Перестройки, сохранила советскую методологическую традицию показывать развитие истории через постоянное нарастание классовой борьбы. Однако агрессивно окрашенные советские штампы в отношении царского правительства России в новой книге практически отсутствуют. Зато книга полна поэтическими эпитетами при описании города. Такими, например, как: «гигантская фабрика электричества» [4, с. 5], «(город) обрел второе дыхание, шагнул в степь», «город будущего» [4, с. 6], «в утренние часы воздух насыщен запахами моря, леса, скошенной травы на газонах» [4, с. 7], «порт, в который заходит белоснежные пассажирские лайнеры с туристами на борту» [4, с. 8], «величественная панорама водохранилища и жигулевских гор создает неповторимый по своей красоте уголок отдыха и эмоциональной разгрузки» [4, с. 9]. В похожей стилистике сформулированы и названия глав: «Созидатели», «Он первый увидел «Ниву», «Я вижу, доктор!», «Звучит над Волгой песня русская», «Реет спортивный стяг», «Устремленный в завтра» и другие подобные.

Наконец, автор-составитель юбилейной книги констатирует, что «о городе Тольятти нередко говорят, что он трижды рожденный» [4, с. 5]. Здесь мы видим закрепление мема о трижды рожденном городе. Интересно также, что в книге 1987 г. прямо говорится о туристическом потенциале Тольятти.

Таким образом, систематизация и анализ книг по истории города Ставрополь – Тольятти показал, что эти книги носят не только информационный, но и презентационный характер. Стилистика повествования отражает советскую методологическую традицию. Вместе с тем, данные книги стали основой для дальнейшего изучения истории города Ставрополь – Тольятти и развития такого рода литературы, что не потеряло актуальности и сегодня.

Литература

1. А. Э. Лившиц: Ученый. Учитель. Человек : сборник воспоминаний и публицистики / Самарский центр Российской академии наук, Тольяттинский государственный университет ; сост. О. А. Безгина [и др.]. – Тольятти : ТГУ, 2009. 211 с.
2. Безгина О. А. Тольяттинский историк А. Э. Лившиц: человек, ученый и учитель // Научное сообщество историков и современный мир : к юбилею университетского исторического образования в Самар : Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию университетского исторического образования в Самаре / отв. ред.: П. С. Кабытов [и др.]. Самара, 2020. С. 171–180.
3. Город Тольятти : Историко-экономический очерк / редкол.: Г. Н. Андреев [и др.]. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1967. 247 с.
4. Город Тольятти : Историко-экономический очерк к 250-летию города / подгот. К. М. Гордеева [и др.]. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1987. 201, [2] с.
5. История Ставрополя – Тольятти : учеб. пособие для учащихся 9-х классов г. о. Тольятти / В. Е. Волков, Е. Л. Налетова, Ю. К. Рощевский [и др.] ; отв. ред. Е. Ю. Прокофьева. Тольятти : ТГУ, 2010. 245 с.
6. Комзин И. В. Это и есть счастье : Очерки о строительстве Куйбышевского гидроузла. Москва : Молодая гвардия, 1959. 285 с.
7. Комзин И. В. Я верю в мечту. Москва : Политиздат, 1973. 368 с.
8. Легенды и были Жигулей / сост. С. Е. Кузменко. Куйбышев : Куйбышевское книжное издательство, 1967. 392 с.

THE FIRST BOOKS ABOUT THE CITY OF STAVROPOL – TOLYATTI: TEXT ANALYSIS

O.A. Bezgina

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article analyzes the texts of the first books dedicated to the city of Stavropol – Togliatti. The article highlights the authors of these works who have made the greatest contribution to the study of the history of the city of Stavropol – Togliatti. The author of the article draws attention to the structure, content and vocabulary of the analyzed texts.

Key words: history of the city, historiography of the city, Stavropol – Togliatti, collections, memoirs.

УДК 355.48(093.3)+940(470)''1979-1985''

**ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ 1979–1989 гг.
В КНИГЕ «ПРОЩАЙ, ШУРАВИ. 30 ЛЕТ СПУСТЯ» –
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ОТРАЗИВШИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ И КОНКРЕТНЫЕ ФАКТЫ**

В.А. Гуров

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема восприятия Афганской войны по воспоминаниям и предоставленным материалам военнослужащих, проходивших службу на территории Демократической Республики Афганистан (ДРА) (1979–1989 гг.), ныне здравствующих, а также матерей погибших воинов.

Ключевые слова: СССР, США, НАТО, Демократическая Республика Афганистан, ОКСВА, МВД, КГБ, Ашхабад, Мары, Термез, Кушка, Чирчик, Н. Тараки, Х. Амин, Б. Кармаль, М. Наджибулла, Кабул, Кандагар, Саланг, Суруби, шурави, душманы, духи, ХАД, царандой.

Сборник воспоминаний подготовлен сотрудниками Тольяттинского краеведческого музея в канун 30-летия (1979–1989 гг.) вывода ОКСВА (Ограниченного контингента советских войск в Афганистане) из Афганистана Аркадием Сергеевичем Ляминым (до 2022 г. старший научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной деятельности Тольяттинского краеведческого музея. Окончил Тольяттинский государственный университет и аспирантуру, специальность «История»), Степаном Вячеславовичем Ралдугиным (до 2017 г. научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной деятельности Тольяттинского краеведческого музея. Окончил Тольяттинский государственный университет, специальность «История»), Ольгой Сергеевной Симановой (научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочной деятельности, учёный секретарь Тольяттинского краеведческого музея. Окончила Поволжский государственный университет сервиса, специальность «Социально-культурный сервис»; Санкт-Петербургский государственный институт культуры, программа магистратуры «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»). Он адресован всем, кто интересуется военной историей Отечества, в том числе событиями афганской войны.

Сотрудники краеведческого музея решили помочь обобщить и издать воспоминания военнослужащих, проходивших службу в Демократической Республике Афганистан (ДРА) в 1979–1989 гг., и совета матерей погибших воинов, созданные в стихах и прозе «Афганские» баллады, материалы о погибших в афганской войне тольяттинцах, о жизненном пути ныне здравствующих.

Мне выпала честь первым читать этот сборник воспоминаний участников афганской войны, и о погибших в этой войне тольяттинцах, вписавших огненные строки в Книгу воинской доблести нашего Отечества.

Всё чаще в последние годы появляются исследовательские работы историков и политологов, книги, мемуары, посвящённые афганской тематике. И этот интерес закономерен. Он вызван запросом общества на достоверную информацию о болезненной теме войны в Афганистане. Большие потери, разочарование общества в мощи СССР, ослабление мирового авторитета Советского Союза, очернение либеральными кругами действий СССР, вплоть до объявления его «империей зла» – всё это требует необходимости понимания причин и последствий этой войны для России, для Афганистана и мира, роли и месте Советских Вооружённых сил в произошедших событиях [4]. Сборник «ПРОЩАЙ, ШУРАВИ. 30 лет спустя» занимает подобающее место среди ранее изданных воспоминаний о событиях войны в Афганистане в решении этих задач. Эта работа – удачный союз историков-краеведов, активных воинов-тольяттинцев непосредственных участников войны на территории Афганистана и матерей погибших «афганцев»-тольяттинцев.

За период 1979–1989 гг. в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане участвовало порядка 620 тысяч граждан СССР, в том числе 525,2 тысячи солдат и офицеров ВС СССР, 90 тысяч представителей КГБ СССР (вместе с пограничными войсками), 5 тысяч человек в составе отдельных формирований внутренних войск и милиции МВД СССР, а также 21 тысяча гражданских служащих. Общая численность погибших с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года составила 15051 человек, из них – 14427 (четырнадцать тысяч четыреста двадцать семь) – военнослужащие, погибшие в результате полученных в бою ранений, от болезней и несчастных случаев. Боевые потери составили 82,54% из общего числа потерь. В общее число безвозвратных боевых и не боевых потерь вошли как скончавшиеся от ранений в госпиталях, так и скончавшиеся от болезней уже после увольнения из ВС СССР. На 1 января 1999 года пропало без вести и не возвращено на Родину 287 человек [11, с. 563–564].

За 10 лет на территории ДРА прошли службу 1910 тольяттинцев, не вернулись на Родину 56 человек (всего из Самарской области – 248 человек) [6]. Памятник воинам-афганцам был установлен в городе в 1994 году, на нём надпись: «Афганистан болит в моей душе» [3].

Вот итоги войны, подведённые Героем Советского Союза Б.В. Громыным, который осуществлял руководство выводом Ограниченного контингента Советских войск из Афганистана (он трижды проходил службу в частях ОКСВА: февраль 1980 – август 1982 г., март 1985 – апрель 1986 г., 1987–1989 гг., т.е. более пяти лет участия в боевых действиях. В 1988 году Борису Всеволодовичу Громыну было присвоено звание Герой Советского Союза за разработку и успешное проведение в труднодоступном горном массиве Сулеймановы горы крупномасштабной операции «Ма-

гистраль» по снятию блокады с осажденного афганскими повстанцами г. Хоста) [1]: «Перед 40 армией стояло несколько основных задач. В первую очередь, мы должны были оказать помощь правительству Афганистана в урегулировании внутривластной ситуации. В основном эта помощь заключалась в борьбе с вооружёнными отрядами оппозиции. Кроме того, присутствие значительного воинского контингента в Афганистане должно было предотвратить агрессию извне. *Эти задачи личным составом 40 армии были выполнены полностью.*

Перед Ограниченным контингентом никто и никогда не ставил задачу одержать военную победу в Афганистане. Все боевые действия, которые 40 армии приходилось вести с 1980 года и практически до последних дней нашего пребывания в стране, носили либо упреждающий, либо ответный характер. Совместно с правительственными войсками мы проводили войсковые операции только для того, чтобы исключить нападения на наши гарнизоны, аэродромы, автомобильные колонны и коммуникации, которые использовались для перевозки грузов» [1, с. 68].

Особо стоит отметить что ввод ОКСВА был осуществлён по многочисленным официальным просьбам легитимного правительства Афганистана. То есть на основании межгосударственной договорённости [8]. Кроме того, не стоит забывать, что нестабильность в Афганистане, а фактически у южных границ Советского Союза, обязывала руководство страны принять меры к ликвидации таких угроз и, что принципиально важно, в условиях активной санкционированной существенной финансовой и военной поддержки антиправительственных сил Афганистана со стороны США, других стран НАТО (о чём свидетельствуют мемуары бывшего директора ЦРУ Роберта Гейтса: 3 июля 1979 года президент США Джими Картер подписал секретный президентский указ, санкционирующий финансирование антиправительственных сил в Афганистане) [12, с. 146].

Сборник «ПРОЩАЙ, ШУРАВИ. 30 лет спустя» состоит из двух книг, первая книга из четырёх, вторая из двух разделов. Данный сборник воспоминаний, что очень ценно, – проходит сквозь призму времени, по прошествии 30 лет, развеивает псевдомифы, отсекает наносное и оставляет существенное. Личные воспоминания, мемуары свидетелей и непосредственных участников событий являются не просто фиксацией происходящего, а важным историческим источником.

Воспоминания «афганцев»-тольяттинцев убедительно свидетельствуют, что несостоятелен миф о том, что «мы не знали зачем нас туда послали». Очень многие, да большинство, воспоминаний проникнуты пониманием расслоения афганского общества на богатых и бедных, бесправия последних и нищеты, необразованности, забитости народа, необходимости изменения такого состояния, сочувствия этому народу [9, с. 67–68, 140–141, 170–171, 206, 231–233, 253]. Пониманием того, что ведётся борьба между правительственными силами Афганистана с вооружёнными (и очень хорошо вооружёнными ведущими государствами НАТО и консервативного

исламского мира) моджахедами (душманами, «духами»), теми, кто хотел бы оставить Афганистан в «феодальном строе» [9, с. 204, 272, 305–308, 385]. А также ясным пониманием того, что правительственные силы явно проигрывают «духам», и, прежде всего, в решимости, настрое и желании воевать, при том, что чуть не с пелёнок владеют оружием [9, с. 150–152, 305]. Многие советские воины именно так и понимали значение «интернационального долга».

Полностью также развеивается клишированный миф, «что личный состав порой и не знал, куда отправляют, думает, что находится в окрестностях Ташкента. Что личный состав совсем не готовили к местным реалиям: к службе и выполнению боевых задач в условиях горной местности, они ничего не знали о ситуации в стране, об обычаях и правилах поведения и общения с местным населением и т.п.». А на самом деле основная масса военнослужащих срочной службы проходила подготовку в учебных подразделениях – «учебках» (специальных учебных подразделениях для убывающих в ДРА). Подготовка началась спустя полтора года после ввода Ограниченного контингента (ОКСВА) в эту страну – когда у командования наступило понимание того, что обычной общевоинской подготовки для боевых действий в условиях высокогорной местности недостаточно, это нашло отражение в воспоминаниях «афганцев», например, в Ашхабаде, Мары, Термезе, Кушке, Чирчике [9, с. 103, 293–295; 10, с. 70–72, 191–194, 330–332] из резервистов призывались лица, имеющие опыт службы в ВС СССР [9, с. 92]. В учебных центрах и подразделениях специальной подготовки, по возможности, проводились тренировки, которые требовались для выполнения задач в горной местности и условиях высокогорья [9, с. 166–68, 199–200, 294]. Обучение проводилось преимущественно офицерами и прапорщиками [9, с. 294], [10, с. 330–332], имеющими опыт боевых действий в Афганистане. По прибытии в Афганистан большинство военнослужащих проходили период адаптации. Это также нашло отражение в воспоминаниях [9, с. 339]. До каждого воина доводились необходимые знания об обычаях, нравах местного населения и правилах поведения в различных ситуациях, о чём свидетельствуют Памятки воинам. Кроме того, для вновь прибывших офицеров организовывались сборы в Кабуле, где доводилась информация для их дальнейшей работы с личным составом о том, что такое Афганистан, кто такие моджахеда, что представляет собой мирное население и как следует себя с ним вести, для чего находятся тут военные и т.д., а теми, в свою очередь, проводились занятия с личным составом [9, с. 35–38, 255].

Следует отметить, что авторы предоставили читателю правдивую, без купюр, честную информацию, раскрывающую ему события сложного периода истории вооружённых сил СССР и нашего Отечества.

А читатель получил интересную информацию и новые ракурсы в оценках событий в Афганистане, особенностей происходившей в ней гражданской войны. Получил представление о быте и нравах простых афганцев [9, с. 140–141, 170–171, 206, 231–233, 252–253, 266–267, 302–304, 387–389,

425–427; 10, с. 476–478], их отношении к «шурави» [9, с. 61, 64, 66–68, 147–148, 170–172, 387–389; 10, с. 492–494].

В сборнике даны штрихи к портретам афганских лидеров Н. Тараки, Х. Амина, Б. Кармаля, М. Наджибуллы [9, с. 54, 427–428] и лидеров, сражавшихся против «шурави» по другую сторону баррикад — Ахмад Шах Масуда, генерала Дустума и других [9, с. 68–70, 308–310, 392–394, 396–397].

Сборник воспоминаний повествует о действиях афганских правительственных вооружённых формирований: «зелёных» и царандой (вооружённые формирования Министерства государственной безопасности (ХАД), за зелёный цвет обмундирования их называли – «зелёные», и вооружённые формирования Министерства внутренних дел [11] «царандой») [9, с. 64, 149, 153, 170–171, 205–206, 271, 304–305, 387–389], о вооружении и снабжении моджахедов, их действиях [9, с. 150–152, 204, 272–273, 305–308, 385].

У войны своя шкала ценностей, нравственных обязательств, свой смысл и быт, об этом также вспоминают участники боевых действий, в большинстве своём тогда – совсем молодые люди. Об этом можно прочесть в их незамысловатых, но искренних воспоминаниях. Они описывают боевую работу разных специалистов: пограничников, связистов, разведчиков, спецназовцев, миномётчиков, медиков, артиллеристов, военных строителей повседневную и в боевых условиях. Описывают армейские военные будни, быт [9, с. 223–224, 226–231, 253–256, 261–270, 296, 383–385, 419–425; 10, с. 474–475, 492–494, 512–518, 556–558].

В сборнике приводятся яркие, запоминающиеся картины боевых действий, что называется – «от первого лица» [9, с. 318–320, 386–389, 416–417; 10, с. 668–674]. Поражает, что порой им, участникам войны, их каждодневный воинский ратный подвиг представляется обыденным делом [9, с. 105–126].

Эти воспоминания о давно минувших днях афганской войны, проникновенные, откровенные, и, удивительно, но – пронизанные тёплыми и добрыми чувствами единения, братства, товарищества, высоких патристических чувств, верности воинскому долгу.

Удачной формой можно считать решение составителей сборника построить в книге первой каждое воспоминание по определённому плану. Таким образом, получился срез ответов на конкретные вопросы, позволяющих сделать достаточно достоверные выводы. Если резюмировать все ответы на вопрос: «как вы понимаете свой интернациональный долг?», то суть большинства ответов сводится к тому, что «мы ведь туда пришли не воевать, а, чтобы оказать интернациональную помощь. Никто не думал о том, зачем это и для чего это. Мы делали своё дело. Мы не только там воевали. Инфраструктура, которая и на сегодняшний момент действует в Афганистане, была создана именно Советским Союзом, посредством контингента войск. Потому что кроме военных, там ещё присутствовали гражданские специалисты: медики, геодезисты, строители, которые, соответственно, лечили и строили. Политехнический институт в Кабуле, гидроэлектростанция

в Суруби, «дорога жизни» Кабул-Кандагар, тоннель Саланг – всё это построено именно советскими специалистами. Даже когда мы были на «войне», мы никогда не говорили, что воюем, – «мы работаем» [9, с. 68–70, 155, 182–183, 236–237, 320–321, 380, 430–431].

Сильные чувства и переживания всегда рожают стихотворные строки. Подтверждение этому – пронзительное творчество воинов-«афганцев». Оно нашло своё отражение в разделе II книги первой «Афганские баллады» сборника и дополняет его высоким эмоциональным смыслом.

В разделе III первой книги «Афганистан в судьбе моей» на примере биографий ветеранов пограничной службы показана боевая работа воинов-пограничников на афганских рубежах.

Размещение в разделе IV книги первой «афганского» словаря позволит читателю понять смысл упоминающихся в сборнике выражений, слов, обозначений, «афганского» сленга.

Книга вторая, раздел I – это дань уважения и памяти солдатам войны, погибшим в Афганистане и низкий поклон матерям и отцам, воспитавшим защитников Отечества, патриотов Родины. Пусть память о погибших будет вечной!

Раздел II Книги второй – календарная летопись, составленная по сведениям массовой информации, федеральным и местным, с 1986 по 2009 годы, раскрывающая разные аспекты войны в Афганистане. Для того, чтобы воспитывать патриотизм у молодёжи, нужно помнить о событиях прошлого, каким бы тяжёлым оно ни было, изучать, достоверно, не искажая, представлять его будущим поколениям в статьях, книгах, фильмах, и чтить память воинов, отдавших свою жизнь. Анализируемый сборник в полной мере реализует эти цели.

Необходимо указать на то, что сборник скомпонован таким образом, что читается с интересом. Это обеспечит книге самую широкую читательскую аудиторию.

Если модифицировать все материалы и воспоминания в единое, то можно преобразовать их таким образом: Афганская война – важный этап, как в истории наших Вооружённых сил, так и в истории нашего государства. За время военного присутствия в ДРА советского воинского контингента «шурави» осуществляли военную поддержку правительству Афганистана, население не ассимилировали, в резервации не загоняли, не посягали на религиозные, языковые и культурно-исторические ценности, традиции и обычаи афганского народа. Помимо военных, в стране осуществляли гражданскую миссию тысячи советских людей, которые строили, совместно с армией, объекты инфраструктуры, дороги, содействовали в развитии здравоохранения, образования. Советские военные, по возможности, в буквальном смысле кормили и лечили местных жителей, особенно в кишлаках, где уровень жизни был крайне низким.

Не было достигнуто политической стабильности в стране, но ведь армию и не вводили для того, чтобы «совершить» революцию, изменить существующий режим.

Сравним с «наследием» ввода войск США и НАТО в Афганистан: политическая стабильность в стране не только не была достигнута, но ещё и существенно снизилась; резко увеличился объём производства опиума, образовался мощный поток наркотрафика [5]; понизился уровень жизни афганского народа, ныне это одна из самых бедных стран мира с тотальной нищетой и безработицей [7]; цель уничтожения террористических группировок не только не была достигнута, но терроризм принимает всё большие масштабы, приобретая транснациональный характер, угрожающий стабильности во всем мире; в целом ухудшилась геополитическая ситуация на Ближнем Востоке [2].

Главный смысл таких сборников – в сохранении исторической памяти. Авторам сборника удалось из мозаики частных составить цельный образ советского солдата, верного воинскому долгу, профессионально и достойно выполнившего интернациональный долг в Афганистане.

Данный сборник может использоваться при написании научных квалификационных работ, рефератов, статей.

Литература

1. Громов Б. В. Ограниченный контингент : советские войска в Афганистане. Москва : Прогресс [и др.], 1994. С. 68.
2. Дьяконова М. А. Современная внешняя политика Исламской Республики Афганистан : дис. ... канд. полит. наук. Пенза, 2014. 166 с.
3. Дьячков С. Мы вас туда не посылали! // Вольный город Тольятти. 2019. 25 окт. (№ 41).
4. Кокорев М. А. Высота мужества: подвиг советского воина-интернационалиста на земле Афганистана. Саратов : КУБиК, 2022. 420 с.
5. Кьева Д. Бесконечная война. Москва : Детектив-Пресс, 2003.
6. Цупик П. А. Жители Куйбышева и Куйбышевской области, не вернувшиеся с афганской войны 1979–1989 годов // Афганская война. URL: www.afgan.ru/memorial/afgan-samarskaya-.html (дата обращения: 05.11.2022).
7. Грешнов А. Нищета убивает в Афганистане больше людей, чем вооружённый конфликт // Риа Новости. URL: ria.ru/20100330/217195197.html (дата обращения: 05.11.2022).
8. К положению в «А»: Постановление Политбюро ЦК КПСС от 12 декабря 1979 года № П176/125 // Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 67. Д. 265. Л. 5. URL: raritety.rusarchives.ru/dokumenty/postanovlenie-politbyuro-ck-kpss-k-polozheniyu-v-afganistane (дата обращения: 01.11.2022).
9. Прощай, шурави. 30 лет спустя, 1989–2019 / Тольяттинский краеведческий музей ; сост.: А. С. Лямин, С. В. Ралдугин, О. С. Симанова. Саратов : КУБиК, 2022. Т. 1 : Афганский монолог. 622 с.
10. Прощай, шурави. 30 лет спустя, 1989–2019 / Тольяттинский краеведческий музей ; сост.: А. С. Лямин, С. В. Ралдугин, О. С. Симанова. Саратов : КУБиК, 2022. Т. 2 : Памяти павших. 720 с.
11. Россия и СССР в войнах XX века : Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.]. Москва : Вече, 2010. С. 563–564.
12. Gates R. M. From the Shadows : The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. New York : Simon & Schuster, 2007. P. 146.

MEMORIES OF THE VETERANS OF THE AFGHAN WAR 1979–1989
IN THE BOOK "FAREWELL, SHURAVI. 30 YEARS LATER" –
HISTORICAL SOURCES REFLECTING HISTORICAL EVENTS AND SPECIFIC FACTS

V.A. Gurov
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of perception of the Afghan war according to the memoirs of servicemen who served on the territory of the Democratic Republic of Afghanistan (DRA) (1979–1989), now alive and mothers of dead soldiers, according to the materials presented by them.

Key words: USSR, USA, NATO, Democratic Republic of Afghanistan, OKSVA, Ministry of Internal Affairs, KGB, Ashgabat, Mary, Termez, Kushka, Chirchik, N. Taraki, H. Amin, B. Karmal, M. Najibullah, Kabul, Kandahar, Salang, Surubi, shuravi.

УДК 355.48(093.3)+ 940(470)''1979-1985''(093.3)

**ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ
(«ПРОЩАЙ, ШУРАВИ. 30 ЛЕТ СПУСТЯ»)**

М.А. Кокорев
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос сохранения исторической памяти о подвиге советских воинов-интернационалистов на земле Афганистана. Нами была сделана попытка рассмотреть источники личного происхождения, представленные воспоминаниями, письмами участников войны в Афганистане, которые вводятся в научный оборот в двухтомном издании «Прощай, шурави. 30 лет спустя». Отражение событий Афганской войны в воспоминаниях воинов-интернационалистов позволяет дать уникальную характеристику социально-психологическим факторам этой войны.

Ключевые слова: война в Афганистане, воины-интернационалисты, «Прощай, шурави. 30 лет спустя», сохранение исторической памяти, Тольяттинский краеведческий музей.

Непосредственное военно-политическое участие СССР в военном конфликте в Афганистане на стороне «народной социалистической власти», известное как Афганская война – военное присутствие Ограниченного контингента советских войск с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г., 9 лет и 51 день, т.е. 3341 день, что более чем в 2 раза длилнее Великой Отечественной войны (1418 дней), – это годы необъявленной, спрятанной войны в Афганистане, которые стали не просто важнейшим эпизодом в истории Советского Союза, но особым рубежом в мировой истории, этапом по-прежнему незавершенного военного конфликта в Афганистане.

Безусловно, война в Афганистане – одна из самых трагических и одновременно героических страниц истории нашего Отечества: более 620 тыс. «шурави» – советских солдат и офицеров, гражданских специалистов прошли через пламя этой необъявленной войны, показав образцы воинской доблести, героизма, мужества и отваги. Большинство из них служили «за речкой» по приказу государства, в возрасте 18–20-лет. Общие безвозвратные людские потери СССР в ДРА (вместе с пограничными войсками) составили 15130 чел., из них – 15026 военнослужащих Ограниченного контингента, в том числе 273 – без вести пропавшие; а также 104 погибших гражданских специалиста МО СССР. Более 53,7 тыс. чел. были ранены, контужены, травмированы. За каждой скупой цифрой – судьбы людей, опаленных пламенем Афганской войны [13; 15; 20; 25, с. 562–566; 28].

Важнейшим социально-политическим последствием войны стало формирование особой общественной группы воинов-интернационалистов – ветеранов Афганской войны.

Источниковедческий анализ исследуемой проблемы позволяет условно выделить 8 групп источников: архивные источники, нормативно-правовые акты, публикации партийных источников, ведомственные документы, источники международных организаций (ООН), источники личного происхождения (воспоминания), материалы периодической печати, статистические данные.

Воспоминания воинов-интернационалистов – участников боевых действий в Афганистане ценны, прежде всего, тем, что составлены очевидцами и непосредственными участниками Афганского конфликта в особой исторической обстановке – когда время неотделимо от боевого подвига. Последний командующий 40-й армией в Афганистане Б.В. Громов справедливо отмечает: «Наверное, правду об афганской войне и о мужестве советских солдат никто, кроме воевавших там, так и не расскажет» [11, с. 5]. Воспоминания помогают понять специфику Афганского конфликта, трудности военной службы советских воинов-интернационалистов на земле Афганистана. Особая страница – о мужестве, доблести и отваге товарищей – тех, кто исполнил свой воинский долг до конца, о высоте совершенного подвига, когда выбор стоял между жизнью или смертью.

В исследовании нами была сделана попытка рассмотреть источники личного происхождения, представленные воспоминаниями, письмами участников войны в Афганистане, которые вводятся в научный оборот в двухтомном издании «Прощай, шурави. 30 лет спустя» [23]. Отражение событий Афганской войны в воспоминаниях воинов-интернационалистов позволяет дать уникальную характеристику социально-психологическим факторам этой войны.

Изучение проблемы военного конфликта в Афганистане и участия в нем Советского Союза во все временные периоды носило острый дискуссионный, нередко политизированный характер. Отечественная историография вопроса прошла путь от исключительно марксистской оценки [6]

к многоаспектному анализу с различными позициями и подходами по проблемным вопросам военного конфликта в Афганистане [16; 19]. Зарубежная историография претерпела значительное развитие от идеологического наследия холодной войны [1] к более объективному анализу военного конфликта [3; 4].

Одной из первых работ, в которых при применении междисциплинарных методов исследуется социально-психологический феномен воинов-интернационалистов, является монография Е.С. Сенявской «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» [26].

Следует отдельно выделить исследования источниковедческого характера, в которых на основе воспоминаний «шурави» поднимается вопрос цены участия Советского Союза в Афганской войне, а также проблемы взаимоотношений «афганцев» с обществом и государством. В частности, «Возвращение из Афганистана» [27], сборник «Москвичи из клуба "Долг"» [17], «15 бригада спецназ: Люди и судьбы» [5], «Мушаверы. Известные страницы Афганской войны» [18].

Ключевой особенностью последних тенденций историографии военного конфликта в Афганистане является стремление исследователей к поиску новых методов и концепций объяснения причин и движущих сил войны в Афганистане благодаря многоаспектному исследованию военного конфликта (в частности, особенности проведения и планирования военных операций [24], изучение стратегии внешнеполитических действий СССР и США и роли Совета Безопасности ООН в урегулировании международных региональных конфликтов [10], анализ влияния кланово-племенного и этнического фактора на ход противостояния [2], влияние военного конфликта в Афганистане на возникновение и развитие на постсоветском пространстве локальных войн и вооруженных противостояний [12], изучение послевоенной судьбы ветеранов войны в Афганистане, истории развития и деятельности общественных объединений «шурави» [14]).

Сотрудничество воинов-интернационалистов с Тольяттинским краеведческим музеем имеет долгую историю и берет свое начало с 1986 г., когда ветераны Афганской войны начинают объединяться в единую городскую общественную организацию. Встречи и организационные собрания воинов-интернационалистов часто проходили в здании Краеведческого музея (бульвар Ленина, 22) [21]. Музей принимал на хранение личные вещи и документы ветеранов. В ходе совместной работы при поддержке мэрии города в 1999 г. удалось издать книгу памяти военнослужащих города Тольятти, погибших при исполнении воинского долга [8]. В книге, посвященной памяти павших земляков, впервые были опубликованы отрывки из писем ребят, воевавших в Афганистане и Чечне.

В 2014 г. в Тольяттинском краеведческом музее была открыта выставка «Афганская баллада», посвященная памяти воинов-интернационалистов к 25-летию вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Выставка, созданная в жанре баллады, стала честным и от-

крытым диалогом о событиях необъявленной войны в Афганистане, о героизме и мужестве «шурави». Разделами выставки стали: «Песнь о Долге», «Песнь о Друге», «Песнь о Войне», «Песнь о Любви», «Песнь о Доме» и «Песнь о Родной Земле». «Афганская баллада» стала лауреатом Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский», заняв III место в номинации «Музейные мемориальные проекты». В 2015–2016 гг. была создана виртуальная версия выставки [9].

В ходе создания «Афганской баллады» и благодаря многолетнему труду сотрудников Тольяттинского краеведческого музея были сохранены уникальные личные источники тольяттинских воинов-интернационалистов (воспоминания, письма, фото- и видеодокументы, личные вещи).

Следующей знаковой вершиной, логическим продолжением историко-краеведческого проекта стало издание двухтомного издания «Прощай, шурави. 30 лет спустя» [23] в 2022 г. В ходе колоссальной научно-исследовательской работы сотрудников Тольяттинского краеведческого музея – Аркадия Сергеевича Лямина, Степана Вячеславовича Ралдугина и Ольги Сергеевны Симановой – удалось не только систематизировать уникальные источники личного происхождения, но и найти материалы о всех 59 погибших и 2 пропавших без вести в ходе боевых действий в Афганистане тольяттинцев. Вместе с тем удалось установить имена 24 не вернувшихся с той войны воинов-интернационалистов, о которых ранее не было сведений: они родились, учились, работали в Тольятти, Жигулевске и Ставропольском районе Куйбышевской (ныне – Самарской) области и были призваны городскими военными комиссариатами на срочную службу «за речку», в Афганистан.

В книге «Прощай, шурави. 30 лет спустя» также вводятся в научный оборот крайне ценные материалы периодической печати города Тольятти («За коммунизм», «Молодежный акцент», «Волжский Автостроитель», «Гидростроитель», «Площадь свободы», «Тольяттинское обозрение») из цикла «Герои среди нас»: о судьбах «шурави, Днях памяти павших и о памятниках «афганцам» г. Тольятти [23, т. 1, с. 575–582, т. 2, с. 708 – 716].

Рисунок 1. Виртуальная выставка «Афганская баллада»

Рисунок 2. Двухтомное издание «Прощай, шурави. 30 лет спустя»

Первый том книги «Афганский монолог» представлен уникальными воспоминаниями тольяттинских воинов-интернационалистов, материалами из их личных и семейных архивов, литературными произведениями ветеранов, которые были записаны в ходе научно-исследовательской работы с 2013 г. Многие источники в книге были опубликованы впервые.

«Афганский монолог» представляет собой искренний рассказ «шурави», в настоящее время проживающих в городе Тольятти, повествование о событиях необъявленной войны в Афганистане: воспоминания Виктора Николаевича Абрамова, Игоря Александровича Алексеева, Валерия Юрьевича Богатырёва, Евгения Евгеньевича Буркова, Николая Павловича Головки, Юрия Вахатовича Ергашева, Николая Алексеевича Етрянанова, Юрия Викторовича Жильцова, Алексея Викторовича Кабанова, Андрея Викторовича Кокорева, Валерия Петровича Кокшина, Петра Николаевича Кудашкина, Алексея Викторовича Куландина, Лилии Константиновны Морозовой, Владимира Юрьевича Путилина и Александра Григорьевича Хабарова.

Воспоминания воинов-интернационалистов не только раскрывают перед нами трагические и героические страницы войны в Афганистане через судьбы людей на необъявленной войне, но и помогают в осмыслении жизненного пути «афганцев» после войны, в мирной жизни, в понимании истоков и целей их объединения в ветеранские организации для взаимопомощи и сохранения памяти о павших товарищах, с которыми навечно разлучила война, что, на наш взгляд, безусловно, является их подвигом в мирной жизни.

Во втором томе «Афганского монолога» собраны личные письма, документы, фотографии 59 погибших и 2 пропавших без вести в ходе боевых действий в Афганистане воинов-интернационалистов. Эти источники раскрывают для нас личность каждого из них до прохождения воинской службы и в сложных условиях боевых действий в Афганистане, показывают нам примеры чести, мужества и героизма, учат нас на личных примерах в любых обстоятельствах поступать по совести, как поступал каждый из них.

Из писем Сергея Владимировича Косичкина (01.02.1965 – 29.03.1986): «Теперь я понимаю и знаю смысл и цену жизни ... мы не хуже, чем наши

отцы и деды, мы никогда не подведем. Изменить Родине, родным, близким – никогда! ... я обязательно вернусь, так что не надо расстраиваться, хорошо, Мама...» [8, с. 69; 23, т. 2, с. 322–333].

Сергей Косичкин родился в г. Куйбышеве (ныне – Самара), окончил школу № 38 и профессионально-техническое училище № 51 г. Тольятти. С марта 1985 г. проходил службу на территории Афганистана в 154-м отдельном отряде специального назначения, в провинции Нангархар.

29 марта 1986 г. в тяжелом бою с моджахедами за горную высоту получил смертельное ранение, за мужество и героизм при исполнении воинского долга награжден орденом Красной Звезды (посмертно). Похоронен на Баныкинском кладбище в городе Тольятти.

Из писем Сергея Александровича Макарова (26.06.1963 – 06.02.1988): «Мне остается только извиниться, что я не сказал правду о своей командировке. Просто хотел снять часть волнений с твоих нервов, хотя и знал, что тайна моя не сохранится ... Я со вчерашнего дня приступил к работе. Сами понимаете, работа не такая как дома. И подготовки больше требует, да и самой работы на целый день хватает... Я бы в Волге поплавал, огород какой-нибудь посадил, покопаться в настоящей земле — такое удовольствие. Но что-то носит меня все по окраинам, настоящую Россию только урывками вижу. Вот уж где по-настоящему понимаешь, что лучше России края нет и не может быть» [8, с. 83; 23, т. 2, с. 365–377].

Сергей Макаров родился в поселке Пруды Ленинградской области, окончил школу № 16 и техническое училище № 52 г. Тольятти, а затем – Саратовское высшее военное авиационное училище лётчиков. Проходил службу на территории Афганистана с апреля 1987 года как летчик-штурман в 280-м отдельном вертолетном полку, в провинции Кандагар.

Вечером 6 февраля 1988 г. экипаж вертолета МИ-8 вернулся с задания, совершив за день два боевых вылета. Вечером внезапно пришло сообщение, что на дороге к Кандагару, у кишлака Шабан в засаду попала разведгруппа, идет бой. Необходимо было совершить ещё один вылет, вывезти раненых из боя. Под вражеским огнем экипажи посадили боевые машины и погрузили раненых и убитых. Но на взлете с горной площадки в МИ-8 ударила очередь крупнокалиберного пулемета, и, получив повреждения, вертолет упал и взорвался. Старший лейтенант Сергей Макаров награжден вторым орденом Красной Звезды (посмертно). Похоронен на Баныкинском кладбище в городе Тольятти.

Из писем Смирнова Александра Николаевича (26.02.1960 – 20.03.1983): «Очень хочется домой, в Россию, посмотреть на наши места, русские, "понюхать" Русь. Хотя здесь сейчас всё зелено, уже цветут абрикосы, а всё это какое-то не такое, не наше. Только здесь, на чужой земле можно понять всю прелесть жизни дома, у себя. Была бы сейчас возможность поехать в Союз, уехал бы не раздумывая, так хочется побродить по лесу, посмотреть на наши берёзки. Я здесь в горах как-то раз натолкнулся на берёзку. Стоит одна, дикая, маленькая, корявая, но от неё так повеяло

домом, запах у неё какой-то особенный, даже уходить не хотелось ... Мамочка, дорогая, поздравляю тебя с праздником, всего тебе самого хорошего, исполнения всех желаний, крепко тебя целую, самый любимый и дорогой человек! До свидания, Саша!» [23, т. 2, с. 628–641].

Александр Смирнов родился 26 февраля 1960 г. в г. Сызрани, окончил школу № 38 г. Тольятти, а затем – Алма-Атинское высшее военное командное училище. В августе 1982 г. Александра Смирнова направили в Афганистан. Гвардии лейтенант служил командиром взвода разведки 149-го гвардейского мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии, в провинции Кундуз.

20 марта 1983 г. разведрота под его руководством сопровождала автомобильную колонну в районе Мадраса. Неожиданно по колонне ударили крупнокалиберные пулеметы. Александр Смирнов лично возглавил группу, прикрывавшую отход взвода, развернул БМП в сторону противника, и боевая машина на большой скорости понеслась в сторону огня. Под ожесточенным обстрелом Александр и несколько бойцов выскочили и укрылись за валуном. «Дайте мне гранаты и прикройте», – попросил лейтенант и пополз вперед. Александр бросил гранату и пулемет душманов умолк. БМП с фланга открыли огонь по мятежникам. В этом коротком бою Александр был тяжело ранен в шею. Истекая кровью, превозмогая боль, отдал приказ преследовать и уничтожить отступавшую банду. За свой подвиг Александр Смирнов награжден орденом Красного Знамени (посмертно). Похоронен на Баныкинском кладбище в городе Тольятти.

«Придет время, и многие поймут, какое великое дело совершали славные сыны нашей Родины, которые порой ценой своей молодой жизни обеспечивали защиту южных рубежей нашей Родины ... Именно о таких героях слагают песни, пишут стихи, именами таких людей называют улицы, пионерские отряды, школы» – такие слова были в письме родителям Александра Смирнова от командования войсковой части, в которой он служил [23, т. 2, с. 639–640].

«Главный смысл таких сборников – в сохранении исторической памяти. Составителям сборника удалось из мозаики частных составить цельный образ советского солдата, верного воинскому долгу, профессионально и достойно выполнившего интернациональный долг в Афганистане», – справедливо отметил доктор исторических наук, ветеран боевых действий, полковник запаса Владимир Алексеевич Гуров [23, т. 1, с. 22–34].

С честью выполнив воинский и интернациональный долг перед Родиной, воины-интернационалисты показали образцы исключительного мужества, стойкости, отваги и героизма.

Двухтомное издание «Прощай, шурави. 30 лет спустя» посвящено сохранению исторической памяти о подвиге советских воинов-интернационалистов на земле Афганистана, вписавших огненные строки в Книгу воинской доблести нашего Отечества.

Тольяттинские воины-интернационалисты, отдавшие свою жизнь и пропавшие без вести при выполнении воинского и интернационального долга в Демократической Республике Афганистан

1. Бабудский Сергей Андреевич (15.03.1967 – 07.06.1987)
2. Баланов Иван Валентинович (05.12.1962 – 03.11.1982)
3. Бегунов Александр Владимирович (05.04.1965 – 26.05.1985)
4. Беспалов Александр Владимирович (25.05.1962 – 23.06.1982)
5. Бойченко Дмитрий Васильевич (15.10.1957 – 08.04.1986)
6. Бондаренко Анатолий Андреевич (27.11.1964 – 25.07.1983)
7. Бунов Михаил Васильевич (22.06.1960 – 13.05.1980)
8. Волков Сергей Васильевич (13.05.1962 – 02.10.1981)
9. Гадалин Евгений Викторович (20.01.1961–14.11.1980)
10. Гареев Ильфак Вахитович (03.01.1965 – 26.05.1985)
11. Гиззатуллин Дульфат Зуфарович (08.04.1966 – 04.03.1986)
12. Горбунов Вадим Юрьевич (28.09.1961 – 27.10.1981)
13. Горбунов Олег Владимирович (02.12.1963 – 02.12.1983)
14. Гурелков Александр Юрьевич (16.03.1966 – 26.05.1985)
15. Гурюхин Алексей Иосифович (23.03.1959 – 09.05.1980)
16. Данилов Сергей Николаевич (11.02.1965 – 02.02.1985)
17. Дашков Игорь Юрьевич (01.06.1962 – 17.01.1983)
18. Дончук Николай Борисович (23.07.1960 – 06.06.1982)
19. Залётов Анатолий Николаевич (06.02.1961 – 17.04.1981)
20. Захаров Андрей Владимирович (20.04.1968 – 27.06.1988)
21. Игитин Владислав Васильевич (род. 18.07.1965; Пропал без вести в провинции Герат 08.10.1984)
22. Княмов Ринат Назибович (18.02.1964 – 23.11.1987)
23. Клипов Александр Петрович (30.04.1965 – 04.07.1985)
24. Колесник Аркадий Дмитриевич (05.10.1964 – 22.07.1985)
25. Колдан Владимир Николаевич (19.01.1967 – 20.07.1987)
26. Кондальцев Владимир Иванович (06.04.1966 – 27.06.1985)
27. Конотопко Вячеслав Николаевич (10.07.1965 – 02.09.1984)
28. Косичкин Сергей Владимирович (01.02.1965 – 29.03.1986)
29. Котлов Василий Константинович (01.06.1966 – 03.05.1986)
30. Круглов Евгений Владимирович (25.05.1962 – 02.06.1981)
31. Кузнецов Александр Петрович (03.05.1963 – 30.06.1983)
32. Кузьмин Александр Владимирович (29.06.1965 – 02.11.1984)
33. Макаров Сергей Александрович (26.06.1963 – 06.02.1988)
34. Малофеев Николай Петрович (02.07.1967 – 24.09.1987)
35. Маркушев Дмитрий Владимирович (06.05.1965 – 01.04.1984)
36. Моисеев Сергей Владимирович (19.03.1965 – 04.12.1984)
37. Музыка Александр Владленович (10.07.1957 – 23.07.1983)
38. Наумов Михаил Валентинович (26.11.1965 – 01.07.1986)
39. Низамиди Алексей Леонидович (13.01.1967 – 03.06.1986)
40. Орлов Сергей Иванович (18.05.1965 – 05.02.1985)
41. Пагуля Леонид Валентинович (11.07.1964 – 27.07.1984)
42. Пименов Вячеслав Иванович (27.09.1962 – 15.01.1983)
43. Поликарпова Ольга Васильевна (16.02.1955 – 13.11.1986)
44. Пономарёв Николай Анатольевич (11.07.1964 – 09.09.1983)
45. Потапов Александр Николаевич (03.10.1964 – 13.06.1985)
46. Решетов Михаил Александрович (09.08.1958 – 29.09.1984)
47. Рожков Владимир Витальевич (08.11.1962 – 18.10.1983)
48. Сенин Вячеслав Викторович (22.05.1961 – 28.06.1982)
49. Сидоренко Юрий Семёнович (16.11.1963 – 23.01.1984)
50. Скляр Анатолий Александрович (10.08.1965 – 09.08.1985)
51. Смирнов Александр Николаевич (26.02.1960 – 20.03.1983)
52. Соловов Николай Владимирович (род. 06.10.1960; Пропал без вести в провинции Герат 08.06.1980)
53. Степанков Владимир Васильевич (13.04.1960 – 24.01.1982)
54. Судомляк Алексей Владимирович (01.12.1965 – 27.06.1985)
55. Тевригин Александр Николаевич (18.02.1967 – 30.11.1987)
56. Токкарев Олег Николаевич (13.12.1967 – 03.03.1988)
57. Труханов Андрей Анатольевич (20.10.1963 – 12.04.1988)
58. Усманов Рамис Равильевич (27.03.1963 – 03.11.1982)
59. Хайров Илья Юсупович (25.07.1954 – 19.07.1986)
60. Шайдуллин Фарид Римзинович (09.08.1962 – 29.10.1981)
61. Шеголкин Василий Анатольевич (05.08.1965 – 10.07.1985)

*Вовек не забудет РОССИЯ своих сыновей –
Всех тех, что ушли и остались в земле навсегда*

♫ Алексей Кабанов «Дороги» [23, т. 1, с. 522–523]

Рисунок 3. Тольяттинские воины-интернационалисты, отдавшие свою жизнь и пропавшие без вести при выполнении воинского и интернационального долга в Демократической Республике Афганистан

Воин-интернационалист, председатель Тольяттинского отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО» Валерий Юрьевич Богатырёв: «Прошло 30 лет, а в памяти всё живо: погибшие друзья, да просто – все наши солдаты. И мы обязаны всегда хранить эту память и не забывать родителей погибших» [23, т. 1, с. 20–21].

Благородная цель отмечена в предисловии книги: «Наш общий долг – помнить о подвиге земляков и передать эту нить будущим поколениям» [23, т. 2, с. 16].

Памяти павших и во имя живых...

Литература

1. Amstutz J. B. Afghanistan. The first five ears of soviet occupation. Washington : National defense university, 1986. XXVI, 545 p.
2. Roy O. The Failure of Political Islam / Transl. C. Volk. Cambridge : Harvard University Press, 1994. 238 p.
3. Allan P., Kläy D. Zwischen Bürokratie und Ideologie : Entscheidungsprozesse in Moskau Afghanistankonflikt. Bern : Haupt, 1999. 670 s.
4. Braithwaite R. Afgantsy : The Russians in Afghanistan 1979–89. Oxford : Oxford University Press, 2011. XIV, 417 p.

5. 15 бригада спецназ : Люди и судьбы : Афганистан глазами очевидцев / ред. совет: С. М. Беков (пред.) [и др.]. 2-е изд., испр. Москва : Русская панорама, 2009. 557, [1] с.
6. Актуальные проблемы афганской революции / М. Р. Арунова, В. В. Басов, В. Г. Коргунов, В. Н. Пластун. Москва : Наука, 1984. 659, [1] с.
7. Архивные материалы: РГАСПИ. Ф. 61, 62, 495, М-1, М-3 ; РГАНИ. Ф. 3, 5, 10, 52, 80, 84, 89, 100, 117 ; ГАРФ. Ф. А-259, Р-4459, Р-5446, Р-6903, Р-9501, Р-9563, Р-9576, Р-9587, 10115 ; ЦГАСО. Ф. Р-892, Р-4288, Р-4516 ; ТА (Тольяттинский архив). Ф. Р-94, Р-410 ; текущие архивы ветеранских организаций воинов-интернационалистов.
8. Выполняя воинский долг... : Книга памяти военнослужащих города Тольятти, погибших при исполнении воинского долга / В. А. Овсянников, Н. П. Мерзляков, Б. Н. Алексеев [и др.] ; гл. ред. С. А. Капорцев. Тольятти : Современник, 1999. 159 с.
9. Афганская баллада : 25-летию вывода советских войск из Афганистана посвящается : экспозиция : виртуальная выставка // Тольяттинский краеведческий музей. URL: tltmuseum.ru/ru/-mainmenu-27/165.html (дата обращения: 15.02.2023).
10. Гришаева Л. Е. Россия и ООН: история и современность. Москва : Спутник+, 2007. 500 с.
11. Громов Б. В. Ограниченный контингент. Москва : Прогресс [и др.], 1994. 351, [1] с.
12. Гуров В. А. Чтобы знали и помнили : роль России в разрешении вооруженных конфликтов (1988–2020 гг.). Москва [и др.] : Директ-Медиа, 2021. 457, [1] с.
13. Книга Памяти о советских воинах, погибших в Афганистане / ред. комис.: В. И. Боголов [и др.]. Москва : Военное издательство, 1995–1999. Т. 1–2. URL: rsva.ru/memory_book (дата обращения: 15.02.2023).
14. Кокорев М. А. Высота мужества: подвиг советского воина-интернационалиста на земле Афганистана. Саратов : КУБиК, 2022. 420 с.
15. Лаврентьев А. В. Не забывай нас, Родина!, 1979–1989. Москва : ТОНЧУ, 2014. 256 с.
16. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. Москва : Искона, 1995. 648, [69] с.
17. Москвичи из клуба «Долг» : о советских воинах, выполнявших интернациональный долг в Афганистане / сост. А. А. Тарасов. Москва : Московский рабочий, 1988. 109, [1] с.
18. Мушаверы : неизвестные страницы афганской войны : статьи, воспоминания, документы, фотографии / редкол.: А. И. Юрьев (отв. ред.) [и др.]. Москва : Кучково поле, 2013. 335 с.
19. Правда об Афганской войне : (историко-архивный очерк) / Е. Г. Никитенко, Ю. В. Немытин, Н. В. Киселёв, А. П. Музенко. Москва : Институт Ближнего Востока, 2021. 411 с.
20. Комитет по делам воинов-интернационалистов при Совете глав правительств государств-участников СНГ. URL: komitet92.su/ (дата обращения: 15.02.2023).
21. Подмарьков Э. Сделано уже немало // За коммунизм. 1988. 30 апр. (№ 84). С. 3.
22. Помяни их, Земля родная... : Книга о куйбышевских ребятах, не вернувшихся с Афганской войны / авт.-сост. В. Н. Бичиков. Москва : РОЙ, 1995. 191, [168] с.
23. Прощай, шурavi. 30 лет спустя, 1989–2019 / Тольяттинский краеведческий музей ; сост.: А. С. Лямин, С. В. Ралдугин, О. С. Симанова. Саратов : КУБиК, 2022. Т. 1–2. URL: tltmuseum.ru/ru/proterritoriyu/chitat/gorod-v-fokuse-knigi-o-tolyatti.html (дата обращения: 15.02.2023).
24. Прямыцын В. Н. «Проблема номер один». Перевал Саланг в истории афганской войны (1979–1989). Москва : Российское военно-историческое общество [и др.], 2022. 316, [2] с.
25. Россия и СССР в войнах XX века : Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков [и др.]. Москва : Вече, 2010. 624 с.

26. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке : исторический опыт России. Москва : Российская политическая энциклопедия, 1999. 347 с.
27. Стрельцова Н. И. Возвращение из Афганистана. Москва : Молодая гвардия, 1990. 222, [2] с.
28. Шамаров К. В., Калитюк С. А., Мевлюдов Р. Я. Книга памяти о советских воинах, погибших в Афганистане. Москва : Братство, 2019. Т. 1–2.

MEMOIRS AND LETTERS OF SOLDIERS-INTERNATIONALISTS
AS A HISTORICAL SOURCE OF THE AFGHAN WAR
("FAREWELL, SHURAVI. 30 YEARS LATER")

М.А. Kokorev
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

The article deals with the issue of preserving the historical memory of the feat of the Soviet soldiers-internationalists on the soil of Afghanistan. The author makes an attempt to consider sources of personal origin, represented by memoirs, letters of participants in the war in Afghanistan, which are introduced into scientific circulation in the two-volume edition "Farewell, Shuravi. 30 years later." The reflection of the events of the Afghan war in the memoirs of the soldiers-internationalists allows us to give unique description of the socio-psychological factors of this war.

Key words: war in Afghanistan, soldiers-internationalists, "Farewell, shuravi. 30 years later", preservation of historical memory, Togliatti Museum of local history.

УДК 811.342'255.2

ЧТО ХОТЕЛИ СКАЗАТЬ АВТОРЫ СЕВЕРО-ПИЦЕНСКОЙ СВЕТСКОЙ НАДПИСИ
НА КАМЕННОЙ СТЕЛЕ ИЗ НОВИЛАРЫ?

Ф.Р. Латыпов
Уфимский государственный нефтяной технический университет
г. Уфа, Российская Федерация

В статье приводятся результаты комплексного лингвистического анализа северо-пицценской надписи на каменной стеле, обнаруженной в северо-восточной регионе древней Италии. Используя метод дешифровки текстов на древних неиндоевропейских языках Средиземноморья ПЭКФОС, а также опираясь на собственные наработки по дешифровке древних текстов на языках родственных северо-пицценскому, автор предлагает свой вариант литературного перевода и интерпретации назначения изученного письменного памятника древней Италии.

Ключевые слова: дешифровка надписи на письменном памятнике древней Италии.

Древняя Италия хранит в себе еще много тайн. До конца не понятно – как маленький городок РOME на границе Лациума и Этрурии смог так устойчиво развиваться и расширяться, превратившись в итоге в империю средиземноморского масштаба. Всегда важны исторические источники, составленные как представителями самого изучаемого этноса, так и окру-

жающими их народами. Хотя Тит Ливий и описывал историю Рима с мифической даты его основания в VIII в. до н.э., но самые ранние слова и фразы на латинском языке найдены на римском Форуме лишь в V в. до н.э. А какова была обстановка на границе римской ойкумены в дописьменный период Рима? Вот тут-то могут помочь надписи некоторых окружающих племен, в плане письма более передовых, чем римляне.

В период IX–V вв. до н.э. на Апеннинском полуострове самыми развитыми в сфере культур, градостроительства, технологий были этруски. Они же оставили после себя самое большое письменное наследие, среди племен населявших Италию в этот период. Кроме этрусков в самой Италии и на ее границах проживали еще ряд более мелких народов, родственных этрускам, с которым этруски, несомненно, делились своими достижениями. Это небольшой народ фалисков проживавший несколько севернее Лациума, ретов на севере в предгорьях Восточных Альп, мессапов на подошве «итальянского сапожка» и пиценов – напротив Этрурии, но с другой стороны Апеннинских гор, на прилегающей к Адриатическому морю территории (сейчас это провинция Марке в современной Италии). Кстати, выходцем с этой земли был знаменитый Гней Помпей Великий, покончивший с пиратством в Средиземном море в рекордно короткие сроки и противостоявший Юлию Цезарю в разразившейся гражданской войне Римской империи.

На рис. 1 мы приводим прорисовку северо-пиценовской надписи на лицевой стороне каменной плиты из Новилары, выполненную итальянскими исследователями [8]. Плита была обнаружена еще в XIX веке и ныне хранится в музее города Пиголини. Судя по форме знаков использованной в надписи одной из разновидностей этрусского письма, большинство исследователей данную пиценовскую надпись относят к VII–V векам до н.э.

Рис. 1 Прорисовка северо-пиценовской надписи на каменной стеле, выполненная итальянскими исследователями [8].

На основе этой прорисовки, летом 2022 года мы осуществили транслитерацию знаков исследуемой надписи и выполнили разбивку текста, построчно, на отдельные слова (границы большинства слов показаны авторами надписи разделительными черточками, но не во всех случаях, не указаны и переносы слов). При этом мы учитывали наш опыт разбивки текстов на отдельные лексемы в других, родственных пиценскому языку, языках. В итоге, построчная транслитерация текста из Новилары у нас получилась такой:

1. **mimniś** ´ **erút** ´ **ca arsei qareś**
2. **ruinem** ´ **úvlin** ´ **purc(le) plús**
3. **polem** ´ **isairon** ´ **tey**
4. **múi** ´ **trac nempi kr(ou)vn**
5. **tenpi os(?)** ´ **srút cipíem dotnep**
6. **lú súis** ´ **θriú** ´ **isperiośv** ´ **úl-**
7. **geś** ´ **rogem clue** ´ **aygen-tamúr**
8. **šoter** ´ **merpon** ´ **kala gne-**
9. **niś** ´ **vila** ´ **gopi** ´ **pagen** ´ **arñ-**
10. **úis** ´ **balešte** ´ **nac** ´ **anrś** ´ **eg-**
11. **kúg** ´ **iakúg** ´ **třeten** ´ **gese gaú-**
12. **em** ´ **pog(l)em** ´ **gimú** ´ **šogriś euś.**

Далее были применены стандартные процедуры метода дешифровки древних неиндоевропейских текстов Средиземноморья ПЭКФОС (*последовательное этимологическо-комбинаторное приближение с фонетической обратной связью*), разработанного нами в 1980 году [5]. При исследованиях содержания самого протяженного этрусского текста TLE 1, нанесенного на льняные бинты Загребской мумии (IV в. до н.э., Египет [4]), наш метод дешифровки в 1988 году, по итогам физико-химических исследований тела и бинтов этой мумии в лабораториях Австрии и Словении, получил убедительные доказательства своей верификативности [1; 3; 4].

Из-за ограниченности объема публикации, здесь мы не имеем возможности приводить подробное описание всех этапов реализации процедур метода ПЭКФОС в данном сообщении. Поэтому приводим лишь окончательный вариант нашего литературного перевода надписи на стеле из Новилары (HCH):

1. Памятное (**mimniś**) наставление (**erút**) это (**ca**) не сложное (**arsei**), но достаточно ценное (**qareś/gareś/tabeś** ?),
2. родового (территориального ?) округа (дома ?) (**foinem uvlin**), облегченное («порхающее» - **purcle**), положительное (**plús**)
3. знание (**polem**), для приобщения (**isairōn**) тебя (**tei**) (к общим закономерностям исторических перипетий).
4. Наших (**múi**) *m(ō)рагских* (**trág-nemp** – под именем, как потомков) кровных (**krúvn**)

5. религиозных обычаев (**Ten-piks**) скифских (**s(ăq)út**), долгое время (**cipíem**) (мы) жили всегда крепко держась (**dotnep**).

6. Большие смертоубийства зарезанием (**lú súís**), подстроенные (инспирированные) убийства (**θriú ísperioś**), насилие (**vul-**

7. **geś**) Провидением (Роком) созданы были (**Rogem cleú**). Но (надеемся, что темная сила зловредного) осветленного железа (стали) (**aygen tamúr**)

8. пойдет на убыль, сникнет (**śoteť**) ! И горожане городка Мерпон (**Merpon kala gne-**

9. **niś**) многие свои глаза опечалившие (проплакавшие) (**gopi pagen árñ-**

10. **úís**), (теперь уж) как новое блистательное (**anrś**) золотое кольцо на руке (браслет ?) (**balešte nac**) с небесно-голубым отблеском (**eg-**

11. **kúg**) воссияют (**iakúg**) ! И так ни раз уж бывало (**třeten**), что человеческое племя (**gese gai-**

12. **em**) иногда вначале (по Божьему плану ?) сгибалось (**poglem**), сокращаясь (**gimú**), чтобы потом опять подняться и значительно прирасти (**śo(η)gri p(ā)n eús**).

При идентификации слов НСН нами были использованы следующие этимологические привязки из других пиценских текстов [2; 10–16] и родственных языков (этрусского [1; 3; 4; 13], ретского [6], фалисского [11–12]): НСН **ca** ~ этруск. **ca, ica** «это», **qareś** ~ этруск. **cerin** «уважаемый», **caθr** «дорогой», **uv** ~ этруск. **ei, ev** «дом», ретск. **ui** «дом» [6], **puřcle** «порхающее» ~ этруск. **prhlθc** «порхатель = крыло» (Сан Манно [3]), **polem** «знание» ~ этруск. **mlem (m > p > b** [5]) «знание», **třag** «макроэтноним пицен» ~ **tarc, tarak, trak** «макроэтноним этрусков, ретов, иберов, мессапов, фракийцев-гетов [7], **pik** «обычай» ~ этруск. **picařri** (TLE 2) «правила, обычай», **dot-** «держать, придерживаться» ~ этруск. **θut-** «держать, придерживаться», **θriú** «убийства» ~ этруск. **trium** «убийство», **lú** «смерть» ~ этруск. **lu-pu** «смерть его», **s(ăq)út** «скиф» ~ этруск. **saxit** (СПб, Эрмитаж, надпись на этрусской гемме с изображением скифа на коне), гето-фракийск. **skit** «скиф» (ГТР 3 [7, с. 9]), **cleú** «созданы» (множ. число) ~ этруск. **cle** «создано, сотворено» (ед. число), **tamúr** «железо» ~ этруск. **tamur** «железо», **nac** «как» ~ этруск. **nac** «как», **eg** «небо, голубое» ~ этруск. **ec** «небо, голубое», **gese** «человек» ~ этруск. **ceśe** (TLE 1) «человек (в смысле мужчина, защитник)», **gim** «сокращаться» ~ этруск. **xim** «сокращаться, укорачиваться, срезаться (колоски при уборке урожая), ГИБ-нуть».

Кроме неиндоевропейской основы корней слов нами были выявлены и языковые параллели с романской группой языков, в частности: **mim-** ~ франц. **memoire** «память», **řoinem** ~ франц. **rond** «круглый», **isperioś** ~ итальянск. **isperio** «инспирированный», **vulgeś** ~ итальянск. **violento** «насильственный».

Выводы:

1. Осуществлен комплексный графемно-лингвистический анализ северо-пиценской надписи на стеле из Новилары (НСН). Выполнена транслитерация текста с его разбивкой на отдельные слова.

2. На основе метода дешифровки древних текстов на неиндоевропейских языках Средиземноморья ПЭФОС, подтвердившего свою верификативность в 1988 году по итогам изучения самого протяженного этрусского текста TLE 1 (на бинтах Загребской мумии из Среднего Египта, IV в. до н.э.), выполнен построчный литературный перевод текста HCH на русский язык. При этом, в качестве этимологических ориентиров и корреспондентий были использованы лексемы из базы данных, идентифицированных нами в языках родственных северо-пиценскому.

3. В изученном тексте HCH, сами пицены (возможно в лице администрации города Мерпон) сообщают о своей кровно-родственной связи с этрусками (названный ими макроэтноним **třag** очень близок с содержащимся в тексте TLE 1 макроэтнонимом этрусков **tarc** [4; 5]), а также о том, что всегда «крепко придерживались скифских обычаев». Действительно, последние анализы ДНК этрусков (по 82 останкам тел [9]) показали, что одним из основных их миграционных субстратов были степняки-кочевники Северного Причерноморья, которое как раз в Виллановскую (пред-этрусскую) эпоху в Италии, было заселено киммерийцами и скифами. Видимо не случайно, Гомер в своей поэме «Одиссея» ранних этрусков называл киммерийцами. Этрусское же название скифов **saxit** представлено под изображением гравировки скифа на коне на одной из гемм в коллекции Гос. Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

4. Судя по отличиям в фонетическом оформлении пиценских и этрусских слов (до 1970 года язык северных пицен вообще считался одно из разновидностей этрусского языка [11]) (**ei** > **uv** «дом», **ml-** > **pol-** «знать» и др.), а также наличия в тексте явных романских заимствований, рассматриваемый текст HCH, думается, следует отнести к более поздним временам IV–III вв. до н.э., чем предполагают большинство современных исследователей (VII–V вв. до н.э.).

5. В представленном нами варианте перевода текста HCH звучат нотки печали, гротескного сожаления об «инспирированном темными силами» какого-то смертоубийства, устроенного путем зарезания (**suiś**) стальным оружием большого количества людей (хотя в строке 12 затем высказывается надежда на том, что в следующем поколении демографический провал должен восстановиться). Такой эпитет оружия как «мечи из осветленного железа (стали)» (**aygen tamúr**) встречается применительно к римским войскам в этрусских, иберийских (**nuřku timur** [13], IV в. до н.э.) и гето-фракийских (**axho tamaro** [7], ГТР-6, II в. до н.э.) текстах.

Если мы правы в своих рассуждениях, то намек на массовую резню, устроенную римскими войсками в Пицен-ленде (возможно больше всего пострадали жители города *Мерпон*), позволяет с некоторой вероятностью предполагать о том, что здесь, возможно, речь идет о последствиях «италийских войн», когда объединенные силы этрусков, умбров, пицен в конце

IV – начале III вв. до н.э. еще пытались противостоять экспансии Рима, однако в итоге были разбиты римлянами. В последующей II Пунической войне они уже и не помышляли стать в оппозицию Риму.

Литература

1. Латыпов Ф. Р. Взаимосвязь субъектов траурного события в текстах этрусских эпиграфий // Проблемы востоковедения. 2011. № 1. С. 67–72.
2. Латыпов Ф. Р. Этрусские религиозно-культовые термины и характерные синтаксические конструкции в текстах Игувинских таблиц и пиценских надписях на камнях // Теория и практика языковой коммуникации : Материалы VI Междунар. науч.-метод. конф. Уфа, 2014. С. 163–166.
3. Латыпов Ф. Р. Общие сведения, основные группы слов и дословные переводы крупнейших этрусских текстов на русский, английский и итальянский языки. Уфа : Полиграфдизайн, 2014. 151 с.
4. Латыпов Ф. Р. Фрагменты текста Загребской мумии об обряде человеческого жертвоприношения (IV в. до н.э., Египет): тайные замыслы этрусской элиты // Проблемы востоковедения. 2014. № 3. С. 85–91.
5. Латыпов Ф. Р. От исследования механизмов декодировки звуковых сигналов в слухоречевой системе человека (СРЧ) к дешифровке древних текстов на пратюркских языках Запада // Материалы Международной научно-методической конференции «VIII Озубаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан / ред.: Г. М. Мутанов, А. Нурсан. Алматы, 2016. С. 434–437.
6. Латыпов Ф. Р. Интерпретация содержания пяти ретских надписей, нанесенных на бытовые предметы, бронзовую пластину и на поверхности камней // Система знаний: образовательные инициативы и развитие творческого потенциала современной науки : сборник науч. трудов / О. Б. Виноградова, З. Н. Ибрагимова, Ю. Р. Орлова [и др.]. Казань, 2021. С. 102–109.
7. Латыпов Ф. Р. Мир гето – дако – фракийцев, отраженный в надписях на золотых пластинах из Синая (Румыния) (перевод 12 текстов «Сантии даков» на основе метода дешифровки ПЭКФОС). Уфа : Хатирэ, 2022. 76 с.
8. Стела из Новилары // Википедия : Свободная энциклопедия. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Северопиценский_язык#/media/Файл:Novilara_vecto.svg (дата обращения: 12.01.2023).
9. The origin and legacy of the Etruscans through a 2000-year archeogenomic time transect / C. Posth, V. Zaro, M. A. Spyrou [et al.] // Science Advances. 2021. Vol. 7, № 39. P. 7673.
10. Durante M. Contributi all'interpretazione delle iscrizioni picene // Ricerche Linguistiche II. Roma, 1951. P. 63–79.
11. Durante M. Nord Piceno: la lingua dell'iscrizioni di Novilara // Popoli e civiltà dell'Italia antica. Rome, 1978. Vol. 6. P. 325.
12. Etruschi : una nuova immagine / A cura di M. Cristofani. Firenze : Guinti Gruppo Edit., 2000. 240 p.
13. Латыпов Ф. Р. Тюркские названия железа и руды в иберийской надписи из Ульстра // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). 2017. № 1. С. 40–45.
14. Morandi A. Le iscrizioni Medio-Adriatiche. Firenze : LEO S. OLSCHKI, 1974. 136 p. (Biblioteca di «Studi Etruschi» ; vol. 7).
15. Pisani V. Le lingue dell' Italia antica oltre il latino. Torino : Rosenberg et Sellier, 1953. XVII, 354 s.
16. Conway R. S., Whatmough J., Johnson S. E. The Prae-Italic Dialects of Italy. Cambridge, 1933. Vol. 2. 560 p.

WHAT DID THE AUTHORS MEAN BY THE SECULAR INSCRIPTION ON A STONE NOVILARA STELE FROM THE NORTH PICENE?

F.R. Latypov

Ufa State Oil Technical University
Ufa, Russian Federation

The article presents the results of a comprehensive linguistic analysis of the North Picene inscription on a stone stele found in the north-eastern region of ancient Italy. Using CECAPF – an inscription deciphering method for texts in the ancient non-Indo-European languages of the Mediterranean, and relying on his own practices in deciphering the ancient texts in languages related to North Picene, the author offers his own version of the literary translation and interpretation of the purpose of the investigated written artifact of ancient Italy.

Key words: deciphering the inscription on the written artifact of ancient Italy.

УДК 908(470.43)

ВИЗИТЫ ДЕЛЕГАЦИЙ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОРОДОВ-ПОБРАТИМОВ ТОЛЬЯТТИ – ЛОЯН В ОТРАЖЕНИИ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

А.В. Мищенко

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье исследуются Интернет-ресурсы, как источник перекрестной информации о визитах делегаций и взаимоотношениях Тольятти и Лояна на протяжении нескольких лет.

Ключевые слова: Тольятти, Лоян, Самарская область, Хэнань, региональные отношения.

25 апреля 2000 года в Лояне было подписано соглашение об установлении побратимских связей между городами Лоян (Китай) и Тольятти (Россия). Стороны, подписавшие соглашение – Мэр Лояна Лю Дяньли и мэр Тольятти Сергей Жилкин, – договаривались на равных и взаимовыгодных условиях способствовать развитию двух городов, а также содействовать обмену и сотрудничеству по ряду ключевых направлений, таких как наука, техника, культура и др. [1]

В настоящее время не выявлено ни одного фундаментального исследования по теме взаимоотношений между Тольятти и Лояном. Разрозненная информация, представленная фрагментарно, находится в средствах массовой информации. И в первую очередь – это Интернет-ресурсы. Официальные органы власти, научные базы данных и ведущие печатные издания России и Китая имеют свои представительства в сети Интернет, что в значительной степени упрощает доступ к материалам для исследования темы.

Важное преимущество сетевых источников – их доступность. Работа с Интернет-источниками дает возможность получать информацию из разных уголков мира, освещающую одно и то же событие под разными ракурсами и с разными взглядами. А так как в работе с сетевыми ресурсами получаемые сведения требует тщательной проверки, возможность провести перекрестное исследование очень важна. Изучение источников информации, отражающих одно и то же событие, позволяет не только получить более подробное описание произошедшей встречи, но также восполнить и уточнить отдельные детали.

При выстраивании хронологической последовательности в истории взаимоотношений между Тольятти и Лояном, в первую очередь внимание уделяется официальным источникам информации. Портал Администрации городского округа Тольятти дает ссылки на разрозненные статьи о визитах и совместных мероприятиях с 2010 по 2022 год. Управление иностранных дел муниципального народного правительства Лояна опубликовало краткую хронологию встреч делегаций, охватывающую период с 1997 года (подписано «Письмо о намерениях по установлению отношений городов-побратимов») до 2014 года. Благодаря наличию пересечений в датах можно достоверно восстановить определенный промежуток времени с рядом событий.

Рассмотрим короткое сообщение об обмене делегациями из Лояна и Тольятти в 2010 году. Перед нами текст из официального интернет-источника – Управления иностранных дел муниципального народного правительства Лояна со стороны Китая, и короткая заметка из самарского новостного портала.

Китайский текст сообщает следующие сведения: «В апреле 2010 года мэр Тольятти Пушкин во главе делегации посетил Лоян для участия в 28-м Фестивале пионов. В сентябре 2010 г. секретарь городской комиссии Лояна по проверке дисциплины Лю Инань во главе делегации посетил Тольятти, с делегацией встретился мэр города Пушкин, состоялись переговоры по экономическому и культурному сотрудничеству, предложили обменяться молодежной делегацией» [2].

Текст российского ресурса содержит аналогичный материал: «20 сентября в мэрии состоится встреча мэра города Тольятти Анатолия Пушкина с официальной делегацией города-побратима Лоян (КНР). Визит делегации Правительства г. Лоян во главе с заместителем мэра г-ном Лю Инань является ответным. В апреле 2010 г официальная делегация из Тольятти во главе с мэром Анатолием Пушкиным посетила Лоян с целью обсуждения перспектив сотрудничества городов-побратимов и участия в ежегодном Фестивале пионов. На встрече в мэрии стороны обсудят дальнейшее развитие отношений между Тольятти и Лояном» [3].

В текстах нет противоречий, они описывают одно и то же событие. При этом видно, что информация китайского источника содержит уточненные данные о должности главы лоянской делегации и обсуждаемые

во время встречи вопросы. Тогда как русский текст содержит точную дату и место проведения встречи, кроме того указывается должность главы китайской делегации, в качестве представителя мэрии Лояна. Сравнив два фрагмента текста, мы получаем уточненную информацию:

В апреле 2010 года тольяттинская делегация во главе с мэром города Анатолием Пушковым посетила китайский город-побратим Лоян для обсуждения перспектив дальнейшего сотрудничества и участия в городском культурном мероприятии – Фестивале пионов. Ответный визит китайской стороны состоялся 20 сентября этого же года, делегацию представлял секретарь городской комиссии Лояна по проверке дисциплины, заместитель мэра Лю Инань. Встреча состоялась в тольяттинской мэрии и затронула такие вопросы, как экономическое и культурное сотрудничество между городами, кроме того было высказано предложение об обмене молодежными делегациями.

В изучении отношений городов-побратимов интересно сравнить две точки зрения с каждой стороны: китайской и российской. Имея перед собой два источника информации, мы получили возможность увидеть более подробное описание события. При этом видим взгляд обоих участников отношений.

Стоит отметить, что в большинстве своем взаимные визиты направлены на посещение двух мероприятий – это ежегодный Фестиваль Пионов, который проходит в Лояне в апреле, и празднование Дня города Тольятти в июне. И все же не всегда обмен делегациями содержит только намерения подтвердить дружественные связи или участие в культурном событии.

Посмотрим еще одну перекрестную Интернет-публикацию, сделанную на сайтах официальных ведомств.

Материалы о визите тольяттинской делегации в Лоян в апреле 2014 года практически идентичны, как от Управления международных и межрегиональных связей администрации городского округа Тольятти [4], так и на Портале правительства провинции Хэнань [5]. Мы можем узнать время визита, место проведения встречи, маршрут делегации, а также о том, что данный визит характеризовался проявленным со стороны Тольятти интересом к сотрудничеству в сфере городского хозяйства.

Восстанавливая детали состоявшегося визита с подробностями, можно выяснить, что делегация была отправлена из Тольятти на период с 8 по 13 апреля, а сами сроки визиты включают промежуток с 9 по 12 апреля. Первая торжественная встреча прошла в Huayang Plaza International Hotel, где заместитель мэра Лояна Ван Цзинлинь в первую очередь представил, как обстоит дела в сфере городского строительства. Эта тема прежде не обсуждалась во время предыдущих визитов, а делегацию из Тольятти возглавлял заместитель мэра Тольятти по городскому хозяйству Сергей Анташев.

В ходе визита делегация посетила строящийся новый район и муниципальные парки города, а также было проинспектировано предприятие

Luoyang CIMC Lingyu Automobile Co., Ltd. – осмотрен производственный цех и продукция предприятия: автобусы и спецтехника.

Это информация из официальных источников, представленных государственными учреждениями. В дополнение к ней интересны данные с коммерческого сайта, представленные китайской бизнес-сетью строительной техники [6]. Главный акцент данной публикации сделан на посещение предприятия Lingyu. Мы даже находим такие уточняющие подробности, как имена и должности принимающей делегацию стороны – это генеральный менеджер маркетинговой компании Ху Болин и генеральный менеджер отдела зарубежного маркетинга Го Чаоян.

Как мы видим из трех рассмотренных публикаций, во время этого посещения китайского города-побратима повышенное внимание отводилось вопросам городского строительства и работе коммунальных служб. Хотя контакты в первую очередь имеют ознакомительный характер и направлены на культурный взаимообмен, они раз за разом расширяют сферы интересов и круг возможных точек соприкосновения регионов.

В этой связи особого внимания заслуживают нашедшие отражение в сетевой прессе отдельные мероприятия, касающиеся частных случаев взаимодействия между двумя городами.

2022 год был объявлен «Годом китайско-российского спортивного обмена», а также исполнилось 25-лет дружбы между провинцией Хэнань и Самарской областью. В рамках этого события на 15 декабря 2022 года был назначен дружественный шахматный турнир между двадцатью юными шахматистами от 9 до 18 лет. В онлайн-матче в формате 10 на 10 приняли участие команды шахматистов тольяттинской спортивной школы № 4 «Шахматы» и шахматистов Ассоциации шахмат города Лоян.

Диапазон дат интернет-публикаций охватывает период со 2 по 19 декабря. Для реконструкции хронологии и получения максимально подробного представления о том, как проходило мероприятие, необходимо сопоставить данные из китайских и российских источников.

Из материалов Шахматной ассоциации Лояна от 2 декабря мы узнаем, что встреча проходила с использованием шахматной онлайн-платформы lichess. 1 декабря был проведен тестовый матч [7]. Публикацию в день, когда был проведен товарищеский матч, 15 декабря, сделал тольяттинский новостной портал, сообщивший место проведения и результаты встречи, а также ход и итоги мероприятия. Также перечислены имена русских игроков и представлено короткое интервью с отличившейся спортсменкой, выигравшей в обеих партиях [8].

За 16 декабря интересны две публикации – на русском и китайском языке. Обе сделаны на следующий день после мероприятия. Материалы лоянской стороны представлены министерством иностранных дел и дополняют информацию о том, что «Мероприятие спонсировалось отделом иностранных дел городского партийного комитета Лояна и муниципальным бюро спорта, а организовано Шахматной ассоциацией Лояна» и содержат

имена китайских шахматистов [9]. Статья, опубликованная на сайте Федерации шахмат городского округа Тольятти, помимо общей информации уточняет, что игроками были сыграны по две партии: черными и белыми фигурами [10].

Статья от 19 декабря дает еще больше подробностей по организации встречи. В частности, для проведения онлайн-трансляции использовалась китайская платформа видеосвязи Tencent. Так же публикуется турнирная таблица с именами и логинами участников, и полученными в ходе соревнования очками. Кроме того, эта статья упоминает, что до мероприятия были проведены две контрольные партии [11].

Таким образом, перекрестное сравнение Интернет-источников дает полное представление о подготовке, проведении и результатах спортивного соревнования. Одновременно, такого рода статьи наглядно иллюстрируют отдельные фрагменты взаимоотношений между городами-побратимами.

Важной составляющей полученных данных становится упоминание о юбилее дружбы между двумя несмежными регионами России и Китая – провинции Хэнань и Самарской области. Можно видеть, что дружеские отношения двух городов воспринимаются, как неотъемлемая часть отношений между двумя несмежными регионами. Отдельно взятое сообщение или публикация, так же может стать источником информации для восстановления исторической картины событий.

Стоит отметить, что, касательно взаимоотношений между Тольятти и Лояном китайские Интернет-ресурсы часто содержат информацию, которую не удастся найти среди российских источников. В качестве примера такого материала можно привести декабрьское поздравление с наступающим Новым 2023 годом, которое было отправлено из Тольятти в Лоян от имени руководителей и жителей города. Полный текст и скриншот поздравительного письма приводится на официальном сайте министерства иностранных дел Лояна [12].

Помимо общих фраз и итогов за прошедший год, из поздравительного сообщения становится известно, что в 2022 году были установлены контакты между Тольяттинской торгово-промышленной палатой и Администрацией города Лоян, необходимые для решения экономического вопроса между предприятиями двух городов.

Подробности о ситуации, возникшей между тольяттинскими и лоянскими предприятиями в открытом доступе отсутствуют, однако, данный источник позволяет сделать вывод о существовании частных торговых отношений между городами-побратимами на уровне предпринимателей.

Если из большинства материалов мы узнаем, что взаимосвязь Тольятти и Лояна – это, в первую очередь, культурный обмен и «поиск возможностей сотрудничества в разных областях» [13], то подобные публикации подтверждают наличие уже установившихся торгово-экономических связей.

Такого рода находки среди Интернет-публикаций ставят данный вид источника информации на более высокий уровень в сравнении с традиционными печатными изданиями. Именно благодаря тому, что материал представлен в сети, он становится доступным для изучения.

Однако, при всех неоспоримых достоинствах, существует и обратная сторона работы с сетевыми материалами. Нарушим хронологию событий и вернемся к событиям 2018 года. В апреле тольяттинская делегация во главе с Дмитрием Микелем посетила Лоян для встречи с мэром города-побратима Лю Ваньканом.

Касательно этого визита в нашем распоряжении несколько китайских источников, которые освещают отдельные вопросы, затронутые в ходе встречи. Электронная версия газеты Жэньминь жибао опубликовала детальный отчет о посещении тольяттинской делегацией 36-го фестиваля Пионов. В статье указаны участники и подробно описаны церемония открытия, передана атмосфера культурного мероприятия, указаны партнеры и спонсоры [14].

Управление иностранных дел Лояна опубликовало официальные сведения о визите, в ходе которого обсуждались новые возможности сотрудничества между городами-побратимами в условиях развития концепции «Один пояс, один путь», а также перспективные направления сотрудничества: промышленности, образования, туризма и др. [15].

Аналогичную информацию встречаем на сайте лоянской цифровой газетной платформы. И в этом случае сталкиваемся с упомянутой выше проблемой в использовании Интернет-материалов – источник более не доступен [16]. В сложившейся ситуации сведения становятся или полностью утраченными, или существует вероятность найти их трансляцию на другом ресурсе, с отсылкой к первоисточнику. Таким образом мы обнаруживаем, что статья корреспондента Luoyang Daily Бай Юньфэя опубликована на сайте новостного центра Luoyang Net, ответственный редактор: Ма Цзяцзя [17].

В случае, когда представленная информация содержит общие сведения, обнаружить ее все-таки возможно, хотя на поиски потребуется некоторое время. Относительно же апрельского визита тольяттинской делегации в Лоян есть более редкая информация. Она содержится на сайте Второй дочерней больницы Хэнаньского университета науки и техники Лояна. Это короткая заметка, сообщающая о деталях посещения тольяттинской делегацией лоянской больницы при университете. Здесь мы находим фамилии участников встречи и детали экскурсии и затронутых тем. Во время визита стороны обсудили ранее не охваченную медицинскую сферу сотрудничества между городами. Указывается перспектива изучения в Тольятти китайской традиционной медицины [18].

В дальнейшем информация об этой встрече возникает спустя четыре года, в ходе онлайн-встречи руководителей Тольятти и Лояна в апреле 2022 года. В статье Тольяттинского университета указывается, что ТГУ

и Хэнаньский университет науки и техники города Лояна, впервые обсуждившие возможные направления сотрудничества в 2018 году, могут стать образовательными партнерами. Рассматривается возможность академического обмена студентами и преподавателями, а также научно-техническое сотрудничество, отмечается заинтересованность тольяттинской стороны в учебных программах китайского университета [19, с. 7].

Таким образом, можно утверждать, что важной особенностью сетевых средств массовой информации, как исторического источника является в первую очередь ее доступность и оперативность публикации. Однако наличие точечной информации, появляющейся на страницах отдельных ресурсов – сайтах предприятий или университетов хотя и добавляет в исследование малоизвестные сведения, создает определенные проблемы с последующей сохранностью материалов.

В этих условиях тиражируемость Интернет-новостей способствует восстановлению деталей событий даже в случае, когда отдельная часть источников становится не доступной. А возможность проведения перекрестной проверки сведений, значительно повышает качество исследования малоизученных тем.

Реконструкция взаимоотношений между городами-побратимами Тольятти и Лояном требует кропотливого изучения разрозненных материалов с обеих сторон, а потому обращение именно к Интернет-ресурсам обеспечивает необходимую полноту данных.

Литература

1. Соглашение об установлении побратимских отношений между г.о. Тольятти и г. Лоян от 25.04.2000 г. // Администрация городского округа Тольятти : официальный портал. URL: tgl.ru/structure/departments/officialnye-teksty-mezhdunarodnyh-dogovorov-i-soglasheniy/6041/ (дата обращения: 21.03.2023).
2. 俄罗斯 - 陶里亚蒂市, 2000年4月25日 : 洛阳市与陶里亚蒂市缔结友好城市 = Россия – Тольятти, 25 апреля 2000 г. : Города Лоян и Тольятти заключили соглашение о городах-побратимах // 洛阳市人民政府外事办公室 = Управление иностранных дел муниципального народного правительства Лояна. URL: www.lywqb.gov.cn/gjycshow.php?cid=49&id=56 (дата обращения: 20.01.2023).
3. Сегодня в Тольятти состоится встреча мэра с делегацией из Лояна // CityTraffic : информационный портал Самарской области. URL: citytraffic.ru/2010/09/20/100/ (дата обращения: 21.01.2023). Дата публикации: 20.09. 2010.
4. Делегация г.о. Тольятти посетила город-побратим Лоян (КНР) / Управление международных и межрегиональных связей // Администрация городского округа Тольятти : официальный портал. URL: tgl.ru/structure/departments/sobytiya/3749/ (дата обращения: 23.01.2023).
5. 俄罗斯陶里亚蒂市副市长C.A.安塔舍夫等访问洛阳 = Заместитель мэра Тольятти С.А. Анташев посетил Лоян //河南省政府门户网站 = Портал правительства провинции Хэнань. URL: www.henan.gov.cn/zwgk/system/2014/04/15/010467256.shtml (дата обращения: 23.01.2023). Дата публикации: 15.04.2014.

6. 俄罗斯陶里亚蒂市政府代表团拜访中集凌宇 = Делегация Правительства Тольятти России посетила CIMC Lingyu // 21-SUN.COM. URL: news.21-sun.com/detail/2014/04/2014042109122964.shtml (дата обращения: 23.01.2023). Дата публикации: 21.04.2014.
7. 2022年洛阳-陶里亚蒂青少年国际象棋网络友谊赛测试赛成功举行 = Успешно прошел контрольный онлайн-матч по шахматам среди юношей Лоян – Тольятти – 2022 // 洛阳全民健身 = Национальный фитнес Лояна. URL: mp.weixin.qq.com/s?__biz=Mzl0MTA0Nzk4MA==&mid=2653356139&idx=2&sn=79ef5c8a68059c892d6534fbfe4d11d5&chksm=f2c220a8c5b5a9bede06ff07b4c8891506e28717b8debacfc162d8306c28c3a6be0ee0f93871&scene=27 (дата обращения: 21.01.2023). Дата публикации: 02.12.2022.
8. Юные шахматисты из Тольятти провели шахматный турнир со сверстниками из Китая // Новости Тольятти. URL: <https://augustnews.ru/yunye-shahmatisty-iz-tolyatti-proveli-shahmatnyj-turnir-so-sverstnikami-iz-kitaya/> (дата обращения: 21.01.2023). Дата публикации: 15.12.2022.
9. «云端»对弈 以棋会友 – 洛阳市与国际友城俄罗斯陶里亚蒂... = «Облачная» игра, подружитесь с шахматами – город Лоян и международный город-побратим Тольятти, Россия // 洛阳市人民政府外事办：公室官方网站 = Управление иностранных дел Лоянского народного правительства : официальный сайт. URL: www.lywqb.gov.cn/newsshow.php?id=891 (дата обращения: 21.01.2023). Дата публикации: 16.12.2022.
10. Юные шахматисты из городов-побратимов провели онлайн-матч // Шахматы в Тольятти. URL: www.ladachess.ru/news/2776/ (дата обращения: 21.01.2023). Дата публикации: 16.12.2022.
11. 洛阳市与陶里亚蒂市青少年国际象棋网络友谊赛成功举行 = Успешно прошел молодежный шахматный онлайн-матч дружбы городов Лоян и Тольятти // 洛阳全民健身 = Национальный фитнес Лояна. URL: mp.weixin.qq.com/s?__biz=Mzl0MTA0Nzk4MA=&mid=2653356356&idx=2&sn=cfc15996ceac35b0d6d2db34b71051b1&chksm=f2c22187c5b5a891bce5112b17fdfeec85f24b7b6e7656e1a9b0879d1a7512df008778a0232b&scene=27 (дата обращения: 21.01.2023). Дата публикации: 19.12.2022.
12. 洛阳多个国际友城发来新年问候！= Несколько международных городов-побратимов в Лояне отправили новогодние поздравления! / 洛阳外事 = Управление иностранных дел муниципального народного правительства Лояна. URL: mp.weixin.qq.com/s/PCD4VDXfCFWmsjf9zMa10w (дата обращения: 23.01.2023). Дата публикации: 11.01.2023.
13. Лоян // Администрация городского округа Тольятти : официальный портал. URL: tgl.ru/print/s/11/4/ (дата обращения: 23.01.2023).
14. 绽放古都之春 传承文化之魂：中国洛阳牡丹文化节开幕 = Цветущая весна древней столицы, передающая душу культуры: открытие Фестиваля пионов в Лояне, Китай / 人民日报 // Baidu = 百度. URL: baijiahao.baidu.com/s?id=1598265018841302461&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 30.01.2023). Дата публикации: 20.04.2018.
15. 洛阳市领导会见俄罗斯陶里亚蒂市客人 = Руководители Лояна встретились с гостями из Тольятти, Россия // 洛阳市人民政府外事办公室 = Управление иностранных дел муниципального народного правительства Лояна. URL: www.lywqb.gov.cn/newsshow.php?id=412 (дата обращения: 30.01.2023). Дата обращения: 12.04.2018.

16. 白云飞. 市领导会见俄罗斯陶里亚蒂市客人 = Руководители города встретились с гостями из Тольятти, Россия / Бай Юньфэй // **洛阳日报** : Luoyang Daily. 2018. 11 апр. С. 3. URL: lyrb.lyd.com.cn/html2/2018-04/11/content_157301.htm (дата обращения: 13.08.2022).
17. 白云飞. 洛阳市领导会见俄罗斯陶里亚蒂市客人 = Руководители Лояна встретились с гостями из Тольятти, Россия / Бай Юньфэй // **洛阳网** = Luoyang Net. URL: <http://news.lyd.com.cn/system/2018/04/11/030414577.shtml> (дата обращения: 30.01.2023). Дата публикации: 11.04.2018.
18. 俄罗斯陶里亚蒂市友好访问团到我院参观交流 = Наш институт посетила дружественная делегация из Тольятти, Россия // **河南科技大学第二附属医院** = Вторая дочерняя больница Хэнаньского университета науки и техники. URL: www.kdfy.cn/doc/3/1804/552.html (дата обращения: 30.01.2023).
19. Супонькина Е. Фокус интереса – на Китай // БезФормата. URL: tolyatti.bezformata.com/listnews/fokus-interesa-na-kitay/104285842/ (дата обращения: 30.01.2023).

VISITS OF THE DELEGATIONS AND RELATIONSHIPS OF THE TWIN CITIES OF TOGLIATTI – LUOYANG IN THE REFLECTION OF THE INTERNET RESOURCES

A.V. Mishchenko
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article explores Internet resources as a source of cross information about the visits of delegations and the relationship between Togliatti and Luoyang for several years.

Key words: Togliatti, Luoyang, Samara region, Henan, regional relations.

УДК 629.331(470.43)(093.3):004.78

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ АВТОВАЗА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТА БИБЛИОТЕКИ КЦ «АВТОГРАД» «АВТОВАЗ И ЕГО ВРЕМЯ»)

О.В. Мищенко
Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается интернет-проект Библиотеки Культурного Центра «Автоград» (КЦ «Автоград») посвящённой истории Волжского автомобильного завода «АВТОВАЗ и его время», ставший своего рода цифровым окном в краеведческие фонды библиотеки и раскрывающий историю производства через личные воспоминания непосредственных участников становления завода, публикации в газетах, гипотезы и факты.

В интернет-пространстве можно найти достаточно много разрозненных источников и документов по истории градообразующих предприятий, однако структурированные и регулярно пополняемые ресурсы – не такое частое явление.

Ключевые слова: оцифровка источников, Библиотека Автограда, Волжский автомобильный завод.

Несмотря на то, что такие понятия как сетилитература – тексты, которые могут существовать только в онлайн-среде и цифровизация, являющаяся модернизацией всех процессов с учётом новых информационных технологий, уже довольно давно стали частью исторической науки, примеров представления в сети уникальных полнотекстовых источников, раскрывающих и дополняющих десятилетия истории конкретного предприятия, не так уж и много.

Зачастую, учреждениями, взявшими на себя задачу структурированного представления источников по истории того или иного предприятия, выступают библиотеки и музеи, ранее созданные на его базе. Наиболее яркими примерами могут быть музей и библиотека Горьковского автомобильного завода [4; 5] и библиотека Волжского автомобильного завода.

Чаще всего подобные проекты реализуются к какой-либо юбилейной дате или мероприятию, что, к сожалению, по окончанию юбилейных событий приводит к консервированию или полному закрытию ресурса, о чём будет сказано чуть позже.

В связи с этим интересным объектом исследования является кросс-платформенный интернет-ресурс, созданный в рамках выполнения «Плана основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 50-летия выпуска первого автомобиля ВАЗ в городском округе Тольятти, утвержденного председателем Правительства Российской Федерации Медведевым Д.А. от 16.09.2016 № 6929п-П9» [8; 10] краеведами, библиографами и IT-специалистами Библиотеки Культурного Центра «Автоград» «АВАТОВАЗ и его время» («Они строили АВТОВАЗ, АВТОВАЗ построил нас») [1]. Который, будучи реализованным как часть огромного проекта, продолжил своё развитие и после окончания заявленных мероприятий.

В ходе подготовки статьи и изучения данного явления, как сайты, посвящённые истории производств, в частности автомобилестроению, было выявлено, что исследований практически нет. Вопросы оцифровки исторических текстов и замена бумажных носителей электронными, не неоднократно обсуждались в контексте сохранения культурного и исторического наследия, а также как способа предоставления доступа к фондам большому количеству людей, однако именно востребованность подобных ресурсов не анализируются.

Были изучены как ресурсы непосредственно волжского автомобильного завода, созданные к 50-летию, так и ресурсы, созданные к юбилейным датам горьковского автомобильного завода.

Основной целью исследования было рассмотреть интернет-ресурс «АВТОВАЗ и его время» как сервис, сохраняющий и раскрывающий фонды Библиотеки КЦ «Автоград» о волжском автомобильном заводе, предоставляя доступ к ним широкому кругу людей. В ходе исследования были изучены предпосылки разработки сайта, этапы подбора контента и статистические данные.

Как отмечается в монографии «Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы» со ссылкой на документы ПАСЕ «для сохранения наследия человечества с помощью информационно-коммуникационных технологий для нынешнего и будущих поколений пользователей, следует разработать масштабные программы» [9, с. 59], и к разработке электронной книги подошли с максимальной ответственностью и тщательностью.

После утверждения плана и разработки «дорожной карты по выполнению мероприятия: «Создание электронной книги «Они строили АВТОВАЗ, АВТОВАЗ построил нас» (собрание материалов, воспоминаний, фотодокументов)», а именно такой формат ресурса был выбран, началась масштабная работа по подготовки контента.

Со структурой ресурса определились сразу, она состояла из четырех основных разделов: «Созидатели АВТОВАЗа», «История АВТОВАЗа», «ВАЗ 2101» и «Личные истории».

Так как дата была 50 лет, то основным ядром должны были стать биографии и материалы о 50-ти создателях волжского автомобильного, 50 историй о заводе и 50 заводских династий. Контент по крупицам собирался специалистами краеведческого отдела в периодических изданиях, книгах и свободных источников в сети интернет. Истории АВТОВАЗа стали компиляцией мифов, гипотез и фактов, дополненных личными беседами с ветеранами завода.

Под каждым материалом была размещена ссылка на документы и материалы из фонда. Специалистами сектора автоматизированных систем библиотеки была разработана связка между системой управления контентом и автоматизированной системой управления библиотекой (АСУ БК «Автоград»), для автоматизации выборки описаний из базы данных по конкретной тематике.

Так, на странице первой истории, посвящённой «дню рождения» АВТОВАЗа, размещена ссылка на список библиографических описаний по теме строительства завода.

Параллельно с технической разработкой ресурса, работой дизайнеров и программистов, велась работа по оцифровке публикаций. Объём библиографической база данных по теме волжского автомобильного завода – более 42 000 описаний. В фонде хранятся выпуски газеты «Волжский автостроитель» с первого выпуска, августа 1969 года, однако оцифрованных номеров было не много. К тому же, с самого начала было принято решение переводить в электронный формат именно статьи, структурируя и группируя по темам, датам и событиям. Каждая оцифрованная страница, была обработана для «привязки» к библиографическому описанию в базе данных, чтобы посетители ресурса могли, просматривая списки, познакомиться с содержанием статей.

Так как задача, поставленная перед библиотекой, была не только популяризация фондов о волжском автозаводе, но и сохранения источников, то прежде, чем начать оцифровку статей был проведён тщательный анализ возможных форматов. Не маловажным фактором было не только качественно преподнести материал, но и детально сохранить внешний вид статей из периодических журналов, не потеряв в качестве цифрового документа, не превысив допустимые объёмы файла. Так же нужно было учесть, что согласно статистическим показателям по типам устройств, сайт библиотеки посещали как с ПК, так и с мобильных устройств фактически в равных процентах (51,9% - ПК, 48,1% - смартфон) [7], в связи с этим нужно было предусмотреть и формат сохранения. Вариант с сохранением в word или djvu отклонили, так как для просмотра обоих требуются специализированное программное обеспечение, которого скорее всего не будет на мобильных устройствах. Затем рассмотрели вариант с загрузкой сканов в материал, однако этот вариант также не подходил для просмотра на смартфоне, так как изображение получалось мелким и не масштабируемым.

Остановились на формате pdf, причём текст предварительно оцифровывали, распознавали, при необходимости восстанавливали, и только потом конвертировали в pdf. Это гарантировало сохранение качества исторического источника, с максимальным сохранением внешнего вида бумажного оригинала.

На сегодняшний день оцифровано и описано более 1400 статей, добавлено более 1000 ключевых слов. Так же интернет-ресурс пополнился текстами изданий из серии «Творцы АВТОВАЗа».

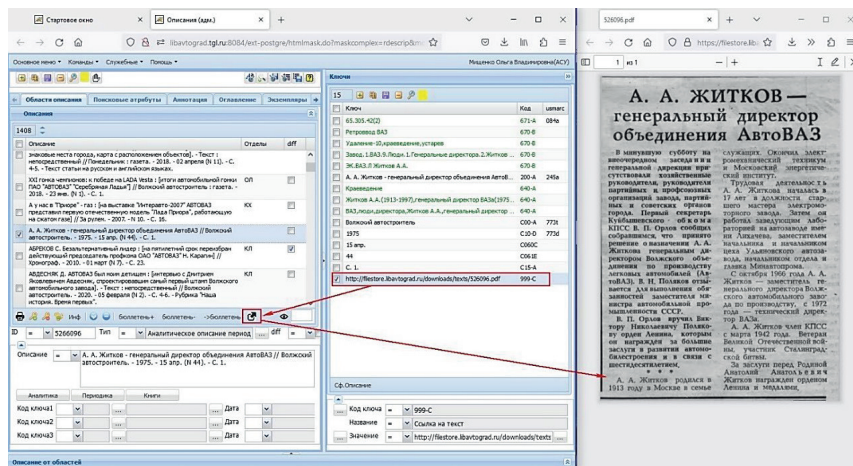

Рисунок 1. Пример библиографического описания в АСУ БК «Автоград» с ключом-ссылкой на текст и кнопкой для открытия текста в системе

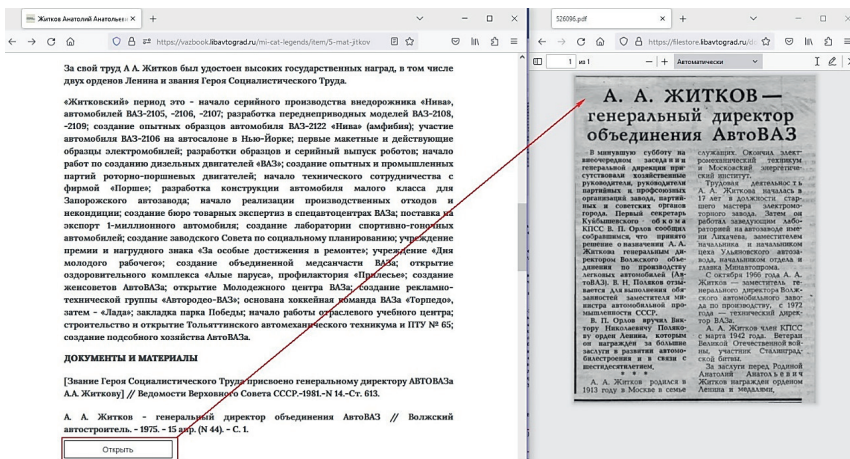

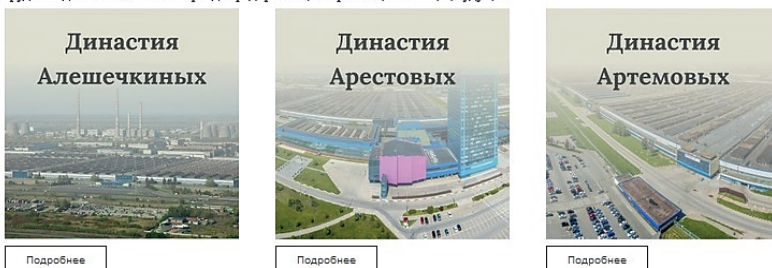
Рисунок 2. Пример библиографического описания на сайте «АВТОВАЗ и его время» с кнопкой для открытия текста в системе

Следующей главной задачей стало создание структурированной тематической поисковой системы по библиографической базе данных АВТОВАЗа, а также алфавитного поиска «Сотрудники АВТОВАЗа» и поиска по материалам сайта.

ДИНАСТИИ

Успех работы предприятия определяется работающими на нём людьми. Стабильность предприятия напрямую зависит от сохранения рабочих династий и возникновения новых.

Трудовая династия – это явление, при котором люди одной профессии передают на рода в род мастерство, славные трудовые традиции. Династии бывают разные, но каждая из них уникальна: это люди разных поколений, неповторимых жизненных историй. На АВТОВАЗе таких насчитывается не один десяток. Их представители трудятся в различных подразделениях предприятия – механосборочном, сборочно-кузовном, прессовом производствах, в производстве технологического оборудования, производстве пресс-форм и штампов и многих других. Некоторые основатели династий стояли у самых истоков строительства автозавода, в настоящее время находятся на заслуженном отдыхе и их славную трудовую традицию продолжают дети и внуки. Другие до сих пор работают в различных подразделениях предприятия и передают свой опыт младшему поколению вазовцев. Их помнят, ценят и уважают, поскольку они являются связующим звеном различных поколений автозаводцев и свидетелями знаменательных событий. Трудовые династии – «золотой фонд» предприятий, их прошлое, настоящее, будущее

ПОСЕТИТЬ РАЗДЕЛ ДИНАСТИИ

Рисунок 3. Раздел «Созидатели АВТОВАЗа» – Династии

Презентация ресурса состоялась в декабре 2019 года, и первоначально электронная книга была принята достаточно ровно. На фоне других более масштабных мероприятий, например, таких, как открытия юбилейного промо-сайта об АВТОВАЗе (<https://50.avtovaz.ru> – сайт на сегодняшний день не доступен) [3], интернет-проект «АВТОВАЗ и его время» не был активно освещён в медиасреде. Тем не менее, сотрудники библиотеки не оставили проект и продолжили пополнение сайта, сохраняя ценные источники по истории волжского автомобильного завода.

Однако, спустя несколько лет ветераны завода проявили интерес к ресурсу, в особенности к уникальным текстами, написанными специалистами библиотеки по истории волжского автомобильного завода для разделов «Созидатели АВТОВАЗа», «Истории об АВТОВАЗе» и «Династии», а также личным историям, предоставленным вазовцами.

Во второй половине 2022 года показатели значительно выросли, что видно из статистики, представленной в таблице №1. Особенно значимые изменения наблюдаются в осенние месяцы. Именно в этот период к сотрудникам отдела краеведения обратились с предложением выпустить электронную книгу в печатном формате, что не является возможным.

Таблица №1

Статистика посещений mail.ru на 06.02.2023

2021 год	Кол-во посетителей	2022 год	Кол-во посетителей
декабрь	495	декабрь	648
ноябрь	502	ноябрь	690
октябрь	376	октябрь	1030
сентябрь	336	сентябрь	675
август	278	август	495
июль	358	июль	513
июнь	477	июнь	606
май	415	май	579
апрель	529	апрель	615
март	484	март	543
февраль	550	февраль	484
январь	417	январь	465

При подготовки данной статьи были проанализированы ресурсы, посвящённые истории предприятий, аккумулирующие текстовые, фото- и аудио материалы, а также сайты, созданные по плану мероприятий к празднованию 50-летия выпуска первого автомобиля ВАЗ. Некоторые ресурсы уже не доступны или информация на них статична. Тем временем работа по оцифровке и пополнению ресурса продолжается по сей день, а статистические показатели просмотра страниц и текстов всё время растут.

Пока сложно точно выявить причину увеличения востребованности ресурса. Является ли это следствием закрытия других информационных ресурсов, или возросшего интереса к контенту, так как в этот период готовился указатель к дню рождения В.В. Каданникова, является предметом дальнейшего исследования по данной теме.

Литература

1. АВТОВАЗ и его время : Они строили АВТОВАЗ, АВТОВАЗ построил нас. URL: vazbook.libavtograd.ru/ (дата обращения: 07.02.2023).
2. АВТОВАЗ отмечает 50-летний юбилей // LADA. URL: www.lada.ru/press-releases/111626 (дата обращения: 07.02.2023).
3. История АВТОВАЗа: от «копейки» до Х-дизайна // Ростех. URL: rostec.ru/news/istoriya-avtovaza-ot-kopeyki-do-kh-dizayna/ (дата обращения: 07.02.2023).
4. История горьковского автомобильного завода // Муниципальное казенное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система» Автозаводского района Нижнего Новгорода. URL: lib-avt.ru/kraevedenie/istoriya-gorkovskogo-avtomobilnogo-zavoda (дата обращения: 07.02.2023).
5. История автозавода ; Знаменитые автозаводцы // Музей истории Горьковского автомобильного завода. URL: museum.gaz.ru/history/ (дата обращения: 07.02.2023).
6. «Они строили АВТОВАЗ, АВТОВАЗ построил нас» // Администрация городского округа Тольятти : официальный портал. URL: tgl.ru/news/item/14473-oni-stroili-avtovaz-avtovaz-postroil-nas (дата обращения: 08.02.2023).
7. Библиотека Культурного Центра «Автоград». URL: libavtograd.ru (дата обращения: 08.02.2023).
8. Об утверждении Государственной программы Самарской области «Содействие развитию благоустройства территорий муниципальных образований в Самарской области на 2014–2020 годы» : постановление Правительства Самарской области от 27 ноября 2013 года № 670 : в ред. от 1 апреля 2019 года // Главбух. URL: www.glavbukh.ru/npd/edoc/81_9016604?anchor=tit216 (дата обращения: 07.02.2023).
9. Сохранение цифрового наследия в России: методология, опыт, правовые проблемы и перспективы : монография / И. И. Горлова, А. В. Крюков, А. А. Гуцалов, А. Л. Зорин ; отв. ред. А. В. Крюков. Москва : Институт Наследия, 2021. 382, [1] с. URL: heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2021/03/sohranenie-tsifrovogo-naslediya.pdf (дата обращения: 07.02.2023).
10. Утвержден план мероприятий, посвященных празднованию 50-летия АвтоВАЗа // Волга Ньюс. URL: volga.news/article/420797.html?ysclid=ldl7hq9geo386492288 (дата обращения: 07.02.2023).

DIGITIZATION OF TEXT SOURCES AS A WAY TO PRESERVE AND COMPREHEND THE HISTORY OF AVTOVAZ (ON THE EXAMPLE OF THE INTERNET PROJECT OF THE LIBRARY OF THE AVTOGRAD CC "AVTOVAZ AND ITS TIME")

O.V. Mishchenko

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article discusses the Internet project of the Library of the Cultural Center "Avto-grad" (CC "Avtograd") dedicated to the history of the Volga Automobile Plant "AVTOVAZ and its time", which has become a kind of digital window into the library's local history funds

and reveals the history of production through personal memories of direct participants in the formation of the plant, publications in newspapers, hypotheses and facts. In the Internet space, one can find quite a lot of disparate sources and documents on the history of city-forming enterprises, however, structured and regularly updated resources are not such a frequent occurrence.

Key words: digitization of sources, Avtograd Library, Volga automobile plant.

УДК 81'42:72.033

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

В.А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье исследуется практика феноменологической дескриптивной аналитики текста. На примере нескольких литературных произведений, посвященных памятнику византийской архитектуры, показано, как структурируется описание. Предмет, смысловые вариации и способы предметного и смыслового конструирования текста являются основой феноменологической аналитики

Ключевые слова: дескриптивная аналитика, авторские интерпретации, предмет описания, смысловые коннотации, модусы сознания.

Что такое текст с точки зрения его понимания, аналитики, трансляции его смыслов? Этот вопрос, как правило, допускает множество интерпретаций и дисциплинируется только правилами метода, который определяет границы возможных приписываемых ему смыслов. Но каждый метод проявляет свои возможности, соответствуя целям и задачам исследования. Как раскрываются смысловые блоки текста? Можно ли методологически описать этот процесс? Этот вопрос определяет цель настоящего исследования: показать конкретные результаты феноменологической аналитики на примере феноменологического описания группы конкретных текстов, посвященных анализу описаний памятника св. Софии Константинопольской, построенной в 6 веке в правление императора Юстиниана.

Коллекция этих текстов складывалась постепенно, ядро ее составляют описания св. Софии авторами, принадлежащими к различным историческим эпохам [11, с. 14–28]. В основном, это описания византийского памятника, принадлежащие замечательным русским поэтам и писателям, Епифанию Премудрому, Н. Гумилеву, Д. Мережковскому, И. Бродскому. Исторически первое описание св. Софии было дано византийским автором Прокопием Кессарийским [10]. Одним из коррелятов архитектурных текстов о св. Софии Константинопольской можно считать памятники русского и турецкого зодчества, построенные по образу и подобию византийского источника. Такого рода материальные воспроизведения исходного первотекста обычно являются предметом исследований историков искусства, великолепными примерами которых служат труды российских историков архитектуры,

И. Грабаря, Н. Кондакова, В. Лазарева [2; 5; 6]. Это своего рода «строгие» корреляты литературных текстов. Еще один замечательный источник «косвенного описания» св. Софии Константинопольской содержится в рассказе М. Павича «Голубая мечеть» [8]. В нем отражена та же литературная традиция текстового воспроизводства архитектурного первообраза, только теперь более усложненная описанием сооружения мечети, точно воспроизводящей конструкцию храма св. Софии.

Мы имеем дело с собранием текстов, посвященных прямым или опосредованным описаниям величайшего христианского архитектурного памятника, - собора св. Софии Константинопольской. Можем ли мы использовать столь различные по своему характеру виды текстов, к которым мы отнесли и словесные и материальные образцы? И в чем состоит смысл такого собрания текстов? Можем ли мы в этом довольно рискованном предприятии опираться на какой-либо концептуально представленный метод? Основой нашей аналитики является метод дескрипции, разработанный основателем феноменологической аналитики Эдмундом Гуссерлем. Согласно феноменологическому допущению, предмет дескриптивного исследования может быть образован разными способами: в прямом восприятии, в воображении, в воспоминании, в рефлексии, одним словом, - в любом возможном конструировании *этого* предмета. Такое бесконечное разнообразие модусов понимания (описания) должно коррелироваться единственным требованием соблюдения предметного тождества, то есть в любом, даже противоречивом или парадоксальном описании мы должны быть абсолютно уверены в том, что аналитика имеет в виду этот *конкретный* предмет. Только в этом случае можно сравнивать столь различные варианты его воспроизводства, как словесное описание или в новые архитектурные образцы, которые также имеют структуру текста. Совокупность этих текстовых вариаций раскрывает нам полноту заложенных предметных смыслов, не важно, истинных, ясных, адекватных или «текстов-заблуждений», искажающих копий, и даже текстов-фальсификаций. Феноменологический метод основан на сопряжении в дескрипции определенного феномена – в данном случае конкретного византийского памятника – трех позиций: 1) предметного тождества (истинное или неистинное, но это должно быть описание св. Софии); 2) смыслового континуума, приписанного этому конкретному предмету и 3) соотносительности с модусами сознания-понимания (в воображении или в прямом восприятии, в восприятии копии, например в фотографии или рисунке-плане, в воспоминании, в сопоставлении нескольких текстов описания, в описании «по мере внимания», «по мере явления», «по мере оценки», «по мере заблуждения», в эстетическом, художественном, религиозном созерцании и т.д.).

Первый пункт предполагает предметное тождество, «простое X», зафиксированное в названии, в имени предмета описания, это тождественное как таковое, подразумеваемое как таковое, это длящийся во времени предмет, сохраняющий свою сущностную основу. Второй пункт предполагает

насыщение смыслами этого Х, это может быть случайный набор определений, не раскрывающий сути предмета, но может быть и «фундаментальный фрагмент смыслов» (Гуссерль), континуум сущностных вариаций, анализ-экспликация формальных или материальных признаков предмета, в конце концов, это может быть концепция или теория, относящаяся к этому конкретному предмету: «в отрезке феноменологической длительности – зафиксировать все целое конкретное сознание вещи» [4, с. 206]. И третий пункт проявляет возможность по-разному представлять предмет в сознании и выражать эти представления в разнообразных, в том числе, текстовых, формах.

Обратимся непосредственно к перечисленным выше примерам различных текстов о св. Софии Константинопольской. Если анализировать эти конкретные описания, мы найдем множество представлений, которые частью совпадают в определенных признаках, но частью противоречат одно другому. Прокопий Кессарийский пишет: «всякий раз как кто-нибудь входит в этот храм, чтобы молиться, он сразу понимает, что не человеческим могуществом или искусством, но Божиим соизволением завершено такое дело; его разум, устремляясь к Богу, витает в небесах, полагая, что он находится недалеко и что он пребывает особенно там, где он сам выбрал» [10, с. 699]. Принцип мистагогии, как недоступный для прямого созерцания архитектурный умозрительный порядок организации храмового устройства, во многом определяет суть христианского зодчества, в котором, в отличие от ордерного греко-римского порядка, конструктивные особенности устройства собора оказываются сознательно скрытыми при помощи разнообразных архитектурно-технических приемов. В тексте Епифания Премудрого, замечательного древнерусского писателя 14 века, св. София представляется очень сложным сооружением, лабиринтом, в котором без проводника можно заблудиться [9]. В описании поэта серебряного века и путешественника-исследователя Николая Гумилева пространство св. Софии определяется как пустота совершенной формы [3], в описании Мережковского – это храм с нарушенным сакральным устройством, поскольку его переделали в мусульманскую мечеть и, в соответствии с несвойственной этому сооружению традицией, в его архитектуре сдвигается ось, пространство оказывается перекошенным, в нем нарушаются силы равновесия и гармонии [7]. В описании И. Бродского этот памятник представлен как огромная масса, давящая и «приземленная», пригодная как для христианского, так и для исламского священнодействия [1].

Каждый автор уверен в том, что реальный храм св. Софии является действительно таким, каким он его описывает. Но множество интерпретаций (в том числе, научный исторический и искусствоведческий комментарии), порождают вопросы, что, собственно, описывается? Является ли предмет этого комплекса описаний тождественным, коль скоро все авторы производят столь несовпадающие образы. Вывод, который можно сделать, состоит в том, что основания для текстов описания находятся как в самом

предмете описания, так и в самих авторах. При этом на предметном основании описание должно ограничиваться простым указанием на предмет, или на его имя (но даже оно может по смыслу быть неоднозначным (христианское сооружение, мусульманская мечеть, музей). На полюсе производства смыслов описание непрерывно расширяется в структурах разнообразных характеристик и акцидентальных признаков. Чем это можно объяснить, ведь предмет описания один и тот же, а его характеристик – бесконечное количество?

Следует, разумеется, учитывать, что представлены литературные уникальные тексты, специально культивирующие особый авторский взгляд на предмет. Но как они соотносятся с реальной св. Софией? Можно обратиться к «строгим» искусствоведческим отчетам относительно этого памятника. Но будут ли они являться той «парадигматической» основой возможных представлений о св. Софии, например, в описаниях таких знатоков византийского искусства, какими были Игорь Грабарь, Владимир Лазарев или Никодим Кондаков? Можно ли сказать, что описания искусствоведов вытесняют другие способы понимания архитектурного сооружения и делают их «лишними сущностями без надобности», которые следует отсекают? С точки зрения феноменологической теории все описания являются конституированными в сознании моделями, которые можно помещать в контексты интер-субъективного взаимодействия, и все они позволяют феноменологически ориентированному исследователю извлекать из них феноменологически значимое содержание. И важными оказываются не только точные исторические сведения, обмеры, фиксированные точные данные, но и поэтические опыты. И самое главное, что определяет феноменологическую дескрипцию, – это запрет на сравнение «предмета-как-он-есть-на-самом-деле» с его образами в конкретном и частном случае, т.е. со всеми приведенными нами и вообще со всякими возможными его представлениями просто потому, что «объективный» образ, – это всегда один из возможных способов осмысления. С позиции феноменологической установки нельзя сравнивать «вещь» с конкретными способами ее представления, способами понимания, описания, можно коррелировать только различные варианты такого рода мыслительных конструкций. Потому феноменологический ряд описаний насыщен такими разнообразными текстами.

Точно так же, в феноменологии нет преимущества у непосредственного восприятия-созерцания предмета. Он не дает качества объективности, поскольку восприятие должно быть понятийно выраженным, а значит, в свою очередь стать «тестом» в ряду других текстов. Восприятие несовершенно и с другой позиции, – в силу природного несовершенства органов чувств. Что значит «увидеть св. Софию»? Значит ли это совместить множественные точки обзора в единую уже не видимую, а мыслимую конструкцию, т.е. опять-таки создать более или менее адекватную видимому модель описания. При этом преимущественная позиция супервизорства, позволяющая одновременно созерцать предмет с разных сторон также оказывается идеальным

проектом в процессе непосредственного восприятия. В таком случае, что может служить гарантией адекватности описания памятника? Это проблема, которая определяет опыт исследования в гуманитарных – «не строгих» – дисциплинах: проблема точности, «объективности», коррелирующей правильности описания является действительно проблемой метода. В этом отношении описание Елифания Премудрого не уступает, но и не превосходит всякое другое видение собора св. Софии. Еще раз повторим принцип феноменологического подхода состоит в том, что у нас нет доступа к вещи самой по себе, есть только многообразные способы конструирования ее в сознании. Реальность вещей не потусторонняя сознанию, она и есть реализованное их осознание [12].

Более всего это очевидно в пространстве «второй природы», в культуре. Текстовые конструкции – это наиболее универсальная структура такого рода конституирования. Архитектурное сооружение – это тоже особый текст, который планируется и создается множеством совместных скорректированных усилий. Однако храмовое сооружение – это еще и текст, осуществленный по принципу мистагогии, вещественного воплощения божественных смыслов.

Еще более интересный поворот проблемы «подлинного» образа (текста) св. Софии мы находим в описаниях попытки повторить подобный архитектурный шедевр в других сооружениях. В произведении Мирослава Павича «Голубая мечеть» сербский писатель остроумно повествует о подобного рода практике в после византийскую эпоху Константинополя. В нем рассказана история создания Голубой мечети: завоеватель Константинополя пытается найти мастера, который бы воздвиг напротив св. Софии сооружение, подобное ей, такое, которое могло бы соперничать, или, по крайней мере «стоять рядом» с великой христианской святыней. Архитектора, который бы согласился соперничать с великими строителями св. Софии Анфимием и Исидором, не находят в столице, и тогда из провинции привозят мастера, который работал над созданием местной мечети, он по простоте душевной соглашается построить «другую Софию», и, вымеряя линейкой пространство св. Софии, он переносит эти размеры и пропорции в новое сооружение. По масштабам «подобное» осуществляется. Однако, эта постройка при всех своих грандиозных масштабах оказывается лишь слабой тенью великого сооружения. Пишется подобный текст образцового храма, но он не совпадает с оригиналом в существенной его тождественности, в нем нет основания, чтобы стать домом Бога. Павич по-своему, в духе магического реализма, развивает тот же принцип невозможности «объективного повторения», того, что однажды уже объективировано в форме архитектурного текста. В этом отношении совершенно не случайно, что храмы, созданные в Древней Руси и посвященные св. Софии, Премудрости Божьей, были совершенно не похожи на константинопольскую святыню.

«Среди европейских историков искусства до сих пор еще держится мнение, что русское искусство до Петра Великого есть только слегка варваризованное искусство Византии, попавшее из всемирного города в глухую провинцию и потому неминуемо выродившееся в жалкие формы» [2, с. 5]. И. Грабарь показывает, что русское архитектурное творчество, которое определяла византийская архитектурная схема, очень быстро приобрело характер глубокой самобытности и явило образцы оригинального архитектурного искусства, т.е. его несовпадение с византийским шедевром не случайно.

Именно эта ситуация зафиксирована в дескриптивной феноменологической аналитике Эдмунда Гуссерля.

Таким образом, мы описываем предмет, полагая, что он находится в мире, вовне, «во внешней реальности». Это очевидно, даже тривиально для любой установки, кроме феноменологической, именно для нее невозможна непосредственная корреляция предмета «как-он-есть-на-самом-деле» и самого описания, поскольку доступ к этой «первой» – внешней – реальности осуществляется посредством сознания, и только таким образом. Другими словами, сознание конституирует реальность, и текст является результатом этого процесса. Феноменологический анализ показывает, что всякий раз реальность творится заново и воссоздается не исходный первообраз, а самые разнообразные способы его текстовой «реализации», которые могут сравниваться и коррелироваться. Даже преимущества прямого свидетельства, то есть живое и непосредственное созерцание памятника не делает нас единственными «объективными» судьями в споре о том, чье восприятие-описание является «более правильным» и «подлинным», оно как текст этого самого восприятия помещается в ряду прочих возможных. Тексты культуры никогда не совпадают, поскольку всякий раз они заново реализуются в деятельности конкретного понимания.

Литература

1. Бродский И. Путешествие в Стамбул : путевая проза // Город и мир / сост. Я. А. Гордин. Ленинград, 1991. С. 38–39.
2. Грабарь И. История русского искусства. Москва : Издание И. Кнебель, 1910. Т. 1 : Архитектура. 507, [11] с.
3. Гумилев Н. Африканский дневник // Зов Африки / сост. Н. Непомнящий. Москва, 1992. С. 110–138.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. А. В. Михайловой. Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. Кн. 1 : Общее введение в чистую феноменологию. 336 с.
5. Кондаков Н. П. Древности Константинополя : научно-популярный очерк. Москва, 1915. 50 с.
6. Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство : статьи и материалы. Москва : Наука, 1978. 335 с.
7. Мережковский Д. Большая Россия : избранное. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1991. 267, [2] с.

8. Павич М. Голубая мечеть // Вывернутая рукавица / М. Павич. Санкт-Петербург, 2001. С. 133–142.
9. Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому / подгот. текста, пер. и примеч. О. А. Белобровой // Изборник : (сборник произведений литературы древней Руси) / сост. и общ. ред. тома Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Москва, 1969. С. 398–403.
10. Прокопий Кессарийский. О постройках // Война с готами ; О постройках / Прокопий Кессарийский. Москва, 1996. С. 677–906.
11. Серкова В. А. Феноменология культуры : текст лекций. Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2010. 137 с.
12. Philosophical Importance Of Poststructuralism: Problem Of Reality And Its Ontological Status / V. Serkova, A. Pylkin, A. Safonova, J. Savitskaya // Research Paradigms Transformation in Social Sciences : Proceedings of the International Conference, 18–21 May, 2017, Tomsk / Ed.: I. B. Ardashkin [et al.]. London, 2018. P. 1180–1186. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences ; vol. 35).

PHENOMENOLOGICAL INTERPRETATION OF THE TEXT

V.A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russian Federation

The article explores the practice of phenomenological descriptive analysis of the text. On the example of several literary works, devoted to the monument of Byzantine architecture, it is shown how the description is structured. The subject, semantic variations and ways of subject and semantic construction of the text are the basis of the phenomenological analytics

Key words: descriptive analytics, author's interpretations, subject of description, semantic connotations, modes of consciousness.

УДК 811.161.1'367.622.12+82.09-1

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ АЛЕКСАНДРА КЕРДАНА

Т.А. Сироткина

Сургутский государственный педагогический университет
г. Сургут, Российская Федерация

Ранее статья была опубликована: Сироткина Т. А. Имена собственные в поэтических текстах Александра Кердана // Филологический вестник : науч. журнал Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 1. С. 21–27.

В статье рассматривается функционирование имен собственных в поэтических текстах Александра Кердана. Анализируются антропонимы, топонимы, агионимы, геортонимы и другие имена собственные, делается вывод о том, что они не только служат для номинации героев и места, но и отражают отдельные вехи биографии поэта, его мировосприятие, отношение к реалиям прошлого и современности.

Ключевые слова: имена собственные, поэзия, Александр Кердан.

Поэтическая ономастика – одно из актуальных направлений современного языкознания, в рамках которого рассматривается функционирование в художественных текстах различных видов имен собственных. Для обозначения таких имен ученые используют термин «поэтоним».

Поэтонимы являются обычно ключевыми словами поэтических текстов, а ономастикон поэта отражает определенный фрагмент его языковой картины мира.

В сегодняшнем докладе мы представим ономастикон известного российского поэта Александра Кердана.

Александр Кердан с 1993 года является членом Союза писателей России, с 2004 года – секретарем правления Союза писателей России, с 2009 года – сопредседателем правления Союза писателей России. С 2000 г. по настоящее время он также координатор Ассоциации писателей Урала.

Рассмотрим, какие виды имен собственных образуют ономастикон поэта и какие функции в поэтических текстах они выполняют.

Ведущую роль в текстах автора, безусловно, играют *антропонимы* – имена человека. Одной из функционирующих в лирике форм антропонимов являются деминутивы – уменьшительные формы имен, выполняющие фатическую функцию, т.е. показывающие включенность тех, к кому они обращены, в личный круг лирического героя:

Ванька за глупую драку на зону влетел
И, породнившись с блатною романтикой, сгинул,
Сашка в Афгане в подорванном танке сгорел,
Юрка в Чечне был расстрелян предательски, в спину.
Вовка, Валерка и Игорь спились на троих,
Не переплыли бодяги зеленую реку.
Я во дворе в сотый раз окликаю своих,
И – днем с огнем – своего здесь ищу человека» [6, с. 27].

Другой ряд антропонимов, выстраивающийся в текстах А. Кердана, – имена людей, близких ему, друзей-поэтов, соратников по перу, единомышленников. В ряде стихотворений он обращается к Яне Чабан – исполнительнице старинных и современных русских романсов, своей даме сердца:

Одуванчиков поляна,
Солнцеликая семья...
День погожий. Рядом – Яна,
Ненаглядная моя [1, с. 124].

К этой же группе относятся такие антропонимические единицы, как Коля Рачков, Вова Gladков, Коняев и многие другие:

Сколько в жизни печали и боли,
Шаг один – от суммы до тюрьмы...
А в стихах у Рачкова, у Коли –
Только свет, и ни капельки тьмы» [1, с. 42].

Коллеги ценят его дружбу, дорожат его добрым отношением. «Мне приятно, – пишет Валентин Сорокин, – что Александр Кердан уважает моих друзей, уральцев, Сергея Алабжина и Анатолия Белозёрцева, Геннадия Комарова и Зою Прокопьеву, Николая Воронова и Нину Ягодинцеву, уральцев, чье слово я всегда слышу и ценю. И самого Александра Кердана, поэта и прозаика, уральца, земляка моего неистового, я не отделяю от нас и от наших учителей, кто ныне с нами и завтра будет с нами» [3].

Уход из жизни близких по духу людей не может оставить поэта равнодушным. Как дань памяти ушедшим звучат в названиях стихотворений имена тех, кто покинул этот мир: «Памяти Евгения Пинаева» [1, с. 83], «На смерть Коли Коняева» [1, с. 151].

Не оставляют равнодушным А. Кердана и радостные события в жизни друзей, рождение их детей. Узнав радостные новости, он тут же пишет экспромты:

Только что проснулся, встал, умылся,
Вдруг звонок – и – сердце рвется вширь:
А Андрея Гяча сын родился,
Словно папа, сущий богатырь! [1, с. 263].

Наконец, третья большая группа антропонимов – имена знаменитых поэтов, известных исторических личностей. Особое место в этом ряду, безусловно, занимает имя А.С. Пушкина, в день рождения которого А. Кердан не может не написать:

А всему причина Пушкин,
Он родился в этот день.
И вздымать за это кружку
И кричать «виват» не лень!» [6: 197].

Являясь доктором культурологии, кандидатом философских наук, поэт запросто, можно сказать, по-дружески обращается к великим философам. Имена Платона, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса являются ключевыми словами цикла «Философинки»:

Платон мне – друг, но истина дороже...
Так говорят, но все же, все же, все же,
Что значит истина, когда она
Любви наперекор пойти должна?
Уверен, что Господь меня услышит:
Любовь одна всех в мире истин выше» [1, с. 165].

Четыре портретные зарисовки, представленные в стихотворении «Эскизы», посвящены знаменитым деятелям искусства и науки – Сальвадору Дали, Альберту Эйнштейну, Георгию Свиридову, Федору Достоевскому:

Его романы и эссе,
Они, на самом деле, все – одна пронзительная повесть –
О том, что есть на свете совесть.

Имена известных личностей, совмещаясь в рамках одного культурного пространства, образуют некий конгломерат смыслов, ценностный вектор региональной и российской культуры. Подобные антропонимы выполняют уже символическую функцию, как, например, в стихотворении «У памятника Жукову в Екатеринбурге»:

Да, летописец – тоже воин
И полководец звонких слов...
В одном строю навеки двое –
И маршал Жуков, и Бажов [1, с. 159].

Ведущую роль в создании хронотопа лирических текстов А. Керда-на играют *топонимы*.

Главным из них можно назвать топоним Россия, являющийся основным в репрезентации концепта «Родина». В стихотворении «В ожидании праздника он пишет:

Разворована князьями, изувечена –
Нет печалям ни начала, ни конца...
Ты, Россия, колокольнями отмечена,
Под присмотром у Небесного отца [1, с. 282].

Одно из ключевых понятий – Урал – предстает перед читателем в разных ипостасях: это и величественные горы, не хуже Памира [1, с. 233], и милая сердцу малая Родина (он родился в село Коркино Челябинской области)

Люблю центральную Россию,
Ее равнины и холмы,
Церквушки, нивы золотые
И рощ березовые сны.
Я в тех местах бродил немало,
Но никогда не забывал
О том, что родом я с Урала,
Что ждет меня родной Урал [1, с. 160].

Особое место среди топонимов занимают гидронимы – названия рек. Порой кажется, что ты вместе с лирическим героем плывешь по родным уральским рекам, вглядываешься вдаль, встречаешь на пути знаменитые камни:

А у нас по Чусовой
Можно плыть до Камы
И Невьянской башни увидеть поклон.

Здесь и Синячиха,
Здесь и Тальков камень,
И над Верхотурьем
Благовеста звон [1, с. 322].

Наряду с официальными топонимами используются в текстах А. Кердана и неофициальные. Они придают поэтическим строкам непринужденность и доверительность, позволяют признать читателя «своим», «местным»:

В родной Челябине дышится легко...
Экологи, заткните ваши уши,
Оставьте крик «Спасите наши души!» -
Здесь небо над дымами высоко [1, с. 315].

Так же, как и антропонимы, топонимы, представленные в текстах А. Кердана, вступают в определенные связи и отношения. Поэт то ставит их в один ряд по семантической близости, то противопоставляет друг другу, как, например, в стихотворении «Некрасовский мотив»:

Гармоника играет.
Звенит в кармане грош.
Я – не пророк, но знаю
Оно, что Пермь-Вторая
Не станет первой тож...

Наверное, не только жители Перми понимают, что Пермь I – вокзал более старый, связанный с исторической Пермью, построенный еще в XIX веке, в 1879 году, через год после смерти Некрасова, написавшего свою «Железную дорогу». Лирический герой стихотворения сидит на Перми-Второй и называет себя «последним поэтом», которому не суждено стать первым, как и Пермь II не стать Пермью I.

Еще одним активно функционирующим в поэзии автора видом имен собственных являются *агионимы* Бог, Иисус, Богородица. Придя к вере не сразу, а во время болезни уже в зрелом возрасте, лежа в больнице, поэт вкладывает в уста лирического героя проникновенные обращения к Богородице и ее сыну, ищет у них заступничества, просит совета:

Матушка Богородица,
Земный Тебе поклон.
Свечку зажгу, как водится,
Подле Твоих икон» [1, с. 29].

Важную роль в текстах поэта играют *геортонимы* – названия праздников. Главные из них – православные: Рождество, Пасха:

Напрасно каркали вороны,
День Пасхи все же наступил...

И колокольные трезвоны
Звучат во имя светлых сил» [1, с. 185].

Упоминаются в стихотворениях поэта и новые российские праздники, однако лирический герой данных текстов испытывает к ним сложные чувства:

Что за праздник – «День России»,
Если каждый день со мной
Небосвод бездонный синий,
Ветер солнечный шальной [1, с. 59].

Другие эмоции вызывает День поэта Петра Суханова в Сургуте. Так называется одно из стихотворений Александра Кердана, в котором очень точно определена роль Сургута в жизни известного сургутского поэта:

Потом просоленный круто,
Горький, как факелов дым,
Вырос он вместе с Сургутом,
Стал он Сургутом самым [1, с. 103].

Как отмечает молодой исследователь творчества А. Кердана Кирилл Усманов, в поэзии Александра Кердана Родина – главная лирическая героиня, служение которой он считает своим главным делом. Поэтому поэт не может обойти вниманием такой праздник, как День Победы, такую акцию, проводимую в этот день, как «Бессмертный полк»:

«Бессмертный полк» – из края в край –
Во славу наших предков...
И ты, мой друг, в ряды вставай,
Твой дед служил в разведке [1, с. 189].

Идеонимы (названия произведений искусства, литературы) так же, как и другие имена собственные, часто являются ключевыми словами текста, той точкой отсчета, с которой стихотворение начинает свою жизнь, принимает определенное направление: философское, патриотическое или, как, например, в стихотворении «Погружение», ироническое:

Как-то в утренней маршрутке
Романтичная старушка
Через призму окуляров
Погрузилась с головой
В книгу «Тайна океанов»,
Да еще с таким азартом,
Что я просто испугался
Возвратилась бы живой...» [1, с. 286].

Используемые поэтом *прагматонимы* служат средством бытописания, выполняют функцию реально-исторической достоверности. Это, например, старенький автомобиль «Победа» из стихотворения «Приснилась мама мне»:

И спрашивал себя: куда мы едем?
Осознавая – ехать не хочу...
А мама говорила мне о деде,
Который ждет нас где-то на «Победе»
И обещает: «С ветром прокачу!» [1, с. 147].

Часто имена собственные в поэзии А. Кердана становятся основой художественных сравнений:

Утонул в твоих глазах. Так Атлантида
Канула однажды в океане...» [1, с. 15].

В стихотворении «Доброе утро» имя, являющееся основой сравнения, обгрызывается фонетически:

А небо нынче добротой лучится,
Лучится, как Лучано Паваротти,
И ничего плохого не случится,
Когда душа открыта каждой ноте [2, с. 424].

Себя лирический герой его поэзии сравнивает с Большим театром:

Я – поэт, я – большой, как театр Большой.
Сто десятков премьер у меня за душой.
Только занавес стоит на миг развести,
Я могу обаять, погубить и спасти [1, с. 95].

Таким образом, ономастикон поэтических текстов А. Кердана – это квинтэссенция смыслов, заложенных в них. Выполняя различные функции, имена собственные не только служат для номинации героев и места, но и отражают отдельные вехи биографии поэта, его мировосприятие, отношение к реалиям прошлого и современности. Функционируя в пространстве текстов поэта, онимы взаимосвязаны и взаимодействуют между собой, отвечая на вопросы читателя или же, наоборот, ставят перед ним те вопросы, на которые он еще долго будет искать ответ.

Литература

1. Кердан А. Б. Собрание сочинений. Екатеринбург : АСПУр, 2021. Т. 6 : Стихотворения ; Песни ; Переводы ; Сказки ; Очерки. 622, [1] с.
2. Кердан А. Б. Собрание сочинений. Екатеринбург : АСПУр, 2021. Т. 5 : Стихотворения ; Поэмы ; Венки сонетов. 598, [1] с.
3. Сорокин В. Уральский витязь // Русская народная линия : Православие. Самодержавие. Народность : Информационно-аналитическая служба. URL: ruskline.ru/analitika/2010/09/09/uralskij_vityaz/ (дата обращения: 12.01.2023).

PROPER NAMES
IN THE POETIC TEXTS OF ALEXANDER KERDAN

T.A. Sirotkina

Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russian Federation

The article deals with the functioning of proper names in the poetic texts of Alexander Kerdan. Anthroponyms, toponyms, hagonyms, geortonyms and other proper names are analyzed, it is concluded that they not only serve to nominate heroes and places, but also reflect certain milestones in the poet's biography, his worldview, attitude to the realities of the past and present.

Key words: proper names, poetry, Alexander Kerdan.

УДК 37.016:94(093)

**ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ КАК ФАКТОРЫ
ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ИСТОРИИ**

И.В. Цветкова, О.Е. Евченко

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью повышать уровень знаний молодежи об истории. Информированность об истории выполняет важную роль в формировании системы ценностей подрастающего поколения. В качестве эмпирической базы статьи выступают результаты социологического опроса, проведенного среди студентов Тольяттинского государственного университета в 2022 году. Результаты опроса свидетельствуют о том, что основными информационными источниками об истории для студентов выступают лекции преподавателей, публикации в Интернете, учебники. Использование источников дифференцировано по гендерным признакам и специализации обучения студентов. Источники информации оказывают влияние на представления молодежи о ценности исторических знаний.

Ключевые слова: исторические знания, ценности, информированность, источники информации, отношение к истории.

На всех этапах исторического развития общества исторические знания выступают важным средством социализации подрастающего поколения. История воспитывает ценностное отношение к деятельности прошлых поколений, уважение к духовным традициям. Базовые императивы, определяющие воспитательную функцию истории, подвергаются сегодня серьезным испытаниям, обусловленным фундаментальными изменениями, которые происходят в России и в мире. Манипулирование общественным сознанием на основе искажения информации о прошлом направлено в первую очередь на молодежь.

Исторические знания существуют в сознании молодежи на двух уровнях: научном и обыденном. Научные знания формируются в процессе обучения, они базируются на информации об исторических фактах. Обыденные исторические представления тесно связаны с осмыслением ценностного значения исторических событий. Между научным и обыденным уровнями исторического сознания нет прямой зависимости. Противоречия между ними способны оказывать значительное влияние на историческое сознание как отдельных индивидов, так и социальных групп [6].

В силу особенностей своего социального положения современная молодежь в большей степени, чем другие поколения, подвержена трансформации ценностей, имеющих значение для интерпретации прошлого. Важными факторами, оказывающими влияние на историческое сознание молодежи, выступают источники информации.

Цель работы состоит в изучении влияния источников информации, которые используют студенты для получения знаний об истории, на ценностное отношение к истории.

Современная молодежь подвергается усиленному информационному воздействию со стороны враждебных политических сил, которые манипулируют информацией о прошлом. Основу для манипуляций составляет низкий уровень знаний молодежи [4].

Многие современные исследователи среди факторов, определяющих формирование исторического сознания молодежи, называют учреждения образования, семью, СМИ, а также институт кинематографии. Каждый из названных факторов оказывает особое влияние на историческое сознание подрастающего поколения [3].

Формирование исторического сознания в современном обществе происходит под влиянием цифровых технологий, которые разрушают целостность самосознания индивида. В цифровом пространстве возникает образ человека, который наделен не только реальными, но и вымышленными чертами. При отсутствии навыков критического мышления восприятие информации об истории становится фрагментарным, состоящим из отдельных противоречивых элементов. Для противодействия этой негативной тенденции исследователи предлагают публикацию исторических документов, а также обучение студентов работе с ними [7].

Исследователи обращают внимание на то, что информация об истории, размещенная в Интернете, чаще всего воспринимается пользователями для подтверждения сложившейся точки зрения, она часто является противоречивой, не соответствует критериям научности. Использование Интернета формирует поверхностную информированность обучаемых. Для повышения качества исторического образования некоторые педагоги предлагают создавать образовательные сайты, наполняя их качественной, достоверной информацией [1].

Социологи обращают внимание на существование противоречия между тем, что многие студенты в качестве основного источника знаний об истории называют учебники, но при этом низко оценивают уровень своих знаний об истории. В качестве причины низкого уровня усвоения учебного материала исследователи указывают на недостаточное использование средств визуализации на занятиях по истории [3].

Для некоторых категорий молодежи произведения художественной литературы, искусства выступают в качестве источников информации о прошлом. Произведения искусства содержат информацию об образе жизни, ментальности людей прошлых эпох. Использование данных материалов для глубокого понимания истории вызывает ряд трудностей. Познавательный потенциал художественных произведений в качестве исторических источников раскрывается при условии применения научной методологии, а также формирования навыков ее использования [8].

Некоторые исследователи обращают внимание на кризисное состояние исторической науки, которое проявляется в утрате интереса со стороны общества к историческим знаниям. Высказывается мнение, о том, что история перестала выполнять прогностические функции, она не способна создать образ будущего на основе знаний о прошлом. История выполняет «терапевтическую» функцию по отношению к «травмирующему» прошлому. Низкий интерес к истории обусловлен также невысоким качеством материалов, которые представлены в Интернете. Лавинообразный рост электронных публикаций по исторической тематике приводит к тому, что историческое познание превращается в разновидность культурной практики и утрачивает статус научности [9].

Историческое образование направлено на формирование ценностного отношения к прошлому. Одна из важных задач, стоящих перед историческим образованием, это формирование социальной идентичности подрастающего поколения, которая базируется на сопричастности к истории народа [5].

Педагоги отмечают, что в современных условиях недостаточно используется воспитательный потенциал исторического знания. В связи с этим подчеркивается необходимость формирования критического мышления, устойчивой системы гражданских и моральных ценностей [2].

Исследование, проведенное среди студентов Тольяттинского государственного университета в октябре-ноябре 2022 года, нацелено на изучение отношения молодежи к историческому прошлому своей страны. Для получения информации использован метод опроса с использованием сервиса Webanketa.

Объектом исследования являются респонденты двух групп специальностей (техническая и гуманитарная) в возрасте от 17 до 25 лет. Было опрошено 206 человек. Среди них девушки составляют 41%, а юноши – 59%.

68% опрошенных – студенты технических специальностей, а гуманитарных – 22%. Среди студентов технических специальностей юноши представлены 70% респондентов, а девушки – 30%. Гендерные характеристики студентов гуманитарных специальностей находятся в обратном соотношении. Юноши составляют 35%, а девушки – 65%.

Таблица 1

**«Из каких источников Вы получаете информацию
об истории России?» в зависимости от гендерных признаков
и направлений подготовки (в % по столбцам)**

Источники информации	по массиву	юноши	девушки	техническое	гуманитарное
информация от профессионалов (преподавателей, ученых)	83	78	90	81	88
Интернет	80	81	80	84	72
учебники	61	54	70	58	66
художественные фильмы	48	45	54	51	42
научно-популярные фильмы	44	50	36	44	45
научные, популярные издания по истории	33	33	32	27	45
архивные документы	18	18	18	14	28
рассказы очевидцев	16	17	14	14	18
журналы	11	11	11	7	20
газеты	7	7	7	6	9

Респондентам был задан вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию об истории России?». Результаты ответов представлены в таблице 1.

Главными источниками информации об истории для респондентов, согласно полученным данным, являются общение с преподавателями (83%), а также Интернет (80%). Доля девушек, а также представителей гуманитарных специальностей среди отметивших эти варианты ответа больше, чем среди других респондентов.

Учебники в качестве источника информации об истории были выделены в 61% анкет. Среди девушек, а также среди студентов гуманитариев больше респондентов, которые называют учебники в качестве источника информации по истории, чем по массиву.

48% респондентов смотрят художественные фильмы с историческими сюжетами. Эти источники информации более популярны среди студентов технических специальностей, а также среди девушек.

В качестве источника об истории 44% участников анкетирования отметили научно-популярные фильмы. Юноши выделили этот вариант ответа на 6% чаще, чем по массиву.

Архивные документы важны для 18% опрошенных, а 16% респондентов обращаются к рассказам очевидцев при изучении истории.

Журналы в качестве источников информации об истории отмечены 11% респондентов, а газеты – 7% участников опроса. Таким образом, самыми распространенными источниками информации об истории для студентов являются: информация, полученная при общении с преподавателями, учебники и публикации в Интернете.

Таблица 2

**Высокий уровень доверия респондентов к информации
по истории (4-5 баллов) в зависимости от гендерных признаков
и направлений подготовки (в % по столбцам)**

Источники информации	по массиву	юноши	девушки	технические	гуманитарные
Лекции преподавателей	79	80	82	83	84
Учебники	68	67	74	69	70
Научные публикации в журналах	48	50	51	45	61
Сайты исторической тематики	43	41	31	35	45
Блоги любителей истории в Интернете	21	25	21	20	20

Студентам было предложено ответить на вопрос: «Насколько Вы доверяете следующим источникам об истории России?». Ответы предполагали выставление оценок по пятибалльной системе: 5 баллов – полностью доверяю, 1 балл – не доверяю, 0 – затрудняюсь ответить. В таблице 2 представлены данные о доверии к источникам в сумме по оценкам в четыре и пять баллов.

Высокий уровень доверия студентов (79%) характеризует лекции преподавателей. У студентов гуманитарных направлений подготовки данный показатель на 5% выше, чем по массиву. Две трети респондентов (68%) доверяют информации об истории из учебников. Девушки демонстрируют высокий уровень доверия к учебникам на 6% чаще, чем другие участники опроса. Научным публикациям из журналов доверяет половина участников

опроса (48%). Представители гуманитарных специальностей выражают доверие к научным публикациям по истории на 13% чаще, чем другие респонденты.

Сайты исторической тематики пользуются доверием у 45% респондентов. Высокие оценки доверия к историческим сайтам реже ставят девушки, а также представители технических специальностей. Только одна пятая участников опроса (21%) выражает высокий уровень доверия к блогам любителей истории в Интернете. Рассмотрим влияние источников информации на цели изучения истории.

Таблица 3

Мнения студентов о целях изучения истории в зависимости от источников информации (в% по столбцам)

Цели изучения истории	по массиву	издания по истории	учебники	Интернет	худ. фильмы
чтобы приобщиться к культуре народа	76	76	79	76	83
изучить опыт старших поколений	71	71	76	74	81
расширить кругозор, эрудицию	67	77	76	74	80
лучше понять современность	41	56	47	41	43
сформировать нравственные качества	38	42	46	39	47
воспитать чувство патриотизма	33	32	37	36	37
приобрести профессиональную подготовку	21	38	27	18	21

В таблице 3 представлены распределения ответов на вопрос «Как Вы думаете, для чего нужно знать историю России?». 76% респондентов считают, что изучение истории приобщает к культуре народа.

Две трети участников опроса видят в истории способ изучения опыта старших поколений (71%), а также средство расширения кругозора и эрудиции (67%). Двум пятым респондентов история помогает лучше понять современность (41%), сформировать нравственные качества (38%). В трети анкет (33%) участники опроса высказали мнение о том, что история формирует патриотические качества. Для пятой части респондентов (21%) история – это учебный предмет, который помогает получить профессиональную подготовку.

Участники опроса, которые читают научные и популярные издания по истории, чаще отмечают, что история помогает расширить кругозор, лучше понять современность, а также приобрести профессиональную подготовку. Различия по этим позициям в сравнении с другими источниками информации составляют 10-12%.

Среди респондентов, читающих учебники по истории, больше респондентов, которые полагают, что история влияет на формирование кругозора, позволяет изучить опыт старших поколений, расширить кругозор, лучше понять современность. Читатели учебников по истории также чаще признают их влияние на формирование нравственных качеств.

Пользователи Интернета среди целей изучения истории чаще, чем другие, отмечают стремление расширить кругозор и эрудицию. Четыре пятых зрителей художественных фильмов с историческими сюжетами чаще, чем другие полагают, что эти произведения дают возможность приобщиться к культуре народа, изучить опыт старших поколений, расширить кругозор. Почти половина респондентов, отметивших художественные фильмы в качестве источников информации об истории, полагают, что они способствуют формированию нравственных качеств. Результаты опроса по этим позициям более чем на 10% больше, чем по массиву.

Таким образом, среди источников информации об истории более 80% участников опроса выделили материалы в Интернете и общение с преподавателями. Источники информации об истории, которыми пользуются студенты, дифференцированы по гендерным признакам, а также по специализациям обучения.

Девушки при изучении истории чаще опираются на информацию, полученную от специалистов, из учебников, а также из художественных фильмов. Гуманитарии реже, чем другие опрошенные, полагаются на Интернет, больше ценят научно-популярные фильмы, архивные документы и научные журналы.

Результаты исследования показали, что несмотря на широкое использование Интернета в качестве источника информации об истории, студенты больше доверяют информации, полученной от педагогов, а также учебникам. Источники информации об истории оказывают влияние на цели изучения истории. Чтение учебников по истории помогает расширить кругозор, приобщает к опыту старших поколений. Среди читателей учебников по истории больше респондентов, которые считают, что изучение истории способствует лучшему пониманию настоящего, а также формированию нравственных качеств. Просмотр художественных фильмов с историческими сюжетами, как показывают результаты исследования, оказывает значительное влияние на приобщение к культуре народа, помогает изучению опыта старших поколений, расширению кругозора, а также на формирование нравственных качеств зрителей.

Литература

1. Проблема формирования исторического сознания школьников и студентов в Интернете: ценностно-мировоззренческий подход / В. Д. Емельяненко, А. Н. Ветошко, А. В. Золотарев, К. А. Матаков // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 10. С. 2102–2107.
2. Кулемина Л. Б. Преподавание истории в условиях гуманизации и гуманитаризации высшего образования в России // Образование и право. 2017. № 9. С. 57–63.
3. Лесина Л. А. Формирование устойчивого интереса к истории как основа патриотического воспитания молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2018. Т. 9, № 2-2. С. 138–144.
4. Морозова Н. М., Леушкин Д. А. Влияние манипулятивных технологий на историческое сознаний молодежи (на примере Нижегородской области) // Столыпинский вестник. 2020. Т. 2, № 3. С. 324–334.
5. Навойчик Е. Ю. Самоидентификация личности как смысловое ядро цели исторического образования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 1. С. 131–133.
6. Студеникина Е. С. Гражданская война в представлениях современного студенчества // Наследие веков. 2018. № 2. С. 14–18.
7. Сучилина А. А. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 1. С. 95–99.
8. Ткачева М. Л. Социально-гуманитарное знание: особенности, взаимодействия, значение // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28, № 3. С. 391–395.
9. Филюшкин А. И. Страна, опрокинутая в прошлое? Почему общество обращается к беллетристике и «Мобилизует средневековье»? // Люди и тексты. Исторический альманах. 2017. № 10. С. 132–143.кин
10. Шумилина-Павлова М. О. Источники формирования исторического сознания российской молодежи // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 226–232.

SOURCES OF INFORMATION AS FACTORS
OF STUDENTS' VALUE ATTITUDE TO HISTORY

I.V. Tsvetkova, O.E. Evchenko
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The relevance of the article is due to the need to increase the level of knowledge of young people about history. Awareness about history plays an important role in shaping the value system of the younger generation. The empirical base of the article is the results of a sociological survey conducted among students of Togliatti State University in 2022. The results of the survey indicate that the main information sources about history for students are lectures by teachers, publications on the Internet, and textbooks. The use of sources is differentiated by gender and the specialization of students' education. Sources of information influence young people's perceptions of the value of historical knowledge.

Key words: historical knowledge, values, awareness, sources of information, attitude to history.

УДК 398.4(52)(093.3)

ФОЛЬКЛОР ЯПОНИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: КЕЙС-СТАДИ *ДОРОТАБО*:

С.В. Яковенко

Независимый исследователь
г. Владивосток, Российская Федерация

Мифы сопровождали человечество с начала истории, с их помощью древние общества пытались выразить свой способ понимания мира, природы, мистики жизни и смерти. Божества или сверхъестественные существа с необычайными способностями своими делами влияли на мир обычных людей. Эти действия выражались в привычных для современного, но остававшихся непознанными для древнего человека явлениях, и наличие разнообразных невидимых персонажей мифов позволяло оправдать то, что казалось необъяснимым с рациональной точки зрения [9, с. 183]. В рамках данной статьи на примере одного из мифологических персонажей предпринята попытка проследить какое место в жизни средневековых японцев находила вера в сверхъестественное и как в фольклоре отражалось осознание окружающей их действительности.

Ключевые слова: фольклор, Япония, исторический источник, *ё:кай*, *Доротабо*.

На протяжении всей истории человечества представители любого народа обращали мистические и непознанные явления в монстров и духов, придавая таким образом смысл и значение этому проявлению собственного опыта. Конкретные формы таких монстров и духов видятся совсем не универсальными, поскольку они обретают свою уникальность, находясь в контексте тех культур и обществ, в которых они появляются, развиваясь и изменяясь в соответствии с желаниями и вызовами людей, характерных для того или иного исторического периода [10, с. 363–364].

Свойственные культуре любого народа представители низшей мифологии или народной демонологии в Японии принято обозначать термином *ё:кай*. Составленный из двух иероглифов: «волшебный» и «загадочный», на русский язык он переводится как духи, гоблины, фантомы, спектры, феи, оборотни, демоны, фантастические существа, монстры, хотя в европейской традиции это всё слишком разнообразные классы объектов. Известный японский культурный антрополог и исследователь *ё:кай* Комацу Кадзухико определяет их как «трансцендентные явления или существования, связанные со страхом» [2, р. 31].

Истоки зарождения феномена чудесного восходят ко времени становления японской государственности в VII веке, а аспекты его трансформации и неизменности играют значительную роль в становлении и развитии японской культуры, беря своё начало в архаических верованиях, основанных на анимистических представлениях.

Интеграция и взаимовлияние религиозно-философских систем, таких как синто, буддизм и даосизм создали сложный и насыщенный мистикой мир. Традиция народных сказок достигла такого развития, что даже отдель-

ные легенды могли выступать доказательством существования сверхъестественных сил и монстров. Это служило подтверждением того, что мир, окружавший японцев того времени, может быть населён многочисленными мифологическими персонажами, обладающими способностями к магии. Их, японцев, ментальность, позволяла сосуществовать вместе реальному миру – миру людей и потустороннему – миру призраков. Более того, признавалось не только их существование, но и возможность свободного передвижения его жителей между измерениями [9, с. 183].

Особый вклад в развитие феномена *ё:кай* внёс художник периода Эдо (1603–1867) Торияма Сэкиэн (鳥山石燕, 1712–1788), которого можно назвать основоположником визуализации образов *ё:кай*. Изданные им сборники «*Гадзу Хякки Ягё:*» (画图百鬼夜行, Иллюстрированный ночной парад сотен демонов, 1776), «*Кондзяку Гадзу Дзоку Хякки*» (今昔画图続百鬼, Иллюстрированные сотни демонов из Настоящего и Прошлого, 1779), «*Кондзяку Хякки Сюи*» (今昔百鬼拾遺, Дополнение к сотням демонов из Настоящего и Прошлого, 1781) и «*Хякки Цурэдзурэ Букуро*» (百器徒然袋, Иллюстрированный мешок одной сотни разных демонов, 1784) включают иллюстрированные записи о 207 *ё:кай* [11, с. 108].

Отпечатанные в резком контрасте с красочными свитками периода Муромати (1336–1573), черно-белые работы Торияма Сэкиэн с чёткими контурами каждого из *ё:кай*, позволяют передать визуальную информацию, без эмоционального оттенка, производимого цветопередачей. В то время, как искусство Муромати оказало влияние на визуальные эффекты в кинематографе XX – начала XXI веков, работы Торияма Сэкиэн имеют значительное влияние на развитие современной манги [11, с. 108].

Изучение отдельных образов низшей мифологии крайне важно для исторической науки, ведь в них в сжатом виде заложена информация о восприятии человеком того времени, когда оно было придумано, окружающего мира. Отношения между человеком и человеком, человеком и природой, обращение непознанного в мифический персонаж характерно для древней и средневековой Японии.

Так, *Доротабо:* (泥田坊), встречающийся в собрании картин «Кондзяку хякки сюи» Торияма Сэкиэн. *Доротабо:* у Торияма изображён в виде человекоподобной фигуры, по пояс возвышающейся над илстым рисовым полем и имеющей всего 3 пальца на руке и один глаз [6, с. 198].

Специалист по японской литературе Абэ Масамити отмечает, что пять пальцев человеческой руки обозначают две добродетели и три порока. Гнев (瞋恚, яп. *синъи*; *синни*), алчность (貪婪, яп. *танран*, *донран*) и невежество (愚痴, яп. *гути*) – три порока, сдерживаются мудростью (知恵, яп. *тиэ*) и состраданием (慈悲, яп. *дзихи*) – двумя добродетелями, поэтому обладающий только тремя пальцами *Доротабо:* есть низменное существование, связанное лишь со злом [1, р. 25–26].

Рис. 1 Доротабо: в «Кондзяку хякки сюи» Торияма Сэкиэн

Происхождение этого существа сводится к преданию о том, что где-то на севере жил бедный, но трудолюбивый мужчина. Трудясь и в жару, и в стужу, он сумел, работая изо дня в день, вместо пустыря создать плодородное рисовое поле. Урожай с каждым годом всё увеличивался, и он мог бы жить как обычные люди, однако заболел и умер.

Хотя у него был ребёнок, в отличие от отца он был лентяем, и, в конце концов, поле, над которым отец трудился, не покладая рук, без сна и отдыха, было заброшено.

Отца, недовольного образом жизни сына не стало, и, к счастью последнего, он смог проводить дни, наслаждаясь выпивкой. Тем временем, пока он продолжал жить праздным образом, поле оказалось в руках других людей.

Человек, который его купил, был доволен тем, что «завладел хорошим полем». Однако, однажды вечером, когда окинул поле взглядом, внезапно, он увидел *ё:кай*, появившегося из земли и кричавшего «верни поле, верни поле».

Интересным является тот факт, что подобный сюжет не встречается в других источниках и фольклорных традициях того периода, поэтому его происхождение является неясным [3, р. 256].

В «Путешествии по историям о привидениях из Тохоку» Ямада Но-рио, под заголовком «Доротабо:» мы находим такую историю, произошедшую в префектуре Ямагата:

В посёлке Сё:най жила женщина по имени Аки, и так как её муж, Хан-дзаэмон, будучи занятым строительством на реке, постоянно отсутствовал

дома, она слонялась без дела. Когда с окрестностей стали доноситься призывы «выходи из дома и работай в поле, как и все», хотя она поневоле вышла из дома, но не для того, чтобы сажать рис, а продолжила слоняться. Однажды, поднявшись на гору, она встретила незнакомца и поклялась развлекаться с ним каждый день. Когда в конце концов, Хандзаэмон, закончив работу вернулся домой, то не застал жену. Услышав от людей, что она часто ходит на гору, он отправился за ней. Поднявшись на гору, он увидел Аки, откладывающую яйцо, при этом её бедра обвивала змея. Шокированный увиденным Хандзаэмон сказал Аки, что она может стать женой змеи, а они разведутся. Когда та, спустившись с горы, шла по тропинке между рисовыми полями, из одного из них появился монах, полностью покрытый грязью и сказал: «чем рожать детей змеи, лучше рис сади» [8, р. 133–134].

Тада Кацуми отмечает, что с наступлением периода Сёва (1926–1989) и последовавшей Второй мировой войны, многие сельскохозяйственные угодья были изъяты с целью постройки вместо них военных баз, а крестьяне были или арестованы, или, лишённые жизненного пути, бродяжничали и погибали несчастными смертями. Чувство злобы или обиды, с которым они умирали, могло переродить их как *Доротабо*·, а продолжающаяся политика по сокращению посевных площадей – способствовать их появлению. Также, основываясь на комментариях Торияма, он указывает, что пожилые люди, занимавшиеся сельским хозяйством, после смерти, обидевшись на сыновей, ведущих распутный образ жизни, превращались в сущность, именуемую *Доротабо*· [5, р. 208–209].

Что касается названия *Доротабо*·, то некоторые исследователи предполагают, что его создал Торияма, взяв за основу поговорку «бить посохом по грязному рисовому полю» (泥田を棒で打つ, яп. *дорота о бо дэ уцу*), означающую «делать или говорить что-то бессмысленное или глупое, заниматься пустой тратой времени» [7, с. 66; 4, р. 28]. Кроме того, существует версия, что оно может происходить от псевдонима «*Доротабо*· юмэнари» автора сатирических песен Синагава Гэнко, врача клана Кисю, управлявшего провинцией Кии (совр. префектуры Вакаяма и Миэ) [4, р. 28]. С другой стороны, исследователь ё·кай Тада Кацуми отмечает, что название *Доротабо*·, созданное Торияма, может быть игрой слов, выдвигая версию, что под формой ё·кай может скрываться Син-Ёсивара, район удовольствий в Эдо. В Эдо «северные страны» были ещё одним названием Син-Ёсивара, но прежде всего, его называли «Ёсивара Танбо» (рисовое поле Ёсивара). Верни рисовое поле (田を返せ, яп. *та о каэсэ*) или возделывай рисовое поле (田を耕せ, яп. *та о тагаясэ*) на сленге, характерном для этих районов, несёт смысл полового сношения. Кроме того, «грязь» (泥, яп. *доро*), в переносном смысле, это значение второго иероглифа бинома «распущенность, разврат» (放蕩, яп. *хо:то:*) – очаровывать (蕩す, яп. *торокасу*). Тот факт, что старик умер, т.е. «терять старика» (翁なくす, яп. *окина накусу*) превращается в «те-

рять» (置けなくす, яп. *окунакусу*), другими словами, «отказываться от залога» (質草を流す, яп. *ситигуса о нагасу*) [5, р. 208–209].

Если анализировать иероглифы, из которых состоит название ё:кай, то получится следующее: 泥 (яп. *доро*) – 1) грязь; 2) вор; 田 (яп. *та*) – 1) рисовое поле; 2) место добычи чего-либо; 3) сельская местность, деревня; 坊 (яп. *бо:*) – 1) будд. монах, келья; 2) просторечный суффикс лица (Сравн. с 棒); 3) суффикс игр и проделок. Кроме того, «бо:» читается и иероглиф, означающий палку – 棒 – 1) палка; 2) прямой; простой (как палка); 3) просторечный суффикс лица (Сравн. с坊).

Не менее интересным получится результат, если провести анализ слов, состоящих из иероглифов, обозначающих пороки:

Таблица 1

Анализ иероглифов

瞋 будд. отвращение, вражда, гнев (один из «трёх корней неблагого» в буддизме)	貪瞋痴 (будд. алчность, отвращение и невежество, три корня неблагого); 瞋恚 (1. возвыш. гнев, негодование; 2. будд. Отвращение)
恚む (арх. гневаться)	忿恚 (см. тоже самое, что и 瞋恚) первый иероглиф 忿 также несёт в себе смысл гнева, ярости и т.д.
貪る (1. домогаться чего-л., жаждать чего-л., гнаться за чем-л.; 2. предаваться чему-л.)	貪婪 (кн. алчность; алчный, жадный, ненасытный); 貪食 (кн. обжорство, прожорливость; объедаться, обжираться; 貪り食う (поглощать с жадностью, пожирать)
婪	единственное значение выше
愚 (глупый)	愚劣 (глупость, абсурд, нонсенс; глупый, абсурдный, дурацкий); 愚痴 (1. жалобы, нытьё, брюзжание; 2. будд. неспособность распознать истину, невежество)
痴がましい (1. самонадеянный, дерзкий, нескромный; 2. смехотворный, абсурдный, глупый)	痴人 (кн. дурак, идиот, тупица); 痴情 (слепая любовь, нелепая страсть); 痴漢 (1. развратник (пристающий к женщинам); 2. идиот, ослотоп)

Можно заметить, что смысловая нагрузка иероглифов, используемых в словах, обозначающих пороки, также чётко коррелирует с сюжетной линией (прожорливость, невежество, нерадивость/тупость, развратность).

Таким образом, на примере одного из существ японской низшей мифологии мы проследили какое место в жизни средневековых японцев находила вера в сверхъестественное и как в фольклоре отражалось осознание

окружавшей их действительности. Разнузданный образ жизни сына старика привёл к потере контроля и владения над семейным наделом, что привело к возвращению отца с того света в виде монстра, докучающего новым владельцам. Представляется, что этот образ мог быть придуман с целью назидания потомкам, нарушающих сыновнюю почтительность – одно из центральных понятий в конфуцианской этике и философии, важный компонент традиционной восточноазиатской ментальности.

Литература

1. 阿部 正路. 日本の妖怪たち = Японские монстры / Масамити Абэ. 東京 : 東京書籍, 1981. 233р.
2. 小松 和彦. 妖怪学新考 : 妖怪からみる日本人の心 = Переосмысление науки о ё:кай : К сердцу японцев через ё:кай / Кадзухико Комацу. 東京 : 小学館, 2000. 299 р.
3. 村上 健司. 妖怪事典 = Энциклопедический словарь ё:кай / Кэндзи Мураками. 東京 : 毎日新聞社, 2000. 418 р.
4. 東雲鬼神. 妖怪の中でも偉い人たち = Великие среди ё:кай / Кидзин Синономэ // DISCOVER 妖怪 日本の妖怪事典 = Откройте для себя ё:кай : Японская энциклопедия ё:кай. 東京, 2007. Vol. 1.
5. 多田 克己. 幻想世界の住人たち, 4 = Обитатели фантастических миров 4 / Кацуми Тада. 東京 : 新紀元社, 1990. 391 р.
6. 画図百鬼夜行 = Гадзу Хякки Ягё / 石燕 鳥山, 稲田 篤信, 田中 直日, 高田 衛 ; 稲田篤信, 田中直日編. 東京 : 国書刊行会, 1992. 348 р.
7. 時田 昌瑞. 図説日本のことわざ : 絵と図像の文化 = Иллюстрированные японские пословицы: культура изображений и иконографии / Сёдзуи Токита. 東京 : 河出書房新社, 1999. 135 р.
8. 山田 野理夫. 東北怪談の旅 = Путешествие по историям о привидениях из Тохoku / Норно Ямада. 東京 : 自由国民社, 1974. 246 р.
9. Яковенко С. В. Отражение веры в сверхъестественное у японцев периода Хэйан (794–1185) // Россия и АТР. 2018. № 3. С. 182–192
10. Яковенко С. В. Первые упоминания о е:кай в японских «энциклопедиях» // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. 2017. № 1. С. 363–372.
11. Яковенко С. В. Ёкай как важный фактор формирования японской культуры: исторический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 3. С. 105–116.

FOLKLORE OF JAPAN AS A HISTORICAL SOURCE: CASE STUDY *DOROTABŌ*

S.V. Yakovenko

Independent researcher
Vladivostok, Russian Federation

Myths have accompanied mankind since the beginning of history; with their help, ancient societies tried to express their way of understanding the world, nature, the mysticism of

life and death. Deities or supernatural beings with extraordinary abilities influenced the world of ordinary people through their deeds. These actions were expressed in the phenomena familiar to the modern, but remaining unknown to the ancient man, and the presence of various invisible characters of myths made it possible to justify what seemed inexplicable from a rational point of view. Within the framework of this article, using the example of one of the mythological characters, an attempt was made to trace what place faith in the supernatural found in the life of medieval Japanese and how awareness of the reality surrounding them was reflected in folklore.

Key words: folklore, Japan, historical source, *yōkai*, *Dorotabō*.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТЕКСТА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 303.645.062

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КАК СПОСОБ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ТЕКСТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СРЕДСТВ МАССОВЫХ ИНФОРМАЦИЙ

А.В. Богомолова, Т.В. Котова

Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
г. Липецк, Российская Федерация

В статье рассматривается опыт применения контент-анализа в социологических исследованиях. Актуальность метода обусловлена перечнем его преимущественных характеристик, так как данный метод подходит для анализа и систематизации больших потоков информации, а количественные данные помогают получить объективные данные в ходе проводимого исследования. Контент-анализ подходит для исследования средств массовых информационных средств. С помощью контент-анализа мы проанализируем деятельность Общественной палаты Липецкой области за 2022 год, анализируя СМИ города Липецка и области.

Ключевые слова: метод исследования, контент-анализ, социологическое измерение, средства массовой информации, социологическое исследование.

При проведении социологических исследований применение метода контент-анализа стало актуальным и широко распространённым. Его актуальность определяется не только его преимуществами, которые мы определим далее, но и тем, что данный метод является одним из применяемых при анализе средств массовых информационных средств, с помощью которого выявляют также латентные признаки исследуемых предметов. Поскольку в оригинальном тексте печатных СМИ содержатся неясные символические формы коммуникации, то задача исследователя состоит в превращении их в точные объективные количественные данные [3, с. 10].

Говоря о применении метода контент-анализа, хотелось бы упомянуть, что проведение исследования невозможно без применения социологического измерения. Измерение – это есть процесс соотнесения величины или наличия измеряемого свойства с делениями определенной шкалы [1, с. 4]. Социологическое измерение позволяет установить и отразить различные качества изучаемых нами объектов и предметов.

В целом, контент-анализ – социологический метод исследования, который относится к количественным, и включает в себя сбор, анализ и описание различных текстовых документов. Л. Ньюман, описывая контент-анализ, указывает, что он также рассматривается как метод качественный [2, с. 120], но исследователи не всегда к нему обращаются и реже дают по-

ложительные оценки. Качественный контент-анализ, по мнению Л. Ньюмана, может быть лишь дополнением к количественной оценке, но никак не заменяя ее. К текстовым материалам относят: книги, газетные или журнальные статьи, официальные документы, стенограммы и другое. При изучении любых средств массовых информационных сообщений нередко исследователи прибегают к методу контент-анализа, ведь он помогает проанализировать большие объемы информации, но это не является единственной причиной. Для детального рассмотрения данного вопроса стоит упомянуть о зарождении метода контент-анализа.

К середине XX века контент-анализ стали определять в его классическом понимании. С помощью контент-анализа стали изучать и анализировать не только явное содержание текстов, но и латентное. Именно возможность исследования и анализа скрытых смыслов делает контент-анализ одним из наиболее привлекательных социологических методов. Американский социолог Г. Лассуэлл один из первых начал анализировать тексты средств массовых информационных сообщений на выявление латентных смыслов с помощью количественных оценок слов и символов.

Далее Ж. Кайзер разработал систему для исследования и анализа текстовой информации, данная система включала в себя комплекс методологических процедур, которые позволяли исследовать большие объемы информации. Затем данная методика получила большое распространение в обществе при исследовании средств массовых информационных сообщений. Именно после введения Ж. Кайзером перечня исследовательских процедур контент-анализ начали оценивать, как методику для проведения исследований. Говоря о контент-анализе как о способе социологического измерения текста, стоит выделить перечень его достоинств и недостатков.

Как и любой из социологических методов контент-анализ имеет преимущества и недостатки. К преимуществам мы можем отнести:

- выявление объективных данных, которые невозможно определить, применяя другие социологические методы;
- метод позволяет анализировать большие объемы исследуемых материалов;
- метод позволяет сравнивать содержание различных материалов и анализировать после получения количественных данных;
- доступность материалов и документов для проведения исследования;
- возможность исследования процессов и явлений в различные временные периоды.

К недостаткам контент-анализа мы можем отнести:

- затруднения при применении инструментария метода;
- при использовании архивных документов необходимо дополнительно проверять критерии его соответствия.

Рассмотрим наш опыт применения контент-анализа в социологическом исследовании при изучении деятельности Общественной палаты Липецкой области за 2022 год. При изучении деятельности Общественной палаты Липецкой области мы использовали материалы, публикуемые средствами массовых информационных, нами были изучены 4 информационных портала города Липецка и области:

- LipetskMedia.ru – информационно-справочный портал Липецка и Липецкой области;
- Липецкое время – теле, радио компания;
- Вести Липецка – Новостной портал Липецка и области. Филиал ГТРК Липецк;
- Липецкая газета – издательский дом в Липецке.

Контент-анализ не может нам дать полной картины деятельности Общественной палаты Липецкой области за 2022 год, но при этом мы можем сделать вывод, какие виды мероприятий и общественной сферы освещаются чаще, чем остальные и количественно отразить полученные нами данные.

В соответствии с поставленной нами целью мы определили ряд задач: выявить направления сферы работы Общественной палаты, определить перечень проводимых мероприятий Общественной палатой Липецкой области за 2022 год, проанализировать количественные показатели освещенных в СМИ мероприятий.

Затем контент-анализ позволил нам оценить содержание и частоту повторений слов, высказывай, словосочетаний, которые используют СМИ при описании проведенных мероприятий за 2022 год. Далее мы покажем в процентном соотношении количественные показатели, которые мы выявили. Мы разделили деятельность Общественной палаты по сферам, которые можно проследить в таблице (таблица 1).

Таблица 1

Сферы работы Общественной палаты Липецкой области за 2022 год

№ п/п	Сферы работы Общественной палаты	Количество мероприятий
1.	по вопросам науки, образования и культуры	10
2.	по вопросам общественной безопасности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина	4
3.	по вопросам молодежной политики и по вопросам развития физической культуры и спорта	8
4.	по вопросам здравоохранения, семьи и демографии	7
5.	по вопросам социальной политики, качества жизни граждан	10
6.	по экономике и поддержке предпринимательства	9

Окончание таблицы 1

№ п/п	Сферы работы Общественной палаты	Количество мероприятий
7.	по вопросам развития гражданского общества, поддержки социально ориентированных НКО, информационной политики и СМИ	11
8.	по вопросам экологии, развития городской среды, ЖКХ, сельских территорий и АПК	7

После определения основных сфер работы Общественной палаты и количественных показателей на основе публикаций в СМИ мы бы хотели изучить перечень проводимых мероприятий Общественной палатой Липецкой области за 2022 год (таблица 2).

Таблица 2

Мероприятия, проводимые Общественной палатой в 2022 году

№ п/п	Вид мероприятия, проводимые Общественной палатой в 2022 году	Количество мероприятий
1.	Заседания Общественной палаты Липецкой области	6
2.	Заседания Совета Общественной палаты Липецкой области	5
3.	Заседания комиссий Общественной палаты Липецкой области	16
4.	Опрос населения	3
5.	Круглый стол, встреча, пленарное заседание, встреча, форум	13
6.	Прием обращения граждан	12
7.	Общественный мониторинг	4
8.	Общественное наблюдение	7

После анализа сфер работ Общественной палаты и проведенных мероприятий мы отразили количественные данные в процентном соотношении на основе публикаций в СМИ, которые мы исследовали (рисунок 1).

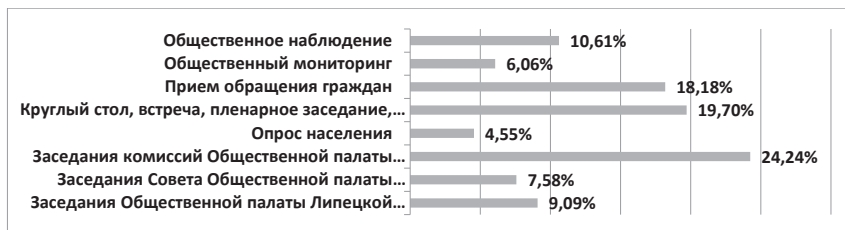

Рисунок 1. Вид мероприятий, освещенных в СМИ за 2022 год

На рисунке мы можем проследить частоту отражения в СМИ, проведенных мероприятий Общественной палатой Липецкой области за 2022 год.

Итак, чаще всего в СМИ отражаются заседания комиссий Общественной палаты (24,24%). Далее мы видим, что в публикациях СМИ отражают также массовые мероприятия – круглые столы, пленарные заседания, встречи, форумы и другое (19,70%). Затем мы проанализировали, что часто публикуют прием обращения граждан (18,18%) по различным вопросам – Общественная палата Липецкой области проводит бесплатные консультации по различным вопросам (юридическим, социальным, жилищным и др.). Затем уже реже публикуется информация об общественном наблюдении (10,61%), Заседаниях Общественной палаты Липецкой области (9,09%), Заседания Совета Общественной палаты Липецкой области (7,58%) и опрос населения (4,55%), проводимые Общественной палатой по различным вопросам.

Таким образом, мы оценили деятельность Общественной палаты Липецкой области за 2022 год. Стоит отметить, что Общественная палата является разносторонней общественной организацией, которая занимается различными вопросами, с учетом общественных жалоб, предложений и обзоров. Деятельность Общественной палаты ярко совмещается в СМИ, внимание уделяется как внутренним мероприятиям (Заседания комиссий Общественной палаты, Заседания Общественной палаты Липецкой области, Заседания Совета Общественной палаты), так и внешним (встречи, опросы населения, форумы, круглые столы).

Литература

1. Ильясов Ф. Н. Шкалы и специфика социологического измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1. С. 3–16.
2. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129.
3. Семёнова А. В., Корсунская М. В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. Москва : Институт социологии РАН, 2010. 323 с.

CONTENT ANALYSIS AS A METHOD OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT OF TEXT IN THE STUDY OF MASS MEDIA

A.V. Bogomolova, T.V. Kotova

*Lipetsk State Pedagogical University named P.P. Semenov-Tyan-Shansky
Lipetsk, Russian Federation*

The article discusses the experience of using content analysis in sociological research. The relevance of the method is due to the list of its preferred characteristics, since this method is suitable for analyzing and systematizing large flows of information, and quantitative data helps to obtain objective data in the course of the study. Content analysis is suitable for the study of mass media. With the help of content analysis, we will analyze the activities of the Public Chamber of the Lipetsk region for 2022, analyzing the media of the city of Lipetsk and the region.

Key words: research method, content analysis, sociological measurement, mass media, sociological research.

УДК 316.3:004:303.4

ИНТЕРАКТИВНОЕ КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Т.Н. Иванова, Е.Д. Стрельцова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема стремительного развития информационных технологий, которые приводят к образованию нового цифрового общества. Признаком новой социальной реальности выступает глобализация информационных процессов. В статье представлены результаты социологического исследования по вопросам стратегий людей в информационном обществе, с учетом результатов сравнительного анализа социальных стратегий старшего поколения и молодежи в информационном обществе и на основе результатов анкетирования.

Ключевые слова: цифровое общество, стратегии, глобализация, электронно-цифровое пространство, общество знаний, информационные технологии.

Стремительное развитие информационных технологий приводит к образованию нового общества – цифрового. Главной отличительной чертой цифрового общества является не информация, которая характерна для информационного общества, а ее способы хранения и распространения. Термин «цифровое общество» связано с успешно воспринятыми обществом цифровыми технологиями и дальнейшим развитием этих технологий. В истории человечества произошло несколько информационных революций [1, с. 28]. К первому этапу относят появление письменности и связывают с возможностью передачи знаний из поколения в поколение. Второй этап связывают с книгопечатанием, когда знания стали доступными для разных слоев населения. Третья революция характеризуется передачей информации на расстояние, данный этап связан с появлением электричества (телефон, радио). Четвертый этап связан с появлением персонального компьютера. Вступая в постиндустриальную эпоху, человечество оказывается под воздействием больших потоков информации, поэтому современное общество можно охарактеризовать как информационное. Современный человек вынужден подстраиваться под современные тенденции.

Информационное общество характеризуется своей саморефлексивностью и определяется как общество знаний и информации, которые в свою очередь пронизывают все общественные сферы: производственную, техническую, экономическую, политическую, социальную и т.д. [2, с. 48].

Признаком новой социальной реальности выступает глобализация информационных процессов. Раньше средствами получения информации преимущественно выступали газеты и журналы. Сегодня основными сред-

ствами получения информации являются: компьютер, телефон, телевизор, радио. Такая информационная техника есть в пользовании у большинства людей. Самая скоростная передача информации идёт через Интернет, который находится в активном пользовании у современного человека.

Интерактивное пространство пользователей Интернета расширяется, становясь все более дифференцированным. Вслед за молодыми пользователями сети Интернет включается все больше лиц старшего поколения. Цифровое или информационное общество – общество, в котором большинство людей занято производством, хранением, переработкой информации и ее реализацией в высшей ее форме – знаний.

Стремительная скорость развития информационных технологий ведет за собой изменения общества, которое должно подстраиваться под эти тенденции [3, с. 79]. Виртуальное пространство проникает во все аспекты жизни общества, меняя восприятие людей, механизмы мышления, специфику освоения информации и коммуникации.

Современное общество определяется как общество знаний и информации. Кафедра «Журналистика и социология» Тольяттинского государственного университета провела социологическое исследование, где были проанализированы стратегии людей в информационном обществе, с учетом результатов сравнительного анализа социальных стратегий старшего поколения и молодежи в информационном обществе и на основе анкетирования. Респонденты в возрасте от 18 до 25 лет и представители в возрасте от 35 до 45 оценивают свое положение в информационном пространстве. Данная направленность исследования позволила нам сформировать представление о том, какие социальные стратегии у представителей разных поколений в информационном обществе и определить ряд ключевых проблем и достоинств.

Обработка полученных данных была произведена в табличном процессоре онлайн сервера Webanketa². В данном анкетировании было задействовано в общей сложности 432 респондента, из которых 66% – респонденты в возрасте от 18 до 25 лет и 34% – респонденты в возрасте от 35 до 45 лет. Среди респондентов 75% были женаты/замужем, а остальные 25% – были холостыми. 49% опрошенных имеют высшее образование, 26% – отметили среднее общее образование, 14% респондентов имеют среднее профессиональное образование, 11% участников опроса – среднее общее образование. В трудовой занятости 52% опрошенных ответили, что имеют постоянную работу, 25% отметили что не работают, 23% отметили временную работу. 60% участников опроса отметили что особых материальных затруднений нет, но не все приходится по карману у 21% опрошенных денег хватает только на одежду, продукты питания и лекар-

² Webanketa: сервис для создания анкет, опросов, тестов и голосований. URL: webanketa.com (дата обращения: 03.05.2022).

ства, 17% – отметили что у них нет никаких материальных затруднений и только 2% участников опроса живут в крайней нужде.

В первом вопросе мы узнали и сравнили какая информационная техника имеется у респондента, 97% опрошенных респондентов имеют в своем пользовании телефон, у 79% опрошенных есть телевизор, а также у 18% участников опроса имеется радио. Ноутбук или компьютер есть у 86% опрошенных людей. Среди респондентов в возрасте от 35 до 45 лет ноутбук или компьютер есть у 79% опрошенных. У респондентов в возрасте от 35 до 45 лет есть планшет у 35% опрошенных, у участников опроса в возрасте от 18 до 25 этот ответ наблюдается реже. Можно сделать вывод, что у обеих возрастных групп в возрасте от 18 до 25 и в возрасте от 35 до 45 лет наблюдается одинаковое наличие следующей техники: телевизор, телефон и радио. Но также есть то, в чем ответы отличаются. Участники опроса в возрасте от 35 до 45 лет указывали на наличие компьютера или ноутбука и планшета чаще, чем опрошенные в возрасте от 18 до 25.

Далее мы узнали у респондентов как часто они используют информационную технику. Чаще всего респонденты используют телефон, который оценили самым высоким баллом, где среднее значение составило 3,97 из 5 возможных (где приближение к «0» – частота использования техники уменьшается, к «4» – увеличивается). Результаты по возрасту почти не отличаются от общих. Также респонденты отмечали как часто они используют ноутбук или компьютер. Среднее значение составило 3,21. Среди респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ноутбук или компьютер в среднем используют 3,13 опрошенных. А среди респондентов в возрасте от 35 до 45 лет этой техникой пользуются в среднем 3,35 опрошенных. Из приведенных результатов можно сделать вывод о том, что старшее поколение проводит больше времени за ноутбуком и компьютером, чем молодёжь. Телевизор в среднем используют 2,64 опрошенных. Среди молодежи средний показатель составил 2,4, это ниже чем у представителей старшего поколения. В среднем у респондентов в возрасте от 35 до 45 лет среднее значение составило 3,08. Можно утверждать, что среди тех, кто смотрит телевизор больше представителей старшего поколения.

Среднее значение использования радио составило – 0,83, где респонденты в возрасте от 18 до 25 используют радио не так часто, как респонденты в возрасте от 35 до 45 – 1,02.

Самым низким баллом среди всех вариантов респонденты отметили планшет, где среднее значение составило – 0,68. У респондентов в возрасте от 18 до 25 лет – 0,54, у респондентов возрасте от 35 до 45 – 0,94.

Таким образом, представители старшего поколения часто смотрят программы телевизору, а молодёжь по результатам исследования пользуется телевизором реже. Среди тех, кто указывал, что часто проводит свое время за ноутбуком или компьютером больше респондентов в возрасте от 35 до 45 лет. Больше пользуются планшетом и радио представители старшего поколения.

Далее мы узнали у респондентов как они оценивают свой уровень владения информационной техникой. 42% опрошиваемых респондентов ответили, что оценивают свой уровень владения информационной техникой на отлично, 47% респондентов ответили хорошо и 11% оценивают свои навыки, как удовлетворительные. Ответы на поставленный вопрос по возрастному признаку отличаются: на хорошо свои навыки владения информационной техникой оценивают 51% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет. Чаще свои навыки как удовлетворительные отмечают респонденты в возрасте от 35 до 45 лет – 18%.

Можно сделать вывод, что обе возрастные группы одинаково оценивают свои навыки владения информационной техникой на отлично. Однако, респонденты в возрасте от 18 до 25 лет чаще отмечали свои навыки, как хорошие, а респонденты в возрасте от 35 до 45 лет, как удовлетворительные.

Завершая наш блок следующим вопросом: как часто, респонденты покупают информационную технику.

Стараются приобретать новинки, меняют часто всего 6% респондентов, ответ «за новинками не слежу, но стараюсь, чтобы техника была современной» отметили 24%, покупают по мере износа или поломки старой наибольшее число респондентов – 69%. Реже вариант ответа «за новинками не слежу, но стараюсь, чтобы техника была современной» отмечали респонденты в возрасте от 35 до 45 лет – 15%. 62% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет отмечали, что покупают по мере износа или поломки старой, тогда как у респондентов в возрасте от 35 до 45 лет этот ответ составил 82%.

Можно сделать вывод, что стараются приобретать новинки, меняют часто одинаковое количество респондентов разных возрастных групп. Вариант ответа «не слежу за новинками, но стараюсь, чтобы техника была современной» представители старшего поколения выбирали реже, чем представители молодежи. Предпочитают покупать информационную технику по мере износа или поломки старой респонденты в возрасте от 35 до 45 лет.

В следующем вопросе респонденты отвечали, какие товары приобретают в Интернете. Одежду и обувь предпочитают приобретать в Интернете 72% опрошенных, мебель предпочитают приобретать наименьшее число опрошиваемых респондентов – 18%, медицинские товары – 19%, продукты питания – 40% респондентов, товары для хобби и развлечений приобретают 67%, косметику и средства личной гигиены – 62% опрошенных респондентов, вариант ответа «электроника и бытовая техника» отметили 44%, вариант ответа «аксессуары» респонденты выбирали чаще всего – 73%, товары выбрали 24, подарки и сувениры – 70% опрошенных респондентов. Вариант ответа «мебель» реже отмечали респонденты в возрасте от 35 до 45 лет. Приобретают продукты питания в Интернете 50% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, тогда как респонденты в возрасте от 35 до 45 лет делают такие покупки гораздо реже – 21%. Покупают товары для хобби и развлечений представители молодого поколения чаще – 74%, чем пред-

ставители старшего поколения – 53%. Вариант ответа «косметика и средства личной гигиены» выбирали 68% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет и 50% в возрасте от 35 до 45 лет. Электронику и бытовую технику в Интернете чаще всего приобретают респонденты в возрасте от 35 до 45 лет – 62%, тогда как респонденты в возрасте от 18 до 25 лет всего – 35%. Аксессуары в Интернете предпочитают приобретать 85% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, тогда как в возрасте от 35 до 45 лет всего 50%. Хозтовары в Интернете больше пользуются спросом у респондентов в возрасте от 35 до 45 лет – 32%. Респонденты в возрасте от 18 до 25 лет эти товары приобретают реже – 20%. Подарки и сувениры в Интернете приобретают чаще респонденты в возрасте от 18 до 25 лет – 76%, чем респонденты в возрасте от 35 до 45 лет – 59%.

Итак, респонденты в возрасте от 18 до 25 лет и респонденты в возрасте от 35 до 45 лет приобретают различные товары в Интернете. При этом одежду и обувь, медицинские товары приобретают почти одинаковое количество респондентов обеих возрастных групп. Следующие товары представители молодежи покупают чаще, чем респонденты старшего поколения: мебель, продукты питания, товары для хобби и развлечений, косметику и средства личной гигиены, аксессуары, подарки и сувениры. Однако, респонденты в возрасте от 35 до 45 лет приобретают такие товары в Интернете, как электроника и бытовая техника, а также хозтовары чаще, чем респонденты в возрасте от 18 до 25 лет.

Респондентам был задан вопрос, оплату каких услуг они осуществляют в Интернете. Большинство 90% опрошенных ответили, что осуществляют оплату сотовой связи, и только 15% отметили, что перечисляют деньги на благотворительность. Оплачивают услуги ЖКХ 55% опрошенных, налоги – 40%, осуществляют оплату Интернета и ТВ 75% опрошенных респондентов, оплачивают штрафы в Интернете 50% респондентов, 31% опрошенных пользуются услугой погашения кредитов, 30% – осуществляют оплату обучения.

Стоит отметить, что оплату ЖКХ услуг в Интернете производят 76% опрошенных в возрасте от 35 до 45 лет, а из респондентов в возрасте от 18 до 25 лет такой услугой пользуются только 44% опрошенных.

Оплату налогов в Интернете чаще всего 62% осуществляют представители в возрасте от 35 до 45 лет, в то время как из респондентов в возрасте от 18 до 25 всего 29%. 82% представителей старшего поколения оплачивают услуги Интернета и ТВ, в то время, как молодежь осуществляет такую оплату реже. Оплачивают штрафы в Интернете 59% респондентов в возрасте от 35 до 45 лет. Респонденты в возрасте от 35 до 45 лет редко осуществляют оплату штрафов в Интернете. Переводят суммы на благотворительность 21% респондентов в возрасте от 35 до 45 лет.

Итак, большинство опрошиваемых людей осуществляют в Интернете оплату различных услуг. Респонденты в возрасте от 35 до 45 лет осуществ-

ляют оплату услуг в Интернете чаще, чем респонденты в возрасте от 18 до 25 лет. Респонденты в возрасте от 18 до 25 считают, что от навыков владения информационной техникой зависит реализация их жизненных планов.

Таким образом, проанализировав блок мнений представителей старшего поколения и молодежи, мы приходим к выводу о том, что информационные технологии активно используются в жизни общества. Гипотеза о том, что представители молодого поколения активнее используют информационные технологии, чем представители старшего поколения – не подтвердилась. Информационной техникой владеют обе возрастные группы. Как показало проведенное нами исследование, у людей в возрасте от 35 до 45 лет и у людей в возрасте от 18 до 25 лет не наблюдается различий на наличие телефона, телевизора и радио. Уровень наличия этой техники у обеих возрастных групп одинаково высокий. Однако, ноутбук или компьютер есть у 89% опрошенных среди молодежи, тогда как у представителей старшего поколения этот показатель составляет 79%. У 35% опрошенных в возрасте от 35 до 45 лет наблюдается наличие планшета чаще, чем у представителей молодежи. Следовательно, представители обеих возрастных групп активно используют информационную технику в своей повседневной жизни.

С появлением информационных технологий жизнь современного человека значительно упростилась. Расширились возможности удовлетворения своих материальных потребностей. Приобретение товаров в Интернет-магазинах, заказ готовой еды на дом и многое другое стало возможным благодаря появлению и развитию информационных технологий. Гипотеза о том, что обе возрастные группы используют все возможности техники для удовлетворения своих материальных потребностей – подтвердилась. Наше социологическое исследование показало, что приобретением товаров в Интернете занимаются обе возрастные группы. Представителей старшего поколения и молодежи наиболее часто приобретают в Интернете такие товары, как одежду и обувь 73% опрошиваемых и 71% опрошиваемых соответственно, медицинские товары 20% опрошиваемых и 18% опрошиваемых соответственно. Однако, представители молодежи пользуются этой возможностью более часто, чем представители старшего поколения. Предпочитают приобретать мебель в Интернете всего 12% опрошенных в возрасте от 35 до 45 лет. У представителей молодежи этот показатель выше. Доставкой еды на дом пользуются 50% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, у респондентов в возрасте от 35 до 45 лет этот показатель ниже, всего 21%. Различия свидетельствуют о том, что представители старшего поколения хоть и используют все возможности техники для удовлетворения своих материальных потребностей, но делают это не так часто, как молодежь.

Гипотеза о том, что молодое поколение активнее использует технику для всестороннего развития, чем люди от 35 до 45 лет – подтвердилась. Современное общество характеризуется способностью анализировать и обра-

батьвать большое количество информации, а также способностью к креативно мыслить. Интернет является своеобразной площадкой для воплощения творческого потенциала. Результаты нашего исследования показали, что у молодежи гораздо больше увлечений в Интернете, чем у представителей старшего поколения. Так, ведением блога занимаются 21% опрошенных среди молодежи, тогда как среди представителей старшего поколения его ведут всего 6% опрошенных. Создание и размещение фотографий актуально для 68% молодежи, тогда как для старшего поколения это актуально для 53% опрошенных.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что уровень владения техникой у представителей разных поколений высокий, гипотеза – не подтвердилась. Наиболее часто представители молодежи и старшего поколения высоко оценивали свой уровень владения информационной техникой. Однако, несмотря на то, что большинство представителей разных возрастных групп быстро осваивают информационную технику, их показатели отличаются. Результаты показали, что среди молодежи быстро осваивают информационные устройства 68% опрошенных. Среди представителей старшего поколения этот показатель ниже – 50% опрошенных.

Гипотеза о том, что молодое поколение будет рассматривать информационные технологии с позиции реализации жизненных планов, а старшее поколение нет – не подтвердилась. Представители молодежи и старшего поколения зачастую связывают реализацию своих жизненных планов с информационными технологиями. Однако, опрошенные в возрасте от 18 до 25 лет связывают реализацию своих жизненных планов с информационными технологиями более часто. Так, результаты исследования показали, что среди молодежи 77% опрошенных считают, что обучение зависит от информационных технологий. Среди представителей старшего поколения так считают всего 59% опрошенных.

Информатизация внесла свои собственные коррективы в развитие человека и общества. С приходом информационных технологий жизнь человека значительно упростилась. Общение людей в основном происходит через Интернет, приобретение товаров тоже осуществляется в Интернет-магазинах, а также появилась возможность дистанционной работы.

Основными чертами нового информационного общества являются его информатизация, создание новых интеллектуальных технологий, превращение информации в важнейший глобальный ресурс человечества. Перечисленные факторы ведут к изменению среды, под влиянием которой меняется личность. Информационные технологии улучшили реализацию многих способностей человека. В современном обществе он стоит на одной ступени с информацией, поскольку может генерировать ее и управлять ею.

Современная информационно-техническая цивилизация превращает информационные технологии в необходимые условия саморазвития лично-

сти. Информационные технологии стали неотъемлемой частью жизни каждого человека, они не только значительно упрощают жизнь человека, но и предоставляют возможности для самосовершенствования.

Литература

1. Капица С. П. Очерк теории роста человечества : демографическая революция и информационное общество. Москва : Ленанд, 2014. С. 11.
2. Борисенко В. В. Наука и рыночные отношения в информационном обществе : социально-философский анализ. Москва : Наука, 2008. 246 с.
3. Корнеев И. Н. Особенности становления и развития телекоммуникационной индустрии как основы российской модели информационного общества. Москва : Наука, 2010. 374 с.

INTERACTIVE COMMUNICATION SPACE OF THE DIGITAL SOCIETY: EMPIRICAL EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

T.N. Ivanova, E.D. Streltsova
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of the rapid development of information technologies that lead to the formation of a new digital society. A sign of a new social reality is the globalization of information processes. The article presents the results of a sociological study on the strategies of people in the information society, taking into account the results of a comparative analysis of the social strategies of the older generation and youth in the information society and based on the results of a questionnaire. Keywords: digital society, strategies, globalization, digital space, knowledge society, information technologies.

Key words: digital society, strategies, globalization, digital space, knowledge society, information technologies.

УДК 304.444

ОЦЕНКА ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ К СМИ И ЕЕ ИСТОЧНИКАМ

М.В. Манова
Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема доверия населения к средствам массовой информации. Массовая информация отличается быстротой и регулярностью распространения, одновременностью потребления. Ее распространение – неотъемлемая часть массового общения людей, которое возникло на определенной ступени развития человечества. Среди основных средств массовой информации можно выделить телевидение, радио и прессу. Интересным представляется и тот факт, что в настоящее время к средствам

массовой информации стал относиться Интернет. В Интернет размещают сотни разных газет, радио и телевизионных каналов, получивших таким образом доступ к глобальной аудитории.

Ключевые слова: массовая информация, глобальная аудитория, регулярность распространения, доверие, потребление.

В информационном обществе самым ценным является информация, и этой информации вокруг нас неисчислимое количество. Современному человеку довольно трудно выбрать, какой информации доверять и из какого источника её черпать. В апреле 2022 г. проводился опрос среди молодежи на территории городского округа Тольятти по пропорциональной общегородской выборке объемом 100 человек среди населения (от 18 до 35 лет) в режиме личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов.

Рассмотрим, какими источниками респонденты пользуются чаще всего, каким доверяют, и попробуем описать степень доверия к СМИ в целом. В связи с этим еспроанализируем ответы на первый вопрос: «Доверяете ли вы информации, получаемой из СМИ?» (см. Таблица 1).

Таблица 1

Доверие к информации, получаемой из СМИ
(выборка 100 респондентов, ответы представлены в%)

Варианты ответов	Всего	Мужчины	Женщины
Да, полностью доверяю	6	2	10
Частично, чему-то да, чему-то нет	64	72	56
Нет, не доверяю СМИ	30	26	34

Как видно из таблицы, процент опрошенных, полностью и безоговорочно доверяющий информации, поступающей из СМИ, является очень маленьким, всего 6%. Причём, мужчин, отметивших данную позицию на 8% меньше, чем женщин (2% мужчин, против 10% у женщин). Однако, женщины чаще отмечали вариант «нет, не доверяю СМИ» (34%). Мужчин, полностью не доверяющих СМИ информации, оказалось 26%, что свидетельствует о меньшей категоричности в данном вопросе. Абсолютное большинство респондентов не могут дать однозначный ответ и придерживаются варианта «частично, чему-то да, чему-то нет». Причина на наш взгляд очевидна: человек не может верить во всё, что пишут современные источники, в связи с тем, что информации огромное количество и вся она абсолютно разная. И какого рода информация также может напрямую зависеть от её источника. Люди могут доверять какому-то одному или нескольким, но в тоже время не доверять другим. Именно эту гипотезу поможет нам проверить анализ следующих двух вопросов. Один из них заключается в том, какие именно источники опрашиваемые используют чаще всего.

Одной из гипотез исследования, было то, что в условиях современной компьютеризации интернет проникает в жизни всё большего процента населения. И результаты опроса показали, что чуть больше половины респондентов чаще всего пользуются именно интернетом (51%). На втором месте по популярности, набрав 33%, стоит телевидение. Хотя интернет и плотно входит в нашу жизнь, люди не перестают смотреть телевизор и черпать политическую информацию оттуда. Значительно отстают от них такие источники, как газеты и радио, получивших по 8% голосов ответивших. Люди, безусловно, всё ещё читают газеты и слушают радио, однако как средство получения политических новостей предпочитают другие, более популярные и современные источники.

Рассмотрим, совпадают ли частота использования источником, и уровень доверия ему. Ведь не всегда мы доверяем тому, чем приходится пользоваться чаще всего. Напомним, что чаще всего респонденты пользуются интернетом, однако доверяют больше телевидению, о чём свидетельствует то, что 45% опрошенных отмечали именно этот источник, как тот, которому доверяют больше всего. Причем мужчин, отмечающих данную позицию, оказалось больше на 10%, чем женщин (50 и 40% соответственно). Интернет отстаёт всего на 5%, причиной может являться непорядочная информация в интернет-источниках. Зачастую, читая ту или иную новость, человек не понимает, откуда она появилась, и кто её опубликовал. Что касается газет и радио, последним доверяют немного меньше (10% и 5% соответственно).

Из данного вопроса можно сделать вывод о том, что интернет осваивают всё больше людей, однако уровень доверия к нему слегка отстаёт от уровня его распространения, что со временем возможно измениться. Доверие молодежи к современным каналам информации низкое – 32%, доверяют полностью или некоторым фактам – 41% респондентов, не доверяют – 27% (см. Таблица 2).

Таблица 2

Оценка доверия молодежи к современным СМИ (в % от общего числа)

Оценка доверия к современным каналам информации (радио, телевидение, Интернет):	Количество
доверяю некоторым фактам, имеющим иные способы подтверждения	36.67%
доверяю с осторожностью	32.56%
не доверяю, за редким исключением	16.67%
не доверяю совсем	9.74%
доверяю полностью	4.36%
Всего	100.00%

В основном СМИ доверяют школьники (20%), не учащиеся и не работающие (5%), чаще мужчины, чем женщины. Доверяют с осторожностью учащиеся колледжей (83%), преимущественно женщины, в возрасте до 20 лет.

Таким образом, подавляющее большинство опрошенных не стараются верить всему, что слышат или читают в СМИ. Однако категорически не доверять СМИ респонденты также не торопятся, ведь нужно же человеку верить во что-то. В данном случае в конкретный источник информации.

На вопрос «Смотрят ли в Вашей семье телевизор?» было получено 100% утвердительное подтверждение о том, что данная услуга востребована среди населения (см. Таблица 3).

Таблица 3

**Оценка востребованности ТВ – услуг среди населения г.о. Тольятти
(в % от общего числа)**

Смотрят ли в Вашей семье телевизор?	Количество
да	100.00%
нет	–
Всего	100.00%

Пятерку лидеров по каналам занимают: Первый (ОРТ) – 62%, Россия (РТР) – 51%, НТВ – 34%, СТС – 20%, Домашний – 16%. Среди каналов, которые жители предпочитают просматривать ежедневно, лидируют – Первый (ОРТ) – 52%, Россия (РТР) – 49%, НТВ – 34%, СТС – 19%, ТНТ – 16%.

На вопрос «Кто еще в Вашей семье смотрит определенные каналы?», 1/3 от общего количества опрошенных респондентов не дали ответа (41%), наиболее востребованы ТВ каналы среди детей (22%), супругов (муж, жена – 24% и 10% соответственно). Среди ответивших на данный вопрос (47% от общего количества опрошенных), популярными каналами являются Россия – 1 (Спорт), НТВ, СТС, Карусель и Первый (ОРТ). Ответы распределились в диапазоне 8% и 9%.

Более половины опрошенных респондентов (64%) пользуются интернетом (см. Таблица 4).

Таблица 4

Оценка потребительского спроса на услуги (в % от общего числа)

Пользуетесь ли Вы Интернетом?	Количество
да	63.87%
нет	35.13%
нет ответа	1.00%
Всего	100.00%

Таким образом, можно резюмировать, но не утверждать, что степень доверия населения к СМИ остается на низком уровне, но интерес к информации отмечается высокий. Мужчины, потребляя информацию из различных источников, воспринимают ее более критично, чем женщины. Интернет осваивают всё больше людей, однако уровень доверия к нему слегка отстаёт от уровня его распространения, что со временем возможно измениться.

ASSESSMENT OF THE POPULATION'S TRUST IN THE MEDIA AND ITS SOURCES

M.V. Manova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of public confidence in the media. Mass information is distinguished by the speed and regularity of distribution, the simultaneity of consumption. Its distribution is an integral part of the mass communication of people, which arose at a certain stage in the development of mankind. The main media are television, radio and the press. It is also interesting that the Internet has now become the mass media. The Internet hosts hundreds of different newspapers, radio and television channels, thus gaining access to a global audience.

Key words: mass information, global audience, distribution regularity, trust, consumption.

ORCID: 0000 – 0003 – 2656 – 7219

УДК 304.4:81'27

ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

М.П. Павлова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

Создание и формирования текстов при конструировании социальной реальности позволяет инициировать, контролировать и управлять инновационной социальной реальностью студенчества через понимания стадийности процесса.

Ключевые слова: инновационные процессы, социальная реальность, инновационная молодежь, инновационное поведение.

Привычные социальные процессы в обществе провоцируют процессы формирования социальной реальности вокруг нас и они бесконечны. Человек познает эту социальную реальность через язык как систему знаков и символов, которая позволяет нам «прочитать» эту реальность, осознать ее и определить конструктивные ее особенности, знаково – символически выделив объекты и субъекты пространственно – временного континуума. Понимание смыслов символов и знаков, их актуализация в повседневной пространстве бытия вовлекает человека в непрекращающиеся коммуникационные процессы. Социальная реальность в инновационных условиях развития

приобретает новые качественные характеристики, интегрируя в достаточно динамичном режиме в повседневные процессы общества новые смыслы и знаки, формирует новые социальные практики, трансформирует социальные коммуникации. Сеть коммуникаций, способная неограниченно расширяться, обеспечивает хранение, обмен и трансляцию знаний. Как отмечает М.М. Бахтин в своих работах «...человек создает знания и ценности через текстовую форму». Создание текстов происходит через личностное и коллективное осмысление событий, протекающих в действительности и отражающиеся в социальной реальности [3].

Молодежь, при всех желаниях в своеобразных вызовах обществу и стихийных протестах, в поисках идеалов, в стремлении к самореализации, саморазвитию, самопознанию, через призму инноватики, представляется нам как маргинальный слой общества, который, с одной стороны, формируется под влиянием социума, но с другой стороны, способный оперативно ретранслировать отечественную и международную интеллектуальную культуры, новые формы инновационного поведения и креативного мышления, переводя инновации в социальную практику инновационного общества, влияя таким образом на социум. Как отмечает В.А. Луков в своих работах, молодежь в процессе конструирования социальной реальности сначала проходит период адаптации к условиям среды, затем период достраивания реальности через символизацию пространства, компенсацию недоступного и выделении личной зоны независимости, потом через понимание и легитимизацию происходит переструктурирование условий среды и организация взаимодействия с ней посредством собственного универсума [7]. При этом, как далее отмечает исследователь, массовое распространение новых технологий является отличительной чертой молодежи, рассматриваемое как групповая атрибуция.

Студенчество – это часть молодежи, которая вовлечена непосредственно в образовательный процесс в вузах на территории и, как отмечают Ю.Р. Вишневский, Л.Я. Рубина, дополнительно участвующая в процессах формирования «независимых материально – бытовых условий», которые создают основу для становления ее социального статуса в среде [2]. В таблице 1 представлена численность студентов высших учебных заведений в структуре населения страны и молодежи Российской Федерации [10].

Таблица 1

Численность студентов РФ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (по данным на 2022 г.)

Численность постоянного населения страны РФ, человек	Численность молодежи в РФ (с 14 до 35 лет), человек	Численность студентов РФ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (с 16–18 лет до 23–25 лет), человек
145 557 500, 0	36 143 024, 0	4 044 200, 0

Развитие территории по инновационному сценарию рассмотрим с позиции социологии, когда на формирования инновационного потенциала территории оказывает влияние прогрессивное развитие социокультурного пространства территории и воспроизводственные процессы в нем. Опираясь на исследования А.Л. Маршака, Д.М. Давлетшиной можно определить социокультурное пространство как форму, способную вместить и структурировать все многообразие существующей реальности [4; 8].

В условиях инновационного развития очевидно, что знания, представленные в текстовом формате, оказывают непосредственное влияние на формирования социокультурного пространства, где социальные процессы, направлены на сохранения, активизацию, интеграцию, создания условий для социально – культурного развития акторов территории, их самореализации, социализации через формирования инновационного поведения и инновационной культуры в повседневном пространстве [11].

Текст как динамичный формат декодирования знания на инновационной территории может выступать с одной стороны как средство для конструирования инновационной социальной реальности у студента, а с другой стороны, как инструмент управления ею.

Конструирования социальной реальности условно включает в себя следующие этапы: сначала конструирования социальной реальности опирается на опыт прошлых поколений, отраженных в письменной форме, где зафиксированы алгоритмы социальных действий и принятия решений для прогрессивного развития социума. Затем, с учетом самоконтроля социального пространства социальная реальность совершенствуется под воздействием эмоционального восприятия повседневности. Далее формируются новые алгоритмы социального действия как реакции на возникающие социальные процессы в обществе.

Следовательно, на первом этапе конструирования текст рассматривается как источник коллективной социо – культурной памяти. Процессы передачи культурных ценностей и способы их сохранения способствуют эффективной социализации людей, их полной интеграции в общество, обеспечивают коллективную культурную идентичность и целостность социума.

На втором этапе – текст позволяет формировать личные реакции человека, уравнивая его с окружающим миром. На этом этапе возникает творчество как реакция на приспособления к повседневности и выработки своих алгоритмов комфортного существования. При конструирования социальной реальности здесь развиваются личностные способности необходимые для адаптации индивида в новых условиях, например, за счет приобретенных знаний, умений и навыков. Текст здесь рассматривается нами как визуальное представление знаний, необходимых для формирования и развития этих способностей. Визуальное воспринимаемые буквы, сложенные в слова и предложения, воспринимается человеком лучше, чем текст на слух [1]. В работах психолога Б.Г. Ананьева отмечается, что восприятие через зрительную систему идет на трех уровнях: ощущение, восприятие и представление, а через

слуховую систему – только на уровне представления. Визуально воспринимаемая информация запоминается лучше, чем поступающая через орган слуха (25 % против 15 %), так как «Зрительное восприятие – активный, динамический процесс. В то же время это высокоизбирательный процесс не только в смысле концентрации на том, что привлекает внимание, но и в смысле способа рассматривания объекта и обращения с ним» [5].

По данным ВЦИОМ у опрошенных 1600 респондентов 92% говорят, что читают книги. При этом «...Несмотря на распространенность электронных форматов, печатные книги не утрачивают своей популярности. Согласно данным Российской книжной палаты, за первый квартал 2022 г. было выпущено 3078 различных книг и брошюр общим тиражом 90 044,23 тыс. экземпляров, что на 8% больше в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. Популярность бумажных книг подтверждают и данные опроса – 58% сообщили, что читали книги этой весной именно в таком формате. Далее следует телефон — с экрана смартфона читал каждый третий (35%). Еще 20% читали с экрана компьютера. Электронные книги популярны у 16%. В общей сложности с экранов читают книги 71%. Ключевых мотивов книжного чтения два: саморазвитие (66%) и удовольствие (54%). Эти варианты одинаково популярны у респондентов из разных социально-демографических групп. Еще 25% отметили, что читают книги по работе или учебе, и здесь наблюдается граница между добровольным и вынужденным чтением. По работе или учебе чаще читает книги учащаяся молодежь (42%) [6].

Исследования Н.Е. Мельниковой и А.А. Александровой показали, что получение информации из книг «...является значимым, популярным видом деятельности среди студентов (92 % опрошенных определили чтение книг как форму досуга, из них 32 % читают с частотой 1–3 раза в неделю, а 23 % – ежедневно). Основной причиной чтения студенты называют личный или познавательный интерес (32 %)» [9].

Образовательные процессы на инновационной территории позволяют формировать интеллектуальный потенциал общества, который участвует в циклическом процессе «производства» новых знаний, а визуализация информации обеспечивает усвоения и ретрансляцию изучаемого материала, что способствует развитию познавательной деятельности студента.

На третьем этапе, текст представляется как основа для рекомендаций и принятия решений в будущем. Бесконечный процесс создания нарратива, с одной стороны запускает алгоритмы рефлексии социума, но с другой стороны, наоборот, социальные процессы обеспечивают создания текста как реакцию на новые сущности и события. Такая бинарная взаимосвязь текста и социальной реальности позволяет контролировать социальные процессы, наблюдать и инициировать их всеми членами общества.

В инновационном пространстве бинарная связь обеспечивает непрерывность процессов создания и внедрения инноваций для ускорения процесса «опривычивания» нововведений. Следует отметить, что погрешность

при конструировании социальной реальности существует, так как восприятие и понимания реальности людьми и обществом несовершенны.

Следовательно, процессы управления социальной реальностью через формирования текстов, необходимых для поддержания инновационных процессов в обществе должны корректироваться в зависимости от появления новые открытий, событий и смыслов, показывающие различие между конвенциональным миром социальной реальности и действительностью.

Литература

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / сокр. пер. с англ. В. Н. Самохина ; общ. ред. и вступ. статья В. П. Шестакова. Москва : Прогресс, 1974. 392 с.
2. Вишневский Ю. А., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества в 90-х годов // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 56–59.
3. Герасимов С. В. Существование социальной реальности: нарративы и события // Эпомен. 2020. № 41. С. 54–70.
4. Давлетшина Д. М. Индикативно-кластерный анализ качества культурного потенциала молодежи в полиэтнической среде современной России (социологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2012. 34 с.
5. Долженкова В. И. Теоретические основы визуального обучения // Проблемы педагогики. 2015. № 4. С. 17–23.
6. Книжная культура – 2022 : аналитический обзор // ВЦИОМ. URL: wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/knizhnaja-kultura-2022 (дата обращения: 19.02.2023).
7. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Культурная политика и молодежная политика: тенденции развития в эпоху глобализации // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе : сборник науч. статей / отв. ред. А. В. Костина ; редкол.: А. И. Шендрик [и др.]. Москва, 2009. С. 114–125.
8. Маршак А. Л. Социология культурно-духовной сферы. Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.
9. Мельникова Н. Е., Александрова А. А. Чтение в студенческой среде: темпы, объемы, предпочтения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 7. С. 44–47.
10. Образование в цифрах, 2022 : краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, Л. Б. Кузьмичева, О. К. Озерова [и др.]. Москва : Высшая школа экономики, 2022. 131 с.
11. Павлова М. П., Иванова Т. Н. Авангардизм творчества – стратегический ресурс инновационной экономики // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура : научный и социокультурный журнал. 2022. № 2. С. 96–104.

TEXT AS A MEANS OF MANAGING AND CONSTRUCTING INNOVATIVE SOCIAL REALITY OF STUDENTS

M.P. Pavlova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

Creation and formation of texts in the construction of social reality allows you to initiate, control and manage the innovative social reality of students through an understanding of the staging of the process.

Key words: innovation processes, social reality, innovative youth, innovative behavior.

УДК 81'322.2:659.123

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ПОЛУЧЕНИЯ МАРКЕТИНГОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А.В. Тонковидова

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
г. Краснодар, Российская Федерация

Слова лежат в основании любого взаимодействия на рынке. Текстовые данные в рыночной среде содержатся в онлайн-обзорах, пресс-релизах, маркетинговой коммуникации. Целью данной работы выступает обзор автоматизированного текстового анализа и описание того, как его можно использовать для получения маркетинговой информации. Текст отражает качества автора текста (и контекст, в котором текст был создан) и воздействует на аудиторию или получателя текста. Текст может быть мощным инструментом, как для прогнозирования, так и для понимания.

Ключевые слова: текст, автоматизированный текстовый анализ, маркетинговая информация, маркетинговые исследования, Интернет, понимание, прогнозирование, коммуникация.

В настоящее время большая часть текстовых данных доступна пользователям в цифровом формате. К данным, относящимся к области маркетинговой информации мы можем отнести отзывы потребителей на различных медиаплатформах и в различных медиасегментах, объявления, электронные письма, статьи и другой текстовый контент. По некоторым оценкам, 80–95 % всех бизнес-данных неструктурированы, и большая часть этих данных представляет собой текст [5, p. 140]. Такой вид данных, представленный в текстовом формате, позволяет посредством применения методологии текстового анализа осуществлять в том числе и количественные исследования содержащейся информации. Данный подход делает возможным оценку, измерение поведения на рынке. В этой статье представлен обзор использования автоматизированного анализа текста для маркетингового понимания. Можно выделить как количественные, так и качественные исследования в объеме текстового анализа. При этом степень включенности человека в процедуры текстового анализа остается вариативной. Компьютерные подходы к анализу текстов в маркетинговых исследованиях обычно называются компьютерным анализом текста, анализом текста, автоматическим анализом текста или компьютерным контент-анализом [8, p. 264; 6, p. 1274; 4, p. 64; 9, p. 16]. В рамках текстового анализа мы можем измерять как зависимости внутри текста, так и между текстами. Возможно проследить и общие темы, обозначенные в тексте. Методы включают в себя и автоматизированный подсчет слов, применение словарей, что делает возможным выявление психометрических и смысловых значений текста. Полученные данные возможно применять для прогнозирования его воздействия на людей и компании. Данный подход может выявлять смысловое наполнение

рыночных взаимодействий. В настоящее время можно отметить важность исследований потребительского текста, общения в социальных сетях [6, р. 1276, 7, р. 510]. В рамках проводимого нами исследования мы стремимся обозначить основу для включения текста в маркетинговые исследования отдельных лиц, фирм, рынков, расширить междисциплинарность в сфере маркетинга.

Коммуникация – неотъемлемая часть маркетинга. Не только фирмы общаются с клиентами, но клиенты общаются и сотрудничают с фирмами и друг с другом. Кроме того, фирмы общаются с инвесторами и обществом, доносят идеи и ценности до общественности (через газеты и фильмы). Эти сообщения генерируют текст или могут быть представлены в текстовом виде. Основными создателями и получателями текстовой информации выступают потребители, фирмы, инвесторы и общество в целом. Потребители пишут онлайн-отзывы, которые читают другие потребители, фирмы составляют годовые отчеты, которые читают инвесторы, а деятели культуры создают текст через создание книг, фильмов и другие цифровые или физические артефакты, потребляемые отдельными лицами или организациями. В связи с тем, что текст отражает информацию, он может быть использован как источник информации. Одновременно с этим можно изучить влияние текста на получателя. Текст отражает и указывает что-либо о создателе текста (о человеке, или организации, которые его создали в определенном контексте). Компании, фирмы и организации используют язык, чтобы выразить свою миссию, философию, стратегию для достижения желаемых целей, через создание текстовых сигналов, содержащих информацию в определенном контексте. Текст, который создает человек, дает понимание о нескольких аспектах. Во-первых, он обеспечивает «проникновение» в самого человека. Исследователи используют слова и лингвистический стиль, чтобы сделать вывод о том, что человек в депрессии или о его лживости. То же самое относится и к группам, организациям или институтам. Язык отражает то, что есть в наличии, и, таким образом, дает возможность строить прогнозы на будущее. Текст может дать представление об отношении человека к другим объектам или отношениям с ними — или то, что человеку понравился фильм или то, что он ненавидел пребывание в отеле, или тот факт, является ли он другом или соперником, конкурентом. Текст, используемый в заявках на получение кредита, дает представление о том, какие люди не смогут возмозможно его вернуть, язык, используемый в обзорах, может дать представление о том, какие из них являются фальшивыми, а также язык, используемый политиками можно было бы использовать для изучения того, как они могли бы управлять в будущем. Эти же подходы можно использовать и для понимания лидеров, организаций или культурных элит. Например, слова, которые использует лидер, отражают, его как личность, его стиль руководства и отношение к различным заинтересованным сторонам. Язык, используемый в объявлениях, на веб-сайтах или агентами по обслуживанию клиентов

отражает информацию о компании, которую представляют эти фрагменты текста. Можно выделить такие аспекты, как: индивидуальность бренда, насколько фирма думает о своих клиентах, или ориентация менеджеров компании на достижение цели. Пользователи могут быть поняты через текст. Ежегодные отчеты дают представление о том, насколько хорошо фирма, вероятно, будет работать в будущем. Текстовый анализ также может быть применен для изучения более крупных социальных групп или учреждений. Например, анализ сообщений в блогах может пролить свет на то, как пожилые и молодые люди относятся к счастью по-разному (например, как возбуждение против умиротворения). При сравнении газетных произведений доклады и пресс-релизы о различных секторах бизнеса, текст может использоваться для понимания создания и распространения глобализации дискурс. Использование языка клиентами дает представление о настроениях потребителей в Интернете по отношению к различным брендам. В более широком смысле, поскольку тексты формируются в зависимости от контекста (например, типа культуры, исторического периода), они также отражают информацию об этих контекстах. Язык используемый в новостных статьях, песнях и публичных выступлениях отражает социальные установки и нормы [1, с. 270]. Анализ изменений, происходящих в нем, может дать представление о таких аспектах, как отношение к демографическим группам, отраслям экономики в отдельных социальных группах. Журнальные статьи, книги и фильмы служат символом культурных барометров и могут быть использованы для прояснения ряда вещей, от культурных различий в обычаях до изменений в их значениях с течением времени. Следовательно, анализ текста может дать информацию, которая не может быть легко получена с помощью других методов. Компании и организации могут использовать автоматический анализ текста (онлайн-обзоров и сообщений в блогах), чтобы понять, нравится ли потребителям новый продукт, и как клиенты относятся к их бренду, какие атрибуты важны для принятия решений или какие другие бренды попадают в ту же группу предпочтений. Регулирующие органы могут выявлять побочные реакции на фармацевтические препараты, а инвесторы могут попытаться предсказать изменения фондового рынка.

Мы можем проследить влияние текста и на получателей. Помимо отражения информации о людях, организациях, обществе, создавшем текст, он также воздействует или формирует отношения, поведение и выбор аудитории, которая потребляет, воспринимает его. Например, мы можем обратиться к языку, который используется службой поддержки клиентов, который отражает то, как они относятся к покупателю и описывает их тип бренда. Одновременно с этим этот язык также влияет на клиента, воспринимающего текст, может изменить отношение клиентов к бренду, повлиять на будущие покупки или повлиять на межличностные коммуникации. В этом смысле, язык оказывает значимое и измеримое влияние на мир. Влияние текста прослеживается и во множестве различных контекстов. Объявление

формирует покупательское поведение, отраслевые публикации меняют восприятие категории товаров, сценарии фильмов формируют реакцию зрителей, а тексты песен формируют рынок успешных песен. Язык, используемый в политических дебатах, формирует темы, которые привлекают внимание, язык, используемый в разговор формирует межличностные отношения, а язык, используемый в новостных статьях, определяет, будут ли люди их читать или делиться той информацией, которую они из них почерпнули. Выбор языка фирмы также оказывает влияние на целевые аудитории. Прежде всего, это нюансы в выборе языка при ответе на запросы клиентов. Современная критика в Интернете напрямую влияет на потребителей и, таким образом, успех фирм связан с сдерживанием негативных отзывов в социальных сетях. Язык, используемый в рекламе в социальных сетях обладает определенными характеристиками.

Текст почти всегда одновременно отражает и воздействует. Текст всегда отражает информацию о создавших его авторах, и пока аудитория потребляет этот текст, он также воздействует на эту аудиторию. Несмотря на эту связь, исследователи, изучающие отражение по сравнению с воздействием, как правило, используют текст по-разному. При исследовании того, что отражает текст, текст рассматривается как зависимая переменная. Изучается в данном случае, как текст связан с личностью создателя текста, социальными группами, которым он принадлежит, периодом времени или культурой в которой он был создан. Исследования, изучающие, как текст влияет на других, часто рассматривают его как независимую переменную, проверяя, имеет ли текст форму и как результаты, такие как покупка, совместное использование или взаимодействие с ним связаны. Текстовые элементы связаны с результатами, которые считаются теоретическими следствиями текстовой композиции [9, с. 21].

Важно отметить, что текст также формируется контекстуальными факторами; таким образом, чтобы лучше понять его значение и влияние, важно понять более широкую ситуацию, в которой он был произведен. Контекст может влиять на контент тремя способами: через технические ограничения и социальные нормы жанра, через общие знания, характерные для коммуникатора и реципиента, и через предшествующую историю. Во-первых, на разные типы текстов влияют формальные и неформальные правила и нормы, формирующие содержание и ожидания о сообщении. Например, такие газетные жанры, как авторские статьи или очерки будут содержать меньше «объективной» точки зрения, чем традиционная отчетностью. Карточки комментариев отеля и другие отзывы обычно преобладают более радикальные взгляды. На платформах социальных сетей, сообщения относительно недавние, короткие, и часто эфемерны. Напротив, онлайн-обзоры могут быть длиннее. и часто архивируются несколько лет назад. Синхронный обмен текстовыми сообщениями, в котором два человека интерактивно общаются в режиме реального времени может быть более неформаль-

ным и содержать диалог коротких высказываний и фактических ответов (т. е. коммуникативных, например, «Привет», который выполняет социальную функцию), указывают принадлежность, а не семантическое содержание. Социальные сети явно общедоступны, тогда как блоги, содержат информацию, которая является более конфиденциальной. Текст также формируется технологическими ограничениями (например, способность лайкать или делиться) и физические ограничения (например, ограничения по длине). Во-вторых, отношения между производителем текста и создателем может повлиять на то, что сказано (или, что чаще, не сказано). Если производитель и потребитель хорошо знают друг друга, текст может быть относительно неформальным. Если у обоих есть понимание цели общения, это может сформировать содержание, но быть менее явным. Эти факторы важно понимать при интерпретации содержания самого текста. То, чем делятся потребители с их лучшим другом может быть другим (например, менее подверженным влиянию по мотивам самопрезентации), чем то, что они публикуют онлайн для всеобщего обозрения. Годовые отчеты фирмы публикуют с целью выгодно выглядеть на рынке. То, что люди говорят во время звонка в службу поддержки клиентов, может иметь своей целью получение денежной компенсации. Онлайн-протесты пользователей призваны вдохновлять на перемены. Наконец, история может повлиять на содержание текста, то есть предыдущие посты могут формировать будущие посты; Если кто-то поднял вопрос в предыдущем сообщении, ответчик, скорее всего, обратится к данной теме в будущих сообщениях. Если ретвиты включены в анализ, это приведет к смещению контента в сторону наиболее распространенных сообщений.

Помимо отражения информации о создателе текста и формирование результатов для получателя текста, еще одно полезное значение текста заключается в том, что он используется для предсказания или понимания. Некоторые текстовые исследования имеют своей целью прогнозирование. В сферу вопросов, на решение которых нацелено прогнозирование попадают такие, как какой клиент с наибольшей вероятностью не выплатит кредит, на какой фильм будет продано больше всего билетов. Цель состоит в том, чтобы предсказать с наивысшей степенью точностью. Основная трудность, связанная с использованием текста для прогнозов, заключается в том, что текст может генерировать сотни, а часто и тысячи признаков. В некоторых случаях число предикторов (слов) больше, чем количество наблюдений, что делает традиционные статистические предиктивные модели в значительной степени непрактичными [2, с. 80]. Чтобы решить эту проблему, исследователи часто прибегают к методам машинного обучения. Сделать вывод в отношении роли каждого слова в предсказании может быть трудным. Такой метод, как взвешивание важности признаков, может помочь извлечь некоторые выводы из этих прогностических моделей.

Другие исследования в основном нацелены на использование текста для понимания в решении таких вопросов, как потребители языка используют форму влияния сарафанного радио, почему некоторые онлайн-посты становятся популярными, песни становятся популярными или бренды вызывают большую лояльность, как меняются культурные установки или методы ведения бизнеса. В рамках данных исследований происходит изучение только одного или небольшого количества текстовых особенностей или аспектов, связанных с лежащими в их основе психологическими или социологическими процессами [3, с. 94]. Что касается прогнозов, то исследователи могут использовать его для предсказания таких состояний или черт как: удовлетворенность клиентов, вероятность оттока или индивидуальности бренда. Возможно составить прогноз как текст будет формировать результаты такие как поведение при чтении, совместное использование или покупка. Со стороны понимания исследователи решают вопросы, использования личных местоимений, использования эмоционального языка во время разговора со службой поддержки клиентов, почему текст вызывает разные эмоции, и что может быть прочитано с большей вероятностью, и чем могут поделиться. Кроме того, хотя большинство исследований, как правило, сосредоточено либо на предсказании или понимании, некоторые работы объединяют оба аспекты.

Независимо от того, какие задачи решаются в исследованиях, анализ текста требует интеграции навыков, методов и существенных знания из разных областей маркетинга.

Литература

1. Афанасьев Д. О., Федорова Е. А., Рогов О. Ю. О влиянии тональности новостей в международных СМИ на рыночный курс российского рубля: текстовый анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 23, № 2. С. 264–289.
2. О влиянии зарубежных СМИ на российский фондовый рынок: текстовый анализ / Е. А. Федорова, И. С. Демин, Д. О. Афанасьев, О. Ю. Рогов // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56, № 2. С. 77–89.
3. Расходчиков А. Н. Управление городскими конфликтами: мониторинг, текстовый анализ, прогнозирование // Речевые технологии. 2020. № 3–4. С. 92–95.
4. Grahame R., Kabanoff B. Computer-Aided Content Analysis: What Do 240 Advertising Slogans Have in Common? // Marketing Letters. 1996. № 7. P. 63–75.
5. Gandomi A., Haider M. Beyond the Hype: BigData Concepts, Methods, and Analytics // International Journal of Information Management. 2015. № 35. P. 137–144.
6. Humphreys A., Jen-Hui Wang R. Automated Text Analysis for Consumer Research // Journal of Consumer Research. 2018. Vol. 44. P. 1274–1306.
7. Gaining Insights from Social Media Language: Methodologies and Challenges / M. L. Kern, G. Park, J. C. Eichstaedt [et al.] // Psychological Methods. 2016. Vol. 21, № 4. P. 507–525.
8. Pollach I. Taming Textual Data: The Contribution of Corpus Linguistics to Computer-Aided Text Analysis // Organizational Research Methods. 2012. № 15. P. 263–287.
9. Trotsuk I. V. Textual Analysis within Sociological Research: Terminological Rather Than Methodological Difficulties? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 2. С. 15–23.

AUTOMATED TEXT ANALYSIS AS A METHOD FOR OBTAINING MARKETING INFORMATION

A.V. Tonkovidova

Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism
Krasnodar, Russian Federation

Words are at the heart of any interaction in the market. Text data in the market environment is contained in online reviews, press releases, marketing communications. The purpose of this work is to review automated text analysis and describe how it can be used to obtain marketing information. The objectives of the work are to study, firstly, how the text reflects the qualities of the author of the text (and the context in which the text was created) and affects the audience or recipient of the text, and secondly, how the text can be a powerful tool, both for predicting and for understanding.

Key words: text, automated text analysis, marketing information, marketing research, Internet, understanding, forecasting, communication.

УДК 028.41:111.8

ЧТЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

И.В. Цветкова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема изучения чтения в условиях трансформации современной культуры. Социологические исследования свидетельствуют о том, что на фоне других видов информационного досуга снижается количество читателей художественной литературы. Несмотря на эти изменения, чтение выполняет ряд важных функций, которые удовлетворяют духовные потребности человека. В статье поставлена задача проанализировать экзистенциальные характеристики чтения. Сделан вывод о том, что чтение выступает важным средством подлинной коммуникации, которое способствует созиданию жизненного мира личности.

Ключевые слова: экзистенциализм, чтение, коммуникация, жизненный мир, духовная свобода.

В условиях информационного общества происходит изменение функций чтения, которые вызваны преобразованием характера коммуникации и структуры культуры. Культура утрачивает иерархический характер, ее структура выстраивается по типу сетевых взаимодействий. Современные исследователи отмечают, что чтение художественной литературы уступает другим видам потребления информации. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что среди студенческой молодежи только 7% респондентов читают много, а почти половина читают мало, но хотели бы читать больше [4, с. 140]. Среди детей и подростков чтение художественной литературы выступает менее популярным видом досуговой

деятельности, чем другие. По мере взросления подростки читают реже. Сокращается количество семей, в которых все члены семьи читают книги. Согласно данным ВЦИОМ, в 2006 году среди 72% опрошенных подростков были из читающих семей, а в 2021 году их количество сократилось до 55% [9].

Информационное общество предоставляет множество альтернатив для того, чтобы провести свободное время. Прежде всего, это общение в социальных сетях, компьютерные игры, просмотр фильмов, телевидение. Виды досуга, которые базируются на использовании информационных технологий сопровождаются визуальными образами. В отличие от текстовой информации визуальные образы не требуют интеллектуальных усилий, развитого воображения для их восприятия. Они способны вызывать эмоциональные реакции, которые быстро сменяют друг друга. Данные виды деятельности имеют немало преимуществ по сравнению с чтением.

Во-первых, они не требуют сосредоточения внимания на содержании текста; во-вторых, не связаны с усилиями, направленными на понимание текста, в-третьих, могут сочетаться с другими видами деятельности, поскольку не требуют особого внимания.

Значительное преимущество применения информационных технологий для повседневной коммуникации в том, что они дают возможность быстрого переключения от одной информации к другой для поиска той, которая вызовет эмоциональную реакцию, будет актуальна для человека на определенный момент времени. Технические средства, применяемые для различных видов информационного досуга, дают возможность получать обратную связь, обмениваться сообщениями.

В качестве альтернативы традиционной книге читателю предлагают романы-комиксы, которые передают основное содержание сюжета в виде картинок и включают минимальное количество текста. Согласно результатам анкетирования среди молодежи, примерно четвертая часть опрошенных считает распространение романов-комиксов положительным явлением [6, с. 28]. В современной культуре все большее распространение получают аудио-книги. Вероятно, такой вариант чтения-слушания приобретает популярность в связи с тем, что позволяет сочетать его с другими видами деятельности, например, с домашними делами, длительными поездками и т.д.

Однако чтение в его традиционном варианте не утрачивает своего значения, даже несмотря на высокие темпы современной жизни и техническое оснащение коммуникации. Чтение рассматривается как коммуникативная система, в которой взаимодействуют три элемента: автор, текст и читатель [2, с. 131]. При этом чтение существенно отличается от других видов информационного взаимодействия, поскольку не сводится к потреблению информации. Для прагматического освоения больших объемов информации актуальна модель чтения, которая свойственна героине романа Стига Ларссона

«Девушка с татуировкой дракона». Лисбет Саландер была способна, прочитав текст один раз, воспроизвести дословно его содержание. Такой способ восприятия информации вызывает удивление и восхищение. Однако для большинства людей смысл чтения состоит не просто в том, чтобы запомнить текст. Чтение выступает как событие языка, а также как экзистенциальный феномен [5, с.70].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы проанализировать чтение в аспекте экзистенциальных переживаний личности, способствующих самопознанию человека, преобразованию горизонтов его жизненного мира.

Связь экзистенциального направления в философии с литературным творчеством нашла отражение в большом количестве публикаций отечественных и зарубежных исследователей. Л.О. Мысовских исследует экзистенциальные концепты в художественной литературе. Анализируя творчество Ж.П. Сартра, автор отмечает, что существование литературы определяется отношениями между писателем и читателем. Свобода читателя определяет бытие текста в качестве художественного произведения, а также его возможность его влияния на культурные и общественные отношения. Литература в работах французского философа рассматривается как средство выражения философских идей [8, с. 32].

В статье Р.М. Гаджиевой представлен анализ произведений русских писателей, в которых прослеживаются идеи, характерные для произведений французских философов-экзистенциалистов. Переживания абсурдности существования, одиночества, тоски находят отражение в литературных и философских текстах [1, с. 77].

Трактовка проблемы бытия в экзистенциальной философии представлена в статье Д.О. Квятковского. Автор подчеркивает, что ключевой проблемой экзистенциализма является поиск человеком подлинного бытия, которое раскрывается в духовной жизни личности. Подлинное бытие противопоставляется мнимому бытию материальных вещей. Духовная жизнь человека раскрывает подлинное бытие через переживания страха смерти, отчаянья, абсурда. Экзистенциализм рассматривает различные грани свободы человека, которая выступает одной из главных характеристик человеческого существования [7, с. 65].

Большинство философских работ посвящено анализу экзистенциальных аспектов творчества в литературном творчестве. В публикациях по проблемам экзистенциализма меньшее внимание уделяется исследованию чтения.

Анализ экзистенциально-коммуникативной мотивации чтения представлен в статье Н.А. Стефановской. Автор отмечает, что экзистенциальный подход для изучения чтения в современной культуре позволит исследовать глубинные духовные аспекты мотивации. В частности, Н.А. Стефановская рассматривает чтение как способ преодоления страха человека перед абсурдностью и иррациональностью современного мира [10, с. 373].

Анализу литературы как духовного и экзистенциального феномена посвящена статья С.М. Шарабарина. Автор отмечает, что исследование чтения связано с представлениями о творческом восприятии текста читателем в процессе которого формируется целостная модель отношения человека к миру [11, с. 78].

В статье М.А. Гудковой рассматриваются методологические подходы к анализу чтения, которые сформулированы на основе работ П. Бурдьё. Для исследования чтения в качестве социокультурной практики ключевое значение имеют различные аспекты понятия «социальная практика». Данное понятие включает операциональные навыки, ценности, идентичности и т.д. [3, с. 84].

Анализ публикаций показывает, что в философии и в науке недостаточно исследованы экзистенциальные аспекты чтения, которые позволяют ответить на вопросы о том, какое значение оно имеет для духовного мира современного человека. Чтение – это одно из проявлений духовной свободы человека, которое способствует получению новых знаний, обогащению жизненного опыта, расширению горизонтов понимания феноменов культуры.

В философии экзистенциализма большое внимание уделяется описанию переживаний человека, которые раскрывают особенности его индивидуального бытия. Осознание конечности существования человека сопровождается чувством одиночества, осознанием абсурдности социальной жизни, переживанием сомнений в подлинности ценностей. Чтение художественной литературы создает определенную альтернативу по отношению к переживаниям, связанным с экзистенциальными кризисами.

Чтение художественного произведения выстраивается как общение с текстом. Организуя коммуникацию между автором произведения и читателем, которая опосредована текстом, чтение способствует преодолению чувства одиночества. Чтение художественной литературы можно сравнить с общением с человеком, рассказывающим интересные истории, открывающим возможности для познания мира и самопознания. С позиции читателя текст рассматривается как нарратив, рассказ, повествование автора.

Чтение начинается с формирования установки читателя на восприятие содержания текста. В герменевтике эта стадия носит название «предпонимание». По отношению к художественному тексту она реализуется в читательских интересах, предпочтениях выбора того или иного жанра литературы.

Читатель детективов ожидает найти в тексте описание того, как происходит раскрытие преступления; любителя фантастики привлекают приключения необычных персонажей за пределами нашей планеты; читатель исторических романов настроен на погружение в события прошлого. Жанровые предпочтения характеризуют определенные ожидания читателей по отношению к чтению, которые направлены на удовлетворение их разнообразных социальных и духовных потребностей.

Текст рассматривается как произведение, имеющее законченное смысловое содержание, которое определяется сюжетной линией в соответствии с жанром. Текст обладает внутренней логикой, которая связана с сюжетом. Литературные персонажи обладают своей жизненными историями, которые дают возможность понять, почему они совершают определенные поступки.

Как говорится в романе Жюль Диккера «Загадка номера 622» художественный текст «раздвигает» границы рационального. Писатель создает историю, в которой заключена интрига, состоящая из вопросов. Чтение романа становится увлекательным, когда читатель постепенно получает ответы на поставленные вопросы, в результате чего события, поступки героев соединяются в целостную картину. Чтение удовлетворяет потребность человека в преодолении переживаний абсурдности и бессмысленности реальной жизни, которые особенно остро проявляются в экзистенциальных кризисах.

Кроме сюжетной линии для читателя также важен язык автора, который выступает границей пересечения жизненных миров. Язык художественного текста формируется автором как пересечение множества дискурсов, которые характеризуют различные виды социальных практик. Каждый герой имеет свой «голос», свою особую манеру высказывания.

Уровень сложности авторского языка оказывает неоднозначные влияния на выбор текста для чтения. Оценка читателем авторского языка может способствовать тому, что стадия «предпонимания» перейдет в стадию последующий коммуникации с текстом, или, наоборот, коммуникация прервется на начальной стадии. Оценка читателем авторского языка формирует ситуацию доверия, которая необходима для понимания текста.

Язык и сюжетная линия текста подчиняются особой рациональности, которая раскрывается в процессе чтения. Читатель оценивает свои возможности понимания текста по шкале «слишком просто» или «слишком сложно», «скучно» или «увлекательно». Начальная стадия чтения текста можно сравнить с входом в пещеру или в лабиринт, когда путешественник принимает решение о том, идти ли ему дальше или повернуть обратно, пока не поздно.

Если путешественник решает продолжить путь, то он отдает себя во власть текста, которая создает особый мир, ограниченный пространством и временем чтения. Период времени, потраченный на чтение книги, характеризует отрезок жизни читателя, которое он провел в мире, созданном совместными усилиями с автором произведения. Чтение выступает творческим процессом, который инициирует автор произведения. Читатель не просто получает информацию о событиях, которые имели место в реальности или были придуманы автором, а сопереживает литературным героям, оценивает их поступки. Таким образом, чтение открывает возможности для расширения границ «жизненного мира» личности, включающего переживания, связанные с художественным произведением.

Чтение художественной литературы дает надежду на изменение жизни. В романе Джона Ирвинга «Правила виноделов» главный герой Гомер Бур в юности жил в приюте для сирот и каждый вечер читал мальчишкам «Дэвида Копперфильда» Чарльза Диккенса, а девочкам – «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. Выбор книг для чтения сиротам из приюта обусловлен тем, что них говорится о трудной судьбе людей, которые смогли обрести счастье.

Чтение художественной литературы занимает сравнительно небольшое количество времени, однако имеет особое отношение к индивидуальному бытию. Время чтения всегда ограничено, даже у очень хорошей книги есть начало и конец. Условия жизни, в которых живет человек, далеко не всегда его устраивают, и он не всегда может их изменить. Процесс чтения связан с проблеском надежды на то, что жизнь станет другой. Ожидание другой жизни реализуется в том, что в процессе чтения может измениться сам читатель, его отношение к реальным обстоятельствам.

Время чтения может рассматриваться как экзистенциальная характеристика читателя, поскольку оно преобразует его индивидуальное бытие. В романе Улки Коллинза «Лунный камень» есть персонаж Беттередж, который постоянно читает «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. В трудных жизненных ситуациях Беттередж раскрывает этот роман наугад и каждый раз с удивлением обнаруживает, что на странице содержится ответ на волнующий его вопрос. Вероятно, это явление связано не с книгой как таковой, а с тем, что содержание произведения стало частью жизненного мира Беттереджа. Чтение книги превращается в своеобразную медитацию, которая способствует переосмыслению собственного жизненного опыта.

Читатель художественного вступает в диалог с текстом, задавая вопросы, которые важны не только для понимания его содержания. Читателя волнуют вопросы, которые связаны с его личной жизненной ситуацией, самооценкой своих поступков, поступков окружающих людей. Читатель проецирует ситуацию своего жизненного мира на воображаемый мир художественного произведения, созданный в процессе чтения. Возможно, читатель находит ответы не на все вопросы, которые важны лично для него. Однако погружаясь в содержание художественного произведения, сопереживая литературным персонажам, читатель раскрывает для себя не только опыт других людей, но также грани собственной личности.

Таким образом, экзистенциальное измерение чтения художественной литературы, по нашему мнению, раскрывает различные грани индивидуального бытия, способствующие самопознанию. Чтение выступает разновидностью коммуникации, которая возникает при помощи текста произведения. Выбор книги можно сравнить с поиском собеседника, которого трудно найти в реальном окружении, поскольку повседневное и профессиональное общение не ориентировано на использование художественного и образного потенциала. Чтение художественной литературы создает особый мир, раздвигающий границы рациональности, поскольку возможности его постиже-

ния основываются на творческой интуиции автора и читателя. Мир художественного текста, в который погружается читатель, выступает альтернативой переживаниям абсурдности и бессмысленности реального мира, которые возникают в периоды экзистенциальных кризисов. Чтение художественной литературы удовлетворяет потребность в надежде на изменения в жизни, которые соотносятся с моральными и эстетическими критериями читателя. Экзистенциальные характеристики чтения находят отражение в формировании «проекции» духовного мира читателя на содержание произведения, что выступает средством самопознания.

Литература

1. Гаджиева Р. М. Экзистенциальные взгляды в зарубежной и русской литературе // Символ науки. 2021. № 1. С. 76–78.
2. Гудова М. Ю. Постграмотное чтение: актуальность определения понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17. С. 130–132.
3. Гудова М. Ю. Чтение как культурная практика: обоснование методологии исследования // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 3. С. 82–88.
4. Дулина Н. В., Каргаполова Е. В., Симоненко М. А. Студент «читающий»? К вопросу о трансформации книжной культуры современного студенчества (по итогам прикладного социологического исследования) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 1. С. 138–147.
5. Жилина В. А., Жилина Е. А. Чтение в феноменах культуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 11. С. 66–71.
6. Каверина Н. А. Современные аспекты трансформации культуры чтения студентов // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8. С. 27–31.
7. Квятковский Д. О. Онтологические основы в философии экзистенциализма // Вестник Омского университета. 2016. № 1. С. 63–67.
8. Мысовских Л. О. Писатель и экзистенциализм: художественная литература как средство выражения экзистенциальных идей // Филология: научные исследования. 2022. № 4. С. 29–41.
9. Нараева А., Игнатъев Д. Подростки стали меньше читать книги, выяснил ВЦИОМ : Молодежь не знает современных авторов и предпочитает литературе «тексты в интернете» // Ведомости. URL: www.vedomosti.ru/society/articles/2022/09/16/941088-podrostki-stali-menshe-chitat (дата обращения: 28.11.2022).
10. Стефановская Н. А. Экзистенциально-коммуникативная мотивация чтения как предмет социологического анализа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 369–374.
11. Шарабарин С. М. Книга как культурный и экзистенциальный феномен // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 4. С. 78–88.

READING FICTION IN AN EXISTENTIAL DIMENSION

I.V. Tsvetkova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of studying reading in the context of the transformation of modern culture. Sociological studies show that against the background of other types

of information leisure, the number of readers of fiction is decreasing. Despite these changes, reading performs a number of important functions that satisfy a person's spiritual needs. The article aims to analyze the existential characteristics of reading. It is concluded that reading is an important means of genuine communication, which contributes to the creation of the life world of the individual.

Key words: existentialism, reading, communication, life world, spiritual freedom.

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 808:37.016:811.161.1

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЕМОВ РИТОРИЗАЦИИ В КУРСЕ «МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Н.А. Белова

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
г. Саранск, Российская Федерация

Е.А. Кашкарева

Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева
г. Саранск, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема изучения приемов риторизации в вузовском курсе «Методика преподавания русского языка». Авторы рассматривают риторическую задачу, риторическую игру и риторический анализ текста как приемы риторизации и определяют способы их включения в учебно-речевые ситуации урока русского языка с целью профессиональной подготовки учителя-словесника. В статье предложены практикоориентированные задания для студентов-филологов и модель урока развития речи, построенные на использовании приемов риторизации.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, риторизация, риторическая задача, риторическая игра, риторический анализ текста, модель урока развития связной речи.

Актуальность методики внедрения приемов риторизации на уроках развития речи в школе обусловлена следующими методическими проблемами: 1) объективной сложностью речевой (коммуникативной) подготовки школьников; 2) недостаточным уровнем развития речи современных учеников, что ежегодно отражают результаты ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку в заданиях, связанных с пониманием исходных и продуцированием учащимися собственных текстов; 3) отсутствием должного внимания к риторической подготовке в школьных программах и учебниках по русскому языку на фоне отсутствия дисциплины «Риторика» в учебном плане школы, а также постоянного повышения значимости коммуникативной компетентности выпускников современных школ. В контексте обозначенных проблем развития коммуникативной компетенции школьников, на наш взгляд, в процессе вузовской подготовки будущих учителей-словесников необходимо методическое осмысление достижений риторики и обучение студентов использованию приемов риторизации на уроках русского языка.

Среди многих трактовок учеными-методистами термина «риторизация» мы считаем необходимым рассмотреть следующие. С.А. Минеева определяет риторизацию как «механизм (процесс) переосмысления пред-

мета и способов его преподавания, переосмысление организации образовательного процесса как полноценного диалогового общения по канонам риторики» [5, с. 131]. По мнению Л.В. Горбач, «риторизация образовательной деятельности является одним из путей гуманизации и гуманитаризации образования, в русле которого процесс получения знаний и формирования компетенций строится как диалог с текстами и участниками всего процесса». Исследователь выделяет следующие критерии риторизации: «перевод учебной ситуации в риторическую; авторско-соавторское общение; адресность; согласование стратегии и тактики образовательной деятельности; продуктивная реализация замысла в риторическом жанре; рефлексивность» [4, с. 15]. Н.Б. Голуб и В.Д. Неклюдов считают, что «риторизация – это процесс переосмысления предмета и способов его преподавания, переосмысление организации образовательного процесса как полноценного делового общения по канонам риторики» [3, с. 18].

Мы опираемся на определение, предложенное Л.В. Ассиуровой, в котором она описывает риторизацию как «...процесс введения приемов, направленных на речевое развитие, в практику преподавания разных образовательных областей. Данная технология позволяет сформировать способность к речевому действию, необходимую в процессе коммуникации» [1, с. 110]. Применение данной технологии в учебном процессе позволяет учителю обеспечить условия для развития у учащихся умений устанавливать контакт с аудиторией, способности управлять своим поведением, словом, мыслью, овладевать различными речевыми жанрами. Она рассматривается как выстраивание предметной образовательной деятельности в диалоге с текстом: текст читаемый (первичный); текст, порождаемый как жанр (вторичный); риторическая ситуация.

Необходимо учесть этапы риторической деятельности: ориентировочный (планирование), исполнение, рефлексия. Данная схема должна быть реализована на каждом учебном занятии или учебно-речевой ситуации с применением конкретных и адекватных риторических приёмов.

Технология риторизации может быть реализована посредством таких приемов, направленных на формирование коммуникативных риторических умений школьников, как: риторическая задача, риторическая игра и риторический анализ текста [2]. Рассмотрение названных приемов мы включаем в содержание теоретико-практической подготовки студентов-филологов при изучении ими дисциплины «Методика преподавания русского языка» (модуль «Методика развития речи в школе»). Рассмотрим возможный учебный материал и практикоориентированные задания для студентов, опирающиеся на его особенности.

Риторические задачи (задания коммуникативного характера) являются одним из довольно эффективных и удобных с точки зрения органичного включения в учебно-речевые ситуации (УРС) урока приемов риторизации. Применение продуманной системы риторических задач в процессе обучения русскому языку позволяет тренировать коммуникативные умения

и навыки учеников, логично переходить от изучения языкового материала к рассмотрению особенностей функционирования разноуровневых единиц языка в речи, использовать полученную информацию в собственной речевой практике, при создании высказываний (текстов). При организации процесса обучения с целью выработки у школьников коммуникативных навыков риторические задачи можно включать в различные этапы урока развития речи, использовать в самых разных учебно-речевых ситуациях. Учитель может моделировать обучающие речевые ситуации на основе использования не только реальных жизненных ситуаций общения, но и вымышленных или литературных. Обозначим комплекс наиболее существенных требований к реализации риторических задач на УРС уроков развития речи: формулирование понятных и интересных для учащихся определенного возраста заданий; повторяемость речевых действий школьников в различных видах учебной деятельности; системность в использовании риторических задач на уроках; обсуждение со школьниками в ходе учебного диалога оптимального решения; учет многовариантности решения одной и той же задачи.

Приведем примеры риторических задач, которые отрабатываются на лабораторных занятиях со студентами по методике преподавания русского языка в рамках изучения раздела «Методика развития речи в школе».

Например, при моделировании уроков развития речи, ориентированных на УМК под редакцией А.А. Леонтьева для 7 класса, целесообразно использовать прием риторической задачи при изучении таких тем, как: *«Описание действий»*, *«Отзыв о книге»*, *«Интервью – жанр публицистики»*.

На уроке развития речи при изучении темы *«Описание действий»* школьники учатся создавать свои тексты-описания, соблюдая последовательность при описании действий. В рамках урока на этапе закрепления мы рекомендуем студентам использовать прием риторической задачи для усовершенствования полученных знаний на уроке. Игра направлена на развитие памяти и внимания у школьников. *Учитель предлагает написать небольшое сочинение, опираясь на личный опыт, где школьники описывают собственную проделанную работу (приготовление ужина, посадку цветов и т. д.).*

На уроке развития речи при изучении темы *«Отзыв о книге»* школьники учатся оценивать содержание прочитанного произведения, его язык и стиль, писать сочинение-отзыв в соответствии с требованиями логичности, выразительности. В рамках урока на этапе закрепления мы предлагаем студентам использовать прием риторической задачи, цель которой направлена на усвоения изученных знаний и развития памяти у учащихся. *Учитель предлагает представить и описать ситуацию: «У вас есть друг по переписке, и вы пишете ему отзыв на книгу, которая произвела на вас впечатление».*

На уроке развития речи на тему *«Интервью – жанр публицистики»* мы рекомендуем студентам использовать прием риторической задачи на

этапе закрепления, а именно в рамках домашней работы. *Учитель предлагает представить себя в роли журналиста и взять интервью у своей бабушки, о том, как прошло ее детство.*

Риторическая (речевая) игра строится на выделении компонентов речевой ситуации и состоит из нескольких частей: начальной (вводной), основной и заключительной. В вводной части школьникам предлагается инструкция, которая содержит опорную информацию для участников игры: 1) описание имитирующей реальную или воображаемой речевой ситуации; 2) распределение ролей между школьниками; 3) ознакомление учеников с «правилами» игры, сообщение о времени для подготовки к выступлению; 4) обозначение критериев оценки.

Покажем возможные варианты использования риторических игр при изучении темы «Объявление» на уроке развития речи в 5 классе. На первый взгляд, жанр объявления не вызывает трудностей, однако ученики часто затрудняются в отборе главной информации, дополняют тексты ненужными подробностями и т. п. Именно риторическая игра позволит овладеть секретами составления объявлений в полной мере. Игра может быть использована при изучении темы «Секреты устных объявлений», после того как пятиклассники получили представление о сходстве и различии устных и письменных объявлений, научились определять их обязательные структурно-смысловые компоненты. Цель игры – закрепить полученные на уроках русского языка знания, активизировать самостоятельные высказывания учеников.

Игра № 1. Оборудование: карточки с названиями или изображениями предметов: зонтик, книга, удочка, шляпа и т. п. Описание ситуации и коммуникативной задачи: *«Вы отправляетесь в долгожданное путешествие. Приезжаете на вокзал. Диктор объявляет посадку на поезд. И вдруг вы обнаруживаете, что потеряли в спешке одну из своих вещей. Вам нужно составить текст объявления по радио и произнести его так, чтобы нашедший пропажу сразу же вернул его, и вы смогли продолжить свой путь».* Один из игроков – диктор вокзального радио. Подведение итогов (возможные вопросы): какая из команд точно описала предмет? Чье объявление лучше и почему? Чье объявление лучше озвучено? Можно ли по составленному объявлению найти предмет? Нет ли лишней информации?

В качестве контрольного задания при изучении темы «Объявление» может быть предложена **игра № 2**, частично подготовленная дома. Домашнее задание: *«Представьте себе, что в школе вы нашли необыкновенную вещь. Опишите в объявлении найденный предмет, не называя его, так, чтобы хозяин сразу нашелся».* На следующем уроке проводится конкурс на лучшее устное объявление. А затем предлагается составить письменное объявление о пропаже таинственной вещи.

Под *риторическим анализом текста* подразумевается обсуждение компонентов речевой ситуации его создания и воспроизведения. Данный

прием отрабатывается последовательно в ходе практической работы с образцами.

Модель урока развития связной речи. Тема «Дневниковые записи. Мой бумажный друг» (урок объяснения нового материала в 6 классе). Данная модель разрабатывалась, проигрывалась и обсуждалась на лабораторном занятии со студентами в рамках методической мастерской.

Методическая база урока.

Цели урока:

образовательные:

- вспомнить о том, как изображается речь, каковы функции письменной речи;
- узнать о дневниковых записях как о жанре письменной речи, в чем их специфика на структурном, содержательном и языковом уровнях;
- изучить функциональные особенности дневниковых записей;
- научиться разграничивать типы речи в дневниковых записях (описание, повествование, рассуждение);
- научиться анализировать дневниковые записи, выявлять их особенности на структурном, содержательном и языковом уровнях;

развивающие:

- развивать мыслительные операции (навыки анализа, синтеза и обобщения);
- развивать творческие способности учащихся;
- развивать связную речь учащихся;

воспитательные:

- продолжить формирование чувства любви к родной речи;
- продолжить формирование чувства ответственности за свое речевое поведение.

Методы обучения.

Традиционные: *репродуктивные* (слово учителя, анализ текста-образца); *продуктивные* (беседа, сопоставление текстов); *собственно риторические:* *метод развития коммуникативных способностей* (риторический анализ текстов, прием мыслительной и речевой разминки).

Этапы урока.

- I. Вступительное слово учителя
- II. Повторение пройденного материала (разминка)
- III. Объяснение нового материала
- IV. Закрепление нового материала
- IV. Выводы и обобщение
- V. Домашнее задание

Ход урока

I. Учитель: Здравствуйте, садитесь. Сегодня на уроке мы с вами продолжаем освоение огромного количества существующих жанров письменной речи. Мы узнаем, что помимо живых друзей, которых у нас, конечно,

немало, в ящике нашего стола может «жить» друг бумажный, самый верный. Он никогда вас не предаст и не обидит напрасно. Он хотя не даст советов, но хранить надежно ваши маленькие секреты может вполне; о том, что это за друг мы поговорим немного позже.

II. А пока давайте вспомним, какие жанры письменной речи вам уже известны? (Аннотация, отзыв, личное письмо). В чем их специфика по сравнению с жанрами устной речи?

Совсем недавно мы с вами изучали тему «Изобретение речей» сегодня нам она также понадобится.

Итак, что же значит «изобразить речь?» (находить что-то новое для слушателей, читателей).

Что такое «предмет речи»? (то, о чем мы говорим).

Как мы определяем «предмет речи»? Какие виды определений вы знаете? (логические определения – указывают на существенные признаки предмета, такие определения, как правило, лишены оценки. Риторические определения – те, в которых выражается отношение автора к предмету речи).

Но не всякая наша речь рассчитана на адресата. Иногда мы пишем сами для себя. *Когда это бывает?* (когда мы ведем дневник).

Сейчас для разминки мы поиграем в игру под названием «Кто же он?» Вашему вниманию предлагаются фотографии трех мальчиков с разными выражениями лица. Попытайтесь определить, кто из них сделал в своем дневнике соответствующие записи.

Текст № 1. *Сегодня с утра мороз и солнышко. Погода – чудо. После завтрака возьму «снегурки» и до обеда на каток.*

Текст № 2. *Сегодня погода на редкость удачная. Светит солнышко, искрится снежок. Все мои знакомые ребята отправились на каток. Я сижу один. Вчера получил «двойку» по математике, и мама сказала, что гулять сегодня я не пойду. Мне кажется, что за окном – волшебный мир без забот, в который я никак не могу попасть.*

Текст № 3. *Погода сегодня ужасная! Вышел из дома, хотел к Петьке пойти, да поскользнулся, упал, чуть голову не расшиб. А солнце так слепит, что слезы наворачиваются. И холод собачий вдобавок. Ничего себе, воскресенье! Лучше я сегодня останусь дома.*

Заметим, каким разным может быть один и тот же день глазами разных ребят в зависимости от их настроения.

III. Так же и в дневнике. Возможно, вы слышали, что многие великие люди, артисты, политики, вели дневники. Ведут их и ваши ровесники и, возможно, некоторые из вас.

Что такое дневник? Его название происходит от слова «день» и означает «тетрадь», в которой записаны события, произошедшие за день. К примеру, у каждого из вас есть школьный дневник. Туда по числам заносится информация о ваших учебных предметах, оценках и домашних заданиях.

У вашего класса есть «дневник поведения» с соответствующей информацией. Но личный ваш дневник – это несколько другое. В нем важнее не изложить события, а выразить свое отношение к ним, дать свою оценку. Вести дневник важно для того, чтобы суметь со стороны оценить свои чувства и поступки, посмотреть на себя своими собственными глазами.

А зачем еще нужен дневник? Прочитайте отрывок из повести А. Алексина (можно воспользоваться учебником Т.А. Ладыженской «Школьная риторика» для 6 класса, стр. 287, упр. 206).

Скажите, согласны ли вы с мамой мальчика? Если вы вели дневник, приходила ли вам в голову мысль о том, что вы будете читать его своим детям, спустя много лет?

IV. 1) Прочитайте три текста, данные ниже. Определите тип речи в них.

Текст № 1. *Сегодня с утра зарядил осенний серый дождь. Небо обложилось свинцовыми тучами, словно одеялом. Скучно. Через потоки воды слышатся печальные крики одиноких птиц.* (Описание).

Текст № 2. *Люблю ли я людей? Сложно ответить на этот вопрос, не подумав. Конечно, я люблю маму и папу, брата и друзей, бабушку. Иногда, когда хорошее настроение, люблю всех прохожих на улице. Но в то же время есть люди, которые очень не нравятся мне. По-моему, всех людей любить вообще невозможно, ведь не все они хорошие.* (Рассуждение).

Текст № 3. *Сегодня мы с дедом ходили в лес, смотреть ульи на пасеке лесника. Я нашел целую кучку лесных опят на пне. Только жаль, что они были почти все трухлявые. Потом я видел ёжика. Он был похож на маленький танк. Он свернулся и зафырчал на меня. Я хотел взять его домой и поить молоком, но дед сказал: «Не надо. Пусть живет в лесу».* (Повествование).

– Как вы определили тип речи этих текстов? В чем специфика повествования, рассуждения, описания? Какие изобразительные средства использованы в текстах? С помощью каких слов автор третьего текста дает оценку изображаемым событиям?

2) Опираясь на задание 1, составьте себе из 3 – 5 пунктов памятку, как нужно вести дневник.

3) Выполните следующее задание: попытайтесь изобразить дождливый день с радостным, а потом с грустным настроением. Затем мы будем читать вслух ваши наброски и обсуждать их.

V. О чем можно написать в дневнике? Каким текстовым особенностям мы должны следовать? Зачем нам нужен дневник? Можно ли читать дневник другого человека? Почему?

Объясните фразу: «Дневниковая запись – это экран, отражающий мир наших настроений».

Я надеюсь, что наш сегодняшний разговор поможет вам завести своих «бумажных друзей», которые ещё не раз придут вам на помощь в трудную минуту.

VI. Домашнее задание: выберите из высказываний великих людей о дневниках (стр. 212, упр. 298) одну фразу и на ее основе составьте кратко (3 – 5 мин.) речевое сообщение, аргументирующего характера на тему «Дневник – мой друг и помощник».

Подводя итоги, отметим, что для эффективного развития связной речи школьников необходимо системно обращаться к *риторическим задачам, риторическим играм и риторическому анализу текста*, т. е. таким приемам обучения, которые ориентированы на выработку умения рассматривать и оценивать общение в самых разных его жанрах, понимать структуру коммуникации (свободно работать с элементами речевой ситуации), более глубоко осмысливать и продуцировать тексты с учетом коммуникативного задания. Очевидно, что одним из важных компонентов методической вузовской подготовки современного учителя русского языка должно стать овладение приемами риторизации, методикой их системного включения в УРС уроков развития речи.

Литература

1. Ассуирова Л. В. Риторизация. Введение элементов риторики в преподавание русского языка : интегративный учебник для 5–6 классов. Москва : Пушкинский институт [и др.], 2005. 284, [3]с.
2. Белова Н. А., Кашкарева Е. А. Риторика в школе: моделирование процесса обучения : учеб.-метод. пособие. Саранск : Мордовский государственный педагогический институт, 2010. 365 с.
3. Голуб И. Б., Неклюдов В. Д. Русская риторика и культура речи : учеб. пособие. Москва : Логос, 2016. 326, [1] с.
4. Горбач Л. В. Риторика и риторизация: содержание работы лаборатории // Роль риторики и риторизации в развитии школы № 149 : сборник материалов, составленный на основе творческого отчёта районной лаборатории по риторизации за 1997–1998 учебный год. Пермь, 1998. С. 13–22.
5. Минеева С. А. Проблемы и трудности риторизации // Риторика диалога в становлении научно-гуманистической системы образования: проблемы исследования и преподавания : Материалы XI науч.-практ. конф. / под ред. С. А. Минеевой. Пермь, 2002. С. 131–134.

LEARNING THE TECHNIQUES OF RHETORIC IN THE COURSE "METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE"

N.A. Belova

N.P. Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russian Federation

E.A. Kashkareva

Mordovian State Pedagogical University
Saransk, Russian Federation

The article deals with the problem of studying the techniques of rhetoric in the university course «Methods of teaching the Russian language». The authors consider the rhetorical task, the rhetorical game and the rhetorical analysis of the text as rhetorization techniques and deter-

mine the ways of their inclusion in the educational and speech situations of the Russian language lesson for the purpose of professional training of a teacher. The article offers practice-oriented tasks for philology students and a model of a speech development lesson based on the use of rhetorization techniques.

Key words: methodology of teaching the Russian language, rhetorization, rhetorical task, rhetorical game, rhetorical analysis of the text, model of the lesson of the development of coherent speech.

УДК 811.161.1'367.626:81'37:94(470)

РУССКИЙ ХАРАКТЕР В ЗЕРКАЛЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

В.В. Волков, Н.В. Волкова

Тверской государственный университет
г. Тверь, Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос о семантической взаимосвязи личных местоимений и соотносительных с ними концептов «Я» и «Мы» в произведениях русской литературы о Великой Отечественной войне. В употреблении личных местоимений наглядно проявляются те традиционные ценности, которые связывают поколения, которые открыто выражены в государственных документах Российской Федерации, а наглядно-образно в художественных произведениях. Специальное внимание к личным местоимениям как маркерам традиционных ценностей русского народа на уроках русского языка и литературы – одно из средств поддержания связи разных поколений нашей страны.

Ключевые слова: русский язык и литературы, Великая Отечественная война, военная лирика, русский менталитет, личные местоимения.

Одна из актуальных страноведческих и лингвокультурных целей преподавания русского языка и литературы самым разным категориям обучающихся – знакомство с ключевыми событиями истории России и особенностями русского национального характера. Значимость этой задачи в современных условиях выходит далеко за границы собственно педагогических – на уровень важнейших государственных, как явствует, в частности, из Конституции и Гимна России [2], из утвержденного в ноябре 2022 года Указом Президента документа под недвусмысленным названием «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором Россия открыто провозглашает свою приверженность традиционным основам своей уникальной цивилизации, в числе которых «патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу <...> историческая память и преемственность поколений» [7]. Филологические средства реализации этой задачи – чтение относительно доступной школьникам или, например, студентам-иностранцам художественной литературы на русском языке, углубленное внимание к историко-культурной основе произведений

и особенностям их языка, включая всматривание в семантику ключевых национально-специфических слов и отдельных словоупотреблений.

Главное слово в ряду наших «традиционных ценностей» – *патриотизм*. Для русского патриотизма характерна «скрытая теплота» (Л.Н. Толстой), которая прежде всего в товариществе, в сердечном чувстве общего дела, которое тесно связано с личным местоимением *мы*, с тем теплым чувством единого соборного «*мы*», которое особенно значимо в дни военных испытаний. Воспроизведем хрестоматийный фрагмент романа «Война и мир», всмотримся в простых русских солдат накануне Бородинского сражения и в ключевое местоимение *все*, которое для Пьера контекстуально выступает как синоним *они*, а для самих солдат – как синоним *мы*, единое целое: «Тот вопрос, который <...> тревожил Пьера, теперь представился ему совершенно ясным и вполне разрешенным. Он понял теперь весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения. Все, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту скрытую <...> теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти» [12, с. 238–239]. Обратим внимание: Безухов словно не различает отдельных лиц – перед ним единое «*мы*», частью которого он постепенно, сам того еще не осознавая, становится.

В наши дни реалистически достоверная художественная литература военной тематики начинает возвращаться в образовательную практику, включая уроки литературы (назовем только «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия»), но в современных условиях нуждается не только в обычном учебно-литературоведческом прочтении, как рекомендуется во многих материалах для учителя и учащихся типа «Героическая тема в русской литературе» [5], но и в углубленном анализе языка писателя / поэта, центрирующемся, как на своей сверхзадаче, на лингвостилистических и лингвоконцептуальных функциях отдельных языковых единиц, репрезентирующих частные мотивные комплексы.

Предмет внимания в данной работе – та часть гигантского пласта русской литературы XX века (особенно поэзии), которая связана с Великой Отечественной войной, а внутри этого пласта – мотивный комплекс с условным названием «личность и коллектив (общество, народ) в ситуации войны за Отечество». Сосредотачиваем внимание на употреблении личных местоимений *я* и *мы*, всматриваясь сквозь них во взаимоотношения отдельного человека и того соборного целого, которое ассоциируется главным образом со словами *народ* и *Родина*, но в которое отдельный человек, его «*я*» входит постепенно, расширяя круг близких «других», расширяя свое «*мы*».

Существо оппозиции «*я* – *мы*» в формально-логическом отношении сводится только к разграничению по числу – единственному / множествен-

ному, в дальнейшей интерпретации – к семантическим операторам «уникальность – совокупность» [10, с. 97]. Принципиальное различие этих семантических операторов отзывается и в полном различии корней местоимений *я* и *мы*, из чего следует, что «мы» – это не несколько разных автономных «я», собравшихся вместе, «мы» – это такая совокупность лиц, включающая в том числе и говорящего («я»), которая характеризуется свойством цельности – особым свойством / свойствами, которые обуславливают особое качество «мы» и выступают как общие по отношению к каждому отдельному «я». Простое «арифметическое сложение» отдельных индивидуумов – «я» не ведет к формированию «мы», скорее наоборот: некая изначальная данность – именно «мы», раскладывающееся на отдельные «я».

Местоимением *мы* открывается знаменитое стихотворение Анны Ахматовой «Мужество», опубликованное 8 марта 1942 года в газете «Правда»: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах. / И мужество нас не покинет» [1, с. 205]. Акцентированный «мы» – как концепт, лексически различно выраженный, – семантический центр всего текста: «мы» – и в притязательном «*наши* часы» (время *наших* общих испытаний), и в убежденности, что мужество не покинет именно «нас» – всех вместе, как целое. Стихотворение обращено к каждому отдельному «я» читателя, но – как к части целого «мы» народа.

Михаил Кульчицкий (1919–1943), младший лейтенант, командир минометного взвода, погибший в ходе Сталинградского сражения, оставил строки, афористически точно отражающие, как от «я» (лихой лейтенант) поднимается человек к тем «мы», кто вместе несет тяжелый военный труд («Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!», 26 декабря 1942 г.):

«Я раньше думал: "лейтенант"
звучит "налейте нам".
И, зная топографию,
он топает по гравию.
Война ж совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда, черна от пота, вверх
скользит по пахоте пехота» [4, с. 135].

Показательна динамика именовании лиц в этом стихотворении (мотивный комплекс «я – мы»): сначала самохарактеристика себя-прошлого в до-войны – *мечтатель*, *фантазер*, далекий от реальности; потом цитированное выше – *я*, вступающий на офицерскую тропу *лейтенанта*, и сразу собирательно-обобщенное *пехота*, в котором «я» уже не слышно; в финале, афористическом, широко известном, уже нет отдельно ни «я», ни «мы», но они вместе – *Родина*, необходимая ее часть:

«Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино» [4, с. 135].

В хрестоматийном стихотворении Константина Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» (1941), которое в советские годы школьники часто знали наизусть, потрясающее антропонимическое поле – совокупность именованных лиц и семантически смежных лексем, в которых Родина раскрывается через «я», «ты» (стихотворение публиковалось в том числе и под названием «Письмо другу», и по эпиграфу – «А. Суркову»), *усталые женщины, солдаты*, «деревни с погостами», *прадеды*, «вдовья слеза» и др. Ограничимся одной цитатой, где наиболее явствен мотив расширения «я» лирического героя, как выше у Кульчицкого, однако, в отличие от него, «я» у Симонова возрастает не столько в совместном воинском труде, сколько через живое ощущение связи разных, но единых пространств и времен:

«Ты знаешь, наверное, все-таки родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил» [9, с. 88].

Поколение, победившее в Великую Отечественную, ныне мы воспринимаем в вершинных его проявлениях, как нечто цельное. Наверное, такой обобщенный взгляд, не размельчающийся на частности, правомерен: учиться «правильно жить» нужно у лучших. Чему именно учиться? Если одним словом – общности, соборному чувству «мы». Отсюда вопрос: кто «они», победившие в Великой Отечественной?

С филологической точки зрения, ответить на этот вопрос – значит восстановить те ключевые слова и стоящие за ними живые представления (культурные концепты), в которых кроется живая историческая «память о поколении Победителей». Традиция, преемственность поколений – в способности следующих поколений понимать смысл тех слов, которыми были движимы их героические предшественники.

Думается, главное в том поколении Победителей – острое чувство *Родины* и радость *труда* для нее, что вместе слагалось в смыслы прилагательного *советский*.

В ноябре 1941 года обостренное чувство соединенности всех со всеми А.Н. Толстой в очерке «Родина» выразил очень подробно и точно, в частности: «Гнездо наше, родина возобладала над всеми нашими чувствами. <...> Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех – такими похожими на глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка – все это наше, родное, и мы, живущие в это лихолетье, – хранители и сторожа родины нашей» [11, с. 505]. Публицистическая метафора Родины как «гнезда», ассоциируемого с домом, защищенностью, заботой и взрослением, а далее – с собственными крыльями и вольным полетом, в философском прочтении глубокого отечественного философа С.Л. Франка

(1877–1950), звучит как «чувство своей утвержденности в таинственных, охватывающих нашу личность глубинах бытия» [13, с. 58]. Это чувство в годы военных испытаний наглядно прорывается стихами, песнями, маршами, как, например, во впервые прозвучавшем накануне Первой мировой войны воинском марше Василия Агапкина «Прощание славянки» с его инициальной строчкой «Встань за Веру, Русская земля!», в героической песне «Священная война» (В.И. Лебедев-Кумач, музыка А.В. Александрова) с вдохновляющим призывом «Вставай, страна огромная...» (подробнее см.: [3]), и мн. др.

Словосочетание *русская земля* в Великую Отечественную представляло в своем синониме *советская страна, русский человек – советский человек*. Признавать себя *русским, советским* было предметом гордости (мимоходом заметим: полезно бы современным детям вновь, как их родителям или дедам, бабушкам, читать «Стихи о советском паспорте» В.В. Маяковского и в целом основательно знакомиться с его послеоктябрьским творчеством).

Для героя Б.Н. Полевого в «Повести о настоящем человеке» решающим аргументом после ампутации ног вернуться в строй боевым летчиком оказывается именно слово – *советский*. В госпитале комиссар показывает Алексею статью о русском военном летчике поручике Карповиче, который в Первую мировую после ампутации ступни вернулся в армию и успешно служил в авиации. Далее примечательный диалог:

«– Прочел? – хитровато спросил Комиссар. <...>
 – Но у него не было только ступни.
 – А ты же советский человек.
 – Он летал на “фармане”. Разве это самолет? Это этажерка. На нем чего не летать? Там такое управление, что ни ловкости, ни быстроты не надо.
 – Но ты же советский человек! – настаивал Комиссар.
 – Советский человек, – машинально повторил Алексей, все еще не отрывая глаз от заметки; потом бледное лицо его осветилось каким-то внутренним румянцем, и он обвел всех изумленно-радостным взглядом» [8, с. 135].

Показательно: простое напоминание, что ты – гражданин Страны Советов, *советский*, побуждает к особому отношению к себе и своей судьбе.

Задача восстановления живого чувства преемственности поколений включает и восстановление – с особым набором гражданских коннотаций – знакового для нашего самосознания, для всей отечественной истории XX века прилагательного *советский*, в его ближайших ассоциативных связей с самоотверженным трудом и воинским героизмом. С.С. Орлов (1921–1977), поэт, прошедший войну, известный прежде всего своим монументальным стихотворением «Его зарыли в шар земной, / А был он лишь солдат...» (1944), в поэтическом размышлении «Говорят, что мы – поколе-

ние...» (1952) о том, чем славно его поколение, которое обычно связывают с войной, выстраивает и ряд других ключевых моментов:

«Поколение не год рождения,
Поколение – год Октября.
Поколение – фронты гражданские.
Поколение – гребни плотин,
А не просто по свету странствие
От крестин и до именин» [6, с. 12].

Николай Майоров (1919–1942), стрелок пулеметной роты, погибший в ходе наступления под Смоленском, оставил стихотворение с показательным названием – «Мы» («Есть в голосе моём звучание металла. / Я в жизнь вошёл тяжёлым и прямым», 1940), которое можно назвать поэтическим памятником поколения. Стихотворение предвоенное, хотя дыхание войны в нем есть, – оно больше о труде и созидательно-жесткой, мужественной устремленности в будущее, не только для своей страны – для человечества:

«И, как бы ни давили память годы,
нас не забудут потому век,
что, всей планете делая погоду,
мы в плоть одели слово "Человек"!» [4, с. 176].

Знаковый афоризм советских лет из песни «Комсомольская традиция» (И. Шаферан, музыка О. Фельцмана): «Есть традиция добрая в комсомольской семье: раньше думай о Родине, а потом о себе» [14]. Ушли в прошлое Великая Отечественная и советский комсомол, – традиции должны жить, поскольку именно на единстве «я» и «мы» стоит наша Родина.

В заключение подчеркнем: «традиционные ценности» нашего народа, в ряду которых особое место занимает патриотизм, в языковом отношении опредмечиваются совсем не обязательно какими-то «громкими словами». «Скрытая теплота» нашего патриотизма – в том числе в особенностях употребления личных местоимений 1-го лица *я* и *мы*, в нашей склонности избегать «ячества», ориентироваться на «мы» – коллектив, семью, друзей, в конечном счете – на Родину и народ. Эти местоимения при вдумчивом рассмотрении могут многое рассказать о тех ключевых особенностях русского характера, которые обусловили возможность победы над европейским фашизмом в 40-е годы XX века и которые позволяют в нынешнее тревожное время нашей стране успешно выдерживать очередной натиск западных стран.

Литература

1. Ахматова А. А. Сочинения. Москва : Художественная литература, 1990. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. 525, [1] с.

2. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Теолингвистические компоненты в секулярных именовании особенностей русского менталитета и российской государственности. DOI 10.26456/vtfilol/2021.1.105 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 1. С. 105–114.
3. Волкова Н. В. «Вставайте, люди русские...». Соборность как доминанта русского характера и русской литературы. DOI 10.26456/vtfilol/2022.3.017 // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3. С. 17–26.
4. Имена на поверке : Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны / сост. Д. Ковалев. Москва : Молодая гвардия, 1975. 303 с.
5. Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. Москва : Просвещение, 1974. 304 с.
6. Орлов С. С. Порохом пропахнувшие строки : Книга стихов. Москва : Молодая гвардия, 1986. 189, [1] с.
7. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Гарант. URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 12.02.2023).
8. Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке. Москва : Правда, 1977. 336 с.
9. Симонов К. М. Собрание сочинений. Москва : Художественная литература, 1979. Т. 1 : Стихотворения. 670 с.
10. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / А. В. Бондарко, Т. В. Булыгина, Н. Б. Вахтин [и др.] ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург : Наука, 1991. 369, [1] с.
11. Толстой А. Н. Собрание сочинений. Москва : Художественная литература, 1961. Т. 10. 712 с.
12. Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Москва : Художественная литература, 1962. Т. 6. 447 с.
13. Франк С. Л. Духовные основы общества. Москва : Республика, 1992. 510, [1] с.
14. Шаферан И. Комсомольская традиция // Тексты песен, слова песен, переводы песен, видео, клипы. URL: songspro.pro/17/Sovetskie-pesni/tekst-pesni-Komsomolskaya-traditsiya (дата обращения: 12.02.2023).

RUSSIAN CHARACTER IN THE LIGHT OF PERSONAL PRONOUNS (BASED ON THE IMAGINATIVE LITERATURE ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR)

V.V. Volkov, N.V. Volkova
Tver State University
Tver, Russian Federation

The article deals with the problem of semantic relationship between personal pronouns and the concepts of “I” and “We” correlated with them in the fiction works of Russian literature about the Great Patriotic War. The use of personal pronouns clearly shows the traditional values that bind generations, which are openly expressed in state documents of the Russian Federation, and vividly-figuratively in imaginative literature. Russian language and literature classes pay special attention to personal pronouns as markers of the traditional values of the Russian people. This is an important means of dialogue between different generations of our country.

Key words: Russian language and literature, the Great Patriotic War, military lyrics, Russian mentality, personal pronouns.

УДК 37.016:821.161.1.09

**ВЫЯВЛЕНИЕ РОЛИ «СЦЕПЛЕНИЙ»
В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАННИЦА» КАК ПУТЬ
ОСВОЕНИЯ ЕЁ НРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ**

Н.А. Выдрина

Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет
г.Уральск, Республика Казахстан

В статье ставится проблема выявления «лабиринта сцеплений» при изучении в школе пьесы А.Н.Островского «Бесприданница». С этой целью организуется и вдумчивое чтение пьесы, направляемое вопросами учителя, и комментирование им текста. Используется и прием сравнения «Бесприданницы» с близкой ей по звучанию пьесой «Таланты и поклонники».

Ключевые слова: «лабиринт сцеплений», сложность построения пьесы, А.Н. Островский, «Бесприданница», прием сравнения.

Идейно-художественное воздействие литературного произведения во многом обусловлено пониманием его подтекста. По словам Л.Н.Толстого, «нужны люди, которые ... постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства» [4, с. 785]. «Лабиринт сцеплений» с наибольшей силой проявляется в драме, где отсутствуют развернутые описания, комментарии писателя. Знакомство учащихся с драмой должно, безусловно, включать произведения великого русского драматурга А.Н.Островского. В школе традиционно изучалась его пьеса «Гроза», но в последние десятилетия учащиеся получили возможность текстуально рассмотреть и «Бесприданницу», анализ которой можно найти в ряде работ прошлых лет и современных (А.И. Ревякина, Е.Г. Холодова, А.Л. Штейна, О.Н. Красниковой и др.). Однако сам текст пьесы оставляет простор для дальнейших интерпретаций, так как её отличают «тематическая усложненность и связанная с этим сложность композиционная, архитектурная» [1, с. 54]. Цель нашей работы: помочь выявлять «лабиринт сцеплений» в пьесе «Бесприданница» при ее изучении в школе. «Найти сцепление, – отмечал А.М. Левидов, – это значит многое понять и объяснить» [2, с. 178]. Основные задачи исследования: в процессе анализа текста обнаружить в нем эти «сцепления», найти методические пути работы над ними в школе, с помощью осмысления этих «сцеплений» способствовать более глубокому освоению «Бесприданницы» юными читателями.

Пьеса начинается с разговора Кнурова и Вожеватова. Уже в этой экспозиционной сцене, по словам Е.Г. Холодова, началось действие – «борьба за Ларису [5, с. 236]. Важно обратить внимание школьников на то, что в построении пьесы нет ничего случайного, поэтому учащимся предлагаем сле-

дующие вопросы: 1) Почему Кнуров и Вожеватов пьют шампанское из чайников? 2) В каком контексте заходит у них разговор о Ларисе?

В процессе работы над первым из этих вопросов ученики замечают, что богатый и важный Кнуров, почти ни с кем не разговаривая в городе, все-таки считается с общественным мнением: «Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет, ни заря – шампанское пьют» [3, с. 287]. Но работа над первым вопросом нуждается в дальнейшем углублении. «Как этот незначительный поступок Кнурова, – спрашивает далее учитель, – соотносится с его планами относительно Ларисы? (см. действие 2, явление 2). С помощью словесника школьники приходят к следующему выводу: «Кнуров считает, что Лариса, выйдя замуж за Карандышева, не сможет жить с ним и бросит его, а тут найдется участие доброго и влиятельного друга семьи, утешающего несчастную молодую женщину. Такова будет версия отношений Кнурова и Ларисы для окружающих, а на самом деле Лариса станет любовницей Кнурова, но приличия будут соблюдены, как в сцене с шампанским».

Отвечая на второй вопрос (В каком контексте у Кнурова и Вожеватова заходит разговор о Ларисе?), ученики замечают, что собеседники до этого вели речь о покупке «Ласточки». Вожеватов дешево приобрел нужный ему пароход у Паратова. Но Лариса для него – слишком дорогой товар. Её он готов уступить более богатому Кнурову.

Казалось бы, отмечает словесник, в отношении Ларисы как вещи восторжествовал точно выверенный меркантильный расчет. Однако завязку драматического действия предваряет появление Паратова. Он приехал на «Ласточке» (характерно, что название парохода «Ласточка» соотносится с именем «Лариса», которое в переводе с греческого означает «чайка»). Паратов хотел обогнать на «Ласточке» «Самолет», но, по его словам, машинист оказался трусом: «Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то» [3, с. 299].

В пьесе А.Н. Островский ставит вопрос о том, где границы для расчета и стихии чувства. Импульсивность отличает трех героев пьесы – Паратова, Карандышева и Ларису. Учитель предлагает школьникам работу в группах над вопросом: «Как это проявляется у каждого из них?»

Ученики, составляющие первую группу, отмечают широту натуры Паратова, которая связана со стихией чувства. За это его любят цыгане, слуги, русскому языку он учился у бурлаков. Паратов «чуть не женился на Ларисе», с горечью осознал, какое «сокровище» потерял; ему кажется, что он сходит с ума, слушая романс в исполнении Ларисы. Но блеск и шик промотавшего состояние Паратова требуют денежной подпитки, а без них он уже не будет Паратовым, поэтому он хочет жениться без любви на богатой девушке. Желая весело проститься со своей волюшкой, Паратов не щадит

Ларису, пробуждая в ней несбыточные надежды на счастье. К тому же, Паратов целенаправленно унижает Карандышева во время обеда у него, тем самым терзая Ларису.

Вторая группа школьников наблюдает за мотивами поведения Карандышева. Став счастливым избранником Ларисы, он думает не о том, как поддержать её, а о том, как удовлетворить свое самолюбие, «повеличаться», стать не хуже Паратова. Он одержим этим чувством, а не расчетом.

Самая сложная работа предстоит третьей группе учащихся: ведь в поле их зрения выявление переживаний и причин поступков Ларисы – главной героини пьесы. В процессе анализа текста школьники замечают, что Лариса безоглядно и самоотверженно отдается чувству любви к Паратову, которого идеализирует, воспринимая как романтического героя жестокого романа. Лариса не строит расчетов в житейских делах, в этом плане она «простовата». Необдуманно решив выйти замуж за того, кто первый к ней посватается, чтобы впоследствии избавиться от «цыганского табора» и жить тихой семейной жизнью, она делает неудачный выбор. Ничтожный Карандышев ощущает себя повелителем Ларисы. Лариса же и не пытается понять будущего мужа, выстроить с ним отношения с помощью ласки, пусть и незаслуженной им похвалы.

Карандышев и Лариса, подытоживает словесник, находятся во власти чувств. Причем, эти чувства доходят до крайнего предела (любовь или смерть для бесприданницы Ларисы, мщение богатым обидчикам или смерть для «маленького» человека Карандышева). И возникают переключки с мчащейся по Волге «Ласточкой», с ее чуть не взорвавшимся из-за сумасбродства Паратова котлом, что привело бы к катастрофе. Знаменательно и то, что дрова в котел чувств Ларисы и Карандышева подбрасывает именно Паратов.

«А если «арифметика вместо души-то»? Какова жизненная позиция, – задаёт следующий вопрос учитель, – «деловых людей» в пьесе – Вожеватова и Кнурова?»

Ученики замечают, что Вожеватов обходителен с людьми даже низкого звания, живет легко и весело. Он «по костюму европеец» и, очевидно, по своему практицизму тоже. Вожеватов молод, но все подчиняет расчету, поэтому из него выйдет хороший купец. Он совершенно не замечает в себе того, что «любовью-то называют». Пользовавшийся доверием Ларисы как друг детства, Вожеватов ею не увлекся, хотя не прочь платить за удовольствие с ней общаться. Даже пение Ларисы не особенно затронуло Вожеватова. Молчаливый Кнуров говорит о нем больше, чем Вожеватов, произнесший короткую фразу, представляющую собой переделку известного высказывания: «Увидеть Париж и умереть». Расчетливость Вожеватова обнаруживается черствостью и безразличием к бедам окружающих. Смеясь, Вожеватов рассказывает Кнурову о том, какая Лариса «чувствительная». Он не хочет даже пожалеть Ларису, стоящую на краю гибели. Кнуров, об-

ладая громадным состоянием, разговором удостаивает только людей, равных или почти равных ему по положению. Кнуров очень умен и опытен. Его расчет основан на точном предвидении событий, течение которых он умеет обернуть в свою пользу.

В наибольшей степени, – продолжает далее учитель, – Кнуров раскрывает себя в отношении к Ларисе. Именно Кнуров говорит Вожеватову о том, что жалеет её. Лариса хочет, чтобы ей «заглянули в душу», ей нужны слова сочувствия. Почему же она ни от кого этих слов не слышит? Учитель обращает внимание школьников на то, что слова «жаль», «жалеть» неоднократно употребляются в тексте. Ни Паратов, который не знает, что такое «жаль»; ни «матушка-голубушка» Харита Игнатьевна, ни Вожеватов, ни Карандышев жалости к Ларисе не проявляют. А вот Кнуров неоднократно произносит слова, передающие сочувствие Ларисе: «бедная девушка», «жаль бедную Ларису Дмитриевну» и др. Он смог увидеть всю тяжесть положения Ларисы, понять её чувства. Естественно, у Кнурова на это свой расчет. Однако умение понять другого человека не каждому дано, что свидетельствует о незаурядности натуры Кнурова. Но Ларисе Кнуров не говорит слова сочувствия, а обещает с помощью денег выполнить любой её каприз.

Дальнейшая беседа по тексту помогает школьникам углубить представления о героях пьесы:

– Что же влечет Кнурова к Ларисе?

– Лариса – «эфир», в ней нет ничего житейского и пошлого, меркантильные интересы ей чужды. Она, по мнению Кнурова, «создана для блеску». Видеть Ларису и слушать её пение для него «наслаждение», «удовольствие» – бывать в ее обществе. Кнуров хочет наслаждаться жизнью – хорошим обедом, приятным общением с красивой и талантливой девушкой. За все это он готов платить.

– Кто из других героев пьесы также стремится «весело пожить»?

– Это и Вожеватов, и Паратов, и Харита Игнатьевна. И о Ларисе они нередко судят по себе. Паратов, например, считает её чувства «экзальтацией».

– Каковы же жизненные устремления Ларисы?

– Лариса любит глубоко и сильно. Это вполне соотносится с особенностями личности Ларисы: ее искренностью, готовностью разделить с любимыми все тяготы его положения (эти «цепи будем носить ... вместе»), смелостью в поступках без оглядки на общественное мнение. Ей не нравятся «базар», «цыганский табор» в доме матери. С ним сопряжены скандалы, стыд, «секреты и хитрости» Хариты Игнатьевны; притворное веселье, когда не до смеха. Роскошь и блеск Ларису не привлекают. Она тоскует по воле, тишине, ей хочется бежать из города в деревню. Но уже Харита Игнатьевна дает понять Ларисе, что пастушеская идиллия – иллюзия.

– Вот и Кнуров считает, что бедная полумещанская жизнь не для Ларисы. Прав ли он?

– Обед в доме Карандышева помогает Ларисе воочию представить себе эту жизнь и поведение будущего мужа, за которое ей стало стыдно.

– Описывая обед, А.Н.Островский вводит такое эпизодическое лицо, как Ефросинья Потаповна. Это скупая и ограниченная тетка Карандышева. Соотносится ли каким-либо образом судьба Ларисы с судьбой Ефросиньи Потаповны?

– Выйдя за Карандышева, Лариса со временем может превратиться в женщину, во многом подобную Ефросинье Потаповне. Кнуров предполагает и такой вариант судьбы Ларисы: «В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или оплошится» [3, с. 292]. Это будет крайней степенью падения для романтически настроенной Ларисы: уподобиться тетке Карандышева и барыням в крашенных шелковых платьях с их разговором о соленых грибах.

– А какова роль в пьесе такого героя, как Робинзон?

– Робинзон – провинциальный актер, утративший даже имя, которого как игрушку для развлечения и реализации своих неблагоприятных целей используют Паратов и Вожеватов. Хотя Робинзон и пьяница, но все-таки представитель искусства. А оно служит на потребу сильных мира сего, «на вес золота ценится».

– Какие ассоциации с Ларисой вызывают слова Вожеватова, обращенные к Робинзону, о том, зачем он ему в Париже: «Клетку, что ли сделать да показывать тебя?»

– В Бряхимове чугунная решетка на берегу реки как бы преграждает Ларисе путь к воле, волжским просторам; с Кнуровым в Париже Лариса, как птица чайка, окажется в клетке, пусть и золотой.

– Именно Кнуров посчитал Робинзона лишним в поездке за Волгу. Может ли он так впоследствии поступить с Ларисой?

– Да, если общение с ней перестанет быть приятным. «Я вижу, что я для вас кукла; – говорит Лариса, – поиграете вы мной, изломаете и бросите» [3, с. 312]. А если человек «сломался», как тенор Антон из цыганского хора, он утрачивает свою цену.

– Как же в пьесе обозначена «цена» Паратова, цыгана Антона, Робинзона, Ларисы?

– Дворянское происхождение, благородные манеры «блестящего барина» востребованы в купеческой семье, за что Паратов получает в приданое от невесты золотые прииски, продавая свою «волюшку» за полмиллиона. Хорист во время приезда Паратова сто рублей стоит. Цена Робинзона – обед и дешевое вино. А вот Лариса – «дорогой бриллиант», который, по мнению Кнуrows, «дорогой и оправы требует». Он может отличить настоящую драгоценность от подделки, потому что ощущает себя не ювелиром-мастеровым, а художником.

Но Ларису не привлекает разврат, продолжает далее учитель, она не согласна быть вещью, глубоко оскорблена этим и считает, что в ее ситуации

только один достойный выход – расстаться с жизнью. «Романтическое восприятие мира, – отмечает А.Л.Штейн, – терпит крах» [6, с. 344]. С оторванными от жизни романтическими иллюзиями Ларисе, бесспорно, надо расстаться. Но можно ли сказать, что Ларисе «жить незачем»? Действительно, люди из окружения Ларисы смотрят на нее как на забаву, ни от кого она не дождалась ни любви, ни сочувствия. Ситуация кажется совершенно безвыходной: круг замкнулся. Но присоединяется ли к оценке этой ситуации Ларисой сам автор? Обращаем внимание школьников на три реплики, которые имеют определенное значение в контексте и в то же время выходят за его рамки: «молодость – великое дело», «куда торопиться-то было?» (в выборе жениха), «вам можно жить и должно».

У Островского, отмечает учитель, явно прослеживается и «лабиринт сцеплений» «Бесприданницы» с пьесой «Таланты и поклонники», действие которой также происходит в Брахимове, где вполне вероятно встреча Ларисы с Сашей Негиной, Петей Мелузовым и его друзьями, Великатовым. Петя Мелузов беден, как Карандышев. Но Карандышев жалок, потому что, стремясь самоутвердиться, своим поведением создает плохую копию образа жизни богатых людей (достаточно провести такие параллели: экипаж Карандышева – экипаж Паратова, обед Карандышева – обед Кнурова). Петя Мелузов пустоте жизни пресыщенных богачей противопоставляет жизненную программу людей бедных, но богатых духовно, живущих напряженной интеллектуальной жизнью. Находясь во власти высоких идей, Петя плохо знает реальную жизнь, но решение Саши оставить его ради Великатова уважает: «Живи, как хочешь, как умеешь! Я одного желаю, чтоб ты была счастлива» [3, с. 417]. Как это не похоже на Карандышева! У него ничего нет за душой, кроме случайно доставшейся ему Ларисы, которую, как вещь, он никому не хочет отдавать, стреляя в нее.

Актрисе Саше Негиной жить очень не просто. Не только любовь, но и расчет для нее важны, так как она сама обеспечивает себя. Даже служение великому искусству сопряжено с расчетом. Только коммерческий талант Великатова спас бенефис Негиной. Великатов воплощает в себе положительные качества Вожеватова, Кнурова, Паратова, это их улучшенный вариант в одном лице. В отличие от Карандышева он быстро увозит Сашу в деревню. Не случайно в пьесе и упоминание о птицах в имении Великатова, плавающих в пруду лебедях – ощущение несвободы, клетки здесь отсутствует. Однако, соглашаясь уехать с очень богатым Великатовым, чтобы в полной мере реализовать свой талант в театре, Саше приходится поступиться своими принципами. В противовес Ларисе, которая считает, что «хорошо умереть ... пока еще упрекнуть себя не в чем», Саша понимает всю сложность ситуаций реальной жизни. Как видим, обращение к пьесе «Таланты и поклонники» при изучении «Бесприданницы» делает восприятие последней школьниками более глубоким.

Подытоживая работу учащихся над текстом, словесник помогает им прийти к выводам, касающимся нравственного содержания пьесы «Бесприданница»: «Расчет, коммерческое начало должно присутствовать в жизни, но это не может быть сопряжено с обезличиванием, унижением человека и равнодушием к его судьбе. Богатством нельзя заменить любовь и жалость к окружающим. Безудержное же стремление к удовольствиям приводит к оскудению чувств, утрате представления о подлинном предназначении человека. К беде может привести и накал ложных амбиций, и оторванные от жизни романтические воззрения. Жизнь не всегда складывается в соответствии с высокими идеалами, но без стремления к ним существование человека обедняется и становится бескрылым». Естественно, содержание статьи не может охватить всех нюансов, связанных с обнаружением «сцеплений» в пьесе «Бесприданница». С помощью учителя в этом плане может быть организована самостоятельная работа школьников, что дает перспективы для дальнейших исследований избранной нами темы.

Литература

1. Костелянец Б. О. «Бесприданница» А. Н. Островского. 2-е изд., доп. Москва : Художественная литература, 1982. 190 с.
2. Левидов А. М. Литература и действительность. Ленинград : Советский писатель, 1987. 429, [2] с.
3. Островский А. Н. Сочинения. Москва : Художественная литература, 1987. Т. 3 : Пьесы, 1873 – 1883. 525, [2] с.
4. Толстой Л. Н. Собрание сочинений / редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) [и др.]. Москва : Художественная литература, 1984. Т. 18 : Письма, 1842–1881. 910, [1] с.
5. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. Москва : Искусство, 1967. 543 с.
6. Штейн А. Л. Мастер русской драмы : Этюды о творчестве Островского. Москва : Советский писатель, 1973. 432 с.

REVEALING THE ROLE OF "LINKS" IN A.N. OSTROVSKY'S PLAY "THE DOWERLESS" AS A WAY TO DEVELOP ITS MORAL CONTENT BY SCHOOLCHILDREN

N.A. Vydrina

West-Kazakhstan Innovative and Technological University
Uralsk, Republic of Kazakhstan

The article raises the problem of identifying the "labyrinth of links" when studying the play by A.N. Ostrovsky "The Dowry" at school. For this purpose, a thoughtful reading of the play is organized, guided by the questions of the teacher, and commenting on the text. The method of comparing "Dowerless" with the play "Talents and Admirers" close to it in sound is also used.

Key words: "maze of links", the complexity of the construction of the play, A.N. Ostrovsky, "Dowerless", method of comparison.

УДК 373.5.016:811.161.1'42

РАБОТА С ТЕКСТОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

М.Н. Запорожец

МБУ «Школа № 47»

г.Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема формирования читательской грамотности учащихся на уроках русского языка и литературы.

Ключевые слова: текст, читательская грамотность, уроки русского языка и литературы, принципы работы с текстом.

В XXI веке содержание понятия «грамотность» значительно расширилось. Традиционно грамотным человеком считался человек, который умеет читать, писать и производить арифметические расчеты. В веке цифровых технологий широко стал использоваться термин «функциональная грамотность». Этот термин сравнительно молод: появился в конце 60-х годов прошлого века в документах ЮНЕСКО. Функциональная грамотность сегодня стала важнейшим индикатором общественного благополучия, а функциональная грамотность школьников – важным показателем качества образования.

Одно из наиболее распространенных определений функциональной грамотности дал советский и российский лингвист и психолог А.А. Леонтьев: «Функциональная грамотность – это способность человека использовать приобретаемые в течение жизни знания для решения широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений» [4, с. 114–122].

Как известно, читательская грамотность является базовым навыком функциональной грамотности. «Читательская грамотность (далее ЧГ) – это не синоним начитанности или хорошей техники чтения, а способность понимать, использовать и анализировать прочитанное» [3, с. 70], это умение осмыслить прочитанный текст, выбрать в огромном потоке информации нужную вам информацию и найти ей применение в своей жизненной ситуации.

Проблема формирования у обучающихся потребности в систематическом чтении, на мой взгляд, становится как никогда актуальной, ведь именно «читательский багаж» обучающегося является базой для написания качественного итогового сочинения в 11 классе и успешной сдачи итогового собеседования в 9 классе. Ученик, обладающий навыками читательской грамотности, с лёгкостью преодолеет порог успешности при прохождении ГИА.

Наиболее эффективной формой в данном направлении я считаю работу с текстом на уроках русского языка и литературы как одним из условий развития творческого потенциала учащихся, пополнения их словарного запаса, улучшения качества речи. Такая работа является и подготовкой к ОГЭ и ЕГЭ, поэтому начинаю её с 5 класса.

Соглашусь с мнением Култановой Ж.М., Серик Г.Б., Тастемировой Н.Н. о том, что «в лингвистике текст определяется как категория, которая показывает «язык в действии». Именно это качество текста и позволяет сделать речевую среду на уроке не искусственной, а совершенно естественной» [6, с. 65]. Работа с текстом должна учитывать следующие этапы: 1) поиск информации и понимание прочитанного (найти и извлечь), 2) преобразование и интерпретация информации (интегрировать и интерпретировать), 3) оценка информации (осмыслить и оценить).

Также следует согласиться с Лымарёвой Н.П., что «при составлении заданий на формирование ЧГ следует учитывать, что тексты бывают разных видов:

1. Сплошные тексты (без визуальных изображений) обычно состоят из предложений, которые соединены в абзацы, абзацы в свою очередь могут быть соединены в параграфы, главы и т.д. Абзацы и более крупные единицы текста организованы иерархически и обозначены заголовками и подзаголовками. Например, художественные и научные тексты, статьи журналов (только текст), газет и интернет-страниц.

2. Несплошные тексты (включающие визуальные ряды, необходимые для понимания текста, с большей или меньшей степенью слияния с текстом). В таких текстах практически отсутствуют словесные пояснения, развернутые предложения. Например, таблицы, графики, диаграммы, объявления, расписания, каталоги, формы.

3. Смешанные тексты – содержащие элементы сплошных и несплошных текстов. Например, веб-страницы, инфографика, объявления и другие.

Система заданий по формированию читательской грамотности обучающихся 5–9-х классов с использованием открытого банка заданий на цифровой платформе представлена на <http://skiv.instrao.ru/bank-zadaniy/chitatelskaya-gramotnost> [5].

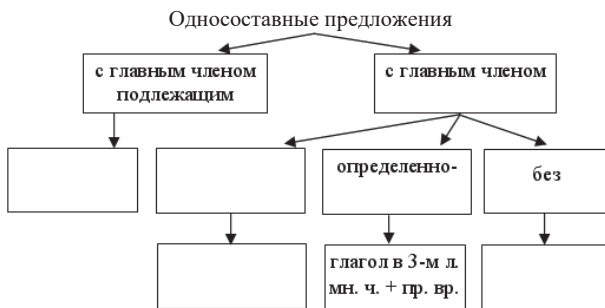
В данной статье рассмотрим опыт по формированию читательской грамотности на уроках русского языка и литературы. На уроках русского языка мною используются разные приёмы работы с текстом. Приведу лишь некоторые из них. Вслед за Володьковой Л.Г. «для формирования читательского умения находить и извлекать информацию из текста предлагаю задания, в которых требуется работать с графической информацией: извлекать информацию, ориентируясь на слова (подписи под рисунками, названия столбиков диаграммы, название таблиц, схем); понимать язык графика, схемы, диаграммы» [1, с. 4].

1. *Работа с опорной схемой.* Например, задание: используя опорную схему, составьте устное сообщение (или текст) по теме «Лексика» (6 класс)

Опорные схемы и конспекты эффективны при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ. В свете введения ФГОС идея и опыт педагога-новатора В.Ф. Шаталова по использованию опорных сигналов приобретает особую актуальность, а также опорные конспекты Ю.С. Меженко [7; 8].

2. *Работа на осмысление учебного текста.* Например, задание: прочитайте текст учебника и заполните пропуски в схеме:

3. *Работа с алгоритмами.* Например, по данному алгоритму составьте рассказ о части речи (или части слова и т.п.).

Приём «Письмо по кругу». Класс делится на группы от трех до восьми человек. У каждого ученика должен быть лист бумаги. Предлагаю детям записать одно-два предложения по определенной теме. Затем листы передаются по часовой стрелке. Каждый должен прочитать написанное и продолжить записи. Так продолжается, пока лист не вернется к первому автору. Затем слово предоставляется одному ученику, который вслух читает записи. Остальные дополняют, если не прозвучало то, что они считают важным.

Одной из стратегий формирования грамотного читателя являются *приемы формирования умения задавать вопросы к тексту*. Многим знакома система вопросов, основанная на созданной Б. Блумом таксономии учебных целей по уровням познавательной деятельности (знание, понимание, применение, анализ, синтез и оценка). Этот приём называют «Ромашкой вопросов» или «Ромашкой Блума». Описание вопросов разных типов можно найти в книгах и статьях И.О. Загашева или И.В. Муштавинской [9].

Таким образом, текст для учеников – источник новой информации, которую они должны уметь разделять на главную и второстепенную, преобразовывать в различные графические модели, таблицы, схемы, рисунки, план, тезисы. Учащиеся с помощью таких приёмов овладевают навыками аналитического чтения: анализа, сравнения, обобщения, систематизации, интерпретации информации, содержащейся в текстах.

Для формирования читательской грамотности обучающихся *на уроках литературы* уместно использовать технологию смыслового чтения, которая включает в себя три этапа работы с текстом: I этап. Работа с текстом до чтения. II этап. Работа с текстом во время чтения. III этап. Работа с текстом после чтения.

I этап. *Работа с текстом до чтения (предтекстовая деятельность)* включает:

1. Постановку цели чтения: знакомство с текстом, его анализ; формирование навыков осознанного чтения; привитие интереса к чтению.

2. Определение характера текста:

- Сплошные тексты (без визуальных изображений).
- Несплошные тексты (с визуальными изображениями).

3. Просмотр заголовка текста.

4. Предположение о цели его написания, т.е. замысел автора.

Основная цель работы с текстом до чтения – развитие такого важнейшего читательского умения, как антиципация, т.е. умения предполагать, превосхищать содержание текста.

Были использованы следующие приёмы: 1) приём «Предположение». Цель: смысловая догадка о возможном содержании текста на основе его заглавия. Предлагаю прочитать заглавие текста и предположить, о чем пойдет речь в произведении; 2) прием «Верите ли вы, что...». Учащимся предлагаются утверждения, с которыми они работают дважды: до чтения текста и после знакомства с ним. Полученные результаты обсуждаются. Этот приём

водителем по страницам произведений. Также ученикам нравится создавать страницы героя произведения (по типу социальной страницы в социальных сетях).

На мой взгляд, эффективность формирования читательской грамотности прежде всего зависит от учителя, задача которого – стать заинтересованным и интересным соучастником этого процесса. Тогда он уверенно может сказать: «Мои ученики будут узнавать новое не только от меня; они будут открывать это новое сами» (И.Г. Песталоцци).

Литература

1. Володькова Л. Г. Приемы формирования читательской грамотности на уроках русского языка и литературы // Ментор. 2022. № 3. С. 4–9.
2. Емельянова Н. С. Путеводитель по страницам или как не заблудиться в произведении // Методическая копилка. URL: kopilka.edu-eao.ru/putevoditel-po-stranitsam-ili-kak-ne-zabluditsya-v-proizvedenii/ (дата обращения: 15.03.2023).
3. Левченко Г. Г. Формирование читательской грамотности при решении проектных задач // Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин в школе и в вузе : Материалы 4-й Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров, Ю. С. Репринцева. Благовещенск, 2019. Вып. 4. С. 70–74.
4. Леонтьев А. А. Педагогика здравого смысла : Избранные работы по философии образования и педагогической психологии / под ред. Д. А. Леонтьева. Москва : Смысл, 2016. 528 с.
5. Лымарева Н. П. Работа с учебным текстом на уроках русского языка как средство развития читательской грамотности обучающихся // Мультиурок. URL: multiurok.ru/files/rabota-s-uchebnym-tekstom-na-urokakh-russkogo-ia-1.html (дата обращения: 15.03.2023).
6. Култанова Ж. М., Серик Г. Б., Тастемирова Н. Н. Текст как средство совершенствования умений коммуникативного чтения на уроках английского языка // Актуальные научные исследования в современном мире. 2016. № 11-4. С. 65–68.
7. Меженко Ю. С. Опорные конспекты по русскому языку : пособие для учащихся. Москва, 1992. 108 с.
8. Меженко Ю. С. Методическая система В. Ф. Шаталова в обучении русскому языку. Москва : Новая школа, 1992. 63 с.
9. Муштавинская И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя : учеб.-метод. пособие. Санкт-Петербург : КАРО, 2009. 140, [1] с.

WORKING WITH TEXT IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE LESSONS AS MEANS OF FORMING STUDENTS' READING LITERACY

M.N. Zaporozhets
MBU "School No. 47"
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of the formation of the reader's literacy of students in the lessons of the Russian language and literature.

Key words: text, reader literacy, the Russian language and literature lessons, principles of working with text.

УДК 811.161.1'355:82-1

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ОСВОЕНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ

И.А. Измestьева

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская федерация

В статье описывается опыт проведения занятия по русскому языку и культуре речи в студенческой многонациональной аудитории. Цель занятий состоит в том, чтобы развить культурологические знания в области русской орфоэпии, показать, как орфоэпические нормы русского литературного языка отражаются в поэтических текстах. Занятия направлены на закрепление у студентов произносительных навыков русской речи.

Ключевые слова: поэтический текст, орфоэпические нормы, произносительные варианты, средства выразительности русской речи, многонациональная студенческая аудитория.

В Тольяттинском государственном университете обучаются студенты, приехавшие из различных районов Таджикистана. Тестирование студентов по русскому языку как иностранному выявило удовлетворительное знание русского языка, отсутствие языкового барьера, что позволило включить их в состав групп с российскими студентами. Тем самым предполагалось решение вопросов адаптации студентов, понимания профессиональной речи преподавателей и студентов, межкультурной коммуникации и др. Большое значение имеет курс «Русский язык и культура речи», коммуникативная основа которого ориентирует студентов на понимание особенностей норм русского литературного языка. Среди основных тем курса (Язык как знаковая система, функции языка, правильность речи, коммуникативные качества речи, функциональные стили русского литературного языка, жанры устной коммуникации и др.) выделена тема «Орфоэпические нормы русского языка», связанная с чтением поэтических текстов, в которых отмечается расхождение между написанием и произношением. Анализ и заучивание поэтических текстов позволяет преодолевать трудности устной коммуникации, обусловленной несовпадением дифференциальных признаков фонем в русском и таджикском языках, понять особенности русского произношения, вариативность норм.

Работа в нефилологической аудитории практически мало отличается от работы в группе филологов, материал «Русский язык и культура речи» читается студентам первого курса в первом семестре, когда все российские студенты имеют одинаковую базу школьного курса русского языка и русской литературы, таджикские студенты получают возможность приобщиться к культурологическим вопросам (хотя и на очень ограниченном круге текстов).

Внимательное прочтение поэтических текстов помогает студентам увидеть путь развития современного произношения, существующую произносительную вариативность, отраженную в рифме. Предлагаются для анализа фрагменты текстов А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и других русских поэтов, обращается внимание студентов на точность созвучий в рифме, влияние орфографии на произношение («рифма для глаза») [2]. Принимается во внимание отмеченные М.В. Пановым мутабельные единицы <у/г>, <е/о>, <ш/ч>, «которые позволяли варьировать стилистико-эмоциональную окрашенность текста» [5, с. 193]. На занятии студенты имеют возможность сравнить стилистические пометы словарных статей из словарей Р.И. Аванесова [1] и И.Л. Резниченко [6].

Современная орфоэпическая норма имеет ярко выраженные варианты, которые носители русского языка хорошо осознают и используют в речи. Это касается сочетания букв *чн*, которое произносится как [шн] в словах *скучно*, *конечно*, *подсвечник*, *скворечник*, *яичница*, *прачечная*, *очечник*; для слова *булочная* допускаются варианты [чн] и [шн], в словах *молочная* и *гречневая* произношение [шн] имеет архаичный оттенок, [ч'н] однозначно определяет произношение в словах *бесконечный*, *сердечные болезни*, *точный* и др. [6]. Современная норма складывается в XIX веке, «Н.М. Карамзин пишет *кумаиный*, И.А. Крылов – *мушной ларь*, Н.В. Гоголь – *табашный*, Н.А. Некрасов – *наконешник*, *курение табашное*. В книгах того времени постоянно встречаются написания *святошный*, *лубошный*, *кулашный*, *кирпичный*, *буднишний*, *коришневый* и т.п.» [3, с. 218].

Перед студентами стоит задача прочесть тексты, учитывая варианты созвучий, которые необходимы для возникновения рифмы, обратить внимание на тот факт, что у одного поэта могут встретиться варианты произношения:

Но Ленский, не имев *конечно*
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал *сердечно*
Знакомство покороче свести.

(А. Пушкин)

Всех я вас люблю *сердечно*;
Но другому я *навечно*
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей.

(А. Пушкин)

«Не спится, няня: здесь так *душно*!
Открой окно да сядь ко мне».
– Что, Таня, что с тобой? – «Мне *скучно*,
Поговорим о старине».

(А. Пушкин)

Что тебя доконало, *сердешного*?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду *незदेशного*,
Но ты нашу сторонку любил.

(Н. Некрасов)

По дороге зимней, *скучной*
Тройка борзая бежит,
Колокольчик *однозвучный*
Утомительно гремит.

(А. Пушкин)

Почивай же, дружок! Память *вечная*!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба *сердечная*
Будет таять, дружка поджидать?

(Н. Некрасов)

Сочетание букв *жд* обозначает звуки [ж'ж'] и [жд'] – *до[ж'ж']ик*, *до[ж'ж']и*, *до[жд']и*; [ш'ш'] и [шт'] – *[дош'ш']*, *[дошт']* [6]. Вариативное произношение связано с буквами *жж*, *зж*, которые передаются звуками [ж'ж'] и [жж] в словах: *дрожжи*, *вожжи*, *жуужжась*, *можжевелик*, *приезжать* [6]. «Мягкие [ж'ж'] в этих словах вытесняются твердыми [жж], в словах *дожди*, *дождик* – сочетанием звуков [жд']». У значительного числа говорящих на литературном языке в указанных словах (кроме слов *дожди*, *дождик*) произносится только [жж]: *[дрожжы]*» [3, с. 196].

Студенты выполняют аналогичное задание: определяют звуковую переключку в рифме и читают стихотворения, учитывая соответствующий орфоэпический вариант.

Так, он безумствует; то бред воображенья.	Господь немилостив к жнецам и садам.
Я вижу: верный пес у ног твоих <i>лежит</i> ,–	Звеня, косые падают <i>дожди</i>
Смущают сон его воздушные виденья,	И, прежде небо отражавшим, водам
И быстрой птице вслед он лает и <i>вызжит</i> ;	Пестрят широкие <i>плащи</i> .
(А. Фет)	(А. Ахматова)

Я помню, отроком я был еще; пора	Мой зонтик рвется, точно птица,
Была туманная, сирень в слезах <i>дрожала</i> ;	И вырывается, <i>треща</i> .
В тот день лежала мать больна, и со двора	Шумит над миром и дымитя
Подруга игр моих надолго <i>уезжала</i> .	Сырая хижина <i>дождя</i> .
(А. Фет)	(Н. Заболоцкий)

Известно мягкое и твердое произношение *сь* и *ся* у глаголов: *смеялась*, *учусь*, *взялся*, *дрался*. «В XIX – начале XX в. обычным было произношение возвратных форм глагола с твердым [с] в постфиксе: *бери[с]*, *бою[с]*, *строй[сэ]*, *мыл[сэ]*» [3, с. 204]. Л. Л. Касаткин отмечает, что после «[л] звуки [с] и [с'] равноправны: *родил[са]* и *родил[с'а]*, *мыл[сэ]* и *мыл[с'э]*. После [с] чаще встречается произношение мягкого [с']: *нё[сс'э]* (нёсся), *разле[сс'э]* (разлезся), допустимо и произношение твердого [с]: *нё[ссэ]*, *разле[ссэ]*. После дру-гих звуков обычно произносится [с']: *взяла[с']*, *бери[с']*, *оставая[с']*, *возь-мём[с'э]*, *учишь[с'э]*, *бой[с'э]*, *остань[с'э]*; в этих случаях также встречается произношение твердого [с], но оно расценивается как устарелое» [3, с. 204].

Студентам предлагаются тексты для анализа:

Бывало, слово: друг, <i>явьсь</i> !	– На что им
И уж Денис с коня слезает;	сбор
Лишь чашей стукнут – и <i>Денис</i>	болтунов <i>дался</i> ?! –
Как тут – и чашу осушает.	И отдавали
(Д. Давыдов)	большевикам
	гроши,
Корабли постоят – и ложатся на <i>курс</i> ,	и силы,
Но они возвращаются сквозь непогоды.	и <i>голоса</i> .
Не пройдет и полгода – и я <i>появьсь</i> ,	(В. Маяковский)
Чтобы снова уйти...	
(В. Высоцкий)	

История русского литературного произношения отразила развитие в народно-разговорном языке переход [е] в [о] под ударением перед твердым согласным, который с XIX века был орфографически передан буквой *ѳ*: *пѳс, сѳстры, нѳс, мѳд, Савѳловский*, на месте *ѳ* такой звук не возникал: *дѳд, лѳс, снѳг, вѳра, мѳсто*. В русских по происхождению словах звук [о] (ѳ) в литературном языке прижился не сразу, в высоком стиле отмечаются рифмы на *ѳ*. Студенты анализируют басни И.А. Крылова и произведения А.С. Пушкина, обращают внимание на жанр произведения, умение авторов стилистически использовать бытующие произносительные варианты. Например:

Когда в товарищах согласья *нет*,
На лад их дело не *пойдет*,
(И. Крылов)

Ничтожный призрак, иль *еще*
Москвич в Гарольдовом *плаще*
(А. Пушкин)

Коль до когтей у них *дойдет*,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя *нет!*
(И. Крылов)

Современный носитель русского литературного произношения знает звук [г], который на конце слова при оглушении заменяется звуком [к] – *дру[к], вдру[к]*, в середине слова перед глухими согласными в некоторых словах вместо [к] произносится [х] – *мя[х']кий, ле[х]ко*, звук [γ] обязателен в слове *бу[γ]алтер*, междометиях *а[γ]а, о[γ]о, [γ]осподи, ей-бо[γ]у* [6]. Остатком прежнего произношения XVIII-XIX вв. является произношение *Бо[γ]а – Бо[х]*. «В высоком стиле на месте *г* произносился в соответствии с нормами церковно-славянского языка [γ], чередующийся на конце слова с [х]» [3, с. 197, 218].

Студентам предлагается определить произношение [γ] или [г] в поэтических текстах:

Но в нем мучительный *недуг*
Развил тогда могучий *дух*
Его отцов...
(М. Лермонтов)

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья *дух*,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов *друг*.
(А. Пушкин)

Не знал я радостей, не знал я мук *других*,
За мигот не умел другой предвидеть *миг*...
(Е. Баратынский)

В настоящее время буква *щ* и буквы *сч* обозначают звук [ш'ш'] в словах *щи, щетка, счастье, счет*. В Санкт-Петербурге внутри морфемы в XIX – в начале XX в. господствовало произношение [ш'ч']: [ш'ч']ука, е[ш'ч']ѳ, [ш'ч']астье. Эта норма ярко отражена в поэтических текстах не только поэтов-петербуржцев, но и москвичей.

Лишь один в час вечерний, заветный,
Я к журчащему сладко *ключу*
По тропинке лесной, незаметной,
Путь обычный во мраке *сыщу*.
(А. Фет)

Почему светлой речи значенья
Я с таким затрудненьем *ищу*?
Почему и простые реченья
Словно темную тайну *шепчу*?
(А. Фет)

Светились зори издадека,
Фонтан сверкал так *горячо*,
И Млечный Путь бежал широко
И звал: смотри! *еще! еще!*
(А. Фет)

Предваряет учебное занятие по теме «Орфоэпические нормы русского языка» домашнее задание. Российские и таджикские студенты получают задание подготовить сообщения о творчестве поэтов, стихотворения которых становится предметом анализа; также подобрать дополнительный материал. Этот вид работы необходим для того, чтобы российские студенты расширили свои познания в области языка и литературы, а таджикские студенты узнали новое. Опыт проведения таких занятий показал, что и российские студенты порой затрудняются орфоэпически правильно читать поэтические тексты. Таджикским студентам предлагается прочитать стихотворения и на родном языке. Поэтому занятие, посвященное истории орфоэпических норм, имеет большое увлекательно-познавательное значение. Завершает курс «Русский язык и культура речи» общеуниверситетский конкурс чтецов.

Р.И. Аванесов отмечал, что «обучая нерусских русскому литературному произношению, следует ориентироваться на нейтральный стиль в его отчетливом произношении («полный стиль» по Л.В. Щербе), отвлекаясь от особенностей, присущих разным другим стилям произношения» [1, с. 4–5]. В нашем случае таджикские студенты сдали тестирование по русскому языку, включены в группы с российскими студентами, поэтому были вовлечены в орфоэпический анализ текстов и справлялись с предложенной формой работы. Об истории русской орфоэпии можно говорить намного глубже и основательнее, однако возможности учебного времени в рамках курса «Русский язык и культура речи» на различных технических и гуманитарных направлениях подготовки ограничены двумя часами, поэтому на занятии было уделено внимание наиболее ярким произносительным особенностям. Важным представляется показать студентам значение произносительных вариантов в литературном языке, их роль в различных условиях коммуникации, уделить внимание чтению стихотворений и подготовке к конкурсу чтецов.

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение : учеб. пособие. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Просвещение, 1984. 383 с.
2. Жирмунский В. Рифма, ее история и теория. Петроград : Academia, 1923. 337, [2] с. (Вопросы поэтики ; вып. 3). URL: rifmovnik.ru/lib/5/rifma_ee_istoriya_i_teoriya_zhir-munskij.htm (дата посещения: 02.02.2023).

3. Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика : учеб. пособие. Москва [и др.] : Академия [и др.], 2006. 250, [1] с.
4. Орфоэпический словарь русского языка : Произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова [и др.] ; под ред. Р. И. Аванесова. 4-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1988. 702, [1] с.
5. Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Москва : Наука, 1990. 453, [3] с.
6. Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка : Произношение. Ударение : около 25 000 единиц. Москва : Астрель [и др.], 2003. 1182 с.

POETIC TEXT AS A MEANS OF MASTERING THE ORTHOEPIC NORMS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE IN A MULTINATIONAL STUDENT AUDIENCE

I.A. Izmesteva

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article describes the experience of conducting classes in the Russian language and culture of speech in the student multinational audience. The purpose of the classes is to develop cultural knowledge in the field of Russian orthoepy, to show how the orthoepic norms of the Russian literary language are reflected in poetic texts. Classes are aimed at strengthening students' pronunciation skills of Russian speech.

Key words: poetic text, orthoepic norms, pronunciation variants, means of expressiveness of Russian speech, multinational student audience.

УДК 378.016:811.161.1'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ РАБОТЫ ПО РАСШИРЕНИЮ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Е.В. Корпечкова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме недостаточного словарного запаса учащихся высшей школы. Приводятся результаты анкетирования студентов 3-го курса, показывающие уровень владения не только лексикой ограниченного употребления, но и достаточно частотными в современном языке словами; формулируются основные направления работы по расширению лексикона учащихся на занятиях по русскому языку.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, текст, лексическая работа, словарный запас.

Согласно исследованиям, словарный запас ребенка, окончившего начальную школу, составляет от 7 до 15 тысяч слов и в два раза превышает

лексикон первоклассника. У выпускника школы и взрослого человека словарь может варьироваться от 25 до 70 тысяч слов, в зависимости от уровня образования и возраста. То есть за период обучения в школе объем слов увеличивается в 3,5–10 раз. Новые слова человек узнает всю жизнь, при этом часть слов с течением времени может забываться: примерно после достижения пенсионного возраста объем словарного запаса начинает постепенно снижаться. Соотношение активного (слова, которые человек употребляет в речи) и пассивного словарного запаса (слова, которые человек знает и понимает, но не использует в речи) также зависит от возраста: установлено, что у дошкольников и учеников младших классов пассивный словарный запас невелик, у взрослых, напротив, объем пассивной лексики значительно превышает активную [2, с. 156–157; 9, с. 210; 8, с. 517; 12, с. 277–278].

Богатый лексикон позволяет человеку не только грамотно и точно строить высказывание, избегать повторов, пользуясь синонимами, выбирать наиболее подходящие по значению и эмоциональной окраске слова, но и адекватно воспринимать речь, тексты разных жанров, понимать, в каком значении употреблено слово в контексте, чувствовать его коннотацию. Понимание значений отдельных слов, безусловно, является основой для понимания художественного текста во всей его красоте и выразительности. Известно, что существует тесная связь между речью и познавательными психическими процессами: развитие словарного запаса способствует развитию кратковременной и долгосрочной памяти, вербального интеллекта, общего кругозора. Исследователи отмечают особую связь речи и мышления: «Материализуя свою мысль, иногда не вполне четкую, мы подчиняем ее жестким, четким законам языка и таким образом упорядочиваем саму мысль» [10, с. 274].

Обогащение словарного запаса – одна из задач школьного курса русского языка и родного языка, что отражено в Федеральном стандарте основного общего образования (пп. 45.1.1, 45.2.1) [11]. Выяснение значения незнакомых слов – один из аспектов работы по развитию речи, базовый этап анализа любого текста. Освоение новой лексики осуществляется на каждом уроке, независимо от учебного предмета, но наиболее интенсивно такая работа проводится на уроках русского языка и литературы (литературного чтения), родного языка и литературы. На основе анализа методических разработок можно выделить общие для всех источников этапы знакомства с новым словом:

- семантизация слова: толкование его значения и выяснение экспрессивной окраски;
- работа с синонимами, антонимами, паронимами, лексико-семантическими группами слов, со словом в составе фразеологизма;
- активизация слова – включение его в собственный контекст;
- исправление лексических ошибок, связанных с употреблением слова, редакция текста.

Все исследователи сходятся во мнении, что «наилучший источник обогащения словаря – живое общение, речь, устная и письменная, литература: слово в тексте всегда как бы высвечивается семантически и художественно» [10, с. 295], поэтому традиционно на уроках русского языка для орфографической работы, освоения грамматических тем выбираются художественные тексты, причем часто включаются отрывки произведений, которые изучаются параллельно или изучались ранее на уроках литературы.

При работе с такими текстами нужно учитывать, что вошедшие в школьную программу произведения, могут быть далеки от современного читателя: городскому жителю могут быть незнакомы реалии сельского быта и слова для их обозначения, например, *сени, устье* (печи), *борона, пашия, узда, комбайн*, современному школьнику могут быть непонятны историзмы, связанные с периодом СССР: *колхоз, пионер*, или более ранним: *дрожки, ямики, горница*. Часто наиболее сложными для восприятия являются фразеологизмы: *тянуть лямку, заткнуть за пояс, львиная доля* и др.

Существуют разные точки зрения на то, нужно ли ученикам запоминать названия предметов, с которыми им никогда не придется столкнуться, но большинство педагогов все же считают, что такое расширение кругозора школьников необходимо, ведь без этого невозможно понять изучаемые тексты, оценить юмор и образность произведения. Конечно, текст нужно предлагать с учетом возраста ребенка: по аналогии с подбором текста по уровню сложности при изучении иностранного языка многие годы проводятся исследования, изучающие сложность, «читабельность» текстов родного языка [4; 13, с. 21].

Одной из актуальных проблем, связанных с введением в лексикон нового слова, является то, что учебные издания не всегда в полной мере уделяют внимание лексической работе: в учебниках по литературе некоторые слова имеют толкование в виде сносок, иногда выделение слова цветом означает, что оно есть в прилагаемом в конце учебника словаре. В учебниках по русскому языку приводится небольшой толковый словарь в конце книги. Но, как показывает практика, слов, требующих пояснения, в значительно больше. Приведем пример из текста упражнения учебника русского языка для 6-го класса: *Если бы не было этого мальчика, «кто», тебе бы пришлось спрашивать: «Там Казик или Маня, тетя или лудильщик, кум Пётр или нищий?»* [1, с. 99]. В толковом словаре учебника слов кум, лудильщик нет, а постоянный доступ к Интернету, которым можно воспользоваться, чтобы узнать значение слова, есть не у всех школьников. Следовательно, учитель вынужден сам искать время для работы с неизвестными словами, а также выбирать форму этой работы в зависимости от индивидуальных особенностей конкретного ученика или общего уровня класса. В связи с этим в школьной практике очень популярны разнообразные проекты, связанные с лексикой ограниченного употребления: составление мини-словарей тема-

тической лексики, лексики конкретного произведения, группы произведений, автора, но такая работа проводится не для всех ребят, а как внеклассная, индивидуальная.

Итак, подразумевается, что к моменту окончания школы, выпускник владеет достаточным объемом слов активной и пассивной лексики, для того чтобы понимать речь не только в бытовых ситуациях, но и речь сферы культуры, искусства, научного стиля, а также произведений художественной литературы, однако опыт работы в высшей школе показывает иное: современные студенты, зачастую испытывают трудности в понимании несложных текстов классической литературы, затрудняются дать определения вполне общеупотребительным словам и не всегда отдают себе отчет в том, что слово незнакомо, и для понимания текста необходимо обратиться к словарю. Результатом этого часто может быть отсутствие интереса к чтению вообще [5, с. 12–13].

При изучении раздела «Фонетика», перед учащимися традиционно стоит задача транскрибировать текст. Как правило, для работы выбирается небольшой отрывок стихотворного или прозаического произведения с законченной мыслью. Авторы текстов – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, Б.Л. Пастернак, А.А. Ахматова, М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам, Д.С. Самойлов и другие поэты и писатели XIX–XX века, в ряде заданий используются тексты детских авторов – С.Я. Маршака, А.Л. Барто, Ю. Мориц, И.П. Токмаковой, К.И. Чуковского и других.

Нельзя не обратить внимание на то, что студенты зачастую неверно определяют ударение в словах, иногда заменяют или переставляют буквы при чтении. Обычно в ответ на просьбу прокомментировать значение слова, в котором допущена такая ошибка, выясняется, что слово им незнакомо. Иногда сомнения выливаются в вопросы («Подскажите, что такое *Вифлеем?*»), но чаще студенты сосредоточены на учебном задании, и не уделяют время тому, чтобы сперва прочитать и понять текст.

Нами было проведено анкетирование студентов 3 курса, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», профилю «Начальное образование». В опросе приняли участие 50 студентов в возрасте 20–22 года. На первом этапе нужно было сформулировать значение двадцати слов. На втором этапе им были предложены те же слова, но в контексте. Предполагалось, что текст поможет вспомнить слово, если участник знает его не твердо. Слова и тексты были взяты из экзаменационных материалов по курсу «Фонетика», подготовленных нами, а также из сборника упражнений по русскому языку [3], почти все они также встречаются в текстах художественных произведений, изучаемых в начальной и средней школе.

Как и предполагалось, вызвали затруднения слова, связанные с жизнью в селе, сельским хозяйством. Значение слова *борона* знают только 5 опрошенных, двое предположили, что это оружие; двое спутали со словом *барон* – ответили, что это «статус человека», «чин». Слово *нива* в значении ‘засеянное поле’ знают только 3 студента. При этом любопытно отметить,

что значение 'марка машины' назвали 18 человек, также популярен был ответ «река», который дали 6 опрошенных, и «дерево» – 4 человека. Действительно, в Карелии и Мурманской области есть четыре небольших реки с таким названием, однако маловероятно, что они известны студентам. Остается предположить, что на такие ответы повлияли река Нева и дерево ива. Было удивительно, что это слово оказалось таким сложным (лишь 6% верных ответов), поскольку оно часто встречается в произведениях школьной программы, в том числе в стихотворениях «Зреет рожь над жаркой нивой» А.А. Фета [6, с. 65], «Когда волнуется желтеющая нива» М.Ю. Лермонтова [7, с. 164], то есть все опрошенные не только точно встречали это слово на уроках, но и, возможно, учили наизусть эти стихотворения. К сожалению, слово в контексте «По ниве прохожу я узкою межой, / Поросшей кашкою и цепкой лебедой. / Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!» (А.Н. Майков. «Нива») помогло лишь 7 студентам: на втором этапе они дали правильный ответ. Среди неверных ответов преобладает «дорожка», «тропинка» (10 человек).

Еще одно слово, значение которого не знал никто из респондентов, – *Таврида*, устаревшее географическое название. Несколько человек указали значения «трасса в Крыму», «фестиваль в Крыму», один участник опроса почувствовал что-то греческое – «древнегреческий бог», но соотнести с названием полуострова не смог никто ни на первом, ни на втором этапе.

Три слова из предложенных были названиями цветов: *охра*, *лиловый*, *шафрановый*. Самым известным из них оказалось слово *лиловый* – узнали 39 опрошенных, менее понятно слово *охра* – 32 человека. Чуть более половины опрошенных – 28 человек – верно предположили, что *шафрановый* – как-то связанный с приправой шафран, со вкусом, цветом или запахом шафрана. В контексте слово означало цвет: «Как обещало, не обманывая, / Проникло солнце утром рано / Косою полосой шафрановою / От занавеси до дивана» (Б.Л. Пастернак. «Август»), что создало дополнительные трудности: даже те, кто ответил «цвет приправы шафран», значение слова в контексте определить не смогли: на втором этапе значения «цвет шафрана», «желтый», «теплый цвет» указали лишь 5 человек. Среди неверных были ответы «легкий», «волнистый», и даже «полоса, усаженная шафраном».

В эксперимент вошел ряд устаревших слов, обозначающих не существующие в современном мире реалии, и, как и ожидалось, такие слова также вызвали затруднения. Слово *волхв* могло быть известно по тексту «Песни о вещем Олеге» А.С. Пушкина, с которым школьники знакомятся в 7-м классе [7, с. 103], однако значения 'жрец', 'колдун' знают лишь 12 человек. Двоим слово знакомо по евангельскому сюжету – «восточный царь», «странники, первыми пришедшие поклониться Христу». Стихотворный отрывок, предложенный на втором этапе эксперимента «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен их вещий язык / И с волей небесною дружен» не помог определить значение

слова: наиболее распространенными из ошибочных ответов были «народ», «люди», «племя», также было получено два ответа «волк».

Из того же текста могло быть знакомо студентам слово *тризна*, однако верный ответ («похоронный обряд») дал лишь один человек, и еще один смог вспомнить слово по контексту.

Слово *булава* известно лишь половине опрошенных (25 человек), еще трое дали ответ «снаряд для гимнастики». Варианты «закалывать ткань», «булавка», «игла» - дали пять студентов.

Еще одно ушедшее из языка слово – *телеграф*, также встречается в текстах художественной литературы, в том числе в повести «Тимур и его команда», рассказе «Чук и Гек» А. Гайдара, в «Айболите» К. Чуковского: «Вдруг откуда-то шакал/ На кобыле прискакал: «Вот вам телеграмма/ От Гиппопотама!». 56% опрошенных ответили – аппарат/прибор/устройство для передачи информации. Неверные ответы показали, что телеграф студенты путают с обычным уличным телефоном (который, как и телеграф, они, по всей видимости, не застали и которым лично не пользовались): «будка с телефоном», будка, так что контекст не помог определить значение.

Достаточно сложными оказались слово книжной лексики: *вершить*, устаревшее *молвить* и нечасто встречающиеся в современной речи *чопорный*, *сдобрить*. Из них наиболее известным оказалось слово *вершить*, верно определили хотя бы одно из его значений 80% опрошенных. Слово *сдобрить* узнали лишь 36% участников, наиболее распространенный из неверных ответов, который дали 30 человек (60%) – «уважить, подхалимничать, сделать все, чтобы добиться от человека своего», «порадовать, подкупить». Все это значения другого, внешне похожего слова *задобрить*. Слово *чопорный* все, кто дал ответ, снабдили негативным значением: «жестокый», «злой», «неприятный», «ненормальный», «скверный». Точно определить его значение смогли лишь 13 человек. Единственным всем понятным (100% верных ответов) оказалось слово *молвить*.

В анкету также были включены довольно частотные слова, называющие всем знакомые явления. Слово *солонватый* знают 37 студентов, в контексте слово смогли опознать еще 6 человек. Интересно, что *ниша* большей половине тех, кто назвал хотя бы одно верное значение слова, известно только в переносном значении, как 'область, сфера деятельности, где кто-л. находит применение своим способностям' – таких ответов было получено 11, и только 8 студентов знают нишу как «углубление в стене». При этом тем, кто назвал переносное значение, прямое неизвестно: это можно понять по тому, что значение слова в контексте (а в нем оно в прямом значении) никто из них не определил. Отрывок стихотворного текста «Я, с хитростью в душе, вошла в кафе./ Я спряталась за стол, укрытый нишей./ Дождь за окном пристроился, как нищий,/ и сквозь стекло желал пройти ко мне» (Б. Ахмадулина «Сказка о дожде») заставил их думать, что *ниша* – это скатерть (10 человек), крыша (5 ответов), кроме того, 6 человек отметили, что это

«что-то низкое», «низ», «низменность» – попытались определить значение по внешней схожести слов. Оказалось, что только половине из принявших участие в опросе третьекурсников знакомо слово *бельэтаж* (в предложении оно было в значении ‘ярус зрительного зала’): правильно ответили только 25 человек, всего трое смогли дать верный ответ, прочитав слово в тексте. 4 неверных ответа – «нижний этаж», «хозяйственный этаж», «этаж для стирки белья» – явно связывают значение этого слова со словом *бельё*. Слово *вереница* также известно только половине опрошенных – 25 человек дали правильный ответ. 5 студентов спутали его со словом *веретено* и дали ответы: «клубок ниток», «инструмент для шитья», «прибор для пряжи». Наиболее легкими оказались слова *бечевка* – 33 верных ответа, *изъян* – 45 верных ответов.

Таким образом, результаты опроса подтвердили, что молодые люди плохо знакомы с лексикой ограниченного употребления, устаревшей, связанной с чуждыми для них сферами жизни. В отношении некоторых слов известно, что они не раз встречались им в текстах школьных учебников, но, очевидно, были пропущены, их значения так и остались неизвестными. Помимо этого анкетирование выявило трудности и в понимании слов достаточно частотных, употребляющихся в быту.

Одной из проблем является то, что далеко не всегда студенты осознают, что слово им непонятно: их ответы показывают, что значение слова часто домысливается на основании внешнего сходства: *ниша* – что-то низкое, *нива* – ива, *слоноватый* – из слоновой кости, *бельэтаж* – этаж для стирки белья, *вереница* – веретено, *волхв* – волк, и др. По контексту также далеко не каждый может даже примерно догадаться, о чем идет речь.

Любопытной деталью является то, что в ряде случаев одно из современных значений слова – «трасса в Крыму» (Таврида), «марка автомобиля» (Нива), «область, сфера деятельности» (ниша) – является единственным известным респондентам.

Несомненно, небольшая подборка слов, представленная в данном исследовании, небольшое количество респондентов не позволяют обобщить выводы, распространить их на всех молодых людей, но, очевидно, что активная, целенаправленная работа с незнакомыми словами на любом занятии по речевым практикам (культуре речи), русскому языку и методике его преподавания, методике преподавания литературного чтения в высшей школе необходима и актуальна для студентов любого профиля, но прежде всего, для будущих учителей. Методы такой работы могут повторять методы словарной работы в школе, приведенные нами выше: в ходе беседы следует выяснить значения слова, его сочетаемость, стилистическую окраску, если возможно, попросить подобрать однокоренные слова, синонимы и антонимы, дать исторический комментарий, этимологическую справку. Так как речь идет о взрослых людях, важной задачей является привлечение внимания студентов к проблеме, формирование навыка самостоятельного пользова-

ния словарями, к которым все они имеют круглосуточный доступ с помощью смартфона. В рамках изучения всех разделов предмета «Русский язык» в высшей школе наиболее эффективной такая работа может быть благодаря использованию художественных текстов в качестве учебных материалов. Внимательное, комментированное чтение текстов – основа для работы по расширению словарного запаса студентов, совершенствованию навыков пользования справочной литературой, а также для расширения кругозора, развития мышления, способности наблюдать и анализировать различные, не только языковые, явления.

Литература

1. Русский язык : 6 класс : учебник для общеобразоват. организаций / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова [и др.]. 9-е изд. Москва : Просвещение, 2018. Ч. 1. 191 с.
2. Головин Г. В. Измерение пассивного словарного запаса русского языка // Социо- и психолингвистические исследования. 2015. № 3. С. 148–159.
3. Сборник упражнений по русскому языку : учеб. пособие / М. Л. Гордиевская, М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин [и др.] ; под ред. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткина. 3-е изд., перераб. Москва : Академия, 2011. 303, [1] с.
4. Иомдин Б. Л., Морозов Д. А. Кто поймет «Незнайку»? Автоматическое определение сложности текстов для детей // Русская речь. 2021. № 5. С. 55–68.
5. Казачкова М. Б., Солнышкина М. И. Почему современные дети не любят читать? // Начальная школа. 2021. № 3. С. 9–13.
6. Литературное чтение : 3 класс : учебник для общеобразоват. организаций / Л. Ф. Климанова, В. Г. Горецкий, М. В. Голованова [и др.]. 3-е изд. Москва : Просвещение, 2014. Ч. 1. 223 с.
7. Коровина В. Я., Журавлев В. П., Коровин В. И. Литература : 7 класс : учебник для общеобразоват. организаций. Москва : Просвещение, 2016. Ч. 1. 398, [1] с.
8. Литневская Е. И., Багрянцева В. А. Методика преподавания русского языка в средней школе : учеб. пособие. Москва [и др.] : Академический проект [и др.], 2006. 588, [1] с.
9. Львов М. Р. Основы теории речи : учеб. пособие. Москва : Academia, 2000. 245, [2] с.
10. Львов М. Р., Горецкий В. Г., Сосновская О. В. Методика преподавания русского языка в начальных классах : учеб. пособие. 3-е изд., стер. Москва : Академия, 2007. 462, [1] с.
11. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства просвещения Рос. Федерации от 31 мая 2021 года № 287 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027?ysclid=1lkfzsqzvi366697113 (дата обращения: 19.02.2023).
12. Солнышкина М. И., Гафиятова Э. В. Методика проведения лингвистического эксперимента: к вопросу об определении словаря языковой личности // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, № 3-3. С. 275–292.
13. Солнышкина М. И. Определение уровня лексической сложности текстов: современное состояние проблемы // Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности) : сборник науч. трудов X Юбилейной междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Г. Молчанова. Москва, 2022. С. 20–24.

LITERARY TEXT AS A MATERIAL FOR EXPANDING VOCABULARY IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES IN HIGH SCHOOL

E.V. Korpechkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

The article is devoted to the problem of insufficient vocabulary of students of higher education. The results of a survey of 3rd year students are given, showing the level of proficiency not only in the vocabulary of limited use, but also in words that are quite frequent in the modern language; the main directions of work on expanding the vocabulary of students in the Russian language classes are formulated. Methods of teaching the Russian language, text, lexical work, vocabulary.

Key words: Methods of teaching the Russian language, text, lexical work, vocabulary.

УДК 37.091.33:004.738.5

WEB-КВЕСТ НА УРОВНЕ ТЕКСТА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Н.А. Лобачева

Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского» (филиал в г. Ялте)
г. Ялта, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема совершенствования лингвистической компетенции школьников на уроках русского языка посредством использования web-квестов на уровне текста. Автор уточняет понятие образовательного квеста выделяет условия для создания качественного web-квеста на уровне текста. Предлагается вариант web-квеста по русскому языку по теме «Лексикология», который можно провести на одном уроке.

Ключевые слова: образовательный квест, web-квест, лингвистическая компетенция, текст, методика преподавания русского языка.

Актуальность темы исследования обусловлена проблемой целесобразного отбора форматов использования образовательного контента на уроках русского языка с целью повышения мотивации у учащихся уровня своей коммуникативной грамотности. Как известно, лингвистическая компетенция является неотъемлемым компонентом коммуникативной компетентности. Нередко учитель сталкивается с проблемой демотивированного отношения школьников к обучению в целом и освоению курса русского языка в частности. Несмотря на обилие педагогических технологий, авторских методик, активных и интерактивных подходов к изучению русского языка, вопрос мотивации школьников к обучению остается открытым.

В связи со стремительным развитием ИКТ-технологий в сфере образования, с вынужденной апробацией дистанционного формата обучения в 2020 г., перед педагогами остро встал вопрос не только в повышении собственной квалификации в части освоения ИКТ-технологий в учебном процессе, но и в трансформации образовательного контента в соответствии с современными вызовами общества.

Традиционная форма урока предполагает использование нетрадиционных форм и методов работы с обучающимися. Так, в современной методике преподавания русского языка делается акцент на понятии «учебная ситуация», которую выстраивает учитель на каждом уроке. Одним из решений моделирования учебной ситуации на уроке русского языка / литературы / родного языка / литературы (русский) может выступить квест или его разновидность – web-кевест.

Обзор основных исследований по данной проблематике свидетельствует о том, что использование в образовании web-кевстов является относительно новой технологией, в отличие от обычных квестов. Так, в сфере образования web-кевест предлагают использовать Е.И. Багузина, А.Г. Канцур, А.Б. Климова, Р.Р. Нурмиева, С.Н. Рягин, Т.В. Сапук, Е.М. Шульгина (при формировании иноязычной коммуникативной компетентности), Г.А. Воробьев (в обучении социокультурной компетенции), Е.А. Большова, С.В. Напалков (в сфере математических наук), Ю.М. Царапкина (в профессиональном самоопределении учащихся), А.С. Будилова (в обучении компьютерной графике) и др.

Дидактический потенциал web-кевстов достаточно наглядно описан в работах Е.В. Нечитайловой, где автор предлагает рассмотреть данный феномен в преподавании как с позитивной, так и негативной точки зрения. А.Н. Щербина, С.Н. Спиридонова характеризуют web-кевест как инновационную технологию в системе реализации ФГОС; С.В. Напалков и Е.А. Первушкина рассматривают web-кевест как технологию, позволяющую построить индивидуальный образовательный маршрут учащихся. Н.С. Сандракова детализирует способы организации web-кевста с учащимися начальной и основной школы. Е.А. Игумнова, А.Р. Чудинова и др. рассматривают проблему организации квест-технологии в проектной деятельности.

Следует отметить, что к использованию технологии web-кевстов в рамках формирования лингвистической компетенции школьников на уроках русского языка обращаются немногие авторы научно-методических работ, что обусловило актуальность нашего исследования. Так, М.А. Ширинкина, А.А. Лобашева предлагают использование образовательных квестов по стилистике и морфологии русского языка для средней школы;

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы раскрыть дидактический потенциал web-кевстов в аспекте совершенствования лингви-

стической компетенции школьников на уроках русского языка на уровне текста. Необходимо уточнить понятие образовательного квеста и его разновидности – web-квеста; выделить условия для создания качественного web-квеста по русскому языку на уровне текста; предложить вариант заданий в рамках одного урока для web-квеста по русскому языку.

Говоря о совершенствовании лингвистической компетенции школьников, мы базируемся на исследованиях Е.А. Быстровой и Л.В. Черепановой, которые определяют её как «осмысление речевого опыта... усвоение понятийной базы курса русского языка» [1, с. 37], как «совокупность специальных (лингвистических и учебно-языковых) и общепредметных знаний, умений, навыков и способов деятельности, ценностных ориентаций и мотивов учебно-познавательной деятельности, сформированных в результате изучения учащимися предметной области «русский язык» [4, с. 22].

В действующих УМК по русскому языку материалы, способствующие совершенствованию лингвистической компетенции школьников, содержатся в различном объеме. Традиционно все УМК дают установку на использование игровых технологий и методов обучения, к которым также можно отнести образовательные квесты, следовательно, и его разновидность – web-квесты.

В последние годы в отечественной дидактике появляется много работ, посвященных созданию образовательных квестов (Г.А. Воробьев, Е.И. Багузина, Э.Л. Емельянова, С.В. Напалков, С.А. Осяк, Е.М. Шульгина и др.). Следует отметить, что одни методисты квалифицируют квест как образовательную игру (С.В. Напалков, Е.М. Шульгина и др.), другие считают целесообразным применение квеста в проектной деятельности учащихся, считая его в некотором смысле интеллектуальным состязанием (Г.А. Воробьев, Э.Л. Емельянова, Р.А. Чмир, Ю.А. Федулова и др.).

Следует уточнить, что квест в современном образовательном процессе – это вид исследовательской деятельности, которая представляет собой образовательную задачу, для решения которой необходимо использовать определенные ресурсы [5].

В данной статье мы придерживаемся точки зрения М.А. Ширинкиной и А.А.Лобашевой, которые определили образовательный квест как «интегрированную педагогическую технологию, допускающую элементы проектной, исследовательской деятельности, кейс-технологий и ролевой игры и содержащую комплект обучающих и развивающих заданий, которые могут охватывать отдельную учебную тему, образовательную проблему, целый учебный предмет и даже несколько предметов (быть межпредметными / метапредметными)» [6].

Особенностью web-квестов является то, что информация или ее часть представлена на сайте для самостоятельной или групповой работы учащихся, может находиться на различных web-сайтах. Школьникам дается за-

дание решить проблему, используя эту информацию. Ссылки на часть источников даются учителем, а часть они могут найти сами, с помощью обычных поисковых систем.

Различают web-квесты для длительной работы (в рамках метода проектов) и для кратковременной деятельности (например, в рамках одного урока). Вслед за С.Н. Сандраковой, мы выделяем условия, при которых качественный web-квест может претендовать на статус образовательного: а) соответствие возрастным особенностям учащихся; б) соответствие действующим ФГОС; в) разработка заданий, способствующих развитию более высокого уровня мышления учащихся; г) возможность содержательно дополнить / заменить материалы по выбранной теме урока; д) использование учащимися интернет-ресурсов; е) учет механики квеста (цепочный / штурмовой принципы) [3].

В свою очередь, добавим, что web-квест на уровне текста по русскому языку также должен соответствовать сказанному выше, в отношении подбора текста / его фрагмента учитель вправе выбирать как из учебной программы по литературе (с целью формирования межпредметных связей у учащихся), так и из других источников. Однако следует учитывать, что текст максимально должен содержать учебный языковой материал, соответствующий теме квеста.

На образовательных порталах интернета достаточно много появляется web-квестов по различным курсам школьной программы (литература, история, география, иностранный язык и пр.), как правило, их можно использовать как в проектной деятельности, так и на аудиторных занятиях. В основном, это платформы LIMDO, КВЕСТОДЕЛ, Urban Quest, Learnis, Surprise me, Genially, QuizWhizzer, Seppo и др.

В задачи нашего исследования не входит описание данных платформ, мы сфокусируемся на типах заданий, которые можно на них разместить.

В свою очередь, мы предлагаем один из вариант заданий web-квеста по русскому языку, который можно провести в течение одного урока. Если учитель планирует работу в микрогруппах, то равноценных вариантов должно быть несколько.

Тема: «Лексикология. Лексическое значение слова» (5 класс). Одна из целей изучения этой темы – научить подбирать способы толкования слова с целью объяснения его значения. Механика данного web-квеста предполагает цепочный принцип выполнения последовательных действий: нельзя приступить к следующей задаче, не выполнив предыдущую.

Задание 1. Разгаданное в задании слово и будет являться паролем для перехода к следующему заданию. (Собери слово: И, К, О, К, И, С, О, Л, Е, Я, Л, Г – «Лексикология»)

Задание 2. Название текста / его фрагмента может быть скрыто, если школьники изучали это произведение. В этом случае ключ – отгадать название и автора. К. Паустовский «Теплый хлеб».

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, – ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди – помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам побираться. Постоит, пофыркает, постучит мордой в калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее – общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь – раненый, пострадал от врага.

1 уровень: Пользуясь толковым словарём (выход в интернет на сайт <http://www.gramota.ru/>), определите лексическое значение данных слов (КАВАЛЕРИСТ, ОКОЛИЦА, КАРТУЗ, ПОБИРАТЬСЯ) и ответьте на вопросы: Какие из слов имеют одно / несколько значений? Как называются такие слова? Как называются такие слова с точки зрения их происхождения?

2 уровень: Ответить на вопросы: О каком историческом времени идет речь? По каким признакам вы это определили? (устаревшая лексика, описываемые факты).

3 уровень: Ответить на вопросы: Каково отношение автора к описываемому событию? Докажите, используя 1–2 предложения. Какие стилистические приемы использует автор? Перечислите эти приемы.

4 уровень: выполнить задание. Представьте, что к нам прилетел пришелец с другой планеты, он уже немного знает русский язык, но некоторые слова остаются для него непонятными. Из этого текста какие слова могут быть непонятны для него? Какие способы толкования удобны при определении значений данных слов?

Одним из уровней может быть проверка орфографической зоркости учащихся. Для этого берем неверно написанные слова из этого же текста, а школьники корректируют их. Пока участники квеста не обнаружат 12 неверно написанных слов, они не могут двинуться дальше. Например:

Когда кавалеристы праходили через диревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, – ушёл, закотился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожс.

Коня взял ксебе мелник Панкрат. Мелница давно неработала, но мучьная пыль навеки велась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза

мелника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и рибьята считали его колдуном.

В качестве обобщения работы можно предложить составление синквейна «Лексика» по плану: лексика; активная, пассивная; толкуется, используется, изменяется; богатство русского языка проявляется в лексике; словарный состав.

Таким образом, использование новой образовательной среды web-квеста способствует развитию не только лингвистической, но и других видов компетенций, в т.ч. коммуникативной и ИКТ-компетенций. Школьники осваивают технологию проведения исследования как самостоятельно, так и в команде, при выполнении многоуровневых адаптированных заданий, что способствует формированию критического мышления и универсальных учебных действий в целом. Дидактический ресурс web-квестов на уровне текста позволяет развивать навыки информационной деятельности учащихся; их творческого потенциала; формировать информационную культуру, мотивацию к обучению, достигать не только предметных, но и метапредметных результатов.

Говоря о перспективах использования web-квестов на уровне текста на уроках русского языка в рамках одного урока, можно предложить разработку подобных форматов работы на уроках развивающего контроля, наряду с письменными / устными опросами, смотрами знаний, защиты проектов и пр.

Литература

1. Быстрова Е. А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Русская словесность. 2003. № 1. С. 35–40. URL: literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205414248&archive=1206184753&start_from=&ucat=&&ysclid=llkgnmis8h183161843 (дата обращения: 03.02.2023).
2. Напалков С. В., Первушкина Е. А. Web-квест как средство развития инновационной стратегии образования // Приволжский научный вестник. 2014. № 8-2. С. 51–53.
3. Сандракова Н. С. Образовательный веб-квест как средство формирования компетенций обучающихся и учителя // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. Т. 3. С. 1396–1400. URL: e-koncept.ru/2013/53282.htm (дата обращения: 03.02.2023).
4. Черепанова Л. В. Формирование лингвистической компетенции школьников в основной общеобразовательной школе (теоретические основы) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 2005. 58 с.
5. Чмир Р. А., Федулова Ю. А., Николашин В. П. Использование квест-технологий в образовательной деятельности высших и средних образовательных учреждений // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК – продукты здорового питания. 2016. № 1. С. 75–79.
6. Ширинкина М. А., Лобашева А. А. Квест как средство формирования лингвистических компетенций при изучении русского языка в средней школе // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 141–148. URL: cyberleninka.ru/article/n/kvest-kak-sredstvo-formirovaniya-lingvisticheskikh-kompetentsiy-pri-izuchenii-russkogo-yazyka-v-sredney-shkole (дата обращения: 07.02.2023).

WEB-QUEST AT THE TEXT LEVEL AS A WAY TO IMPROVE SCHOOLCHILDREN'S LINGUISTIC COMPETENCE IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

N.A. Lobacheva

Humanities and Education Science Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta
Yalta, Russian Federation

The article deals with the problem of improving the linguistic competence of schoolchildren in Russian language lessons through the use of web-quests at the text level. The author clarifies the concept of an educational quest and highlights the conditions for creating a high-quality web-quest at the text level. A variant of a web-quest in the Russian language on the topic "Lexicology" is proposed, which can be done in one lesson.

Key words: educational quest, web-quest, linguistic competence, text, methods of teaching the Russian language.

УДК 378.016:811.161.1'373.46

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ТЕКСТ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Е.С. Сычёва

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь

В статье обосновывается роль научных текстов в формировании профессиональной компетенции иностранных студентов на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). Определена ценность лекционных материалов и аутентичных текстов в профессионально ориентированном обучении. На примере текста инженерного профиля «Способы описания алгоритмов», используемого в работе с обучающимися по направлениям современной информатики и вычислительной техники, представлены основные этапы работы с научным текстом на занятиях по РКИ. Приводятся различные примеры заданий, которые эффективны в профессионально ориентированном обучении РКИ.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, профессионально ориентированное обучение, вузовский этап обучения, язык специальности, научный текст, инженерный текст.

В современной парадигме высшего образования цель обучения русскому языку как иностранному (РКИ) направлена не только на формирование коммуникативной компетенции, но и на сферу профессионального общения. В первую очередь это касается изучения академической лексики, которая является важнейшим элементом в речи будущих специалистов. Владение ею необходимо как в учебной деятельности иностранных учащихся, так и в профессиональной. Именно дисциплина «Русский язык как иностранный» в негуманитарных вузах помогает студентам приобрести навыки рациональной работы с научным текстом, позволяет студентам научиться

эффективно пользоваться средствами русского языка в практической деятельности, к примеру, адекватно переводить научные тексты с русского языка на родной, учитывая стилистическую принадлежность и особенности лексико-грамматического строения текста, даёт возможность приобрести навыки компрессии и развертывания научной информации, аннотирования и реферирования научных текстов, готовит студентов к выступлениям с научными докладами и публичными речами [6, с. 188]. Всё вышеперечисленное необходимо учитывать преподавателю РКИ при планировании учебного занятия. Именно работа с текстами по специальности позволит сформировать у обучающихся все необходимые компетенции.

Отметим, что на сегодняшний день проблема обучения РКИ в техническом вузе является крайне актуальной, поскольку в настоящее время в Беларуси и России наибольшее количество иностранцев обучается именно в таких учебных заведениях. В связи с этим требуется непрерывная оптимизация учебно-методического обеспечения с целью повысить эффективность профессионально ориентированного обучения РКИ. В первую очередь это касается работы с русскоязычными текстами по специальности, которые обучающиеся должны не только быстро понимать, но и пересказывать, комментировать, сокращать, дополнять и т. п. Конечная цель – научить студентов беспрепятственно продуцировать собственные научные тексты на русском языке.

Методика, используемая преподавателем при работе с текстами по специальности, в первую очередь должна содержать реализацию принципа целостного обучения всем видам речевой деятельности: чтения, говорения, письма. База технического университета предполагает чтение и понимание как общенаучной литературы, так и узкоспециальной, в рамках отдельной профессиональной сферы.

Этап вузовского обучения РКИ предусматривает удовлетворение не только коммуникативной компетенции учащихся, но и удовлетворяет запрос на профессиональные потребности будущих специалистов. В процессе обучения иностранные студенты должны получить целый «багаж» общенаучной и профессиональной терминологии. Обучение РКИ в таком случае проходит в процессе чтения научных текстов, которые являются источником актуальной для студентов информации, отвечают целям и задачам обучения, связаны с будущей профессиональной деятельностью обучающихся, вызывают у них интерес [4, с. 192].

В рамках методологии РКИ текст всегда являлся значимым и необходимым элементом в системе обучения иностранных учащихся. Текст является образцом того, как функционирует язык [1, с. 36]. Он служит необходимым материалом на занятиях, поскольку это носитель информации, средство её накопления, генератор смыслов [5, с. 242]. Работа с научным текстом предполагает его понимание, обобщение прочитанного, резюмирование,

сравнение различных категорий и комментирование, получение и структурирование новых знаний, а также решение каких-либо проблем и вопросов с помощью полученной из текста информации [3, с. 84].

Исходя из вышесказанного, дополним, что научная литература является основным источником информации в научной деятельности. В данной литературе преобладает технический язык, который сложен для изучения иностранным студентам. Поэтому необходимо учитывать принцип постепенного усложнения текстов как по содержанию, так и по объёму, а также преподаватель должен качественно адаптировать тексты под индивидуальные особенности группы обучающихся: учитывать специальность, уровень подготовки, индивидуальные особенности обучающихся. Это могут быть научно-популярные тексты, научные статьи, тезисы докладов и др.

Однако мы также считаем, что в качестве текстового материала для занятий по РКИ целесообразно использовать и лекционный материал, аутентичные тексты из учебников по дисциплинам, которые изучают студенты. Ценность таких текстов заключается в наличии в них стилистически-маркированной лексической базы, специфического морфолого-синтаксического материала, актуального для студентов определённой специальности.

Основными трудностями при работе с научным текстом для иностранных студентов являются следующие: овладение профессиональной лексикой (в том числе понимание сокращений, аббревиатур, номенов и профессионализмов), отглагольными существительными, пассивными конструкциями, изучение осложнённых предложений, грамматических конструкций научного стиля речи, сложных синтаксических моделей с определительными и обстоятельственными значениями. Поэтому особое внимание на занятиях РКИ необходимо уделять не только пополнению профессионального лексикона обучающихся, изучению значений новых слов и выражений, но и практике их использования в речи.

Рассмотрим специфику работы с профессионально ориентированным текстом «Способы описания алгоритмов» из пособия по дисциплине «Основы алгоритмизации и программирования» [2, с. 12], включённую в учебные планы всех специальностей в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники. Отметим, что предложенный текст имеет профессиональную направленность, структурную аутентичность, элементы наглядности, что в совокупности представляет собой ценный дидактический материал.

Первый этап представляет собой предтекстовую работу, направленную на снятие языковых и лексико-грамматических трудностей. В это время формируется умение работать со словарём. Для реализации подготовительного этапа работы приведём следующие варианты заданий к тексту «Способы описания алгоритмов», которые можно использовать на занятиях:

1. Найдите в словаре значения следующих терминов. Укажите, какие слова являются многозначными. При необходимости используйте словарь:

квадратное уравнение, алгоритм, исходные данные, дискриминант, графическое изображение, данные, ввод-вывод, предопределённый процесс, соединитель, терминатор, комментарий.

2. Прочитайте и найдите слова, имеющие тот же корень, что и слово «отображение».

3. Подберите синонимы к следующим словам: *алгоритм, символ, совокупность букв, носитель, альтернативный, этап.*

4. Подберите антонимы к словам *вертикальный, последовательность, схема алгоритма, графическое изображение, указатели направления.*

5. Замените конструкцию синонимичной: *Схема данных состоит из элементов; набор символов, называемых буквами; отображение группы операций, которые определены в другом месте.*

6. Прочитайте существительные и укажите, от каких глаголов они образованы: *изображение, решение, носитель, облегчение, чтение, отображение, изменение, управление, обрыв, название*

7. Определите, как и от чего образованы следующие слова: *удобочитаемая (форма), блок-схема.*

8. Рассмотрите и прокомментируйте падежи в следующих конструкциях, составьте свои примеры: *Что используется для чего/для чего используется что (для обозначения данных используют некоторый набор символов); что называют чем/ чем называют что (такую схему называют блок-схемой); что состоит из чего схема данных состоит из символов данных).*

9. Измените предложения, используя конструкции «что представляет собой что; что является чем; что называют чем»: *Графическое изображение алгоритма – это представление его в виде схемы. По данному ГОСТу графическое изображение алгоритма – это схема данных. Процесс – отображение функции обработки данных. Предопределённый процесс – отображение группы операций. Решение – отображение функции, имеющей один вход и ряд альтернативных выходов.*

Для развития смысловой догадки мы предлагаем использовать задания следующего типа: 1. Определите краткое содержание текста по заголовку «Способы описания алгоритмов». 2. Назовите внешние характеристики текста: заглавие, источник, область исследования, иллюстрации, объём. 3. Постройте гипотезу по содержанию текста: Что значит словесное и графическое описание алфавита?

Далее переходим к «текстовому» этапу, направленному на формирование навыков и умений комментированного чтения. Можно предложить следующие задания: 1. Прочитайте первый абзац и определите тему текста. 2. Прочитайте весь текст, обращая внимание на особенности (сложности) в постановке ударения. Определите значения выделенных слов. 3. В каждом абзаце текста найдите ключевые слова. 4. Прочитайте ещё раз каждый абзац. Найдите 1–2 главных предложения в каждом абзаце и поставьте к ним вопросы.

Послетекстовый этап работы с научным текстом направлен на проверку понимания прочитанного у иностранных учащихся, применение отработки лексического материала и ориентирован на коммуникативную установку. Рекомендуем следующие упражнения по предложенному тексту:

1. Ответьте на вопрос: выражена ли тема текста в названии?
2. Ответьте на вопрос: в каких предложениях выражена основная информация?
3. Ответьте на вопросы по тексту: *Какие существуют наиболее распространённые способы описания алгоритмов? Что представляет собой словесное описание алгоритма? Какие конструкции используются при словесной записи алгоритма? Что такое графическое описание алгоритма? Где введены правила изображения фигур при графическом описании алгоритма?*
4. Проведём устную беседу, используя следующие темы для дискуссии: *Какой способ записи наиболее удобен, если нужно приближено описать суть алгоритма? Какой способ более удобен при точном выражении логики действий? Приведите пример словесного способа алгоритма для нахождения площади треугольника?* Используйте речевые конструкции, обозначающие выражение мнения: *По моему мнению, ... По-моему, ... / Я считаю., / Мне кажется, ... / Я полагаю ...*
5. Составьте сложный план текста (номинативный, вопросный).
6. Напишите тезисы к тексту.
7. Сократите один из абзацев текста по памяти в виде пересказа.
8. Заполните пропуски: *... могут отражать вид носителя данных. Линии ... или ..., имеющие только прямой угол перегиба. Символы процесса – это ..., ..., решение. Специальные символы – это ..., терминатор и ...*
9. Дайте определения следующим понятиям: *Словесное описание алгоритма, графическое описание алгоритма, процесс, предопределённый процесс, решение, соединитель, терминатор.*

Таким образом, на примере работы с учебным текстом мы видим, что создание чётко выстроенного алгоритма при работе с научным материалом формирует не только коммуникативные, но и профессиональные компетенции у студентов технических специальностей. Поэтапная работа с научным материалом помогает выработать у иностранных учащихся понимание структуры и особенностей научного материала, что в дальнейшем приведёт к самостоятельному анализу научных тестов и умению продуцировать собственные.

Литература

1. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить : для преподавателя русского языка как иностранного. Москва : Русский язык, 2002. 255 с.
2. Основы алгоритмизации и программирования. Язык Си : учеб. пособие / М. П. Батура, В. Л. Бусько, А. Г. Корбит, Т. М. Кривоносова. Минск : Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2007. 242 с.
3. Куркина А. Ю. Обучение чтению научных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 4. С. 83–89.

4. Петрова Н. Е. Лексическая работа в профессионально ориентированном обучении русскому языку как иностранному // Молодые ученые в инновационном поиске : сборник науч. статей по материалам X Междунар. науч. конф. / Минский государственный лингвистический университет ; редкол.: И. В. Метлушко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2022. Ч. 2. С. 191–194.
5. Петрова Н. Е. Научный текст в аспекте изучения русского языка как иностранного в негуманитарном вузе // Текст: филологический, социокультурный и методический аспекты : VI Междунар. науч. конф. : сборник материалов / науч. ред. И. А. Измestьева, отв. ред. Г. Н. Тараносова. Тольятти, 2019. С. 241–247.
6. Петрова Н. Е. Научный текст на занятиях по русскому языку как иностранному // Высшее техническое образование: проблемы и пути развития = Engineering education: challenges and developments : Материалы X Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 26 ноября 2020 года / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. Минск, 2020. С. 187–192.

A PROFESSIONALLY ORIENTED TEXT IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

E.S. Sycheva

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Republic of Belarus

The article substantiates the role of scientific texts in the formation of the professional competence of foreign students in classes in Russian as a foreign language. The value of lecture materials and authentic texts in professionally oriented education is determined. On the example of the text of the engineering profile "Methods of describing algorithms", used in working with students in the areas of modern informatics and computer technology, the main stages of working with a scientific text in the classroom for Russian as a foreign language are presented. Various examples of tasks that are effective in professionally oriented teaching of Russian as a foreign language are given.

Key words: Russian as a foreign language, scientific text, professionally oriented education, university stage of education, specialty language, engineering text.

УДК 373.5.016:82.09

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДА КАК ТЕКСТА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Э.В. Щербакова

Воронежский государственный педагогический университет
г. Воронеж, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема применения современных исследований на уроках литературы. Автор приводит пример изучения города как текста в художественном произведении. В статье приводятся конкретные варианты применения данного современного исследования.

Ключевые слова: город как текст, литература, методика, школа, роман.

Одной из важных проблем школьной методики преподавания литературы, на наш взгляд, является объединение современных научных исследований и школьной практики. Отдельно изучаемые произведения школьной программы могут получить новое звучание на уроках литературы, если учитель будет использовать актуальные подходы к изучению произведений, опираясь на труды современных литературоведов. Изучение произведений в едином ключе на протяжении нескольких столетий снижает, на наш взгляд, заинтересованность учеников, родители и бабушки которых слышали подобное объяснение. Литературоведение не стоит на месте, на данный момент особенно активно рассматриваются синтетические исследования, соединяющие отдельные направления. Литературоведение обогащается посредством взаимодействия с другими науками, в частности, культурологией, психологией, историей и т.д. Поэтому предметом рассмотрения данной статьи станет применение современных исследований на уроках литературы.

В 2016 году была защищена кандидатская диссертация на тему «Лондон как текст в романах У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», «Записки Барри Линдона», «Ньюкомы»». В данной работе исследователь изучает вопрос, который касается совершенно нового взгляда на классические произведения. «Города как текст» – это понятие, которое становится центральным в диссертационном исследовании. Его возникновение связано непосредственно с работами М. де Серто, которые отмечал, что город становится феноменом, который может быть «прочитан» [2]. В автореферате диссертации автор рассматривает основные категории, на которые может в дальнейшем опираться анализ художественного текста. «В художественном произведении город как текст создается посредством изображения реального городского пространства, времени, его обитателей в динамике эпохи, когда формируется единое социальное, информационное, «культурное поле»» [4, с. 5]. Писатель таким образом создает собственное пространство – особое пространство города.

Особенность пространства текста в данном случае заключается в том, что не только сюжет относится к описываемому месту. Расположение данного места также имеет своё значение. Таким образом писатель создает особый образ города, который в данном случае отдельный миром. Автор описывает специфические черты, атрибуты и смыслы. В данном случае город выступает неотъемлемой частью текста. Город предстаёт перед читателем в мельчайших подробностях. Например, мы читаем описания его улиц, разных кварталов. Появляются также отдельные места, которые выступают в привязке к героям, в частности, и сюжету, в целом. Описание города, представленное в книге, соотносится с судьбами персонажей, их характерами и событиями. Города, который появляется в художественном произведении, начинает образовывать и нести новые смыслы. В связи с этим для изучения контекста описание города в данных случаях становится основой при рассмотрении в отдельных категориях.

«При изучении текста города необходимо обращать внимание на цель создания, выбор местоположения, определение достоинств. Структура текста города очень сильно отличается от композиции художественного текста, поэтому в центре анализа – горизонтальная карта города с небольшими вертикальными включениями. При определении основной тематики необходимо будет опираться на функции города и на исторические события, которые мы определим, как сюжет текста города. Исследуя основных героев текста города, т.е. его топонимы, нужно будет определить общий контекст, а также важность тех или иных топонимов в тексте города. При обнаружении символов в тексте города нужно определить их природу и возможность проецирования на другие тексты. Следовательно, при прочтении города как текста можно использовать средства анализа художественного произведения, конечно, в преломлении к культуре и традициям» [3, с. 110]. В данном ключе в школьной методике преподавания литературы могут быть рассмотрены произведения зарубежных авторов, прежде всего, роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», а на элективных курсах – роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия». Методика изучения данных произведений в ключе города как текста, особенностей пространственной организации текста была рассмотрена под моим руководством в дипломных проектах студентов. В данной статье я приведу рекомендации для основной школы при изучении произведений в новой системе.

Так, В.Е. Макеева при изучении романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери», предлагает рассмотреть следующие темы уроков по литературе: «Образ Собора Парижской богоматери в романе В. Гюго» или «Образ главных героев в романе Собор Парижской богоматери». В данном случае ученики при разностороннем анализе центрального образа произведения или главных персонажей романа смогут обнаружить общую проблематику текста. (Например, значение образа Собора в произведении; его загадочность и тайна; описание собора и системы героев произведения). На данных уроках также применим метод эпиграфа – учитель может использовать проникновенное стихотворение О. Мандельштама «Notre Dame». На первый план в этом анализе нужно будет выделить характеристику системы героев, которая будет построена на основе их связи с Собором: так будут представлены образы всего романа в общей взаимосвязи.

В рамках развития критического мышления при изучении данной темы предполагается составление учащимися кластера к слову «Собор». Можно предложить поработать со словарями по определению значений слова «Собор». Чтобы изученный материал был закреплен, учитель дает задание для учащихся – сочинить синквейны к образу Собора, а также другим персонажам, которые связаны непосредственно с собором. Данные методы также будут способствовать развитию критического мышления у учеников.

В соответствии с ФГОС рекомендовано использование групповых методов работы на уроке. Соответственно, для проведения урока по изучению романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» необходимо разделить

класс на несколько групп, где каждая группа получает от учителя индивидуальное задание. Например, члены первой группы подготовят информацию о Соборе, их задача – найти художественное описание Собора в тексте романа, сравнив реальные исторические события и герои, которые отражены в произведении. Учащиеся будут заниматься анализом пройденного материала по биографии В. Гюго. Учащиеся должны указать на то, писатель создает данное произведение из любви к родному городу – Парижу и Собору Парижской Богоматери, который является любимым местом В. Гюго. Школьники должны прийти к осознанию того, что появление романа стало спасением для многочисленных памятников архитектуры готического стиля, которые стали сохраняться и реставрироваться. Можно сказать, что в данном случае искусство слова стало спасением для искусства архитектуры.

Роман В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» стал поворотным моментом в истории развития европейского искусства. Об этом говорит целая книга в романе, которая посвящена только описанию самого Собора: «Вряд ли в истории архитектуры найдется страница прекраснее той, какую является фасад этого собора... Это как бы огромная симфония; колоссальное творение и человека, и народа... Одним словом, это творение рук человеческих могуче и изобильно, подобно творению Бога, у которого оно позаимствовало двойственный его характер: разнообразие и вечность» [1, с. 106].

Для второй группы будет дано задание по исследованию Собора, который выступает местом действия данного художественного произведения. Учитель может предложить учащимся ответить на ряд вопросов о значении как Собора в романе и его символике; основных конфликтах в произведении; о пункте пересечения взглядов главных персонажей романа. Собор является главной площадкой, главным эпицентром действия и сердцем романа, что осознают учащиеся после проведённого анализа.

Третья группа будет заниматься вопросами, которые позволят детально рассмотреть проблематику романа и его персонажей. Учащиеся рассмотрят ряд вопросов: взаимосвязь важных событий из жизни героев с жизнью Собора; неотделимость жизни Клода Фролло и Собор, который выступает составляющей частью жизни; связь жизни Собора с жизнью Квазимодо. Задача учащихся –привести примеры из текста, указав на связь каждого события из жизни героя с жизнью Собора Парижской Богоматери: Клод Фролло (архидьякон Собора); Пьер Гренгуар (ученик Клода Фролло); Квазимодо (звонарь Собора) – находятся непосредственно внутри Собора и ближе всего стоят к его судьбе. На Соборной площади: танцовщица Эсмеральда; Флёрд-де-Лис де Гонделорье, жительница дома напротив и т.д. После обсуждения результатов групповой работы школьники приходят к важному выводу: В. Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери» воссоздает город в тексте, который сам является текстом, связующим все остальные составляющие.

Следующее художественное произведение, которое мы рассмотрим, – роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия». На данный момент он не включен

в единую образовательную программу по литературе для основной школы, но может изучаться в рамках внеклассного чтения и на факультативах. Актуальность изучения обусловлена прежде всего социальной проблематикой романа, которая важна и в настоящее время. Посредством анализа художественного текста учащиеся знакомятся с пороками современного общества для того, чтобы не допускать их в настоящей жизни. В качестве пути изучения данного романа может быть выбрано направление – рассмотрение города как текста по причине того, что Лондон здесь становится ярчайшим примером текста. Также необходимым остаётся исследование характеристики главных героев произведения и их мировосприятия.

По мнению А.В. Авилкиной, исследование романа Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия» разделяются на несколько факультативных занятий. Первый урок будет посвящен знакомству с биографией автора автором и общей проблематикой произведения: обучающиеся определяют жанровые особенности, стиль писателя и др. Второй урок будет строиться в соответствии со словарной работой, целью которой станет определение значения пространства Лондона в романе, а также обучающиеся в связи с этим откроют взаимозависимость его влияния и характеров, и прежде всего на мировосприятие персонажей. Посредством анализа созданного автором образа города и его составляющих учащиеся выявят специфичность проблем, обозначенных автором в произведении.

В ходе факультативного урока учащиеся могут рассмотреть пространство Лондона через призму социального положения, которое каждый конкретный герой занимает в обществе. Каждый герой помещён в определенный район по месту жительства в зависимости оттого, какое социальное положение он занимает. И каждая характеристика героя в произведении содержит в себе упоминание местонахождения этого героя на карте Лондона. В представленном У. Теккереем мире распределение героев по районам в зависимости от положения в обществе, делает их беспомощными по отношению к существующей системе.

Уильям Теккерей очень часто в романе выражает собственные мысли, которые появляются в лирических отступлениях. В данных деталях отражается особый подход писателя к изображаемому в произведении, которое, по его мнению, в жанровом определении является романом без героя. Учащиеся должны прийти к выводу о том, что в поиске моральных ценностей, противостоящих страшному миру людей, которые создали крепкую систему распределения, включив даже пространство. Опираясь на анализ города как текста в романе, учитель с учениками смогут увидеть этот воссозданный автором мир Викторианской Англии.

Таким образом, использование новых инструментов для исследования художественных произведений литературы обогатит и разнообразит методику преподавания литературы, а также обогатит учащихся новыми полезными знаниями из области культуры, истории и искусства.

Литература

1. Гюго В. Собор Парижской богоматери. Харьков : Прапор, 1988. 442, [4] с.
2. Серто де М., Космарский А. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 2. С. 24–27.
3. Щербакова Э. В. К вопросу изучения города как текста в современном литературоведении // Казанская наука. 2015. № 3. С. 108–111.
4. Щербакова Э. В. Лондон как текст в романах У. Теккерея «Ярмарка Тщеславия», «Записки Барри Линдона», «Ньюкомы» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 22 с.

THE PROBLEM OF STUDYING THE CITY AS A TEXT
IN THE METHODOLOGY OF TEACHING LITERATURE

E. V. Shcherbakova
Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation

The article discusses the problem of applying modern research in literature lessons. The author gives an example of the study of the city as a text in a work of art. The article examines specific application options for modern research.

Key words: city as text, methodology, literature, school, novel.

УДК 070:801.73(470.41)

СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВ СМИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Р.П. Баканов

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема качества визуализации информации, представленной в десяти наиболее популярных в Республике Татарстан СМИ разной направленности и формы собственности на русском и татарском языках. Период исследования: 01.01.2022 г. по 20.02.2023 г. Используя методы сплошного мониторинга, проблемно-тематического и сравнительно-сопоставительного анализа практики визуализации информации в одиннадцати печатных и online-изданиях нашего региона, а также экспертного опроса журналистов изученных СМИ, мы сделали вывод о том, что фотография является основным средством визуализации медийных сообщений. Выявлено также, что во многих изученных СМИ инфографика представлена лишь от случая к случаю и связано это с отсутствием в штатном расписании редакций таких должностей как инфографист, визуализатор, бильд-редактор. Отдельные практики креативной визуальной подачи информации можно назвать «жестом доброй воли» со стороны дизайнеров-верстальщиков СМИ, использующих на это свое свободное от основной работы время.

Ключевые слова: Республика Татарстан, информация, СМИ, фотография, визуализация, инфографика, аудитория, эстетическая привлекательность, медийное потребление.

Цель настоящего исследования состоит в том, выявить и изучить специфику визуализации подачи информации в СМИ Республики Татарстан (далее РТ). Дальнейшее существенное увеличение информационного потока и распространяющих его альтернативных источников информации усиливает воздействие информации как на отдельного человека, так и на социальные группы и вынуждает их корректировать собственные медийные предпочтения и привычки. Так, доступность Интернета и скорость распространения на его платформах сообщений различной направленности привело к тому, что данным установочного исследования социологической компании «Mediascope», «в феврале-июле 2022 г. среднемесячная аудитория Интернета по всей России составила почти 103 миллиона человек старше 12 лет. За последние пять лет этот показатель вырос на 18%» [1]. Увеличивается и время пользования человеком цифровых ресурсов. Информационный поток настолько велик, что специалисты в области массовой коммуникации рекомендуют аудитории не только постоянный фактчекинг, но и периодическую информационную диету, дабы не перегружать себя психологически и снизить состояние стресса.

Трансформация медийных предпочтений аудитории – серьезный вызов для редакций СМИ. Количество подписчиков любого ресурса в настоящее время является очень условной и изменяющейся категорией. По отношению к сетевой аудитории вряд ли стоит говорить о таком ее качестве как верность и преданность конкретному медиа или источнику информации, скорее, на наш взгляд, следует бороться за ее лояльность и внимание. Работая в контексте серьезной и жесткой конкуренции с любительскими источниками массовой информации и формируемыми ими многочисленными актуальными «повестками дня», коллективам редакций СМИ, по нашему мнению, в настоящее время необходимо не только соблюдать все правила создания медиатекстов в разных журналистских жанрах, профессионально работать с источниками информации, но и постоянно следить за изменениями медийных предпочтений аудитории. Существенное внимание стоит уделить формированию целевой аудитории и диалогу с ней с целью понимания ее возрастного и социального состава, социально-политических взглядов, от которых может зависеть специфика информационных предпочтений. В настоящее время, когда между редакциями СМИ идет серьезная борьба за возможность оказывать в верхних строках поисковых новостных агрегаторов, вышеуказанная деятельность представляется нам не такой уж простой задачей.

Республика Татарстан – медийно насыщенный регион. Можно с уверенностью говорить о нескольких сотнях функционирующих СМИ, однако актуальных на начало 2023 г. открытых данных нет. По данным Союза журналистов РТ, на 01.02.2022 г. в республике было зарегистрировано 725 СМИ всех видов [5]. Представители разных уровней региональной власти часто с высоких трибун не забывают подчеркнуть, что видят редакции СМИ в качестве партнеров в деятельности по улучшению социальных условий жизни населения и инвестиционной привлекательности региона. Поэтому в последние годы активно направляют представителей медиаотрасли искать новую аудиторию в цифровом мире с помощью разнообразных мультимедийных форматов подачи информации. Вероятно, это связано с разного рода потерями в период пандемии, от которых до сих пор не восстановились ни местный рынок рекламы, ни тиражи печатных изданий. На каждом из объединенных заседаний коллегий Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» и одноименного крупнейшего в регионе медийного холдинга со стопроцентной долей государства (объединяет около 150 СМИ, включая все районные издания, радио и телекомпании [2]), а также иных публичных мероприятиях представители власти настоятельно рекомендуют коллективам редакций активнее позиционировать СМИ в Интернет-пространстве. Тем более что прошлый год в РТ был объявлен годом цифровизации.

Руководитель Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям А. Салимгараев в своем докладе, сделанном 04.02.2022 г. на заседании коллегии ведомства, сказал о том, что «очевидно, татарстанцы

высказывают свою позицию напрямую в социальных сетях – поэтому роль медиаканалов, особенно в последние годы, сильно изменилась. К настоящему моменту произошло полное перераспределение контента. Популярными стали online- и мобильные каналы доставки контента» [3]. При этом он выразил опасение, что «социальные сети, ранее выполнявшие лишь коммуникативные функции, стали для многих (почти для четверти россиян, во всяком случае) источником “надежной информации”. Люди, особенно молодежь, больше доверяют тем СМИ, кто активно представлен в социальных сетях. Несмотря на это, считает Салимгараев, главным источником достоверной информации остаются новостные сайты в интернете» [3]. Прошел год, и на состоявшейся 24.01.2023 г. коллегии А. Салимгараев озвучил некоторую статистику. По его словам, «"Татмедиа" за год нарастило число подписчиков в своих соцсетях до 7,5 млн, а в "Телеграме" рост составил аж 252%. Правда, и тут была некая цифровая "эквilibристика": учитывались подписчики страниц всех изданий, а один читатель может быть подписан на несколько изданий одновременно. Тем не менее рост идет, настаивал Салимгараев и подчеркнул, что и посещаемость сайтов выросла на 10%. В день порталы "Татмедиа" собирают порядка 340 тысяч уникальных пользователей из Татарстана. Таких цифр нет ни у одного другого региона», – с уверенностью отметил руководитель агентства [8].

Руководитель сектора поддержки клиентов сегмента digital компании «Mediascope» Н. Бороздина на состоявшейся 14.09.2022 г. в Москве конференции «True Digital Day» одним из основных трендов медийного потребления современной российской Интернет-аудитории назвала то, что люди отдают предпочтение тем сообщениям, которая содержит не только текст информационный, но и различные дополняющие его картинки, иллюстрации, графики и т. д. [1]. Как считает Д.В. Неренц, «статистическая информация не всегда является доступной для аудитории в силу больших объемов или недостаточного опыта для прочтения больших данных со стороны пользователей. И журналисты нашли способ максимально эффективно представить статистические сведения своей аудитории – оформить и в визуально привлекательную форму» [9, с. 78–79]. При этом данный автор так объясняет термин «визуализация данных»: «графическое изображение абстрактной информации для двух целей: осмысления (анализа данных) и коммуникации. Прежде всего это средство для предоставления и облегчения восприятия сложных и обширных данных для аудитории» [9, с. 78].

Еще в 2015 г. С.И. Симакова писала, что «все говорит о том, что визуализация информации стала медиатрендом современности, она проявляет себя почти во всех видах СМИ – новостных, культурно-просветительских, спортивных и т.д.» [12, с. 163]. Под термином «визуальный контент» данный исследователь понимает «всю визуальную информацию, которая сопровождает текст: фотографии, рисунки, схемы, видеоролики, графический дизайн, логотипы и т.д.» [12, с. 163]. Указанный исследователь долгое время изучает визуальную составляющую разных видов СМИ и является автором

ряда научных статей о качестве разных инструментов визуализации информации в СМИ (инфографика, таймлайн, коллаж, фотография, видеоролики и т.д.), а также диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Инфографика в журналистике: медиаэстетический код» [13].

По мнению А.А. Градюшко, «сегодня меняются запросы потребителя новостей. На смену эпохи человека читающего приходит век визуализации информации, когда более востребованы новости, которые можно воспринимать рассматривая. Возникают новые подходы в репрезентации фактов и цифр. Аудитория стремится получать информацию в визуальном формате» [7, с. 79]. «Современный читатель хочет не столько читать, сколько видеть информацию, визуализировать напечатанное: иметь возможность самостоятельно моделировать картину происходящего, опираясь на "живые" фотографии, оригинальные рисунки, доходчивую инфографику, – утверждает С.Р. Сулейманова. – Наконец, соотносить предложенную журналистом текстовую информацию с тем, что изображено на относящейся к ней картинке» [14, с. 183]. Г.Г. Почепцов считает, что в настоящее время есть смысл говорить о своего рода «визуальном синдроме, когда любая информация в обязательном порядке переводится в визуальную форму» [10, с. 274]. А С.С. Распопова тенденцию значительного увеличения внимания и запросов со стороны аудитории на визуализацию информации объясняет тем, что «в условиях медиареальности слова уже не являются основным инструментов, раскрывающим содержание, они выступают средствами выражения преобразованных образов, потому метафора активно используется сегодня журналистами как средство визуализации текста и как средство выражения отношения к определенному событию или явлению. Образ, представленный в медиатексте, дает знание не об отдельных изолированных сторонах действительности, он позволяет представить целостную мысленную картину отдельного участка действительности. Картинка на уровне мыслей в печатных СМИ – это эффективный способ визуализации» [11, с. 89].

На наш взгляд, процесс визуализации информации не может быть ограничен представленностью только дополняющего текст визуального ряда. Мы полагаем, что сюда можно включить и технологическую составляющую: работу редакции со шрифтами, цветовое оформление публикаций и/или тематических блоков, пропорциональность размещения медиатекстов на печатной или электронной полосе и т.д. Оперативно привлечь внимание аудитории и подчеркнуть стилистическую выразительность медийного текста также призваны заголовки к ним и лиды, драматургия рассказанной автором истории. Все эти приемы необходимы не просто для удержания внимания аудитории и побуждения ее к дочитыванию публикаций, а в первую очередь для скорейшего понимания каждым человеком сути и смысла описываемых фактов или явлений, в широком смысле формированию у него адекватных представлений о современной картине мира и умению ориентироваться в ней. В настоящее время нам нередко приходится сталкиваться

с явлением, когда в погоне за модными тенденциями редакторы современных изданий используют инфографику и другие средства и приемы визуализации информации не всегда оправдано. По этому поводу исследователи А.В. Вырковский и С.В. Шароян отмечают, что «производители контента при чтении и редактировании материала придают большее значение лиду, иллюстрациям, картинкам, инфографике и информационным справкам, чем потребители» [6, с. 45].

В связи с вышеизложенным, мы решили изучить специфику визуализации информации в популярных среди аудитории печатных и online-изданиях РТ. Эмпирическую базу исследования составили одиннадцать СМИ разной формы собственности, издающихся на двух государственных языках РТ (русском и татарском). Это государственные газеты «Республика Татарстан» (на русском языке, сайт <https://rt-online.ru/>) и «Ватаным Татарстан» (на татарском языке, сайт <https://vatantat.ru/>). Бывшие муниципальные газеты, ныне входящие в самый крупный в регионе медиахолдинг АО «Татмедиа» и считающиеся теперь формально независимыми от власти: «Казанские ведомости» (на русском языке, <https://kazved.ru/>), «Мэдэни жомга» (на татарском языке, <https://madanizhomga.ru/>) и «Шахри Казан» (на татарском языке, <https://shahrikazan.ru/>). Деловые электронные издания на русском языке (на татарском языке данный сегмент СМИ отсутствует): «БИЗНЕС Online» (<https://www.business-gazeta.ru/>) и «Реальное время» (<https://realnoevremya.ru/>). Городские негосударственные (частные) СМИ: «KazanFirst» (на русском языке, <https://kazanfirst.ru/>), «Вечерняя Казань» (на русском языке, <https://www.evening-kazan.ru/>), «Интертат» (на татарском языке, <https://intertat.tatar/>) и «Безнен гажит» (на татарском языке, <https://beznen.ru/>). Хронологический период исследования составил более года: с 01.01.2022 г. по 20.02.2023 г.

Выполняя исследование, мы использовали следующие методы:

- *сплошной мониторинг* эмпирической базы на наличие проявлений визуальной подачи информации;
- *проблемно-тематический анализ* публикаций, с помощью которого мы установили, во-первых, творческие приемы и формы визуализации данных; во-вторых, выявили соответствие / не соответствие визуально-эстетического оформления публикаций и в целом печатных или электронных медийных страниц (полос). В-третьих, постарались определить уровень эстетической привлекательности современных СМИ РТ;
- *сравнительно-сопоставительный анализ* эмпирической базы, он позволил нам понять следующее. Во-первых, в каких масс-медиа разнообразнее и интереснее подают сообщения аудитории, активнее используют разные виды инфографики, подвиды образных заголовков, драматургических лидов, другой визуальный ряд, и насколько данные приемы направлены на формирование интереса аудитории к освещаемым фактам или явлениям, содействуют

в увеличении численности просмотров конкретных медиатекстов. Во-вторых, есть ли различия в практике визуализации информации в русскоязычных и татароязычных СМИ, и если да, то в чем они проявляются, можно ли выделить определенные закономерности в процессе визуализации информации;

- *экспертный опрос* сотрудников редакций изученных СМИ с задачей выяснения возможного наличия в штате отдельных, ответственных за визуальное оформление сведений, лиц или это вменено в обязанности каждому корреспонденту и как-то учитывается при выполнении творческого плана. Всего мы опросили семнадцать человек, должностной состав которых распределен следующим образом: редакторы СМИ – 5 человек, дизайнеры-верстальщики изданий – 6 человек, ответственные секретари – 3 человека, корреспонденты – 3 человека и получили от них определенную информацию.

Выше мы уже отмечали, что в нашем регионе функционирует много СМИ разной направленности. В последние годы в комментариях к статьям в online-изданиях, а также в некоторых местных пабликах в соцсетях и специальных Telegram-каналах медиакритической направленности все чаще можно увидеть и прочесть оценочные реплики представителей аудитории о том, что «читать и смотреть нечего», «все новостные ленты однообразны и похожи друг на друга», «скоро вас никто читать и смотреть не будет» и т.п. Не вдаваясь в подробности, авторы таких сообщений лишь критикуют редакции СМИ, констатируя отсутствие интереса к их содержанию, и совершенно не выявляют ничего нового и положительного в их повседневной работе. При многих имеющихся у нас вопросах к авторам данных сообщений все же приходится задумываться: какова реальное положение дел с подачей информации в известных в регионе СМИ, и почему корреспонденты, редакторы или учредители СМИ не комментируют упреки в свой адрес и обвинения в непрофессионализме? Ведь В.В. Тулунов, долгое время изучающий содержание региональных СМИ, в том числе и с точки зрения визуальной подачи информации, констатировал: «в местной прессе, как и в федеральной, развивается информационная графика. Причем это не просто таблицы, диаграммы, картограммы или картосхемы, но развернутые композиции, по-особому представляющие некие проблемы, порой с той стороны, до которой, возможно, не смогли добраться пишущие журналисты. Такая инфографика становится “гвоздевой” публикацией, а ее постоянное присутствие в номере – своеобразным фирменным приемом издания» [15, с. 286]. Так как же обстоит с этим дело в масс-медиа РТ?

В результате исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, визуализация содержания изученных нами СМИ за период исследования была представлена в стандартной форме: текст с фотографиями. Акцент в сообщениях зачастую делался именно на текст, фотоиллюстрации часто носили дополнительный характер. В одних изданиях

ограничивались только одной фотоиллюстрацией («Вечерняя Казань», «Казанские ведомости», «Шахри Казан», «Интертат», «Мэдэни жомга», «KazanFirst»), в других («Республика Татарстан», «Безнен гажит») выпускающие редакторы или ответственные секретари размещали фото в зависимости от объема публикации: небольшие тексты, как правило, визуальным материалом не сопровождалось, а первополосные репортажи или отчеты могли содержать от одной до трех фотографий протокольного (статичного) или репортажного (динамичного) характера. Есть основания предполагать, что при верстке печатных или online-страниц в редакциях исходили из двух факторов: количество печатных знаков и наличие качественных снимков, от просмотра которых аудитория может получить эмоции «в тему». Как выяснилось, для некоторых редакций (особенно с акцентом на официоз) это является проблемой: творческие работы на темы политики, экономики и социальной жизни регулярно сопровождались фотографиями протокольного характера, без движения в кадре. На наш взгляд, такие снимки могут вызывать только равнодушие аудитории, а некоторых читателей (особенно молодого возраста) и вовсе стать препятствием для дальнейшего продолжения коммуникации с медиатекстами. Думается, что коллективам редакций нужно тщательнее подходить к подбору иллюстративного материала, стремиться жанрово разнообразить его, учитывая возможную реакцию аудитории.

В деловых online-изданиях РТ краткие сообщения новостной ленты практически не визуализируются, зато в длинных медиатекстах, освещающих ключевые, на взгляд редакции события дня или недели (так называемых лонгридах), часто можно увидеть фоторепортаж. Как правило, в само повествование вставлялось 4–6 фотографий, каждое из них подписывалось выдержкой из цитаты одного из героев статьи, остальные 15–20 фото размещались после текста, и каждый читатель мог посмотреть их как в дополнение к только что прочитанной публикации, так и без ознакомления с содержанием. Задачами каждого фоторепортажа стали: формирование среди аудитории «эффекта присутствия» на месте событий, а также максимальное «погружение» каждого человека в общий эмоциональный фон ситуации. Если для деловых изданий в период проведения исследования фоторепортаж являлся регулярным жанром, то для остальных изученных нами СМИ, к сожалению, очень редким (выявлено всего шестнадцать примеров: одиннадцать в русскоязычных СМИ и пять в татароязычных). Так, 19.02.2023 г. в «БИЗНЕС Online» была опубликована фотоистория, созданная по следующему информационному поводу: министерство культуры РТ подарило детям подшефного Татарстану Лисичанска музыкальные инструменты и мольберты. Уже несколько месяцев работу на месте координирует вице-премьер РТ Е. Варакин. Тринадцать сопровождаемых небольшими пояснениями корреспондента издания С. Шемелова снимков, на наш взгляд, передают драматургию ситуации: аудитория становится свидетелем небольшого творческого вечера в местной музыкальной школе. «Летом сюда прилетел

снаряд, прямо в класс на первом этаже. Осталась огромная дыра в стене, разбит рояль, повреждено все. Рядом лежат дрова, ведь в городе все еще нет отопления, и зимой согреваться приходится порой по старинке», – пишет автор. Мы узнаем, что «в музыкальной школе скрипкам и гитарам более 50 лет. Многие инструменты практически не настраиваются, и детям очень сложно играть на них. Более того, многие здесь играют даже не по нотам, а подбирают мелодии на слух» [16]. Перед нами счастливые лица детей и взрослых, автор фотоистории акцентирует внимание на многочисленных «деталях» события.

Под № 10 опубликовано фото, на которой мужчина и женщина (видимо, родители кого-то из ребят) смотрят на школьную доску, на которой написано «В ожидании чуда». Подписано оно так: «Чего не хватает детям? Тепла, как они сами признаются. Но скоро это исправят» [16]. Полагаем, что данная фотография логично и выразительно смотрелась бы в финале фотоистории, символизируя переход от военной жизни к мирной и вселяя веру в лучшее. Однако после нее было опубликовано еще три фотоснимка.

Мы полагаем, что коллективам редакций нужно стремиться к регулярности репрезентации данного жанра (когда-то так и было), ведь с его помощью можно привлекать аудиторию разного возраста. Поводов для их создания хватает, много времени на создание не нужно, а эмоциональное воздействие на аудиторию может получиться существенным, темы могут запомниться людям. Понятно, что изучение визуального материала происходит оперативнее чтения текста, и может существовать риск быстрого ухода читателей с сайта (чем выше время нахождения на сайте и глубина просмотров, тем больше у редакции шансов найти рекламодателей). Чтобы его свести к минимуму, коллективам редакций, прежде всего, нужно сделать содержательными статьи.

Во-вторых, для привлечения внимания аудитории редакции всех изученных нами СМИ стараются использовать информационные и образные заголовки, набранные прямым полужирным шрифтом. Новостная лента состоит только из информационных заголовков, созданных 24–25 кеглем, а публикации, созданные по важным и оперативным поводам (так называемые лонгриды), содержат более крупные (40–42 кегли шрифта) заголовки, как правило, образного вида. Их задача в том, чтобы заинтриговать читателя и заставить его перейти по конкретному заголовку. Поскольку на печатной и электронной полосах часто содержатся ссылки на многочисленные публикации, именно от выразительности заголовка часто зависит величина просмотра находящегося под ним текста. В негосударственных изданиях распространены двухчастные заголовки, первая часть которых направлена на формирование определенной эмоции у читателей, вторая – конкретизирует описываемую ситуацию, обращаясь к рациональной стороне восприятия человеком. Примеры: «“У меня совесть чиста, мне бояться нечего!”»: в Казани нянечка детского сада, которую мама обвинила в рукоприкладстве, отстаивает доброе имя» («Вечерняя Казань, 17.02.2023 г.»); «“Один человек здесь

30 раз упал!»: студент КФУ, очистивший тротуар ото льда, стал первым парнем на Деревне Универсиады» («Вечерняя Казань, 09.12.2022 г.); «“Народная забава – давай-ка я обману контролеров!»: Росприроднадзор обещает пятьсот внеплановых проверок» («БИЗНЕС Online», 08.02.2023 г.); «“Тут не импортозамещение, а опережение!»: Путин лично наградит нефтехимика из Казани» («БИЗНЕС Online», 07.02.2023 г.) и т.д. Если заголовок заинтересует потребителя, и он откроет текст, то в начале чтения уже будет иметь некоторое представление о проблематике повествования.

В некоторых изданиях на русском и татарском языках для навигации внимания и упрощения восприятия информации аудиторией применяются некоторые технические средства: выделение полужирным шрифтом (в татароязычных СМИ преобладает курсив) имени и фамилии впервые упоминаемых в материалах героев, подчеркивание или фоновое выделение ключевых мыслей спикеров или авторов, яркая фотография (реже коллаж) на открытии текста при его online-просмотрах. Эпизодически мы встречали оригинальные иллюстрации, выполненные по принципу подачи информации мема («Интертат», «Безнен гажит») или карикатуры («Казанские ведомости», «Вечерняя Казань», «KazanFirst»). Здесь важны яркость и точность восприятия.

В-третьих, в изученных нами изданиях пока еще нечасто можно увидеть информационную графику. В татароязычных СМИ ее не выявлено вообще, в СМИ на русском языке – только в четырех изданиях: «Республике Татарстан», «БИЗНЕС Online», «Реальное время» и «KazanFirst». Об относительной регулярности можно говорить только по отношению к государственной газете «Республика Татарстан», где два-три раза в месяц публикуется инфографическая листовка в виде статистики – результаты опросов населения ВЦИОМ, то есть уже опубликованная ранее информация. Тексты корреспондентов издания не визуализируются. Инфографику создает редакционный дизайнер-вестальщик в свободное от основной работы время (вероятно, поэтому публикуется она не так часто). В остальных изданиях она готовится от случая к случаю и представляет собой статичную листовку справочного, дополняющего текст публикации, характера. В «БИЗНЕС Online» инфографика появляется регулярнее, чем «Реальном времени» и «KazanFirst». К примеру, в статье о состоянии рынка недвижимости в регионе есть шесть инфографических листовок, помогающих читателям поскорее и глубже усвоить многочисленные статистические данные («БИЗНЕС Online», 30.01.2023 г.). Через несколько дней читателям в формате инфографики рассказали о новых тактических схемах, наигрывающихся в составе ФК «Рубин» («БИЗНЕС Online», 02.02.2023 г.). В первый рабочий день 2023 г. в данном издании была опубликована видеоинфографика с музыкальным сопровождением о том, какие изменения ожидают россиян в наступившем («БИЗНЕС Online», 09.01.2023 г.). Такой формат представления данных стал традиционным для редакции в первый рабочий день нового года. В «Реальном времени» инфографика также направлена на упрощение

восприятия информации. Так, в обзоре знакового для РТ проекта рекультивации полигона твердых коммунальных отходов представлены две подготовленные редакцией инфографических листовки, в которой на понятный аудитории язык «переводятся» некоторые цифры (например, 14 гектаров площади = 19,6 футбольных полей, две мусорные горы высотой по 30 метров = два десятиэтажных дома и т.д.) («Реальное время», 27.12.2022 г.). Она создается силами штатных сотрудников редакции в свободное от основных обязанностей время.

Таким образом, в ходе исследования мы установили, что в прессе РТ информация в основном подается по формату «текст + фотография», что в настоящее время вряд ли можно считать соответствующему требованию времени и тенденциям медийного потребления российской аудитории. За редкими исключениями в СМИ на русском языке преобладает текстовый формат подачи информации, в изученных нами татароязычных изданиях инфографики за период исследования выявлено не было. По количеству представленной информационной графики мы можем составить следующий своеобразный рейтинг: «БИЗНЕС Online», «Республика Татарстан», «Реальное время» и «KazanFirst». О качественной ее стороне пока можно сказать лишь общими словами: как правило, это яркие и содержащие статистические данные листовки. Других видов инфографики за период исследования мы не выявили. Результаты проведенного нами экспертного опроса сотрудников составивших эмпирическую базу редакций СМИ говорят о том, что в 2022 г. в штатном расписании не появилось отдельных должностей с обязанностью работать над визуализацией данных. Имеющаяся в настоящее время практика – результат творческой деятельности некоторых энтузиастов, зачастую самоучек.

Можно считать, что выявленная В.В. Тулуповым тенденция визуализации информации региональных СМИ [15, с. 285-286] в журналистике РТ в настоящее время проявляется явно не в полной мере. Между тем эксперты считают, что если редакция СМИ решила развивать инфографику на сайте, то ее коллектив «должен понимать, что создание инфографики – это работа не для одного или нескольких сотрудников (дизайнера или группы дизайнеров), а для всего редакционного коллектива: журналистов, редакторов, которые должны будут работать в тесном контакте со специалистами по инфографике», – цитирует экс-руководителя студии «ТАСС-Инфографика», ныне доцента ВШЭ А.В. Новичкова в своей статье Е.А. Баранова [4]. Поэтому если в редакциях СМИ хотят не только удержать нынешнюю, но привлечь и сделать постоянной новую, более молодую, аудиторию, то необходимо внимательнее следить за трендами современного медийного потребления аудитории и активнее внедрять новые форматы подачи информации. Создать их могут как привлеченные в штат, так и внештатные специалисты. Мы также рекомендуем редакциям плотнее сотрудничать с Высшей школой журналистики и медиакоммуникаций КФУ, где много лет успешно ведет-

ся обучение студентов профиля «Мультимедийная журналистика» (бакалавриат) и программе «Новые медиа (магистратура). В наших творческих мастерских создается немало визуальных проектов, которые, думается, могут вызвать интерес регионального медийного сообщества.

Литература

1. «Mediascope» представила актуальные тренды медиапотребления на True Digital Day // Mediascope. URL: mediascope.net/news/1503475/ (дата обращения: 23.02.2023).
2. Акционерное общество «Татмедиа» // ТатМедиа. URL: tatmedia.ru/aotatmedia (дата обращения: 23.02.2023).
3. Афанасьев С. Коллегия «Татмедиа»: отражение «атаки на Татарстан», «акцент на людях» и усиление в TikTok // Реальное время. URL: realnoevre-mya.ru/articles/239840-v-tatmedia-priznali-nehvatku-zhurnalistov-i-raskritikovali-press-sluzhby (дата обращения: 23.02.2023).
4. Баранова Е. А. Все, что Вы должны знать, если хотите развивать инфографику на газетном сайте // Медиаскоп. 2013. № 4. Статья номер 8. URL: www.mediascope.ru/node/1435 (дата обращения: 23.02.2023).
5. Второв Д., Юрков В. В. «Татмедиа» обсудили перспективы развития СМИ // Вести Татарстан. URL: trt-tv.ru/news/v-tatmedia-obsudili-perspektivy-razvitiya-smi/ (дата обращения: 23.02.2023).
6. Вырковский А. В., Шароян С. В. Критерии воспринимаемого качества журналистских материалов (на примере деловых СМИ) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 1. С. 22–46.
7. Градюшко А. А. Перспективные стратегии веб-журналистики в глобальном информационном пространстве // Международная журналистика – 2014: диалог культур и взаимодействие медиа разных стран : Материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. / ред. Т. Н. Дасаева ; сост. Б. Л. Залесский. Минск, 2014. С. 77–88.
8. Колесников Р. Сафаров – «Татмедиа»: «Чем меньше мы вам платим, тем креативнее вы работаете!» // БИЗНЕС Online. URL: www.business-gazeta.ru/article/581137 (дата обращения: 23.02.2023).
9. Неренц Д. В. Визуализация дата-материалов в современных СМИ как способ привлечения аудитории. DOI 10.28995/2686-7249-2019-9-77-85 // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 9. С. 77–85.
10. Почепцов Г. Г. Имиджелогия. Москва : Рефл-бук [и др.], 2000. 766 с.
11. Распопова С. С. Автор мультимедийного текста // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 2. С. 84–90.
12. Симакова С. И. Влияние новых технологий на визуальный контент журналистских материалов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5. С. 163–169.
13. Симакова С. И. Инфографика в журналистике: медиаэстетический код : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2021. 456 с.
14. Сулейманова С. Р. Тенденции визуализации информации в дизайне печатных медиа Узбекистана // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22. С. 183–188.
15. Тулупов В. В. Визуализация как тенденция местной прессы // Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия : Материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Е. Л. Вартанова, науч. ред.: М. И. Макеев, М. В. Шкондин. Москва, 2023. С. 285–286.
16. Шемелов С. «Братья разошлись и больше никогда не встретятся»: о чем поют дети Лисичанска // БИЗНЕС Online. URL: www.business-gazeta.ru/article/584187 (дата обращения: 23.02.2023).

SPECIFICS OF VISUALIZATION OF MEDIA TEXTS REPUBLIC OF TATARSTAN

R.P. Bakanov

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

The article deals with the problem of the quality of visualization of information presented in the ten most popular media in the Republic of Tatarstan of different orientation and form of ownership in Russian and Tatar languages. Period of the study: 01.01.2022 to 20.02.2023 Using the methods of continuous monitoring, problem-thematic and comparative analysis of the practice of visualizing information in eleven print and online publications in our region, as well as an expert survey of journalists of the studied media, we concluded that photography is the main means of visualizing media messages. It was also revealed that in many of the studied media, infographics are presented only on a case-by-case basis and this is due to the absence of such positions as infographer, visualizer, and bild editor in the staff schedule of editorial offices. Individual practices of creative visual presentation of information can be called a “gesture of goodwill” on the part of designers-layout designers of the media, using their free time from their main work for this.

Key words: Republic of Tatarstan, information, mass media, photography, visualization, infographics, audience, aesthetic appeal, media consumption.

УДК 004.912.032.26

НЕЛИНЕЙНОСТЬ ТЕКСТА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Д.С. Быльева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается переход от линейности текста, тесно связанной с развитием европейской культуры к цифровому бытию языка, характеризующемуся бесконечностью и разнонаправленностью. На смену диктата автора текста пришел сначала неструктурированный бесконечный фейерверк текстов в цифровой сети, предполагающий случайное прерывистое движение между ними, который постепенно сменяется предопределённостью, организованной технически. Современные технологические решения на основании нейросетей направлены на увеличение релевантности и персонализация предлагаемых текстов.

Ключевые слова: текст, интернет, линейность, технологии и язык.

Исторически развитие письменность означало торжество линейности. Фиксация символов в последовательные ряды обозначило не только удобство для хранения и накопления знаний вне человеческой памяти, но и специфический культурный феномен. Полнота и феноменологическая бесконечность окружающего мира преобразовывалась в последовательность знаков, фиксирующая специфические смыслы. В отличие от изображения, позволяющего любую последовательность перемещения взгляда или руки, его создающей,

текст строго предопределяет движение. И это движение линейно. В фантастической повести «История твоей жизни» Теда Чана выведена письменность инопланетян, где знаки могли начинаться с любого места и разрастаться в разные стороны, что соответствует культуре, не знающей причинно-следственных связей, и воспринимающей мир в целостности.

А. Леруа-Геран описал письменность как победу линейности, техническим достижением, обеспечившим большую надежность и размах накопления в опасном и тревожном мире [9]. Ж. Деррида подчеркивает, что линейность предопределила определенный тип философии и культуры, линейность есть временность (однородной, подчиненной форме данного момента идеалу непрерывного движения по прямой линии или по кругу) – понятием, которое, по мнению Хайдеггера, определяет изнутри любую онтологию от Аристотеля до Гегеля. Сама возможность линейного письма «издавна была структурно соотнесена с возможностью экономики, техники, идеологии. Эта соотнесенность проявлялась в процессах тезавризации, накопления капиталов, развития оседлости, иерархизации, формирования идеологии и т.д. [4, с. 221]. Линейность яркая черта всей европейской цивилизации до последнего времени, демонстрирующая устремленность из прошлого в будущее через эволюцию или прогресс. Однако сегодня, как отмечает М.А. Можейко, «идея линейного прогресса, столь долго сопровождавшая человечество, покинула сцену вместе с XX столетием, поскольку современная ситуация – как в социально-историческом, так и в научно-познавательном своих измерениях – характеризуется существенной нелинейностью динамики» [5, с. 175]. Что касается текста, то и он подвергся значительным изменениям на протяжении XX века и особенно в доминирующей сегодня цифровой среде. Уже в XX веке строгая последовательность и линейность как важнейшие черты письменного текста стали переосмысливаться. В работах М.М. Бахтина была показана возможность рассматривать письменный текст по-новому, воспринимать его как открытый, находящийся в диалогических отношениях с другими текстами, перекликающийся с ними, отвечающий им [2, с. 10]. Ж. Деррида считает, что линейность перестает доминировать, поскольку не является более плодотворной [3, с. 50]. Мышление новой эпохи нелинейно, и тексты стремятся выразить это как в стилях изложения, так и в способах повествованиях (например, книгах которым можно читать в разной последовательности). Как отмечает Серж Ф. Хайн, делезианское письмо не поддается тематическому чтению и сопротивляется линейности, сюжету, внутренней связности и структуре в целом [8, р. 85]. История «Безумия дня» Мориса Бланшо кажется «начинающейся» с предложения, которое также будет процитировано ближе к концу истории, как самое начало истории, которую рассказчик рассказывает своим следователям, и оно же является концом. Как отмечает Деррида, в результате текст лишается «любого начала и любого возможного края или границы» [7, р. 92–93]. Другим аспектом становится так называемая «смерть автора», когда любой текст

представляет собой череду бесконечных отсылок к предыдущим текстам. Как пишет Р. Барт, «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг другом различные виды письма, ни один из которых не [является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих: тысячам культурных источников] [1].

Однако те тенденции, которые отмечали философы XX века, нашли свое оригинальное воплощение в новой форме существования текста – сетевой. Постмодернистское прочтение текстов предстает как предвидение текста будущего. Текст сегодня претерпевает принципиальные изменения благодаря перемещению в цифровую среду. Специфическое бытие языка на сайтах, в социальных сетях, форумах и т.п. обозначило новую эпоху [10]. Цифровая среда представляет собой многомерную совокупность знаков разной природы, изобилующих визуальным, аудиовизуальным и интерактивным контентом, «текстов», утративших линейность. В цифровой среде тексты не имеют ни начала, ни конца, ни единой направленности. Бесконечные переходы гипертекстов, бесконечность «новостей» ленты и другие сетевые феномены позволяют погружаться в цифровой мир на любое время. Хотя в сети присутствует множество текстов с классическим конечным нарративом, ее суть как специфического текста иная. Даже для таких простых целей как составления образа или впечатления пользователь будет читать множество отзывов о том или ином месте, явлении или личности. Общее понимание происходящего или современного тренда складывается из постов, объединенных единым хештегом. Таким образом совокупность разнообразных часто противоречащих друг другу текстов подчас оказывается основным способом ориентации с помощью цифровой среды. Способ чтения также меняется, пропуск части контента предстает уже не случайным явлением, а обычной стратегией, человек фокусируется на интересном, бросая чтение через несколько слов после начала, и перескакивая на следующий отрывок. Популярный в английском языке термин «серфинг сети» представляет собой бездумное перескакивание с одной темы на другую, потребляя случайную информацию без какого-либо осмысления. Даже книги и статьи, которые, казалось бы, сохранили свою прежнюю линейность несмотря на цифровизацию, отчасти оказываются жертвой избирательных стратегий чтения. Например, современный ученый редко будет прочитывать весь скаченный материал по теме, довольствуясь поиском по ключевым словам, и обращаясь только к нужным в данный момент фрагментам.

Линейность в цифровой среде искажается, не полностью теряя направленность, однако дробясь на осколки смыслов. Кроме того, эти части могут быть не самостоятельными, а бесконечно дублировать уже имеющиеся тексты. Авторство утрачивается и теряет ценность. Переизбыток текстов

в цифровой среде затрудняет навигацию. И с течением времени технологии, опосредующие сетевую навигацию, становятся более сложными. На заре развития интернета, когда уже было достаточно интересных текстов, найти их составляло серьезную проблему. Чтобы найти нужное приходилось пробираться через массу рекламных и не релевантных текстов. Поиск базировался только на самих словах. Новые технические решения позволяли учитывать частотность, производить статистический анализ. If-tdf учитывает, насколько важно слово для текста в тексте или корпусе. Поисковая система Google первой стала осуществлять математическое ранжирование страниц, в зависимости количества ссылок и их собственной «важности». Современные поисковые системы основаны на технологиях искусственного интеллекта. При выдаче запроса будет учитываться имеющаяся база данных – что пользователи обычно подразумевают под данным запросом, основанная на запросах и действиях пользователей, а также индивидуальные вкусы и предпочтения, который скоплены за историю пользования данным пользователем. При демонстрации текстов будет учитываться географическое положение пользователя, история его запросов и переходов.

Данный подход, стремящийся максимально персонифицировать выдачу контента, привел к появлению так называемой «массовой персонификации», основанной на выделении интересов пользователей и формулировку рекомендаций или предоставление контента, базирующегося на выборах пользователей со схожими вкусами. Таким образом действуют некоторые социальные сети, способствуя созданию «информационного кокона» или «пузыря фильтров», когда пользователь видит только контент, который соответствует его представлениям, а также контекстную рекламу, также базирующуюся на его сетевом (а иногда и не только) поведении. Подобная искусственно подобранная цифровая среда вызывает озабоченность ряда исследователей, настаивающих на необходимости столкновения с противоположными мнениями для возможности консенсуса в обществе. Оказывается затруднительно получать и использовать информацию, которая связана с принятием решений, но не соответствует предпочтениям пользователей. При этом отобранная ИИ однородная информация отнимет когнитивные ресурсы, лишая людей сил на поиск других текстов, и в конечном итоге оставляя их в ловушке информационных коконов [6]. Кроме того, современные нейросетевые генеративные модели, обученные на колоссальных объемах текстов, созданных людьми, способны к генерации текстов по заданным критериям, что означает окончательную потерю автора в цифровой среде, даже по сравнению с многочисленными аккаунтами в социальных сетях, при надлежащих ботам.

Текст в сети, утрачивая свою линейность, теряет многие смысловые качества. Его бесконечность и ненаправленность мешает ориентироваться. Современными подходами к проблеме навигации становятся технологиче-

ские решения прежде всего связанные с нейросетевыми технологиями, которые позволяют не только увеличивать релевантность, но и персонифицировать предлагаемые тексты. Таким образом на смену определенного диктатора автора организующего развертывание линейности пришел сначала неструктурированный бесконечный фейерверк текстов сети, предполагающий случайное прерывистое движение между ними, который постепенно сменяется предопределённостью, организованной технически.

Литература

1. Барт Р. Смерть автора / пер. С. Н. Зенкина // Избранные работы : Семиотика, Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. статья Г. К. Косикова. Москва, 1989. С. 384–391.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. Москва : Искусство, 1986. 444, [1] с.
3. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 1995. № 5. С. 48–55.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. статья Н. Автономовой. Москва : Ad Marginem, 2000. 511 с.
5. Можейко М. А. Парадигма нелинейности в постмодернистской философии языка и современная синергетика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5-1. С. 175–185.
6. When more is less: The other side of artificial intelligence recommendation / S. Chen, H. Qiu, S. Zhao [et al.]. DOI 10.1016/j.jmse.2021.08.001 // Journal of Management Science and Engineering. 2022. № 7. С. 213–232.
7. Derrida J. Living on : Border lines / transl. by J. Hulbert // Deconstruction and criticism / H. Bloom, P. de Man, J. Derrida [et al.]. New York, 1979. P. 75–176.
8. Hein S. F. Deleuze, Immanence, and Immanent Writing in Qualitative Inquiry: Nonlinear Texts and Being a Traitor to Writing. DOI 10.1177/1077800418784328 // Qualitative Inquiry. 2019. № 25. P. 83–90.
9. Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech / transl. A. Bostock Berger. Cambridge : MIT Press, 1993. 454 p.
10. Milani B. On the Mythical Atmosphere of the Digital World. DOI 10.48417/tech-nolang.2022.04.03 // Technology and Language. 2022. Vol. 3, № 4. P. 21–29.

NONLINEARITY OF TEXT IN A DIGITAL ENVIRONMENT

D.S. Bylieva

Peter the Great St. Petersburg Polytechnical University
St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with the transition from the linearity of the text, which is closely related to the development of European culture, to the digital existence of the language, characterized by infinity and multidirectionality. The dictatorship of the author of the text was replaced at first by an unstructured endless firework of texts in a digital network, suggesting a random intermittent movement between them, which is gradually replaced by predestination, organized technically. Modern technological solutions based on neural networks are aimed at increasing the relevance and personification of the proposed texts.

Key words: text, Internet, linearity, technology and language.

УДК 811.161.1'373.43

НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ АНТРОПОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «TELEGRAM»)

В.Е. Замальдинов, В.А. Беляйков

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

В центре настоящего исследования – новообразования на базе антропонимов, функционирующие в социальной сети «Telegram». Выявлены новые лексические единицы, созданные с помощью неузальных способов деривации. Делается вывод о том, что новообразования на базе антропонимов вызывают комический эффект, имеют социальную значимость.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, антропонимы, социальная сеть, способы словообразования, Telegram.

Ведущее место среди различных форм общения в Интернете занимают социальные сети. Это связано с тем, что они служат для установления связей между носителями языка, обладают гипертекстуальностью и интерактивностью. Как отмечают исследователи, «социальная сеть – это <...> это площадка для взаимодействия людей в различных группах» [8, с. 32].

Одной из популярных социальных сетей в современной России является «Telegram». Данный мессенджер позволяет коммуникантам обмениваться голосовыми и текстовыми сообщениями, читать информационные каналы, создавать ботов. По мнению А.А. Градюшко, «телеграм-каналы становятся альтернативой классическим медиа, предоставляя информацию в наиболее удобном виде» [1, с. 101].

Для воздействия на эмоциональную сферу читателя адресант активно использует в телеграм-каналах словообразовательные неологизмы (новообразования) на базе антропонимов. Новые лексические единицы привлекают внимание читателей, обладают яркой оценкой.

Цель настоящего исследования состоит в системном описании словообразовательных неологизмов, образованных от антропонимов, в социальной сети «Telegram». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить словообразовательные неологизмы, бытующие в социальной сети «Telegram»; 2) охарактеризовать структурно-семантические особенности новых лексических единиц, функционирующих в русском языке новейшего периода; 3) определить наиболее актуальные неузальные способы создания новообразований.

Концептуальную ценность для исследования имеют труды в области словообразовательной неологии В.Е. Замальдинова [2–4], Т.В. Маркеловой и М.В. Петрушиной [5], Н.А. Николиной [6], Л.И. Плотноковой [7] и др.

Новообразования на базе антропонимов достаточно часто создаются в социальной сети «Telegram» с помощью невузальных способов деривации. Оказиональные слова являются средством языковой игры, производятся с нарушением словообразовательных законов.

Высокую продуктивность обнаруживает такой способ невузального словообразования, как междусловное наложение. Суть данного специфического приёма порождения okazjiональных единиц заключается в том, что на конец основы одной лексемы накладывается омонимичное начало другого слова. Приведём примеры: **Крохоборя** (заголовок). *Мелочный Борис* («СловоДня». 11.02.22) ← крохобор + Боря; **Скафандрей** (заголовок). *Андрей, который любит игнорировать* («СловоДня». 11.02.22) ← скафандр + Андрей; **Тигриша** (заголовок). *Гриша, который тигр 24/7* («СловоДня». 11.02.22) ← тигр + Гриша; **Эклера** (заголовок). *Лера, которая очень любит сладкое* («СловоДня». 03.05.22) ← эклер + Лера; **Капитаня** (заголовок). *Таня, которая любит командовать* («СловоДня». 03.05.22) ← капитан + Таня; **Олего** (заголовок). *Олег, который из себя постоянно что-то строит* («СловоДня». 09.08.22) ← Олег + дего (*Lego*); **Степанк** (заголовок). *Степанеформал* («СловоДня». 23.08.22) ← Степан + панк; **Яндексюха** (заголовок). *Ксения, которая вечно что-то ищет* («СловоДня». 08.09.22) ← «Яндекс» + Ксюха; **Скандализа** (заголовок). *Лиза, которую лучше не бесить* («СловоДня». 03.10.22) ← скандал + Лиза; **Отвалиса** (заголовок). *Алиса, которую все достали* («СловоДня». 03.10.22) ← отвали + Алиса; **Снеговиктор Цой** (заголовок) («Че». 06.01.23) ← снеговик + Виктор (Цой); *Насмотрелась Дудя и сказала: «Интервьюрий»* («Very punny». 18.01.23) ← интервью + Юрий.

При междусловном наложении возможно усечение одного из производящих слов: **Вколя** (заголовок). *Николай, который вакцинировался* («СловоДня». 11.02.22) ← вкол(оть) + Коля; **Рентгена** (заголовок). *Геннадий, который видит людей насквозь* («СловоДня». 11.02.22) ← рентген(ография) + Гена; **Терпетя** (заголовок). *Очень терпеливый Пётр* («СловоДня». 11.02.22) ← терпет(ь) + Петя; **Квася** (заголовок). *Василий, который любит гульбанить* («СловоДня». 09.08.22) ← квас(ить) + Вася; **Хмелена** (заголовок). *Елена, которая любит немного «перебрать»* («СловоДня». 07.09.22) ← хмед(ь) + Елена; **Оптимиша** (заголовок). *Михаил, который всегда оптимистично настроен* («СловоДня». 07.09.22) ← оптими(зм) + Миша; **Оправдания** (заголовок). *Даниил (Данила), который всегда может найти оправдание* («СловоДня». 07.09.22) ← оправдан(ие) + Даня; **Философья** (заголовок). *Софья, которая любит пофилософствовать под винишком* («СловоДня». 08.09.22) ← философ(ия) + Софья; **Вертолёха** (заголовок) («Бакинский помидорчик». 20.10.22) ← вертолёт(т) + Лёха.

При совмещении частей исходных лексем в новообразовании возможны формальные замены графем: **Дашинила** (заголовок). *Даша, которая*

часто душинит («СловоДня». 03.05.22) ← *Даиш(а)* + *душила*; **Подлина** (заголовок). *Полина, которая делает подянки* («СловоДня». 11.05.22) ← *подл(ый)* + *Полина*; **Олегарх** (заголовок). *Богатый Олег* («СловоДня». 11.05.22) ← *Олег* + *олигарх*; **Лёшадь** (заголовок). *Алексей, который не щадит себя на работе* («СловоДня». 12.08.22) ← *Лёша* + *лошадь*; **Настяльгия** (заголовок). *Когда скучаешь по Анастасии* («СловоДня». 12.08.22) ← *носталягия* + *Настя*; **Аннаконда** (заголовок). *Анна, которая может кого угодно проглотить и выплюнуть* («СловоДня». 13.08.22) ← *анаконда* + *Анна*; **Катястрофа** (заголовок) («СловоДня». 22.08.22) ← *катастрофа* + *Катя*; **Аннархия** (заголовок) («СловоДня». 12.01.23) ← *Анна* + *анархия*; **Борриста** (заголовок). *Борис, который очень любит кофе* («СловоДня». 20.01.23) ← *Борис* + *бариста*.

Междусловное наложение может осложняться капитализацией (графическим выделением части новообразования, совпадающей с узуальной лексемой). В социальной сети «Telegram» довольно часто встречается такая структурная разновидность капитализации, как выделение одной буквы. Приведём примеры из нашей картотеки: **Пьюлия** (заголовок). *Юлия, которая не определилась пить или не пить* («СловоДня». 05.05.22) ← *пью* + *Юлия*; **ОтваЛилия** (заголовок). *Лилия, которая постоянно отказывает* («СловоДня». 11.05.22) ← *отвали* + *Лилия*; **АлкогОля** (заголовок). *Ольга, которая всегда не прочь выпить* («СловоДня». 09.08.22) ← *алкогол(ь)* + *Оля*; **ДьявОлег** (заголовок). *Коварный Олег-искуситель* («СловоДня». 29.01.23) ← *дьявол* + *Олег*; **СеКсюша** (заголовок). *Чертовски сексуальная Ксения* («СловоДня». 29.01.23) ← *секс* + *Ксюша*; **ЗаВаля** (заголовок). *Валентина, которая вечно загружена делами* («СловоДня». 05.02.23) ← *завал* + *Валя*; **НирВаня** (заголовок). *Иван, который нашёл гармонию, дзен и антидепрессанты* («СловоДня». 05.02.23) ← *нирван(а)* + *Ваня*; **ДьявОльга** (заголовок). *Ольга, которую лучше не злить* («СловоДня». 05.02.23) ← *дьявол* + *Ольга*; **ОтсТаня** (заголовок). *Татьяна, к которой лучше не приставать* («СловоДня». 05.02.23) ← *отстан(ь)* + *Таня*; **КруасСаня** (заголовок). *Александр, который любит начинать день по-французски* («СловоДня». 05.02.23) ← *круассан* + *Саня*; **ХулигАня** (заголовок). *Анна, которая любит подебосить* («СловоДня». 05.02.23) ← *хулиган* + *Аня*. Как видно из примеров, с помощью капитализации адресант выделяет начало второго производящего слова в составе новой лексической единицы.

Новообразования, созданные с помощью междусловного наложения, усиливают эмоциональное воздействие на адресатов, передают отношение автора к обозначенному лицу.

Востребованы в социальной сети «Telegram» новообразования, возникшие в результате тмезиса – вставки внутрь одного исходного слова другой узуальной лексемы или морфемы. Проиллюстрируем сказанное: **Актуаллочка** (заголовок). *Алла, которая всегда кстати* («СловоДня». 03.06.22) ← *актуа-*

лочка + Алл(а); **Анастезия** (заголовок). *Настя, которая всё время отмораживает* («СловоДня». 08.09.22) ← *анестезия* + *Наст(я)*. Подобные лексические единицы используются номинаторами в ироническом контексте, вовлекают целевую аудиторию телеграм-канала в интеллектуальную игру.

Таким образом, в социальной сети «Telegram» адресант активно использует новые лексические единицы на базе антропонимов. Словообразовательные неологизмы участвуют в создании ситуации непринуждённого общения, обладают высокой выразительностью, пополняют словарный фонд.

Литература

1. Градюшко А. А. Языковая специфика новостных медиатекстов в телеграм-каналах // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1: Педагогика. Психология. Филология. 2022. № 1. С. 98–101.
2. Замальдинов В. Е. Актуальные антропонимы и их словообразовательные возможности в современных медиатекстах // Текст. Структура и семантика : доклады Междунар. науч. конф. : сборник статей / сост. Н. А. Ковалева. Москва, 2017. С. 245–250.
3. Замальдинов В. Е. Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 5. С. 55–60.
4. Замальдинов В. Е. Словообразовательные неологизмы в языке СМИ и интернет-коммуникации: эколингвистический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4-1. С. 13–19.
5. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Словообразовательная семантика в языковой игре: оценка и эмоция // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2021. № 2. С. 35–48.
6. Николина Н. А. Глагольные неологизмы в современной русской речи // Язык и ментальность в диахронии : сборник науч. трудов III Всерос. науч. семинара с междунар. участием для молодых ученых / редкол.: М. В. Пименова [и др.]. Владимир, 2022. С. 190–197.
7. Плотникова Л. И. Индивидуально-авторские слова в поэтическом тексте: креативный и когнитивно-прагматический аспекты // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 283–286.
8. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ : монография / Т. А. Алтухова, В. В. Бульдяева, А. Б. Бушев [и др.] ; под науч. ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2021. Т. 1. 429 с.

WORD-FORMING NEOLOGISMS BASED ON ANTHROPONYMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE NEWEST PERIOD (USING THE EXAMPLE OF THE SOCIAL NETWORK "TELEGRAM")

V.E. Zamaldinov, V.A. Belyaykov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Nizhny Novgorod, Russian Federation

In the center of this study are word-forming neologisms based on anthroponyms, functioning in the social network "Telegram". New lexical units created with the help of non-conventional methods of derivation are revealed. It is concluded that word-formation innovations based on anthroponyms cause a comic effect and have social significance.

Key words: word-forming neologisms, anthroponyms, social network, ways of word formation, Telegram.

УДК 070:811.161.1'276.5

МЕТАЖАНРОВЫЙ ПОДХОД К ЖУРНАЛИСТСКОМУ ТЕКСТУ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Л.В. Иванова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

Статья посвящена проблеме метажанра в журналистике. Рассматривается перспективность введения данного понятия в научный оборот и в профессиональную практику. Применение метажанрового подхода к журналистскому тексту обосновывается прагматическим эффектом для профессиональной теории и практики в ситуации разрушения жанровой системы под влиянием процессов конвергенции, сегментации и цифровизации сферы массмедиа.

Ключевые слова: жанр, метажанр, журналистика, журналистский текст, медиадискурс.

Жанровый подход к журналистскому тексту основан на научном и профессиональном утверждении, что его функционирование и исследование невозможно вне категории жанра. Жанровый подход лежит в основе научной классификации журналистских текстов, выступает основой творческих заданий в редакциях СМИ. Знание жанровых моделей и готовность их использовать в конкретной коммуникативной ситуации является профессиональной компетенцией, формируемой в процессе подготовки журналистов в вузах.

В советское и постсоветское время отечественные ученые проявляли неподдельный научный интерес к жанровой природе журналистского текста, к установлению и характеристике его жанровых моделей. Причинами этого были и исследовательские амбиции – плеяда талантливых ученых стремилась разработать стройную и верифицированную систему, доказав тем самым эффективность собственной методологии анализа и методики «жанровидения» (термин А.А. Тertyчного), а также уникальность и самостоятельность журналистской деятельности, использующей для отражения действительности жанры, адекватные профессиональному целеполаганию; и прагматические установки – глубоко проработанная теория жанров, включающая характеристику конкретных разновидностей, обеспечивала благоприятные условия для развития профессии: значительно облегчала решение задачи оперативного отражения действительности журналистами и гарантировала достижение нужного коммуникативного эффекта по отношению к аудитории.

Отечественная теория журналистских жанров, оформившаяся на рубеже XX–XXI веков, включала многообразие концепций и советских, и российских ученых. Вклад в ее развитие внесли представители разных научных

школ: В.Д. Пельт, Е.И. Пронин, А.А. Тертычный Л.Е. Кройчик, В.Д. Мансурова, Г.В. Лазутина и С.С. Распопова и другие.

Благодаря вариативности теорий в журналистике сформировалось широкое поле для выбора модели «жанровидения». Концепции различались подходами к классификации и к жанровым описаниям, но основой для них выступали общие посылы: жанр – категория, существующая во всех сферах творческой деятельности человека, в том числе в журналистике; в жанре закрепляются эффективные технологии работы с информацией и модели познавательной активности человека, выработанные на протяжении определенного исторического развития и доказавшие свою эффективность для решения познавательных и коммуникативных задач. Жанры – это устойчивые разновидности журналистского текста, «объединенные сходными содержательно-формальными признаками» [11, с. 14].

В XXI веке на стройную, логически обоснованную, систему журналистских жанров стали оказывать воздействие разнообразные дестабилизирующие факторы.

Взаимодействие видов массово-медийной деятельности (рекламной, имиджевой, художественной, авторской и т.п.) в едином информационном пространстве СМИ активизировали процессы смещения, диффузии журналистских жанров. Усложнение познавательных и коммуникативных задач привело к появлению новых жанровых модификаций.

Конкуренция с социальными сетями и другими массмедиа вовлекла редакции СМИ в процесс сегментации – «четкого определения адресной ниши» [3, с. 132]. Сегментация по функционально-тематической направленности обусловила специализацию СМИ. В дискурсе научно-популярных, деловых, культурно-просветительских и т.п. изданий формат как способ организации «адресного», вовлекающего контента практически заменил жанровые модели.

Рыночные отношения, в которые включились СМИ и которые обусловили необходимость коммерциализации всех производимых продуктов, усилили маркетинговые стратегии журналистского текста и укрепили позиции формата как способа организации и передачи содержания уже не только специализированными, но и универсальными СМИ. В итоге, форматный подход, инициированный профессионалами-практиками в связи с необходимостью конкурировать с различными видами массмедиа, привел к потере журналистскими жанрами статуса ведущего способа оформления текста.

Процесс цифровизации усугубил ситуацию. В свое время на это обратил внимание А.А. Градюшко: «Задача журналистики заключается уже не в том, чтобы информировать массы людей, а в привлечении и удержании лояльной аудитории. <...> В условиях цифры возрастают требования к навыкам журналиста. <...> В цифровых медиа растет значение неклассических форматов подачи материала» [2, с. 13].

В сети стала активно развиваться конвергенция средств массовой информации, то есть сближение или объединение на цифровой платформе различных типов СМИ (печатных, радиальных, телевизионных). Это было не только физическое слияние. В результате конвергенции СМИ обрели новое качество – мультимедийность, а дискурс – новый тип целостности, возникший благодаря особому типу отношений между знаковыми системами. Внедрение новых технологий, стандартов, программного обеспечения в процесс производства журналистских материалов для сети вызвала трансформацию журналистской деятельности и появление нового типа креолизованного (мультимедийного, поликодового) журналистского текста. О.В. Лушинская определила его как «коммуникативный продукт, включающий как вербальный компонент (текстовую реализацию сообщения), так и невербальные составляющие (визуальный, иллюстративный материал) и использующий в своем содержании элементы разных способов/каналов передачи информации (видео- или аудиотрансляция контента)» [7, с. 35]. Мультиметизация журналистского контента привела к тому, что «жанры, ранее свойственные какой-либо одной медиаплатформе, проникли и ассимилировались с другими» [4, с. 17]. После освоения средствами массовой информации сетевого пространства традиционные представления о жанрах журналистики потребовали корректировки.

В современном журналистском дискурсе все сложнее находить материалы, воплощающие конкретные характеристики жанрово-видовых моделей, демонстрирующие последовательное воплощение повторяющихся жанровых «маркеров». Для сотрудников СМИ, занимающихся производством медиаконтента разного типа, жанровая теория становится избыточным знанием либо «неизвестной землей», в том случае, если они пришли в журналистику из других профессий и областей деятельности.

Стало заметно, что в практике СМИ позиции жанрового подхода ослабли. Об этом, в том числе, свидетельствовала замена в названиях рубрик сетевых изданий жанров на форматы: «Истории», «Инфографика», «Спецпроекты» и т.п. Отсутствие единого «дискурсивного поля», невозможность освоения «правил игры» всеми ее участниками, увеличение скорости обновления материалов, привлечение аудитории к их созданию, усиление влияния технологического фактора и программного обеспечения не только на форму, но и на содержание журналистских текстов – все это еще больше усложнило ситуацию с жанрами журналистики и, в целом, свидетельствует о переломном моменте их развития.

Создавшуюся ситуацию, однако, следует рассматривать как благоприятную для изменения ведущего принципа теоретического упорядочения множества разновидностей журналистского текста. Способом разрешения обострившегося противоречия между жанровой теорией и реальной журналистской практикой может стать метажанровый подход к журналистскому тексту. По мнению С.В. Романовой, систематизировавшей научные знания

о метажанре как литературоведческой проблеме, «вызревание и формирование метажанра, как правило, происходит в переломный период и представляет собой ответную реакцию на происходящие изменения в социокультурной и духовной жизни страны и мира в целом» [8, с. 17].

Цель статьи – обосновать возможность и необходимость введения в научную, учебно-образовательную и профессиональную сферы категории метажанра для сближения и обеспечения устойчивой связи всех акторов массово-медийного журналистского дискурса.

Понятие «метажанр» не является для гуманитарных наук новым. Его концептуальное объяснение дано в литературоведении. Большинство филологов, вслед за Н. Л. Лейдерманом, считают, что «основу современного понятия "метажанр" <...> заложила работа Ю.Н. Тынянова "Ода как ораторский жанр"» [8, с. 8], в которой были «использованы дефиниции "старшие" и "младшие" жанры» [8, с. 8]. В статье «Метажанр как литературоведческая проблема» С.В. Романова выделяет три фундаментальных подхода к определению метажанра. Первый – восходит к теории советского и российского литературоведа Н.Л. Лейдермана, развивающего в работе «Теория жанра» понятие «старший жанр»: это жанр, который является «ядром формирующейся жанровой системы литературного направления» [6, с. 574]. Соотнося понятия «старший жанр» и «метажанр» Н.Л. Лейдерман подчеркивает, что метажанр представляет собой «теоретическую абстракцию более высокого порядка» [6, с. 575].

По мнению С.В. Романовой, актуальная и репрезентативная теория метажанра предложена Р.С. Спивак. В работе «Философский метажанр: понятие, термин, методология анализа (И.А. Бунин, «Роман горбуна»)» она предлагает понимать под метажанром «структурно выраженный межродовой и межисторический устойчивый инвариант многих разных исторически сложившихся способов художественного моделирования мира, объединенных общим предметом художественного изображения» [9, с. 162]. С.В. Романова отмечает сходство между теориями Н.Л. Лейдермана и Р.С. Спивак в понимании метажанра как «структурно выраженного принципа исторически сложившегося способа построения мирообраза», <...> «инварианта художественной модели мира» [8, с. 10].

Автор третьего подхода Е.Я. Бурлина определяет метажанр как «сложившийся пространственно-временной тип завершения произведения, выражающий определённую конкретно-историческую концепцию» [1, с. 45].

С.В. Романова, обобщая основные концепции метажанра, подчеркивает, что его следует отличать от дискурсивных практик «воспроизведения конкретной речевой ситуации» [8, с. 15], так как он представляет собой «способ построения художественного целого в выражении авторской картины мира» [8, с. 15]. Систематизируя теоретические представления, она

выделяет «основные признаки метажанровых образований»: «общий миромоделирующий принцип», <...> «общую семантическую направленность», <...> «высокую степень абстракции», <...> «синтетизм, сложную архитектонику», <...> «внеродовую направленность», детерминированность историко-культурным контекстом, «синкретическую природу» [8, с. 16–17]. Таким образом, по мнению С. В. Романовой, «метажанр становится ключом к прочтению культурного кода, позволяющего сделать синхронный срез времени» [8, с. 17].

Указанные черты переносимы и на произведения журналистской деятельности. Это подтверждают рассуждения о наджанровой модели, имеющиеся в журналистских теориях. Так, А.А. Тertyчный наряду с описанием конкретных жанров большое внимание уделял «группам» – обобщенным моделям журналистского текста, основанным на специфике предмета и способа его отображения: «В журналистике представлены три способа отображения действительности – фактографический, аналитический и наглядно-образный. Они опосредуют определенные уровни «проникновения» познающего субъекта в объект: от первоначального чувственного созерцания к абстрагированию, теоретическому освоению его и далее – к созданию обогащенного, более полного конкретного образа предмета (в том числе – его художественного образа)» [11, с. 6].

Г.В. Лазутина и С.С. Распопова в соответствии с такими детерминантами, как «объектно-предметное многообразие социальной действительности, требующее для адекватного воспроизведения реальности в текстах использования соответствующих средств; полифункциональность журналистики, <...> заставляющая для реализации разных функций подбирать наиболее подходящие средства; лабильность порождающей модели журналистского творчества, обладающая высокой степенью реактивности, которая сообщает ей свойства трансформера» [5, с. 12–27], выделяли шесть видов журналистского творчества, каждый из которых может быть представлен в виде обобщенной метажанровой модели.

Е.С. Щелкунова, описывая функциональный срез системы массовых коммуникаций, обращала внимание на то, что «реципиент сталкивается [в этой системе] с совокупным медиатекстом, который при внимательном рассмотрении предстает как результат и отпечаток нескольких форм массово-коммуникативного взаимодействия», то есть как наджанровая модель типа медиатекста [12, с. 54].

А.Н. Тепляшина, рассуждая о проблеме неготовности «сообщества творческих личностей, получивших разные профессии, <...> пишущих отклики на злобу дня, комментирующих события, в неканонических, созданных собственной мыслью и талантом жанрах» [10, с. 49], к освоению всей по палитры жанров авторской журналистики, их многочисленных дифференцирующих признаков, в качестве альтернативы предлагала говорить о некоем универсальном метажанре – колонке, для которого характерно

единство «индивидуально-специфический принципа архитектоники и концептуального решения» [10, с. 50]. При этом подчеркивала, что «стистика, то есть система лексических, сюжетных, метрических, интонационных предпочтений» [10, с. 50] остается за пределами универсальной модели и оставляется на откуп конкретному автору.

А.Н. Тепляшина описывала возникновение метажанра в журналистике как процесс, несколько отличающийся от процесса, протекающего в литературе: «Трансформация архетипов классических жанров журналистики, которые взаимодействуют, обмениваются стилистическими и композиционными средствами» [10, с. 50] приводит к возникновению метажанров. В литературоведении данный результат именуют дефиницией «мегажанр», который есть «результат реализации принципа межвидового смешения» [8, с. 14]. Но, раскрывая специфику авторской модели журналистики, А.Н. Тепляшина мыслила в контексте традиций метажанрового подхода, акцентируя внимание на интерпретации как целевой доминанте авторской журналистики, авторского метажанра: «Интерпретацию нельзя рассматривать вне контекста авторской журналистики, декларирующей значимость личного мнения, позиции, убеждений, мировоззрения как автора, так и читателя» [10, с. 50].

Систематизация научных представлений литературоведов и теоретиков журналистики доказывают правомерность выдвижения гипотезы о замене в актуальном научном, профессиональном и образовательном журналистском дискурсе жанрового подхода на метажанровый. Его разработка учеными-журналистами обеспечит создание и развитие актуального, соответствующего вызовам времени, знания о жанровой природе журналистского текста. Можно предположить, что «укрупнение» моделей журналистского текста и, соответственно, уменьшение их числа, даст возможность более продуктивно характеризовать корреляцию метажанров и форматов, обеспечит метажанровой теории практическое использование в профессиональной практике. Для журналистов-практиков замена широкой палитры жанров несколькими метажанровыми моделями может стать полезным и ценным знанием, упрощающим «взаимодействие» с «порождающими моделями» журналистского текста.

В журналистике метажанр следует рассматривать как результат абстрагирования от частных формальных, структурно-композиционных и языковых, признаков видовых моделей журналистского текста, использующихся в рамках единого функционального поля отражения предмета. Например, заметка, информационные виды корреспонденции, отчета и репортажа вполне могут быть обобщены в родовую модель – новостной метажанр, характеристики которого соответствуют специфике предмета, уровню и способу его разработки, а также технологии создания контента новостного типа.

О метажанре в журналистике следует говорить не как о результате смешения жанров, а как о результате мыслительной операции обобщения, выводящей исследователей на принцип моделирования оперативной и актуальной картины мира в определенном типе контента. Для журналистики таким миромоделирующим принципом является коррелят гносеологического и функционального предназначения текста: сообщить, чтобы снять энтропию; объяснить, чтобы сориентировать; оценить, охарактеризовать, чтобы побудить к действию. В соответствии с функционально-целевыми доминантами деятельности по отражению актуальной действительности, коррелирующими с методами познания, можно говорить о трех ведущих метажанрах журналистского текста: новостном, аналитическом, интерпретационном.

Для метажанровых моделей журналистики следует считать сущностным признаком доминирование предметно-функциональных (семантико-прагматических) детерминант над формальными характеристиками. Это отличает их от категории формата, для которой детерминантной выступает формально-функциональное (прагматическое и синтактическое) единство.

Метажанры в журналистском дискурсе могут быть выделены и на основе семантической составляющей. С этой точки зрения можно говорить о метажанрах научно-популярной журналистики, журналистики досуга, тревел-журналистики, журналистики данных и т.п. Журналистские тексты «общей семантической направленности» [8, с. 16] можно будет отнести к «одному и тому же наджанровому образованию» [8, с. 16]. Основаниями для этого будет общность предметно-тематического сегмента действительности и единая методика его преобразования в журналистский текст. Даже при структурно-стилистическом разнообразии текстов на основании этих признаков можно будет дифференцировать метажанры с текстами иного семантического сегмента.

Введение в научный оборот понятия метажанра как основного при исследовании и описании жанровой природы журналистского текста целесообразно в связи с мобильностью и изменчивостью журналистского контента, для которого характерна вариативность выразительных форм, но неизменна взаимосвязь предметно-целевой и методической составляющих. Для современной науки перспективным направлением может быть создание метажанровой теории журналистики. Научное знание о новостном, аналитическом и интерпретирующем метажанрах потребует систематизации; о метажанрах семантической направленности – разработки. Важным элементом теории также должна стать разработка вопроса о корреляции метажанров журналистики и форматов актуального медиадискурса.

Введение метажанрового подхода в учебный процесс обучения будущих журналистов обеспечит лучшее понимание и усвоение ими миромоделирующих принципов отражения действительности в журналистском тексте и способов их корреляции с форматами как прагматиче-

ски ориентированной категорией. Это позволит выпускникам направления «Журналистика» в профессиональной практике создавать качественные коммуникативно-ориентированные и эффективные журналистские материалы.

Литература

1. Бурлина Е. Я. Культура и жанр : методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. 165 с.
2. Градюшко А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста. Минск : Белорусский государственный университет, 2019. С. 9–13.
3. Жебит М. Э. Факторы сегментации аудитории интернет-СМИ // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2012. № 6. С. 132–135. URL: cyberleninka.ru/article/n/factory-segmentatsii-auditorii-internet-smi (дата обращения: 16.02.2023).
4. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / А. Г. Качкаева, И. В. Кирия, К. Г. Коломеец [и др.] ; под ред. А. Г. Качкаевой. Москва : Фокус-Медиа, 2010. 200 с.
5. Лазутина Г. В., Распопова С. С. Жанры журналистского творчества : учеб. пособие. Москва : Аспект Пресс, 2011. 319, [1] с.
6. Лейдерман Н. Л. Теория жанра : исследования и разборы. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2010. 904 с.
7. Лушинская О. В. Медиа́текст конвергентных средств массовой коммуникации в контексте дискурса // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2019. № 2. С. 32–39.
8. Романова С. В. Метажанр как литературоведческая проблема // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 2. С. 5–21.
9. Спивак Р. С. Философский метажанр: понятие, термин, методология анализа (И. А. Бунин, «Роман горбуна») // Stephanos. 2016. № 6. С. 159–167.
10. Тепляшина А. Н. Жанровая модель авторской журналистики // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 49–53.
11. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие. Изд. 5-е, испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2014. С. 3–50.
12. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: специфика и функционирование : учеб. пособие. Воронеж : Родная речь, 2004. 189, [1] с.

METAGENRE APPROACH TO JOURNALISTIC TEXT: FORMULATION OF THE PROBLEM

L.V. Ivanova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article is devoted to the problem of meta-genre in journalism. The prospects of introducing this concept into scientific circulation and professional practice are considered. The application of the meta-genre approach to a journalistic text is substantiated by the pragmatic effect on professional theory and practice in the situation of the destruction of the genre system under the influence of the processes of convergence, segmentation and digitalization of the mass media sphere.

Key words: genre, meta-genre, journalism, journalistic text, media discourse.

УДК 070:811.161.1'276.5

СОВРЕМЕННЫЙ ГАЗЕТНЫЙ ТЕКСТ КАК ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Н.Н. Немич

Филиал ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
им. профессора Е.Н. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани
г. Сызрань, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема изучения газетного текста как эмотивно-оценочного пространства. В современном обществе газетный текст прежде всего ориентируется на передачу журналистами актуальной информации с установкой на её оценку и эмоциональность. Современный газетный текст обладает выразительностью, эмоциональностью изложения, стремлением автора выразить свою точку зрения и оценку на излагаемую информацию, что достигается разными языковыми средствами, среди которых – средства семантики невыразимого.

Ключевые слова: газетный текст, оценочность, эмоциональность, языковые средства, семантика невыразимого.

Данная статья продолжает цикл работ, посвящённых изучению газетного дискурса, частью которого является газетный текст [6; 7]. О дифференциации понятий «газетный дискурс» и «газетный текст», определении различий и связи, характеризующих их отношения, см.: [6]. Основной целью данной статьи является попытка рассмотреть газетный текст как эмотивно-оценочное пространство.

Исследования в области публицистики известных современных учёных – Л.Р. Дускаевой, М.Н. Кожиной, И.И. Радченко, Г.Я. Солганика и др. – свидетельствуют о том, что язык массовой информации обладает целым рядом особенностей. Г.Я. Солганик и Н.И. Клушина к главным особенностям публицистической речи относят «её открытость, субъективность, эмоциональность, тенденциозность» [12, с. 500]. М.Н. Кожина подчёркивает, что в газетных публикациях реализуется открытая оценочность, функция воздействия, сочетание экспрессии и стандарта [3, с. 360]. По утверждению И.И. Радченко, газетный текст представляет собой эмоционально-образный авторский монолог, в котором журналист передаёт свои мысли, чувства, а также собственное восприятие окружающего мира [8, с. 78–79]. С.А. Серова ссылается на главную особенность газетного языка – социальную оценочность, которая определяет «характер выбора, функционирование слова в газете и формирование системы (структуры) газетной лексики» [11, с. 3].

Интерес представляет следующее наблюдение Л.Р. Дускаевой: «...информационные сообщения содержат и эмоциональные краски: иногда они бывают проникнуты эмоциональной тональностью <...>, в них содержится эмоциональный отклик» [1, с. 84]. Ф.А. Куёк отмечает, что эффективность воздействия в газетном тексте связана с оценкой события, обращённой не только к разуму, но и к чувствам читателя [4]. В.И. Шаховский считает, что

«в сфере текстов СМИ норма эмотивности намного выше» [13, с. 183]. Следовательно, текст как вербальное пространство репрезентации эмоций и эмотивности заслуживает пристального внимания.

И.И. Радченко утверждает, что в газетных публикациях авторы оперируют разнообразными языковыми выразительными средствами с целью передачи актуальной информации и выражения своего отношения к происходящим событиям [8, с. 85]. Так, учёный в своём исследовании уделяет внимание употреблению отрицательных конструкций в газетных текстах, которые являются эмоциональными и экспрессивными, поскольку их целью является воздействие на эмоции и сознание адресата [9, с. 129]. И.Н. Карапетова, рассматривая эмотивно-окрашенные модальные маркеры в газетном дискурсе, указывает, что модально-оценочные компоненты, используемые авторами в газетной статье, определяют позицию автора для создания эмоциональной окраски описываемых событий и явлений [2, с. 11]. С.В. Ляпун подчёркивает, что «неотъемлемым свойством современной публицистики является повышенная метафоричность, которая формирует прагматический потенциал газетного текста» [5, с. 141]. А.А. Салтыкова утверждает, что оценка в СМИ зачастую не может быть выражена эксплицитно, и описывает средства, позволяющие говорящему включить в текст, а слушающему распознать имплицитную оценку [10, с. 5].

Анализ немногочисленных научных публикаций, рассмотренных в настоящей статье, показывает, что в современной науке газетный текст прежде всего ориентируется на передачу журналистами актуальной информации с установкой на её оценку и эмоциональность. Отметим, что стремление авторов газетных публикаций предоставлять информацию с позиций оценочности и эмотивности, приводит к употреблению в текстах газет не только языковых, но и контекстуально-оценочных средств, среди которых – средства семантики невыразимого (СН) [8, с. 257].

Специфика СН в современном газетном дискурсе, на наш взгляд, ориентируется, прежде всего, на сферу чувств и эмоций. Основа невыразимого – это выражение чувств, настроения, психологические переживания, мечты, мысли. Конституенты невыразимого *невозможно передать словами, словами не передать, непередаваемо, нет слов* – передают предельную эмоциональность и откровенность повествователя [7, с. 259]. Надо отметить, что потенциал используемых журналистами средств СН очень широк. Наиболее часто авторами газетных текстов употребляются однословные конституенты СН, фразеологизм *нет слов*, что придаёт сообщению ещё большую эмоциональность и служит, по нашему мнению, эффективному воздействию на читателя.

Как показал наш анализ (материалом для исследования послужили тексты печатных газетных изданий федерального и регионального уровня из нашей картотеки за 2008 – 2020 гг.), конституенты СН используются журналистами в текстах газет с целью эмоционального воздействия на читателя. Например, (1):

(1) *Александр Сёмин, нападающий сборной России:*

– *Все решила четвёртая шайба. После этого мы были уверены, что уже не упустим победу. Чувства, когда я увидел шайбу в воротах канадцев после броска Ковальчука, просто **неописуемые**. Уже было неважно, кто и как забил. Я просто кричал от радости. Посвящаю эту победу всей России* (Дождались! Спустя 15 лет Россия вернула себе титул чемпионов мира по хоккею с шайбой // Российская газета. 2008. 20 мая).

Как видим, с помощью конституента СН *неописуемые* передаются воспоминания о пережитых эмоциях и чувствах во время хоккейной встречи.

В (2) всё смысловое пространство текста служит маркером переживаемых эмоций на поднимаемую автором статьи актуальную тему туризма. Передача автором собственной негативной оценки на происходящее в Петербурге происходит за счёт употребления разговорной лексики (*Питер*, «*кошмарят*») и фразеологизма *нет слов*, что, безусловно, работает на сближение адресанта и адресата сообщения и не оставит равнодушным читателя:

(2) *«У нас большие продажи на Питер, порядка 20%. Средняя стоимость 65 тыс. руб. на двоих на четыре-пять ночей в Питер. Люди, их ожидания, скорее всего, не оправдаются, потому что то, что сейчас там происходит, конечно же, просто **нет слов**. У нас «кошмарят» опять туристический рынок»* (Корякин И. Санкт-Петербург отказался от туристов // Коммерсант. URL: www.kommersant.ru/doc/4596589 (дата обращения: 13.03.2023)).

Например, в (3) эмоционально маркированные лексические единицы *провалились*, *победа* в сочетании конституентом СН *несказанно*, на наш взгляд, указывают на вербальную реализацию эмотивной и оценочной целей интервьюируемого:

(3) *На сезон стояла задача выиграть один из двух российских турниров. В Кубке мы **несказанно** провалились, но возможная победа в чемпионате оставит о сезоне совсем другое впечатление...* (Иванов В. Владимир Зиничев: «Мы уже продлили контракт с Гончаровой» // Спорт-Экспресс. URL: www.sport-express.ru/volleyball/russia/reviews/vladimir-zinichev-my-uzhe-prodlili-kontrakt-s-goncharovoy-1397145/ (дата обращения: 13.03.2023)).

В (4) конституент СН *непередаваемые* служит для вербального выражения внутреннего эмоционального состояния интервьюируемого:

(4) *В футболе я переживаю не за команды, а за своих друзей. И я очень рад за ребят. Я в своей карьере уже выигрывал Лигу чемпионов и теперь желаю «Челси» испытать те же **непередаваемые** ощущения* (Зубко И. После «Челси»: Знаменитый тренер Жозе Моуриньо не прочь перебраться работать в Россию // Российская газета. 2008. 20 мая).

Полагаем, что конституенты СН, употребляемые авторами в текстах газет, являются одним из средств усиления воздействия на читателя, актуализируя эмоциональность восприятия, и применяются журналистами с целью языковой манипуляции, см. (5), (6):

(5) *Во время Олимпиады Лина была в Сочи волонтером. Причём вела там дневник, в котором рассказывала об увиденном и пережитом. К сожалению, газетная площадь не позволяет опубликовать все заметки юной сызранки. Мы взяли лишь последнюю страницу её дневника: «Вот и закончились XXII зимние Олимпийские игры в Сочи. Я не могу выразить словами то, что переживаю»* (Суглоб Н. Сочи тронул меня до слёз... // Волжские вести. 2014. 18 марта).

(6) – *Куда вам хотелось бы вернуться?*

Павел Задорожный, атаман Союза казаков России:

– *в Семиречье, где я провёл своё детство. Очень люблю тамошние места. Красота неопишемая! Также хотелось бы вернуться в Якутию. Я там служил. В том крае живут очень хорошие, душевные и отзывчивые люди* (Вопрос дня: Куда вам хотелось бы вернуться? // Российская газета. 2008. 23 мая).

В (7) посредством конституента СН автор передаёт переживаемые организаторами эмоции печали, гнева, ужаса от произошедшей трагедии, то душевное эмоциональное состояние, которое переживают люди в минуты потери ближнего:

(7) *Минутой молчания почит Каннский фестиваль память погибших в результате теракта на стадионе в Манчестере. Организаторы заявили, что фестиваль хотел бы выразить свой ужас, гнев и невыразимую печаль в связи с трагедией* (Каннский фестиваль почит минутой молчания погибших в Манчестере // Известия. 2017. 23 мая).

Приведённые примеры иллюстрируют мнение о том, что в газетном дискурсе выражению эмоциональной и оценочной функции способствует употребление авторами газетных текстов разнообразных языковых средств, в том числе и средств СН (однословных конституентов СН и в составе словосочетаний) не только для передачи информации о каких-либо событиях, но и для выражения своего отношения.

Выявлено, что в современных газетных текстах конституенты СН, выражая эмоциональную оценку фактов и событий, являются сильным оценочно-эмоциональным средством воздействия на адресат.

Таким образом, современный газетный текст обладает выразительностью, эмоциональностью изложения, стремлением автора выразить собственную точку зрения и свою оценку на излагаемую информацию, что достигается разными языковыми средствами.

Литература

1. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / науч. ред. М. Н. Кожина. Изд. 2-е, доп., испр. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 274 с.
2. Карапетова И. Н. Особенности модельно-оценочной лексики в газетном дискурсе политического характера // Русский лингвистический бюллетень. 2021. № 1. С. 10–12.
3. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка : учебник. Москва : ФЛИНТА [и др.], 2016. 462 с.

4. Куёв Ф. А. Языковые средства газетного дискурса: лексико-семантический и прагматический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 16 с.
5. Ляпун С. В. Метафорическая оценочность в аналитическом газетном тексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 141–147.
6. Немич Н. Н. «Газетный дискурс» – «газетный текст» в современной науке. Проблема дефиниции // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки : Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Ф. Г. Фаткуллина. Уфа, 2021. С. 186–189.
7. Немич Н. Н. Эмоциональный потенциал семантики невыразимого в газетном дискурсе // Лекантовские чтения : Материалы Междунар. науч. конф. / Московский государственный областной университет ; отв. ред. Н.А. Герасименко. Москва, 2020. С. 258–261.
8. Немич Н. Н. Репрезентация семантики невыразимого в современном газетном дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, № 2. С. 253–259.
9. Радченко И. И. Аспекты и средства речевого воздействия печатных СМИ на читателя // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 1. С. 78–85.
10. Радченко И. И. Экспрессивные функции частиц в текстах печатных СМИ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 4. С. 127–134.
11. Салтыкова А. А. Имплицитная аксиологическая модальность в текстах СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014. 22 с.
12. Серова С. А. Лингвистический анализ новостных газетных статей (оценочный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 23 с.
13. Солганик Г. Я., Клушина Н. И. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник : электрон. изд. / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2014. С. 499–501. URL: elibrary.ru/item.asp?id=24495105 (дата обращения: 13.03.2023). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. Москва : Гнозис, 2008. 414, [1] с.

MODERN NEWSPAPER TEXT AS AN EMOTIVE AND EVALUATIVE SPACE

N.N. Nemich

Branch of the Military Educational-Research Centre of Air Force «Air Force Academy
named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» in Syzran
Syzran, Russian Federation

The article deals with the problem of studying a newspaper text as an emotive-evaluative space. In modern society, the newspaper text is primarily focused on the transfer of relevant information by journalists with an attitude to its evaluation and emotionality. The modern newspaper text has expressiveness, emotionality of presentation, the author's desire to express his point of view and assessment of the information presented, which is achieved by various linguistic means, among which are the means of the semantics of inexpressible.

Key words: newspaper text, evaluativeness, emotionality, language means, semantics of the inexpressible.

УДК 37.018.43:004.032.6:81'42(510)

МОЖЕТ ЛИ «БЕЗБУМАЖНОЕ» ОБУЧЕНИЕ ЗАМЕНИТЬ «БУМАЖНОЕ»? КИТАЙСКИЙ ОПЫТ РАБОТЫ С СЕТЕВЫМИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМИ ТЕКСТАМИ

Чжу Пэнсяо, В.В. Хорольский

Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

С развитием Интернета цифровое мультимедийное оборудование, компьютеры, мобильные телефоны и планшеты, постепенно совершенствуются, мультимедиа все чаще используются в жизни, и все большему количеству людей нравится «безбумажное» образование. Но может ли безбумажное образование полностью заменить стандартное бумажное образование в обучении? Можно ли работу с литературными текстами заменить он-лайн информацией? В статье проводится сравнительный анализ традиционного («бумажного») образования и мультимедийного образования в Китае, на основе филологического подхода к анализу текстов.

Ключевые слова: безбумажное обучение, бумажное обучение, анализ литературных текстов, Мо Янь, интернет, духовный контакт.

В эпоху бурного развития интернета люди все больше зависят от интернет-коммуникаций. В последние два десятилетия мир стремительно развивался благодаря электронным технологиям и образование не было исключением. Современное образование постепенно идёт от традиционного образования к медиаобразованию. В Китае учащиеся начальных и средних школ продвигают самостоятельное обучение и демонстрируют домашнюю работу на компьютере. Учащиеся постепенно теряют способность писать и предпочитают использовать пальцы для печати домашних заданий, поэтому вошло в обиход понятие «безбумажный». Информационно-обучающая среда учебного заведения является системой, которая «дает обучающимся новый инструмент для формирования и развития компетенций современного специалиста» [3, с. 17]. Е. С. Полат определяет информационно-обучающую среду как «совокупность условий, обеспечивающих обучение» [3, с. 17]. Безбумажное образование – это образовательная модель, заимствованная из эпохи Интернета. Безбумажный стиль образования стал почти нормой жизни, а обучение и работа в традиционном режиме неумовимо претерпевают изменения. Безбумажное обучение, как следует из названия, заключается в отказе от традиционных бумажных материалов и использовании мультимедийного и электронного оборудования для обучения. Безбумажное обучение обеспечивает удобство и повышает эффективность обучения, оно также ускоряет обновление информации, вызывая такие проблемы, как фрагментация знаний. Время ставит новые задачи перед учащимися, в Китае реакция власти и педагогов на революцию в культуре была быстрой.

В то же время, как показывает китайский опыт, не всё так гладко. Существуют проблемы в гуманитарной сфере образования, требующей такого

духовного контакта с наставником, который не может пока дать техника. Противоречием эпохи научно-технической революции (НТР) в том, что копировать мозг человека пока невозможно, преподавателя нельзя заменить, а очный контакт с более опытным человеком остаётся базой для филологии и схожих дисциплин. Это показывает наше знакомство с толкованием литературных текстов в вузе провинции Хэнань. Изучая творчество лауреата Нобелевской премии писателя Мо Яня, автора известных романов «Сорок одна хлопущка», «Красный гаолян», «Большая грудь, широкий зад», легко увидеть, что стиль автора формировался под воздействием постмодернистской культуры Запада. Используя фольклор Китая, Мо Янь создаёт современные мифы о национальной истории, в которой героизм народа сочетался с кровопролитием и насилием. Анализ художественных текстов требует не только знания биографии автора и сюжета его произведений, но и читательского вживания в мир героев. Удалённое преподавание не позволяет пока передать тонкости психологических отношений, так как в Интернете нет глубокого эмоционального контакта преподавателя и студента.

В Китае люди пережили три года эпидемического контроля и изоляции, что сделало обучение дома магистралью образования. Офисные работники работают из дома, а студенты посещают онлайн-занятия дома. В этот период появилось множество приложений для онлайн-обучения, таких, как Dingding, Zoom, Tencent и т.д. Учащиеся получают удовольствие от того, что учатся, не выходя из дома. Просматривая тщательно подготовленные преподавателем материалы курса, они просто фотографируют или делают скриншоты пунктов знаний, и даже не открывают учебник для проверки информации. Это уже почти базовый статус сегодняшнего онлайн-обучения. Даже когда некоторые компании заходят в университет для проведения ярмарок вакансий для будущих выпускников, они прямо говорят, что нам не нужны студенты, прошедшие онлайн-курсы четыре года, чтобы работать в нашей компании, потому что они ничего не знают, не испытали реального обучения и поглощения, и практики нет опыт... Эта тема долго обсуждалась в интернете до того, как разблокировали Китай, и все не обсуждали причину. К счастью, сейчас, когда Китай «разблокировали», все возвращается к нормальной жизни, работе и учебе в привычном режиме.

До эпидемии в Китае в основном осуществлялось традиционное образование (traditional education), которое, в отличие от «современного образования», всегда было духовным и непосредственным. В частности, это относится к образовательной теории и способу обучения с учётом философии Конфуция. Она оказывает наибольшее влияние на последующие поколения, передавая мудрость древних философов. Сегодняшняя система преподавания гуманитарных дисциплин разделяет учебный процесс и методику обучения на четыре последовательных этапа: «понимание, ассоциация, система и метод» [2, с. 173]. Традиционное образование – это образование, в котором преподаватели являются ведущей силой, в основном распространяя знания, решая проблемы учащихся и повышая эффективность обучения учащихся,

которые находятся в тесном контакте с преподавательским составом. Недостатком традиционного образования является то, что в центре внимания руководителей и министров находятся в первую очередь преподаватели, а не студенты, опора на западные методические материалы не всегда себя оправдывают, мала информационная емкость учебников, относительно однообразна и жестка форма отображения информации, нет возможности расширить культурософский кругозор учащихся, что ограничивает формы и стиль обучения учащихся, не развивает способность к самостоятельному мышлению. Это значительно ограничивает качество и эффективность обучения. Поэтому в данном случае «безбумажное» обучение будет полезным дополнением.

Дистанционный способ обучения должен дополнять то, что мы традиционно используем, особенно это связано с педагогикой. Обучать детей обязаны люди, а не машины. Учить читать художественные тексты должен учитель, а машина помогает педагогам. Это аксиома китайского учебного процесса.

Безбумажная реализация самой этой цели представляет собой процесс постепенного, непрерывного развития и постепенного понимания, систематический проект, включающий техническую реализацию, правовое совершенствование, социальное применение, системные инновации и т. д. А безбумажное обучение – это использование компьютерных технологий, сетевых технологий, коммуникационных технологий, а также научного и стандартизированного управления для интеграции, интеграции и всесторонней оцифровки всех информационных ресурсов, связанных с обучением в кампусе, преподаванием, научными исследованиями, управлением и жизненными услугами для формирования единого управления пользователями, единого управления ресурсами и единый контроль полномочий

В чем преимущества безбумажного обучения в вузе на филологическом факультете?

1. Самым большим преимуществом безбумажного обучения в гуманитарных вузах является обучение через Интернет, что обеспечивает максимальную мобильность, гибкость и высокую скорость передачи и не зависит от объективных факторов (природные факторы, стихийные бедствия, рельеф местности и т. д.), и может быть принят режим обучения в любое время и в любом месте.

2. Безбумажное обучение более экологично и экономит деньги, сокращает использование бумаги и не требует покупки бумажных книг, что экономит затраты и снижает загрязнение окружающей среды. Безбумажное обучение нужно изучать только с помощью оборудования, что более удобно. Не нужно бегать в читал за книгами.

3. Безбумажное обучение является относительно синхронным, что может более удобно отображать информацию для учеников, а онлайн-хранилище текста безбумажного обучения нарушает локальность традиционного письма, сохраняет удобство и эффективность и может лучше интегрировать

ресурсы. Яркий видеоблог заменяет скучное письмо на доске, прогресс быстрый, формы занятий богатые и разнообразные, результаты быстрые, а занятия легкие и интересные.

Хотя преимущество безбумажного обучения кажется очевидным, оно также проигрывает процессу понимания и усвоения знаний из-за скорости, поэтому преимущество тоже также недостатки. Безбумажное обучение опирается на сеть, поэтому, как только возникнет проблема с сетью, учиться будет сложно; преимущества быстрого темпа обучения приводят к невнимательности студентов, которые не могут усвоить ключевые знания, а слишком большое содержание занятий нелегко запомнить, что усложняет повторение основных курсов профессионального экзамена; хотя переход на безбумажный язык без покупки книг относительно удобен, это заставит учащихся не серьезно интересоваться и запоминать важную информацию, а просто слепой сбор и сохранение, мозговая память уменьшится, в Китае есть две поговорки: «лучше записать, а не полагаться на память» (好记性不如烂笔头), «прочитай книгу сто раз, поймешь смысл» (读书百遍, 其义自见), видно, что обучение на бумажных носителях по-прежнему очень важно: мы не можем увидеть десять строк с первого взгляда, и нам все еще нужно читать, писать и запоминать больше; учащиеся также будут думать, что они усвоили знания из-за простоты и скорости безбумажной работы, и они легко отвлекаются и открывают другое программное обеспечение; более того, самый большой вред человеческому организму, наносимый безбумажным образованием, – это потеря зрения, люди становятся ленивыми, а их здоровье находится под угрозой.

Таким образом, возможности интернета активно используется в жизни, будь то медицинские технологии, обучение, перевод, беспилотное вождение и т. д., он способен удовлетворить обычные потребности людей, но это действительно не доказывает, что электронные технологии и искусственный интеллект могут полностью заменить искусственные средства и модели, на которые люди полагались тысячи лет. Безбумажный стиль работы – тренд будущего, но полностью заменить традиционное обучение сегодня невозможно, хотя и разумно существовать. Режим обучения учителей и обучения учеников по-прежнему является наиболее важным способом обучения, а безбумажное обучение заключается в сотрудничестве с традиционной формой обучения учителей и обучения учеников, чтобы у учащихся было больше места для независимого мышления и развития самосознания учащихся. способность к обучению, тем самым повышая эффективность работы в классе. Нет противоречия между безбумажным обучением и традиционным обучением. Как бы ни развивалось образование, образование учащихся неотделимо от учителей. Окружающая среда меняет образ жизни и обучение людей, но мы не можем отказаться от модели, на которую полагаемся для выживания, мы должны позволить педагогам и деятелям культуры воспользоваться преимуществом, которое понятно, как $1 + 1 = 2$.

Мультимедийное образование и традиционное образование должны дополнять друг друга, при этом традиционное образование должно быть опорой, а мультимедийное образование дополнением. Обучение должно быть радостным, литературное произведение как модель реальности требует совместной работы ученика и преподавателя.

Литература

1. Бакало Д. И., Шишковская Ю. В. Информационно-обучающая среда вуза в контексте Интернет-образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 64–67.
2. 顾明远. 教育人辞典. 上海 : 上海教育出版社, 1998. 314 p.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров ; под ред. Е. С. Полат. Москва : Академия, 1999. 223, [1] с.

CAN "PAPERLESS" TRAINING REPLACE "PAPER-BASED"? CHINESE EXPERIENCE WITH ONLINE CULTURAL TEXTS

Zhu Peng Xiao, V.V. Khorolsky
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

With the development of the Internet, digital multimedia equipment, computers, mobile phones and tablets are gradually being improved, multimedia is increasingly used in life, and more and more people like "paperless" education. But can paperless education completely replace standard paper education in education? Is it possible to replace work with literary texts with online information? The article provides a comparative analysis of traditional ("paper") education and multimedia education in China, based on a philological approach to text analysis.

Key words: paperless learning, paper-based learning, analysis of literary texts, Mo Yan, Internet, spiritual contact.

УДК 37.091.12

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Г.В. Ахметжанова, Т.А. Гудалина

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

Современное общество ставит перед педагогом все более сложные нетипичные профессиональные задачи, для решения которых необходимо быть профессионалом, обладающим достаточной долей оригинальности и изобретательности, собственным творческим подходом к педагогической деятельности. Статья посвящена рассмотрению актуального вопроса развития творческой личности педагога на различных ступенях образования: общее («школьное образование»), высшее («вузовское образование») и дополнительное профессиональное образование («послевузовское образование»).

Ключевые слова: творчество, педагогическое творчество, творческое развитие личности педагога, непрерывное образование.

Профессиональная деятельность педагога неразрывно связана с понятием творчества. Творчество, с одной стороны, выступает способом формирования профессионализма, а с другой стороны, является критерием мастерства. В ряде нормативных документов в сфере образования (среди которых прежде всего необходимо выделить профессиональный стандарт) к деятельности современного педагога предъявляются достаточно высокие требования. Современная педагогическая практика ставит перед педагогом новые все более сложные, по сути своей творческие, задачи, решение которым необходимо находить быстро. Это стимулирует педагога к творческому поиску и поднимает вопрос его творческого развития. Поставленная в статье проблема развития личности педагога как творца по-прежнему остается одной из актуальных в педагогике и требует своего решения.

Проблематика творчества достаточно хорошо изучена в педагогической науке. Творческая природа педагогической деятельности, ее характеристики, процесс профессиональной подготовки и деятельности педагога представлены в исследованиях Г.В. Ахметжановой [1], М.В. Кларина [2], М.М. Поташника [3], В.А. Сластенина [5], А.П. Тряпицыной [6] и др. Вопросы педагогического творчества как профессиональной ценности, как условия формирования передового педагогического опыта и профессиональных компетенций сегодня представляют интерес в науке.

Целью статьи является описание процесса непрерывного образования и его роль в развитии творческой личности педагога. Данная цель раскрывается через решение задач: рассмотреть содержание понятий «творчество», «педагогическое творчество», «творческий потенциал»; охарактеризовать творческую личность педагога; предложить алгоритм поэтапного развития творческой личности педагога в системе непрерывного образования.

Стратегической миссией любой системы образования является подготовка личности, соответствующей запросам развивающейся социальной практики. При этом, недопустимо игнорировать формирование и раскрытие потенциала самого человека. Потребность и способность личности к раскрытию собственных ресурсов и потенциалов с позиции творчества является предметом теоретического осмысления его сущности в контексте функционирования более глобальных систем, чем образовательные.

Диапазон определений, представленных различными авторами, характеризует творчество как продуктивную форму интеллектуальной активности; как вид активной и самостоятельной деятельности человека; как способность генерировать новые идеи и умение это новое воплощать в жизнь; как способ самореализации человека в мире культуры. Процесс творчества рассматривается как один из способов обновления мира, творчество замыкает пирамиду инновационных движений в природе. Человек должен творить, иначе он не может существовать, человеческая способность к творчеству порождается потребностью поддерживать свое существование [4].

В проблемном поле исследования необходимо коснуться понятия «творческий потенциал». Личности, обладающей творческим потенциалом, характерны: изобретательность, оригинальность, воображение, критичность ума, открытость ко всему новому, уникальность подходов субъекта к осуществлению деятельности и много другое. Иными словами, творческий потенциал рассматривается как интегративный феномен, вбирающий в себя и систему личностных способностей и совокупность знаний, умений, убеждений, определяющих результаты деятельности.

Являясь основным механизмом становления и реализации индивидуальности творчество, может проявляться в любом виде деятельности человека. Так творчество в педагогической профессии проявляется в создании культурных образцов жизни, сотрудничестве педагогов и обучающихся, в жизнетворчестве. Педагогическое творчество рассматривается как активная деятельность педагога по поиску эффективных путей организации учебно-воспитательного процесса, приводящая к продуктивному решению педагогических затруднений и повышению качества обучения и воспитания обучающихся.

Наличие творческого потенциала предоставляет педагогу возможность для предложения инновационных решений нетипичных профессиональных задач (новаторских форм, приемов и методов). Основой формирования творческого потенциала является накопленный педагогом социальный опыт, психолого-педагогические и предметные знания, профессиональные умения и навыки. Важнейшим его условием является наличие «запаса» возможностей, позволяющих личности результативно решать нетипичные проблемы.

Рассмотрение педагога через призму понятия «творчество» позволяет говорить о творческой личности. Развитие творческой личности педагога имеет несколько значимых аспектов. Во-первых, одним из важных факторов, влияющих на развитие личности, является обеспечение ее психологической и физической безопасности окружения. Во-вторых, данный процесс невозможен без формирования ценностного отношения личности педагога к себе и окружающему миру. В-третьих, творческая личность характеризуется стремлением к саморазвитию, формированию знаний, умений, навыков, овладению ключевыми компетентностями и т.д. В-четвертых, творческая личность ориентирована на достижение качественных изменений в собственном развитии, приобретение новых способов деятельности, а также умения вносить коррективы в уже освоенные способы деятельности [1].

Развитие должно носить системный характер на протяжении всей жизнедеятельности. На разных возрастных этапах развития личности творчество проявляется и в спонтанной деятельности, и в сопровождающей социальную адаптацию человека, и профессиональной деятельности, реализуемой педагогом. Переходя на ось координат системы образования («школьное – профессиональное (вузовское) – послевузовское образование»), на каждом этапе можно выделить особенности, раскрывающие алгоритм непрерывного развития творчества личности педагога.

Обучение в школе – значительный период детства, охватывающий несколько возрастных этапов. Специфику развития творческой личности обучающегося на ступени начального общего образования можно охарактеризовать ориентацией на удовлетворение базовой потребности личности в безопасности (как в социальном, так и в педагогическом контексте), развитие готовности личности оказать помощь и обеспечить защиту «других» (семьи, близких и важных для ребенка людей, а также домашних питомцев, живой природы и др.). Основой процесса развития становится подражание референтному лицу-педагогу. Условием перехода от подражания к самостоятельному творчеству является личностная идентификация с образцом креативного мышления и поведения. В рамках учебных предметов, внеурочной деятельности, внеклассных мероприятий осуществляется всестороннее развитие обучающихся 1–4 классов (прежде всего интеллектуальное).

Развитие творческой личности обучающихся на ступени основного общего образования предполагает процесс приобретения педагогически-ориентированных знаний и умений и осознания их личностной значимости. Особое внимание должно быть уделено формированию способов сохранения собственного здоровья и заботы о здоровье близких, а также поддержанию устойчивой мотивации к охране окружающей среды (как природной, так и социальной). В организации работы с учащимися, начиная с 5 класса, в дополнение к ранее выстроенной системе приобщается профориентационная работа, усиливается рефлексивный компонент, направленный на выбор профессии. Результатом становится осознание и определение своего «Я», адекватности своих профессиональных намерений реальным личностным качествам, формирование мотивации к педагогической профессии.

На ступени среднего общего образования на основе развития профессионально-познавательного интереса происходит профессиональное самоопределение обучающихся. Результативность процесса профессионального самоопределения личности обеспечивается введением профильного обучения в 10–11 классе. На основе развития профессионально-познавательного интереса у выпускников школы формируется системная мотивация, являющаяся потенциалом к профессионально-педагогическому самоопределению и в дальнейшем к выбору педагогической профессии. Решающее значение на данном этапе играет готовность старшеклассников посвятить себя конкретной педагогической специальности.

На ступени вузовского образования у будущего педагога происходит закрепление профессионального выбора, формирование определенных социально-педагогических интересов, профессионально-педагогической устойчивости. Особую значимость приобретает потребность соответствовать ожидаемому образу профессии, выражающаяся в стремлении быть продуктивным и креативным в педагогической деятельности. Теоретическая и практическая подготовка будущих педагогов усиливается введением курсов, не только раскрывающих основы профессиональной деятельности современного педагога, но и направленных на развитие и саморазвитие различных аспектов творческой личности педагога-профессионала.

Профессиональное становление молодого педагога, формирование его профессиональной компетентности, потребности в самоуважении и самореализации осуществляется на этапе послевузовского образования. В качестве формируемых характеристик творческой личности педагога можно выделить умение прогнозировать результаты педагогической деятельности, сформированное педагогическое сознание и мышление. Система непрерывного образования на данном этапе представлена действующей региональной системой повышения квалификации, в том числе на основе целевых образовательных чеков (вариативный блок). Включение

педагогов в систему формального, информального и неформального послевузовского образования обеспечивает возможность построения индивидуальной траектории повышения квалификации и самообразования на основе самостоятельной постановки целей, конструирования содержания своей деятельности, и реализации полученных знаний и навыков на практике. На данном этапе процесс развития творческой личности педагога приобретает устойчивый характер саморазвития.

Развитие творческой личности педагога – это длительный процесс, требующий последовательности и системности. Этапы развития творческой личности соотносятся с этапами становления личности: закладывание фундамента личности (до 6 лет), формирование личности (6–12 лет), самоопределение личности (12–16 лет), специальная профессиональная подготовка (17–22 года), профессиональное становление (старше 22 лет). Применительно к системе образования они соответствуют ступеням начального, основного и среднего общего образования («школьное образование»), высшего профессионального образования («вузовское образование») и дополнительного профессионального образования («послевузовское образование»).

В качестве направлений дальнейшего исследования интерес представляет поиск методов и форм, отвечающих таким современным тенденциям развития как геймификация, цифровизация, индивидуализация образования. Появление новых педагогических профессий (игропедагог, разработчик образовательных траекторий, организатор проектного обучения и другие) формирует новые запросы на профессиональные компетентности будущих педагогов и позволяет вычленять и изучать новые характеристики (параметры) творческой личности, актуализируя направленность деятельности всей системы непрерывного образования.

Дальнейшие исследования будут способствовать совершенствованию развития творческой личности будущего педагога, его личностному росту и творческой самореализации на всех ступенях современного образования.

Литература

1. Ахметжанова Г. В. Многоуровневая педагогическая система формирования готовности личности к педагогической деятельности / под ред. Ю. К. Черновой. Саратов : Научная книга, 2002. 212 с.
2. Инновационное развитие образовательных программ непрерывного образования: методология и практика : метод. пособие / В. А. Ермоленко, С. В. Иванова, М. В. Кларин, С. Ю. Черноглазкин ; под науч. ред. В. А. Ермоленко. Москва : Институт теории и истории педагогики, 2013. 186 с.
3. Поташник М. М. Управление профессиональным ростом учителя в современной школе : пособие для учителей и руководителей школы. Москва : Центр педагогического образования, 2011. 445 с.

4. Рындак В. Г. Творчество : краткий педагогический словарь : учеб.-метод. пособие для аспирантов, студентов вузов, работников просвещения. Москва : Педагогический вестник, 2001. 84 с.
5. Теоретико-методологические основы развития профессиональной деятельности учителя : коллектив. монография / О. П. Морозова, В. А. Сластенин, Ю. В. Сенько [и др.] ; науч. ред. О. П. Морозова. Барнаул : Барнаульский государственный педагогический ун-т, 2004. 542 с.
6. Уклад школы в теории и практике отечественного образования : монография / А. П. Тряпицына, Б. В. Авво, С. В. Аранова [и др.]. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург : Свое издательство, 2014. 127 с.

DEVELOPMENT OF THE CREATIVE PERSONALITY OF THE TEACHER IN THE PROCESS OF CONTINUING EDUCATION

G.V. Ahmetzhanova, T.A. Gudalina
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

Modern society puts before the teacher more and more complex atypical professional tasks, for the solution of which it is necessary to be a professional with a sufficient share of originality and ingenuity, his own creative approach to pedagogical activity. The article is devoted to the consideration of the topical issue of the development of the creative personality of a teacher at various levels of education: general ("school education"), higher ("university education") and additional professional education ("postgraduate education").

Key words: creativity, pedagogical creativity, creative development of the teacher's personality, continuing education.

УДК 811.124:61

ДУАЛИЗМ ЛАТЫНИ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: «МЕРТВЫЙ ЯЗЫК» В СОХРАНЕНИИ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

А.И. Дмитрова
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Российская Федерация
М.С. Чистяков
Автономная некоммерческая образовательная организация
высшего образования Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации», Владимирский филиал
г. Владимир, Российская Федерация

Целью статьи является рассмотрение практического аспекта употребления латинского языка с позиции отсутствия его задействования в повседневном общении «носителями» языка, но стратегической значимости для медицины и науки в целом. В рамках целеполагания заявленной темы предусматривается рассмотрение значимости дисци-

плины «латинский язык» в формировании мировоззрения и базиса для построения дальнейших компетенций студентов медицинских и фармацевтических вузов. Затрагивается проблематика низкого уровня последующего использования латыни в повседневной профессиональной и научной деятельности с учетом ее узконаправленной сфокусированности и отсутствия должных компетенций по латинскому языку у специалистов определенного профиля.

Ключевые слова: латинский язык, «мертвый язык», «живой язык», универсальность, интернациональная лексика, *lingua franca*.

Филологи относят латинский язык к группе так называемых «мёртвых» языков, куда помимо латыни входит древний иврит, коптский, санскрит и другие. Дефиниция «мертвый язык» не является однозначной с позиции содержательного наполнения [7, с. 158]. Современная филологическая наука предлагает различные вариации толкования данного термина. Для более «контрастного» понимания содержания «мертвый язык» обратимся изначально к термину «живой язык». Литературная энциклопедия 1925 года под живым позиционирует язык, являющийся в современной действительности разговорным какого-либо народа [4]. Напротив, лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцевой «мертвый язык» характеризует как сохранившийся и используемый в определенной профессиональной среде и узкой социальной группе лиц, не находящиеся в «живом» разговорном обороте и не отличающиеся признаками развития [3].

Тем не менее, отметим, латинский язык по-прежнему остается культурным явлением современности [9] и наследием предшествующих поколений, сохранивших данное знание до нас – представителей современной цивилизации. Согласимся с высказываем А.В. Подосинова [6, с. 4], приведенным в учебнике латинского языка: «Если латынь и «мертва», то ее «смерть» была прекрасной — она «умирала» тысячу лет и оплодотворила большинство европейских языков. Став основой для одних (итальянский, испанский, французский, португальский, румынский, молдавский и некоторые другие) и одарив сотнями, тысячами слов и терминов другие языки... и русский язык не избежал этого влияния».

Латинский язык является необходимым составным элементом формирования не только морально-этических, ценностно-мотивационных и социально-детерминирующих критериев личностного развития будущего специалиста, но и лингвистическим фундаментом освоения дисциплин узконаправленного характера студентом – будущего врача, провизора.

Изучение анатомии, уже с первых занятий в медицинском вузе, не представляется без терминологии на латинском языке, тем самым объяснима объективная необходимость изучения латыни как одной из изначальных дисциплин. Выражение *In via est in medicina via sine lingua Latina* (непроходим путь в медицине без латыни) полностью подтверждает статус данной дисциплины в качестве индикатора на профпригодность. Невозможно

форсированное изучение медицинских, биологических, фармакологических дисциплин без познания латинского языка как фундамента к их пониманию и формированию соответствующих компетенций, профессионального и научного мировоззрения. Анатомическая терминология (как медицинская, так и ветеринарная) построена на латыни (органы, системы и части организма). В фармакологии и фармакогнозии также необходимы познания латинского языка – создана на его основе определенная унификация, позволяющая ориентироваться в безграничном множестве лекарственных препаратов и лекарственных растений. Предписание врача фармацевту выдать лекарство, попросту выписка рецептов, осуществляется на латинском языке. Немаловажное значение имеет латынь в зоологии и ботанике, базирующиеся на латинских либо латинизированных греческих терминах. Сформировав определенная четко регламентированная унификации на основе латинского языка, предполагающая научное наименование, позволяющая ученым всего земного шара привести к единому соответствию разнообразие флоры и фауны, а также единообразно описывать процессы, происходящие в них.

Кроме того, латынь, как продукт многолетней эволюции медицины и фармакологии, является базисом узконаправленного современного профессионального языка и инструментом коммуникаций медиков, создавая особую социальную роль – сохранение жизни и здоровья пациента. Компетенции в области латинского языка и медицинской терминологии позволяют без затруднений коммуницировать врачам и ученым из различных государств. В качестве *lingua franca* латинский язык представляет собой фактор объединения научного и профессионального сообщества – не взирая на расстояния и континенты.

В рамках данной обзорной статьи хотелось бы отметить особую роль познания латинского языка, всегда считавшегося первоосновой европейского образования, в расширении кругозора и формировании личностных качеств и морально-этических ценностей будущего врача или провизора. Владение латинским языком позволяет расширить междисциплинарные связи и возможности в постижении фундаментальных медицинских и фармакологических дисциплин. Научно-медицинская терминология относится к интернациональной лексике и в значительной мере строится на основах латинского языка, что и объясняется стратегическую важность формирования соответствующих компетенций у студентов-медиков, с последующим их развитием в процессе всей профессиональной деятельности.

Отдельным аспектом представляется филологический аспект формирования будущего высококвалифицированного медика. Действительно, в эпоху глобальных трансформационных изменений в плоскости цифровизации и транспарентности данных весьма затруднительным представляется высококомпетентный и грамотный врач (или провизор) без познаний медицинской латыни, которая, формируя особые межнейронные связи

в головном мозге, облегчает изучение иностранных языков, например, английского, на котором написано множество научных медицинских трудов. Так, произведен определенный статистическо-филологический анализ: из 20 000 наиболее часто задействованных в обороте слов языка Шекспира – 10 400 имеют латиноязычную природу [10, с. 140]. По мнению академика В.И. Вернадского, именно латинский язык послужил «цементирующим» фактором «интернационала ученых».

Прослеживается связь латинского языка с русским. Например, слово «*прокурор*» имеет латинский общий корень *cura*, означающее «забота», т.е. прокурорская должность предполагает заботу о соблюдении законности и порядка. Корень *docere* («учить») составляет основу слова «*доцент*», т.е. данную должность или звание занимает тот, кто имеет достаточно знаний и компетенций для обучения других. Слово «*министр*» формируется от латинского корня *ministra* («помощница»), таким образом министр – помощник в управленческой деятельности, в управлении делами. Универсальность латыни прослеживается во многих науках – множество терминов и дефиниций, используемых повсеместно и в научной деятельности, имеют латинское происхождение. Учитывая обстоятельство, что слова латинского происхождения стали привычными в обиходе – можно выразить мнение, что многие в процессе общения употребляют слова латиноязычной природы.

Универсальность латинского языка послужила и объединяющим началом общения в первых европейских университетах, в хронологический период раздробленности средневековой Европы и существования множества языков и диалектов. Латинским языком являлся инструментом научной письменности книг, трактатов, диссертаций.

Дань традиции объясняется использованием латинского языка в науке, в частности – в медицине, которая в период античности достигла значительного расцвета. В данный период труды ученых излагались на латыни, несколько позднее – на древнегреческом.

Однако, в рамках заявленной тематики хотелось бы затронуть проблематику недостаточного диапазона владения латинским языком современным врачом или провизором, который владеет узким спектром специализированной терминологии, используемой непосредственно в работе, а также низкой долей задействования латыни в профессиональной деятельности. Предположительно, указанное обстоятельство может быть связано с недостаточным преподаванием латыни в вузе, низким уровнем его освоения студентами, не в системности и не в перманентности его использования в дальнейшем при обучении. Данное утверждение подкрепляется социологическим анкетированием среди молодых врачей и аспирантов в Первом Московском государственном медицинском университете имени И.М. Сеченова (опрошен 41 человек, средний возраст 26 лет) [8]. Данные опроса представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты социологического опроса респондентов Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова

Как часто Вы используете латынь в практической деятельности	
– достаточно часто	21,96 %
– использую ограниченно	63,40 %
– не использую	14,64 %
Цель использования латыни	
–выписка лекарств (оформление рецепта)	29,23 %
–определение (уточнение) состояния и/или диагноза (прогноза)	17,08 %
–при общении с зарубежными коллегами	14,64 %
–для оформления диагноза	9,76 %
–не использую	4,88 %
Крылатые выражения на латыни– степень знакомства респондентов	
– знаю, но мало	68,30 %
– знаю, много	17,06 %
– знаю в русскоязычной транскрипции	14,64 %
Использование латинского языка в преподавательской деятельности	
– не использую	53,66 %
– периодически	31,70 %
– часто	14,64 %
Влияние знания латыни и крылатых выражений на культурно-образовательный уровень врача	
– приносит эстетическое удовольствие и повышает самооценку	41,48 %
– значительно повышает уровень культуры	36,40 %
– незнание не влияет на данный уровень	7,30 %

По мнению авторов статьи, нивелирование сложившейся ситуации с узким спектральным использованием латинского языка и его периодичностью в профессиональном и научном общении возможно, если прививать интерес к латыни, к постоянному его изучению и совершенствованию со студенческой скамьи. Этому могут способствовать различные мероприятия: научные конференции, олимпиады и филологические кружки, которые в синергии с новыми технологиями цифрового развития значительно расширят диапазон словарного запаса и терминологических оборотов студентов и слушателей, повысят качество образования латинского языка, привьют привычку перманентно совершенствовать медицинскую латынь и использовать ее в научном общении. Научные конференции и олимпиада значительно расширяют взаимосвязь с другими дисциплинами, способствуют формированию навыков и компетенций решения сложных задач теоретического и практического характера.

Литература

1. Дядюнова П. В., Махинова О. В. Олимпиада по латинскому языку и основам медицинской терминологии – важная составляющая образования студента-медика // Вопросы педагогики. 2021. № 8. С. 68–70.

2. Кулиш Е. С., Костина Н. Ю. Связь русского и латинского языков // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : Материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: Д. Н. Жаткин, И. В. Куликова. Пенза, 2021. С. 87–95.
3. Иванов В. В. Мертвые языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва, 1990. С. 293–294. URL: tapemark.narod.ru/les/293c.html (дата обращения: 15.02.2023).
4. Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов / под ред. Н. Бродского [и др.]. Москва [и др.] : Издательство Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1 : А – П. II, 576 стб.
5. Муниципальная политика в сфере здравоохранения и её совершенствование : монография / В. А. Мирончук, А. Л. Золкин, Е. А. Свердликова, О. Ю. Богаевская. Краснодар : Новация, 2023. 161 с.
6. Подосинов А. В., Щавелева Н. И. *Lingua Latina*. Введение в латинский язык и античную культуру : учеб. пособие. 12-е изд. Москва : Флинта [и др.], 2011. Ч. 1. 188, [1] с.
7. Рязанцева М. Д., Рязанцева Г. С. О проблематике «мертвый язык» в отношении латинского языка // Преподавание классических языков в эпоху глобальной информатизации : сборник статей трудов конф. / науч. ред.: Н. Г. Николаева [и др.]. Казань, 2019. С. 158–162.
8. Сокол А. Ф., Шурупова Р. В. О значении латинского языка в формировании профессиональной и общей культуры врача // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18, № 7. С. 167–172. URL: cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-latinskogo-yazyka-v-formirovani-professionalnoy-i-obshchey-kultury-vracha/viewer (дата обращения: 20.01.2023).
9. Хабибуллина Ф. Я. Роль и место курса «Латинский язык и медицинская терминология» в системе дополнительного образования будущих медиков // Современные проблемы медицины и естественных наук : сборник статей Всерос. науч. конф. / ред.: М. В. Дубинин [и др.]. Йошкар-Ола, 2018. Вып. 7. С. 544–547.
10. Хакимова В. М. Роль латинского языка в медицине и современном мире // Медицинский вестник Башкортостана. 2011. Т. 6, № 3. С. 139–141. URL: cyberleninka.ru/article/n/rol-latinskogo-yazyka-v-meditsine-i-v-sovremennom-mire (дата обращения: 16.01.2023).
11. Юмашев А. В., Утюж А. С. Проблемы формирования семейной медицины в контексте единой государственной политики // Молодежь. Семья. Общество : Материалы VI Межрегион. науч.-практ. конф. / гл. ред. С. К. Бондырева. Рязань, 2017. С. 47–49.

LATIN DUALISM IN MEDICAL EDUCATION: "DEAD LANGUAGE" IN THE PRESERVATION OF LIFE AND HEALTH

A.I. Dmitrova

Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

M.S. Chistyakov

Autonomous non-profit Educational Organization of Higher Education of the Centrosoyuz
of the Russian Federation "Russian University of Cooperation", Vladimir branch
Vladimir, Russian Federation

The purpose of the article is to consider the practical aspect of the use of the Latin language from the point of view of its lack of involvement in everyday communication by "native speakers" of the language, but of strategic importance for medicine and science in general. As

part of the goal-setting of the stated topic, it is planned to consider the importance of the discipline "Latin language" in the formation of a worldview and a basis for building further competencies of students of medical and pharmaceutical universities. The problems of the low level of subsequent use of Latin in everyday professional and scientific activities are touched upon, taking into account its narrowly focused focus and the lack of proper competence in Latin among specialists of a certain profile.

Key words: Latin, "dead language", "living language", universality, international vocabulary, lingua franca.

УДК 378.091.8

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВНЕУЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ

Т.А. Мальцева

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье на основе изучения большого массива психолого-педагогических источников автором представлен анализ трудов, посвященных изучению различных аспектов развития внеучебной деятельности в высшей школе в условиях трансформации образовательной системы РФ. Основное внимание на нынешнем этапе развития образования должно быть уделено влиянию внеучебной деятельности на развитие у студентов универсальных компетенций, отражающих специфику развития личностных способностей, позволяющих быть успешными независимо от профессиональных стандартов. На примере Тольяттинского государственного университета в статье раскрываются структурные изменения по организации внеучебной деятельности в вузе, которые могут влиять на результаты профессионально-личностного развития студентов.

Ключевые слова: внеучебная деятельность, высшая школа, профессионально-личностное развитие, универсальные компетенции, концептуальные подходы.

В эпоху активных инновационных процессов, происходящих в социально-политических, экономических и духовных сферах общества, возросла необходимость осуществления образовательной реформы в РФ. В рамках происходящих трансформаций, образовательная система высших школ также претерпевает качественные изменения и приобретает новые организационные формы, системы взглядов и механизмы взаимодействия. Динамично развивающийся социум требует переосмысления подходов и практик процесса обучения в вузах и направляет свой фокус на взаимодействие с обучающимися через призму личностно-социальной коммуникации, т.е. такой формы коммуникации, которая комплексно обеспечивает развитие умственных, нравственных и физических способностей, воспитывая личность носителем социально-человеческого мировоззрения.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» определяет образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность

приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [4].

В связи с этим становится важным формирование и развитие у молодежи мотивации к профессионально-личностному совершенствованию посредством создания оптимальных условий для саморазвития личности в социокультурном пространстве вуза, региона, РФ. На протяжении долгого времени в устоявшихся канонах общества признание в профессиональной деятельности рассматривалось, как взгляд исключительной зависимости от уровня профессиональных знаний и навыков. Однако, современные тенденции общеполитического обустройства общества, продиктовали человечеству свои ключевые взгляды.

Чтобы стать востребованным профессионалом, мастером своего дела, недостаточно обладать узкопрофессиональными «твердыми» навыками и знаниями, нужно еще развивать «мягкие» компетенции, ведь согласно последним исследованиям именно они представляют огромный интерес для работодателей во всем мире. В современной дидактике высшего образования эти компетенции получили название «универсальные компетенции», то есть компетенции надпрофессиональные, необходимые для любого вида профессиональной деятельности, и не только. Рассмотрим группы этих компетенций более детально.

1. Системное и критическое мышление. Навык быстрого поиска необходимой информации во всех доступных источниках (СМИ, интернет ресурсах и т.п.), с одновременным анализом и синтезом этой информации в рамках решения поставленных задач.

2. Разработка и реализация проектов. Умение самостоятельно определять перечень задач, в контексте поставленной цели, и выбирать лучшие способы их решения, исходя из действующего законодательства (правовой базы), имеющихся ресурсов и ограничений.

3. Командная работа и лидерство. Способность осуществлять социальное взаимодействие в качестве командного игрока, понимающего и принимающего свою роль в команде.

4. Коммуникация. Знание и применение техник, методов и методик для осуществления деловой коммуникации в различных формах общения на родном языке своей страны, и так же на языках признанных деловых кругах международного сообщества.

5. Межкультурное взаимодействие. Понимание и восприятие межкультурного разнообразия обществ в культурологическом, историческом и философском контекстах.

6. Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение). Управление временными рамками, выстраивание и реализация траектории саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни. Соблюдение здорового образа жизни.

7. Безопасность жизнедеятельности. Способность, осознанно, создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Важнейшим приоритетом высшего образования становится формирование универсальных компетенций, нацеленных на развитие профессионально-личностных качеств обучающихся, уровень освоения которых в значительной мере предопределяет успешность всего последующего обучения. В этой связи необходимо рассматривать комплексно всю образовательную среду вуза, в которую погружается студент на протяжении обучения в высшей школе. Внеучебная деятельность наряду с учебной имеет немаловажное значение в личностно-профессиональном развитии. В контексте данных аспектов внеучебная деятельность высших учебных заведений приобрела новые смысловые качества и характеристики, повлекшие за собой создание содержательных ориентиров и стандартов нового поколения. В рамках осмысления данного вопроса внеучебная деятельность является важнейшим элементом учебно-воспитательного процесса в университете, ценностной частью образа жизни обучающихся и профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава. Важно отметить, что внеучебная деятельность способствует решению задач в области образовательного процесса, которые не всегда удастся освоить в лекционные часы. Внеучебная деятельность как образовательная интенсификация, выходящая за рамки учебного времени, может проходить вне аудитории, но при этом обращена на материал, заложенный в образовательной программе вуза. Деятельность обучающихся вне учебы характеризуется и реализуется по пяти основным направлениям развития личности: спортивно-оздоровительное, духовно-нравственное, социальное, общеинтеллектуальное, общекультурное. Все эти направления реализуются на основе определенной программы воспитания в соответствии с требованиями ФГОС. По определению Ени В.В., «внеучебная деятельность – совместная деятельность профессорско-преподавательского и студенческого коллективов по планированию, организации, проведению и анализу внеаудиторного учебно-воспитательного процесса» [2]. Именно с указанными педагогическими реалиями она связывает эффективное решение проблем самоактуализации, социального самоопределения и саморазвития личности студентов.

Внеучебная работа со студентами, вне зависимости от форм и технологий обучения, обозначила себя в новом ракурсе выстраивания образовательной системы, отвечающей за решение актуальных проблем воспитания, создание условий для личностно-социальной адаптации и самореализации молодежи в профессиональном и личностном плане, сочетающей в себе глубокие устойчивые профессиональные навыки, высокие моральные, этические человеческие качества, способность к творческой индивидуализации и активной гражданской позиции.

Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» излагает понятие следующим образом: «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [5].

Анализ научной литературы по изучению современными исследователями особенностей внеучебной деятельности показывает, что в настоящее время рассмотрены вопросы:

– влияния внеучебной воспитательной деятельности на процесс социализации студенческой молодёжи (О.Р. Жоголева, В.В. Гаврилюк). Авторы разработали и предложили к внедрению авторскую концепцию влияния внеучебной деятельности на социализацию современной молодежи, где внеучебная деятельность вуза является основным фактором, влияющим на развитие потенциала личности обучающегося, ориентирующим ее на развитие духовных и нравственных качеств. Согласно предложенной концепции, личность приобретает самость в анализе деятельности в соответствии с требованиями общества и ориентируется на основные общечеловеческие ценности. Было выделено четыре этапа в процессе формирования системы воспитания в вузах: «постперестроечный» (конец 1980-х гг.); «постсоветский» (конец 1990-х гг.); «возрождения» (начало 2000-х гг.); «развития» (современный). Предложена система ценностей молодежи в определении и развитии приоритетных направлений, а также модель влияния внеучебной воспитательной деятельности на социализацию обучающихся соответствующая современным требованиям общества и государства;

– формирования организаторских способностей и социально-значимых качеств личности студента во внеучебной деятельности (Н.А. Галеева, Т.А. Бурцева). Исследователями был сделан акцент на организаторские способности личности, как главное качество востребованного специалиста на рынке труда. Предложена система формирования организаторских способностей студентов во внеучебной деятельности, построенной на основе поэтапной смены ролей, в сочетании с целенаправленным руководством педагога-наставника, научным просвещением и организаторской деятельностью, посредством реализации курса индивидуального погружения в специализированную организаторскую деятельность, способствующую достижению личностью «организатора-специалиста»;

– характеристики студенчества как особой социальной группы (И.С. Кон). Академик Российской академии образования И.С. Кон писал: «В социологии молодежи основное внимание уделяется исследованию проблем молодежи как общественной группы, ее места и роли в социальной структуре, процесса становления личности у молодежи;

– теории педагогической культуры (В.А. Сластёнин). Ученым раскрыт процесс воспитания как специально организованной деятельности по достижению целей образования. Воспитание базовой культуры личности (философско-мировоззренческая подготовка, гражданское воспитание в системе формирования базовой культуры личности, формирование основ нравственности, воспитание и профессиональная ориентация, воспитание физической культуры личности и т.п.);

– культуры педагогической деятельности как рефлексивного профессионализма (Л.Б. Соколова). В трудах исследователя изучена трансформация культуры педагогической деятельности и её влияние на интегративное личностное качество обучающихся по мотивационно-целевому, интеллектуальному, деятельностному, эмоционально-оценочному направлениям. Выявлены механизмы преемственности между преподавателем и обучающимся, в образовательном процессе университета;

– профессионального образования студенческой молодежи (Р.М. Абдулгалимов, Т.В. Амелъченко, Р.Х. Багова, В.В. Бардушкин, Т.В. Бугайчук, В.С. Быков, И.В. Вицентий, Л.В. Власенко, Е.Г. Гаевская, Э.В. Гаевский, О.В. Головина, А.И. Гордин, А.В. Еганов, С.М. Елисеев, Л.А. Зарицкая, Ж.Б. Иванова, И.А. Иванова, Г.Р. Кадырова, В.Ю. Кокин, Л.А. Коняева, В.Г. Королёв, О.А. Коряковцева, Т.В. Куприна, Д.В. Легенчук, Д.М. Максатова, О.И. Михайленко, С.И. Моднов, А.Ю. Нагорнова, С.А. Никифорова, Е.Н. Приступа, И.М. Расторгуева, В.И. Рерке, Л.А. Романова, Л.В. Сергеева, Л.Е. Сикорская, Н.И. Смаковская, А.В. Смирнов, Е.П. Тен, И.В. Терентьева, В.В. Томин, И.В. Федосова, Е.А. Черепов, В.С. Шилова, Н.С. Шумова, Н.В. Янкина). В исследованиях авторов представлены данные, определяющие актуальные концепции профессионального образования студенческой молодежи. Детально освещены вопросы жизнедеятельности и устройства современного университета в условиях развития инновационных технологий высшего образования. Особое внимание уделяется вопросу воспитания и здоровьесбережения обучающихся в образовательном процессе вуза;

– сопровождения личности студента в учебном пространстве (Л.М. Митина, М.Р. Битянова, Э.С. Зеер, А.Б. Орлов, С.Н. Чистякова, В.А. Горянина). Авторы рассматривают теоретические, технологические и методические аспекты профессионального развития личности, способствующие осознанному и самостоятельному выбору профессии. Раскрывают основы психологии самоопределения личности в профессии, в контексте развития современных технологий, направленных на взаимосвязь интегральных характеристик личности, влияющих на успешный выбор специальности.

Разносторонний анализ психолого-педагогической литературы позволил обозначить лишь незначительное количество трудов [1] о том, что воспитательная работа во внеучебной деятельности вуза рассматривается в аспекте влияния на формирование общепрофессиональных компетенций обучающихся в условиях перехода на новую парадигму образования. Таким образом, возникает противоречие между востребованностью практики в разработке системы внеучебной деятельности, обеспечивающей формирование компетенций студентов и недостаточной теоретической обоснованностью и разработанностью форм, содержания, методов организации внеучебной деятельности по развитию универсальных компетенций студентов. Обозначенное противоречие определили проблему исследования: каковы содержание, формы и методы организации внеучебной деятельности вуза как среды профессионально-личностного развития студентов?

В Тольяттинском госуниверситете на протяжении многих лет существует система управления воспитательной внеучебной деятельностью, тонко реагирующая на тенденции и запросы социума в категориях абитуриент/студент/выпускник. С принятием Федерального закона от 30 декабря 2020 г. "О молодежной политике в Российской Федерации" [6] система управления внеучебной деятельностью трансформировалась. Изменилось не только название структуры, но и содержание, методы и формы работы. Приказом ректора в 2021 году утверждена «Рабочая программа воспитания». Этот документ закрепляет новые концептуально-ценностные основания и принципы организации воспитательного процесса в вузе, методологические подходы, ключевые цели и основные задачи. Воспитательная среда университета масштабируется и охватывает студентов всех форм обучения (очной формы и дистанционной). Приоритетными видами деятельности являются проектная, научно-исследовательская, профориентационная, предпринимательская, социально-значимая, добровольческая. В ТГУ появилась новая система управления «Система управления в сфере молодёжной политики».

Координирует молодежную политику вуза служба проректора по молодёжной политике, воспитательной работе и фандрайзингу. В службу проректора включены три центра:

- центр молодежных инициатив;
- многофункциональный культурный центр;
- центр по работе с выпускниками, развитию партнерства и фандрайзингу.

Спортивную и оздоровительную деятельность координируют кафедра «Физическое воспитание» и физкультурно-оздоровительный комплекс. Научно-исследовательскую деятельность обучающихся поддерживает служба проректора по научно-инновационной деятельности, отдел реализации молодежных проектов и программ.

Представленные структуры, функционируя и коммуницируя между собой, выстраивают систему взаимодействия с системой студенческого самоуправления ТГУ (Совет обучающихся, студенческие советы институтов ТГУ, Первичная профсоюзная организация студентов и аспирантов университета). Представители студенческого самоуправления активно принимают участие в работе ключевых органов университета по направлениям молодежной политики.

Направления молодежной политики закреплены Программой развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Программа предусматривает:

- «предоставление широких возможностей для самореализации и социализации молодежи, в том числе за счет привлечения внешних участников/организаторов/экспертов и позиционирование университета на всероссийском и международном уровне»;
- «создание цифровых сервисов экосистемы равных возможностей для самореализации и социализации молодежи»;
- «содержательную трансформацию системы воспитательной работы университета с точки зрения формирования духовно-нравственных ценностей и гражданской культуры молодежи» [3].

В университете взят курс на создание студенческих объединений и сообществ, которые могут влиять на развитие коммуникативных и организаторских способностей, а значит на личностное развитие.

В 2022 году отделом реализации молодежных проектов и программ ТГУ, создано научное студенческое объединение «УченыйНЕформат». Членами научного сообщества стали обучающиеся всех форм обучения и стандартов высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура, аспирантура). Молодые исследователи, не только являются участниками научных событий, но и помогают организовывать традиционные мероприятия вуза, создают новые нетрадиционные формы организации научных событий города, региона. Работа в студенческом объединении способствует развитию системного мышления, влияет на сформированность универсальной компетенции этой группы.

Проектно-деятельностная культура охватывает студенчество ТГУ с первого курса и является обязательной дисциплиной учебного процесса. С 2022 года проектная деятельность вошла в основную профессиональную образовательную программу у студентов магистрантов. И это не случайно. Проектная деятельность – особая форма деятельности, где студенты, сгруппированные в команды/объединения, определяют стратегические задачи и пути их решения, в условиях имеющихся ресурсов и ограничений развивают в себе практические навыки будущей специальности, развивают компетенции работы в коллективе, учатся ставить цели и решать проблемы.

Молодежное объединение многофункционального культурного центра, «Центр добровольчества и волонтерства ТГУ» активно вовлечено в со-

циокультурное пространство вуза, города, региона. Добровольчество, творчество, творческий процесс способствуют социальному взаимодействию, определению роли в коллективе, побуждают личность к самосовершенствованию и межкультурному взаимодействию. Способность управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития, осуществлять деловую коммуникацию все эти навыки универсальных компетенций студенты могут получить, став участниками Студенческих советов институтов, членами профсоюзного комитета студентов и аспирантов ТГУ, совета обучающихся вуза. Компетенции в области здоровьесбережения студенческая молодежь приобретает на занятиях в студенческих спортивных секциях и клубах, таких как «Туристический клуб ТГУ», секция «Фитнес-аэробика», сборная по баскетболу, мужская команда по волейболу и т.п. Руководителями объединений являются студенты старшекурсники и выпускники университета, занятия проходят на базе института физической культуры и спорта ТГУ.

Представленные направления молодёжных объединений открывают возможности для студенческой молодежи, формируя личность целостную, поликультурную, с открытой жизнеутверждающей позицией, владеющую универсальными компетенциями – такими важными для успешного позиционирования «себя» в условиях высокой конкурентоспособности рынка труда РФ и глобального мира. Таким образом, внеучебная деятельность становится средой личностно-профессионального развития будущих специалистов.

Литература

1. Теоретические основы формирования общепрофессиональных компетенций студентов в воспитательном процессе образовательных организаций : монография / И. В. Руденко, Л. В. Алиева, Ю. А. Кустов [и др.] ; под ред. И. В. Руденко, Л. В. Алиевой. Москва : Академия Естествознания, 2017. 171 с.
2. Ени В. В. Интегрированный подход к организации внеучебной деятельности студентов ВУЗА // *Studia Universitatis Moldaviae*. 2015. № 9. P. 56–59.
3. Программа развития ТГУ на 2021–2030 годы // опорный вуз Тольяттинский государственный университет. URL: www.tltsu.ru/about_the_university/transformation/prioritet-2030/ (дата обращения: 19.02.2023).
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : (с изм. на 17 февраля 2023 года) : принят Гос. Думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: docs.cntd.ru/document/902389617?ysclid=llltyrmo2x478500013 (дата обращения: 19.02.2023).
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся : Федеральный закон № 304-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 года : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года // КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=358792&dst=100001#nPFSdnTi4NkvQQu (дата обращения: 19.02.2023).
6. О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон № 489-ФЗ : принят Гос. Думой 23 декабря 2020 года : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: docs.cntd.ru/document/573248507?ysclid=llluag2nes770606871 (дата обращения: 19.02.2023).

ON THE IMPACT OF EXTRACURRICULAR ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY ON PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS

T.A. Maltseva

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

Based on the study of a large array of psychological and pedagogical sources, the author presents an analysis of works devoted to the study of various aspects of extracurricular activities in higher education under the transformation of the educational system of the Russian Federation. The main attention at the current stage of education development should be paid to the influence of extracurricular activities on students' development of universal competencies, reflecting the specifics of personal abilities development, which allow to be successful regardless of professional standards. On the example of Togliatti State University the article reveals structural changes in the organization of extracurricular activities at the university, which can affect the results of professional and personal development of students.

Key words: extracurricular activities, higher education, professional and personal development, universal competencies, conceptual approaches.

УДК 373.5.016:656.13.05

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КАК РЕСУРС СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ БЕЗОПАСНОМУ ПОВЕДЕНИЮ НА ДОРОГАХ

А.В. Орлянская

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема совершенствования практики обучения детей безопасному поведению на дорогах. Автором проведен сравнительный анализ опыта зарубежных стран в вопросе формирования культуры безопасного поведения школьников. Описаны методические рекомендации и программы обучения детей в Германии и США. Изложены особенности подходов к обучению детей в образовательных организациях, влияющие на формирование законопослушного поведения и позитивного отношения к соблюдению правил дорожного движения.

Ключевые слова: образование, безопасное поведение на дорогах, зарубежный опыт программы обучения, профилактика.

Проблема формирования законопослушного поведения граждан и соблюдения требований безопасности на дорогах близка многим государствам. При этом схожим действенным фактором в решении этой проблемы в разных странах является то, что основной акцент влияния на сознание общества предоставляется воспитанию культуры безопасного дорожного движения. В Российской Федерации одним из приоритетных направлений образования является «формирование ценности здорового и безопасного образа жизни; усвоение правил индивидуального и коллективного безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях, угрожающих жизни и здоровью

людей, правил поведения на транспорте и на дорогах» [3]. Однако по итогам 2022 года на дорогах России погибло свыше 14 тыс. человек [4]. Обучение детей безопасному поведению на дорогах остается важнейшей задачей педагогов, родителей, общественных организаций и учреждений. Обогащать и совершенствовать практику подготовки школьников к безопасному поведению на дорогах можно с учетом изучения зарубежного опыта.

Анализ подходов к профилактике детской дорожной аварийности в других странах позволил сделать вывод о том, что одним из важнейших условий качественного формирования у школьников культуры и навыков безопасного движения является системное и непрерывное обучение детей в образовательных организациях. Европейские практики продемонстрировали опыт внедрения в программы всех уровней образовательных учреждений отдельной предметной области по обучению навыкам безопасного дорожного поведения, а также интеграции в существующие школьные предметы.

Рассмотрим основные подходы к обучению детей безопасному дорожному движению: на примерах таких стран, как Германия и Соединенные штаты Америки (США). В настоящее время во многих государствах разрабатываются программы для предотвращения трагедий на дорогах. В некоторых странах эта деятельность развита на протяжении не одного десятилетия.

Интересен опыт Германии, в которой, как и в других государствах, реализуется стратегическая программа, целью которой является сведение к нулевым показателям аварийности на дорогах. Однако необходимо отметить, что среди основных задач большое внимание отведено именно просвещению детей и молодежи в области дорожного движения, безопасности и мобильности пожилых людей, обучению технике безопасного вождения автомобиля и управлению велосипедами. Стратегия направлена на формирование культуры безопасного поведения на дорогах. Уникальность ее в том, что разработчики учитывают лиц с ограниченными возможностями и мотивируют участников дорожного движения во всех областях к внимательному отношению друг к другу. Все эти задачи отражены в сферах деятельности различных программ безопасности дорожного движения и целевых проектах, которые финансируются правительством.

Немецкая транспортная ассоциация Германии (НТА) является одной из старейших и крупнейших гражданских инициатив страны. С 1924 года ассоциация работает над повышением безопасности и уменьшением количества аварий на дорогах и объединяет около 60 тысяч добровольцев, которые информируют, консультируют и обучают участников дорожного движения безопасному поведению всех возрастов. Целевые программы НТА охватывают почти три миллиона человек в год. Ассоциация финансирует свои акции и программы при поддержке Федерального министерства транс-

порта и цифровой инфраструктуры, а также за счет членских взносов, пожертвований и спонсорства [2]. Транспортная медиа служба (ТМС) – это специализированное издательство, которое, являясь частью организации по охране дорожного движения, в первую очередь разрабатывает образовательные продукты и проекты, ориентированные на детей, школы и родителей. Медиа служба известна своими высококачественными учебными материалами для начальной школы. Благодаря своим разработкам и средствам обучения езде на велосипеде в 3-м и 4-м классах начальной школы, она является лидером на немецком рынке. Материалы для подготовительного обучения мобильности в 1-м и 2-м классах практически не имеют себе равных на территории Германии. С помощью онлайн-платформы «Обучение вождению на велосипеде», у учащихся есть возможность повторить то, что они узнали в классе и эффективно подготовиться к теоретическому экзамену. Разработанная программа обучения, по мнению немецких педагогов и сотрудников полиции, за счет наглядности цифровой платформы, позволяет мотивировать учащихся к изучению предмета. Качество материалов неоднократно высоко оценено независимыми специалистами и научными институтами Германии. Программа построена так, что все возрастные категории и все уровни обучения обслуживаются дифференцированно, начиная с детского сада до среднего образования. Таким образом, благодаря разработанным рекомендациям и поддержке средств массовой информации происходит формирование законопослушного поведения у подрастающего поколения граждан. Использование в работе методических материалов, соответствующих психолого-возрастным особенностям участников дорожного движения повышает их уровень образования в данной области. Специализированное издательство транспортной службы выполняет задачи по развитию ассоциации. В результате сетевого взаимодействия происходит поддержка транспортной полиции, совместно с которой реализуются специально разработанные проекты, например, «Безопасный путь в школу». Еще одной задачей ТМС является сопровождение и дальнейшее развитие молодежных автошкол совместно с Объединенной ассоциацией страховой отрасли Германии.

Рассмотрим программу «Ребенок и транспорт», которая ориентирована прежде всего на родителей и носит просветительно-информационный характер для младшей возрастной группы детей. В этом возрасте главным авторитетом детей являются родители, поэтому работа нацелена именно на взрослых. На родительских мероприятиях тьюторы рассказывают о том, как лучше подготовить детей к дорожному движению, а также, почему необходимо и как правильно использовать детские удерживающие устройства и ремни безопасности. Кроме этого, заинтересованные ведомства реализуют дополнительные социальные проекты по безопасности дорожного движения.

В рамках программы «Дети в дорожном движении» немецкая транспортная служба оказывает детским учреждениям квалифицированную

и всестороннюю помощь в обеспечении безопасности дорожного движения. Работа ведется совместно со всеми заинтересованными сторонами, то есть с детьми, специалистами и родителями. Для достижения положительного эффекта программа построена в несколько этапов. На первом этапе проходят консультационные встречи между представителями дорожной инспекции и образовательных учреждений. В дополнение к практическим рекомендациям, которые учитывают особенности соответствующих учреждений, воспитатели и педагоги получают методические инструкции по практическим навыкам и восприятию дорожных ситуаций. Эти упражнения помогают развивать как деятельностный, так и познавательный потенциал детей в обучении безопасному поведению на дорогах. Таким образом, у детей формируются практические навыки реагирования в дорожных ситуациях и повышается уровень безопасного движения. Особенностью программы является то, что она долгосрочная, построенная на системном подходе социального взаимодействия. Специалисты в области образования могут в любое время связаться с фасилитатором дорожного движения и получить консультацию, если им потребуется помощь. Это постоянное сотрудничество является важным блоком для долгосрочного закрепления профилактической работы по обеспечению безопасности дорожного движения в образовательном процессе [1]. Одним из ярких событий программы является «День безопасности дорожного движения», который проходит после завершения проекта по обучению безопасности дорожного движения. Помимо детей и квалифицированного персонала в этом могут участвовать родители, братья и сестры, родственники и друзья. В «День безопасности дорожного движения» представители дорожной полиции и транспортных ведомств отвечают посетителям на все вопросы, касающиеся дорожного движения детей. При проведении мероприятия используются интерактивные площадки для демонстрации средств и форм обучения, позволяющих отработать практические навыки на детских автомобилях с ремнями безопасности.

Таким образом, в Германии ведется системная работа по обучению безопасному поведению детей на дорогах. Разработаны методические пособия и программы для педагогов и родителей. Обучение проводится в тесном взаимодействии с заинтересованными ведомствами, что приводит к улучшению качества образовательного процесса.

Рассмотрим реализацию аналогичной стратегии в США. На официальном сайте национальной администрации безопасности дорожного движения (NHTSA) размещены планы, технологии, достижения и результаты стратегии. Помимо улучшения дорожной инфраструктуры в планах стратегии предусмотрена пропаганда безопасного дорожного движения среди детей и их родителей [6]. На информационном ресурсе размещена информация для родителей и предусмотрен раздел детская безопасность, в котором содержится американский учебный план-руководство для учителей «Безопасность детей пешеходов» (NHTSA).

Американская учебная программа по безопасности детей-пешеходов разработана Национальным управлением безопасности дорожного движения. Администрация (NHTSA) направлена на практическое обучение безопасному поведению пешеходов начальной школы. Основные темы методического пособия соответствуют проблематике и содержат пять уроков, направленных на безопасность пешеходов: движение вблизи транспортных средств, переход улиц, перекрестков, опасности на парковках, а также соблюдение правил на остановке и в школьных автобусах. Подача материала построена систематично и основывается на знаниях и навыках предыдущих занятий. Целью учебной программы по безопасности детей-пешеходов является развитие, формирование и интеграция полученных знаний в автоматическую реакцию в поведении. В программе содержатся практические занятия, которые проводятся под руководством специальных инструкторов. По мнению разработчиков программы, в результате ее реализации происходит дополнительное когнитивное развитие детей в соответствии с их психолого-возрастными особенностями. В методическом пособии акцент сделан на проведение инструктажей и практические занятия. По мнению американского автора J.Rothengatter, «ранее большинство курсов по безопасности детей-пешеходов были сосредоточены на аудио-, видеозаписях и обучении в рабочих тетрадах. Эти методы, хотя и расширяют знания, но показывают незначительные изменения в поведении в жизни учащихся» [8].

Ряд авторов (Thomson J. A., Ampofo-Boateng K., Pitcairn T. и др.) утверждают, что «при надлежащем системном раннем обучении детей с использованием ситуационных задач формируется правильное принятие решений в критических моментах». [9] Необходимость раннего обучения детей правилам подтверждена в исследовании Thomson J.A. о возрастном эксперименте, в котором он доказал равенство в ответах подготовленных пятилетних детей и неподготовленных одиннадцатилетних, а именно через способность четко определять безопасные места для перехода улиц. В исследовании Demetre J.D. описаны результаты экспериментов с использованием моделирования (имитации улиц с реальной дорогой). Автором продемонстрировано то, что «дети могут проявлять консервативный подход при переходе улицы, приводящий к более безопасному поведению» [5]. В аналогичных исследованиях авторов (Lee D.N. и Grieve R.) детей в возрасте пяти лет учили переходить улицу во время транспортных заторов, которые в результате отражали поведение взрослых [9].

Для того, чтобы у детей развивались хорошие навыки безопасности на дорогах, очень важно обучать их этому предмету в раннем возрасте. Технологические достижения позволяют создавать приложения для помощи и поддержки в обучении. Виртуальная реальность и дополненная реальность являются одними из наиболее подходящих средств для успешного обучения. Американскими исследователями (Ridene T., Leroy L., Chendeb S.) предложен ряд инновационных приложений для подготовки детей к правилам безопасности. Экспериментальное обучение происходит в виртуальной реальности через интерактивный сценарий искусственного интеллекта, а

именно через моделирование поведения пешеходов, толпы, транспортных средств и трафика в 3D визуальной и звуковой среде. Смоделированный сценарий учитывает социальные последствия и отношения между реальными и виртуальными участниками [7].

Таким образом, по мнению американских авторов, способность вести себя безопасно при переходе улицы зависит от того факта, что поведение пешеходов – это автоматический двигательный навык. Привычка останавливаться на улице перед переходом дороги и следить за движением должна быть выработана в поведении человека с помощью практики, реальной или виртуальной. Необходимо отметить тот факт, что детей до 11 лет в большинстве штатов Америки нельзя оставлять без присмотра взрослых. Поэтому большинство материалов, размещенных на информационных ресурсах, направлены именно на родительскую общественность, а не на педагогов.

Анализируя зарубежный опыт обучения детей безопасному дорожному движению, можно констатировать ценность разработок единых методических материалов для педагогов и родителей, которые позволяют повысить качество образовательного процесса в данной области. Кроме этого, необходимо внедрение компетентных специалистов для повышения квалификации педагогических кадров в вопросах профилактики детского дорожного травматизма, так как данная сфера требует наличие определенных знаний и практических навыков. Следовательно, развитие сферы сетевого партнерства и социального взаимодействия образовательных организаций с заинтересованными ведомствами позволит решить некоторые ресурсные, кадровые и материально-технические пробелы.

Таким образом, изучение зарубежного опыта позволило выделить ряд важных идей, полезных для развития работы в российской системе образования. К ним относится: усовершенствование единых методических материалов для педагогов и родителей, разработанных с учетом системного подхода и психолого-возрастных особенностей обучающихся; подготовка педагогических кадров к обучению детей безопасному поведению на дорогах; расширение сетевого взаимодействия и социального партнерства в образовательных организациях для улучшения качества образовательного процесса в данной области.

Литература

1. Kinder im Straßenverkehr // Deutsche Verkehrswacht. URL: deutsche-verkehrswacht.de/themen/kinder-im-strassenverkehr/ (дата обращения: 10.02.2023).
2. Die Deutsche Verkehrswacht // Deutsche Verkehrswacht. URL: deutsche-verkehrswacht.de/uber_uns/organisation/ (дата обращения: 10.02.2023).
3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования : приказ Министерства образования и науки Рос. Федерации от 17 декабря 2010 года № 1897 // ФГОС. URL: fgos.ru/fgos/fgos-ooo/ (дата обращения: 31.01.2023).
4. Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция. URL: stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 10.02.2023)/

5. Errors in young children's decisions about traffic gaps: Experiments with roadside simulation / J. D. Demetre, D. N. Lee, T. K. Pitcairn [et al.] // *British Journal of Psychology*. 1992. Vol. 83, № 2. P. 189–202.
6. National Center for Statistics and Analysis // National Highway Traffic Safety Administration. URL: www.nhtsa.gov/data/national-center-statistics-and-analysis (дата обращения: 10.02.2023).
7. Ridene T., Leroy L., Chendeb S. Innovative Virtual Reality Application for Road Safety Education of Children in Urban Areas // *Advances in Visual Computing* : 11th International Symposium, ISVC 2015 / Ed.: G. Bebis [et al.]. Switzerland, 2015. Part 2. P. 797–808. (LNIP ; vol. 9475).
8. Rothengatter J. A. The influence of instructional variables on the effectiveness of traffic education // *Accident Analysis and Prevention*. 1981. Vol. 13, № 3. P. 241–253.
9. Behavioral group training of children to find safe routes to cross the road / J. A. Thomson, K. Ampofo-Boateng, T. Pitcairn [et al.] // *British Journal of Educational Psychology*. 1992. Vol. 62. P. 173–183.

FOREIGN EXPERIENCE AS A RESOURCE IMPROVING THE PRACTICE OF TEACHING CHILDREN SAFE BEHAVIOR ON THE ROADS

A.V. Orlyanskaya
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of improving the practice of teaching children safe behavior on the roads. The author conducted a comparative analysis of the experience of foreign countries in the formation of a culture of safe behavior of schoolchildren. Methodological recommendations and educational programs for children in Germany and the USA are described. The features of approaches to teaching children in educational organizations that influence the formation of law-abiding behavior and a positive attitude to compliance with traffic rules are described.

Key words: education, safe behavior on the roads, foreign experience of the training program, prevention.

УДК 373.24:81'234

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ СВЯЗНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У ДЕТЕЙ 5–6 ЛЕТ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ III УРОВНЯ

Т.Ю. Плотникова, М.А. Ценёва
Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема развития связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня. Предложены методы для диагностики диалогической речи детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Описаны результаты изучения особенностей развития связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи. Предлагаются рекомендации для организации работы по развитию диалогической речи у детей старшего дошкольного возраста с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: диалогическая речь, вербальные средства общения, невербальные средства общения, речевой этикет, дети старшего дошкольного возраста, общее недоразвитие речи.

«Среди актуальных проблем детей дошкольного возраста, значимо акцентируется внимание на вопросе формирования коммуникативных навыков детей. Изучением диалогической речи занимаются такие науки, как: психология, педагогика, лингвистика, психолингвистика» [7]. Важное значение в рассмотрении данного вопроса играют работы М.М. Бахтина, М.М. Лисиной [6], О.А. Капитовской, М.Г. Плехотнюк [4], Л.П. Якубинского [10].

Факторы и особенности развития диалогической речи у детей с общим недоразвитием речи выделяются в исследованиях А.Г. Арушановой [1], В.П. Глухова [3], Р.Е. Левиной, Л.Ф. Спировой [8], Н.А. Стародубова, Т.Б. Филичевой [9]. Психологические механизмы развития речи детей раскрывают М.М. Алексеева, Л.С. Выготский [2], А.А. Леонтьев [5], С.Л. Рубинштейн, Б.И. Яшина.

«Актуальность развития речевого общения обусловлена тем, что речь является основной и своеобразной коммуникативной функцией общения. Речь способствует общению, поддержанию социальных контактов, обмену информацией. Эти аспекты коммуникативной функции речи составляют жизнь дошкольника» [7] «и активно используются. Непосредственное развитие речевых функций стимулирует детей к овладению языком, его фонетикой, лексикой, грамматическим строением, к использованию диалогической речи. Основная модель вербального общения – диалогическая речь» [7].

Анализируя проблему развития диалогической речи детей с общим недоразвитием речи можно говорить о том, что на данном этапе она изучена недостаточно, что обусловило выбор темы нашего исследования.

Цель исследования: изучение особенностей развития связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня.

Экспериментальная работа проводилась на базе одного из детских садов г.о. Тольятти. В исследовании принимали участие 11 детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня.

Для выявления уровня развития связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи на основе исследований О.А. Бизиковой, Д.А. Виноградовой, И.В. Груздовой, О.В. Дыбиной, А.Ю. Кузиной, А.В. Чулковой определены показатели и диагностические методики для их изучения (таблица 1).

Таблица 1

Диагностическая карта исследования

Показатель	Диагностическая методика
Умение устанавливать контакт с помощью вербальных средств	Наблюдение (по критериям, выделенным О. А. Бизиковой)
«Умение использовать невербальные средства общения» [4]	«Определи выражение лица» (О.А. Бизикова)
Умение соблюдать правила речевого этикета (объем фраз речевого этикета)	Наблюдение по критериям сформированности представлений о вежливости, выделенным Д.А. Виноградовой
«Инициативность в общении со сверстниками» [4]	«Необитаемый остров» (О.В. Дыбина, С.Е. Анфисова, А.Ю. Кузина, И.В. Груздова)
Умение задавать различные типы вопросов и давать реплики	«Изучение формирования диалога у дошкольников» (А.В. Чулкова)

Рассмотрим проведение некоторых методов диагностики и результаты исследования.

По результатам «первой диагностической методики О.А. Бизиковой на выявление уровня сформированности умения устанавливать контакт с помощью вербальных средств у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня» [4] преобладают низкий (36%) и средний уровень (64%). Наблюдение за речью детей осуществлялось многократно при повседневном межличностном взаимодействии: в течение дня, в непрерывной образовательной деятельности со сверстниками. Фиксировалась инициативность в общении, чувствительность к воздействиям сверстников, преобладающий эмоциональный фон.

36% детей имеют существенные трудности в установлении контакта со сверстниками и практически не общаются, играют в одиночестве. 64% детей не часто проявляют инициативу, устанавливают контакт со сверстниками, предпочитают следовать за другими.

Во второй диагностической методике «Определи выражение лица» «детям предлагалось рассмотреть карты-схемы с изображением эмоций и изобразить каждую эмоцию, представленную на карте-схеме, и после этого назвать, какая была представлена эмоция» [4].

У 36% детей выявлен низкий уровень умения использовать невербальные средства общения. Дети не справлялись с заданием, смогли назвать и показать 2–3 эмоции из представленных 9. 64% детей показали средний уровень по данному показателю, смогли назвать 4–6 эмоций и изобразить их.

Наблюдение с целью выявления умения соблюдать правила речевого этикета проводилось по выделенным Д.А. Виноградовой критериям: знание вежливых слов; применение вежливых слов; способность к оценке своего

поведения и поведения других в ситуациях, требующих проявлений вежливости. Результаты проведенного наблюдения показали, что преобладающее большинство детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня (55%) имеют средний уровень сформированности умения соблюдать правила речевого этикета. В процессе общения дети соблюдают правила речевого этикета, знают вежливые слова, которым были обучены ранее (объем фраз речевого этикета ограниченный), чаще всего здороваются, прощаются, или благодарят («спасибо») только после напоминания взрослого.

18% детей показали низкий уровень «умения соблюдать правила речевого этикета – дети редко использовали в процессе взаимодействия со сверстниками и взрослыми вежливые слова» [4]. 27% детей показали высокий уровень по данному показателю.

По результатам методики «Изучение формирования диалога у дошкольников» А.В. Чулковой 82% детей имеют низкий уровень умения задавать различные типы вопросов. Дети либо не смогли назвать животное, либо чаще называли животное не в результате распроса, а путем угадывания. У 18% детей средний уровень – «обнаружены проявления умения запроса информации, которые могут рассматриваться, на наш взгляд, как предпосылки к овладению этим навыком, однако вопросы чаще однотипны, а количество их ограничено» [4].

Исходя из результатов методик, у детей преобладает средний и низкий уровень развития связной диалогической речи. Из всех представленных показателей особенно важно уделить внимание формированию умения задавать вопросы и давать реплики в процессе диалога, формированию «умения использовать невербальные средства общения» [4], расширению объема фраз речевого этикета.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что «необходимо проводить целенаправленную работу по развитию связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня» [4],[7],[9].

Основываясь на результатах нашего исследования, мы обосновали условия развития связной диалогической речи у детей 5–6 лет данной нозологической группы.

Предлагаем основываться на следующих принципах проведения коррекционно-развивающей работы:

- материал подавать с усложнением заданий (от более легкого к сложному);
- обязательно учитывать индивидуальные особенности развития детей;
- обязательно учитывать возрастные особенности развития детей;
- использовать различные методы (наглядные, словесные, практические) и приемы в ходе коррекционно-развивающей работы.

Работу по развитию связной диалогической речи у детей 5–6 лет с общим недоразвитием речи III уровня целесообразно осуществлять по следующим направлениям:

- обогащение и уточнение словаря (объема фраз речевого этикета);
- «повышение мотивации к применению речевого этикета, «опредмечивание» словаря;
- совершенствование связной диалогической речи;
- использование разных видов конструирования для развития диалогической речи;
- формирование правильного произношения, фонетико-фонематической стороны речи, воспитание артикуляционных навыков» [4];
- вовлечение родителей в коррекционно-развивающую работу.

С целью развития связной диалогической речи необходимо провести работу по группировке наглядно-дидактического материала:

- дидактические игры на развитие у детей связной диалогической речи («Отвечай быстро», «Так бывает или нет?», «Ошибка»);
- наборы сюжетных картинок и фотографий с различной тематикой на составление диалога («Знатоки», «Фотограф», «Все ли мы увидели?»);
- различные разрезные картинки, пазлы, карты-схемы, наборы различных конструкторов.

Рекомендуется применять беседу, обучение составлению рассказа-описания в процессе конструирования, составление диалога с ребенком, словесные поручения, «речевые ситуации, направленные на формирование навыков составления диалогов» [9].

Развитие связной диалогической речи у детей 5-6 лет с ОНР, предлагаем проводить по следующим этапам в соответствии с выделенными показателями.

На первом этапе формируем умение устанавливать контакт с помощью вербальных средств. Предлагаем использовать тематические беседы, коммуникативные игры на взаимодействие со сверстниками, наблюдение в процессе игры. Например, можно предложить детям поиграть в игру «Вежливые слова» (для игры понадобится мяч, дети садятся в круг и кидают друг другу мяч, используя при этом вежливые слова).

На втором этапе формируем умение использовать невербальные средства общения. Можно использовать карты-схемы, письма-схемы как сюрпризный момент, который принес сказочный герой, картинки, фотокарточки, пазлы, игрушки, различные конструкторы. Так же можно использовать картинки по теме недели (например, «Овощи», «Времена года»).

На третьем этапе будем формировать умение соблюдать правила речевого этикета (расширять объем фраз речевого этикета). Предлагаем использовать такие методы, как беседа, конструирование по условиям. В ходе совместной деятельности можно предложить детям сыграть в игру «Испорченный телефон». Суть игры заключается в обучении детей применять нормы речевого этикета. Детям предлагается сесть на стулья рядом друг

с другом и передавать слова по своему выбору в соответствии с заданием воспитателя. Например: приветствие друга, воспитателя, родителей утром, днем, вечером.

На четвертом этапе будем развивать инициативность в общении со сверстниками. Можно использовать командные игры (например, «Паук и мухи», «Послушная тень и зеркало»).

На пятом этапе формируем умение задавать вопросы, умение давать реплики. Предлагаем использовать беседу, конструирование по образцу, различные картинки, сказки, небылицы, конструирование по замыслу. В ходе беседы следить за активностью ребенка, как он справляется, как задает вопросы и дает реплики. Можно использовать популярную игру «Угадай, что в мешочке?». В ходе игры сначала педагог ведет распрос, чтобы угадать, что лежит в мешочке, по его примеру потом ребенок учится задавать наводящие вопросы педагогу. О.А. Капитовская и М.Г. Плохотнюк [4] предлагают действенный прием развития диалогической речи, который, к тому же, очень приветствуется детьми – прием «Маленький учитель» (педагог с ребенком меняются ролями).

Вся работа по развитию диалогической речи ведется с учетом основных требований: необходимо обогащать словарь детей; постепенно усложнять речевой материал (осваивать с детьми новые грамматические и синтаксические конструкции); способствовать повышению самостоятельности детей в использовании вербальных и невербальных средств общения. Соблюдение выделенных рекомендаций будет способствовать развитию связной диалогической речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи.

Литература

1. Арушанова А. Г., Дурова Н., Рычагова Е. Истоки диалога: старший дошкольный возраст // Дошкольное воспитание. 2005. № 11. С. 68–73.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. Москва : Лабиринт, 1999. 350, [1] с.
3. Глухов В. П. Из опыта логопедической работы по формированию связной речи детей с ОНР дошкольного возраста на занятиях по обучению рассказыванию // Дефектология. 2008. № 4. С. 8–10.
4. Капитовская О. А., Плохотнюк М. Г. Развитие диалогической речи у детей с речевыми нарушениями : пособие для логопедов и воспитателей. Санкт-Петербург : КАРО, 2005. 64 с.
5. Леонтьев А. А. Исследования детской речи. Москва : Просвещение, 2004. 268 с.
6. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. Москва : Педагогика, 1986. 143, [2] с.
7. Никифорова Л. А., Дубовская В. А. Особенности диалогической формы речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи третьего уровня // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 4. С. 23–26.
8. Спирова Л. Ф. Особенности речевого развития детей с тяжелыми нарушениями речи. Москва : Педагогика, 2000. 192 с.
9. Филичева Т. Б., Чиркина Г. В. Подготовка к школе детей с ОНР в условиях специального детского сада. Москва : Педагогика, 2013. 326 с.
10. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: язык и его функционирование. Москва, 1986. С. 17–58.

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF CONNECTED DIALOGICAL SPEECH IN CHILDREN 5–6 YEARS OLD WITH GENERAL SPEECH UNDEVELOPMENT LEVEL III

T.U. Plotnykova, M.A. Tseneva
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of the development of coherent dialogical speech in children aged 5–6 years with general underdevelopment of speech of the III level. Methods for the diagnosis of dialogical speech of older preschool children with general speech underdevelopment are proposed. The results of studying the features of the development of coherent dialogic speech in children aged 5–6 years with general speech underdevelopment are described. Recommendations are offered for the organization of work on the development of dialogic speech in older preschool children with general speech underdevelopment.

Key words: dialogic speech, verbal means of communication, non-verbal means of communication, speech etiquette, older preschool children, general underdevelopment of speech.

УДК 070:37.014

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ФОРМЫ ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

И.В. Руденко
Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается роль отечественных педагогических журналов в распространении нового опыта воспитательной практики, которой рождался во внешкольной среде и получал поддержку прогрессивных педагогов своего времени. На основе анализа статей периодических журналов начала XX века, автор статьи описывает опыт создания и деятельности самодетельных детских сообществ, относя к ним школьный кооперативы, трудовые артели, детские объединения различной направленности. Социальная практика подрастающего поколения, детское движение и есть новая форма воспитания, которая названа «гениальным изобретением педагогики» начала XX века.

Ключевые слова: педагогический журнал, формы воспитания, детские объединения, самодетельность, воспитательная практика.

В современной педагогической теории и практике возобновился интерес к проблемам воспитания подрастающего поколения. В связи с этим дискурс современного воспитания стал широк и разнообразен (духовно-нравственные традиции, патриотизм, нравственные ценности, субкультуры молодежи и многое другое). В этом проявляется ярко выраженный запрос на возрождение воспитательной практики в разных сферах жизнедеятельности

ребенка: в школе, учреждениях дополнительного образования, в семье, в социальной среде. Однако искусство воспитывать по-прежнему остается сложной сферой педагогической деятельности, в которой меняются ценности, смыслы, сам ребенок, инструменты прикосновения к личности которого надо подобрать педагогу.

Немаловажное значение в современной воспитательной практике уделяется отечественным традициям, которые составляют основу российского общества, а «накопленный культурно-исторический опыт позволяет эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы», отмечается в Указе Президента РФ (2022г.) «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» [10].

К педагогическим традициям, заслуживающим внимание и поддержку в современной науке о воспитании относится опыт, который начал зарождаться и оформляться в России в начале XX века. Это опыт был основан на стремлении подрастающего поколения к самостоятельности, желании участвовать в жизни общества в посильных для подростков формах. В бесценном наследии педагогов, которое запечатлено в текстах статей педагогических журналов, содержатся ответы на вопросы о проявлении первых ростков детской активности в виде самостоятельных детских объединений, и о том, как эти объединения влияли на решение задач духовно-нравственного воспитания молодежи на определенном этапе развития российского общества.

В связи с этим определим цель исследования: на основе анализа отечественных педагогических журналов начала XX века раскрыть особенности оформления в России новой воспитательной практики – самостоятельных детских сообществ как актуальной формы решения проблем современного воспитания подрастающего поколения.

Первые педагогические работы, связанные с осмыслением нового зарождающегося опыта воспитания в России, появились на страницах газет и журналов 10–20 годов XX века. В период с 1917 по 1922 годы их выходило около 140. Это были издания, освещающие общие вопросы культурного строительства, народного образования, просвещения, издания педагогических институтов.

Необходимость обращения к поиску новой практики социального воспитания была связано с проблемами нравственного воспитания молодежи, которому не уделяла внимание «рационалистическая, с казарменной дисциплиной школа» начала XX века, да и школа первых лет послеоктябрьских преобразований [1]. Еще в 1911 году на страницах журнала «Русская школа» автор Л. Вишневская в статье «Внешкольные занятия у нас и в Швеции» ставила вопрос о необходимости педагогам найти формы массовой организации детей, которые «совместили жизнь подрастающего поколения в семье и школе, внесли в детскую жизнь социальный элемент; путем разносторон-

ней подготовки развивали творческие способности и трудовые навыки, давая тем самым молодежи окрепнуть и уверовать в своих силах» [1, с. 2]. К явлениям такого рода автор относит петербургские детские клубы, детские площадки, скаутинг.

С 1914 года в разделе этого журнала «Новейшие педагогические течения» появляется ряд публикаций, в которых авторы анализируют деятельность зарождающихся самодеятельных организаций учащейся молодежи как новую форму внешкольного воспитания. Так, например, заслуживают широкого общественного внимания опыт летней кампании добровольных трудовых дружин, построенных на принципах свободной кооперации. «Это явление, несущее идею самодеятельности и самостоятельности подростков, может стать традиционным в России, если его поддержат взрослые», – отмечает В. Елецкий [3, с. 55]. Участие юношества, детей и подростков в общественной жизни приобретало форму общественного движения, а педагогам необходимо понять не только его социальный смысл, но и воспитательную сущность. Педагогические публикации позволяли познакомить читателей с воспитательными системами и течениями, которые появлялись в России в дополнении к школе и преследовали не только образовательные, но и воспитательные цели.

Именно с этих позиций на страницах журнала «Русская школа» ведутся дискуссии о сути скаутизма, его распространения на Западе и в России. В статьях Левитина С., Вишневской Л. раскрывается неоднозначный характер этой организации. С одной стороны – стремление молодежи в самостоятельности, с другой – воспитание милитаристском духе посредством физических и военных упражнений. С одной стороны – гражданское воспитание, гуманные обязанности помогать друг другу; с другой – страсть в торжественным церемониям, политика примирения. Однако авторы сходились во мнении, что скаутская организация позволяет педагогу использовать «природу» ребенка – атавистические инстинкты – в воспитательных целях. И. Жуков был сторонником распространения скаутских отрядов в России, видя в длительных воспитывающих играх (основа воспитательной системы «скаутинг») гениальное изобретение педагогики начала века [4]. По праву можно сказать, что эта форма социального воспитания детей открыла миру новое педагогическое явление – детское движение, «живое дело воспитания», самовоспитания детей, специфическое средство их гражданского становления.

К публикациям подобного рода можно отнести статьи Н.Н. Василькова «Ученические организации» (1917), «Самоуправление в школе» (1917), в которых автор пытается доказать, что в воспитании созидательные силы учащихся должны быть использованы наряду с влиянием педагогов и родителей. «Воспитывать детей помимо детей – недопустимо» [7].

Оригинальными формами воспитательной практики, привлечшими внимание педагогов в 1914–1917 годах, были артели учащихся для ведения сельскохозяйственных работ, школьные кооперативы, Майские союзы. На

страницах педагогического журнала «Вестник воспитания» в статье «Детские и юношеские организации» В. Тотомианц дает обзор этих формирований, раскрывая их социальную сущность и воспитательный потенциал [9]. Артели появились в период гражданской войны из-за недостатка рабочих рук по инициативе самих учащихся, благотворительных организаций. Во многих городах они оказывали большую помощь на селе, приучали молодежь к труду. Своей гуманной направленностью автора привлекают Майские союзы, как например, в с. Елизаветино Псковской области. Цель Майских союзов заключалась в защите птиц от истребления, в охране от разорения гнезд, в ограждении животных от жестокого обращения с ними. Воспитательное влияние автор видел в соблюдении детьми дисциплины и внутреннего порядка при вступлении в организацию, ответственное отношение к обязанностям. В. Тотомианц описывает объединения, которым, на его взгляд, принадлежит будущее в России: кооперативы русских школьников. Они знакомят подростков с постановкой кооперативного дела, с азами потребительской кооперации. Обобщающих педагогических выводов автор не делает, но даёт возможность читателю понять значимость подобных формирований как решающего фактора раскрытия личности.

Поток фактической информации на страницах педагогических изданий о разнообразном новом опыте внешкольной работы ставил педагогов перед необходимостью определить свои позиции по отношению к нему особенно после 1917 года. Публикации этих лет носят дискуссионный характер. В них поднимаются вопросы: необходимости создания новой системы социального воспитания; возможности использования системы скаутинг как новой формы воспитания в послереволюционной России; педагогической целесообразности изучения работы детских организаций за рубежом; подготовки кадров воспитателей для работы с неорганизованными детьми. На страницах журналов все чаще появляется термин «социальное воспитание», которое понимается как «уподобление человека окружающей среде, приспособлению к обществу, его запросам, делам, взглядам, подражании к нему» [4]. Целый ряд публикаций в педагогических журналах (И. Жуков, Г. Левин, Б. Николаев и др.) призывали поддерживать общественно-полезные проявления детей, их стремление к коллективной самостоятельности, к созданию своей общественности.

Большую роль в продвижении идей о новых формах воспитания сыграли молодежные издания. Комсомол стал учредителем первых детских журналов, отражающих практику работы с детьми «Юный коммунист», «Юные товарищи», «Пролетарский ребенок» и др. «Крайняя важность воспитания и недостаточность государственных мероприятий в этой области вынуждает нас взяться за работу среди детей», – говорит А. Леонтьев в статье «Работа среди детей» [5], опубликованной в журнале «Юный коммунист». Автор отвечает на эту идею вполне определенно: захватить влияние возраст от 8 до 14 лет, строить работу, опираясь на самостоятельность детей,

использовать отдельные приемы скаутинга, подумать о выработке своих целостных систем, которые дадут возможность умственного, физического, нравственного воспитания; иметь педагогических работников, которые способны будут вести работу при помощи образовательных средств клуба (игр, библиотеки, кружков, бесед, детских журналов).

Разделяя эту точку зрения, редакция предлагает читателям делиться своим опытом работы с детьми. На протяжении 1920–22 годов на страницах журнала появляется ряд публикаций, отражающий позиции педагогов о формах и методах организации детских групп, содержании их работы в рамках организованного детского движения. Так, О. Тарханов анализируя дискуссию о детском движении как новой форме социального воспитания, продолжающуюся на страницах журнала почти 10 месяцев, высказывает мнение о том, что в России необходимо использовать в воспитательной практике метод длительной игры, приспособить его к особенностям детского возраста. Новую длительную игру в «пионеров нового трудового общества» рекомендует построить так, чтобы она способствовала развитию нормальных наклонностей ребят, побуждала их к работе над собой, готовила в общественно-трудовой жизни. Детально содержание он призывал разработать, опираясь на «практику мест» [8].

Журнал «Юные товарищи», «рассчитанный на детей 9–13 лет, находящихся благодаря распаду семьи и школы вне всякого влияния», ставит целью, по предложению редколлегии, «дать детям здоровую и интересную пищу для чтения и побудить к созданию самостоятельных сообществ», которые способствовали бы пробуждению гражданской активности. К участию в журнале были привлечены около 50 педагогов и практиков, в числе которых А. Пинкевич, А. Курреля, О. Тарханов, Л. Щацкин, Е. Фатьянов и другие. Этот журнал современники оценивали как «первое издание послеоктябрьской России, приспособленное к детской психике, новым условиям и отражающее широкий спектр детских дел, в которых участвовали юные граждане» [6].

Таким образом, педагогические журналы чутко реагировали на новые явления в педагогической жизни. Вопросы народного образования и воспитания, освещаемые в изданиях «На путях к новой школе», «Путь просвещения», «Голос работника просвещения» и многие другие демонстрировали потребность педагогических работников осмыслить проявление самостоятельной детской активности как новой формы воспитательной практики. Однако эти попытки были пока робкими, неустойчивыми. Тем не менее, контекст, который отражал новую воспитательную практику, соотносился с осознанием роли ребенка в жизни общества, определением принципов взаимоотношения со школой. Новая воспитательная практика зарождалась во внешкольной среде, тем самым отвечая многим историческим потребностям. Опыт первых самоорганизующихся объединений не носил стабильный и массовый характер, но как жизненная реальность получил отражение

в педагогической печати. Педагогические журналы стали источником воссоздания исторического опыта воспитательной практики в России в момент его зарождения, проявления реальностью жизни.

На протяжении всей отечественной истории эта практика воспитания эволюционизировала, проявляла себя в различных формах: от массовой практики детской организации до деятельности отдельных самостоятельных структур. Позитивные тенденции развития российского движения детей и молодежи в современной России доказывают, что исторический опыт оказался ценным и заслуживающим внимание со стороны педагогической науки.

Литература

1. Вишневская Л. Внешкольные занятия у нас и в Швеции // Русская школа. 1911. № 9. С. 1–4.
2. Василькова Н. Н. Ученические организации // Русская школа. 1919. № 2–4. С. 52–72.
3. Елецкий В. О трудовых дружинах учащихся для оказания помощи в полевых работах семьям, призванным на войну // Русская школа. 1917. № 5–6. С. 55–57.
4. Жуков И. Н. Цели и задачи скаутизма в России. Забайкальский скаут. Чита, 1915.
5. Леонтьев А. Работа среди детей // Юный коммунист. 1920. № 11. С. 7–9.
6. Рейснер Ф. Международная детская неделя // Юные товарищи. 1922. № 6. С. 28–29.
7. Румянцев Н. Социальное воспитание подростков как насущная задача нашего времени // Народный учитель. 1917. № 5–6. С. 5–9.
8. Тарханов О. Классовое воспитание // Юный коммунист. 1922. № 15–16. С. 49–50.
9. Тотомианц В. Детские и юношеские организации // Вестник воспитания. 1916. № 7. С. 146–162.
10. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Президент России. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 12.02.2023).

PEDAGOGICAL JOURNALS OF THE EARLY XX CENTURY AS A SOURCE FOR STUDYING A NEW FORM OF EDUCATION IN RUSSIA

I.V. Rudenko

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article discusses the role of domestic pedagogical journals in the dissemination of new experience in educational practice, which was born in an out-of-school environment and received the support of progressive teachers of their time. Based on the analysis of articles in periodicals of the early twentieth century, the author of the article describes the experience of creating and operating amateur children's communities, referring to them school cooperatives, labor artels, children's associations of various kinds. The social practice of the younger generation, the children's movement is a new form of education, which is called the "brilliant invention of pedagogy" of the early twentieth century.

Key words: pedagogical journal, forms of education, children's associations, amateur performance, educational practice.

УДК 378.147.016:81'42

КОМПЛЕКСНАЯ РАБОТА НАД ТЕКСТОМ КАК УСЛОВИЕ ГАРМОНИЧНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ И НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

О.Н. Черноштан

Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Автор предпринимает попытку представить полную собственную классификацию уровней работы над текстом на занятии по иностранному языку в вузе в зависимости от типа изучаемой информации с обоснованием их целесообразности и результативности в учебном процессе. Не считая фонетического уровня проработки текста, автор выделяет шесть уровней: визуальный, конкретно-содержательный, глубокий аналитический, содержательный, лексический, грамматический, уровень формата/жанра. Эта классификация не совпадает с классификацией видов чтения, так как различные виды чтения могут применяться на одном и том же уровне. Гипотеза состоит в том, что чем глубже и многоаспектнее на занятиях по иностранному языку строится работа с готовым текстом на всех шести уровнях, тем более эффективно содержание текста сможет быть преобразовано в продуктивную речь и стать основой собственных письменных высказываний.

Ключевые слова: комплексное изучение текста, иностранный язык, виды чтения, аналитическое чтение, смысловое чтение.

Объектом нашего исследования является роль работы над текстом в целостном процессе изучения иностранного языка, а объектом та информация, которую студент может получить из анализа учебного текста. Целью нашего исследования является показать, что потенциал работы с готовым текстом далеко не исчерпывается выполнением заданий по чтению стандартного формата, но в зависимости от цели занятия может производиться на шести уровнях, таких как уровень активизации когнитивных схем и визуального знакомства с текстом (предполагает знакомство с названиями его разделов, сопровождающей графической информацией, словами, выделенными особым шрифтом, местом текста в разделе и т.д.); конкретно-содержательный уровень (предполагает выделение ключевых слов названия, тематических предложений абзаца, фраз, подтверждающих ответы на задания к тексту, фактической информации); глубокий аналитический содержательный уровень (предполагает определение коннотации, позиции автора, главной идеи текста и каждого абзаца, логических взаимосвязей между отдельными аргументами в ряду логической цепочки рассуждения, критический анализ содержания и т. д.); лексический уровень (предполагает выделение и закрепление в речи произношения и употребления крылатых фраз и выражений, оборотов, фразовых глаголов и других лексических единиц

и единств); грамматический уровень (предполагает анализ спектра употребляемых автором грамматических форм в соотношении с форматом и целью письменного высказывания); уровень формата (предполагает анализ текста в соответствии с требованиями, предъявляемыми к текстам определенного жанра, стиля и регистра, слов-связок, логических переходов и т. д.). В нашу классификацию мы не включаем фонетический уровень проработки чтения текста, то есть отработку самих навыков выразительного, фонетически и интонационно правильного чтения, а также уровень изучения широкого культурного и исторического контекста, который помогает понять содержание текста. Первый уровень элементарный и относится к закреплению самого навыка чтения, а не к чтению конкретного текста, а последний уровень предполагает слишком широкий контекст изучения, для которого не всегда есть время на занятии по иностранному языку. Также мы не будем отдельно говорить о проработке текста на уровне выработки самих стратегий чтения (например, использования различных приемов выделения и маркирования существенной информации на полях или с использованием символов).

Наша гипотеза состоит в том, что чем глубже и многоаспектнее на занятиях по иностранному языку строится работа с готовым текстом на всех шести уровнях, тем более эффективно содержание текста сможет быть преобразовано в продуктивную речь и стать основой собственных письменных высказываний.

Тема является актуальной, потому что и в наши дни очень многие преподаватели или авторы учебных пособий при работе над текстом ограничиваются выполнением заданий множественного выбора, обсуждением конкретных фактологических вопросов к тексту и пересказом, а иногда и перевод текста все еще «превалирует над самостоятельной активной речевой деятельностью обучающегося», вследствие чего иностранный язык воспринимается не как «живой и разговорный», а как «мертвый письменный» [6, с. 175]. Безусловно, сама по себе тематика стратегий, подходов и методов работы над чтением была неоднократно представлена и на методических вебинарах Кембриджского университета (вебинары Питера Уоткинса, Криса Торна, Иваны Видакович, Денниса Карра и др. Также ряд вебинаров был выпущен от Британского Совета и даже независимыми блоггерами, такими как Томас Франк. Отечественными специалистами выполнен глубокий анализ отдельных аспектов работы над текстом, например, проработки лексики (исследования В.К. Барашян, Л.А. Недоспасовой, А.Н. Колесниченко, М.Н. Черкасовой). Однако, как правило, не предпринимается попытки провести более целостный комплексный характер всех уровней работы с текстом, представив обоснованную классификацию этих уровней с описанием их специфики, необходимости в учебном процессе, достигаемых результатов и методов).

Задачами нашего исследования является: 1) продемонстрировать взаимосвязь многоаспектной проработки текста студентом и эффективного перехода к продуктивной устной и письменной речи, как подготовленной, так

и спонтанной; 2) описать специфику, функциональные особенности и ожидаемые краткосрочные и долгосрочные результаты проработки текста на каждом из шести уровней; 3) продемонстрировать, что шесть уровней проработки текста не идентичны видам чтения или определенным типам заданий по чтению.

Каждый уровень проработки текста играет собственную роль в целостном процессе обучения и может принести различные результаты. Например, проработка текста на визуальном уровне в краткосрочной перспективе позволяет не только активизировать лексику по теме, но и отработать навыки антиципации, предугадывания информации, необходимые не только для эффективного выполнения заданий по чтению, но и для аудирования. В долгосрочной перспективе привлечение внимания к особенностям графического дизайна и визуальной информации, сопровождающей текст, может помочь студентам правильно организовать собственное письменное высказывание сходного формата. На этом этапе преподаватель обращает внимание обучающихся на таблицы, схемы, иллюстрации, заголовки, слова, выделенные особым шрифтом, количество частей, из которых состоит текст, его графическое оформление, при этом активизируются фоновые знания и догадка, задаваемые вопросы предполагают прогностические способности. На данном этапе активизируются уже имеющиеся в сознании обучающихся когнитивные схемы и представления, повторяется ранее изученная лексика по изучаемой теме.

Проработка содержания текста на конкретно-содержательном уровне в краткосрочной перспективе позволяет научить студентов быстро и точно справляться с большей частью стандартных заданий по чтению, а в долгосрочной – быстро, точно и эффективно извлекать основное содержание из большинства источников информации. Подобной проработке способствует выполнение многих стандартных заданий по чтению закрытого типа (задания множественного выбора, альтернативных ответов (верно-неверно-не указано), упражнений на подстановку, заданий с конкретными вопросами, касающимися деталей содержания текста, заданий на поиск количественной информации, топографических названий и т. д.

При проработке текста на глубоком аналитическом содержательном уровне в краткосрочной перспективе студент научается лучше понимать позицию автора и логику идей и аргументации во взаимосвязи, а в долгосрочной перспективе – определять подлинную мотивацию и цели автора высказывания, а также строить собственное логически оформленное рассуждение эффективным образом исходя из личной позиции и целей. Подобные навыки критического мышления могут активизироваться как вопросами или заданиями множественного выбора более общего порядка, относящимися не к конкретному фрагменту текста, а скорее к целостной его характеристике, так и при создании собственных письменных высказываний на основе содержания текста в процессе личного творчества. На этом уровне

очень важно осуществлять более общий переход к формированию собственного критического мышления, обсуждать, представляются ли приведенные автором аргументы валидными, проверенными и достаточными для подкрепления авторской позиции, как автор старается убедить нас в правильности основной идеи текста, можем ли мы проверить представленную в тексте информацию, какие цели преследует автор при создании подобного текста, представлены ли в тексте альтернативные точки зрения, обоснованы ли выводы автора, почему упоминаемые индивидуумы испытывают те или иные чувства и т. д. При этом очень важно обращаться к личному опыту обучающихся, опираться на их фоновые знания, просить сформулировать личную точку зрения. Все эти навыки важны не только для повышения языковой компетенции, но и для формирования самостоятельно мыслящей личности, которая и в будущем сможет не принимать информацию на веру, но активно проверять ее, проявлять большую осознанность, стремление к истине или справедливости. В этом отчасти и состоит «использование воспитательного потенциала иностранного языка как механизма развития субъектности студента» [3, с. 107].

На уровне изучения лексики в краткосрочной перспективе преподаватель готовит базу для продуктивного обсуждения текста, а в долгосрочной – расширяет лексический запас обучающегося для повышения уровня языка и создает основу для формирования представлений о формате, регистре, коннотации. Методы проработки лексики также весьма разнообразны: преподаватель может попросить найти в тексте синонимы, раскрыть значение многозначного слова в конкретном контексте, попросить выполнить задания на сопоставление фрагментов речевого оборота, выполнить упражнения на преобразование лексических единиц, заполнение пропусков или составление собственных предложений или небольших высказываний с употреблением изученных слов. Не стоит забывать и о необходимости семантико-этимологического экскурса [5, с. 348]. Именно лексикологическая осведомленность о наличии продуктивных словообразовательных моделей, функционально-семантических полей, однокоренных слов, заимствований, международных слов, а также этимологической природе лексических явлений во взаимосвязи с историей формирования определенного языка делает знания обучающихся комплексными, глубокими, помогает эффективно выполнять задания на трансформацию и образование однокоренных слов. При работе над лексикой учитель также развивает способности угадывания значения незнакомого слова и стилистически правильную, насыщенную интересными оборотами, выразительную речь. Когда преподаватель прорабатывает тексты специальной направленности со студентами вуза, то на этом уровне необходимо уделять внимание «изучению устойчивых словосочетаний, идиом и фразеологических единиц как терминов», так как «терминологический компонент является важной составляющей профессиональной языковой компетенции специалиста» [1, с. 15]. Для студентов технических специальностей очень важным является изучение иностранных слов, кото-

рые также приняты и в русскоязычном инженерном дискурсе, что поможет пополнить словарный запас не только на иностранном, но и на родном языке, ведь лексические заимствования в учебном процессе активно используются в технических вузах, а англицизмы в педагогическом инженерном дискурсе отличаются «семантической, деривационной и грамматической активностью» [4, с. 63]. Также в уместных случаях важно сопоставлять лексические единицы иностранного и родного языков, сравнивать поле значения, коннотации, сходства и различия функций, которые они выполняют [2, с. 82]. При этом не нужно бояться использования русского языка при преподавании иностранного, когда это необходимо для углубленного понимания, а не для простой компенсации недостаточной методической грамотности преподавателя, потому что реальные контексты использования иностранного языка специалистами очень часто требуют навыков перевода, а не просто высокого уровня владения иностранным языком (например, навыки перевода необходимы при участии специалиста в переговорах, международных конференциях и других мероприятиях с участием носителей двух языков, даже для перемещения по городу с другими коллегами) [7, р. 60].

На грамматическом уровне преподаватель не только помогает увидеть изученные формы в связной речи и понять, как они используются в конкретном контексте, но и формирует более целостные представления о том, как определенный набор форм применяется в целостном тексте определенного формата. При проработке текста очень важно обращать внимание на интересные случаи использования глагольных форм, просить обучающихся найти в тексте формы определенного типа для лучшего распознавания случаев использования грамматических правил при оформлении целостного письменного высказывания.

Наконец, при работе над форматом преподаватель в конечном итоге осуществляет переход от текста к определенному шаблону, предназначенному для написания текстов подобного типа, и далее к личному творчеству обучающихся в заданных рамках формата с учётом стиля, регистра и конкретных лексических единиц (например, слов-связок, стандартных фраз для логических переходов) и грамматических форм, которые могут использоваться в рамках подобного письменного высказывания.

Мы считаем, что в целостном учебном процессе чтение должно реализовываться на всех шести уровнях. Конечно, как правило, проработать текст на всех уровнях во временных рамках отдельного занятия не всегда представляется возможным, тем не менее, целостный учебный процесс должен быть сбалансирован таким образом, чтобы в рамках учебного курса включать все шесть выделенных нами уровней работы над текстом. Если работа над каким-то уровнем не осуществляется, то не происходит формирования важных навыков и качеств личности. Например, если упущена работа над текстом на уровне визуального восприятия и активизации когнитивных схем, то текст не связывается в сознании обучающегося с более

широким образовательным контекстом, не происходит осознания, к какой области знаний он принадлежит, а также не формируется представлений о корректном оформлении подобных высказываний как текстов определенного типа. Если упущена работа над текстом на конкретно-содержательном уровне, то студент не научается быстро распознавать необходимую информацию и использовать навыки просмотрового чтения. Если текст не прорабатывается на глубоком аналитическом содержательном уровне, то в конечном итоге не происходит становления обучающегося как независимой личности, умеющей мыслить самостоятельно, формировать и обосновывать собственные суждения. Если текст не проработан на уровне формата, то обучающийся не сможет правильно распознавать текст определенного формата исходя из представлений о его существенных характеристиках, а также создавать собственные письменные высказывания, отвечающие законам данного формата. Если текст не проработан на уровне лексики, то лексическое содержание текста не станет частью активного словарного запаса обучающегося. Если текст не проработан на уровне грамматики, то обучающийся, возможно, будет успешно выполнять упражнения на использование конкретных грамматических структур, но не сможет создать собственное развернутое высказывание с использованием всего многообразия форм.

Конечно, есть задания, которые не могут быть сведены к работе над текстом на каком-либо одном уровне, например, пересказ текста от различных лиц одновременно активизирует лексическое и грамматическое содержание текста, предполагает передачу деталей, относящихся к конкретному содержанию текста, но также и формулировку личных суждений на более глубоком уровне, сохранение его формата и т. д.

С другой стороны, при работе над текстом очень важно приучить обучающихся работать с применением различных видов чтения (просмотрового, ознакомительного, изучающего, поискового), формирование навыков чтения определенного вида не сводится к проработке текста на каком-то одном уровне. Например, просмотровое чтение может понадобиться на уровне проработки конкретного содержания, на уровне изучения формата, а также на грамматическом и лексическом уровнях. Вид чтения часто определяется не уровнем проработки текста, а подходом конкретного преподавателя.

Итак, мы считаем, что работа над текстом на всех шести уровнях имеет решающее значение для формирования языковой компетенции обучающихся, потому что является необходимым условием для отработки не только навыков чтения в собственном смысле слова, но и навыков письма и говорения, расширения словарного запаса и т. д. Также именно при обсуждении содержания текста развивается самосознание обучающегося, он становится самостоятельно мыслящей личностью с личными представлениями, взглядами, гражданской позицией, принципами и убеждениями и т. д. Поэтому очень важно, чтобы педагог имел представление о различных уровнях проработки текста и гармонично включал работу над текстом на всех уровнях в целостный учебный процесс.

Литература

1. Барашян В. К., Недоспасова Л. А. Терминологический компонент как аспект профессиональной языковой компетенции студентов направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации : Материалы Седьмой Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Смеюха. Ростов-на-Дону, 2019. Ч. 1. С. 15–22.
2. Колесниченко А. Н. Функции сленга в повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5. С. 82–86.
3. Недосека Л. А., Кононенко А. П. Воспитательный потенциал иностранного языка в процессе становления субъектности студента // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2016. № 6. С. 107–113.
4. Черкасова М. Н. Роль иностранных слов в инженерном дискурсе (на материале преподавания английского языка) // Преподаватель высшей школы в XXI веке : Труды Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции / отв. ред. И. В. Одарюк. Ростов-на-Дону, 2017. Сборник 14. С. 63–68.
5. Черкасова М. Н., Гампарцумов А. С. Семантико-этимологический экскурс как одно из средств формирования функциональной устойчивой компетенции при изучении иностранного языка // Преподаватель высшей школы в XXI веке : Труды XVII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: М. Н. Черкасова, О. В. Маруневич. Ростов-на-Дону, 2020. С. 348–353.
6. Черноштан О. Н., Вольф Е. Н. Научный дискурс как контекст преподавания английского языка в высшей школе // Многоуровневая языковая подготовка специалистов в неязыковых вузах: проблемы и перспективы развития : Труды II Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции / отв. ред. О. И. Сафроненко. Ростов-на-Дону, 2012. С. 174–180.
7. Chernoshtan O. N. A one-way alley: disadvantages of the English-only approach in a non-native English language classroom // Educational bilingualism: new language pedagogy / I. L. Ashmarina, N. V. Bagretsova, E. V. Beloglazova [et al.]; Ed.: N. A. Gunina, R. P. Millrood. Newcastle, 2019. P. 59–71.

COMPLEX TEXT STUDY AS A PRECONDITION OF HARMONIOUS SHAPING OF LANGUAGE COMPETENCE AND SKILLS OF ANALYTICAL THINKING OF A STUDENT IN A FOREIGN LANGUAGE CLASSROOM AT THE MODERN UNIVERSITY

O.N. Chernoshtan

Rostov State Transport University
Rostov-on-Don, Russian Federation

The author undertakes an attempt to present their own complete classification of levels of text study in a university foreign language classroom depending on the type of the learnt information with highlighting of their expedience and effectiveness in the educational process. Except for the phonetic level of reading, the author distinguishes six levels of text study: visual, content-based of specific details, deep analytical content-based, lexical, grammar, and format level. This classification does not coincide with the classification of the kinds of reading, as different reading kinds can be applied at each of the levels. The hypothesis is that the deeper and in a more complex way the text study in a university foreign language classroom is performed at all six levels, the more effectively the information of the text can be used in own students' own productive speech and serve as the base for productive writing.

Key words: complex text study, foreign language, types of reading, analytical reading, content-based reading.

ПОЭТИКА ТЕКСТА. ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

УДК 82.09-31(430)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР РОМАНА УЛЬРИХА БЕХЕРА «СЕРДЦЕ АКУЛЫ»

Н.В. Жыла

Мелитопольский государственный университет имени А.С. Макаренко
г. Мелитополь, Российская Федерация

Своеобразная организация художественного мира романа Ульриха Бехера «Сердце акулы» представляет интерес для специального исследования. Произведение У. Бехера «Сердце акулы» с беспристрастным подходом автора к изображаемому является одним из знаковых для немецкой литературы: сложность и многоплановость сюжетно-тематических уровней, организация художественного времени и пространства, эйдологическая система, где лейтмотивным образом-символом является «сердце акулы». Канва произведения построена на событиях, которые разворачиваются в трех плоскостях времени: прошлом, настоящем, будущем, сквозь весь роман проходит символом диада жизнь/смерть.

Ключевые слова: художественный мир, Ульрих Бехер «Сердце акулы», хронотоп, историческое прошлое.

Актуальность темы исследования обусловлена сложностью и противоречивостью вопросов, отражающих специфику художественного мира романа Ульриха Бехера «Сердце акулы» как одного из малоизвестных и недостаточно изученных в современном литературоведении. Ульриха Бехера смело можно отнести к неординарным фигурам в немецкоязычной литературе XX века. Хотя глубокого всестороннего изучения поэтики прозаика не проведено ни в отечественном, ни в западноевропейском литературоведении. Открытую же общую информацию об авторе и его творчестве содержат популярные российские литературные сайты (knigogid.ru, dic.academic.ru, руни.рф, ru.knowledgr.com, /people-archive.ru и др.), что говорит об интересе российских читателей к У. Бехеру и его книгам. Исследованием биографии и литературно-художественного наследия автора занимались Л. Полётова, М. Коренева и др., лингвистический анализ романа «Сердце акулы» проведен на сайте КулЛиб, переводят прозу Марк Белорусец, М. Коренева. Несмотря на значительное количество трудов, посвященных творчеству У. Бехера, вопрос его творческого метода, место в литературном процессе остается открытым.

Актуальным является так же обращение к категории «художественный мир» («фиктивный мир») в литературоведении последних десятилетий. Теоретическую основу для осмысления внутреннего мира художественного произведения как отдельной категории создал М. Бахтин, а статья Д. Лихачева [9] «внутренний мир художественного произведения» (1968) до сих пор

является едва ли не единственной попыткой придать введенному им термину «внутренний мир художественного произведения» определенности и даже структурировать его содержание. Ю. Боров утверждает, что художественный мир, с одной стороны, является реальным через содержание им концептуальной модели действительности, которая состоит из осмысленных и пропущенных через сердце «впечатлений бытия» [3, с. 305], а с другой стороны, художественный мир является нереальным, потому что он является не доступным для вмешательств читателя (реципиента). Сравнивая реальный и художественный миры, Ю. Боровым подчеркнута определяющая роль вымысла в художественном мире [4]. Такого же мнения придерживаются и зарубежные теоретики литературы: Кол Риб [16], Б. Росбах [17], Х.-Кол. Найхаус [15], Г. Дрихорст [14], В. Шмид [12]. По мнению ученых, художественный (или фиктивный) мир базируется на реальных фактах, но определяющими являются вымышленные события, ведь литература не интересуется непосредственно действительностью. «Фикция заключается в «делании», в конструкции вымышленного, возможного мира» [12, с. 31], – заметил В. Шмид. В фиктивном мире все является фиктивным: ситуации, персонажи, действия, время, речь, мысли, конфликты и тому подобное.

Ф. Федоров видит в текстах определенного автора или отдельного типа искусства «какой-то единый, инвариантный по своему характеру текст» [11, с. 5], что, по мнению ученого, позволяет говорить о «художественный мир произведения», «художественный мир автора», «художественный мир обозначенного типа искусства» [11, с. 5].

Приведенными соображениями обуславливается цель научной статьи – выявление специфики построения художественного мира произведения Ульриха Бехера «Сердце акулы».

Реализация поставленной цели в работе требует решения ряда таких задач: изучить состояние исследованности категории "художественный мир" в литературоведении; исследовать литературно-критическую оценку творческого наследия Ульриха Бехера в целом и его романа "Сердце акулы" в контексте литературы Германии XX века; провести анализ построения сюжетно-тематических уровней романа; определить специфику создания эйдологической системы в произведении Ульриха Бехера «Сердце акулы»; описать своеобразие функционирования принципов организации художественного времени и пространства в произведении Ульриха Бехера «Сердце акулы».

Примененный в научной работе подход предполагает сочетание системно-целостного, функционального, имманентного методов исследования с элементами лингвостилистического анализа. На выбор направления и методов исследования имели влияние идеи М. Бахтина, Ю. Борева, М. Гиршмана, Б. Успенского, Ф. Федорова, В. Зинченко, А. Науменко, О. Рихтер, Х.-К. Найухауза и других.

Изучение организации художественного мира романа Ульриха Бехера «Сердце акулы» берет свое начало во внетекстовом компоненте – биографии прозаика.

Жизненный и творческий путь талантливого Ульриха во многом предопределило знакомство с преподавателем немецкого языка и литературы, а в дальнейшем — литературным издателем Г. Гессе, Б. Брехта, М. Вальзера и других выдающихся художников XX века, Петером Зуркампом. Юрист по образованию, Ульрих делает определенные успехи в литературной деятельности, музицирует, занимается живописью. В двадцать три года Ульрих издает свой первый сборник рассказов “Мужчины совершают ошибки” (1932), которая в 1933 году попадает в “черный список” запрещенных книг, а сам автор зачисляется в “писателей, что вырождаются” (“*entarteteten*” *Schriftstellern*“ [18]), представителей “дегеративного искусства” [2] и тому подобное.

Итак, У. Бехер переехал в Австрию, где некоторое время с успехом занимался литературной деятельностью: пьесы ставились на сценах Вены и Цюриха, книги печатались и читались. После включения Австрии в состав Германии 11-13 марта 1938 года уже женатый на то время Ульрих Бехер направляется в Швейцарию, потом с новым паспортом (художник был евреем) отправляется через Францию, Испанию и Португалию в Бразилию, где продолжает работать журналистом, писать прозу, публиковаться. В 1944 году Ульриха Бехера принимает Америка. И снова - литературная деятельность. Лишь в 1954 году Бехер решает вернуться в Швейцарию, которая ему не очень нравится.

М. Коренева [1] в предисловии к роману «Сердце акулы» отмечает, что У. Бехер был на долгое время оторван от родного языка, Родины, культуры, но продолжает присутствовать в литературном пространстве «новой Европы», где с 1946 года вновь выходят в свет его произведения. Но литературная критика не знает куда его «поместить», продолжает исследовательница, к немецкой или к швейцарской литературе. Игнорировать же фигуру У. Бехера не возможно — слишком значимыми являются его послевоенные произведения: «В начале пятого» (1957), «Сердце акулы» (1960, 1972), «Охота на Сурков» (1969) и др.

«Вечный гость», как называл У. Бехера его сын Мартин Рода Бехер [цит. по: 1], сам себя считал вечным эмигрантом, что лишало писателя любой зависимости от условий времени. По этой причине У. Бехер чувствовал себя совершенно свободно в отборе тем, сюжетов и образов в своих творческих набросках, говорится М. Коревой [1].

Роман У. Бехера «Сердце акулы» имеет широкий тематический спектр. Кстати, стоит сразу отметить, что все произведение У. Бехера построено на контрастах, неординарных для повседневности ситуациях и событиях, а собственно действие происходит в местностях, известных своей историей, культурой и выдающимися фигурами.

Так, социально-историческая тематика охватывает изображение различных слоев общества швейцарского города Базель, где предпочтение отдается, однако, простому народу в повседневные, с пристальным вниманием автором вырисовывается досуг: игра на барабанах [1, с. 7], массовое участие в праздничных карнавальных сценах [1, с. 4] и т.п.

Обустройство же быта, забота о питании, работа имеют фоновое значение в произведении для подчеркивания социального происхождения людей («все эти толстые женщины вокруг (разжирили отнюдь не вследствие «экономического чуда», а от неправильного питания, как все бедняки)» [1, с. 50]; «слышались возгласы гермафродита, ругань торговков» [1, с. 53]; «вместе с первыми бедняками, которые урвали себе по несколько фунтов акульего мяса и забирали добычу в переброшенных через плечо мешках или в рваных мешках, чтобы приторочить к седлу» [1, с. 53]; «у них были медленные движения людей, которые много и тяжело работали» [1, с. 54–55]).

Красной нитью проходит в романе тема исторического прошлого Европы в целом и Германии в частности. Позиция же писателя вписывается в принципы постмодернистского отображения мира, когда автор не дает однозначной оценки каким-то определенным событиям, он в отдельных эпизодах отражает понимание истории в политическом контексте тем или иным персонажем произведения. Так, больше всего прибегает к таким, иногда даже резким, размышлениям «кроманьонец»: «...я испытываю глубокое презрение к тем, кто ненавидит коммунистов исключительно по долгу службы. Но от государственных деятелей нашего времени, когда без науки ни туда и ни сюда, гм, да, и ни сюда, от них, тем более от правоверных марксистов. Я желаю слышать научно обоснованные заявления. Потому что Европе загубил именно болтун. Самый мерзкий болтун из всех болтунов на свете» [1, с. 17].

Философский тематический ряд образуют проблемы бытия: жизнь, смерть, счастье, любовь, природа, смысл существования и т. Достоянна внимания диада жизнь/смерть в романе У. Бехера «Сердце акулы», представленная автором довольно непринужденно (что свойственно немцам с их философией Ф. Ницше) на протяжении всего произведения как природные начало/конец для существования всего в мире: и человека, и животного («Смерть я худо-бедно могу себе представить как конец, покой, а вечность – это обидное требование фантазии, любви, разума, терпения. Устаревшее понятие. Как хорошо, что мир стал наконец конечным...» [1, с. 25], – размышлял Ангелус; «Нет ничего более абстрактного, чем... аххх... смерть» [1, с. 35]). Усиливают противопоставление жизни/смерти вера главных героев в ад, с которым ассоциируется вулкан Стромболи [1, с. 21].

К эстетическому тематическому кругу относятся темы, связанные с культурой и искусством тогдашнего общества. И первое, что бросается в глаза, – талант главных героев Ангелуса Туриана и Лулубэ к творчеству, пристрастие жителей городка к карнавалам с масками, спектаклями, барабанным сопровождением.

Кстати, карнавал становится в романе одним из средств отражения внутреннего мира человека, ведь маска удивительно точно показывает внутренний мир персонажей, их натуру, потаенные мысли: «голоса звучат глухо из-под громоздких масок – здесь и бесовские хари, и простодушные крестьянские физиономии с носами неимоверных размеров, и сморщенные личики эмбрионов (базельские художники – авторы самых смелых карнавальных масок во всей Европе); мужчины в женских платьях, девушки с усами и бородой, клыкастые пасти, оборотни...» [1, с. 10].

Тематика романа «Сердце акулы» отмечается глубиной, разноплановостью и подробностью разработки тем. Иногда же тематика отдельных изображаемых событий приобретает ситуативный, одноплановый и подтекстовый характер (карнавал, маски, игры).

При изучении художественного мира писателя важным есть определение смыслового наполнения художественных образов, их внутренней структуры, особенностей образования, динамики, взаимосвязей с другими образами и компонентами художественного мира художника. Закономерности построения художественных образов отражают своеобразие индивидуального стиля писателя и общие тенденции литературного процесса второй половины XX века.

В эйдологии произведения У. Бехера мы определили несколько типологических рядов. По объектам изображения выделяются образы-персонажи (Лулубе, Ангелус, Кроссмен, местные жители населенных пунктов, где происходит действие), образ-символ (сердце акулы), образы природы, образы-вещи (предметы быта, интерьера, элементы одежды, маски и тому подобное), пространственные образы (город Базель, острова, вулканы, пещеры и тому подобное).

По функции в организации сюжета образы делятся на динамические (те, что принимают непосредственное участие в развитии сюжетных линий и мотивов, – Лулубе, Ангелус, Кроссмен) и фоновые (создающих социально-исторический и культурный фон, – местные жители, исторические фигуры).

По способам авторской характеристики образы являются развернутыми (изображенными достаточно подробно через систему отношений – главные герои Лулубе, Ангелус, Кроссмен) и пунктирными (едва очерченными, например, образы родителей Лулубе).

В аспекте рецепции художественные образы в романе У. Бехера делятся на полифонические (они получают разное звучание в тексте, как, например, образ главной героини Лулубе, который выстроен на основе сочетания многих мотивов – ностальгии, любви, страха, войны, искусства и тому подобное) и монофонические (те, которые воплощают одну тему, мотив, например, образ Кроссмена, в котором выразительно мотив свободы).

Отдельного внимания заслуживает образ-символ сердце акулы, который стал лейтмотивным в одноименном произведении «Сердце акулы» У. Бехера. С названия романа как интрига звучит «сердце акулы» и «серд-

це». При этом стоит отметить, что упоминание о «сердце акулы» имеет место в событиях и ситуациях, связанных с главной героиней Лулубе. Интригующим здесь является сам образ Лулу, которая с самого детства была довольно жестким человеком, которому по нраву были убийства животных и вид крови. Причиной этому послужила детская история, когда нетрезвый отец Лулу выбил глаз ее матери в присутствии маленькой дочери. Навязчивые воспоминания об этом событии во взрослой жизни Лулубе стали кульминацией в становлении ее мировосприятия. Так, сердце акулы появляется перед глазами Лулубе именно тогда, когда уезжает с острова Кроманьонец (Кроссмен), только возле которого женщина испытала настоящие чувства, влечение и желание идти за ним куда угодно, ведь он был тот самый желанный «Дикий Охотник» [1, с. 41] – идеал мужчины для женщины. Именно теперь Лулубе воспринимает мир сердцем. А те несколько часов, когда она ищет своего Кроманьонца и решает, что будет делать дальше, сердце убитой и исполосованной акулы продолжает жить.

Это символизирует решение героини выйти из зоны комфорта – покинуть мужа ради чужого, далекого и незнакомого кроманьонца, в корне меняя свою судьбу, себя, плыть на поиски «ее пещерного человека» [1, с. 45].

Итак, история о любви и жизни супругов, что является основой романа «Сердце акулы» У. Бехера, ломает традиционные представления о морали, отношения между мужем и женой, и остается открытой для творчества читателя, давая широкие возможности для дальнейшей его интерпретации.

Одним из определяющих принципов построения художественного мира писателя является хронотоп, обуславливающий жанровое своеобразие, особенности структурной организации и повествовательной системы произведения [6].

События романа «Сердце акулы» У. Бехера разворачиваются в нескольких планах художественного мира: реальном (основная рассказ о путешествии супругов Турианов), историческом (исторические события и времена после Первой и Второй мировых войн, которые вплетаются в основные события благодаря диалогам и размышлениям действующих лиц), а также различные истории из жизни других людей.

В художественном времени и пространстве романа «Сердце акулы» У. Бехера определяющей является роль памяти, воспоминаний человека. Опираясь на классификацию немецкого ученого С. Дирофф [13] в пространственно-временной организации историй, изложенных автором на основе собственных воспоминаний, можно разграничить четыре вида топосов: местности и генеалогии поколений (Generationenorten), памятные (Gedenkort), мемориальные (Erinnerungsorten) и травматические места (traumatische Orten).

Первый из названных видов топоса связан с семейной генеалогией (живыми и умершими родственниками действующих лиц). Так, события произведения разворачиваются в родном городе главных героев Базеле в Швейцарии. В романе нашел воплощение хронотоп поколений: периодически упоминаются родители Лулубе, умерший отец Кроссмена.

Возникновение второго вида топоса обусловлено памятными событиями и эпизодами жизни, которые герои будто заново переживают, пересказывая их в разговорах с другими людьми.

Лейтмотивным топосом стал в романе «Сердце акулы» У. Бехера топос «остров/пещера». Топос (локус) острова воплощает символичность отдаленности, изменчивости и непредсказуемости мира, а пещера убежище, нечто большее, чем просто жилье для сознания предков. Во всех событиях произведения остров с действующим вулканом является пунктом, где сходятся, расходятся, пересекаются или возвращаются сюжетные линии произведения. Более того, остров, на котором находится вулкан, что является привлекательным местом для путешественников и опасным кошмаром для местных жителей, символично отражает жизненные судьбы персонажей (а отсюда и исторической эпохи), сочетая их, приближая или отдаляя в художественном времени.

Важным является топос острова и в композиционном построении романа «Сердце акулы»: Лулубе и Ангелус отправляются на остров для того, чтобы написать картины, далее – посещение действующего вулкана как кульминация в чувствах и жизни главных персонажей, а в конце – в корне изменившиеся судьбы и мужа, и жены. Остров-тюрьма [1, с. 14]) в романе – центральный топос (локус) всех изображаемых событий, подпадает под существенные изменения во времени, отмечается писателем исключительностью своей роли в построении художественного мира всего романа в целом.

В пределах топоса третьего вида нашли отражение наиболее значимые исторические факты, которые отразились на жизни целого мира: в романе «Сердце акулы» – это события Второй мировой войны и послевоенных лет [1, с. 9].

Топос четвертого вида свидетельствует о наличии большой душевной раны, что не может даже с годами зажить, болевых точек бытия, которые определяют постоянное возвращение автора к ним («Счастлив, кто ищет старую рану, и не находит» [1, с. 34]). Это прежде всего события Второй мировой войны, к которым постоянно и настойчиво возвращается Кроссмен, разыскивая замученного отца. Трагические факты истории XX века являются неотъемлемой частью литературы Германии, ведь, как уверяет С. Дирофф, ни одна семейная история не выпускает из памяти времена национал-социализма и «другие катастрофы XX века» [13, s. 4].

Анализ романа Ульриха Бехера «Сердце акулы», позволяет констатировать, что картина мира ирреального в произведении сквозь призму времени и пространства подчеркнута разнообразными особенностями временной и пространственной семантики, ибо автор воссоздает реальность с помощью новых средств членения пространства, то есть образует новую картину мира.

Предложенное исследование, на наш взгляд, является теоретико-практической базой для дальнейшего концептуального анализа творчества известного западноевропейского писателя Ульриха Бехера.

Литература

1. Бехер У. Сердце акулы / пер. с нем. М. Кореновой, Г. Снежинской. Санкт-Петербург : Издательство И. Лимбаха, 2004. 181, [1] с.
2. Бехер Ульрих // Большой энциклопедический словарь. URL: scavina.narod.ru/3.html (дата обращения: 20.02.2023).
3. Боров Ю. Эстетика. Смоленск : Русич, 1997. Т. 1. 575 с.
4. Боров Ю. Эстетика. Смоленск : Русич, 1997. Т. 2. 638 с.
5. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кириозе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход : учеб. пособие. Москва : Флинта [и др.], 2002. 200 с.
6. Зусман В. Г. «Художественный мир» как категория литературы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. № 9. С. 18–29.
7. Лейдерман Н. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 3–47.
8. Лингвистический анализ: Сердце акулы (Ульрих Бехер) // CoolLib. URL: coollib.net/b/165625/1a (дата обращения: 20.02.2023).
9. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
10. Полетова Л. А. Бехер Ульхир // Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: old.bigenc.ru/literature/text/1865027 (дата обращения: 20.02.2023).
11. Федоров Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига : Зинатне, 1988. 454, [2] с.
12. Шмид В. Нарратология. Москва [и др.] : Языки славянской культуры [и др.], 2003. 311 с.
13. Dyroff S. Zeit und Raums in den Gedächtnistheorien von Aleida und Jan Assmann // Beiträge des Symposiums «Literatur und Erinnerung» im Rahmen der 2. Kieler Tage in Poznań. 2006.
14. Driehorst G., Brandt W. HeBELS Diebsgeschichten // Erzähler-Erzählen-Erzähltes. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1996. S. 13–27.
15. Nayhauss H.-Chr. Graf v. Einsichten und Ordnungsversuche: Studien zur Gegenwartsliteratur und Literaturrezeption in der Gegenwart. Bern [et al.], 1998. 524 s.
16. Rieb C., Brandt W. «Ich kann nichts davon oder dazu tun». Zur Fiktion der Berichterstattung in Annette von Droste-Hülshoffs Judensbuche // Erzähler-Erzählen-Erzähltes. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1996. S. 47–65.
17. Rossbach B., Brandt W. Joseph von Eichendorffs Novelle Viel Lärmen um Nichts. Die Ordnung des Labirints // Erzähler-Erzählen-Erzähltes. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1996. S. 29–46.
18. Über Ulrich Becher. URL: Vita.htm (дата обращения: 20.02.2023).

THE ARTISTIC WORLD OF ULRICH BECHER'S NOVEL "THE SHARK'S HEART"

N.V. Zhyla

Melitopol State University named after A.S. Makarenko
Melitopol, Russian Federation

The peculiar organization of the artistic world of Ulrich Becher's novel "The Shark's Heart" is of interest for special research. The work of W. Becher "The Shark's Heart" with the author's impartial approach to the depicted is one of the most significant for German literature: the complexity and diversity of the plot-thematic levels, the organization of artistic time and

space, the eidological system, where the leitmotif image-symbol is the "shark's heart". The outline of the work is based on events that unfold in three planes of time: the past, present, future, through the whole novel passes the symbol of the dyad life / death.

Key words: art world, Ulrich Becher "Shark's Heart", chronotope, historical past.

УДК 82.09-31(510)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗЫСХОДНОСТИ В ПОВЕСТИ ЛУ СИНЯ «ЗАВТРА»

Т.В. Иоффе

Омский государственный педагогический университет
г. Омск, Российская Федерация

Статья посвящена приемам создания пространственно-временной картины повести Лу Синя «Завтра». Автором выявлены такие языковые средства создания образа «общества без будущего» начала 20 века, как прецедентные имена и топонимы, вербальные и невербальные средства выражения времени, композиционные приемы, заимствование элементов, своеобразная художественная организация текста. Автором сделан вывод о том, что отдельные временные и пространственные элементы повести воссоздают культурно-исторический облик современного Лу Синю общества.

Ключевые слова: Лу Синь, темпоральный индикатор, художественное пространство, лингвокогнитивный анализ, прецедентные имена, вербальные средства, имплицитная фатальность.

Изучению творчества Лу Синя, как новатора и реалиста посвящены труды великих литературоведов и синологов советской эпохи, таких как Л.Д. Позднеева, В.И. Семанов, Н.Т. Федоренко и др. В их монографиях, а также во вступительных статьях к работам других исследователей описаны факты биографии писателя, особенности его творчества и художественного метода, а для основных произведений предлагается подробный содержательный анализ. Ряд современных статей также посвящен рассмотрению творчества Ли Синя как в контексте социально-исторической проблематики, так и через призму влияния Н.В. Гоголя и А.П. Чехова (Н.А. Лебедева, Ли Лянь-шу, Ши Жоу). В работах указанных исследователей глубоко анализируется острая социальная проблематика произведений Лу Синя, при этом повесть «Завтра» на наш взгляд не получила должного освещения.

Между тем, повесть «Завтра» находится в начале оглавления к сборнику «Клич», образуя с часто цитируемыми произведениями «Кун Ицзи» и «Снадобье» своеобразный «триптих», который значительно конкретизирует образ «маленького человека», находящегося под давлением мрачного «людоедского» общества начала XX века в Китае, описанного Лу Синем.

Возможно, что именно в силу общности пространственно-временных отношений в указанных произведениях повесть «Завтра» не стала объектом

детального лингвокогнитивного анализа. При этом множественность и нелинейность временных точек повести, ее острая проблематика, а также авторские языковые приемы создания атмосферы безысходности и невозможности обозначенного заголовком «завтра», делают наше исследование актуальным.

Объектом данного исследования является пространственно-временная организация повести Лу Синя «Завтра», а предметом – языковые средства создания атмосферы «безысходности» в указанном произведении с целью выявления специфики авторского осмысления китайского «общества без будущего» начала 20 века.

Вопросы создания авторской пространственно-временной картины художественного произведения, взаимосвязи пространственно-временных отношений и соответствующих языковых средств нашли свое отражение в работах ряда отечественных специалистов (Самофалова М.В., Семенов А.Н., Шевченко И.С. и др.). По словам А.Н. Семенова речь идет о «пространственно-временном образе, который складывается из отдельных временных и пространственных категорий и их взаимодействия и воссоздает облик определенной культурно-исторической эпохи» [7, с. 115]. В качестве иллюстрирующего материала отечественными литературоведами используются произведения русской или западноевропейской литературы. Однако тексты Лу Синя, вскрывающие острые социальные проблемы через китайские языковые средства и своеобразные пространственно-временные решения, также заслуживают детального изучения.

В рамках решения поставленных задач нами проанализированы имена собственные, включая имена персонажей и названия мест, где происходят события, описанные в повести Лу Синя «Завтра» на предмет имплицитной фатальности.

Одной из специфик произведений Лу Синя является использование так называемых «говорящих» имен и названий, которые были созданы автором приемами гротеска, аллегии, метонимии и аллюзии. При этом целью таких приемов является не изображение или обрисовка персонажей, а сообщение ключевой информации о них. Это позволяет читателю, владеющему китайским языком, самостоятельно представить характер и возможную роль действующих лиц или локаций, а также создать ощущение присутствия в точке повествования. Например, в повести «Завтра» фигурирует старая лавка или по тексту – аптека, в которой должно было находиться спасительное лекарство для лечения ребенка. Лавка называется «Цзиши» (*здесь и далее перевод наш, Иоффе Т.В.*), что в дословном переводе с китайского языка означает «спасти мир», но на самом деле это место оказывается абсолютно бесполезным.

Главным персонажем повести является «Четвертая невестка Шань». Использованный автором четвертый порядковый номер члена родственной группы по старшинству в системе традиционного китайского имянаречения

«пайхан» созвучен с китайским иероглифом «смерть», а полифоничный фамильный знак «шань/дань» имеет значения «добрый/одинокый». Таким образом, Лу Синь одним только именем предопределил одиночество, трагическую участь и безвыходность этой невежественной, бедной, но любящей своего сына женщины.

В аллегоричных именах отрицательных персонажей «Красный Нос» и «Синяя Шкура» также заложено отсутствие «завтрашнего дня». Эти два персонажа появляются, когда речь идет об умирающем сыне «Четвертой невестки Шань». Описывая предсмертное состояние ребенка, Лу Синь одновременно использует оба цвета, но в более глубоких оттенках, что выразилось в выражении «*иссиня-багровое лицо мальчика*». Мы считаем, что это своеобразная антиперекличка поколений, в которой больное поколение, представленное «Синей Шкурой» и «Красным Носом», порождает обреченное потомство.

Ощущение безысходности усиливается неназванными персонажами, такими как хозяин, завсегдатаи кабачка, помощники, носильщики, приказчик. Лу Синь делает их похожими на главных отрицательных персонажей, собирательно называя «Синешкурами» и «Красноносыми». Такое мрачное окружение разрушает всякие иллюзии на возможность нормального будущего и погружает читателя в атмосферу смерти, разврата, одиночества, жестокости, черствости и пьянства.

Вторым приемом, который подводит читателя к самостоятельному выводу о невозможности «завтра» в одноименной повести, является намеренное «запутывание» читателя, которое выражается в отсутствии однозначных ответов на вопросы, прямых указаний на время действия, в дробности повествования, то есть в наличии большого количества микро-сюжетов в малом по объему произведении, а также в предельной краткости диалогов.

Показательными в этом случае являются реплики бабушки Ван, например:

- *Что с ним?*
- *Гм...*
- *Ну, как?*
- *Гм... – Бабушка Ван ... покачала и покивала головой.*

Как видно, на вопросы матери о состоянии ребенка бабушка Ван, подававшая многое на своем веку, не дает прямых ответов, а ее физическая реакцией было одновременное отрицательное покачивание и одобрительное кивание головой. Подобные диалоги являются типичными для произведения и заставляют читателя самостоятельно додумывать ситуацию.

Таким же непонятным является ответ лекаря Хэ на вопрос матери о состоянии мальчика: «...у него засорение «среднего тела... Это огонь побеждает металл...». Термины китайской медицины прямо не говорят о смертельном заболевании, но за счет этого создается интрига, которая по ходу повествования никак не раскрывается самим автором, предоставляющим

читателю пространство для самостоятельного домысливания и поиска возможных решений.

Еще один прием, широко использующийся Лу Синем в повествовании, – это вербальные средства выражения времени, которые должны помогать читателю ориентироваться в его динамике. Но на самом деле временная организация повести не помогает, а буквально сбивает читателя с толку, заставляя постоянно контролировать ход времени, чтобы не запутаться в повествовательной перспективе. Все действие протекает за два дня и три ночи и в переводном эквиваленте укладывается в три страницы формата А4. Однако в таком относительно небольшом произведении динамика времени воплощена в сочетании более тридцати прямых, то есть маркированных темпоральных индикаторов (*например, «вторая половина дня», «глубокая ночь», «под вечер», «в это время», «за эти несколько дней», «дождаться до завтра» и др.*) и косвенных немаркированных темпоральных индикаторов (*например, «солнце давно взошло, «летом ночи короткие», «зажечь лампу», «восток постепенно светлел», «погасить огонь», «погрузиться в тишину» и др.*). Такая дробность событийного времени замыкает читателя на частных фактах, на ближайшей, а не на дальней перспективе.

Так же как в ранее написанной повести «Кун Ицзи», в которой знаменитая финальная фраза *«по-видимому, Кун Ицзи действительно умер»* не дает ответа об окончательной судьбе главного героя, заключительная фраза повести «Завтра» – *«лишь где-то во мраке... мчалась сквозь тишину темная ночь, будто стремясь поскорее превратиться в ясный день»* – снова оставляет читателю большое поле для размышления. На этом повесть заканчивается, так и не дав ответа на вопрос «а что будет завтра и зачем эта ночь так спешит превратиться в него».

Аналогичную функцию «запутывания» выполняет архитектура текста, отличительными особенностями которой являются кольцевая композиция и повторение ключевых фраз по ходу повествования.

Кольцевая композиция в тексте выражена в том, что повесть начинается ночью в кабачке «Всеобщего благополучия» и заканчивается там же с участием одних и тех же персонажей, но уже два дня спустя. Естественный мрак, как ночное время суток, вышедший из-под пера Лу Синя, проецируется на реальную жизнь персонажей. У кольца нет ни начала, ни конца, у «закольцованного» мрака тоже нет ни начала, ни конца, а значит «завтра» как будущее не сможет наступить и возможно только в астрономическом формате.

Прием использования сквозных образов и мест действия также при-
сущ творчеству Ли Синя. Городок Лучжэнь, кабачок «Всеобщего благополучия», никому не помогающие снадобья, ночные гуляки, лающие ночные псы, длинные ногти, смех на фоне трагедии – все это встречается в ряде других повестей Лу Синя («Снадобье», «Кун И-цзи», «Волнение»). Тематически во всех этих произведениях красной нитью проходят темы невежества,

жестокости и мрака. Подобные «трансферы» образуют глобальную нелинейную связанность элементов разных уровней (лексика, место действия, образы, поведение) и обеспечивает устойчивое восприятие мрака и безвыходности как единственной формы существования современного автору общества без «завтра», а значит и без будущего.

Таким образом, заголовок повести вместо эффекта ожидания перемен или предвкушения будущих событий порождает лишь иллюзию и недосказанность, а художественное пространство повести, движимое сменой реплик, мизансцен и событий, оказывается деформированным за счет широкого использования автором прецедентных имен собственных, неточных временных и пространственных характеристик.

В заключении отметим, что представленные в статье направления анализа могут быть использованы для последующей работы с любым «лусиневским» текстовым материалом, так как повесть «Завтра» является типичным образцом малой прозы писателя.

Литература

1. Лебедева Н. А. Лу Синь и писатели Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 156–164.
2. Ли Лянь-шу. Влияние Чехова на китайских писателей // Чехов и мировая литература / ред.-сост.: З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая ; отв. ред. Л. М. Розенблюм. Москва, 2005. Кн. 3. С. 52–78. URL: feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm (дата обращения: 18.02.2023).
3. Синь Л. Избранное. Москва : Художественная литература, 1989. С. 77–83.
4. Позднеева Л. Д. Лу Синь : Жизнь и творчество (1881–1936). Москва : Издательство Московского университета, 1959. 572 с.
5. Самофалова М. В., Бабиян Т. В., Мкртчян Т. Ю. Художественное время как важнейшая композиционная составляющая текста // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 1152–1154. URL: moluch.ru/archive/104/24516/ (дата обращения: 18.02.2023).
6. Семанов В. И. Лу Синь и его предшественники. Москва : Наука, 1967. 148 с.
7. Семёнов А. Н. Художественное пространство и художественное время // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 1. С. 103–120.
8. Федоренко Н. Т. Китайское литературное наследие и современность. Москва : Художественная литература, 1981. 398 с.
9. Шевченко И. С. Пространство как категория художественного текста // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 193–201.
10. Ши Жоу. Традиции русской классической литературы в осмыслении китайских прозаиков (Чехов и Лу Синь) : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 161 с.

ARTISTIC SPACE OF DESPAIR IN THE STORY OF LU XIN "TOMORROW"

T.V. Ioffe

Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russian Federation

The article is devoted to the methods of creating a space-time picture of Lu Xun's story "Tomorrow". The author identified such linguistic means of creating the image of a "society

without a future" of the early 20th century, such as precedent names and toponyms, verbal and non-verbal means of expressing time, compositional techniques, borrowing elements, a kind of artistic organization of the text. The author concludes that the temporal and spatial elements of the story recreate the cultural and historical image of the society wish was contemporary to Lu Xun.

Key words: Lu Xun, temporal indicator, artistic space, linguo-cognitive analysis, precedent names, verbal means, implicit fatality.

УДК 82.09-31:801(438)

ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА М. КУНЦЕВИЧ «ТРИСТАН 1946»

Г.Г. Ишимбаева

Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация

В статье представлен анализ поэтологических особенностей романа М. Кунцевич «Тристан 1946», которые обусловлены художественной полиморфностью романа. В нем происходит взаимопроникновение и скрещивание различных видов искусства – литературы, хэппенинга, музыки, кино; в нем взаимодействуют несколько языков различных видов искусств, создавая единое художественное целое.

Ключевые слова: М. Кунцевич, «Тристан 1946», тристанский сюжет, поэтология, синтез.

«В истории мировой литературы существуют сюжеты, которые с завидным постоянством повторяются в культуре разных времен и народов, оставаясь для каждой эпохи современными и актуальными. Отвечающие на жгучие вопросы как вселенского, так и конкретно-исторического характера, они обладают константным содержанием, которое запрограммировано на вариативность прочтений» [2, с. 5]. Таким архетипическим сюжетом является тристанский сюжет, возникший в Средневековье и осмысливший куртуазный рыцарский миропорядок.

Среди многочисленных рецепций этого сюжета в мировой культуре и литературе (А.В. Шлегеля, В. Скотта, К. Иммермана, К. Риттера, Д. Г. Россетти, Р. Вагнера, С. Дали, Т. Манна, Д. Джойса, Ж. Кокто и др.) выделим роман Марии Кунцевич «Тристан 1946» (1967), где уже в самом названии обозначена авторская стратегия по отношению к традиционному сюжету, который помещен в актуальную современность. После публикации романа в Польше один из литературных критиков заметил: «Это романтическое (очень специфическое, абсолютно современное) повествование читается как извлеченный из библиотечных глубин палимпсест, который под действием витражного освещения оживает, являя одновременно и легендарное прошлое, и настоящее, наложенные друг на друга» [4, с. 5].

Проблеме трансформации традиционного сюжета в романе М. Кунцевич «Тристан 1946» посвящено настоящее исследование, сравниваются хронотопы, сюжетные ядра, системы образов, тематика и проблематика претекста и романа, цель исследования состоит в анализе поэтологических особенностей «Тристана 1946», которые являются следствием художественной полиморфности романа, где взаимодействуют несколько языков различных видов искусств, создавая единое художественное целое.

Эти текстовые стратегии обусловлены, на наш взгляд, некоторыми фактами биографии писательницы. Она закончила факультет романистики в университете Нанси, изучала польскую филологию в Ягеллонском и Варшавском университетах, брала уроки вокала в Варшавской и Парижской консерваториях, после Второй мировой войны эмигрировала во Францию, затем в Англию, после войны жила в США, где преподавала в Чикагском университете историю польской литературы. Профессиональный филолог и музыкант, Кунцевич впитывала новации западноевропейской и американской литературы и культуры, что находит отражение в ее романе 1967 года, где очевидны интертекстуальные связи не только литературные, освещенные именами Б. Виана, Э. Триоле, С. де Бовуар, Ф. Саган, Г. Грасса, но и интермедийные – с хэппенингом в рамках театрального представления, оперой, голливудским кинофильмом.

Развитие традиционного сюжета о Тристане и Изольде начинается в рамках тристанского хэппенинга. Его суть сформулировали Лаура Уиндраш и Браун, не озаботившиеся составлением четкого сценария, но заставившие Михала прочесть книгу и заразившие всех почтенных буржуа, зрителей разворачивающихся на их глазах событиях, тристаноманией. Зрители, ставшие участниками действия, импровизируют в рамках заданной темы, зная общие наброски фабулы. Поэтому признание Франтишека Оконского: «Михал и Кэтлин продолжали играть в Тристана и Изольду, а я изображал Горвенала» [3, с. 148] – более чем информативно для постижения сути изображаемого. Герои романа вольно, а чаще невольно выражают свои рефлексии в отношении тристанского сюжета, для них не существует дистанции в несколько сот лет, они участвуют в нем, отождествляясь с тем или иным средневековым персонажем и переживая комплексы фрейдистского бессознательного, связанные с собственной неудовлетворенностью в любви.

Особенно показательно в этом смысле маркирование тристанского сюжета самым утонченным героем романа Франтишеком Оконским, бегущим от жизни чувств и замкнувшимся в рассудочном бытии. Именно он ощутил привкус «музыкальной драмы» Р. Вагнера в истории сына тайно любимой им женщины и Кэтлин. Это вводит в ткань повествования в качестве внутреннего ориентира вагнеровское понимание языческого мифа в духе философии А. Шопенгауэра: единственный выход для героев – это смерть: «Их чувство проходит до конца все фазы бесплодной борьбы со сжигающим их в глубине души пламенем, начиная от самых робких сетований, в которых выражает себя неутожимо страстное желание, от нежнейшего трепе-

та – до вспышки страшного отчаяния при осознании безнадежности этой любви, пока, наконец, бессильно никнувшее в себе самом чувство Тристана и Изольды не угасает, как бы растворяясь в смерти» [1, с. 65].

Музыкальная драма Кунцевич, сплавившая слово и музыку (недаром ей отводится такая большая роль в самом раскрытии тристанского сюжета, недаром лейтмотивом романа становится симфония С. Франка), разрешается контрастно по отношению к опере Р. Вагнера «Тристан и Изольда»: любовь героев угасает и растворяется не в смерти, а в банальщине жизненных успехов, которых они добиваются каждый по-своему.

Реализация Кэтлин–Изольдой–Касей–Лиззи пресловутой американской мечты дается в романе с использованием приемов массового кинематографа, прежде всего голливудской мелодрамы. Синописис подобного фильма реализуется в последних главах романа, в его лондонских и американских эпизодах. Героиня по наущению представителей артистической транснациональной богемы становится преуспевающей манекенщицей, что вызывает приступы неконтролируемой ярости ее любимого. В рамках фотографических проектов она примеряет на себя разные роли, в которых демонстрирует различные стереотипные женские образы. Самое модное «лицо сезона» [3, с. 171], она начинает диктовать законы жизни и моды в журнале «Вог». Так в роман вводится архетипическая схема сюжета о Золушке, эксплуатируемого на протяжении десятилетий в американском массовом коммерческом кино. Недоучившаяся студентка, медсестра, Кэтлин становится «личностью десятилетия» и даже «столетия» [3, с. 272], звездой сезона, снимается в кино, триумфально играет в театре, переходя от роли лидера профсоюза ангелов к роли Медеи. Так в финале романа игра окончательно замещает реальную жизнь героини, а американская массовая культура в ее голливудском кинематографическом выражении окончательно подчиняет себе бывшую Изольду Белокуруту.

Михал–Тристан–Майк реализует мужскую версию золушкиного сюжета, выступая своеобразным «запечником»: чернорабочий на стройке, он женится на миллионерше и взлетает в социальном золотом лифте на небывалую высоту. В его истории представлены эксплуатируемые Голливудом мотивы народных сказок про трикстера, однако финальное материальное благополучие героя свидетельствует против него. В отличие от английского Джека-лентя, немецкого Ханса-дурака (Ханса-Счастливого) и русского Ивана-дурака, исландского Бьярна и многих других персонажей подобного ряда, которые преодолевают все испытания и побеждают, добиваясь успеха, Майк-трикстер признает свое поражение. Это понимает и его мать, которая на вопрос соседки о том, как поживает ее сын за океаном, отвечает: «Кажется, умер» [3, с. 282].

Таким образом, проведенное исследование поэтологических особенностей романа М. Кунцевич «Тристан 1946» позволяет сделать вывод о взаимопроникновении и скрещивании в этом произведении различных видов искусства – литературы, хэппенинга, музыки, кино. При этом речь идет не

о прямом переносе театральных, музыкальных или кинематографических способов и средств в художественный текст, а о взаимодействии и синтезе разных художественных кодов, благодаря чему расширяется и углубляется смысловой диапазон романа.

Литература

1. Рихард Вагнер : Статьи и материалы / ред.-сост., авт. коммент. Г. В. Крауклис, В. Г. Гамрат-Курек ; под общ. ред. Т. Э. Цытович ; пер. с нем.: М. А. Абезгауз [и др.] ; ред. пер. Б. В. Левик. Москва : Музыка, 1974. 198 с.
2. Ишимбаева Г. Г. Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX веков : учеб. пособие. Москва : Флинта [и др.], 2002. 260, [1] с.
3. Кунцевич М. Тристан 1946 : роман / пер. с пол. Г. Языковой. Москва : Прогресс, 1977. 284 с.
4. Ларин С. Современность в одеждах легенды // Тристан 1946 / М. Кунцевич ; пер. с пол. Г. Языковой. Москва, 1977. С. 5–14.

POETHOLOGICAL FEATURES OF THE NOVEL M. KUNCEWICZOWA "TRISTAN 1946"

G.G. Ishimbaeva

Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

The article presents an analysis of the poetological features of the novel "Tristan 1946" by M. Kuncewiczowa, which are due to the artistic polymorphism of the novel. In it there is an interpenetration and crossing of various types of art – literature, happening, music, cinema; several languages of various types of art interact in it, creating a single artistic whole.

Key words: M. Kuncewiczowa, "Tristan 1946", Tristan plot, poetology, synthesis.

УДК 82.091-31(470)

ИНТЕРТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОВЕСТЬ ВАЛЕРИЯ ГЕРЛАНЦА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ САНТА КЛАУСЕНКА»

Н.В. Майборода

Донецкий национальный университет
г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

В статье рассматриваются интертекстуальные связи повести-сказки донецкого писателя Валерия Герланца. Отмечены ее связи с произведениями Ю. Олеши, М. Салтыкова-Щедрина, с советской песней «Марш авиаторов». Выявлены такие формы интертекстуальности, как пародия, цитата, аллюзия, реминисценция.

Ключевые слова: интертекст, аллюзии, реминисценции, цитата, пародия.

Интертекстуальность как особая категория литературы становилась предметом внимания исследователей достаточно часто. Труды таких теоретиков, как М.М. Бахин, Ю. Кристева, Р. Барт, Н. Фатеева и другие, стали

основой для изучения интертекста в разных национальных литературах, включая русскую, на разных этапах их развития.

Тем не менее, круг изучения интертекста в произведениях детской литературы на данный момент в основном ограничивается сказкой, в то время как интертекстуальность прослеживается и в других жанрах детской литературы. Основной проблемой, однако, является даже не столько незначительный интерес литературоведов к интертексту детской литературы, сколько само понимание адекватности интертекстуальных отсылок в детской литературе возрастным особенностям читателя. Нельзя не согласиться с Е.М. Китаевой, которая отмечала, что вопрос взаимодействия текстов детской литературы с другими текстами «на уровне цитирования, аллюзии, реминисценций» уже сам по себе достаточно спорный, поскольку такое взаимодействие требует от читателей «определенного тезауруса» [2, с. 255]. Обладает ли таким «тезаурусом» юный читатель сказок – это момент достаточно непростой.

В данной статье на примере повести-сказки донецкого писателя Валерия Герланца «Приключения Санта Клаусенка» исследуются интертекстуальные отсылки с целью установить адекватность их присутствия в произведении, адресованном детям.

В целом рассматриваемая повесть обращает читателя к путешествию юного Джонни – ученика Санта Клауса – к российскому Деду Морозу с подарками. В главе «Пухлики и чахлики» перед читателем открывается мир революции в миниатюре. Речь идет о мире маленьких человечков, над которым пролетает главный герой повести – Санта Клаусенок Джонни. Он летел к Деду Морозу, а также планировал залететь к гномам и заодно вручить им подарки от Санта Клауса, но сбился с пути. Увидев митингующих маленьких человечков, Джонни подумал, что перед ним как раз гномы, но был разочарован. Он попал на площадь, где чахлики митинговали, призывая убрать пухликов из власти.

Само предположение Джонни о том, что он имеет дело с гномами, вызвало негодование у чахликов:

Мы не гномы, – из толпы смело вышел измождённый на вид человек в очках. – Гномы в нашем лесу не живут и никогда не жили!

– А кто же вы в таком случае?

– Да как ты смеешь, упавший с небес пришелец, – перешёл на визг очкарик, который, по всей видимости, был предводителем недовольной толпы, – сравнивать нас с какими-то глупыми и уродливыми гномами! [1, с. 119].

Несмотря на то, что чахлики не считают себя гномами, они такие же мелкие, ведь рядом с ними Джонни чувствует себя великаном. Однако проблемы у маленького народа отнюдь не маленькие: чахлики хотят свергнуть пухликов, ради чего и собрались на площади. И пути, по которым следуют чахлики, выглядят отнюдь не по-детски:

Одни человечки жгли костры, другие били в пустые тазы и барабаны, третьи швыряли снежки в окна многоэтажного здания с вычурными колоннами. Потрясая разноцветными транспарантами, они то и дело возмущенно выкрикивали: «Долой ловкачей и трепачей!», «Хватит нас грабить!», «Обнаглевших пухликов – в тюрьму!» [1, с. 119].

Безусловно, в этой сцене прослеживается явный пародийный эффект. Это пародия на мир взрослых, где революции происходят регулярно. С большой долей вероятности можно допустить, что В. Герланец во время написания повести учитывал опыт Оранжевой революции 2004 года в Украине (повесть вышла в печать в 2007 году, но была написана ранее). Весьма примечательны лозунги вроде «Бандитов и кровососов – к ответу!», наводящие на мысль о В. Януковиче, которого еще в 2004 году сторонники Майдана называли бандитом. На мысль об Оранжевой революции наводит и образ одной из протестующих: это «коротышка с огненно-рыжими косичками». Ярко-рыжий цвет волос героини автор подчеркивает не единожды. Напомним, что сторонники В. Ющенко в 2004 году считали оранжевый своим символом. Указание на то, что косички героини не просто рыжие, а огненно-рыжие, как раз и приближает их к оранжевому (он же помаранчевый на украинском языке).

С другой стороны, для революции чахликов характерны также лозунги, известные еще с 1917 года: *«Нет, обнищанию!», «Преступный режим пухликов – на свалку истории!», «Вся власть – чахликам!»* [1, с. 120]. Очевидно, революция в мире чахликов и пухликов протекает по стандартным правилам.

И весьма стандартны также требования чахликов. Как уже было сказано, они требуют свержения пухликов. И все было бы вполне логично, если бы не один момент. Как объясняет Джонни, та самая героиня с рыжими косичками, раньше пухликами были они, но пять лет назад их сбросили чахлики, которые сами стали пухликами. Несколько запутанное объяснение, но оно недвусмысленно показывает, что в результате смены власти одна правящая элита сменяется другой с завидной регулярностью, но при этом быстро забывает обо всех своих обещаниях.

– *А куда подевались те пухлики, у которых пять зим назад чахлики забрали власть?* – полюбопытствовал Санта Клаусёнок.

– *Те пухлики... – замялась словоохотливая коротышка, – те пухлики – это теперь мы... чахлики...*

– *И наша главная цель, – вмешался в разговор предводитель-очкарик, демонстративно размахивая флажком, – прогнать вконец зажиревших пухликов прочь и занять их места.*

– *Чтобы самим врать, красть и жиреть, или чтобы?..* [1, с. 120].

Неудивительно, что у митингующих нет ответа на этот вопрос. Они возмущены тем, что Джонни ставит их в неловкое положение, и начинают кричать, что он отвлекает их от революции, поскольку «промедление

смерти подобно» (крылатое выражение персидского царя Дария, популярное также у большевистских лидеров).

Обращает на себя внимание и тот факт, что чаклики сменили пухликов «пять зим назад». Срок президентского правления на Украине – как раз пять лет, и это лишний раз подтверждает мысль о том, что революция в повести имеет отголоски событий на Майдане в 2004 году.

Итак, несложно прийти к выводу, что в данной главе повести создана пародия на революцию, причем, вероятнее всего, революцию в Украине 2004 года – так называемую Оранжевую. Но возникает вопрос: а насколько логично введение подобной пародии в детскую сказку?

Здесь уместным будет обращение к более ранним сказкам, например, к «Трем толстякам» Юрия Олеши. Эта повесть-сказка во многом тоже является пародией на революционные события, но в ней мотивы протеста, борьбы, революции занимают ведущее место, в то время как в сюжете повести В. Герланца только одна глава в пародийном ключе описывает революционные события, а все остальные главы просто повествуют о путешествии Санта Клаусенка по сказочному миру.

С другой стороны, со сказкой Ю. Олеши произведение В. Герланца сближает и такая аллюзия, как наличие образов «зажиревших» персонажей. У Олеши это три толстяка – образы, играющие значимую роль в развитии сюжета, в то время как у Герланца – «зажиревшие пухлики», но уже персонажи второстепенные. И те, и другие явно набрали вес, наживаясь у власти, за что их и планируют свергнуть. Однако читатель Валерия Герланца так и не узнает, удалось ли чакликам сбросить пухликов, поскольку к этому эпизоду автор больше не возвращается.

Но есть в повести-сказке донецкого писателя и другие пародийные моменты. Прежде всего, это сам Джонни – не Санта Клаус и не его ученик, а Санта Клаусенок, то есть фактически не доросший до Санта Клауса. Кроме того, пародию на необычный город представляет собой Громгород, в котором Джонни наконец-то находит гномов.

Это город мирный и деловой, в котором кипит жизнь. Но нельзя сказать, что это вполне обычный город. Проблема в том, что его жителей одолевает мания величия:

«Всё бы ничего, если бы жителей Громгорода, причем всех без исключения, не одолевала мания величия. И хоть солидным ростом и силой ни один из местных гномов не обладал, тем не менее имя носил, как правило, достаточно внушительное. Смешной носатый человечек в колпаке, ростом чуть больше еловой шишки, мог носить имя Громила, Раскат, Гигант, Сылач или Великан. Большой популярностью пользовались имена Бамбула, Вышибала, Своротидуб, Поднимигора... Правда, представительницы слабого пола носили имена понежней – Громилочка, Силёнушка, Верзилочка...» [1, с. 122].

Основатель города носил имя Гром, поэтому название города вопросов не вызывает. В то же время, автор иронизирует: *«его основатель был*

увековечен ещё и в бронзе, встав во весь свой рост, правда, увеличенный эдак раз в пять, возле здания мэрии» [1, с. 122]. Здесь снова наблюдается та самая мания величия, которая заставляет жителей города представлять себя гораздо более значимыми, чем они есть на самом деле. Мэром города в момент его посещения Джонни является некто по имени Бас-Босс. Весьма специфичное имя, которое обращает и к мощному голосу, и к тому факту, что это в самом деле начальник (босс). Вопрос только в том, в самом ли деле мэр обладает мощным басом, или это имя снова придумано в рамках той самой «мании величия».

В образе Громгорода можно увидеть весьма далекую аллюзию к городу Глупову М.Е. Салтыкова-Щедрина. Далекая она потому, что жители Громгорода отнюдь не такие, как жители Глупова, да и жизнь в двух городах течет совсем по-другому. Но роднит эти два города и то, что в них градоначальник играет весомую роль, и то, что жители весьма специфичны: глуповцы глуповаты, наивны, верят своим многочисленным начальникам, а жители Громгорода, как уже было отмечено, отличаются манией величия. Многочисленные градоначальники Глупова имеют «говорящие» фамилии (Прыщ, Грустилов, Угрюм-Бурчеев и др.), равно как и немногочисленные мэры Громгорода (Гром и Бас-Босс).

Еще одна примечательная отсылка к литературному источнику появляется в гимне города гномов. Автор иронически отмечает: *«Даже в гимне гномьего города-государства подчеркивалась его недоюжинная воинственность и мощь. Едва начинала звучать его маршевая мелодия, все гномы самозабвенно голосили ...»* [1, с. 123]. Заметим, не пели, даже не кричали, а именно голосили. Очевидно, этот глагол подчеркивает определенную одержимость гномов, которые слишком очарованы величием своего государства.

Сам же текст гимна звучит так:

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Чтоб повернуть течение рек вспять.
Врага любого мы сровняем с пылью,
Весь мир заставим гномов уважать!.. [1, с. 123].

Читатель, рожденный в СССР, без труда узнает в начале этого гимна цитату из популярной советской песни «Марш авиаторов» Ю.А. Хайта и П.Д. Германа. Однако далее в тексте гимна гномов появляются расхождения с текстом песни. Автор создает своеобразную реминисценцию: если в советской песне присутствовали только намеки на борьбу с оппонентами (*И, верьте нам, на каждый ультиматум / Воздушный флот сумеет дать ответ*), то в гимне гномов проявляется прямая агрессия (*сровняем с пылью, заставим уважать*). Такая интертекстуальная отсылка лишний раз подчеркивает особенности мира гномов, населенного существами, уверенными в собственной значимости.

Однако следует отметить, что в целом гномы не являются агрессивными, они приветливо встречают Джонни, принимают от него подарки, затем приглашают на игру «Ледяные кегли». А вот на игровом поле гномы снова показывают свой непростой менталитет, поскольку игра быстро превратилась в «*настоящее ледовое побоище*». Причем из поведения болельщиков несложно сделать вывод, что такие потасовки сопровождают каждую игру. Собственно, уже названия команд – «Злобные шакалы» и «Бешенные бизоны» – говорят о том, что это игра совсем непростая. Неудивительно, что Джонни пострадал на этом матче и чуть не провалил всю миссию (он вез Деду Морозу сани с оленями от Санта Клауса и его опоздание грозило тем, что Дед Мороз может не успеть поздравить всех детей).

Таким образом, в повести-сказке Валерия Герланца «Приключения Санта Клаусенка» присутствуют такие формы интертекстуальности, как:

- пародия (в данном случае это не связь двух текстов, а связь текста с действительностью – отсылка к Оранжевой революции 2004 года в Украине),
- аллюзия (обращение к другим текстам или намеки на них – город Глухов М.Е. Салтыкова-Щедрина», революционные события и образ «зажиревших» правителей в сказке Ю. Олеси «Три толстяка»),
- цитирование (обращение к «Маршу авиаторов»),
- реминисценция (как своя интерпретация чужого текста – продолжение упомянутого «Марша авиаторов»).

Насколько уместны подобные отсылки в произведении, адресованном детям, – это вопрос, который оставим открытым. С одной стороны, дети, читающие сказки, не обладают таким культурным опытом, который даст им возможность осознать и оценить интертекстуальные связи. С другой стороны, автор может вводить такие связи неосознанно, не ориентируясь на обязательное понимание читателя, а просто в силу своей общей культурной развитости. В возможности получить ответ на заданный выше вопрос видим и перспективу дальнейших исследований в данном направлении.

Литература

1. Герланец В. И. Приключения Санта Клаусенка // Лена, Катя Мылопуз Бессмертный : Повести, сказки, истории, стихи / В. И. Герланец. Донецк, 2007. С. 110–153.
2. Китаева Е. М. Проявления интертекстуальности в детской литературе (на примере английской литературной сказки) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 254–257.

INTERTEXT IN THE WORKS OF CHILDREN'S LITERATURE (THE STORY OF VALERY GERLANTS "THE ADVENTURES OF SANTA CLAUS")

N.V. Mayboroda

Donetsk National University

Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

The article examines the intertextual connections of the tale of Donetsk writer Valery Gerlants. Her connections with the works of Yu. Olesha, M. Saltykov-Shchedrin, with the So-

viet song "March of Aviators". Such forms of intertextuality as parody, quotation, allusion, reminiscence are revealed.

Key words: intertext, allusions, reminiscences, quotation, parody.

УДК 82.09-31(470)

РОМАН А. ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР» И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

С.О. Муминов

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы, Республика Казахстан

В статье рассматриваются некоторые аспекты связи проблематики романа А. Платонова «Чевенгур» и русской религиозной философии. Автор предпринял попытку выявить общие проблемы романа «Чевенгур» и религиозной философской мысли. В своем произведении Платонов проводил идею теснейшей связи бытия и человека. Тем самым Платонов примыкает к религиозной идее всеединства.

Ключевые слова: роман «Чевенгур», онтологические образы, символ сердца.

Роман А. Платонова «Чевенгур» является философским произведением, проблематика которого соприкасается с мировоззренческим пространством русской философии. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выявить точки соприкосновения проблематики главного произведения этого выдающегося писателя с религиозными идеями русских мыслителей.

В романе «Чевенгур» исключительную философскую нагрузку несут ключевые для А. Платонова онтологические образы сердца и Слова (имени). В «Чевенгуре» часто упоминается тоскующее сердце человека как символ его духовной жизни. Герои Платонова всегда буквально физически ощущают своё сердце, любят прислушиваться к нему. Вот один из примеров. Александр Дванов «не чувствовал ни радости, ни полного забвения: он все время слушал высокую точную работу сердца. Но вот сердце сдало, замедлилось, хлопнуло и закрылось, но – уже пустое» [1, с. 124].

В романе «Чевенгур» изобретательно использованы различные приемы изображения сердца, например, его олицетворение. В этом случае сердце выступает практически как самостоятельный персонаж. «Однажды он (Саша Дванов – С.М.) сидел ночью в обычной тоске. Его не закрытое верой сердце мучилось в нем и желало себе утешения. Дванов опустил голову и представил внутри своего тела пустоту, куда непрестанно, ежедневно входит, а потом выходит жизнь ...» [1, с. 71]. Сердце мучается, не имея веры. Здесь звучит традиционный христианский онтологический мотив тоскующего по вселенской гармонии сердца.

Обзор трактовок сердца в трудах религиозных мыслителей позволит увидеть, что роман «Чевенгур» имеет точки соприкосновения с мировоз-

зренческим пространством русской философии. Тема сердца нашла трактовку в самых разных культурных и эстетических традициях. Сердце как символ эмоционально-волевой и интеллектуальной сущности человека встречается уже в ветхозаветной традиции. Христианская философия также активно обращалась к символическим ресурсам образа сердца.

В русской религиозной традиции тема сердца как средоточия внутренней жизни человека получила последовательную и глубокую разработку. Одним из первых над этой темой размышлял Григорий Сковорода.

Впоследствии данную тему подхватывает русский религиозный философ XIX века П.Д. Юркевич. Его трактат «Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия» содержит глубокие рассуждения об этом человеческом органе. «Кто читает с надлежащим вниманием слово Божие, тот легко может заметить, что во всех священных книгах и у всех богодухновенных писателей сердце человеческое рассматривается как средоточие всей телесной и духовной жизни человека, как существеннейший орган и ближайшее седалище всех сил, отправлений, движений, желаний, чувствований и мыслей человека со всеми их направлениями и оттенками», — пишет П.Д. Юркевич, подчеркивая символический аспект темы сердца в христианской религиозной традиции.

Далее П.Д. Юркевич перечисляет основные характеристики сердца, которые изложены в христианской религиозной литературе. «Сердце есть хранитель и носитель всех телесных сил человека» [2, с. 69]. «Сердце есть седалище всех познавательных действий души» [2, с. 70]. «Наконец, сердце есть средоточие нравственной жизни человека» [2, с. 71]. В религиозной традиции было принято наделять сердце символическими характеристиками. Есть «сердце лукавое ... сердце суетное ... сердце неразумное...» [2, с. 72].

Русский философ Б.П. Вышеславцев в книге «Вечное в русской философии» отводит анализу понимания сердца в христианстве концептуальную главу «Значение сердца в философии и в религии». В ней говорится о символе сердца, в котором «выражается сокровенный центр личности. Сердце есть нечто более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем дух. Оно непроницаемо для чужого взора и, что еще более удивительно, для собственного взора». «...только Богу вполне ведомы его тайны» [3, с. 274]. Таким образом, в христианской традиции сердцу отводится почти самостоятельное значение. Сердцу придается скорее не антропологический (ведь сердце непонятно даже его «хозяину») — оно непроницаемо даже для собственного взора), а онтологический статус.

Художественная трактовка человеческого сердца в романе «Чевенгур», как видно, перекликается с пониманием сердца в христианской традиции. Сердце в романе, напомним, очеловечивается, наделяется самостоятельностью и независимостью от человека, словом, онтологизируется. Оно является символом неугасающей внутренней жизни персонажей. Сердце можно рассматривать как образ-заместитель определенных внутренних движений персонажей романа «Чевенгур». Образ сердца в романе имеет

обобщенное значение. Благодаря этому отпадает необходимость создавать эпизоды, в которых пришлось бы развивать конкретные, обусловленные ситуацией переживания персонажей.

Упоминание сердца как важного и неиссякаемого источника определенного эмоционального состояния снимает детализированный и развернутый показ чувств действующих лиц. Рассмотренные выше подходы Платонова к художественному воплощению образа сердца, близкие символизированному пониманию сердца в христианской философской традиции, существенно редуцируют антропоморфные и психологические характеристики литературных персонажей в тексте «Чевенгура».

Отношение персонажей Платонова к собственному сердцу в полном соответствии с христианской традицией свидетельствует о том, что их сознание соединяет старое и новое. Хотя чевенгурские большевики были уверены, что порвали со старым, они все же не смогли окончательно освободиться от прежних представлений и знаний.

Христианская картина мира все еще довлеет над ними. Л.А. Шубин пишет: «Идеи усваивались на митингах, сходках, в спорах и, главное, на практике. Платоновские герои, «готовые неизбежно умереть в обиходе революции», впитывали в себя идеи социализма, причудливо сочетая их со старыми понятиями и взглядами. Этот своеобразный мировоззренческий кентавр рассматривался подчас как анекдот. Андрей Платонов отнесся к этому кентавру мышления с должным вниманием и серьезностью» [4, с. 209]. Писатель, используя христиански осмысленный образ сердца, хочет показать, что его герои-большевики все же еще пребывают в христианской картине мира, хотя и яростно ее отрицают.

Несмотря на то, что в сознании персонажей Платонова задержались отдельные черты старой картины мира, в его романе прежде всего исследуется новый образ мира в эпоху исторических потрясений.

Помимо темы сердца, проблематика романа включает одну из ключевых у Платонова проблему Слова. Платонов последовательно утверждает философскую мысль о влиянии Слова на жизнь и духовное становление человека. «В этом затухающем, наклонившемся мире Дванов разговаривал сам с собой. Он любил беседовать один в открытых местах, но, если бы кто его услышал, Дванов застыдился бы как любовник, захваченный в темноте любви со своей любимой. Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует. Но беседовать самому с собой – это искусство, беседовать с другими людьми – забава» [1, с. 102]. Здесь утверждается креационизм Слова. Слова трансформируют чувство в мысль.

Слово в представлении героев Платонова обладает масштабными возможностями. Захар Павлович наивно убежден: «Послали бы меня к германцу, когда ссора только началась, я бы враз с ним уговорился, и вышло бы дешевле войны» [1, с. 66]. Эту установку на всемогущество Слова, веру

в его воздействующие ресурсы правомерно рассматривать в контексте христианской философской традиции, утверждавшей, что вначале было Слово, Логос. Логос – это энергия божества, орудие и знак его воли.

А.Ф. Лосев в «Философии имени» рассуждает в том же ключе: «Если сущность – имя и слово, то, значит, и весь мир, вселенная есть имя и слово, или имена и слова» [5, с. 127]. Мысль об энергийном содержании Слова – признак мироощущения русского народа, обусловленный тысячелетним его пребыванием в мировоззренческом пространстве православного христианства. Как известно, христианство энергично манифестирует онтологические, нравственные и психологические потенции таких форм Слова, как исповедь, проповедь, молитва.

Художественно-смысловая концепция Слова, представленная в романе «Чевенгур», теснейшим образом связана с русской философской традицией, в систематической форме, исследовавшей роль Логоса в бытии. «...особенно важно переживание тайной силы всякого слова, всякого имени у Флоренского (что расцвело с удивительной яркостью в философии имени у Лосева): «имя вещи и есть субстанция вещи ... вещь творится именем, вещь вступает во взаимодействие с именем, подражает имени ... имя есть метафизический принцип бытия и познания», – констатирует историк русской философии В.В. Зеньковский [6, с. 193, 194].

Платонов показывает, что его герои-коммунисты, все еще по инерции, являющиеся носителями христиански ориентированного мышления, убеждены в том, что Слово конституирует мир. Революция не смогла разрушить в сознании народа картину мира, основанную на религиозных принципах. Деструкция понятия «Бог» не упразднила, не разрушила религиозного мироощущения персонажей «Чевенгура». Понятие «Бог» трансформировалось в идею о силе Логоса, об упорядочивающей силе Имени. «В семнадцать лет Дванов еще не имел брони над сердцем – ни веры в бога, ни другого умственного покоя; он не давал чужого имени открывающейся перед ним безымянной жизни. Однако он не хотел, чтобы мир оставался ненареченным, – он только ожидал услышать его собственное имя из его же уст, вместо нарочно выдуманных прозваний» [1, с. 71].

Формы проявления веры в Слово разные. «Великорусское скромное небо светило над советской землей с такой привычкой и однообразием, как будто Советы существовали исстари, и небо совершенно соответствовало им. В Дванове уже сложилось беспорочное убеждение, что до революции и небо, и все пространства были иными – не такими милыми» [1, с. 146].

Это типично волюнтаристское отношение к природе, к истории. Дванов страстно верит в созидательные возможности Слова, в то, что словесный, идеологический репертуар революции способен радикально изменить мир. Таким образом, вера в искусственное, насильственное преобразование мира на основе определенной системы убеждений присуща Дванову. «Александр не обижался. Он чувствовал сердечную нужду Захара Павловича, но

верил, что революция – это конец света. В будущем же мире мгновенно уничтожится тревога Захара Павловича, а отец-рыбак найдет то, ради чего он своевольно утонул. В своем ясном чувстве Александр уже имел тот новый свет, но его можно лишь сделать, а не рассказать» [1, с. 77].

Итак, свет, то есть новый справедливый мир, можно только сделать или сотворить собственными руками.

Слово помогает персонажам Платонова прояснить смысл бытия. Дванов как типичный представитель русского крестьянства хранит в своем сознании смутную генетическую память об Имени мира. С образом Дванова тесно связаны философемы «мир без имени» и «молчание мира», обнаружившие кризис европейской цивилизации начала XX века. Содержание формулы «мир без имени», которая определяет поведение Дванова, помогает понять трагический финал его жизни. Вопросание предполагает выдвижение вопросов, которые, в свою очередь, крайне необходимы для устранения смысловой неструктурированности бытия. Поскольку вопрошания Дванова все же не смогли определить в смысловом хаосе прочные позиции ясности, этот персонаж не смог пустить корни в жизни, что делает логичным его добровольный уход в смерть.

Вера во всемогущество Слова характерна и для других героев романа. Интересен на первый взгляд комический факт узурпации одним из персонажей имени Бога, который подчинил свою жизнь определенным мировоззренческим позициям. «Оказывается, этот человек считал себя богом и все знал. По своему убеждению он бросил пахоту и питался непосредственно почвой. Он говорил, что раз хлеб из почвы, то в почве есть самостоятельная сытость – надо лишь приучить к ней желудок» [1, с. 97, 98].

Другой персонаж присвоил себе имя Достоевского. Чужая фамилия рассматривается как проект новой, счастливой жизни. Принимая чужие имена, герои Платонова надеются, что слово-имя коренным образом перестроит внутренний мир нового владельца. «Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозовется Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно» [1, с. 129].

П.А. Флоренский утверждает, что «слово магично и слово мистично» [7, с. 252]. Развивая эту мысль, философ писал: «...имена всегда и везде составляли наиболее значительное орудие магии, и нет магических приемов, кроме разве самых первоначальных, которые обходились бы без личных имен». Очевидно, что герои Платонова, принимающие чужие имена значительных фигурантов мировой истории, верят в магическую силу принятого нового слова (имени). Герои «Чевенгура», безусловно, верят в самостоятельность имени, надеясь на собственное духовное перерождение с помощью нового имени. Энергия чужого имени даст человеку второе дыхание, новую жизненную энергию. Это вполне соотносится со следующей христианской онтологической идеей: «... по слову Св. Отцов: «только у небытия нет энергии» [7, с. 256].

Имя есть жизнь бытия как один из его бесчисленных смыслов. Слово есть главное условие ясности мира. Герои-коммунисты Платонова активно несут слово революции в народные массы. «...словом своим входя в иную личность, я начинаю в ней новый личностный процесс», – говорил П.А. Флоренский [7, с. 271]. «И как зачатие может не требовать лично-сознательного участия, так и оплодотворение словом не предполагает ясности сознания» [7, с. 273]. Хотя сознание персонажей «Чевенгура» децентрализовано, это не мешает им проповедовать идеи коммунизма.

В романе «Чевенгур», настойчиво поднимающем проблему энергетического содержания Слова, уместно употребление в качестве ключевого слова «пустота», обладающего особым мировоззренческим и морально-нравственным наполнением. Пустота – это ничто, это символ одиночества человека во вселенной. Пустота – это отсутствие смысла и предустановленной гармонии в мире. Пустота – это молчание мира. Наиболее ярко это слово характеризует состояние коммунистов после смерти ребенка, когда стало ясно, что коммунизма в Чевенгуре нет. «Лунное забвение простиралось от одинокого Чевенгура до самой глубокой вершины, и там ничего не было, оттого и лунный свет так тосковал в пустоте» [1, с. 323].

Страдая от ощущения пустоты, царящей в мире, персонажи пытаются найти в природе, в космосе нечто понятное, близкое и родственное. Они тонко улавливают импульсы космоса и природы. Отсюда мотивы тесной связи человека и природы. Платонов, акцентируя такие черты художественного мира, как панлогизм и панпсихизм космических образов, тем самым подчеркивает активное участие природы в жизни и чувствах литературных героев. В художественном мире романа «Чевенгур» доминируют космологические мотивы, вытесняя на второй план собственно человеческие, экзистенциальные проблемы. Правда, в романе четко выражена и идеологическая линия, но это не мешает со всем основанием утверждать, что его художественный мир скорее онтологичен, чем антропологичен. Различные формы взаимоотношений героев и природы последовательно онтологизируются Платоновым. Обращает на себя внимание ощущение персонажами природы как нечто родственного. «Земля спала обнаженной и мучительной, как мать, с которой сползло одеяло» [1, с. 300].

«И Алексей Алексеевич стоял сейчас в полном сознании самого себя, чувствуя теплоту неба, словно детство и кожу матери, и так же, как было давно, что ушло в погребенную вечную память, – из солнечной середины неба сочилось питание всем людям, как кровь из материнской пуповины» [1, с. 203].

В природе персонажи пытаются даже обнаружить истоки общественных процессов. Как убежден Дванов, «Социализм похож на солнце и восходит летом. Его нужно строить на тучных землях высоких степей». Иные персонажи уверены в том, что возможно радикально воздействовать на фрагменты бытия. «... Колоколом я время сокращаю и песни пою», – заявляет

сторож [1, с. 32]. Природа, на взгляд платоновских героев, способна ускользнуть мышление человека, даже сообщить ему какую-нибудь мысль. В этом выражается проявление панлогизма, основанного, как известно, на убеждении в том, что разум пронизывает все уровни реального мира. «Река течет, ветер дует, рыба плавает, – протяжно и спокойно начал Луй, – а ты сидишь и ржавеешь от горя! Ты двинься куда-нибудь, в тебя ветер надышит думу – и ты узнаешь что-нибудь» [1, с. 235].

Все уровни художественного мира романа «Чевенгур» наделены энергией, смыслом, разумом. «Космос – лестница разной степени словесности», – пишет А.Ф. Лосев. Космос в художественном мире романа «Чевенгур» представляет собой лестницу смыслов, которые пытаются разгадать его герои. Панлогизм художественного мира романа Платонова созвучен следующей мысли А.Ф. Лосева: «Человек – слово, животное – слово, неодушевленный предмет – слово» [5, с. 127].

Каждый элемент художественного мира в романе «Чевенгур» пронизан вечным смыслом, словом, обращенным к персонажам. «Это солнце веками освещало бы благосостояние Чевенгура – его яблочные сады, железные крыши, под которыми жители выкармливали своих детей, и горячие вычищенные купола церквей, робко зовущие человека из тени деревьев в пустоту круглой вечности» [1, с. 203]. Напомним, что это размышления Алексея Алексеевича, напоминающего незлобивостью, внутренней мягкостью Платона Каратаева. Образ круглой вечности перекликается с образом шара в романе «Война и мир». Оба символа означают бесконфликтное состояние человечества.

В романе «Чевенгур» воссозданы различные формы отношений человека и природы. Первая форма – олицетворение, акцентирующее доверительное и интимное отношение человека к природе. Это горизонтально осмысленные отношения персонажей и природной стихии. Взаимосвязь природы и человека, предполагающая абсолютизацию природы персонажами, характеризуется иерархически осмысленными отношениями вертикального типа: природа (верх) – человек (низ). Возможно выделить и третью форму отношения героев к природе. В этом случае человек включен или хочет быть включенным в круговорот природы. «Он (Яков Титыч – С.М.) желал стать лошадей, Копенкиным, любым одаренным предметом, лишь бы потерять из ума свою искуствованную, присохшую коркой раны жизнь» [1, с. 363].

В целом, характеризуя отношения человека и природы в романе «Чевенгур», скажем, что его персонажи, наделённые писателем существенно редуцированными антропологическими характеристиками, представляют собой своего рода малый мир, микрокосмос, перекликающийся с большим космосом. Подобные представления о человеке органично вписываются в контекст христианской традиции.

«С точки зрения святоотеческой антропологии, человек есть «икона Божества», в этом разгадка его таинственной сущности. Но понять ее смысл

можно только в том случае, если мы развернем всю иерархическую структуру бытия, в которую человек вплетен и которую он несет и воспроизводит в себе. В этом смысле Отцы Церкви называют человека микрокосмом, малым миром, содержащим в себе элементы и структуру большого мира, но несущим в себе еще и кое-что другое, выходящее за пределы всего природного и космического», — отмечал Б.П. Вышеславцев [3, с. 283].

Как видно, художественный мир «Чевенгура» замечательно точно иллюстрирует приведенную цитату. Главное для Платонова — выразить идею теснейшей связи бытия и человека. Здесь уместно отметить, что Платонов примыкает к традиции русской философии всеединства.

Подводя итоги, следует сказать, что роман «Чевенгур» является во многом онтодицейным произведением, в котором последовательно абсолютизируется бытие, а также весьма настойчиво манифестируется мысль о теснейших отношениях человека и мира.

Идея близости человека и природы родственна миллениаризму. В самой реальности тaitся образ идеальной жизни, идиллического жизнеустройства. Эта мысль свойственна и чевенгурским коммунистам. В.И. Мильдон отмечает: «Отчего же не быть посему, коль скоро объективные силы поступят под контроль человека? А. Платонов изобразил как раз такую картину. Одному из героев романа приходит мысль: раз у нас коммунизм, то зимы не будет и не надо запасать дров. А другой думает о том, чтобы уничтожить ночь для получения урожая» [8, с. 5].

Кроме того, «Миллениаризм — представление о небесном граде на земле (миллениуме), о тысячелетнем (вечном) царстве справедливости...» [8, с. 3]. Стремление к справедливости также присуще чевенгурским коммунистам. Миллениаризм и коммунизм сближает идея вечного общества, основанного на принципе справедливости.

Онтологические образы сердца и Слова (имени) способствуют значительному приращению мировоззренческого поля в романе «Чевенгур», которое имеет общие точки соприкосновения с безбрежным пространством русской философии.

Литература

1. Платонов А. П. Чевенгур : сборник / сост., вступ. ст., коммент. Е. А. Яблокова. Москва : Высшая школа, 1991. 652, [2] с.
2. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению Слова Божия // Философские произведения / П. Д. Юркевич ; сост.: А. И. Абрамов, И. В. Борисова. Москва, 1990. С. 69–103.
3. Вышеславцев Б. П. Значение сердца в философии и в религии // Этика преображенного Эроса / Б. П. Вышеславцев ; вступ. статья, сост. и коммент. В. В. Сапова. Москва, 1994. С. 271–278.
4. Шубин Л. А. Поиски смысла отдельного и общего существования : об Андрее Платонове : работы разных лет. Москва : Советский писатель, 1987. 365, [2] с.
5. Лосев А. Ф. Из ранних произведений / сост. и подгот. текста И. И. Маханькова. Москва : Правда, 1990. 655 с.

6. Зеньковский В. В. Метафизика всеединства. В) о. П. Флоренский и о. С. Булгаков // История русской философии / В. В. Зеньковский. Ленинград, 1991. Т. 2, Ч. 2. С. 180–226.
7. Флоренский П. А. Сочинения. Москва : Правда, 1990. Т. 2 : У водоразделов мысли. 446 с.
8. Мильдон В. И. Миллениумы русский и западный: образы эсхатологии // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 3–12

A. PLATONOV'S NOVEL "CHEVENGUR"
AND THE IDEOLOGICAL SPACE OF RUSSIAN PHILOSOPHY

S.O. Muminov
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan

The article discusses some aspects of the connection between the problems of A. Platonov's novel "Chevengur" and Russian religious philosophy. The author has made an attempt to identify common problems of the novel "Chevengur" and religious philosophical thought. In his work Platonov carried out the idea of the closest connection between being and man. Thus Platonov adheres to the religious idea of unity.

Key words: novel "Chevengur", ontological images, symbol of the heart.

УДК 82.091-32(569.4)

**МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК НА «НЕБЕСНОМ СУДИЛИЩЕ»:
ТРАНСФОРМАЦИЯ СЮЖЕТА РАССКАЗА В.Г. КОРОЛЕНКО «СОН МАКАРА»
В НОВЕЛЛЕ И.-Л. ПЕРЕЦА «БОНЧЕ-МОЛЧАЛЬНИК»**

К.А. Ожерельев
Сибирский институт бизнеса и информационных технологий
г. Омск, Российская Федерация

В статье исследуются способы художественного переосмысления сюжетной канвы рассказа В.Г. Короленко «Сон Макара» в новеллистике И.-Л. Перца. По мнению автора работы, процесс адаптации сюжета из русской литературы на почву новой европейской словесности происходит как под влиянием внутрилитературных факторов, так и с учетом этнорелигиозной и национально-культурной специфики обоих авторов. В ходе сопоставления двух мотивно-сюжетных вариантов привлекается контекст отечественной поэзии (конца XX в.) и прозы (первой половины XX в.).

Ключевые слова: сюжет и мотив, В.Г. Короленко, И.-Л. Перец, рассказ, новелла, художественное заимствование.

В современном отечественном и зарубежном литературоведении проблема сюжетных и мотивных заимствований, а также их всевозможных модификаций, не теряет своей, изначально «вневременной», актуальности. По традиции накопленный значительный текстовый материал способствует,

с одной стороны, активному обращению исследователей к анализу и дальнейшей интерпретации художественных произведений, а, с другой стороны, закономерной тенденции к выходу на лексикографический простор. Ценным и весомым следствием последнего аспекта стал, например, выход первого в России экспериментального «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы», изданного новосибирскими учеными-гуманитариями из Института филологии СО РАН (2003—...; на данный момент вышло 4 выпуска, последние 2 – в 2-х частях) [20].

В данной статье будут рассмотрены творческое переосмысление и трансформация сюжета одного из самых известных текстов В.Г. Короленко (1853–1921) – святочного рассказа «Сон Макара» (1884), в художественном пространстве новеллы видного еврейского писателя и просветителя И.-Л. Переца (1852–1915) «Бонче-молчальник» («Bontshe shvayg») (1894). Уместность обращения к методологии компаративистики, не в последнюю очередь, объясняется как фактом существования и творческой реализации обоих писателей в границах Российской империи (в период создания указанных текстов), так и умением двух разноязычных авторов органично совмещать в своем наследии слагаемые иных культур и религиозно-мифологических систем. И если в художественной вселенной отечественного прозаика можно встретить своеобразный «симбиоз», как минимум, русского (в том числе – и в «малороссийском», украинском, варианте), якутского, польского и еврейского культурно-тематических пластов, то у И.-Л. Переца, стоявшего у истоков новейшей прогрессивной еврейской литературы, предметом этнорелигиозной рефлексии чаще всего становится сложное взаимодействие и полемика древнееврейского (гебраистского) и хасидского типов мирозерцания – в рамках одной, иудейской, традиции. Подобная близость, обусловленная «синтетическим» характером творческого метода литераторов, равно как и встроенность писателей в единый по хронологии литературный процесс (оба художника слова – почти ровесники), по мнению автора настоящей работы, и делает возможным нахождение образных, мотивных и сюжетных точек соприкосновения, подобных тем, которые можно обнаружить в упомянутых выше текстах малой прозы.

Историография рассматриваемого вопроса представляет собой неоднородную картину. Святочный рассказ В.Г. Короленко неоднократно становился объектом литературоведческого анализа, начиная с появления первых основательных монографических исследований о русском писателе. В ряду подобных работ стоит особо отметить исследование Г.А. Бялого, в котором советский ученый, среди прочего, выделяет проявившееся в «Сне Макара» нарастание «протестных» интонаций и заострение социальной проблематики [3, с. 43]. В статье З.К. и А.К. Башариных проанализирована важная для понимания поэтики рассказа проблема обращения прозы В.Г. Короленко к образам и выразительным средствам якутского фольклора [2].

В указанном направлении О.И. Ивановой описаны наблюдения над трансформацией мотивов, образной системы и некоторых стилевых особенностей малого прозаического жанра у Короленко при соприкосновении писателя с якутской повседневной действительностью, материальной и духовной культурой [6; 7]. Специфика авторской модальности на различных уровнях художественного целого в рассказе «Сон Макара» (с выходом к пониманию писательской концепции справедливости и аксиологии) подробно исследуется Н.П. Жилиной [5]. Интересный и оригинальный взгляд на неоднозначность («отчужденность») внутреннего мира главного героя в рассказе В.Г. Короленко предлагает в своей содержательной работе зарубежный филолог М. Конлифф [8]. Он же проводит любопытные параллели русского святочного рассказа с англоязычными рождественскими аналогами («Рождественской песнью в прозе» Ч. Диккенса, 1843) и справедливо указывает на текстовую «неопределенность» тех линий, где начинается собственно онейрический хронотоп в «Сне Макара» [8, с. 52].

В случае с новеллой И.-Л. Переца ситуация несколько иная. Несмотря на то, что это произведение давно является одним из наиболее любимых среди читателей (и не только на языках иврит или идиш), а также имеет различные театральные и телеинтерпретации (см. об этом: [17]), оно до сих пор почти не исследовано с точки зрения поэтики. Основной литературоведческий ракурс выстраивается вокруг идейно-тематического содержания изящной *kleine form* «Бонче-молчальника». В данном ряду стоит обратить внимание, прежде всего, на исследования англоязычных ученых Р. Вайсс [23] и Д. Миллера [22]. В «Краткой литературной энциклопедии» (1968) характеристика рассказа И.-Л. Переца также акцентировала лишь сугубо идейный (хоть и, несомненно, важный) вектор его художественной структуры [18, стб. 673]. Однако в написанном еще в 1941 году литературно-биографическом очерке «Ицхок-Лейбуш Перец» советского исследователя еврейской литературы Ш. Эпштейна содержится перспективное указание на сходство поэтик В.Г. Короленко и И.-Л. Переца, причем именно в отношении близости мотивов и сюжета «Сна Макара» и «Бонче-молчальника». Автор очерка замечает: «Этот мотив *<критического отношения к безмолвным и терпеливым труженикам из народа, "суда" над ними – К.О.>*, навеянный рассказом "Сон Макара" Владимира Короленко, ярко запечатлен в рассказе Переца "Бонче-молчальник", притом не в духе примиренчества, как у Короленко, а в бунтарском, в духе возмущения» [21, с. 8]. Последний тезис и будет являться для нас «отправной точкой» при обращении к особенностям художественной адаптации сюжета рассказа В.Г. Короленко в новелле И.-Л. Переца.

Цель данного исследования состоит в определении основных факторов и выявлении возможных причин, обусловивших обращение одного художника слова к беллетристическому опыту другого писателя и способствовавших, в свою очередь, оригинальной творческой интерпретации сюжета из иноязычной литературной традиции. Реализации поставленной цели

служит выполнение следующих задач: 1) проанализировать образный, религиозно-мифологический и символический планы двух текстов; 2) рассмотреть и сопоставить стилистические средства изображения главных героев у В.Г. Короленко и И.-Л. Переца; 3) выявить характер и концептуальную глубину художественной интерпретации и трансформации сюжета из русской литературы в аксиологическом поле новой еврейской словесности; 4) представить возможные мотивно-сюжетные варианты и параллели на основе рассказа В.Г. Короленко в контексте отечественной поэзии конца XX в. (Ю.П. Кузнецов) и прозы первой половины XX в. (А.П. Платонов).

Сюжеты двух рассматриваемых текстов очень похожи. Если сжато представить событийный ряд каждого из них, то мы увидим двухчастную повествовательную структуру, в которой четко выделяются два временных слоя: 1) жизнь в пределах земной реальности «маленького человека» (В.Г. Белинский), не лишённого вполне стандартных слабостей и пороков людского рода – бражничества, хитрости, чревоугодия (короленковский Макар), или же безропотно, до самоуничтожения, терпящего бессердечие и обман окружающих (Бонче из новеллы Переца); 2) небесный суд, свершаемый высшими иерархиями, после смерти главного героя – буквальной, как в случае с Бонче (он погибает под колесами городского транспорта), либо воображаемой (Макар видит сон про свою смерть; впрочем, читателю так до конца и неясно – сон это или явь). Вторая часть произведения Переца (т. н. «небесное судилище», если использовать словесную формулу из «Бонче-молчальника») – это, как справедливо заметил Ш. Эпштейн, в процитированном нами выше отрывке, явный мотив-заимствование из Короленко. Причём исследователь не просто фиксирует факт творческого заимствования еврейским писателем сюжетного элемента из другого рассказа (см. выше), но и подчеркивает разницу в интерпретации данного мотива: если короленковский персонаж, поначалу пытавшийся бунтовать, все же в итоге не сдерживает бессильных обидчивых слез и, тем самым, смягчает сердца небесных старейшин, плачущих в финале вместе с ним, то обыватель из новеллы Переца (пусть и в силу недалекости, узости ума) повергает в неловкое смущение райскую заоблачную «коллегию» своей последней просьбой (иметь каждое утро горячую булку с маслом), становясь, таким образом, невольным ренегатом и бунтарем на небесах. Происходит объяснимая трансформация сюжета.

Как представляется автору этой работы, причина обращения еврейского писателя-интеллектуала к сюжету рассказа «Сон Макара» и его дальнейшее творческое преломление носят не только внутрилитературный характер (что естественно, учитывая, во-первых, взаимный интерес русского прозаика к еврейской тематике в своем творчестве («Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды»), а, во-вторых, его невероятную популярность среди еврейского населения Российской империи, вызванную в том числе и гражданской деятельностью Короленко в защиту угнетаемых этносов). Не последнюю роль, на наш взгляд, тут играет этнорелигиозная

и национально-культурная специфика обоих авторов, которую необходимо учитывать при анализе указанных текстов, а также при мотивировке подобной сюжетной модификации.

В образном, религиозно-мифологическом и символическом планах двух текстов легко считываются новозаветные и ветхозаветные параллели, даже несмотря на «социалистический» и скептический по отношению к религии характер творчества писателей. В рассказе В.Г. Короленко, имеющем подзаголовок «святочный рассказ», действие происходит под Рождество; акустическим лейтмотивом первой смысловой части рассказа выступает «колокольный звон», но отсутствует традиционное для данного жанра явление земного «чуда». Авторы и составители «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» относят «Сон Макара» к двум разновидностям «Святочного сюжета»: «Святочный пророческий / страшный сон / видение» и «Смерть на Рождество / в Святки» [20, вып. 2, с. 130, 161]. Некоторые исследователи, верно подмечая факт органичного взаимодействия русской и якутской культур в «Сне Макара», тем не менее, делают вывод, что «Бог здесь явно нехристианский, он похож на якутского Аар Тойона (Всемогущего господина)» [2, с. 77]. Зримой подсказкой к такому заключению служит и прямое текстуальное наименование в рассказе небесного судьи «Тойоном», и то, что в якутской мифологии Тойона (Улу Тойона, «Великого господина») обозначали именно как «высшего судью» [1], представителя т. н. «верхнего мира». Данный вывод, на наш взгляд, носит дискуссионный характер, ведь сам небесный судья и его помощники (у Короленко – «работники») изображены писателем вполне в духе православной иконографии, свидетельством чему могут быть как их внешние атрибуты («крылья», одеяния – «длинные белые рубахи»), так и мгновенное прозрение Макара, узнавшего, кого же ему напоминает Тойон: «это тот самый старик, которого он видел нарисованным в церкви» [10, с. 198]. Нельзя проигнорировать и то, что рядом с верховным божеством, оригинально сочетающем черты якутского мифологического образа и православного Бога-вседержителя, появляется и его сын (!), сажающийся в итоге по правую руку от своего отца и начинающий заступаться за Макара. Его приход и меняет, в конечно счете, начальный гнев Тойона, и данный образ, как нетрудно догадаться по концептуальным признакам (сын, человеколюбец, заступник), напрямую отсылает к образу Христа. Можно указать и на другое важное обстоятельство – речь Тойона пересыпана старославянской образностью, которая дополнительно акцентирует новозаветную символику: «...принимают доброе семя и возвращают крин сельный и благовонные всходы <...>. А сердце твое попросло бурьяном, и тернием, и горькою польною» [10, с. 202–203]. Здесь трудно полностью согласиться, например, с О.И. Ивановой, считающей Макара «бунтующим героем» [7, с. 13], и, скорее, уместно принять точку зрения М.Г. Петровой, подчеркивающей, что общий характер и интонация рассказа В.Г. Короленко никак не постулируют мотив «инсургентного» земного вторжения на небеса, или «бунта», а выдержаны «в характерном для

К. светлом и мягком колорите» [15, с. 79]. Вряд ли случайно Короленко наделяет своего героя древнегреческим именем «Макар» («Макарий»), которое, как известно, также имеет христианскую семантику («блаженный»). На этот факт, к слову, указывает в своей работе и Н.П. Жилина [5, с. 72], исследуя данную ономастическую нюансировку немного в другом разрезе – с позиции авторской модальной оценки. Можно вспомнить, что прообразом вымышленного Макара был некий Захар Цыкунов [9, с. 306], однако писатель не оставляет «реальное» древнееврейское имя прототипа и меняет его на древнегреческое, внешне, впрочем, такое же «русское» по звучанию. И даже символ «чаши с весами для добрых и дурных дел» (в различных своих вариантах), корреспондирующий скорее с ветхозаветной традицией (см., например, сказание о Вальтасаре, «взвешенном и найденном слишком легким» из «Книги пророка Даниила» (Дан. 5:27)), не перекрывает доминирующий православный (пусть и с вкраплениями из других культур) миропонимания.

Иную ценностную акцентировку мы видим в новелле И.-Л. Переца. Как уже было отмечено, еврейский писатель многое заимствует из рассказа В.Г. Короленко – как в плане внутренней мотивики, так и внешних стилистических средств изображения главного героя, характерной образности и пр. Рассмотрим лишь некоторые сближения в художественной структуре двух текстов (Таблица 1).

Таблица 1

«Сон Макара»	«Бонче-молчальник»
<i>Мотив сна</i>	
«Он лег в снег» [10, с. 187]	«Он был уверен, что это сон или просто недоразумение» [13, с. 21]
<i>Описание жизненных невзгод персонажа</i>	
«И он нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за женин дом на том свете... А купец увидел, что ему нужда, и дал только по десяти копеек» [10, с. 202]	«Молчал он и тогда, когда урывали, сколько хотели, от его заработка или при уплате сбывали ему фальшивую монету. Он все молчал...» [13, с. 24]
<i>Изображение крылатых детских душ</i>	
«А маленькие детские души то и дело мелькали в воздухе, точно птички. <...> и долго еще после того слышался в воздухе быстрый, тревожный звон их маленьких крыльев» [10, с. 195]	«Юные ангелочки с брильянтовыми глазами, золотыми тонкими крылышками и в серебряных башмачках с восторгом полетели навстречу Бонче. Шум крыльев, звон башмачков...» [13, с. 20–21]
<i>Образная орнаментика (обрисовка небесного мира)</i>	
«Посредине избы стоял камелек чудной резной работы, из чистого серебра, и в нем пылали золотые поленья...» [10, с. 196]	«И страх его еще больше усилился, когда он нечаянно взглянул на пол в небесном судилище. Настоящий алебастр, выложенный бриллиантами!» [13, с. 22]

Однако, если герой Короленко не становится в итоге бунтарем как таковым и переживает скорее момент духовного очищения через своеобразную «исповедь» (пусть и в форме «ответов»), то персонаж Переца своей

последней репликой (о просьбе земных благ на том свете) фактически разрушает любые пути в рай. И когда для Макара уже «на небесах» ясно, что его путь к Господину может и не сулить ничего хорошего (не случайно попик Иван и другие заранее пугают Макара предстоящим судом), для Бонче с первых минут пребывания в райских чертогах (а он сразу оказывается в раю, так как его судьба «праведника» предрешена!) ангелами, Авраамом и Предвечным выдается некий «кредит священного доверия» – в святости забитого молчальника никто не сомневается. Примечательно, что В.Г. Короленко (разумеется, через простонародную «оптику» своего героя) показывает «тот свет» в образе стоящей «на горе» просторной избы, в то время как прекрасные небесные («золотые») хоромы в «Бонче-молчальнике» вместе с ангелами населены нелицеприятными, грубыми персонажами из мира людей: «фискалами», «защитниками», «присутствующим». Небесный предел, фантастически-гротескно изображенный Перецем в качестве земной «судебной палаты», является достаточно смелой, граничащей с ересью, аллегорией. И это ключевое различие, которое, надо полагать, коренится в особом типе мировоззрения, уходящем своими корнями в религиозно-этическую (православную и иудейскую) специфику двух авторов.

Вместе с характерной для жанра новеллы финальной неожиданностью тема осознанного «бунта» маленького человека против Бога присутствует и в других текстах еврейского художника слова. Например – в хасидских зарисовках и «сказках», также обрамляемых мотивами сна («Времена мессии» [14]) и образами маленьких крылатых детей («Берл-портной» [12]). В написанном в один год с «Бонче-молчальником» хасидском рассказе «Берл-портной» возникает почти идентичная сюжетная ситуация: как и безропотный Бонче, Берл просит у Бога, с которым находится (в отличие от Бонче) во вражде, не «заработка», а «пропитания» [12, с. 98]. Возможно именно «нонконформизм» короленковского Макара, тонко подмеченный М. Конлиффом (как «целостность», «невозможность находиться под влиянием» и т. д.) [8, с. 53], и привлек И.-Л. Переца для создания своего образа обаятельного молчуна-бунтаря, с той лишь разницей, что в последнем была сознательно нивелирована его христианская специфика. Любопытно, что уже в первой половине двадцатого столетия русский беллетрист А.И. Свирский (1865–1942), сам вышедший из еврейской бедноты и замечательно воплотивший богатые человеческие типы в своей «художественно-документальной» книге «История моей жизни» (1928–1938), вспоминает про когда-то встреченного им безумного слесаря Перельмана, взбунтовавшегося против самого Бога. Убитый горем из-за «несправедливой», по его мнению, случайной смерти сына, Перельман с тех пор «смотрит на Бога, как злой кредитор на неоплатного должника» [19] – вполне в духе если не Бонче, то Берла из рассказов Переца.

Среди перспективных работ по поиску подобных литературных «катализаторов» для дальнейшего мотивно-сюжетного заимствования отметим

также статью Л.И. Вигериной об особенностях жанровой природы и поэтики святочного рассказа П.В. Засодимского (1843–1912) «Терехин сон» (1880). Автор статьи доказывает, что «Сон Макара» «имеет общие структурные особенности и мотивы» [4, с. 53] с произведением писателя-народовольца. Если учитывать, что рассказ Засодимского написан раньше, чем текст Короленко, то здесь возможна реальная находка предполагаемого претекста «Сна Макара».

Нельзя обойти вниманием и то, что рассказ В.Г. Короленко «Сон Макара» может иметь очень интересные мотивно-сюжетные параллели в контексте отечественной прозы первой половины XX в., а также поэзии новейшего времени. Заявим это предположение в качестве гипотезы для дальнейших научных изысканий. Пока же зафиксируем сходство мотивов и образов «Сна Макара» В.Г. Короленко и «Усомнившегося Макара» (1929) А.П. Платонова: у последнего автора также встречается образ «горы», которую видит тезка героя Короленко; важную роль в повествовании играет и мотив сна (см.: «И страдание его перешло в сновидение: он увидел во сне гору» [16, с. 37]). В конце XX в. в поэзии Ю.П. Кузнецова появляется образ «небесной конторы», а лирический субъект, подобно короленковскому Макару, готов держать ответ перед судом Всевышнего «вдвойне» – за себя и других [11, с. 4].

Литература

1. Алексеев Н. А. Улу Тойон // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва, 1990. С. 548.
2. Башарина З. К., Башарина А. К. Якутский фольклор в творчестве В. Г. Короленко // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире : Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. / В. М. Ванюшев, В. В. Захаров, Т. П. Ившина [и др.]. Глазов, 2014. С. 74–77.
3. Бялый Г. А. В. Г. Короленко. Ленинград : Художественная литература, 1983. 350 с.
4. Вигерина Л. И. Святочный рассказ П. В. Засодимского «Терехин сон»: своеобразие жанровой природы и поэтики // Art Logos. 2018. № 3. С. 43–56.
5. Жилина Н. П. Специфика авторской модальности в рассказе В. Г. Короленко «Сон Макара» // Модальность. Коммуникация. Текст : сборник науч. трудов / под ред. С. С. Ваулиной. Калининград, 2021. С. 67–73.
6. Иванова О. И. Влияние якутской действительности на поэтику произведений В. Г. Короленко // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 94–98.
7. Иванова О. И. К проблеме русско-якутских литературных связей: влияние якутской действительности, фольклора, мирозерцания на поэтику В. Г. Короленко : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2005. 24 с.
8. Конлифф М. Проблема отчужденности в рассказе В. Короленко «Сон Макара» // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве : Десятые Короленковские чтения : Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 160-летию юбилею В. Г. Короленко / редкол.: В. М. Широких (отв. ред.), Н. Н. Закирова. Глазов, 2013. С. 46–53.

9. Короленко В. Г. Собрание сочинений / редкол.: Г. А. Бялый [и др.]. Ленинград : Художественная литература, 1991. Т. 5 : История моего современника. Книга 3–4. 590, [1] с.
10. Короленко В. Г. Сон Макара : Святочный рассказ // Собрание сочинений / редкол.: Г. А. Бялый [и др.]. Ленинград, 1989. Т. 1 : Повести и рассказы, 1879–1888. С. 177–204.
11. Кузнецов Ю. П. Есть в мире две неравных части // Наш современник. 1992. № 11. С. 3–4.
12. Перец И.-Л. Берл-портной / пер. Д. Маневич // Рассказы и сказки : пер. с еврейского / И.-Л. Перец ; под ред. Ш. Эпштейна. Москва, 1941. С. 94–100.
13. Перец И.-Л. Бонче-молчальник / пер. Е. Иоэльсон // Рассказы и сказки : пер. с еврейского / И.-Л. Перец ; под ред. Ш. Эпштейна. Москва, 1941. С. 19–26.
14. Перец И.-Л. Времена Мессии / пер. И. Берсон // Рассказы и сказки : пер. с еврейского / И.-Л. Перец ; под ред. Ш. Эпштейна. Москва, 1941. С. 259–264.
15. Петрова М. Г. Короленко Владимир Галактионович // Русские писатели, 1800–1917 : биографический словарь. Москва, 1994. Т. 3 : К – М. С. 78–84.
16. Платонов А. Усомнившийся Макар : рассказ // Октябрь. 1929. Кн. 9. С. 28–41.
17. Подгорец Д. Commentary: «Идлер» и миляга-еврей / пер. с англ. С. Силаковой // Ле-хаим. URL: lechaim.ru/events/idler/ (дата обращения: 17.02.2023).
18. Рубина Р. Р. Перец, Ицхок Лейбуш // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Москва, 1968. Т. 5 : Мурари – Припев. Стб. 672–673.
19. Свирский А. И. История моей жизни // Электронная библиотека RoyalLib.Com. URL: royallib.com/read/svirskiy_aleksey/istoriya_moe_y_gizni.html#0 (дата обращения: 17.02.2023).
20. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы / отв. ред. Е. К. Ромодановская. Экспериментальное изд. Новосибирск : Издательство СО РАН, 2003–2018. Вып. 1–4.
21. Эпштейн Ш. Ицхок-Лейбуш Перец // Рассказы и сказки : пер. с еврейского / И.-Л. Перец ; под ред. Ш. Эпштейна. Москва, 1941. С. 3–17.
22. Miller D. N. Y. L. Perets' «Bontsy Shvayg»: Perspectives on Passivity // The Slavic and East European Journal. 1974. Vol. 18, № 1. P. 41–46.
23. Wisse R. R. I. L. Peretz and the Making of Modern Jewish Culture. Seattle [et al.] : University of Washington Press, 1991. 146 p.

THE LITTLE MAN AT THE "HEAVENLY TRIAL": THE TRANSFORMATION OF THE PLOT OF V. G. KOROLENKO'S STORY "MAKAR'S DREAM" IN I.-L. PERETS'S SHORT STORY "THE SILENT BONCE"

K.A. Ozherelyev

Siberian Institute of Business and Information Technologies
Omsk, Russian Federation

The article explores the ways of artistic rethinking of plot outline of V.G. Korolenko's story "Makar's Dream" in the short story of I.-L. Perets. According to the opinion of the author the process of adaptation of the plot from Russian literature on the ground of new Jewish literature occurs under the influence of both the intraliterary factors, and taking into account ethno-religious and national-cultural specificity of both authors. In the course of comparing the two motif variants the context of native poetry (late 20th century) and prose (first half of the 20th century) is used.

Key words: plot and motif, V.G. Korolenko, I.-L. Perets, story, short story, artistic borrowing.

УДК 82.09-1:811.161.1'36:801.6(470)

ДОМИНАНТНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ-ПОСВЯЩЕНИЯХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Н.Е. Петрова

Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

В статье рассматриваются функции грамматических единиц в стихотворениях-посвящениях М. Цветаевой. Характеризуется понятие «доминантная грамматическая форма». В качестве таковых рассматриваются субстантивные формы именительного падежа («Бабушке»), формы прямого и косвенного падежей местоимений 1 и 2 лица («Маме»), императивные глагольные формы («Але»), формы предложного падежа со значением объекта мысли («Байрону»), формы со значением мы-субъекта («Бальмонту»), формы именительного падежа существительных, выполняющих функцию эксплицитного или имплицитного характеризующего предиката («Маяковскому»). Показана существенная роль указанных форм в выражении межсубъектных связей и отношений, а также основной эмоциональной окраски текстов.

Ключевые слова: М. Цветаева, грамматика, доминантная форма, межсубъектные отношения.

Грамматика поэтического текста вызывает повышенный исследовательский интерес в силу особой природы грамматических значений, не находящихся прямых соответствий в окружающей действительности и обязательных для выражения в рамках той или иной конструкции. «Принудительная роль» грамматического значения в речи, казалось бы, лишает мысль свободы самовыражения, однако, как справедливо заметил Р.О. Якобсон, «именно поэтическое творчество наделяет «языковые фикции» наибольшей значимостью» [9, с. 463]. Грамматическое значение в совокупности своих контекстных связей является необходимым содержательным компонентом того цельного смысла, который, согласно замыслу автора, должен быть выражен в тексте лексическими единицами, поэтому в стихах так важна форма.

Говоря о «доминантной грамматической форме» в стихотворениях-посвящениях М. Цветаевой, мы имеем в виду такие морфологические формы, которые обладают повышенной значимостью для создания ключевого художественного образа и для выражения «эмоционально-смысловой доминанты» определенного текста, в силу чего данные формы неоднократно повторяются в этом тексте. Понятие «эмоционально-смысловой доминанты» поэтического текста рассматривается в [1] со ссылкой на работы В.П. Белянина. Давая определение носителям эмоционально-смысловой доминанты, Е.И. Зейферт подчеркивает их функцию выражать основную чувственную окраску поэтического текста [1, с. 128].

Проблемам грамматики поэтического текста посвящена большая научная литература (см., обзор [6]). В статье М.Ю. Сидоровой анализируются методологические подходы к исследованию грамматики художественного текста с точки зрения генеративной грамматики, структурной поэтики, теории нарратива, лингвистики текста, системно-функциональной и функционально-коммуникативной грамматики. Выделяя плюсы и минусы различных подходов, автор подчеркивает необходимость, с одной стороны, «запрета» «на рассмотрение отдельного языкового факта в тексте вне целостности текста и взаимодействия с другими объектами», а с другой – единой парадигмы «анализа всех уровней языковой системы и их функционирования, включая текст» [6, с. 49]. В [3] рассматривается феномен метаязыковой рефлексии в поэтическом тексте, индикатором которой являются разнообразные способы актуализации грамматической формы слова, что позволяет автору статьи констатировать сближение современной поэзии с филологией [см.: 4, с. 6]. Регулярным объектом анализа становятся предикативная категория субъекта, модусно-диктумная организация предложения и текста [см.: 7, с. 23–25], а также определенные грамматические формы (инфинитив и инфинитивные предложения, формы выражения субъекта, интродуктивные предложения и др.) в творчестве отдельных поэтов. Важным методологическим принципом всегда остается учет взаимодействия объекта анализа с другими элементами текста и соотнесение результатов наблюдения с тем, что выше было названо «эмоционально-смысловой доминантой» текста.

В лингвистических исследованиях, посвященных идиостилю М. Цветаевой, неизменно подчеркивается важность грамматического фактора: «Предельность языка поэзии М. Цветаевой определяет повышенный интерес этого поэта к пограничным грамматическим явлениям: к формам, синкретичным по природе, например, к аппозитивным сочетаниям, причастиям и деепричастиям, падежной полисемии, а также к формам, поддающимся грамматической трансформации, например, субстантивированным прилагательным, причастиям, наречиям, адвербиализованным предлогам и т.д.» [3, с. 14; см. также о ненормативных формах множественного числа и степеней сравнения: 6]. Цель нашей статьи – раскрыть смысловые и художественные функции доминантных грамматических форм в стихотворениях-посвящениях М. Цветаевой, для чего необходимо выявить данные формы с учетом фактора повторяемости, охарактеризовать их контекстную семантику и роль в структуре цельного поэтического произведения.

Мы рассмотрим две группы стихотворений-посвящений: «Бабушке», «Маме», «Але», с одной стороны, и «Байрону», «Бальмонту», «Маяковскому», с другой. Стихотворения объединяет заглавная форма дательного падежа со значением адресата посвящения. Это свободная синтаксема, предполагающая действие донативного характера, но способная

функционировать в отрыве от него. Дательный адресата сразу настраивает на определенное межкультурное, межличностное взаимодействие.

В стихотворении «Бабушке» как доминантная выделяется форма именительного падежа, идентифицирующего (т.е. называющего предмет так, чтобы можно было его опознать и) нарицательного существительного: *Продолговатый и твердый овал, / Черного платья **раструбы**... / Юная **бабушка**! Кто целовал / Ваши надменные губы? / **Руки**, которые в залах дворца / Вальсы Шопена играли... / По сторонам ледяного лица / **Локоны**, в виде спирали. / Темный, прямой и взыскательный **взгляд**. / **Взгляд**, к обороне готовый. / Юные **женщины** так не глядят. / Юная **бабушка**, кто вы?..*

Формы *овал, раструбы, руки, локоны, взгляд* образуют номинативные предложения и маркируют речевой жанр портретного описания [см. о речевых жанрах в поэтическом тексте: 8, с. 297]. Неоднозначна семантика трижды повторяющейся формы *бабушка*. Оформленная как отдельное предложение (*Юная бабушка! Бабушка!*), она обнаруживает смысловой синкретизм, поскольку допускает две синтаксические интерпретации. С одной стороны, эта форма может рассматриваться как риторическое обращение, средство создания диалога «сквозь время», а с другой – как номинативное предложение с модусом существования объекта в зоне сознания субъекта. Функционально эти формы близки и к именительному темы, потому что они фиксируют предмет размышления. В контексте всего стихотворения формы именительного падежа *бабушка* с конкретно-референтным значением и *юные женщины* с обобщенно-референтным значением служат своеобразными «переключателями» речевых регистров [см.: 2, с. 29–35]: от репродуктивного (перцептивного) с модусной рамкой «я вижу...» к генеритивному (анализирующему) с модусной рамкой «я думаю, что... / считаю / предполагаю / заключаю...». В целом формы именительного падежа являются важнейшим средством создания романтизированного женского образа (диктумного субъекта) и образа рефлексующего лирического героя (модусного субъекта).

В стихотворении «Маме» мы выделяем как доминантные формы местоимений *мы / наши, ты / твоя*. Местоимение *мы* является номинацией двух референтов, образующих духовное целое, – лирической героини и ее сестры. Номинация матери – *ты* – не типична для Цветаевой-дочери, в поэтическом тексте она подчеркивает интимность отношений между *мы*-субъектом и *ты*-субъектом. Каждое из личных местоимений употребляется в двух падежных формах – именительного падежа и дательного (*мы, нам*), именительного и творительного (*ты, тобою*). Все местоименные номинации в той или иной степени выражают субъектное значение, но при этом формы 1 и 2 лица образуют смысловую оппозицию по характеру субъектного значения. Референт местоимения *мы* выступает в роли субъекта восприятия (... **мы** *услышали* твой тихий зов...), субъекта-носителя приобретенного признака (все, **чем** в лучший вечер **мы богаты**, нам тобою вложено

в сердца), субъекта чувствования (**нам** близок, кто печален), субъекта-адресата, испытывающего внешнее воздействие (**нам** тобою вложено в сердца). Источником же внешнего влияния всегда является *ты*-субъект: ... мы услышали **твой** тихий зов..., нам **тобою** вложено в сердца, видно, грусть **оставила** в наследство **ты** ... В строке **Мы**, как **ты**, приветствуем закаты... форма *мы* выступает в роли активного субъекта, но сравнение как *ты* корректирует эту роль. Именительный *ты* в этом случае интерпретируется не только как объект сравнения, но и как субъект, каузирующий действие *мы*-субъекта. Только в начале последнего четверостишия *мы*-субъект представлен вне влияния *ты*-субъекта, в связи с чем возникает мотив одиночества: *Все бледней лазурный остров – детство, / Мы одни на палубе стоим*. Взаимодействие падежных форм личных местоимений играет ключевую роль в создании образа теснейшей духовной связи матери и дочерей, способствует формированию особой эмоциональной окраски текста, которая определяется сочетанием грусти, горечи от утраты этой связи, одиночества.

Наконец, стихотворение «Але», в котором лирическая героиня выступает в роли матери. Она является субъектом-отправителем речи, дочь – субъектом адресатом. Функцию указания на субъекта-адресата выполняют формы повелительного наклонения 2 лица единственного числа, которые в данном тексте мы определяем, как доминантные. В четырех строфах этого посвящения содержится 8 различных императивных форм, обозначающие действия с разной степенью контролируемости. На их базе формируется волеупотребительный речевой регистр [см.: 2, с. 230] и жанр напутствия. Общий смысл напутствия выражает строка *оправдай змеиную природу*, т.е. извечную женскую сущность быть соблазнительницей, нарушительницей заповедей. Конкретное же содержание этого высказывания раскрывает цепочка императивных высказываний: *дом – меня – мои стихи – забудь, пей вино, правь тройкой, пой у Яра, синеокою цыганкой будь, бросайся каждому на грудь*. Важную смысловую оппозицию составляют формы *знай (одно) – забудь (остальное)*. Первая в анафорической позиции повторяется четыре раза (по два раза во второй и четвертой строфе), фиксируя внимание на главном, что составляет драму женщины, – любовь и старость. Императив *забудь (остальное)* занимает актуализирующую позицию конца предложения и текста в целом, чтобы на контрасте подчеркнуть важность того, что стоит за формулой *знай одно*. Формы императива в совокупности создают определенный женский тип, который является желательным для лирической героини, но которому, вероятно, она не может соответствовать, поэтому в стихотворении ощущается легкая нота горечи и сожаления.

Далее мы рассмотрим посвящения М. Цветаевой поэтам: Дж. Г. Байрону, К.Д. Бальмонту, В.В. Маяковскому. Если в предыдущей группе стихотворений лирическая героиня выступает как звено семейной женской линии, то в этой группе посвящений лирическая героиня выступает как поэт. Стихотворения «Бабушке», «Маме», «Але» проникнуты чувством межпоко-

ленческой духовной связи, предопределенности женской судьбы. В стихотворениях, посвященным коллегам по поэтическому цеху, создан субъективированный, эмоционально окрашенный образ поэта и поэзии.

В посвящении «Байрону» представлен информативный речевой регистр с эксплицированной модусной рамкой: *я думаю о...* Это сочетание повторяется 5 раз, и стихотворение оказывается насыщенным субстантивными формами предложного падежа с семантикой предмета мысли (на 24 строки – 14 форм предложного падежа). Фактор повторяемости позволяет назвать эти формы доминантными в плане синтаксической структуры текста, но не менее важными являются смысловые функции предложного падежа. Предметом мысли лирической героини являются самые дорогие и существенные для нее детали придуманного и романтизированного образа Байрона: *об утре славы; о том, как Ваши брови сошлись над факелами Ваших глаз; о том, как лава древней крови по жилам разлилась; о пальцах, очень длинных; о вас жаждущих глазах; о сердцах, которых — слишком юный — Вы не имели времени прочесть; о полутемной зале; о бархате; о всех стихах; о горсти пыли; о всех глазах; о них и нас*. Цепочка предложных падежей выстраивает символическую цепь жизни поэта: мистика и некоторая «инфернальность» творческого рождения, изысканность внешняя и внутренняя, власть, любовь, стихи, смерть, память. Этот образ отражает представление лирической героини не столько о Дж. Г. Байроне, сколько о ПОЭТЕ, бесконечно далеком от обыденности и обычности и в то же время близком ей, поскольку она тоже – ПОЭТ.

Стихотворение «Бальмонту» посвящено старшему современнику М. Цветаевой, с которым ее объединяли не только дружеские отношения, но и трудное, если не сказать мучительное, переживание бытовых и нравственных проблем послереволюционной действительности. Образ поэта в этом стихотворении основан на идеологическом противостоянии с социумом. Об этом свидетельствуют аллюзии к евангельскому сюжету о казни Христа (образ *вывернутой наизнанку Мантии Врагов Народа* коррелирует с терновым венцом; слово *Царь* в последней строфе было на табличке, прикрепленной к Кресту), образ *голода-гордыни* на фоне *пиршества народа*, смысловой контраст «низкого» и «высокого» (*луковица – свобода, луковица – могила*). Но если говорить о грамматических формах, то мы выделяем как доминантные формы, выражающие значение *мы-субъекта*: это глагольные формы 1 лица множественного числа и местоимение *наш*. Формы *голодаем* как *испанцы; ничего не можем даром взять – скорее горы сдвинем; утверждаем* всей осанкой: *луковица – и свобода* обозначают совместное действие двух субъектов: модусного (лирическая героиня – говорящий) и диктумного (адресата посвящения), которых объединяют нравственные принципы, ведь глагольные лексемы обозначают действия, характеризующие поведение лица. Указанные формы допускают и расширительную интерпретацию субъекта за счет включения в эту сферу всех лиц, соответствующих данному поведенческому типу. Местоимение *наш*, «работая в паре»

с глаголами, вводит семантику инклюзивного *мы* в те контексты, где нет соответствующих глагольных форм: *пышино и бесстрастно вянут розы нашего румянца; будет наш ответ у входа в Рай*. Отмеченные нами грамматические формы являются ключевыми для выражения эмоционально-смысловой доминанты этого посвящения, которую можно определить, как гордое противостояние насилию, товарищество аристократов духа.

Посвящение «Маяковскому» выполнено в жанре приветствия-характеристики. Три раза повторяется разговорно-просторечная формула приветствия на базе междометия *здорово*, принятая среди близко знакомых людей и нередко сопровождающаяся номинациями лица, в том числе оценочного характера. Вот и текст этого посвящения насыщен субстантантивной лексикой, содержащей свернутое характеризующее высказывание. В тексте данные существительные употребляются в форме именительного падежа, занимая позицию приложения, обращения, сказуемого: *архангел-тяжелоступ, он возчик, он конь, он прихоть, он право, ломовая слава, певец площадных чудес, гордец чумазый, булыжный гром*. Если в посвящении «Бабушке» доминантные формы именительного падежа принадлежат идентифицирующим существительным и служат созданию собственно портретного описания, то здесь эти формы принадлежат характеризующим существительным и передают субъективное восприятие творческой сути Маяковского. Символическое значение имеет ассоциация с конем, находящая воплощение в тематической группе *конь, возчик, ломовая, булыжный гром, оглобля*. Номинации *тяжелоступ* и *тяжеловес* ассоциативно связаны с породой коня – *тяжеловоз*. Конь – это и сила, и тяжелый труд, и несвобода. К 1921 г., когда было написано посвящение «Маяковскому», сам поэт уже опубликовал свое «Хорошее отношение к лошадям», где состояние упавшей и тем самым вызвавшей смех *homo sapiens* лошади явно экстраполируется на человека: *каждый из нас по-своему лошадь*. С нашей точки зрения, субстантивные формы именительного падежа, выражая в тексте свернутое или эксплицированное характеризующее высказывание, создают «портретную» зарисовку именно поэзии Маяковского. Этот портрет основывается на чувственных ассоциациях, которые у лирической героини вызывают стихи поэта и его облик, и окрашен эмоцией восхищенного удивления, поскольку поэтическое кредо лирической героини совсем иное.

Итак, мы рассмотрели шесть стихотворений-посвящений М. Цветаевой с точки зрения доминантных грамматических форм. Были выделены субстантивные формы именительного падежа («Бабушке»), формы прямого и косвенного падежей местоимений 1 и 2 лица («Маме»), императивные глагольные формы («Але»), формы предложного падежа со значением объекта мысли («Байрону»), формы со значением мы-субъекта («Бальмонту»), формы именительного падежа предикатных существительных («Маяковскому»). Была показана существенная роль указанных форм в выражении межсубъектных связей и отношений, а также эмоционально-смысловой доминанты текстов.

Литература

1. Зейферт Е. И. Доминанты поэтики (носители эмоционально-смысловой доминанты) стихотворения Марины Цветаевой «Попытка ревности» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 126–133.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва : Наука, 2004. 540, [1] с.
3. Зубова Л. В. Поэзия Марина Цветаевой : Лингвистический аспект. Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1989. 262, [1] с. URL: royallib.com/book/zubova_lyudmila/poeziya_marini_tsvetaevoy_lingvisticheskiy_aspekt.html (дата обращения: 12.02.2023).
4. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. Москва : Новое литературное обозрение, 2010. 378, [1] с.
5. Козакова А. А. Роль грамматических элементов в создании «поэтики предельности» М. И. Цветаевой // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017. № 22-2. С. 46–49.
6. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста: между уникальными «экземплярами» и научными обобщениями // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 4. С. 35–55.
7. Сидорова М. Ю., Липгарт А. А. Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (Часть 1) // Филология и человек. 2018. № 3. С. 21–38.
8. Яковлева Е. А., Мухина М. С. «Контрабанда своего смысла» в поэтическое слово как художественный прием Марины Цветаевой // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 1. С. 296–302.
9. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. Москва, 1983. С. 462–482.

DOMINANT GRAMMATICAL FORMS IN DEDICATION POEMS BY M. TSVETAeva

N.E. Petrova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)
Nizhny Novgorod, Russian Federation

The article deals with the functions of grammatical units in the dedication poems by M. Tsvetaeva. The concept of "dominant grammatical form" is characterized. As such, the author analyzes the substantive forms of the nominative case ("Grandmother"), the forms of direct and indirect cases of pronouns of the 1st and 2nd person ("Mom"), imperative verbal forms ("Ale"), prepositional forms with the meaning of the object of thought ("To Byron"), forms with the meaning of we-subject ("Balmont"), forms of the nominative case of nouns that perform the function of an explicit or implicit characterizing predicate ("Mayakovsky"). The significant role of these forms in the expression of intersubjective connections and relations, as well as the main emotional coloring of texts, is shown.

Key words: M. Tsvetaeva, grammar, dominant form, intersubjective relations.

УДК 82.09-343: 811.111'22(410)

ДВОЙНИЧЕСТВО КАК КОНТАКТ МИРОВ В АВТОРСКОМ СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. ГЕЙМАНА «КОРАЛИНА»)

О.А. Плахова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

Цель настоящей статьи – исследование лингвосемиотики контакта двух миров как одного из средств воплощения двойничества в литературной сказке Н. Геймана «Коралина». Установлено, что лингвосемиотика контакта мира реальности и потустороннего мира в сказочном дискурсе воссоздает последовательность изменений каждого из миров, в совокупности отражающих фазы протекания конфликта между Коралиной и ее двойником. Движение миров от близнецового двойничества к антогонистическому двойничеству сопровождается полной сменой аксиологических полюсов диад «живой – мертвый», «добро – зло», «истинный – ложный» в каждом из миров. Сущностная трансформация двоимирия передается преимущественно посредством артефактных, натурморфных, метеорологических, глюттонических, акциональных, параметрических и колороморфных языковых знаков.

Ключевые слова: двойничество, бинарные оппозиции, сказочный дискурс, дискурс, литературная сказка, лингвосемиотика, знак, код, семиозис, постмодернизм; Гейман; Коралина.

В современном литературоведении двойничество рассматривается, с одной стороны, как система двойников, помогающих раскрыть образ главного героя произведения. С другой стороны, двойничество есть средство отражения «диалектической природы жизни и двойственной структуры всех ее элементов» [1]. Иными словами, к изучению двойничества подходят с онтологической и аксиологической позиций [2]. В этой связи совокупность двойников в художественном произведении способствует более глубокому пониманию специфики мировосприятия и ценностных ориентиров не только индивидуально-авторского, но и общественного сознания на определенном этапе его развития, закодированных в системе художественных образов и языке произведения.

Являясь одним из фундаментальных способов «моделирования места человека в мире», двойничество затрагивает все уровни художественного образа, и изучение его должно выходить за пределы исследования фабулы и системы персонажей [3, с. 10]. Построенное на бинарных оппозициях, двойничество всегда предполагает мировоззренческо-аксиологический конфликт, который ищет разрешение во взаимодействии протагониста и его двойника (двойников). Одним из способов непрямого отражения конфликта является состояние мира, окружающего главного героя.

Устойчивой характеристикой сказочного дискурса (и фольклорного, и авторского) является двоемирие: профанный и потусторонний миры становятся декорациями, на фоне которых и разворачивается противостояние протагониста со своим двойником. Однако если в пространстве народной сказки способы художественного отражения идеи двойничества сохраняются фольклорной традицией в неизменном виде, в индивидуально-авторском сказочном дискурсе (особенно эпохи постмодернизма) границы внутри бытийных и аксиологических бинарных оппозиций становятся менее устойчивыми, а способы художественного освоения конфликта двойников более разнообразными.

В свете вышесказанного цель настоящей статьи состоит в исследовании лингвосемиотики контакта двух миров (мира реальности и Другого Мира) как одного из средств воплощения двойничества в литературной сказке Н. Геймана «Коралина». Смысловая многослойность Другого Мира и лингвосемиотическое разнообразие его материализации в пространстве сказки требуют внимательнейшего и всестороннего изучения данной глобальной мифологемы, поэтому в настоящей статье мы коснемся лишь тех ее аспектов, которые непосредственно связаны с заявленной темой исследования.

Несмотря на то, что сюжет сказки разворачивается в двух мирах, тем не менее, основные судьбоносные контакты героини с двойником происходят на территории Другого Мира, и именно Другой Мир питает двойника, позволяя проявляться в себе и через себя, ибо без него материальное воплощение двойничества не представляется возможным. Сам Другой Мир по сути своей представляет двойника реальности, в которой живет героиня сказки Н.Геймана «Коралина» [4], и будучи двойником, он словно отзеркаливает мир реальности, отрицая его самого, его опоры и ценности и предлагая иную альтернативу бытия. В этом отношении в авторской сказке полностью реализуется архаическая идея принадлежности двойника к потустороннему миру, к «миру наизнанку» (М.М. Бахтин). По мере развития сюжета сказочное пространство словно выворачивается наизнанку дважды, что сопровождается кардинальной сменой аксиологических полюсов, и Коралина как протагонист сказки осуществляет интенсивную внутреннюю работу для того, чтобы не потеряться в иллюзорности Другого Мира, найти в себе силы, чтобы возродить к жизни себя и свою реальность.

Характер двойничества миров меняется по ходу развития сюжетной линии. Начинается он с практически полного уподобления Другого Мира миру профанному, заканчиваясь непримиримым антагонизмом, выраженным в открытой борьбе Каролины с ее главным двойником. Поскольку первоначально конфликт двойничества не проявлен эксплицитно, то и оба мира демонстрируют высокую степень сходства между собой. Особенно отчетливо это видно на примере переходного пространства между Другим Миром

и миром реальности, роль которого выполняет коридор. Изначальная степень сходства чрезвычайно высока, и все же медиаторное пространство обладает лишь некоторыми чертами сходства, не превращаясь в точную копию реального коридора. Параллельные конструкции с квалитативом *same* в сочетании с синонимичными структурами *she was in her own home* и *she hadn't left* рождают ощущение единства и идентичности двух пространств, которое внезапно разрушается благодаря введению отрицания *not* и знака с усиливающей семантикой *exactly*:

Coraline went through the door. <...> There was *something very familiar about it*.

The carpet beneath her feet was *the same* carpet they had in their flat. <...> She knew where she was: *she was in her own home. She hadn't left*.

She shook her head, confused.

She stared at the picture hanging on the wall: *no, it wasn't exactly the same* [4, Ch. 3]. (*Здесь и далее вместо страниц указывается номер главы*).

Это первое едва уловимое отличие вводит скрытую аксиологическую доминанту Другого Мира, которая станет доступной и осознаваемой для Коралины много позднее, когда героиня научится видеть суть вещей, различать доброе и злое, истинное и ложное: The picture they had in their own hallway showed a boy in old-fashioned clothes staring at some bubbles. But now *the expression on his face was different* – he was looking at the bubbles as if he was *planning to do something very nasty* indeed to them. And there was *something peculiar* about his eyes [4, Ch. 3]. Абстрактные квалитативы *different*, *nasty* и *peculiar* актуализируют первые бинарные структуры («добро – зло», «истинный – ложный») в цепочке оппозиций, организующих сказочный топос.

Обманчивая идентичность распространяется не только на медиаторное пространство, но и на ту часть мира, которая предстает перед глазами Коралины, – очертания дома, внутридомового пространства и окружающей природы. Первоначальное восприятие миров как близнецов достигается посредством цепочки артефактных, натурморфных параметрических и колороморфных языковых знаков, сопровождающихся все так же квалитативом *same* и усилителем *exactly*. В последнем примере маркером, разрушающим иллюзию идентичности, становится знак *almost*, ослабляющий семантику структуры *exactly the same*:

The house looked *exactly the same* from the outside. Or *almost exactly the same*... [4, Ch. 3].

С этого момента аксиологические полюса «живой – мертвый», «добро – зло», «истинный – ложный» двух миров приходят в движение, поступательно раскрываясь в сказочном пространстве, и запускается механизм постепенного их смещения в противоположных направлениях.

Реальный мир Коралины манифестируется в начале произведения преимущественно посредством негативно маркированных оценочных и акциональных знаков, которые в своей совокупности создают образ унылого,

серого, безжизненного и безрадостного места. Общий эффект усиливается за счет включения в контекст абстрактной языковой единицы *business*, не наполненной для героини в силу ее возраста конкретным содержанием и реализующей дополнительные семы «бессмысленный», «скучный», «непонятный»:

...an old tennis court, but no-one in the house played tennis and the fence around the court had holes in it and the net had mostly *rotted away*; there was an old rose garden, filled with stunted, *flyblown rose-bushes*; there was a rockery that was *all rocks*; there was a fairy ring, made of *squidgy brown toadstools* which *smelled dreadful* if you accidentally trod on them [4, Ch. 1].

Coraline went over to the window and watched the rain come down. It wasn't the kind of *rain* you could go out in, it was the other kind, the kind that *threw itself down from the sky and splashed where it landed*. It was rain that meant *business*, and currently its business was *turning the garden into a muddy, wet soup* [4, Ch. 1].

Унылость и безрадостность реального мира контрастирует с притягательностью Другого Мира, которая достигается за счет обращения автора к знакам глютонического кода, усиленным квалитативами и акциональными знаками. Еда во время первого посещения Коралины Другого Мира выгодно отличалась от того, чем ей приходилось питаться в реальном мире, поскольку отвечала именно ее вкусовым предпочтениям (*the best chicken that Coraline had ever eaten*) и не была результатом постоянной занятости мамы (*chicken ... always out of packets, or frozen, and was very dry, and it never tasted of anything*) или упражнений в создании гастрономических шедевров отца (*he bought real chicken, but he did strange things to it, like stewing it in wine, or stuffing it with prunes, or baking it in pastry*) [4, Ch. 3].

Постепенно, по мере развития сюжета, кажущаяся дружелюбность Другого Мира превращается в открытую враждебность. Вместе с ценностной трансформацией изменениям подвергается и сенсорная составляющая потустороннего пространства. Упорядоченность, понятность и привычность Другого Мира исчезают; на смену им приходят серость, бесформенность и неопределенность, свойственные миру до первых дней Творения. Тщательно отобранные колороморфные, параметрические и акциональные знаки доводят до крайности те характеристики бытия, которые отвергались Коралиной даже в зачаточном проявлении в реальном мире:

...the world was *grey and colourless*, like a pencil drawing. Everything in it was *grey*... [4, Ch. 8].

Outside, *the world had become a formless, swirling mist with no shapes or shadows behind it*, while the house itself seemed to have twisted and stretched. <...> The *grey* windows of the house slanted at strange angles [4, Ch. 9].

Возвращение в состояние изначального Хаоса означает для потустороннего мира умирание, прекращение его самостоятельного существования. Правый элемент диады «живой – мертвый» актуализируется в сказочном дискурсе посредством метафоры, вводимой языковыми знаками разной

сложности (*flattening out; a photograph of a house now, not the thing itself*): ...the house itself was continuing to change, becoming *less distinct*, and *flattening out*, even as she raced down the stairs. It reminded her of a *photograph of a house now, not the thing itself* [4, Ch. 10].

Другой Мир, без формы, света, цвета, определенности и ценностных опор, проходит трансформацию от близнецового двойника к двойнику-антагонисту профанного мира. На фоне его угасания и возвращения к хтоническому существованию обновленный реальный мир обретает жизнь, яркость и способность к развитию. Автор детально воссоздает возрожденную в глазах Коралины реальность, прибегая к знакам метеорологического, натурфактного и колороморфного кодов: *daylight, real golden late-afternoon daylight; the sky was a robin's-egg blue; green hills, which faded on the horizon into purples and greys; the rich sunlight* brushed every hair on the cat's head, turning each white whisker to *gold* [4, Ch. 11].

Новый реальный мир, таким образом, противостоит Другому Миру (a) и себе самому (b), одновременно отрицая и потусторонний мир, и старую ипостась себя, как живое отрицает мертвое, а истинное – ложное:

a) The light that came through the picture window was *daylight, real golden late-afternoon daylight*, not a *white mist-light* [4, Ch. 11].

The *patterns of light and shadow* on the *cracked bark of the trunk of the beech tree* outside the window [4, Ch. 11] – *the world had become a formless, swirling mist with no shapes or shadows behind it* [4, Ch. 9].

b) The sky had never seemed so *sky*; the world had never seemed so *world*; nothing, she thought, had ever been so *interesting*; the *interestingness of the world* [4, Ch. 11] – the kind of rain ... that *threw itself down from the sky and splashed where it landed*; rain that meant *business*, and currently its business was *turning the garden into a muddy, wet soup* [4, Ch. 1].

Итак, лингвосемиотика контакта мира реальности и потустороннего мира в сказочном дискурсе воссоздает последовательность изменений каждого из миров, в совокупности отражающих фазы протекания конфликта между Коралиной и ее двойником. Движение миров от близнецового двойничества к антогонистическому двойничеству сопровождается полной сменой аксиологических полюсов диад «живой – мертвый», «добро – зло», «истинный – ложный» в каждом из миров. Сущностная трансформация двоемирия передается преимущественно посредством артефактных, натурморфных, метеорологических, глюттонических, акциональных, параметрических и колороморфных языковых знаков.

Литература

1. Загидуллина М. В. Двойничество // Достоевский : Эстетика и поэтика : словарь-справочник / сост.: Г. К. Щенников, А. А. Алексеев ; науч. ред. Г. К. Щенников. Челябинск, 1997. URL: fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/142/ (дата обращения: 01.07.2022).

2. Крылова А. Определение понятия «двойничества» в литературе и философско-эстетическая база его возникновения // Парус. 2014. № 34. URL: litbook.ru/article/6964/ (дата обращения: 01.07.2022).
3. Агранович С. З., Саморукова И. В. Двойничество. Самара : Издательство Самарского университета, 2001. 129, [1] с.
4. Gaiman N. Coraline. URL: coraline.bib.bz/ (дата обращения: 01.07.2022).

DUALITY AS A CONTACT OF WORLDS IN THE AUTHOR'S FOLK TALE DISCOURSE (BASED ON N. GAIMAN'S TALE "CORALINE")

O.A. Plakhova
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The purpose of the article is to study the linguosemiotics of the contact of two worlds as a means of expressing duality in N. Gaiman's tale "Coraline". It is stated that in the folk tale discourse the linguosemiotics of the real and the other worlds' interaction recreates the sequence of changes in each of the worlds, which reflects the phases of the conflict between Coraline and her doppelgänger. The shift in the character of the worlds' interaction from twin duality to antagonistic duality is accompanied by a complete change of the axiological poles in the dyads "living – dead", "good – evil", "true – false" in each of the worlds. The essential transformation of the double world phenomenon is transmitted mainly through artifact, naturmorphic, meteorological, glutton, actional, parametric and coloromorphic language signs.

Key words: duality, binary oppositions, folk tale discourse, discourse, literary tale, semiotics, sign, code, semiosis, postmodernism; Gaiman; Coraline.

УДК 82.09-31:811.161.1'36(470)

МАРКЕРЫ ИРРЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Е.Н. Подтележникова
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

В статье рассматриваются грамматические и лексические маркеры ирреальности в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Анализ показал, что наиболее частотными грамматическими маркерами ирреальности являются сослагательное наклонение и служебные слова. Из пяти групп лексических маркеров ирреальности максимально представлена группа «галлюцинации – видения», что в полной мере соответствует замыслу автора.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, Мастер и Маргарита, ирреальность, фантастическое, лексические и грамматические маркеры ирреальности, сослагательное наклонение.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» наблюдается тщательно продуманное переплетение реальности и ирреальности, неожиданное проявление мистики в обыденной жизни. Тема фантастического в романе вот уже много лет привлекает внимание исследователей [5; 15]. В це-

лом интерес лингвистов к этой области знаний не угасает, и данная статья продолжает серию работ, посвященных анализу сверхъестественного, эзотерического [10; 11; 12; 13]. Целью работы является рассмотрение способов выражения языковой категории ирреальности в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», которая ещё не становилась объектом лингвистического исследования. К основным задачам относятся автоматическое формирование выборки маркеров ирреальности из текста романа, их количественный анализ и интерпретация.

А.П. Бабушкин пишет, что в основе ирреального мира лежат фантазийные, воображаемые образы, которые в максимальной степени проявляются в художественной литературе, целью которой является раскрытие неповторимого мира писателя [1]. Ирреальный мир может существовать лишь в человеческом воображении, и относительно мира реального он обладает куда более «идеальными» свойствами. Ц. Тодоров в работе «Введение в фантастическую литературу», подчёркивает, что ирреальный мир в литературе находится где-то на грани между игрой воображения и миром полностью фантастическим, живущим по неземным законам [16]. Когда человек не может решить, является ли происходящее обманом, или же мир, в котором он находится, отличается от обычного, земного, тогда можно говорить о некой фантастичности или ирреальности. Если же мы делаем чёткий выбор в сторону естественности или сверхъестественности происходящего, то в тот же момент эффект фантастического пропадает.

Анализируя ирреальное в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Б.М. Гаспаров писал, что согласно замыслу автора одно и то же событие, действие, предмет существуют как бы параллельно в двух измерениях – реальном и фантастическом [4]. Прошрое, настоящее и будущее, реальное и ирреальное сливаются в единый многомерный калейдоскоп. При этом мистический мир в романе, проявляясь постепенно, к концу романа перетягивает все внимание на себя. Он не ограничен временными рамками и существует вне времени.

Для обозначения объектов и событий, относящихся к ирреальному миру, используются особые языковые маркеры [12]. Е.С. Попова выделяет два основных уровня маркеров ирреального мира: лексический и грамматический [14]. Количественный анализ текста романа М.Ф. Булгакова «Мастер и Маргарита» показал преобладание грамматических маркеров (56%).

А.А. Кретов в своей работе «Невозможное в русском языке» к грамматическим маркерам ирреальности, в первую очередь, относит служебные слова (*как будто, словно, точно, якобы, как бы* и др.) [8]. Кроме того, маркером ирреальности также является сослагательное наклонение, которое находится на стыке реального и нереального миров. Сослагательное наклонение выражает действие, которое может произойти в реальности, но только при определённых условиях, недоступных в данный момент. А.П. Бабушкин также пишет, что сослагательное наклонение описывает не реальное дей-

ствие, а то, которое предполагаемо, желаемо или возможно с определенной долей вероятности [1].

Грамматическая ирреальность и модальность имеют наиболее тесную связь, т.к. модальность тесно связана с наклонением [2]. Кроме того, многие исследователи выделяют особый вид ирреальной модальности, которая указывает на разногласия с объективной точкой зрения, т.к. с помощью языка можно описать не только ситуации, которые могут произойти в окружающей нас действительности, но и за её границами. В.А. Плунгян пишет, что ирреальная модальность открывает и описывает невозможный альтернативный мир, который существует в сознании человека в момент высказывания.

Ирреальная модальность формирует наиболее частотную группу значений в глагольных системах языков мира, и эти значения являются одними из важнейших в когнитивном и коммуникативном отношении [9]. Обращаясь к типологии языков, О.О. Борискина и А.А. Кретов признают категорию невозможного скрытой грамматической категорией русского языка на фоне её явной маркированности в некоторых языках мира [2]. Так, абхазский язык располагает специальными средствами для определения соответствия или несоответствия содержания высказывания действительности, что позволяет четко разграничить реальное и воображаемое.

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» грамматические маркеры ирреальности представлены, в первую очередь, сослагательным наклонением (28%): «*Совершенно **неизвестно**, какую **темной** и **гнусной** уголовщиной **ознаменовался бы** этот вечер...*» [3]. В этом случае ситуация близка возможному миру, однако вероятность перехода события в пространство реальности ничтожно мало, что подчеркивается контекстом (*неизвестно, темная* в значении *неясная*). Следующий пример иллюстрирует пространство упущенных возможностей: «*Я полагаю, что шахматные журналы **заплатили бы** недурные деньги, **если б** имели возможность ее напечатать*» [3]. Здесь условное предложение имеет своей целью описать действия, которые могли бы произойти в прошлом, но по некоторым причинам остались лишь воображаемыми.

Вторая группа грамматических маркеров – это служебные слова *как будто, как бы, яко бы, словно, точно* и др. (25%): «... *Пропал Ершалаим – великий город, **как будто** не существовал на свете*» [3]; «*Небо над Москвой **как бы** выцвело...*» [3].

Можно заметить, что среди маркеров грамматического уровня примерно в равном количестве используются служебные слова и глаголы в сослагательном наклонении. При этом преобладает использование слов *как будто, как бы*, а слова *якобы* и *как бы* характерны для романа в меньшей степени.

Особую роль в описании невозможного мира играют маркеры ирреальности лексического уровня. Е.С. Попова подразделяет их на следующие группы: 1) мечты – воображение – сон; 2) галлюцинации – видения; 3) удив-

ление – странность; 4) чудо – волшебство; 5) имена мифических персонажей [14]. Проведённый количественный анализ показал, что в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» максимально представлена вторая группа «галлюцинации – видения» (53%). К ней относятся такие слова, как *мерещиться, чудиться, показаться, привидеться, видение, галлюцинация*. Приведем примеры: «Ему **померещилось**, что черные волосы, теперь причесанные на пробор, покрылись огненным шелком» [3].

Следующей по частотности является подгруппа «удивление – странность» (26%): *удивить, дивиться, диво, диковинный*. Примеры: «Что дальше происходило **диковинного** в Москве в эту ночь, мы не знаем ...» [3].

Подгруппа «мечты – воображение – сон» представлена в меньшей степени (20%). К ней относятся слова *вообразить, представить, мечтать, грезнить, сниться, сновидение*. Приведем примеры: «**Не воображаешь** ли ты, что находишься на ярмарочной площади?» [3].

Таким образом, мы видим, что среди лексических маркеров ирреальности в романе «Мастер и Маргарита» чаще всего используются маркеры подгруппы «галлюцинации – видения», что в полной мере отражает специфику романа.

Отдельно следует отметить пятую подгруппу лексических маркеров ирреальности «имена сказочных/мифических персонажей», которая, безусловно, присутствует в романе. Однако количество научных работ по булгаковедению, посвященных их детальному анализу так велико, что мы лишь ограничимся упоминанием некоторых из них, не дублируя ранее проведенные исследования [6; 7; 15]. Так, О.А. Корниенко справедливо отмечает, что содержание и функции мифических персонажей в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» до сих пор вызывают многочисленные споры, что обусловлено неоднозначностью романа [7].

Результатом работы является выделение грамматических и лексических маркеров ирреальности в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», что вносит посильный вклад в изучение диалектического единства фантастического и реального в романе. Перспективой исследования является изучение маркеров ирреальности во всех прозаических произведениях М.А. Булгакова, что дополнит знания об особенностях идиостиля выдающегося писателя.

Литература

1. Бабушкин А. П. Сослагательное наклонение как «окно» в иные миры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 16–22.
2. Борискина О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации : национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 2003. 209 с.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Михаил Афанасьевич Булгаков : сайт. URL: bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/proza/master-i-margarita/master-1.htm (дата обращения: 21.02.2023).

4. Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы : Очерки русской литературы XX века. Москва : Наука, 1994. 303, [1] с.
5. Зарецкая Н. Я. М. Булгаков: между мистикой и реальностью (по мотивам романа «Мастер и Маргарита») // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, № 1. С. 238–244.
6. Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова : опыт исследования ершалаимских глав романа «Мастер и Маргарита». Москва : Текст, 2003. 188, [3] с.
7. Корниенко О. А. Мифопоэтика inferнальной образности романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 3. С. 90–118.
8. Кретов А. А. Невозможное в русском языке // *Linguistica Silesiana*. 1993. № 15. С. 123–132.
9. Плунгян В. А. Общая морфология : введение в проблематику : учеб. пособие. 2-е изд., испр. Москва : УРСС, 2003. 383 с.
10. Подтележникова Е. Н., Шмальц Р. В. Анализ лексики произведения Даниила Андреева «Роза Мира» на основе онтологического подхода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2017. № 4. С. 154–158.
11. Подтележникова Е. Н., Коротаева В. А. Моделирование семантического поля «Сверхъестественное» в русском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 121–126.
12. Подтележникова Е. Н., Штапов А. В. Ирреальность в русских народных сказках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 91–97.
13. Подтележникова Е. Н. Семь ликов радости в романе К. Антаровой «Две жизни» // Язык, коммуникация и социальная среда. 2021. № 19. С. 124–132.
14. Попова Е. С. Маркеры ирреальности во французском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2-1. С. 50–57.
15. Соколов Б. В. Булгаков : энциклопедия. 2-е изд. Москва : Алгоритм, 2003. 607 с.
16. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. 143 с.

MARKERS OF UNREALITY IN M.A. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA"

E.N. Podtelezhnikova
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

The article discusses grammatical and lexical markers of unreality in the novel by M.A. Bulgakov "The Master and Margarita". The analysis showed that the most frequent grammatical markers of unreality are the subjunctive mood and service words. Of the five groups of lexical markers of unreality, the group of "hallucinations – visions" is maximally represented, which fully corresponds to the author's intention.

Key words: M.A. Bulgakov, Master and Margarita, unreality, fantastic, lexical and grammatical markers of unreality, subjunctive mood.

УДК 82.09-22:811.161.1'366.55(470)

ПРЕДМЕТЫ СРАВНЕНИЙ В ТЕКСТЕ КОМЕДИИ А.С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»

Е.А. Правда

Воронежский государственный педагогический университет
г. Воронеж, Российская Федерация

В статье рассматриваются предметы сравнений, выявленных в тексте комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». Производится их понятийная классификация. Выясняются способы их лексико-грамматического выражения. Отмечаются структурные особенности сравнительных конструкций.

Ключевые слова: А.С. Грибоедов, комедия «Горе от ума», сравнение, предмет сравнения, сравнительная конструкция, смысловой компонент сравнения.

Языковые особенности комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (далее – *комедии Грибоедова*) изучались многими филологами. Больше всего внимания обращается на крылатые выражения, которыми комедия пополнила русский литературный язык (см., например, работу: [6]), а также на отражение в произведении современной автору разговорной речи дворянского общества (см., например, работу: [9]). Рассматриваются и некоторые другие особенности текста комедии: использование антропонимов, употребление в произведении определённых концептов, устаревших слов и выражений, частотность использования в тексте пьесы тех или иных слов и др. (см., например, работу: [3, с. 27–29]).

Наблюдения показывают, что в тексте комедии Грибоедова встречается немало средств художественной выразительности речи, в частности эпитетов и сравнений. Специальных исследований по данной проблеме в академической науке найти пока не удалось. При этом интерес к вопросу использования средств выразительности в комедии Грибоедова в школьной, студенческой и учительской среде, судя по материалам Интернета, достаточно велик. Все эти обстоятельства обуславливают актуальность темы настоящего исследования.

Объектом нашего внимания стали сравнения, выявленные в тексте комедии Грибоедова [1, с. 195–296]; их оказалось ровно 80. Под сравнением мы понимаем фигуру речи, при которой один предмет уподобляется другому на основании какого-либо общего для них признака. При выделении и интерпретации сравнительных конструкций мы опираемся, в частности, на принципы семантико-функционального синтаксиса, разрабатываемые представителями лингвистической школы профессора А.М. Ломова (см., напр.: [5]).

Логическую структуру сравнения, как известно, составляют три компонента: то, что характеризуется с помощью сравнения (в нашей терминологии – это *предмет сравнения*), то, с чем соотносится предмет сравнения

(в нашей терминологии – это *коррелят сравнения*) и тот общий признак, который позволяет сопоставлять оба компонента (в нашей терминологии – это *основание сравнения*). Исследователи указывают на важность анализа, прежде всего, предметов сравнения, поскольку это даёт возможность определить, какие фрагменты мира оказались в фокусе внимания автора, вызвали те или иные ассоциации. Предметы сравнения отличаются большей «объективностью», чем корреляты, потому что они задаются тематически и выступают в качестве элементов вербального воплощения сюжета (ср.: [4, с. 125]).

Классификацию предметов сравнения исследователи производят по-разному. Так, например, Л.В. Разуваева и О.Н. Чарыкова считают, что в роли предметов сравнений могут выступать либо предметы (обозначаемые, как правило, именами существительными), либо признаки предметов (обозначаемые главным образом именами прилагательными), либо действия (обозначаемые глаголами) [8, с. 87], а Х. Драйсави выделяет следующие когнитивные сферы, к которым могут относиться предметы сравнений в художественной речи: сферу человека, сферу природных явлений, сферу артефактов и сферу абстрактных понятий или мифонимов [2, с. 5]. Возможна и более детальная классификация предметов сравнения (см., напр., нашу работу [7]).

Целью настоящего исследования стало выяснение предметной сферы сравнений, которые можно найти в тексте комедии Грибоедова. Были поставлены задачи понятийной классификации предметов сравнений и выяснения способов их словесного выражения.

Прежде, чем приступить к описанию предметов сравнений, встреченных нами в тексте комедии Грибоедова, необходимо отметить, что живость и непринуждённость речи персонажей пьесы, её разговорный характер обусловили неполноту и парцеллированность многих употреблённых в тексте комедии сравнительных конструкций. При этом тесная смысловая связь высказываний действующих лиц с ситуациями общения позволяет во многих случаях восстановить недостающие компоненты из контекста (они показаны нами в примерах в квадратных скобках) и анализировать сравнения, абстрагируясь от дискретности формы выражающих их синтаксических построений. Заметим также, что сравнения употребляются в тексте комедии в разных её частях разными персонажами, и в скобках после примеров будут указываться порядковые номера действия и явления пьесы, а также именование действующего лица.

Рассмотрим типы предметов сравнения, которые нам удалось выявить при анализе собранного материала.

1. Человек (люди).

1.1. Конкретный, известный человек. Наблюдения показывают, что в комедии Грибоедова преобладают сравнения, характеризующие людей. Из них чаще всего встречаются сравнения конкретных людей – вымышленных драматургом действующих лиц пьесы или их знакомых.

Описываемые с помощью сравнений непосредственные участники диалогов и монологов, в том числе говорящий, обозначаются с помощью личных местоимений 1-го или 2-го лица, употребляемых в разных грамматических формах (*я, меня, ты, вы*). Например: *А разве нет времён, Что я Молчалина глупее?* (Д. I, явл. 7, Чацкий).

Третьи лица (персонажи, не участвующие в тех или иных диалогах) именуется говорящими в сравнениях с помощью фамилий, званий, терминов родства, названий по профессии или роду занятий, а также описательно (*Чацкий, князь Григорий, ваш батюшка, тётушка, аранка для услуг, голова, сидевший со мной* и др.); возможна местоименная замена этих обозначений. Например: *И Чацкий как бельмо в глазу...* (Д. IV, явл. 11, Лиза).

1.2. Неконкретизированный представитель той или иной категории лиц. Предметами сравнений выступают и неконкретизированные представители определённых социальных или профессиональных групп и других категорий людей (*пророк, человек, вельможа в случае, услужник знаменитый, князь, граф*). Например: *Вельможа в случае – тем паче: Не как другой, и пил и ел иначе* (Д. II, явл. 2, Фамусов).

1.3. Любо́й или неизвестный человек (люди). В качестве предметов сравнений в комедии Грибоедова могут выступать и более или менее определённые любые или неизвестные люди. Они обозначаются предельно обобщённо, как правило, с помощью тех или иных местоимений или местоименных прилагательных (*тот кто, кто, они, все, другой*). Например: *Кто более вам мил?* (Д. III, явл. 1, Чацкий).

Предметы сравнений – люди иногда обозначаются имплицитованно; при этом они могут быть восстановлены из предшествующего контекста. Например: *Творец мой! [Фамусов] оглушил, звончее всяких труб!* (Д. III, явл. 11, Хлестова). Данная реплика следует непосредственно за словами Фамусова, произносимыми, в соответствии с авторской ремаркой, «громкогласно».

2. Предмет или явление.

2.1. Географический объект. В репликах Софии, Чацкого и Фамусова встретились сравнения, предметами которых являются географические объекты, подаваемые героями пьесы как несуществующие.

Так, Фамусов, в соответствии со своими взглядами на жизнь, в разговоре со Скалозубом хвалит Москву как столичный город, дважды используя утверждение о том, что нигде нет другой столицы, сходной с Москвой или равной ей, – из чего следует вывод о неповторимости, абсолютном превосходстве Москвы над другими столицами. Например: *Решительно скажу: едва Другая сыщется столица, как Москва* (Д. II, явл. 5, Фамусов).

К позиции Фамусова по отношению к Москве, возможно, близка позиция Софии, хотя она её не выражает явно. Задаваемый Софией вопрос можно расценить как риторический: *Гоненье на Москву. Что значит видеть свет! Где ж лучше?* (Д. I, явл. 7, София).

Что касается Чацкого, то он, пародируя двух княжон, аналогичным образом восхваляет Францию, утверждая, что нет сравнимых с ней стран: *Ах! Франция! Нет в мире лучше края!* (Д. III, явл. 22, Чацкий). В том же монологе он критикует современное состояние «нашего Севера», т.е. России, которое, по его мнению, ухудшилось по сравнению с его состоянием в прежние времена из-за появившейся моды подражать за границе: *Пускай меня отъявят старовером, Но хуже для меня наши Север во сто крат С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад...* (Д. III, явл. 22, Чацкий).

2.2. Одежда и её части. В ряде случаев в комедии «Горе от ума» посредством сравнения характеризуются особенности поведения или внешнего вида русских модников.

Так, Чацкий подвергает сравнению наряды и разговоры светских дам: *Посмотришь вечером Он [французик из Бордо] чувствует себя здесь маленьким царьком; Такой же толк у дам, такие же наряды* (Д. III, явл. 22, Чацкий).

Скалозуб с помощью сравнения хвалит отделку военных мундиров: *... К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам, Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!* (Д. II, явл. 6, Скалозуб).

2.3. Часть тела человека. В одном из сравнений комедии в качестве предмета сравнения выступает палец Чацкого: *Послушать, так его мизинец Умнее всех, и даже князь-Петра!* (Д. IV, явл. 7, Княгиня).

2.4. Обобщённый предмет или явление. Сравнение этого типа содержится в высказывании Чацкого о Софье: *Век не встречал, подписку дам, Чтоб было ей хоть несколько подобно* (Д. I, явл. 9, Чацкий). Исходя из смысла этой реплики, можно предположить, что она задумывалась как **Век не встречал [...] [ничего] Что б было ей [Софье] подобно*, и предметом сравнения здесь можно считать обобщённое **что**, имеющее значение «что-либо». По смыслу данное сравнение является комплиментарным, поскольку в нём по существу отрицается наличия предмета, сравнимого с Софией, из чего следует вывод о неповторимости, абсолютном превосходстве Софии над другими.

3. Ситуация.

3.1. Ситуация в определённый момент времени. Действующие лица комедии часто используют сравнения для характеристики современной им или какой-либо другой ситуации, которую они рассматривают на фоне ситуации в иной момент времени. При этом лишь в двух случаях устанавливается сходство разных «времён» (образуются «утверждающие» сравнения). Например: *День за день, Нынче, как вчера* (Д. III, явл. 3, Молчалин).

Чаще с помощью сравнения персонажи пьесы пытаются указать на несходство ситуаций в разные моменты времени. Это может быть полное несовпадение предмета сравнения с коррелятом по тому или иному признаку (в этих случаях создаётся «отрицающее» сравнение). Например: *Да, брат, теперь не так* (Д. III, явл. 6, Платон Михайлович).

Несовпадение ситуаций может быть неполным, если в предмете сравнения общий для двух компаратов признак проявляется в большей или меньшей степени («соизмеряющее» сравнение), ср.: *...Будьте рады, что при свиданиях со мной в ночной тиши держались более вы робости во праве, Чем даже днём, и при людях, и въяве...* (Д. IV, явл. 12, София).

3.2. Ситуация в определённом месте или в сфере какого-либо человека (людей). Такой предмет сравнения наблюдается, например, в развёрнутом («присоединительном») сравнении со словом *так* в монологе Чацкого из 3-го явления IV действия пьесы. Здесь Чацкий сравнивает своё ожидание тёплой встречи с возлюбленной, подругой детства Софией, с хорошо знакомой, типичной ситуацией путешествия по просторам России, когда впереди видится что-то светлое и радостное, а при приближении к этому месту оказывается, что вокруг только «пустая и мёртвая» степь.

3.3. Ситуация, определяемая потенциальным или гипотетическим действием. Это может быть ситуация:

1) определяемая действием, совершаемым тем или иным образом (*пить горе сразу, унекут под суд [непреренно], все повторяют нелепость обо мне в голос*). Например: *Уж коли горе пить, так лучше сразу, Чем медлить...* (Д. IV, явл. 10, Чацкий)

2) определяемая действием, направленным на тот или иной результат или имеющим ту или иную цель (*пойду в огонь, выйти замуж за него, учить наших дочерей всему*). Например: *Мне всё равно, что [выйти замуж] за него, что [броситься] в воду* (Д. I, явл. 5, София);

3) определяемая действием, совершаемым в отношении определённых лиц или предметов. Например: *Вот так же [как о тётушке] обо мне потом заговорят* (Д. I, явл. 5, София).

В комедии Грибоедова достаточно много сравнений, предметами которых выступают абстрактные понятия. Большинство из этих абстрактных понятий относится к сфере человека – его свойствам, качествам, поведению (*умы, душа, язык, злые языки, толк, слово, лесть, воспоминания, пример, дерзость, правда, причина, говорит*). Напр.: *Как платья, волосы, так и умы коротки* (Д. III, явл. 22, Чацкий).

5. Животное. Такой предмет сравнения встретился только в одном примере: *Ваш шниц – прелестный шниц, не более напёрстка* (Д. III, явл. 12, Молчалин).

Проведённое нами исследование позволяет сделать вывод о том, что сравнения в тексте комедии присутствуют в речи разных персонажей: Чацкого, Фамусова, Лизы, Софии, Молчалина, Скалозуба, Репетилова, Хлестовой, Платона Михайловича, Книжкини. Предметы употребляемых ими сравнений довольно разнообразны, но при этом большинство сравнений в плане их предметов являются антропоцентричными. В них характеризуются люди и явления из сферы человека, в том числе части тела человека, одежда и её детали, а также абстрактные понятия, связанные с интеллектуальной деятельностью или духовным миром человека. Многочисленны и сравнения,

предметами которых являются те или иные ситуации, обусловленные человеческими чувствами, состояниями, действиями, поступками и взаимоотношениями.

Дальнейшее изучение особенностей семантики сравнений в тексте комедии Грибоедова, как представляется, может вестись, прежде всего, в направлении описания других смысловых компонентов сравнений, а именно: коррелятов сравнений или признаков, выступающих в качестве оснований для сравнения. Интересно было бы также проследить связь тематики и других особенностей сравнений с характерами тех действующих лиц пьесы, в чьей речи они употреблены.

Литература

1. Грибоедов А.С. Горе от ума // Крылов И.А. Избранные сочинения. Грибоедов А.С. Горе от ума. Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы/ Вступит. ст. Д.Д. Благого, М.П. Еремина, К.И. Чуковского. М.: Дет. лит., 1981. (Б-ка мировой лит-ры для детей, т. 5). С. 195–296.
2. Драйсави Хуссейн Кадим Маджи. Сравнение в поэтическом идиостиле (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского): дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 224 с.
3. Ковалёв Г.Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности. Учебное пособие для учителя русского языка и литературы. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. 214 с.
4. Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т.7. 1972. 1008 с.
5. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. 400 с.
6. Мокиенко В.М., Семенец О.П., Сидоренко К.П. Большой словарь крылатых выражений А.С. Грибоедова («Горе от ума»). М.: ОЛМА Медиа Пресс, 2009. 799 с.
7. Правда Е.А. Предметы сравнений в языке поэзии М.Ю. Лермонтова // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. А.Д. Черенкова. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 112–119.
8. Разуваева Л.В., Чарыкова О.Н. Предмет сравнения в художественном тексте и способы его номинации // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 1. Воронеж, изд-во «Истоки», 2005. С. 86–89.
9. Чистяков В.Ф. Проспект словаря разговорной речи персонажей «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Воронеж, 1964. 27 с.

SUBJECTS OF COMPARISONS IN THE TEXT OF A.S. GRIBOYEDOV'S COMEDY "WOE FROM WIT"

Y.A. Pravda

Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation

The article examines the subjects of comparisons identified in the text of the comedy by A.S. Griboyedov "Woe from Wit". Their conceptual classification is carried out. The ways of their lexical and grammatical expression are being clarified. Structural features of comparative constructions are noted.

Key words: A.S. Griboyedov, comedy "Woe from Wit", comparison, subject of comparison, comparative construction, semantic component of comparison.

УДК 82.09-343(470)

МИФОПОЭТИКА СБОРНИКА «ЛЕГКИЕ МИРЫ» Т. ТОЛСТОЙ

Е.В. Радько

Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье анализируется мифопоэтика сборника рассказов и повестей Т. Толстой. Определяются центральные мифологемы, архетипы, их роль в сюжете сборника. Анализируются структуры мифа, мифотворческие интенции писательницы, игра с мифом. Описываются особенности взаимосвязи рассказов и метасюжет всех произведений сборника.

Ключевые слова: поэтика художественного текста, мифологема, архетип, сюжет, структура мифа, мифопоэтика.

Об особой, сказочной, манере письма Т. Толстой пишут многие исследователи творчества писательницы (Лейдерман Н., Липовецкий М., Гоццо Е., Песоцкая С., Генис А. и другие). В нашей статье мы хотим проанализировать не столько уникальность, сложность стиля писательницы, сколько понять роль мифологических структур и образов для интерпретации сюжета, образа мира и связи рассказов и повестей сборника «Легкие миры». Использование различного рода мифологем, архетипов и структур мифа в целом характерно для литературы XX и XXI века. «Однако пафос мифологизма XX века не только и не столько в обнажении измелчания и уродливости современного мира с этих поэтических высот, сколько в выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [2, с. 261]. Мы попытаемся понять, в чем особенность и смысл работы с мифом в художественном мире Т. Толстой, на примере указанного сборника. «Более того, можно выявить «мифическую» структуру некоторых современных произведений, доказать литературное бессмертие великих мифологических тем и персонажей (в особенности это касается темы инициации, темы испытания героя...)» [5, с. 176].

Сборник открывается рассказом «На малом огне», в котором на первый план выходит описание дома и семьи. Мифологема дома и числа семь в этом произведении оказывается центральной. Сам дом нередко описывается как пожилая родная женщина. Дом не просто как семейный очаг, а как райское место, которое в следующих рассказах будет утрачено, и мотив поиска потерянного рая будет проходить через сюжет многих рассказов и повестей этого сборника. В описании дома интересны несколько моментов. Во-первых, это стеклянная стена, граница, защищающая от «моря-океана», непонятного окружающего мира и опоясывающая весь второй этаж, где расположена комната для детей (часто упоминается сказочная цифра семь), а также оранжерея и детский сад, формирующий в нашем представлении

образ рая для счастливой многодетной семьей. Хотя автор использует иногда сниженную лексику при описании семьи (например, слово «зажравшиеся»), идеализация этого мира все равно очевидна. В центре этого мироздания находится плита (сам рассказ так и называется «На малом огне»), у которой часто стоит мать, охраняя семейный очаг и поддерживая тепло и уют в доме. Но отсылка современной плиты к печи очевидна, ведь в славянской мифологии печь считается наиболее мифологизированным и символически значимым предметом обихода. «Наряду с красным углом и столом, печь является одним из сакральных центров дома... Печь играет особую символическую роль во внутреннем пространстве дома, совмещая в себе черты центра и границы. Как вместилище пищи или домашнего огня она воплощает собой идею дома в аспекте его полноты и благополучия и в этом отношении соотносена со столом» [3, с. 310]. В первом рассказе сборника плита-печь становится, действительно, центром дома, центром семейного рая. Огонь, который согревает и оберегает семью от окружающего мира, сохраняет материнское тепло и заботу. Несмотря на присутствие кухарки в доме, очень часто рассказчица подчеркивает, что у плиты и огня стоит и готовит именно сама мать. Часто в рассказе возникает и образ стола, представленный геометрической фигурой квадрат, символизирующей устойчивость и нерушимость этого идеального мироздания («фонтан в виде черного квадрата», «римский узор в виде перечеркнутого квадрата», «каменный куб на ножках», «конструктивизм», «плакат, опирающийся на две широкие тумбы» и т.д.). «Стол – предмет особого почитания. Формула стол – это престол Божий известна у всех восточных славян... Символика стола у восточных славян соотносена с идеей пути; как сакральный центр жилища он является и начальной, и конечной точкой любого пути» [3, с. 366]. То есть стол, как и печь, огонь – центральные мифологемы рассказа и связаны с идеей райского места и циклического пути: начало и конец. Образ семерых детей, несколько раз упоминаемых в произведении, безусловно, связан с сакральной цифрой семь, и поддерживает мифопоэтическую линию сюжета. В рассказе появляется и упоминание птицы-спасительницы Симуург (которая вытаскивает из колодца детей). Отсылка к птице Симуург\Семаргл\Симаргл\Сим-Рыгль не случайна: в восточнославянской мифологии это божество, входившее в число семи божеств древнерусского пантеона. Как отмечается в энциклопедии «Славянская мифология», функции этой птицы неясны, но они связаны с сакральным числом семь и воплощением семичленного древнерусского пантеона. Т. Толстая наделяет эту птицу спасительной и оберегающей ролью (семеро детей видят в ней защиту и спасение). Птица стоит на страже семейного счастья, благополучия этого дома-мироздания. Любопытно, когда дети разыгрывают семейную театральную сценку соединения двух родов, двух фамилий, иронично описывают происхождение рода и семьи – они как бы совершают ритуал, возвращения к первопредкам, первоисточкам, соединяют время прошлого и настоящего и как бы его отменяют.

Своего рода это тоже их миф о происхождении мира: «...мы их всех воскресили, и воссоединили, и помянули, и омолодили, и вывернули время наизнанку, чтобы прошлое стало настоящим, а настоящее показалось далеким будущим. На малом огне, на огне памяти ничего не сгорает, не полыхает, не гибнет, не пропадает навсегда [4, с. 54]. Это первое произведение, которым открывается сборник, определяет главные и центральные лейтмотивы сюжетов остальных текстов – это и мотив пути, памяти как сохранение мира и связей с ним, границы миров, представление о потустороннем, поиск и обретение потерянного рая, поиск счастья, поиск дома, поиск своего пути, противопоставление природного и культурного, сотворение своего дома-мира и попытка его уберечь.

В рассказе (или точнее этюде) «Про отца» героиня продолжает задавать вопросы об устройстве мироздания («из чего сделан мир»), о завесе между жизнью и смертью, об ограниченности возможностей тела и движении света, о соединении и искривлении времен и пространств, преодолении конечности жизни и связи с параллельными мирами. Эти темы будут волновать повествователя и в последующих произведениях сборника.

В рассказе «За проезд!» человеческая жизнь сравнивается с движением в поезде в угрожающем мире темноты, неизвестности, одиночества. Жизнь как путь, как движение во мгле, в первозданном бесформенном хаосе. Тьма, которая «растет и пухнет». Вновь возникает спасительный образ печи, огня, свечей. Мир как природный хаос, бесформенное природное, хтоническое темное непонятное начало, которому противопоставлена цивилизация (путешествие из Петербурга в Москву, две светящиеся станции в мире мрака, «платформы, где можно вынырнуть из темноты»). В других рассказах такого четкого противопоставления природы и цивилизации или природы и культуры мы уже не увидим. Образы культуры и цивилизации часто будут описываться в этом сборнике произведений как проявление слабости, незащитности человека и его творений перед вечными силами природы. Если в этом рассказе цивилизация – то, что защищает и спасает человека от непонятного и угрожающего мира, то далее четкая оппозиция исчезнет. Интерес представляет и проводник поезда: это персонаж-медиатор, соединяющий мир света и тьмы, двойственный, амбивалентный образ – одновременно защищающий и оберегающий пассажиров поезда и способный принести им беду или гибель, постоянно совершающий переход из одного мира в другой и связанный с бездной и потусторонностью.

Далее идут несколько рассказов, в которых отчетливо проявляются разного рода бинарные оппозиции и, в первую очередь, противопоставление своего-чужого, центральная оппозиция в мифопоэтике этого сборника. Свое-чужое в художественном мире сборника тесно связано с идеей возвращения и попыткой обрести потерянный рай, найти смысл жизни («ки то счастье, которое я испытывала от этих диких просторов ушло и не вернуть его!»). «Свое» мыслится писательницей часто как «хамское», но «теплое, болтливое, невыносимое», но родное, а чужое как «ужасная тишина». Эта

идея проходит лейтмотивом во многих произведениях сборника, например, в рассказах «Дальние земли», «Ураган» и повести «Легкие миры». Часто возникают оппозиции светлого-темного, белого-черного (это и черная старуха, и белые старцы из «Дальних земель»), оппозиция природного-культурного или природы и цивилизации, например, в рассказе-хронике «Ураган». Природный катаклизм, ураган обнажает ощущение бездомности, чужбины, потерянности у героини произведения. Мощная природная стихия, хтонические силы противопоставлены миру людей, живущих в картонных американских временных домиках. Так, возникает образ временного ненадежного жилья и мира. Искренняя вера в могущественные силы природы часто сменяется ироничным описанием сил/возможностей первого, обеспеченного класса общества, покупки привилегий и мнимой безопасности, «у нас заплачено за шлюпки» (возможная аллюзия к образу корабля в произведении Бунина). Оппозиция русского и американского: культуры, поведения, привычек, восприятия мира – тоже в центре этого рассказа. В «Урагане» набирает силу и мифотворческая интенция Т. Толстой. Здесь мы видим почти эсхатологический миф о конце света (который иронически обыгран в буквализированной метафоре – свет кончается, поскольку администрация зданий решила его отключить и перерезать провода, люди, действительно или сидят во мраке, или уезжают в гостиницы в другие части города). Ураган, потоп, стена воды должны накрыть город и стереть все с лица земли. Вера в реальность мифа идет рука об руку с иронией и самоиронией в художественном мире Т. Толстой, иногда доходя до откровенного сарказма. Но карающий русский Медный всадник (несущий весть о гибели и конце света) в этом произведении противопоставлен американскому Всаднику без головы – который часто бездумно, без ума, согласно лишь букве закона принимает решения. Оппозиция «свое-чужое» тоже иронично и даже саркастично обыграна в этом рассказе. Люди, во время шторма, покидающие территорию пятизвездочного отеля, совершая переход между мирами, по ту сторону границы отеля, автоматически становятся чужими и несущими угрозу посетителям отеля, несмотря на то, что они заплатили такие же деньги и тоже являлись временными постояльцами этого заведения. Неизменные устойчивые мифологические оппозиции в мире людей становятся относительными, непостоянными и неустойчивыми: свои могут через пять минут стать чужими и наоборот, что вызывает откровенную усмешку у автора-повествователя. В этом же рассказе автор-повествователь рассуждает и о ненадежности, неустойчивости мира и цивилизации, мир, который легко в любую минуту может закончиться («Мне знакомо это ощущение тоскливой беспомощности, когда цивилизация, какой мы ее знаем, прекращает быть, отключается, умирает»). Несмотря на частую иронию и сарказм, вера в эсхатологический миф в художественной реальности этого сборника достаточно сильна. Автор-повествователь часто сравнивает миры свои и чужие: американский дом-мир состоит из двух слоев картона, который очень быстро остывает и не греет человека, а свой дом-мир – это сибирская изба,

печь, огонь, свет и живительное тепло. Западный камин, который нечем обогревать в условиях форс-мажора, противопоставлен русской народной дровяной печи. Здесь снова видим иронично, почти жаргонно, переосмысленную современным человеком идею, о том, что Запад уже «не греет». Рассказ «Ураган» как раз во многом о слабости западной цивилизации и западного мироустройства. Т. Толстая творит современный эсхатологический миф. Любопытно, что идея всемирного потопа как наказание/разрушение представлена еще потоком, толпой людей, празднующих Хэллоуин: принцессы, бэтмэны, разные монстры. Но это уже не праздничная толпа, а поток, символизирующий закат западной цивилизации. Рассказ завершается символическим нигилистическим жестом: нужно сделать русский борщ!

В центре книги находится повесть «Легкие миры», давшая название всему сборнику. Это опять размышление автора-повествователя в мифопоэтической форме о доме, о новом мире, о своем и чужом, поиске счастья и потерянного рая. Дом, который героиня рассказа приобретает в своем американском новом мире (мыслим как новый рай) напоминает разбитую избушку, которая стоит в «глухом лесу» в «Конце всех Путей», как пишет героиня рассказа. Хронотоп леса связан с границей миров. Сама же героиня повести, поселившаяся в этом сакральном месте, начинает напоминать современную бабу-Ягу, только на американский лад, как героиня-медиатор, посредник между мирами, ежедневно совершающая бесовской ритуал перехода из одного мира в другой. Можно вспомнить в повести эпизоды, в которых описываются ежедневные, почти ритуальные и «бесовские» (с плясками и песнями) поездки на авто в пять утра на север страны на работу в университет и обратно в лес, к избушке, у которой все пути заканчиваются. Переход через порог, границу и возвращение обратно. Мифопоэтический образ порога, границы, перехода, своего рода инициации, посвящения из «чужих» в «свои» оказывается значимым для этого сборника и встречается достаточно часто. Например, можно вспомнить рассказ «Дым и тень», где героиня в поиске ответа на важный личный вопрос пересекает сакральную границу и попадает почти к мифическим персонажам, «шестипалым» людям-изгоям, живущим в отдельной части города, поскольку все потомки имеют природную анатомическую особенность – шесть пальцев, из-за чего этих людей обходят стороной все местные жители.

В «Легких мирах» героиня пытается создать или обрести потерянный рай и с любовью отстраивает свой новый дом, свое новое мироздание на чужбине. Интересная деталь: в американском доме, который купила героиня рассказа, тоже есть стеклянные стены и недостроенная веранда, волшебная комната, деталь, которая перекликается с первым рассказом сборника и образом рая: стеклянные стены были на втором этаже дома, где жили семеро детей, мать, а центром мироздания была русская печь. Так, героиня рассказа пытается соединить свое и чужое и уже позже убедит читателя в невозможности такого действия. Само название «Легкие миры» обозначает веру в новую счастливую жизнь, в возвращение потерянного в России рая.

Само устройство дома напоминает картину мироздания, это почти Древо жизни или мировой столб. Дом как модель мира. В нем есть опасный подвал, где текут подземные воды и обитают хтонические силы, есть центральная, жилая человеческая часть дома с недостроенной террасой, а есть верхний мир с мечтами. Мир оказывается недостроенным, и недоделана его верхняя, именно «духовная» часть, что перекликается с судьбой самой героини этой повести. Стол как центр дома тоже появляется в этой повести. Но мы помним, что это стеклянный, прозрачный стол, через который героиня видит себя. То есть стола почти и нет, он как бы и не существует, а значит, нет и центра, нет опоры этого дома-мира. Он еще просвечивает, он пока нереален. Хронотоп дороги и перекрестка тоже оказывается в центре произведения. В славянской мифологии перекресток – «роковое, «нечистое место», принадлежащее демонам, на перекрестке совершаются опасные и, наоборот, исцеляющие действия, гадания, произносятся заговоры...проход через перекресток сопряжен с различными опасностями...На перекрестке совершаются предопределяющие судьбу встречи» [3, с. 302]. Мы помним, что в этой повести героиня ежедневно совершает поездки по дороге, находится в пути, пересекает они и те же перекрестки, что символизирует испытания и инициацию, через которую проходит героиня повести, посвящение в чужую культуру и принятие ее чужими мирами. Но, как мы увидим далее, оказавшимися для героини далеко не «легкими мирами». Героиня повести ищет ответ на вопрос о смысле своей жизни, но так его и не находит, и постепенно лес начинает наступать, инициация оказывается не пройденной. Может быть, именно поэтому и описывается постоянное пересечение перекрестка и дорог, незавершенность действия, путь-дорога становится кругом, а дом как модель мира, как ее новое мироздание, оказывается далее разрушенным.

Интересны и образы мифологических героев-демиургов в этом сборнике. В роли демиурга предстает и героиня повести, которая сама строит свою жизнь на американский манер «selfmade woman» и параллельно отстраивает с любовью новый дом, свой новый мир, выкладывает полы, основание дома, приносит строительные материалы. И рациональные американские плотники. Появляется, еще один иронически обыгранный образ современных близнецов-демиургов – это Жук и Курочка, универсальные рабочие, демиурги-трансвеститы, которые поменяли свой пол, но оставили свои старые фамилии. Именно они проведут очистку дома перед заселением нового жилья, который дом и разрушит. То есть, по сути, они и не демиурги, а оборотни (трансвеститы), прикинувшиеся строителями-уборщиками. Демиурги нередко оборачиваются трикстерами, плутами в художественном мире сборника (например, строители, которые часто воруют плитку или другие стройматериалы на военной базе). Можно вспомнить образ Сергея Иваныча из рассказа «Синие яйца», который то сравнивается с птицей сиреной-ревун, то оказывается одновременно демиургом и трикстером. Но новое мироздание, новый рай «отстроить» и обрести у героини не получается: она

чувствует, что это «опять не то место». Новый арендатор, Нильсен, сравнивается с нечистой силой. Героиня повести называет его то червем, то членистоногим, моллюском, который наводит на дом порчу и разрушает его не только физически. Он выбрал дом для своих нечистых ритуалов. Червь связан с образом змея. В народной демонологии это злой дух, он может принимать образ молодого человека (собственно, в таком облики он и пришел арендовать дом героини повести), способен к оборотничеству, может жить в озере, реке, лесу, пещере, дворце. Героиня теряет свой рай, мечту о новой легкой жизни и змей окончательно этот мир разрушает, своего рода мифотворческое описание изгнание из рая. Червь-оборотень или паук ломает стены дома, оставляет письма, разрушает перегородки, и мир героини рушится, она принимает решение оставить его и уехать из страны, вернуться на родину, поскольку не находит и материальных, и духовных основ в этом новом мироздании и ответов на свои вопросы о смысле. Интересная деталь, что червь вырывает даже цветы и кусты в саду (сад как рай). Дом остается, как пишет героиня, «поруганным». Героиня повести вновь оказывается на повороте, перепутье, перекрестке дорог и ищет новый путь.

После центральной повести, уже во второй половине сборника отчетливо проявляется тема русского народа, национальной идеи, народного языка, заговоров, также сохраняется бинарная оппозиция своего-чужого. В тексте продолжается свойственное Т. Толстой ироничное игровое мифотворчество: так, в рассказе «Адамово ребро» иронично осмеян библейский сюжет о сотворении женщины. В народной, «сниженной» версии, женщина происходит из «ребра спецмусормонтажа», а богиня Венера, выходящая из пены морской, оказывается всего лишь женой генерала, принимающей душ, «вновь и вновь рождалась из пены, как при создании мира». Мы видим трансформацию культурных мифов в игру с этими мифами в сборнике Т. Толстой. Возникают и другие мифопоэтические образы – Ураган Ирина сравнивается с несущейся по Америке русской Бабой Ягой. Карна и Желя – в восточной славянской мифологии персонификации народного плача и горя определяют архетипы русского человека и его судьбы. Автор-повествователь упоминает и о вечных архетипах и ключевых бинарных оппозициях русского языка (вспомним рассказ «Серебром и чесноком»), здесь и фонетические противопоставления, и заговоры, народная магия, и сниженная, «приземленная» стилистика народной речи («беспрерывно слышится хтонический гул и могучая семантическая пульсация»). Ироничным мифотворчеством отмечен и рассказ «Дурацкие способы умереть»: история о русских огурцах, которые несут смерть, превратилась в расхожий миф на американской земле («миф ушел в американский мир и его не остановишь»). Здесь и разоблачение советской мифологии об ожидании светлого будущего, подарках судьбы, описание ритуалоподобных действий власти и народа (рассказ «Каго»). Структура советского мифа сравнивается со структурой племенного культа карго. Иронично осмеивается и миф о волшебной живительной кремлевской еде. В сборнике присутствуют и рассуждения автора-

повествователя о власти, столпе народной идеи: триада «православие, самодержавие, народность», то есть небесная, земная и подземная, хтоническая силы формируют, по мнению рассказчицы, структуру Мирового Древа как архетипа мироздания. Корни народа уходят именно к подземным хтоническим непостижимым силам («православие и язычество у нас идут рука об руку»), где бродит зверь Индрик. Согласно русскому фольклору, Индрик – подземный зверь, наделен чертами хозяина водной стихии и является противником змея. В народной стихии все переплетено: так народ, связанный языческими корнями с подземным миром, оказывается тоже противопоставлен змею и злу. Повествователь описывает и способность народа мыслить нелогично, смотреть иначе, быть связанным с иными, потусторонними мирами, о народной магии («он видит что-то другое, значит, он трансцендирует физические законы»). Так, Т. Толстая творит новый миф о русском народе.

В конце сборник автор-повествователь много рассуждает о смысле бытия и основах мироздания, о потустороннем мире, домовых, нелогичных, необъяснимых вещах, о мире духа, вечности (вспомним рассказы «Другие миры», «Эмманиул», «Может быть, свет», «Рядом, за стеной»). Но мифологическое, сказочное и бытовое, повседневное переплетаются в художественном мире Т. Толстой, они связаны неразрывно. Одно проступает сквозь другое. Завершается сборник рассказом «Студень», в котором рецепт приготовления народного русского блюда, напоминающий ритуальное ежегодное действие по поиску смысла жизни, переплетается метафизическими размышлениями об основах мироздания о потерянном рае, который не вернуть («потому что как попасть туда и где это туда – неизвестно»). Так, сюжет приобретает кольцевую композицию и возвращается к первому произведению сборника, перекликается с ним («На малом огне»), в котором как раз семейный рай и был описан.

В целом, можно сказать, что для этого сборника Т. Толстой характерно использование различного рода мифологем и архетипов – это и хропоноп дороги, перекрестка, лес, река, дом, печь, огонь, различные мифологические персонажи. Это и ироничная мифотворческая тенденция – обыгрывание известных культурных мифов и создание новых (мифы о русском человеке, о русском народе, о русской женщине, советском человеке), и использование мифологических структур, сюжетов и образов (бинарные оппозиции, инициации и испытания героя, образы близнецов-демиургов и трикстеров, Древо жизни, космогонические и эсхатологические мифы). Жизнь обычного человека ритуализируется и иногда иронично осмеивается. «Происходящая в прозе Толстой метаморфоза культурных мифов в сказки культуры не только преодолевает иерархичность модернистского создания, но и снимает его трагизм» [1, с.472]. Но это не просто постмодернистская игра, а смешение видения модернистского писателя с поиском гармонии, смыслов, духовных опор и архетипов русской культуры с постмодернистскими игровыми и ироничными приемами письма.

Литература

1. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература, 1950–1990 годы. Москва : Академия, 2006. Т. 2. 688 с.
2. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. Москва : Мир [и др.], 2012. 331 с.
3. Славянская мифология : энциклопедический словарь / науч. ред. В. Я. Петрухин [и др.]. Москва : Эллис Лак, 1995. 413, [1] с.
4. Толстая Т. Легкие миры. Москва : АСТ, 2019. 477, [1] с.
5. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. Москва : Академический проект, 2014. 234, [1] с.

MYTHOPOETICS OF THE COLLECTION OF SHORT STORIES "LIGHT WORLDS" BY T. TOLSTAYA

E.V. Radko
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

The article analyzes the mythopoetics of the collection of short stories and novels by T. Tolstaya. The central mythologems, archetypes, and their role in the plot of the collection are determined. The structures of the myth, the myth-making intentions of the writer, the game with the myth are analyzed. The features of the relationship of the stories and meta-plots of all the works of the collection are described.

Key words: poetics of a literary text, mythologeme, archetype, plot, structure of myth, mythopoetics.

УДК 82.09-31:81'38(73)

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА И СПЕЦИФИКА ЕГО СТИЛИСТИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. КИЗА «ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА»)

А.В. Самойлова
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы определения, типологии и функционирования одной из основных текстообразующих категорий – категории пространства. На материале романа Д. Киза «Цветы для Элджернона» анализируется авторский подход к видоизменению типов художественного пространства для сюжетно-композиционного построения текста, а также рассматриваются лингво-стилистические приемы лексико-семантического и синтаксического уровней, использованные для описания категории пространства.

Ключевые слова: художественный текст, художественное пространство, стилистический прием, антитеза.

Любое литературное произведение базируется на ряде текстообразующих категорий, ключевыми из которых являются категории пространства и времени. Поэтому выявление стилистических особенностей репрезентации категории пространства в художественном тексте играет значительную роль для адекватной интерпретации и целостного понимания литературного произведения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотрения динамики изображения категории пространства как базовой скрепы текстового единства в одном из наиболее символических произведений XX века – романе Д. Киза «Цветы для Элджернона». Тематическая направленность романа также акцентирует актуальность вневременных общечеловеческих парадигм, включающих такие концептуальные понятия, как толерантность, милосердие, гражданские права, интеллектуальное и эмоциональное развитие и уровень их сформированности в социуме.

Целью данного исследования является определение типологии ХП (художественного пространства) и выявление стилистических особенностей репрезентации пространства в романе Д. Киза «Цветы для Элджернона» на лексическом и синтаксическом языковых уровнях, а также определение их функционала в формировании и реализации сюжетно-фабульных решений.

Объектом исследования является текстообразующая категория пространства, предмет составляют языковые средства репрезентации данной категории на разных языковых уровнях анализируемого романа.

Для достижения данной цели был выделен ряд задач: 1) дать определение понятию «художественный текст» (ХТ), выделить его характерные черты; 2) проанализировать сущность понятия «художественное пространство», выявить его формальные аспекты и специфические свойства, представить типологию; 3) дать общую характеристику категории пространства в тексте романа; 4) описать некоторые особенности лингво-стилистической репрезентации категорий пространства на лексико-семантическом и синтаксическом языковых уровнях.

Методологической основой исследования послужили работы, в которых рассматриваются проблемы раскрытия сущности понятия ХТ, стилистического анализа произведения как одного из этапов комплексного филологического анализа ХТ, понятие и характеристики категории пространства в ХТ. Литературоведческий аспект изучения проблемы пространства в ХТ был рассмотрен на основе трудов М.М. Бахтина [3], Н.С. Болотновой [4], Н.С. Валгиной [5], Ю.М. Лотмана [13; 14], Л.А. Новикова [16], Т.Л. Рыбальченко [18], О.М. Скибиной [19], В.Н. Топорова [21; 22]. Базу для рассмотрения ХТ в целом и категорий пространства в частности с лингвистической точки зрения составили работы Л.Г. Бабенко [2], В.Г. Гак [6], И.Р. Гальперина [7; 8], И.М. Кобозевой [12].

Проблемам анализа ХТ посвящено значительное количество работ, неоднократно специалистами в области литературоведения были даны определения самого понятия ХТ. Так, Т.В. Жеребило, К.М. Накорякова, предлагали более обобщенные определения данного понятия, характеризу-

ющие ХТ в качестве результата речетворческой деятельности, сформированного на основе единства лингвистической формы и логически завершенного содержания [10; 15]. Н.С. Болотновой удалось представить определение ХТ с учетом дискурсивной природы общения – это «коммуникативно ориентированный, концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность» [4, с. 132].

Н.С. Болотновой [4], Ю.М. Лотманом [13], Л.А. Новиковым [16] рассматривались характеристики ХТ, среди которых ключевыми являются выраженность (фиксация текста определенными языковыми знаками), ограниченность (свойство, делающее текст закрытой знаковой системой и выделяющее его среди актов устной речи), структурность (композиционно и логически взаимосвязанная внутренняя организация) [13]. Но главной особенностью ХТ Ю.М. Лотман называл его способность «превращаться в коды – моделирующие системы» [14, с. 65]. Соответственно при восприятии ХТ от реципиента требуется наличие определенных навыков декодирования или расшифровки иконических знаков, что, по мнению ученого, возможно только при наличии определенного жизненного опыта. Л.А. Новиков анализировал уникальность ХТ с позиции структурной организации, выделяя в качестве отличительной черты формирование уникальных синтаксических моделей, в которых могут нарушаться общепринятые синтаксические законы, что отражает эстетизацию языкового уровня в рамках структуры ХТ [16]. Н.С. Болотнова в свою очередь выделяла такое свойство литературных произведений, как обладание «культурной памятью» и эстетической ценностью индивидуально-авторского порядка, способной вызвать у реципиента определенный отклик в виде спектра эмоций и мыслительных процессов [4].

Соответственно под ХТ мы можем понимать литературное произведение, характеризующееся сложной структурной, идейной, семиотически обусловленной организацией, обладающее эстетической и культурной ценностью благодаря присущему ему свойству «культурной памяти». Любой ХТ отличается коммуникативной направленностью с прагматически обусловленной целевой установкой на получение интеллектуальной, эмоционального и оценочной реакции реципиента. Рассмотрение средств достижения данного результата осуществляется посредством комплексного филологического анализа, включающего лингвистический, стилистический и литературоведческий этапы. Стоит отметить их неразрывную взаимосвязь, поскольку весь процесс анализа подчинен изучению роли и функций языковых единиц различных уровней, несущих и реализующих определенный эстетический потенциал. В данной работе мы уделим большее внимание типологии ХП с позиции литературоведения, а также стилистическим средствам описания и «конструирования» ХП изучаемого литературного произведения с целью определения их влияния на восприятие, понимание и соответствующую интерпретацию его содержания. По мнению Э.С. Азнауровой, конечная цель стилистического анализа заключается в выявлении

средств и способов их использования с целью донесения до адресата содержания речевого произведения во всей полноте его стилистических и смысловых оттенков [1].

Как упоминалось ранее, ХП является основой любого ХТ. З.Я. Тураевой было представлено определение ХП с учетом таких гносеологических и физических свойств, как идеализация и статика: «ХП есть форма бытия идеального мира статической действительности, форма существования сюжета, пространственно-временной континуум изображаемых явлений» [23]. Н.С. Валгина в свою очередь определяла ХП как «модель мира данного автора, выраженная на языке его пространственных отношений» [5, с. 92], подчеркивая его индивидуально-авторскую аутентичность. Известный специалист в области теории текста и пространственных отношений в рамках ХТ В.Н. Топоров также подчеркивал связь пространственного и непространственного, детерминированность пространственных факторов в зависимости от психо-ментальных особенностей человека. Как и наоборот, возможность человека строить некое «новое» пространство, по мнению В.Н. Топорова, зависит от тех или иных экстремальных ситуаций, и может быть воспринята в качестве психо-терапевтической процедуры. ««Индивидуальность» образов пространства в данном случае состоит прежде всего в том, что сама роль «пространственного» в психо-ментальной структуре человека резко выходит за пределы средних, «общепринятых», типовых норм. И даже если носитель такого индивидуального образа пространства склонен ... соотносить его с геометризированным ... «ньютоновым» пространством, то «объективизирует» он его и покоряет...существенно иначе, чем «средний» потребитель пространства. Но, естественно, индивидуальные образы пространства, как правило, имеют дело не с профаническим и усредненным пространством, но с гораздо более богатым – семантизированным и/или сакрализированным пространством» [21, с. 446]. Следовательно, ХП является статической моделью действительности, созданной на основе психо-ментальных особенностей автора и конструируемой с помощью образов и деталей, релевантных для раскрытия сущности героев ХТ и последующего развития фабулы, а также транслирующей эстетические семиотически обусловленные взгляды автора.

Помимо субъективности, индивидуально-авторской эстетики и сакрализации не менее важным свойством ХП является хронотопичность. Как отмечала Р.Р. Тазетдинова, введенное М.М. Бахтиным понятие «хронотопа» (пространственно-временного континуума произведения) применимо исключительно к художественно-литературному тексту как к конкретному виду искусства [20]. Данная формально-содержательная категория обозначает слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории» [3, с. 10]. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем, в этом и выражается их тесная взаимосвязь.

А.Б. Есин [9], И.М. Кобозева [12] рассматривали формальные аспекты ХП, выделяя 1) универсальность использования ХП в любом литературном произведении; 2) непрерывность / дискретность (фрагментарность). Непрерывность описания ХП придает повествованию определенную статичность, в то время как фрагментарность, выраженная в мгновенной смене пространственно-временных координат делает ненужным описание промежуточного пространства. Дискретность подразумевает отсутствие подробного описания пространства, и заключается в обозначении его отдельных деталей, наиболее значимых для автора. Остальная же (как правило большая) часть достраивается в воображении читателя [9]; 3) конкретность / абстрактность, зависящие от авторского субъективизма. Автор произведения может прибегать к различного рода манипуляциям с целью более точного и экспрессивно-развернутого повествования или описания формирующих сюжетную линию локаций и событий.

Типология ХП также достаточно обширна. Так, А.Ф. Папина выделяла такие основные типы пространства, как реальное и ирреальное, открытое и замкнутое. Реальное ХП является отражением существующего мира (прошлого или настоящего). Ирреальное ХП – это описание миров несуществующих, но вымышленных, созданных самим автором для конкретного произведения. Это может быть описание астрального, inferнального, волшебного, фантастического, сказочного или зазеркального пространства. Особенностью и главным отличием ирреального пространства от реального является его необъятная величина, относительная безграничность и абсолютная непредсказуемость. Открытое пространство предполагает панорамный охват предметов изображения на макроуровне, в то время как замкнутое формируется через описание четко ограниченной внутренней обстановки определенной пространственной области [17].

Основываясь на соотношении художественного пространства и действительности, Т.Л. Рыбальченко выделяет миметическое пространство, отражающее фактическую действительность, и фантастическое/виртуальное – выдуманное, созданное в воображении автора и не соответствующее реальности [18]. Исходя из принципа объективности/субъективности, Т.Л. Рыбальченко различает внешнее пространство, то есть представленное автором (повествователем) и представляющее комбинацию топосов – пространственных объектов, существующих в «материальном» измерении, и внутреннее – пространство, свойственное сознанию героев, возникающее в их снах, галлюцинациях или же создаваемое их воображением и, следовательно, полностью зависящее от личностей персонажей [18].

Лингвистическое воплощение категории пространства в тексте происходит на всех уровнях языка, но в большей степени на лексическом и синтаксическом уровнях. Так, выражение пространственных понятий часто происходит с помощью лексических единиц, использованных не только в прямом, но и в переносном значении. Согласно В.Г. Гаку, существует три вида семантических преобразований лексических единиц: 1) в значениях са-

мих слов; 2) в значениях производных слов; 3) в значениях фразеологизмов [6]. Одним из примеров адаптации переносного значения для передачи размера и количества пространственных характеристик является использование антропоцентрической интерпретации. При этом любая экспрессивность при описании пространства реализуется за счет ряда стилистических приемов лексического уровня таких, как метафора, сравнение, гипербола, литота, антитеза в ее лексической сущности и т.д.).

Согласно И.М. Кобозевой, описание ХП на синтаксическом уровне предполагает следование определенным правилам, как и само построение текстового массива [12]. Намеренное или случайное нарушение грамматических отношений в тексте, приводит к появлению стилистических приемов или средств выразительности, относящихся к синтаксическому уровню (эллипсис, асиндетон, полисиндетон, параллельные конструкции, хиазм, инверсия, различные виды повторов и т.д.). Рассмотрим некоторые стилистические особенности описания ХП в тексте романа Д. Киза «Цветы для Элджернона».

Роман относится к так называемой «мягкой» научной фантастике, что обуславливает особенности изображения ХП. Текст романа представляет собой дневник главного героя – Чарли Гордона, состоящий из серии отчетов, описывающих его состояние до участия в экспериментальной программе, нацеленной на повышение умственных способностей с помощью операции на мозге, и после нее. В романе весьма четко прослеживается неразрывная взаимосвязь категории пространства с образом главного героя произведения. «Это не обособленно существующий континуум, фон, на котором развивается действие сюжета; это сущность, находящаяся в динамике, соразмерно развитию сюжета» [11, с. 49].

Несмотря на то, что начало романа не содержит точных временных или пространственных указателей, сам текст базируется на значительной сюжетной утопичности, читатель без труда определяет главный фоновый макролокус романа – Америку 60-х гг. XX века, что говорит о фигурировании реального или миметического типа пространства, отражающего фактически существующий мир.

Принимая во внимание интеллектуальный уровень главного героя в начале романа, его способность к восприятию, осознанию окружающей действительности, интерпретации происходящих событий, можно сделать вывод об использовании автором внутреннего типа ХП, являющегося видоизмененной, искаженной и утопичной моделью реальности, порожденной сознанием Чарли Гордона. То есть, по классификации Т.Л. Рыбальченко, основывающейся на критерии объективности, ХП в «дооперационной» части романа, является внутренним – отражающим элементы психологической материи, а именно «мозговую игру» – ощущения, предчувствия, ментальные образы главного героя. В части романа, описывающей послеоперационный период, наблюдается использование автором сюжетно-трансформационного перехода от внутреннего пространства к внешнему, реализуемого в расширении перцептивных и когнитивных границ главного героя, объ-

ективизации окружающей действительности как противовеса первичной идеализации. Одним из примеров данного перехода служит внезапное появление после операции потребности в поддержании идеального порядка в квартире.

Постоперационная часть романа характеризуется более детализированным описанием внешнего, поступательно открывающегося для протагониста пространства, вместе с сюжетно-композиционным движением увеличивается и стилистическая нагрузка. Одним из ключевых локусов романа является пекарня, где Чарли выполняет обязанности по уборке помещения: «He likes it back here in the bakery where the floors are white with flour – whiter than the sooty walls and ceiling» [25, p. 32]. Семантически предложение строится на описательной антитезе, формируемой контрастными цветовыми эпитетами “white with flour” и “sooty” и представляющей рациональную характеристику пространства. Эпитет «покрытый копотью» является частью сравнения, сопоставляющего белый пол, покрытый мукой, с запачканными сажей стенами и потолком. Данная антитеза, как и сам локус, выбран, на наш взгляд, автором не случайно. Именно он дает читателю возможность наиболее достоверного понимания ментальной картины мира Чарли Гордона, не предполагающей полутона, разделенной на «белое» и «черное». Важной деталью также является замена первого лица единственного числа на третье лицо единственное число, что создает эффект отстраненности, абстрагированности и формирует дихотомию личностей Чарли Гордона – личность, существовавшую до операции и личность, появившуюся и претерпевшую ментальные трансформации после процедуры.

Осмелимся предположить, что стилистический прием антитезы не только на уровне семантики или синтаксиса описания пространства, но и на сюжетно-композиционном уровне, является в тексте романа ключевым. Полной противоположностью условно черно-белой пекарне является описание пространства отеля, в котором проходила научная конференция, посвященная успеху проведенного эксперимента по искусственному повышению интеллектуальных способностей: «When it was time for the meeting, Nemur steered us through the gigantic lobby with its heavy baroque furnishings and huge curving marble staircases, and we moved through the thickening knots of handshakers, nodders, and smilers» [25, p. 108]. Градация гиперболизированных эпитетов родственной семантики, таких как “gigantic, heavy, huge, thickening” направлена на усиление эффекта и создания масштабного образа пространства вестибюля с массивной мебелью, выполненной в стиле барокко, и огромными изогнутыми мраморными лестницами. Еще одним средством выразительности, представленным в данном отрывке, является глагольная метафора, выраженная глаголом «to steer». Глагол полисемантический, его прямое (to guide or control the movement of vehicle, vessel or aircraft by turning a wheel or operating a rudder [24]) и переносное (to guide the movement or course of [24]) значения уподобляют доктора Немура капитану корабля, в состав команды которого входил и сам Чарли, в том время как

«handshakers, nodders, and smilers») являются не более чем незначительными элементами внешнего макространства, ассоциирующегося с морским простором.

Синтаксический стилистический прием перечисления используется автором-повествователем при описании пространства пансиона, куда протагонист попадает уже после эксперимента: «As we arrived at the new school building, a one-story glass-and-concrete structure with large picture windows <...>. I visualized myself in the middle of a line of men and boys waiting to enter a classroom. Perhaps I'd be one of those pushing another boy in a wheelchair, or guiding someone else by the hand, or cuddling a smaller boy in my arms» [25, p. 158]. Стоит также отметить, что перечисление является одним из наиболее часто используемых стилистических приемов синтаксического уровня в анализируемом романе. Первичное описание миметического внешнего пространства в анализируемом примере передано лаконичным образом, без дополнительной экспрессивности. Интерес в данном случае представляют конституирующие описываемый локус антропоцентрические «элементы» – a boy in a wheelchair, someone guided by the hand, a cuddled smaller boy. Данная цитата является, на наш взгляд, наглядным примером активизированного процесса интериоризации пространственных ощущений, когда визуально воспринимаемая главным героем пространственная картина дополняется фантомными образами, тем самым герой возвращается в свое внутреннее, хоть и измененное операцией состояние и пространство. Повтор разделительного союза «or» между однородными членами перечисления является реализацией полисиндетона, и служит для замедления темпа повествования и незначительной вариативности представляемых образов.

По итогам проведенного анализа были сделаны следующие заключения:

- ХТ обладает сложной структурной, идейной, семиотически обусловленной организацией, аккумулирующей «культурную память» и направленной на решение главной коммуникативной задачи – формирование эстетически обусловленной реакции реципиента;
- индивидуально-авторская аутентичность ХП предполагает варьирование типологией пространства (комбинирование реального/миметического и ирреального/фантастического, открытого или закрытого типов пространства, внешнего, представленного автором в виде комбинации «материальных» топосов или внутреннего, формируемого сознанием героев произведения);
- отличительной чертой ХП романа «Цветы для Эдджернона» является сюжетно-композиционная смена его типов: от внутреннего и замкнутого к внешнему и открытому и обратно;
- одним из ключевых стилистических приемов романа является прием антитезы, реализуемый как на лексико-семантическом или синтаксическом, так и на сюжетно-фабульном уровнях;

- роман «Цветы для Эдджернона» иллюстрирует подход к изображению ХП, обусловленный жанровой спецификой и принадлежностью романа к постмодернистской литературе с ее лаконичностью в плане экспрессивности и переоценкой или полным отрицанием традиционных ценностей. Текстовое описание пространства является отражением того, как протагонист воспринимает окружающий его мир. Именно поэтому большинство стилистических приемов, таких как эпитеты, сравнения, гиперболы, повторы, перечисления, лишены дополнительной экспрессивности. Тем не менее увеличение экспрессивно-стилистической нагрузки отмечается при описании постоперационного периода.

В качестве перспективного направления исследования видится более развернутый анализ стилистики описания ХП в романе с целью выявления макро и микролюкусов, являющихся доминантными для понимания когнитивной картины мира главного героя и определяющих логику сюжетно-фабульного построения текста.

Литература

1. Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. Ташкент : Фан, 1973. 405 с.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста : Теория и практика : учебник : практикум. 3-е изд., испр. Москва : Флинта [и др.], 2005. 495, [1] с.
3. Бахтин М. М. Эпос и роман. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 300, [1] с.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста : учеб. пособие. 4-е изд. Москва : Флинта [и др.], 2009. 520 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие. Москва : Логос, 2003. 278, [1] с.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
7. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка = English Stylistics : учебник. 3-е изд. Москва : URSS, 2010. 331, [1] с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стер. Москва : URSS, 2006. 137, [2] с.
9. Есин А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек [и др.] ; под ред. Л. В. Чернец. Москва, 2012.
10. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
11. Зиньковская А. В., Самойлова А. В. О пространстве художественного текста // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований : сборник науч. прудов / ред.: В. И. Тхорик [и др.]. Краснодар, 2019. С. 45–51.
12. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств : сборник науч. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. Москва, 2000. С. 152–162.
13. Лотман Ю. М. В школе поэтического искусства : Пушкин, Лермонтов, Гоголь : книга для учителя. Москва : Просвещение, 1988. 352 с.
14. Лотман Ю. М. Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2005. 704 с.
15. Накорякова К. М. Литературное редактирование: общая методика работы над текстом : практикум. Москва : ИКАР, 2002. 432 с.
16. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. Москва : УРСС, 2003. 304 с.

17. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории : учебник для студентов журналистов и филологов. Москва : УРСС, 2002. 368 с.
18. Рыбальченко Т. Л. Образный мир художественного произведения и аспекты его анализа : учеб.-метод. пособие. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2012. 130 с.
19. Скибина О. М. Художественные приемы отражения времени и пространства у Чехова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 4. С. 44–50. URL: cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennye-priemy-otrazheniya-vremeni-i-prostranstva-u-chehova/viewer (дата обращения: 11.02.2023).
20. Тазетдинова Р. Р. К вопросу о хромотопичности художественного пространства-времени // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 2-1. С. 33–39.
21. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Москва : Языки славянской культуры, 2005. Т. 1 : Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с.
22. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического : монография. Москва : Директ-Медиа, 2007. 1845 с.
23. Тураева З. Я. Текст: структура и семантика. Москва : Ленанд, 2021. 136 с.
24. Cambridge dictionary : сайт / Cambridge University Press. URL: dictionary.cambridge.org/ru (дата обращения: 08.02.2023).
25. Keyes D. Flowers for Algernon. London : Gollancz, 2019. 216 p.

THE SPACE CATEGORY AND THE SPECIFICITY
OF ITS STYLISTIC EMBODIMENT IN THE LITERARY TEXT
(A CASE STUDY OF THE NOVEL BY D. KEYES "FLOWERS FOR ALGERNON")

A.V. Samoylova
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

The article considers the issues of the definition, classification and functioning of one of the basic text forming categories – the space category. As exemplified in the novel “Flowers for Algernon” by D. Keyes the article analyses the author’s approach to the modification of literary space types for the narrative-compositional structure of the text as well as it studies linguo-stylistic devices of lexico-semantic and syntactic levels used to describe the space category.

Key words: literary text, literary space, stylistic device, antithesis.

УДК 82.09-343:81’37(470)

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ, ПОЭТИКИ И ПРАГМАТИКИ
КНИГИ ТАМАРЫ МИХЕЕВОЙ «ВЕРТУШИНКИ»**

Е. В. Харитонова
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье выявляются содержательные особенности, характеризуется художественное своеобразие, очерчивается функционально-педагогический потенциал книги Тамары Михеевой «Вертушинки». Анализ текстов, составивших книгу «Вертушинки», обнаружение их жанрово-стилевой специфики осуществляется в контексте развития

жанров прозаической миниатюры для детей, а также лирико-философской и природоведческой сказки. Книга «Вертушинки» рассматривается как целостное многокомпонентное образование, обладающее содержательно-смысловым и формально-эстетическим единством, а также сложно организованной конвенциональностью между автором, героями и читателем как внутритекстовыми субъектами.

Ключевые слова: поэтика, художественное своеобразие, лирико-философские сказки, природоведческая сказка, прозаическая миниатюра, литературный генезис.

Современная детская книга вызывает научный интерес представителей разных областей гуманитарного знания: филологов и педагогов, психологов и социологов, искусствоведов и культурологов. Это представляется закономерным, поскольку именно комплексный междисциплинарный подход к феномену детской книги обеспечивает его многоаспектный целостный анализ. К числу важных задач филологического изучения детской книги следует отнести, помимо традиционных, но сохраняющих актуальность вопросов рассмотрения содержания и художественной формы, исследование категории читателя-ребенка, концепции адресата, воплощенной в книге как эстетическом целом. Это становится тем более важным по отношению к современным детским книгам, представляющим собой сверткестовое единство, состоящее из текстов, имеющих разную жанрово-стилевую природу и активно вовлекающих маленьких читателей в читательское, игровое и деятельностное сотворчество. Именно такова одна из книг известного современного писателя Тамары Михеевой, автора множества книг для детей и подростков – «Вертушинки» [6]. Для уяснения эстетической природы текстов, вошедших в эту книгу, выявления их жанрово-стилевого своеобразия, установления литературного генезиса требуется обращение к трудам предшественников, посвященным существенным вопросам детской литературы: истории и поэтике литературной сказки, жанровым разновидностям сказки, прозаическим миниатюрам и т. д.

Так, в русле намеченной проблемы большую значимость имеют работы по изучению литературной сказки, ставшие классическими, среди них – исследование М.Н. Липовецкого «Поэтика литературной сказки» [5]. Особенно важной представляется актуализация категории «памяти жанра» по отношению к литературной сказке, ее последующая трансформация и обновление, а также рассмотрение вопросов жанрового синтеза. Невозможно обойти вниманием и работу Л.В. Овчинниковой «Русская литературная сказка XX в. (история, классификация, поэтика)» [7], в которой исследователь отказывается от определения сказки как жанра, утверждая, что сказка – многожанровый вид литературы. Вызывает интерес диссертационное исследование А.В. Тихомировой, в которой ученый выявляет жанрообразующие параметры философской сказки, анализируя систему персонажей, хронотоп, сюжетно-композиционную и нарративную организацию [15]. Несомненную значимость для проводимого исследования имеют работы, в которых осуществляется изучение теории [2; 3], истории [9] и поэтики [11], [12] прозаических миниатюр.

Целью настоящей работы стало выявление особенностей семантики, поэтики и прагматики книги Т. Михеевой «Вертушинки». Рассмотрение сюжетно-композиционной организации, характеристика системы персонажей, установление литературного генезиса, очерчивание рецептивных возможностей произведения составляют задачи исследования.

Книга Т. Михеевой «Вертушинки» представляет собою сложно устроенное многосоставное единство, структурные части и разделы которого, будучи завершёнными и относительно самостоятельными, реализуют цельный авторский замысел.

Предваряется книга посвящением дочерям автора: «Вертушинкам моей души, Асе и Ульяне». Соположение в одном ряду вымышленных существ, героинь книги, и реальных людей, к тому же относящихся к близкому кругу биографического автора, формирует особое пространство, в котором отсутствует четкая дифференциация между придуманным и существующим на самом деле. Таким образом автор изначально устанавливает игровой характер взаимодействия со своими героями и читателем.

Далее следуют два эпиграфа – из рассказа И.С. Соколова-Микитова «Вертушинка» и автобиографической книги К.Г. Паустовского «Повесть о жизни». Помимо решения утилитарно-прикладных задач (объяснить общее именование лесных духов связью с гидронимом – названием реки), метатекстовые показатели маркируют литературный контекст, актуальный для автора «Вертушинок», – это модус художественности, в котором важна природоведческая компонента; точнее, в намеченной эпиграфами эстетической парадигме человековедение и природоведение оказываются семантически, аксиологически, философически сближены.

Первая глава носит название «На берегу лесной речки» и выполняет миромоделирующую функцию. В ней автор очерчивает хронотоп, вводит в повествование героев книги и дает им общую характеристику. Из этой главы читатель узнает, кто такие вертушинки (крошечные лесные духи), почему они так называются (по названию речки, протекающей по лесу), где они живут (каждая в своем домике), как устроены их домики (что в них есть, для каких занятий они подходят), как они проводят год (засыпают «около ноября» и просыпаются с началом зимы).

Отметим, что автор-нарратор в этом разделе книги выступает в роли автора-творца, демиургически создающего художественный мир, в котором, однако, находится место и героям других книг Тамары Михеевой и в который приглашается читатель. Так, наравне с реальными обитателями леса упоминаются литературные персонажи шумсы – герои одноименной трилогии Т. Михеевой: «И жили в лесу сосны и осины, черёмуха и дикий шиповник, белки и ёжики, шумсы и светлячки, кузнечики и лягушки» [6 с. 7]. Впоследствии книга, на переплёте которой написано «Шумсы», обнаружится стоящей на полке в домике одной из вертушинок [6, с. 48]. Таким образом, автоинтертекстуальная отсылка присутствует в книге как вербально, так и визуально. Также в тексте рассматриваемой главы автор-

повествователь напрямую обращается к читателю с вопросом, усиленным повтором: «Слышите? Слышите?» [6, с. 8]; создает сюжетную интригу (откуда у вертушинок, живущих в лесу далеко от моря, морские камешки?); наконец, сообщает, что вертушинки иногда приходят в город, «селятся в наших городских квартирах и помогают нам неслышно в самых разных делах» [6, с. 13] – отметим при этом переход в повествовании от третьего лица к первому лицу множественного числа. Таким образом, начальная глава в совокупности с метатекстовыми элементами (посвящением и эпиграфами) выполняет важные функции в структуре книги как целого: она создает и задает параметры художественной реальности, выполняет роль экспозиции и устанавливает эстетические конвенции, согласно которым биографический автор, автор-повествователь, герои и читатель находятся в общем смысловом, ценностном и коммуникативном поле. На эту существенную черту современной философской сказки справедливо указывает А.В. Тихомирова: «В текстах утверждается дискретность границ текст/реальность за счет взаимопроникновения художественного мира персонажей и действительности, в которой находится рассказчик (нарратор часто дружен с героями, может пить с ними чай, описываемые события происходят на вблизи расположенном дворе или в соседском курятнике и т. д.)» [15, с. 15].

Следующий структурный раздел книги носит название «Знакомьтесь!» и состоит из девяти прозаических миниатюр, каждая из которых посвящена одной героине – вертушинке. Все миниатюры начинаются с общего именования лесного духа и его имени собственного: «Вертушинка Травинка», «Вертушинка Капелька», «Вертушинка Корица» и т. д. После обозначения субъекта действия следует предикат: «любит», «просыпается», «считает», «знает» и т. п. Вертушинки характеризуются через свои предпочтения и увлечения, темперамент и круг своих обязанностей: так, «вертушинка Брусничка румянит ягодам бока, натирает до блеска листья» [6, с. 17], «вертушинка Кораблик провожает в плавание самодельные кораблики» [6, с. 18], а «вертушинка Дождинка любит погрузиться и посидеть в тишине, когда другие веселятся» [6, с. 22]. Миниатюрам свойственны краткость (от двух до пяти предложений) и выразительность, смысловая емкость и внимание к деталям. В каждой миниатюре присутствует «мысль (образ) широкого обобщения или яркой характерности» [4, с. 844]. Представлению каждой вертушинки посвящена отдельная страница либо целый книжный разворот.

После состоявшегося знакомства героинь книги с читателем следует цикл сказок – это двенадцать историй, содержание которых охватывает круглый год из жизни вертушинок: от весны до весны. Каждая вертушинка становится главной героиней одной истории, а три текста посвящены взаимодействию автора – героев – читателя как внутритекстовых фигур.

Если миниатюры, рассказывающие о той или иной вертушинке, держали в сгущенном, концентрированном виде характерологию персонажей, то сказочные истории являют собою развертывание сюжетно-мотив-

ных комплексов предшествующего раздела книги. Так, вертушинка Кораблик, провожающая в плавание самодельные кораблики [6, с. 18], сама отправляется в дальнюю дорогу и отыскивает самое главное слово для путешествий («Налегке» – [6, с. 78–89]). Вертушинка Дождинка, которая «умеет ткать дожди и ливни» [6, с. 22], случайно заблудилась в утреннем тумане – выбраться из него ей помогают остальные вертушинки («Фонарики в тумане» – [6, с. 36–45]). Вертушинка Корица, которая «обожает печь кексы, тортики, брауни, оладушки и бисквиты» [6, с. 24], решает бросить любимое занятие, а затем возвращается к нему на радость самой себе и своим подругам («Лучшее в мире печенье» – [6, с. 90–101]).

По законам сказочного миромоделирования, сказки начинаются с акта нарушения гармонической целостности жизни, а завершаются восстановлением нарушенного миропорядка с некоторым смысловым, ценностным приращением. Содержание этого приращения обладает для героинь и читателя эвристическим потенциалом, в нем кроется радость открытий и новых обретений.

При всей значимости сюжетно-фабульного уровня, не менее важен для автора и героинь, а следовательно, и для читателя уровень лирико-философский, которому сопутствует особая энергия – не действия, направленного вовне, но созерцания, наблюдения за изменением природного мира, сопровождаемая самоуглублением, самопогружением, самопостижением. Такой вид когнитивной, эмоциональной, рефлексивной активности требует от героинь и читателей внимания к окружающему миру в его многообразных проявлениях: «Ах, как вкусно пахнет осень! Спелыми дождями, перезревшими ягодами, прелой травой, долгими туманами, звёздным небом, разными грибами: тугими рыжиками, крепкими груздями, тонконогими опятами...» [6, с. 97]. Сосредоточенное всматривание, вслушивание, «вчувствование» в осенний лес позволяет героине получить новый эмоционально-душевный опыт.

Завершается цикл сказочных историй раскрытием интриги, созданной в первой главе: вертушинки открывают читателю свой самый большой общий секрет.

Заключительный раздел книги носит название «Секретники вертушинок» и включает в себя девять главков, в которой каждая вертушинка делится с читателем способами создания того, что умеет она сама: вышивать цветы, играть в простые и увлекательные игры, рисовать орнаменты, создавать из подручных материалов кораблики, готовить конфеты по несложному рецепту и т. д. Тексты этого структурного раздела книги содержат множество алгоритмов, они изобилуют императивами, прямыми обращениями к читателю. Эти способы текстопостроения и формы диалогизации создают эффект спонтанности, непосредственности. Кроме того, к книге прилагается бумажная кукла, отпечатанная на плотном картоне. Автор-повествователь сообщает, что ее нарисовала вертушинка Дождинка и предлагает читателю

мастерить для нее одежду. Симптоматично, что заключительным секретиком становится собственно «секретик» – традиционная форма репрезентации детской субкультуры. М. В. Осорина, психолог, автор широко известной монографии «Секретный мир детей в пространстве мира взрослых» отмечает важную функцию детских «сокровищниц», «секретов» и «тайников» – «желание таким образом материализовать свое тайное присутствие в пространстве окружающего мира» [10, с. 176]. В приведенной цитате представляется равнозначным как мотив тайного присутствия (попутно отметим лексему «секретный» в названии книги исследователя), так и мотив его «овнешнения», его материальная репрезентированность. Думается, автор «Вертушинок» завершающим разделом книги поддерживает органически присущую ребенку интенцию к перетеканию читательской, познавательной, эстетической активности в активность деятельностную, коммуникативную, игровую.

При кажущейся простоте и несомненной доступности сказок для читателя дошкольного (чтение вслух взрослыми) и младшего школьного (самостоятельное чтение) возраста, они имеют сложную эстетическую природу, генетически восходящую ко многим литературным и – шире – культурным феноменам. Как уже отмечалось выше, сама писательница системой эпиграфов артикулирует определенный литературный пласт, очевидно, повлиявший на ее творческое сознание, формирование художественного замысла книги, а также на текстопостроение. Рассказ И. С. Соколова-Микитова «Вертушинка», из которого взят первый эпиграф, и масштабное автобиографическое произведение К.Г. Паустовского «Повесть о жизни», ставшее источником второго эпиграфа, утверждают значимость определенного способа «понимания и изображения жизни» [8, с. 205], в котором природное и антропологическое начала демонстрируют способность к сближению и взаимопроницаемости. Помимо ориентации на природоведческие сказки, рассказы, миниатюры К.Г. Паустовского, И.С. Соколова-Микитова, М.М. Пришвина, В.В. Бианки, Ю.И. Коваля, в жанрово-стилевом плане в цикле сказок «Вертушинки» ощутимо влияние лирико-философских сказок С.Г. Козлова, Г.М. Цыферова, Г.Б. Остера.

Образ вертушинок – крохотных лесных духов-девочек – с неизбежностью приводит к авторам и книгам Серебряного века, среди которых «Фейные сказки» К.Д. Бальмонта, опубликованные в 1905 году и открывающиеся стихотворным посвящением его дочери Нинике (Нине Константиновне Бальмонт-Бруни), а также «Сказки Голубой феи» Л.А. Чарской (1909 год). Образы представителей маленьких вымышленных народов часто встречаются как в фольклорных, так и в литературных сказках XX и XXI века: от муми-троллей Туве Янссон и накситраллей Эно Рауда до гарантийных человечков Эдуарда Успенского и пухликов Алены Кашуры. По-видимому, можно обнаружить как следы творческого влияния, так и проявление типологического сближения образов заглавных героинь Тамары Михеевой с другими сходными с ними выдуманными существами.

Чрезвычайно существенной, особенно принимая во внимание завершающую часть книги «Секретики вертушинок», кажется следующая параллель: вертушинки, делящиеся своим будничным, повседневным волшебством с читателем книги, напоминают заглавную героиню книг С. Ю. Сахаровой «Академия домашних волшебников, или История о том, как однажды зимним вечером в комнату влетел кораблик – калиновый листок и Калинка сняла шапочку-невидимку...» [13] и «Чудеса в решете, или Калинкина школа для первоклассников» [14] – маленькую волшебницу Калинку. Отметим родственные черты в книгах обеих писательниц: их работы совмещают в себе дискурсивные практики разных типов – художественное и научно-популярное письмо; в книгах решаются как эстетические, так и утилитарно-прикладные задачи, касающиеся организации повседневной жизни и ведения домашнего хозяйства. Персонажи упоминаемых книг – Калинка и вертушинки – имеют антропоморфный облик и при этом близки к природному миру, они объединяют в себе естественное и культурное, социальное начала. Кроме того, книги предлагают читателю сходную модель эстетической коммуникации, при которой вымышленная автором художественная реальность и реальность эмпирическая не имеют четких границ. Книжные героини преодолевают границы книжного пространства – чужого для читателя, оказывая непосредственное влияние на реальность, ощущаемую читателем своей. В вымышленном мире читателю-ребенку предлагается увидеть привычное для него (вертушинки пускают кораблики по лужам, пьют чай с вареньем и печеньем, иногда обижаются на самих себя и подружек и прочее – им свойственны занятия и увлечения, тип сознания и способы поведения, знакомые каждому ребёнку), а в реальном мире – волшебное, чудесное (новая игра, вкусные и полезные конфеты, красивая вышивка – это результаты творческой деятельности, то, что читатель может создать сам, вызвав из небытия к бытию). Думается, книги С. Сахаровой и Т. Михеевой транслируют общий тип литературной конвенциональности, формируя определенную неклассическую модель отношений автора, героев и читателя.

Следует отметить, что не только литературные, но и визуальные источники могут побудить писателя к созданию книги, создать импульс для формирования творческого замысла произведения. Так, некоторое время назад большую популярность получили акварельные рисунки белорусского художника и иллюстратора Екатерины Бабок, на которых в мягких пастельных тонах изображены девочки-феи, маленькие волшебницы и помощницы, сопровождающие ту или иную сферу жизни, отвечающие за какой-либо предмет или явление («Фея добрых снов», «Фея бумажных корабликов», «Фея ландышей», «Фея теплых носочков» и прочее). Впоследствии к работам Екатерины Бабок Ксения Валаханович написала стихи, которые составили книгу «Поселилась в доме фея» [1]. Даже беглое соотнесение иллюстраций Екатерины Бабок и сказок Тамары Михеевой позволяет обнаружить сходство творческого мышления художника и писателя.

Таким образом, книга Т. Михеевой «Вертушинки», содержащая в своем составе принципиально разнородные тексты, обладает содержательно-формальной и функциональной целостностью. Она формирует образ мира, в основу которого положены традиционные гуманистические ценности: дружба и взаимопонимание, доброта и забота, творчество и сотворчество. В образах героинь просматривается сложное единство универсальной и уникальной парадигм человеческого существования.

Углубленное изучение аксиологической, нарративной, сюжетно-мотивной организаций, уточнение жанровой природы сказок, обнаружение форм интертекстуального взаимодействия может составить перспективы дальнейшего исследования.

Литература

1. Валаханович К. Л. Поселилась в доме фея / ил. Е. Бабок. Москва : Издательский дом Мещерякова, 2018. 32 с.
2. Геймбух Е. Ю. Поэтика жанра лирической прозаической миниатюры: лингвостилистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2005. 35 с.
3. Лебедева М. Н. Микрожанры современной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 26 с.
4. Левицкий Л. А. Миниатюра // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. Москва, 1967. Т. 4 : Лакшин – Мураново. С. 844.
5. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск : Издательство Уральского государственного университета, 1992. 184 с.
6. Михеева Т. В. Вертушинки / ил. О. Брезинской. Москва : Пять четвертей, 2021. 195 с.
7. Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX в. (история, классификация, поэтика). Москва : Альфа, 2001. 324 с.
8. Овчинникова Л. В. Сказка-путешествие как «творческое поведение» М. М. Пришвина // Вестник Костромского государственного университета. 2008. № 4. С. 200–206.
9. Орлицкий Ю. Б. Большие претензии малого жанра // Новое литературное обозрение. 1999. № 4. С. 275–288.
10. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. Санкт-Петербург : Питер, 2010. 368 с.
11. Полева Е. А. Художественное своеобразие миниатюр Татьяны Мейко и Анны Никольской в контексте развития жанров прозаической миниатюры для детей и лирико-философской сказки // Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.) : коллектив. монография / под ред. Е. А. Полевой. Томск, 2016. Т. 1. С. 33–52.
12. Полева Е. А. Художественное своеобразие прозаических миниатюр-сказок Татьяны Мейко // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2015. № 10. С. 172–178.
13. Сахарова С. Ю. Академия домашних волшебников, или История о том, как однажды зимним вечером в комнату влетел кораблик – калиновый листок и Калинка сняла шапочку-невидимку... Москва : Издательский дом Мещерякова, 2013. 416 с.
14. Сахарова С. Ю. Чудеса в решетке, или Калинкина школа для первоклассников. Москва : Издательский дом Мещерякова, 2013. 320 с.
15. Тихомирова А. В. Жанровые особенности философской сказки в русской литературе второй половины XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 22 с.

FEATURES OF SEMANTICS, POETICS AND PRAGMATICS BOOKS OF TAMARA MIKHEEVA "VERTUSHINKI"

E. V. Kharitonova
Ural State Economic University
Yekaterinburg, Russian Federation

The article reveals the content features, characterizes the artistic originality, outlines the functional and pedagogical potential of Tamara Mikheeva's book "Vertushinki". The analysis of Tamara Mikheeva's fairy tales, which made up the "Vertushinki" book, the discovery of their genre and style specificity is carried out in the context of the development of the genres of prose miniatures for children, as well as lyrical-philosophical and natural history tales. The book "Vertushinki" is considered as a holistic multi-component formation that has a content-semantic and formal-aesthetic unity, as well as a complexly organized conventionality between the author, characters and the reader as intra-text subjects.

Key words: poetics, artistic originality, lyrical and philosophical tales, natural history tale, prose miniature, literary genesis.

УДК 81'42:801:316.77

КОММУНИКОЛОГИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАМЫСЛА АВТОРА

В.В. Хорольский
Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Российская Федерация

Каждая наука вносит свои методы в изучение художественных текстов. Теоретики коммуникологии, одной из важных гуманитарных наук, исходят из того, что коммуникология (англ. *Communicology*), это часть науки о коммуницировании людей, которой присуща несводимость к методам смежных наук. Главное в анализе художественного текста для специалистов в данной области знания заключается в правильном понимании чужого слова, в верной интерпретации смысла произведения с точки зрения успешности коммуникации. Разграничивая коммуникологию и теорию литературы, можно предложить некоторые дополнения к герменевтике художественного текста. Метод исследования – интегративный, информационно-культурологический, основанный на идеях Ж. Бодрийара, Л. Земляновой, М. Бахтина, Н. Хомского.

Ключевые слова: Коммуникология, теория литературы, поэтический текст, замысел автора, интерпретация.

Герменевтические процедуры при анализе художественных текстов (ХТ), художественных дискурсов (ХД), стилевых манер и литературных направлений чрезвычайно разнообразны и для понимания культурных феноменов. В ситуации поликодовости многих художественных и «около-художественных» текстов и ускорения процессов интердисциплинарности в науке, естественно, надо приветствовать сотворчество представителей разных сфер гуманитаристики. Полезны обмены и использование методов

исследования из несмежных цехов, что позволяет находить продуктивные идеи «на стыке», на границе разных «ответвлений», несмотря на наличие «конфликта интересов». ХТ, будучи сложной семиотической системой, «семантическим неоднородным образованием, вступающим в сложные отношения с внешним контекстом» [1, с. 24], концентрирует в своей совокупности культурных знаков коммуникативную интенцию автора и код возможной читательской интерпретации, основанной на диалектике системности-аналитичности и целостности-органичности восприятия.

Коммуникология, будучи практикой коммуницирования в социуме, выступает и как знание о законах понимания чужого слова, как сравнительно новая отрасль гуманитарного знания, которая может служить целесообразным инструментом экспликации авторских интенций, что особенно важно при анализе лирических произведений.

Анализируя ХТ, коммуникологи, как и теоретики литературы, начинают с перевода авторского замысла и смысла на язык реципиента, подчеркивая при этом, что смысл сообщения Автора не равен смыслу ХТ, который (ре)конструируется в ходе диалога создателя и получателя. Реципиент получает код, ключ к прочтению, но реципиент является суверенным участником коммуникативного процесса (сколько голов, столько и мнений). Общий смысловой вектор, конечно, существует, иначе понимание было бы невозможно, но бесконечность интерпретаций ХТ заложена в самом характере человеческой коммуникации, субъективной по определению, но не произвольной по характеру аргументации и выбору речевых стратегий. Из данного рассуждения вытекает следствие: ХТ и ХД фатально зависят от уточняющих контекстов, этической индивидуальности автора и духа эпохи. Это те факторы, которые ограничивают произвол коммуникаторов, усиливая эффект взаимозависимости коммуникатора (адресанта) и реципиента (адресата).

Проиллюстрируем эту мысль рассмотрением известного стихотворения американского классика Роберта Фроста «Пастбище», о котором уже шла речь в статьях автора этих строк [3, с. 133].

Пойду на луг прочистить наш родник.
Я разгребу над ним опавший лист,
Любуясь тем, как он прозрачен, чист,
Я там не задержусь. – Пойдем со мной.
Пойду на луг теленка принести,
Не может он на ножках устоять,
Когда его вылизывает мать.
Я там не задержусь. – Пойдем со мной.
(Пер. И. Кашкина)

С точки зрения коммуникологии и коммуникативистики (это родственные, но не идентичные термины), художественный автор, близкий автору биографическому, много лет проработавшему на ферме, обращается с призывом к герою, находящемуся не на пастбище и вообще никак не

конкретизированному. Возможно, что это друг (жена, родственник, сосед и т.п.), возможно, что это оппонент в споре о ценностях (любой коммуникатор или реципиент, которого можно назвать «инципированным» читателем). Понять смысл диалога автора-коммуникатора и реципиента помогает внешний «среднеудалённый» контекст: проживая в Новой Англии, где в 1900-е годы провинциальная жизнь дотракторного фермерства разрушалась катком урбанизма, Р. Фрост был апологетом сельской гармонии и мирного труда на лоне природы. Его философия жизни, метод «картофельного реализма» не совпадали с ритмами и паттернами коммерциализированной культуры и утилитаристского пафоса промышленной революции и индустриализации. Однако он принимал свою дружескую «размолвку с миром» (а именно окружающий мир и является вторичным адресатом поэтического послания) как форму диалога-спора, где не может быть победителей. Повтор призыва (*Пойдем со мной*) показателен: нарратор изображает новоанглийский пейзаж как совокупность близких сердцу знаков (ручей, теленок, опавший лист), символизирующих истинные ценности бытия. О ценностях городской цивилизации автор умалчивает, но в подтексте ошутимо, что в душе он не приемлет прагматизм и активизм американцев, о чем прозрачно намекают и его статьи, письма, разговоры с друзьями. Умолчание как коммуникативный приём значимо, как и пауза на театральной сцене. Финальное усиливающее повторение приглашения в мир пасторальных ценностей свидетельствует о принципиальности позиции автора, настаивающего на праве личности не бежать за жизненным успехом, а пить из родника мудрости живительную воду, источник буколических «радостей фермера». Присутствуя в деловом мире, поэт соблюдает закон независимого выбора, авторской вменяемости, «трансгредиентности» (М. Бахтин) по отношению к героям и миру в целом. Такую же позицию должен занимать и интерпретатор события, если автор настаивает на идее плюрализма мнений.

Иной вариант коммуникативного события мы видим в известном стихотворении А. Ахматовой «Муза»:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я!».

Коммуникативный акт внешне прост: лирическая героиня, автобиографическая суть которой очевидна, рассказывает читателям о беседе с Музой. Кажется, что есть только две реплики, причем последняя принадлежит Музе, которая произносит одно слово – местоимение Я. Но любой грамотный читатель, опираясь на свои знания и здравый смысл, может проком-

ментировать процесс коммуницирования как знаковой событийный комплекс, главным сюжетным ферментом которого является творческое озарение автора.

Без особого труда можно реконструировать бытовой ласт фабулы, где очевидным выглядит достаточно тривиальный факт: в произведении отражен условный разговор с Музой, что является традиционным приёмом в искусстве. Биографический автор А. Ахматова создала образ встречи двух сознаний, в ходе которой художественный автор, выступая в роли нарратора, слушает слово мифологического персонажа, а репрезентируя мирозерцание автора биографического, имплицитно формулирует кредо истинного художника: творчество должно быть не просто самореализацией мастера, но и служением высшему идеалу. В событии встречи героини с фикциональным персонажем-знаком вдохновения, естественно, принципиальным является затекстовое и отчасти подтекстовое размышление биографического Автора о природе искусства, требующего жертв и «радостного рабства». Мысли художественного автора о моменте творческого открытия и ожидания этого счастливого момента («Жизнь, кажется, висит на волоске») выражены эксплицитно. Финальная реплика Музы расставляет героев События по местам. Не гостя, но Хозяйка пришла в дом поэтессы, не поучать, а подсказывать единственно верный вариант поведения Поэта! Её гордо-надменный ответ на вопрос героини звучит так, что предельно сжатое уточнение ценностных ориентиров превращается в семантический взрыв. Напрашивается долгая пауза- зияние смысла перед финалом стиха. Логично предположить, что для успешного диалога коммуникаторов, прежде всего художественного автора и инципированного читателя, нудительным условием успешности коммуницирования является «вчувствование», вживание последнего в интенции автора. Умолчание как речевая тактика Музы может служить примером говорящего молчания. Её слово – это вид синтеза иллюкутивности и перлокутивности в речевом акте. С одной стороны, Муза даёт указание поэтессе, но с другой стороны, она не приказывает, её единственное слово убедительно для собеседницы, так как совпадает с авторскими личными догадками и ожиданиями. Мы хорошо знаем о положительном результате вымышленной беседы биографического автора с Музой, которую можно назвать и «разговором двоих» (любимая фраза Р. Фроста), и разговором автора со своим Эго.

Для поэтессы в «Музе» свобода – одна из высших ценностей её жизни. Но творчество и самореализация личности стоят еще выше. Иногда выше жизни! Читатель изначально чувствует символическое звучание реплик уже в силу очевидной прецедентности имени Данте и авторской напряженно-патетической интонации, передающей высокую степень успешности диалога.

Теоретик литературы В.И. Тюпа, говоря о соотношении художественности и целостности, уместно ссылаясь на М. Гиршмана и В. Соловьева, подчеркивая, что «первоисточник художественности – "созвучие души

с объективным смыслом вселенной" (В.С. Соловьев), взаимозавершающее взаимодействие двух целостностей: внутренней (личность со своей уникальной картиной мира) и внешней (универсум мира и жизни, всесторонне объемлющий существование личности)» [2, с. 32], что, на наш взгляд, подтверждает и требование теоретиков соединять принцип системности с требованием органичности и целостности ХТ. Аксиматично и положение о несовпадении понятий целостности и лингвистической когезивности: фрагментарность и внешняя «несвязность» ХТ может быть формой целостности, а когезия предполагает цельность, гармоничность, в лучшем случае – когерентность текста, но не целостность художественной идеи, базирующейся на эстетическом идеале, на идеале всеобщего блага и истины.

Рассмотрев два примера из сокровищницы мировой поэзии, можно сделать вывод о безусловной полезности соединения разных наук в процессе анализа поэтических произведений. В то же время, как показывают два ХТ, рассмотренные выше, коммуникативные принципы не могут считаться более важными, чем общие для гуманитаристики герменевтические процедуры. Речь идет о дополнительной методике выявления оттенков смысла через анализ знаковых допистин реплик в ХТ.

Лирика субъективна, это родовая её черта. Но в процессе анализа лирических произведений сопоставление речевых пластов и учет «затекста», подтекста и контекста ХД, думается, неизбежно выводит интерпретаторов к горизонту объективности и художественной истинности поэтического высказывания, по определению являющегося убеждающим словом.

Литература

1. Макерова С. Р. Художественный текст и семиотический анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Серия. Филология. 2014. № 1. С. 22–29.
2. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь : Тверской государственный университет, 2001. 297 с.
3. Хорольский В. В. Становление эстетического идеала в поэзии Р. Фроста и А. Мэклиша : Проблема творческой самобытности и чужого опыта // Филологические записки. 2006. Вып. 25. С. 131–143.

COMMUNICOLOGY IN A POETIC TEXT AS A TOOL FOR RECONSTRUCTING THE AUTHOR'S IDEA

V.V. Khorolsky
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

Each science contributes its own methods to the study of literary texts. The theorists of communicology, one of the important humanities, proceed from the fact that communicology is a part of the human communication science, which is inherent in irreducibility to the methods of related sciences. The main thing in the analysis of a literary text for specialists in this field of knowledge lies in the correct understanding of someone else's word, in the correct interpretation of the work's meaning from the point of view of successful communication. Distinguish-

ing between communicology and literary theory, we can offer some additions to the hermeneutics of a literary text. The research method is integrative, informational and culturological, based on the ideas of J. Baudrillard, L. Zemlyanova, M. Bakhtin, N. Chomsky.

Key words: Communicology, literary theory, poetic text, the author's idea, interpretation.

УДК 81'42:82.09(470)

**ФРАГМЕНТ КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ЦЕЛОГО:
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ДУБРОВСКИЙ»,
РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА», ПЬЕСЫ А.П. ЧЕХОВА «ЧАЙКА»)**

Г.А. Шпилева, У.Ю. Борисова, О.А. Горбачевич
Воронежский государственный педагогический университет
г. Воронеж, Российская Федерация

В данной статье рассматривается проблема интерпретации художественного текста на материале произведений отечественных классиков: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Авторы повести, романа и пьесы прибегают к цитированию произведений других писателей (создавая интертекст), используют «язык цветов», что расширяет смысл написанного. Задача исследователя (и читателя) *расшифровать* образы, объяснить их значение и роль в развитии сюжета.

Ключевые слова: фрагмент, деталь, подтекст, интертекст, флорошифр.

В настоящей работе мы делаем попытку интерпретировать некоторые фрагменты из произведений отечественных писателей: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Под *интерпретацией* понимается «истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи, концепции <...> это аналитически доказующее рассмотрение произведения <...>, при котором учитываются миропонимание автора, его связь с современной ему эпохой и культурно-художественной традицией» [2, с. 127–128]. Интерпретация берет начало в античности, затем ее история продолжилась в связи с толкованием Священного писания, развивалась под пером Ф. Шеллинга, других романтиков, а далее – в трудах Ф. Шлейермахера и В. Дильтея. Отечественная *герменевтика* (другое название интерпретационного подхода) пополнила данную отрасль литературоведения трудами А.А. Потебни, О.М. Фрейденберг, М.М. Бахтина, С.С. Аверинцева, Д.С. Лихачева и многих других выдающихся исследователей, творчески «расшифровавших» фольклорные, мифологические, собственно авторские литературные тексты. Необходимо отметить вклад в литературоведческую интерпретацию, внесенный Р. Бартом, Ц. Тодоровым, осуществивших «вторичное авторство» [2, с. 128], то есть существенно дополнивших ранее открытые смыслы произведения, подтвердивших непреходящее значение классики или былую актуальность для современников беллетристики (литературы «второго ряда»).

В настоящей работе мы попытаемся раскрыть значение некоторых художественных деталей (цветовых, предметных), реплик, составляющих ин-

тертекст (реминисценции), позволяющих расширить «первичный смысл», то есть уже известное толкование произведений русской классики: пушкинского «Дубровского» (1834), толстовского романа «Анна Каренина» (1877), пьесы А.П. Чехова «Чайка» (1896).

Отечественные пушкинисты многое сделали для «расшифровки» образов романа, повестей, стихотворений писателя. Отметим замечательные комментарии Ю.М. Лотмана к роману «Евгений Онегин», которые стали настольной книгой для школьных учителей, вузовских преподавателей, школьников и студентов, а также для читателей, интересующихся русской литературой. Исследователь А.П. Чудаков продолжил дело Ю.М. Лотмана, подтвердив, что комментарий является также и интерпретацией текста, позволяющей дополнить, а порой и переосмыслить его: «Чем санки, на которых едет Онегин к Талону, отличались от деревенских? Велики ли? Где на них обычно ездили? Открытые они или закрытые? Сколько лошадей? Какова запряжка?» [8, с. 211]. Откровением для литературоведов стали работы Е.М. Таборисской, например, та, где рассматриваются пушкинские экфрасисы (в стихотворении «Полководец»), утвердившие роль Барклая де Толли в войне 1812 года: «...грядущее поколение уже вступило в права, и справедливость по отношению к «вождю несчастливому» торжествует» [4, с. 171]. Существенно дополнил понимание образа «безымянной графини» и «скрытую трагедию автора как действующего лица» [10, с. 252] в поэме «Домик в Коломне» Ю.В. Шатин, пришедший к выводу: «Важнейшие тексты Пушкина в потенции содержат всю информацию об изображаемой действительности и способах ее языкового выражения», поэтому Пушкин «может быть назван великим семиологом до семиологии» [10, с. 248].

Нас в настоящей работе будет интересовать фрагмент повести/незавершенного романа (существует несколько мнений относительно жанровой принадлежности произведения) А.С. Пушкина «Дубровский», раскрывающий состояние Марии Троекуровой перед визитом нежеланного жениха – князя Верейского: «Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком. Она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зеленым шелком. Под ее иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то ее мысли не следовали за работой, они были далеко» [3, с. 295]. В комментариях к десяти tomнику читаем: «Пушкин имеет здесь в виду эпизод из поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», где любовница Конрада по рассеянности вышила розу зеленым шелком, а листья – красным» [3, с. 758]. Каков же итог размышлений, а также встречи с князем и отцом, решившим Машину судьбу? «Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал ее как плаха, как могила... «Нет, нет, – повторяла она в отчаянии, – лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского»» [3, с. 296], – читаем в произведении.

Как видно, Пушкин, сравнивая героиню поэмы А. Мицкевича и Марию Троекурову, полагал, что первая испытывала более страстное чувство к возлюбленному, а покорная властному отцу, воспитанная в подчинении Маша ставит брак с Дубровским хотя и на первую (желанную) позицию, но все же из четырех возможных: брак с Верейским, смерть, монастырь, венчание с Владимиром. В данном случае, учитывая особенности пушкинской женской характерологии (женщины-вамп (Нина Воронская (Закревская), Зарема, Земфира), «простодушные» (Ольга Ларина), «покорные, но сильные и преданные» (Мария Миронова, Татьяна Ларина), отметим, что героиня «Дубровского», не желающая дальнейшего кровопролития (после ранения Владимира Верейским), все же не продемонстрировала своего сильного чувства к Дубровскому-разбойнику, рисковавшему ради нее жизнью. Впрочем, мы не знаем, как бы изменилось поведение Марии в случае продолжения Пушкиным работы над текстом.

Далее рассмотрим значимый «бальный» эпизод из «Анны Карениной», где разбивается сердце Кити Щербацкой и завязывается роман Анны и Вронского, столь трагически закончившийся.

Интерпретатором произведений Л.Н. Толстого был, как и другие выдающиеся русские «формалисты», В.Б. Шкловский, отметивший, что «особенностью прозы Толстого является то, что он пользуется почти всегда словами общеупотребительными, описывая явления с необыкновенной подробностью» [11, с. 209]. Данное замечание имеет непосредственное отношение к «бальному тексту» романа, где большое внимание уделяется описанию женских портретов, платьев героинь, причесок Кити и Анны «словами общеупотребительными», но при внимательном (*медленном*) чтении открывающими свой глубокий подтекст и объяснение того, что же произошло после роковой мазурки – знакового танца, в процессе которого, как правило, следовало объяснение между партнером и партнершей. Как известно, именно в процессе «мазурочной болтовни» влюбился в свою «роковую женщину» Павел Петрович Кирсанов (тургеневские «Отцы и дети»), а герой толстовского рассказа «После бала» десятилетия спустя все еще «обижался» на соперника, пригласившего Вареньку на этот танец раньше него.

Итак, несостоявшаяся (на этот раз) Кити-невеста появилась в слишком «сложном» платье «на розовом чехле» (цвет юности), на ее прекрасной юной головке волосы «держались как свои» (намек на шиньон), хотя балльные туфельки были впору и «веселили ножку», а перчатки, необходимые в строгом балльном пространстве, сидели безупречно. Отмечая безусловный успех и красоту Кити, Толстой все же намекает на некоторую искусственность в ее образе, что прогнозирует «провал» юной героини и «победу» Анны. Кити, конечно, впереди ждут семейное счастье и любовь к Левину, но «бальный эпизод» будет стоить ей немало переживаний и даже принесет болезнь (врачи настояли на отъезде за границу).

Анна появилась в черном бархатном платье, цвет («торжественный, парадный, не терпящий конкуренции» [12, с. 146]) и ткань которого указы-

вают на предварительно заявленное первенство. Дорогой гипюр, кружева (венецианские) на платье героини, золотые браслеты, глубокий вырез подчеркивают ее уверенность в своей зрелой красоте. Толстой неслучайно отметил, что густые черные волосы («свои без примеси») Анны выбивались из достаточно простой прически (деталь портрета М.А. Гартунг, дочери Пушкина, встреченной Толстым на одном из балов), подчеркивая ее сильный, прямой и независимый характер. Очевидно, что Анна прекрасна в своей естественности.

Как и все дамы, Кити и Анна, конечно, дополнили свой туалет драгоценностями: на Кити – скромная (девичья «бархатка»), Анна выбрала другое украшение: «На точеной крепкой шее была нитка жемчуга» [5, с. 87]. Жемчуг можно «расшифровать» двояко: если обратиться к фольклору, фольклорным стилизациям или упоминаниям об этих образах (в стихотворении С.А. Есенина «Сиротка» («А из глаз ее, как жемчуг, / Вытекают капли слез...»), в рассказе Н.С. Лескова «Жемчужное ожерелье» и пр.), то можно узнать, что «жемчуг – к слезам» или «жемчугом не дарят». Но этот же камень указывал и на благородство его обладательницы, на ее высокий социальный статус, а в Древнем Риме он был соотнесен с богиней любви Венерой; им украшали ее статуи, что созвучно настроению Анны Карениной и всему сюжету романа.

Мы коснулись символики цвета (розовый и черный) и камня (жемчуг), но не менее важной будет в данном фрагменте и «символика цветов», ее интерпретация, если учесть, что Толстой украсил волосы и платье Карениной «гирляндой анютиных глазок», а *искусственную* прическу Кити – бутоном розы (розового цвета). О «языке цветов» написано много важного, так, исследователь «флорошифров» К.И. Шарафадина (опираясь на работы многочисленных предшественников, например, на сочинения Н.Ф. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях. СПб., 1911; В.В. Похлебкина «Словарь международной символики и эмблематики». М., 1994; монографию С.Г. Горбовской «Флорообраз во французской литературе XIX века». СПб., 2017 и др.) в своих монографиях (««Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы)» (2003) и ««Селам, откройся!» Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы» (2018)) исследуя произведения С.-Ф. Жанлис, Ф.Р. Шатобриана, Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, представила исчерпывающую интерпретацию тонко и сложно зашифрованном «ботаническом» тексте. Можно с уверенностью предположить осведомленность Толстого (посещавшего балы, сопровождавшего на них своих родственниц, читавшего современные романы с «цветочной игрой» и словари, дешифрующие ее) о том, что *анютины глазки*, «согласно пособию Ознобишина» (Ознобишин Д.П. «Селам, или Язык цветов». СПб., 1830), означали «если бы это было для меня» [9, с. 88]. Очевидно, что данная семантика вполне «передает состояние влюбленного, но еще не уверенного во взаимном чувстве Вронского» [12, с. 147]: «...он

теперь, каждый раз, как обращался к ней, немного сгибал голову, как бы желая пасть перед ней, и во взгляде его было одно выражение покорности и страха» [5, с. 90].

Роза в высокой прическе Кити также не может быть обойдена вниманием исследователей, и, по замечанию К.И. Шарафединой, бутон с едва отстающими от стебля маленькими листочками мог означать «сердце молодой девушки, не знающей любви» или «надежду на благосклонность» [9, с. 18], что также вполне соответствует состоянию, положению и настроению Кити в описываемый период ее жизни.

Теперь обратимся к «непонятой» первыми режиссерами, артистами и зрителями пьесе «Чайка» знаменитого мастера *подводного течения* (нуждающегося в пристальном внимании) А.П. Чехова. Отметим, что многие чеховеды (Л.Е. Кройчик, А.П. Чудаков, А.В. Кубасов, М.Ч. Ларионова и др.) неизменно занимались и занимаются интерпретацией *подтекста*, в частности, Л.Г. Тютелова, размышляя об этой черте чеховской поэтики, заметила следующее: «Вопрос о подтексте в драматургии возник благодаря новой драме, в ее русском варианте – драме А.П. Чехова, которая изменила театральную историю и заставила разработать приемы, обозначающие так называемое «подводное течение»» [6, с. 36], отразившее течение самой реальной жизни, ее естественный, «неотобранный» (термин А.П. Чудакова) материал.

Напомним напряженную по сути (но внешне легкую и спокойную) сцену из четвертого акта, где Константин принимает *последнее* (трагическое) решение: «*Направо за сценой выстрел; все вздрагивают. Аркадина (испуганно). Что такое? Дорн. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается.)* Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. *(Напевает.) «Я вновь пред тобою стою очарован...». Аркадина (сядая за стол).* Фуй, я испугалась. Это мне напомнило, как... *(Закрывает лицо руками.)* Даже в глазах потемнело... *Дорн (перелистывая журнал, Тригорину).* Тут месяца два назад была напечатана одна статья... письмо из Америки, и я хотел вас спросить, между прочим... *(берет Тригорина за талию и отводит к рампе)* ... так как я очень интересуюсь этим вопросом... *(Тоном ниже, вполголоса.)* Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился... [7, с. 60].

Известно, что «уехать в Америку», «убежать в Америку» означало «спрятаться» или начать жизнь «с чистого листа», и самый известный пример этого в литературе – ложное самоубийство и отъезд на упомянутый континент Лопухова, героя романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1862–1863). Однако в чеховской «Чайке» упоминается об Америке для «маскировки», для того, чтобы смягчить удар, который получит мать застрелившегося Треплева. Иносказательно и в сходной ситуации об Америке скажет другой известный «танатологический персонаж» перед отправлением в небытие – Свидригайлов: «Он приставил револьвер к своему виску. –

А-здесь нельзя, здесь не места! – восторженно воскликнул Ахиллес, расширяя все больше и больше зрачки. Свидригайлов спустил курок» [1, с. 395]. Предварительно герой «Преступления и наказания» (1865–1866) заявил, что он «поехал, дескать, в Америку». Учитывая популярность упомянутого выражения и широкую известность романа Ф.М. Достоевского, можно с уверенностью утверждать, что приведенная интерпретация реплики Дорна вполне справедлива. Выстрел Треплева (и благодаря «Америке») оказывается обусловленным и его последней встречей с Ниной, и сообщением об уничтожении им своих произведений.

Мы рассмотрели всего лишь несколько фрагментов из произведений русской литературы XIX века и варианты их возможной интерпретации. Учитывая то, что текст выдающегося художника неисчерпаем и каждое поколение читателей, исследователей открывает в нем все новые и новые смыслы, можно подтвердить, что роль *интерпретации* в освоении художественного произведения тем значительнее, «чем органичнее и естественнее сочетаются в ней принципы историзма и обновляющего, творческого наследования литературы и искусства прошлых эпох» [2, с. 128].

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Ленинград : Наука, 1973. Т. 6. 422 с.
2. Литературный энциклопедический словарь / под. общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Москва : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Москва [и др.] : Издательство АН СССР, 1949. Т. 6. 813 с.
4. Таборисская Е. М. Роль экфрасисов в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» // Михайловская Пушкиниана : сборник статей науч. сотрудников Музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» ; науч. ред. В. С. Бозырев. Сельцо Михайловское, 2012. Вып. 58. С. 158–171.
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 14 т. Москва : ГИХЛ, 1952. Т. 8. 376 с.
6. Тютелова Л. Г. Чеховский подтекст и пьеса Л. Андреева «Собачий вальс» // Insskrypcje Północznik. 2021. R. IX, № 1. С. 35–44.
7. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Москва : Наука, 1986. Т. 13. 524 с.
8. Чудаков А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник / сост.: И. Лоцилов, И. Сурат. Москва, 2005. С. 210–237.
9. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). Санкт-Петербург : Петербургский институт печати, 2003. 309 с.
10. Шатин Ю. В. Текст как самоописание жанра: «Домик в Коломне А.С. Пушкина» // Пушкинский сборник / сост.: И. Лоцилов, И. Сурат. Москва, 2005. С. 248–258.
11. Шкловский Б. В. Заметки о прозе русских классиков. О произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова. Москва : Советский писатель, 1953. 333 с.
12. Шпилевая Г. А. «Язык бала» и «музыка жизни» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 2/28. С. 142–150.

A FRAGMENT AS A KEY TO UNDERSTANDING THE WHOLE:
TO THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF A FICTION TEXT
(BY THE MATERIAL OF A.S. PUSHKIN'S STORY "DUBROVSKY",
L.N. TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA", A.P. CHEKHOV'S PLAY "THE SEAGULL")

G.A. Shpilevaya, U.Y. Borisova, O.A. Gorbatsevich
Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation

This article deals with the problem of interpreting a fiction text based on the works of Russian classics: A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov. The authors of the story, novel and play resort to quoting the works of other writers (creating intertext), use the "language of flowers", which expands the meaning of what is written. The task of the researcher (and reader) is to decipher the images, explain their meaning and role in the development of the plot. [1, p. 16]

Key words: fragment, detail, subtext, intertext, floroshift.

УДК 82.09-3(470)

ОБРАЗ АВТОРА В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ В.П. МЕЩЕРСКОГО

Г.И. Щербакова
Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Российская Федерация

В статье анализируются способы представления образа автора и авторской позиции в беллетристике талантливого литератора, издателя и публициста второй половины 19 в. В.П. Мещерского. Многообразие его литературных занятий рождает предположение, что они будут существенно влиять на его творческую манеру, будут стимулировать выработку некоего синтетического стиля, интегрирующего манеры письма в беллетристике и публицистике. Помимо отмеченного фактора на своеобразие его творчества повлиял и выбор жанра общественного романа, популярного в то время и также допускавшего проникновение публицистического начала в литературно-художественное повествование. Анализ образа автора показал, что именно он стал тем механизмом, который позволил соединиться двум способам отражения действительности.

Ключевые слова: пореформенная Россия, журналистика и публицистика, общественный роман, социальная и нравственная проблематика.

Любая переломная эпоха вызывает потребность ее осмыслить и обсудить ее влияние на жизнь человека, общества и будущее страны. В такие времена возрастает роль публицистики, которая выражает не только общественное мнение, но и мнение каждого неравнодушного человека. В литературе ломаются рамки привычных канонов, появляются новые жанры. Одним из таких периодов в истории отечественной литературы были 1870-е годы, пореформенное время, породившее новый литературный жанр – общественный роман, дань которому отдали практически все русские писатели. Публицистика тогда вошла в поэзию и даже в живопись. Одной из основополагающих черт публицистики является автор, его голос и его пози-

ция. Проращение публицистики в чисто литературные формы увеличило авторское присутствие в художественном произведении, что можно наблюдать в произведениях Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Ф. Достоевского. Новому жанру в произведениях великих писателей посвящено немало работ, но русская литература была разнообразной как по идейной ориентации авторов, так и по уровню их таланта и степени их популярности, и у каждого из них был свой читатель. Одним из тех, кто был очень популярен в свое время, но позабыт из-за консервативных взглядов, близости к царской фамилии, резкой контрреволюционной позиции был В.П. Мещерский, внук Н.М. Карамзина по материнской линии.

Это был всесторонне одаренный человек, неутомимый труженик, несмотря на княжеский титул. В 1870-е гг. он стал выпускать ультраконсервативный журнал-газету «Гражданин», где выполнял несколько функций: издателя, редактора, публициста, критика и беллетриста. Кроме этого, он побывал в качестве военного корреспондента на фронтах русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его плодовитость поражает: только за десятилетие 1870–1880 гг. им написано десять романов и выпущено восемь публицистических сборников, большая часть которых выходила в 2-х томах. Каждый год он писал по роману и одному публицистическому сборнику, не считая публикаций в газете: мелких злободневных заметок, корреспонденций, рецензий, открытых писем и проч. Он писал преимущественно романы, но иногда встречались повести, рассказы, драматические произведения и даже стихи. Все его романы очень объемны: каждый по 600–800 страниц. Конечно, такой творческий поток не мог быть совершенным по художественной форме, на что ему неоднократно пеняли коллеги по изданию и союзники по политической позиции. Но он был неутомим и неисправим, он торопился сказать то, что думал, и запечатлеть то, что видел. В этом сказывалась его природа журналиста – хроникера.

Литературную деятельность он начинал как очеркист, писал для разных изданий, пока не создал свое ради защиты консервативных ценностей. Он был убежденным монархистом, православным и противником любых реформ в религиозной сфере и подчеркивал свое народолюбие, т.е. по сути он был сторонником уваровской триады: православие-самодержавие – народность, и не видел в ней ничего плохого. Беллетристику он начал писать уже в «Гражданине», там же она и публиковалась в манере романа-фельетона, выработанного во французской литературе в 1840-е гг., откуда эта практика перешла и в Россию. Его романы были погружены в контекст политических новостей, острых дискуссий о крестьянском вопросе, революционном движении, административных реформах, о падении авторитета православной церкви. Его общественный темперамент врывался на страницы романов, где продолжалось обсуждение тех же вопросов, что и в публицистических отделах газеты-журнала.

Мещерского часто упрекали за тематическую узость: действие его романов обычно происходило в великосветской среде. Однако круг его героев

был гораздо шире, здесь и студенческая, дворянская и разночинская молодежь, постоянный герой его произведений - русский священник, самые распространенные типы его героев - поместный дворянин, мировой судья, военные. Наряду с ними значительное место занимают представители великосветского общества, придворного круга и высшей администрации – то есть те, кто имеют власть и влияют на положение дел в стране и обществе. Как правило, они являют огромный контраст остальной России в целом. Создавая широкую панораму современной русской жизни, автор оставляет за собой право ее оценки и даже суда над ней. В связи с чем со страниц его беллетристики раздается авторский голос, выражающий его гражданскую позицию.

Разработкой образа автора отечественное литературоведение занимается давно, поэтому внутри данной научной проблемы выработалось несколько самостоятельных направлений, к новейшим из которых относится нарратология. Её основные принципы изложены в трудах В.И. Тюпы, Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, В.А. Андреевой, И.П. Ильина. Особенностью данного подхода является рассмотрение текста как акта коммуникации между автором и читателем, который реализуется несколькими способами на нескольких уровнях. Каждый из них представляет определенную пропорцию объектно-субъектных отношений, характеризующуюся степенью вовлеченности нарратора в события, уровнем его понимания духовной и эмоциональной жизни своих героев, степенью их независимости от авторской воли, уровнем авторского всеведения о последующих событиях. Определенным научным интересом при изучении особенностей выявления авторской позиции у такого синтетического писателя, как Мещерский, является исследование того, как происходит и происходит ли интеграция методов, присущих публицистике, с беллетристикой, насколько это обусловлено фабулой и сюжетом произведения и является ли органичным для повествования, а также обусловлено ли это исключительно авторскими интенциями или продиктовано жанром.

Ответ на эти вопросы может дать изучение особенностей презентации образа автора в беллетристике Мещерского, а также способов выражения его авторской позиции. Все произведения писателя-публициста посвящены современности, навеяны злободневными вопросами, если не сегодняшнего, то вчерашнего дня. Его типы узнаваемы, вплоть до того, что некоторые критики пытались отыскать прототипов, что писатель однозначно опровергал. Большая часть его произведений действительно наполнена представителями высшего петербургского света и придворной среды, которые были известны писателю не понаслышке: именно здесь протекала его жизнь до погружения в литературу и журналистику. Он принадлежал свету по происхождению и положению, но не обелял и не щадил его ни как писатель, ни как публицист.

Именно в журнальной деятельности Мещерский привык все высказывать прямо, подчас с излишней резкостью, что было неприемлемо для литературного творчества. Изучение двух романов Мещерского, в названии

которых местом действия обозначен «большой свет», показывает разнообразие способов презентация авторских образов. Самым распространенным является безличное повествование от третьего лица. Автор-повествователь не является участником событий, он всеведущий наблюдатель, не всегда, однако, знающий о будущей судьбе героев. Примером является описание распорядка дня княгини Мытищиной, одного из светских столпов, распорядка настолько устойчивого, что невозможно допустить его изменений: «В 10 часов кончался прием нищих. Княгиня всходила наверх и начинала заниматься своими делами до одиннадцати часов; дела эти были: распоряжения по имениям, чтение докладов Анастасьи Михайловны по благотворительности и т. п. В одиннадцать приезжал доктор княгини узнавать о ее здоровье и в тоже время обходил весь дом с вопросом: нет ли больных? В 11 с четвертью приходили доклады: «сани готовы». Княгиня одевала свой черно-бурый лисий бурнус и отправлялась в свой приют. Там она пребывала с полчаса и оттуда пешком возвращалась домой к 12-ти с четвертью» [1, т. 1, с. 64]. Автор выступает бесстрастным регистратором, такой подход выбран им для того, чтобы передать однообразие и механистичность образа жизни светской гранд-дамы. Кроме того, он свидетельствует и о том, что данная героиня ему несимпатична и не вызывает никаких эмоций.

Но в той же безличной манере повествования встречаются и другая интонация, если речь идет о героях, которым автор сочувствует, потому что у них чистое сердце, светлые устремления, они умеют бороться со своим эгоизмом и стремятся делать добро всей душой, а не для показной благотворительности. Для героев с богатым внутренним миром у писателя находятся другие краски, хотя он все же остается беспристрастным повествователем: «Было далеко за полночь. На двор стояла чудная зимняя ночь: месяц восходил прямо за куполом церкви и настолько был высок, что обливал своим светом серебряную крышу церкви; небо было звездное; в воздухе чуялся мороз, но погода была тихая-претихая. Набросивши на себя шубку и надевши на голову башлык, Елизавета Николаевна вышла на галерею. В комнате ей было как будто душно и жарко. Она охвачена была со всех сторон целыми потоками мыслей, впечатлений, чувств, и комнатка ее казалась ей так тесна для всего, что она чувствовала, что ей во что бы то ни стало надо было простору и воздуху. Она подошла к перилам галереи, облокотилась на них и стала глядеть на луну и на небо, жадно вдыхая в себя свежие струи зимнего воздуха. — «Какая ночь! тихо сказала она про себя, —какая чудная тишина!» [1, т. 1, с. 53].

Не только описание пейзажа, интерьеров и жизненного уклада излагается безличным стилем, но и всего, что внутренне чуждо автору. Например, вполне в духе физиологического очерка дается описание светских хлопот и интриг, затеваемых, чтобы попасть на престижное светское мероприятие. Люди описываются как биологические особи, не имеющие никакой духовной жизни: «При дворе княгини решено было, что количество приглашенных будет самое ограниченное, не свыше ста персон. Никакая смерть не

могла бы поразить так, как поразила весть об этом вечере петербургский большой свет; начались уже не мучения, а пытки, ибо всякая мамаша с адскою тоскою на душе, скрытою под личиною или равнодушия, или покорного смирения перед волею Провидения ждала день за днем: попадет ли она, попадут ли ее дочери в число счастливых приглашенных или в тот список избранных, в котором предназначено было фигурировать действующими лицами в живых картинах? Все, как угорелые, стали ездить с визитом к графине» [1, т. 2, с. 247].

Механистическое броуновское движение в поисках выгоды и престижа, соблюдение светского этикета, превращающего людей в «приличьем стянутые маски» привносят в описание ироническую ноту, хотя, на первый взгляд, автор не применяет для этого никаких специальных средств, кроме как сравнение объявления о внезапном мероприятии с внезапной смертью. Удерживается автор от сочувственного комментирования и тогда, когда описывает сцену борьбы со своей совестью главной героини романа «Женщины из петербургского большого света» Лизы, которую уже задел соблазн тщеславия, и ей захотелось стать светской львицей. В результате она на грани скандала и может скатиться в грех тайного романа, будучи замужней женщиной, совсем недавно вышедшей замуж по любви. У Мещерского нет ничего похожего на диалектику души, подобную описаниям душевной жизни героинь Л. Толстого, но нет и никаких пафосных и риторических обвинений со стороны автора. Лиза знает, что свет ею заинтересовался, что она становится модной персоной. Она боится превратиться в однодневную игрушку, но все же хочет попробовать устоять перед соблазном и приобрести в свете власть, не потеряв при этом себя. Ей одновременно хочется и славы, и испытать себя борьбой и последующей победой над собой и светом. Но уже в этой борьбе есть то, что Мещерский называет грехом, и что сама героиня раньше назвала бы грехом, но теперь называет борьбой и проверкой характера. Автор показывает, что это лишь самообман: соблазн, «подобно грозной волне, как будто разливается по всему ее существу и заставляет сердце биться усиленным боем. Она чувствовала себя куда-то влекомую; чувство это было в ней уже несколько дней; она как бы уже не была у себя дома, она была чем-то и кем-то оторвана и неслась по каким-то мирам, где все было для нее ново и, вместе с тем, необыкновенно приятно; все эти репетиции, прогулки на тройках, маленькие ужины, эта упоительная атмосфера, кружила голову» [1, т. 2, с. 265].

Автор не осуждает героиню: он показывает, что она одновременно и упрекает себя - отголоски прежней Лизы еще слышны в ее душе, но она уже меняется и хочет стать своей в прекрасном мире высшего света, жестокость которого ей вскоре откроется.

Вторым распространенным приемом авторского высказывания является маска рассказчика, которую автор надевает, чтобы расшевелить читателя, активизировать его внимание и заставить думать. Этому служат многочисленные непосредственные обращения к читателю: «читатель, веро-

ятно, помнит», «сейчас мы расскажем о плане этой кампании», «мы забыли сказать», «надо познакомить читателя со множеством аксессуаров большого света» и так далее. Прямое обращение к читателю было одновременно отголоском публицистической манеры Мещерского, привыкшего говорить от первого лица и регулярно коммуницировать с читателем, но также этот способ был широко распространен в критике и литературе 1860-х гг. Им постоянно пользовался Чернышевский и в критике, и в романе «Что делать?». Данный прием применялся также Салтыковым-Щедриным и Гл. Успенским. В этом смысле Мещерский шел в русле своего времени.

Третьим способом у Мещерского можно назвать временное слияние авторского голоса с голосом некоего персонажа. Внимательное рассмотрение перечня героев, которым автор изредка передает функцию своего голоса, позволяет выявить, во-первых, очень узкий круг героев, которым предоставляется такое право. Почти всегда это положительные и симпатичные автору персонажи. Они меняются. Никогда ни один персонаж не является полным *alter ego* автора. Анализ показывает, что для того или иного высказывания, близкого авторской позиции, выбирается «тематически подходящий» герой. Например, для рассуждений о женских обязанностях и спектре деятельности, помимо семьи, высказывается князь Светозаров, молодой человек с большим семейным стажем. О желании женской души заниматься благотворительной деятельностью, не показной, а по-настоящему полезной, говорят две молодые девушки с чистыми и горячими сердцами. А вот рассуждение о жестокости света к тем, кто нарушает его правила, говорит светская львица, сама бывшая не раз на грани скандала. Об истинной религиозности, а не внешнем благочестии высказывается отец Иоанн, один из самых симпатичных и полнокровных героев романа о «Женщинах петербургского света». Можно сделать вывод, что слияние голоса автора с рассуждениями какого-нибудь героя каждый раз мотивировано и оправдано его взглядами и характером; кроме того, автор избегает нежизнеспособной и ходульной фигуры резонера, совершенно не соответствующей поэтике русской литературы второй половины XIX в.

Писатель широко применяет в своем творчестве иронию, об этом подробнее будет сказано ниже. Также он очень часто и последовательно использовал речевую характеристику. Например, все представители большого света в обоих романах, где название их социального круга вынесено в заголовок, говорят исключительно по-французски: и в салоне, и в театре, и даже когда они в церкви. Во втором романе Мещерского «Лорд Апостол в петербургском большом свете» некоторая часть героев из преклонения перед своим кумиром – английским проповедником новой религии – говорит иногда по-английски. На родном русском языке они говорят только со слугами. Показателем распространения культурной развращенности в высшем свете является сцена, когда домашний священник генеральши пытается стать «своим» в чуждом ему круге и для этого переходит на корявый французский, который делает его еще более смешным и лишает остатков уважения

к нему. Раствлению светским презрением к своему языку и народу подвергается даже господская прислуга, которая старается подражать господам не только в одежде и презрении к своим же деревенским родственникам, но и в том, что старается говорить на смеси французского с нижегородским, которую высмеивал еще Грибоедов.

Ирония – постоянный прием сопровождающий описание людей и нравов большого света. Она позволяет подчеркнуть уродливость светских норм, которая в силу привычки стала незаметной. Прием «остранения» как один из инструментов иронии демонстрирует порочность воспитания детей, из-за чего они не видят в родителях близких и авторитетных людей; порочность светских супружеских отношений, где муж закрывает глаза на похождения жены, если это помогает ему в служебной карьере и повышает светский статус: «мужу хорошенькой женщины и карьере делать легче» – так повторяют все знакомые князя Всеволода, по сути дела предлагая ему торговать своей женой. Вообще семейные и супружеские отношения являются объектом самой острой сатиры Мещерского. Как, например, сцена с описанием мгновенного перехода от посещения панихиды по одной из светских львиц, внезапно и трагически погибшей, до возвращения на бал, который был запланирован заранее и который «нельзя пропустить». Механистическая смена психологических масок от скорбной до беззаботной говорит об отсутствии глубины чувств и переживаний, от которых светские люди сознательно отказались. Обесценивание настоящих чувств, отказ от традиционных национальных и религиозных устоев приводит к таким гротескным сценам, когда мать видит свой долг в том, чтобы заключить брак детей по расчету, не считаясь с их желанием или любовью, что приводит их к болезни или душевному кризису[1, т. 2, с. 265–266]. А мужьям приходится смиряться с навязчивыми поклонниками жены, чтобы не отставать от нравов света, принимая так называемых «светских пройдох», цель которых – собирать и разносить слухи [1, т. 2, с. 222–224].

Профанация духовных ценностей видна и в отношении света к религии. Светским дамам неприятен внешний простоватый вид православных священников, длинные службы со стоянием в церкви. С завистью они говорят о католичестве, где есть скамеечки, или о протестантстве, где весь обряд упрощен. Они поучают своих священников, что не надо детей перегружать религиозными догматами, потому что «это не важно». Полна иронии утренняя сцена из романа «Лорд Апостол в петербургском большом свете», где графиня Труворова решила посетить урок богословия у своих детей: «Ах, батюшка, – вдруг заговорила графиня, – если бы вы знали, как я не люблю этих тонкостей, я называю это религиозными софизмами: ну не все ли равно, в сущности, от кого происходит Дух Святой, от Отца, или Отца и Сына; по-моему, все равно! – Оно точно, ваше сиятельство, – начал священник, – что особенной важности, *d'im portance*, что называется, *geelle dogmatique*, сказал он по-французски с ужаснейшим произношением, – нет, но все же так учит Катехизис. – Ах, батюшка, надо, знаете, не то чтобы учить на-

изусть, а надо объяснять, знаете, как делается у лютеран; я ненавижу, когда наизусть учат религию, и, к сожалению, у нас это всегда так делается» [2, т. 1, с. 15–16].

Аристократы, по сути, все неверующие, и, посещая церковь, соблюдают обряды лишь для приличия. То, что высший свет далек и от народа, и от православия, говорит сцена отъезда семейства Симачовых за границу. Наблюдая их сборы, крестьяне, собранные для проводов, замечают: «Эти и попа своего возят. Прежде господа были – как народ, так и они. Бог – один, поп – один, а ноне – все у них свое» [2, т. 2, с. 459].

Помимо разных способов представления образа автора у Мещерского есть разнообразные способы предъявления авторской позиции, не предполагающие прямого выражения мнения либо повествователя, либо рассказчика. Одним из самых распространенных является парный прием контраста и параллели, свойственный всему литературному творчеству Мещерского. Параллели видны во всем: изображается два семейства, близких по происхождению, положению, составу семьи. Так же параллельно изображены образы священников, помещиков, светских дам, матерей, истории девушек, вступающих в свет и т.д. Параллельность у Мещерского нужна, чтобы оттенить контраст. В XIX в. даже в эпоху реализма многие писатели сохраняли в своей поэтике приметы романтизма. Не умеющие либо в силу таланта, либо мировоззрения передавать сложность человеческой души в ее развитии, они использовали романтическую поэтику дуализма, контраста белого и черного. Вот почему у Мещерского рядом с доброй и понимающей матерью нарисована светская дама, готовая ради ложных понятий о чести устроить несчастливые браки и сыну, и дочери. Более того, готова буквально довести детей до болезни – лишь бы настоять на своем, в полной уверенности в своей правоте и соблюдении обязанностей перед родом и титулом.

В обоих анализируемых романах параллельно проходят и два женских типа, равных по красоте, образованию и уму, но имеющих разные жизненные цели: одна стремится к добру, милосердию и пользе, другая – к богатству, власти, известности. Наличие соперницы, которая не хочет таковой быть, но является ею самим фактом существования, наполняет светскую львицу стремлением сначала ее растлить, затем уничтожить, скомпрометировать, чтобы избежать невыгодного для себя сравнения.

Автор показывает два типа семейного счастья – мнимого светского и настоящего – мещанского, которое хоть и выглядит, как лубочная картинка: муж, жена и малые детишки, но все любящие, искренние, что у представительницы княжеской семьи, которую отдают за проигравшегося аристократа, абсолютно чуждого ей по духу, вызывает глубокую тоску.

Светской бонне – немке, абсолютно равнодушной к детям, отданным ей на воспитание, противостоит простая и сердечная крестьянская нянюшка, любящая барчат, как своих, если не более, потому что они обделены материнской любовью. Иностранному Лорду Апостолу, холодному и расчетливому создателю «новой церкви», готовому отпустить последователям лю-

бые грехи, противостоит отец Иоанн, исполненный не показного, а глубокого благочестия, принявший Божии заветы в самое сердце и сделавший их основой своей службы и жизни.

Еще один интересный прием введен Мещерским для характеристики персонажей – это дополнительная обрисовка их внутреннего мира через круг чтения. Он разный у разных героев. Ведущие персонажи читают серьезную классическую литературу, религиозные книги и специальные журналы. Светские женщины тоже много читают, но не журналы мод, а солидные официальные русские газеты, чтобы уметь поддержать разговор и быть в курсе событий. Никчемные светские вертопрахи читают массовые и биржевые газеты, отдавая предпочтение зарубежным изданиям. Даже у самых пустых дамочек на столике все равно лежит книга как свидетельство ее «высоких интересов», даже если она не способна пересказать содержание.

Изучение способов презентации образа автора и выражения авторской позиции в беллетристике Мещерского показывает, во-первых, что он был широко начитанным человеком, умеющим идти в ногу со временем и усвоить уроки высокой русской литературы, во-вторых, он был не обделен талантом и не случайно стал популярным беллетристом в 1870-е гг. В-третьих, он не был бульварным писакой, как нередко его характеризовали идейные противники, потому что выбирал темы остроактуальные и значимые для русского общества, в которых он был скорее первопроходцем с оригинальным взглядом, но не плодовитым эпигоном, каким его хотели представить идейные противники.

Литература

1. Мещерский В. П. Женщины из петербургского большого света : оригинальный роман : в 3 ч. Изд. 4-е. Санкт-Петербург : Типография А.М. Котомина, 1879. Т. 1–3.
2. Мещерский В. П. Лорд-апостол в большом петербургском свете : повесть : в 3 ч. Санкт-Петербург [и др.] : Типография М. О. Вольфа, 1876. Т. 1–2.

THE IMAGE OF THE AUTHOR IN THE FICTION OF V.P. MESHCHERSKY

G.I. Shcherbakova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article analyzes the ways of presenting the image of the author and the author's position in the fiction of the talented writer, publisher and publicist of the second half of the 19th century V.P. Meshchersky. The variety of his literary pursuits gives rise to the assumption that they will significantly influence his creative manner, will stimulate the development of some kind of synthetic style integrating the manner of writing in fiction and journalism. In addition to the mentioned factor, the originality of his work was influenced by the choice of the genre of the social novel, popular at that time and also allowing the penetration of the journalistic principle into the literary and artistic narrative. The analysis of the author's image showed that it was he who became the mechanism that allowed two ways of reflecting reality to connect.

Key words: post-reform Russia; journalism and journalism, public romance, social and moral issues.

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 37.091.31:81'42:316.7

ФАСИЛИТАЦИОННЫЙ МЕТОД РАБОТЫ С ТЕКСТОМ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Ю.В. Ведерникова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема применения метода фасилитации «мировое кафе» для работы с текстом в аспекте межкультурной коммуникации на занятиях по иностранному языку для будущих переводчиков. Данный метод позволяет проводить групповую работу с несколькими небольшими текстами по одной тематике в интерактивном формате обсуждения. В результате происходит формирование коллективного опыта и знаний, в том числе о различных межкультурных особенностях, расширение словарного запаса, а также обмен мнениями по содержанию текстов в непринужденной атмосфере, способствующей развитию беглости речи.

Ключевые слова: фасилитация, мировое кафе, текст, межкультурная коммуникация, преподавание, иностранный язык.

Несмотря на уже существующее большое количество способов работы с текстом, преподаватели иностранного языка находятся в постоянном поиске новых форм для повышения эффективности (например, метод, более подходящий для текстов межкультурной специфики и т. д.), а также разнообразия на занятиях и повышения мотивации обучающихся. При этом одним из продуктивных вариантов является не создание полностью новых форм работы, а адаптация методов из других областей знаний и деятельности. Это позволило нам провести практическое исследование того, как можно задействовать метод такой относительно новой сферы, как фасилитация, при работе с текстом межкультурной направленности для обучения будущих переводчиков на практических занятиях по английскому языку.

Термин «фасилитация» стал активно использоваться в сфере бизнеса в 80-е годы XX в., когда компании озаботились поисками новых форм эффективного группового взаимодействия при обсуждении, организации информации и смещении фокуса в дискуссии с одного лидера на максимальную вовлеченность всех участников и их сотрудничество [4, с. 107–108]. С течением времени пришло понимание того, что принципы фасилитации, показавшие высокую эффективность, могут успешно применяться в других сферах деятельности, а именно, в образовании. Эти принципы, теперь уже педагогической фасилитации [6, с. 60–63], активизируют когнитивную активность обучающихся, способствуют творческому подходу к решению различных учебных задач, создают благоприятную среду для работы и усвое-

ния нового материала. Постепенно начали появляться различные алгоритмы внедрения фасилитационных подходов в учебный процесс как в среднем, так и в высшем образовании, а также были описаны различные методы, формы работы и условия для их реализации [5, с. 11–13]. Поскольку сфера преподавания иностранных языков всегда отличалась гибкостью учебных подходов, вниманием к инновациям и большой пропорцией групповой работы в учебном процессе, неудивительно, что преподаватели быстро заметили новое направление и начали активно пробовать применять его методы на практике для повышения результатов учебной деятельности и развития учебной автономии как в России [1, с. 81–82], так и за рубежом [7, с. 22–24]. Показателем эффективности подобного комбинирования также может служить развитие при возникновении новых условий, что произошло с всплеском дистанционного обучения в 2020 г. При тестировании фасилитационных методов в обучении иностранному языку в дистанционном формате они показали, что их применение также позволяет развивать компетенции, необходимые в будущей профессиональной деятельности в достаточно короткие сроки [3, с. 219], что крайне востребовано в сфере высшего образования.

Поскольку в рамках небольшого практического исследования невозможно апробировать все существующие методы фасилитации, тем более что не все из них подходят для работы с текстом, было принято решение сфокусироваться на таком методе как «мировое кафе» (the World Café). Данный метод уже успешно применяется при преподавании иностранного языка, однако чаще всего для организации разговорной практики и групповых обсуждений. [2, с. 22–24]. Идея заключается в том, что вопрос обсуждается в небольших группах, которые перемещаются от стола к столу, как в кафе. При этом у каждого стола есть свой «хозяин», который собирает информацию и идеи, возникшие в ходе обсуждения очередной группы, а перемещающиеся студенты привносят новые идеи, появившиеся на предыдущих этапах, за новый стол.

Соответственно, нашей целью было интегрировать данный метод и работу с текстом межкультурной направленности для создания информационного разрыва (information gap), который повысит мотивацию обучающихся для обмена знаниями и активизирует обсуждение, что, в конечном итоге, даст более высокий результат, так как активное взаимодействие с материалом и пропускание его через себя, как правило, дает более высокий результат в понимании, а также формальных параметрах (например, накоплении словарного запаса). Для этого был решен ряд задач: 1) исследовано применение фасилитационных методов в сфере бизнеса, педагогики и изучения иностранных языков; 2) выбран метод «мировое кафе» для апробации в группе; 3) проведено тестирование метода на практическом занятии; 4) осуществлен неформальный сбор обратной связи от студентов и саморефлексия педагога для анализа полученных результатов и эффективности ме-

тогда; 5) намечены возможные модификации и способы использования метода для работы с текстами на той же и других дисциплинах для подготовки будущих переводчиков.

Для проведения исследования была выбрана группа студентов 3 курса направления 45.03.02 Лингвистика, направленности «Межкультурная коммуникация». Дисциплиной, на которой проводилась апробация, являлся «Практический курс первого иностранного языка» (английский язык). Группа в тот момент находилась на 6 семестре изучения дисциплины в рамках продвинутого уровня C1 (Advanced), согласно шкале CEFR. Работа проходила по материалам учебного пособия New Inside Out Advanced Student's Book, тема “City”. Все тексты и задания были взяты из учебного пособия, но выполнение было адаптировано под метод «мировое кафе».

Задания к четырем текстам были следующими: 1) *Work in small groups. Look at the guidebook extracts on page 26. They describe four of the world's most famous cities. Read the descriptions and decide which city is being described. Turn to page 129 if you need help* (дан список из десяти городов в случайном порядке, среди которых есть искомые четыре); 2) *Read through the guidebook extracts again and underline the information that helped you decide which cities were being described*; 3) *Work with a partner. Discuss these questions about the guidebook extracts: a) Which description appeals to you most? Why? Choose two or three phrases which you find evocative; b) Have you been to any of these cities? Do the extracts reflect your experiences? c) Do the extracts make you want to visit any of these cities?*

Мы решили организовать подготовительный этап в формате «перевернутого класса» для экономии времени, распределения материала, а также создания естественного информационного разрыва, чтобы у студентов было больше стимулов активно обмениваться информацией. Поэтому группа была поделена на четыре малые группы по 3-4 человека в каждой, и каждая малая группа получила свой текст на дом, который нужно было прочитать и предварительно проработать (попробовать угадать город, выделить культурологическую информацию в тексте, отметить интересные для уровня C1 лексические элементы). На наш взгляд было крайне важно организовать работу с текстом именно с привлечением внимания к аспекту межкультурной коммуникации, так как один из важных элементов в этой сфере – умение быть внимательным и подмечать отличия и особенности, характерные для различных культур, в том числе неочевидные (meaning inference), учитывая достаточно высокий уровень студентов. Тексты из учебника, основанные на аутентичном гиде компании “Lonely Planet”, как раз позволяют научиться вниманию к подобным деталям, отличающим различные города со своей культурой и памятниками, а также пониманием надтекстовых различий, которые отражены в общей разнице «настроения» и атмосферы при описании четырех городов (см. рис. 1).

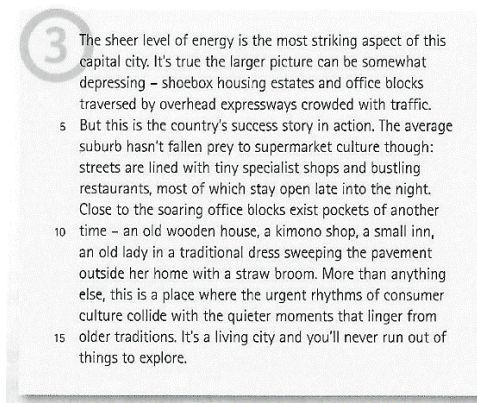

Рисунок 1. Образец текста из учебника New Inside Out Advanced Student's Book, тема "City"

На занятии работа была организована следующим образом. Сначала мини-группа, читавшая дома один и тот же текст, обсуждала прочитанное за одним столом, выделяла ключевые точки и лексические единицы для последующего пересказа и выбирала «хозяина» стола. После этого «хозяин» оставался на месте, а остальные (по 2–3 человека) перемещались от стола к столу. За каждым новым столом «хозяин» пересказывал свой текст, исходя из пунктов, подготовленных изначально группой, модерировал обсуждение вопросов задания и фиксировал все догадки, идеи и интересные замечания. На работу за каждым столом отводилось примерно 6–8 минут, после чего преподаватель давал сигнал переместиться за следующий стол. Когда каждая группа прошла весь круг и вернулась за свой стол, «хозяин» кратко озвучил вернувшимся главные моменты обсуждений, а перемещавшиеся поделились с ним самими яркими моментами из-за других столов. После чего было проведено комплексное подведение итогов всей группой. Сначала группы озвучили самые вероятные версии каждого названия города с подтверждением из текстов, преподаватель дал правильные ответы, и группа обсудила свою реакцию (где ошиблись, что удивило в ответах и т. д.). Затем фокус переместился на лексику, и группами были озвучены интересные фразы и выражения из текстов (пересказов), отмеченные в ходе обсуждения, которые преподаватель собрал в общий список на доске. Параллельно, если были сомнения в значениях, стиле или употреблении, они также были прояснены. Наконец, были подведены итоги дискуссией по оценочным вопросам: на высоком уровне студенты уже умеют не просто озвучивать все мнения подряд, но и делать небольшой анализ (что ответило большинство/меньшинство, подчинялись ли категории ответов каким-то закономерностям и пр.). Наконец, группа сравнивала, изменилось ли их мнение по каким-либо текстам и вопросам после того, как они точно выяснили соответствие городов описаниям. Общее время на выполнение задания составило около 60 минут.

Поскольку такой способ работы с текстами был применен впервые в данной группе, то через некоторое время (в конце семестра) преподаватель попросил студентов дать обратную связь. Отзывы студентов были положительными, причем особенно им понравился новый формат работы с текстами. Это можно объяснить тем, что преподаватель работал с данной группой уже не первый семестр, и конечно, группа уже много раз работала с текстами в традиционной форме, а также в формате обычного обсуждения всей группой, малыми группами и в парах. Студенты подчеркнули, что им было действительно интересно слушать пересказы, чтобы попробовать угадать город, и обсуждать вопросы к текстам. В целом, общий вывод был таков, что студенты с удовольствием бы повторили подобный формат в следующих семестрах, но не слишком часто.

Преподаватель тоже провел рефлекссию после апробации метода на занятии. Однозначно можно отметить интерес студентов, высокую мотивацию к выполнению задания и атмосферу, способствующую продуктивному обсуждению. При этом произошла активная и глубокая проработка текстов всеми участниками процесса. Например, преподаватель отметил, что большинство студентов не только достаточно легко справились с последующими лексическими заданиями на занятии и в качестве домашней работы, но и действительно экспериментировали с понравившимися им лексическими единицами, интегрируя их в свою устную и письменную речь на последующих занятиях. Также физическое движение от стола к столу и ответственный за аккумуляцию информации «хозяин» способствовали эффективному мозговому штурму, генерации идей и задействию навыков мышления более высокого порядка (HOTS, согласно таксономии Блума), что совершенно необходимо на высоких уровнях изучения языка для успешного продвижения дальше. Наконец, подобный метод, помимо непосредственно работы с текстом, также развивает беглость устной речи, умение вести конспекты обсуждения и обобщать (что может служить заделом для дальнейшей работы над письменной речью) и работает на надязыковом уровне, способствуя совершенствованию гибких навыков, необходимых будущему переводчику. Единственное, стоит отметить, что работа с текстом в таком формате – это более затратный по времени процесс, чем традиционный подход. К тому же желательно часть подготовительной работы осуществить заранее, и преподаватель должен это учитывать при планировании работы подобным образом.

В заключение можно сказать, что апробация фасилитационного метода работы с текстами с фокусом, в том числе, на межкультурных аспектах, прошла успешно, и подобный подход однозначно стоит внедрять в учебный процесс при обучении будущих переводчиков иностранному языку. Данный метод можно применять для работы с текстом и различных обсуждений на любых практических занятиях по иностранному языку. Также, на наш взгляд, этот опыт может быть успешно экстраполирован и на другие предметы, требующие работы с текстом. Например, это могут быть практические занятия по переводу, где каждый стол будет переводить свой отрывок

или небольшой текст, а при последующей ротации будет производиться обсуждение и редактирование переводов. Мы же в дальнейшем хотели бы продолжить апробирование некоторых других фасилитационных методов (например, метод Уолта Диснея) на практических занятиях по иностранному языку для будущих переводчиков, причем не только в их изначальном варианте (исключительно в целях дискуссии и развития устной речи), но и комбинируя их с другими языковыми аспектами (работа с грамматикой, произношением, аудированием, письмом).

Литература

1. Зинченко Н. С. Фасилитация на уроках иностранного языка как средство повышения продуктивности результатов учебной деятельности // Известия института педагогики и психологии образования. 2020. № 1. С. 81–87.
2. Кульнева Д. С. Технология «Мировое Кафе» как способ развития умений учебного взаимодействия старшеклассников в процессе обучения иностранному языку // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 3. С. 20–24.
3. Хисматулина Н. В., Пугачева С. А. Возможности дистанционного обучения в рамках фасилитации обучения иностранному языку // Вопросы педагогики. 2019. № 10-2. С. 218–221.
4. Ширинкина Е. В. Фасилитация как новая форма организации труда // Вестник НГИЭИ. 2021. № 10. С. 105–116.
5. Adonina L. V., Kuzyoma T. B., Vishniakova A. V. Ways of Facilitation Methods Implementation in Teaching Students at School and in Higher Educational Institutions // Гуманитарно-педагогическое образование. 2020. Т. 6, № 2. С. 10–14.
6. Avdeeva I. N., Adonina L. V., Shutova O. A. Principles of Pedagogical Facilitation // Гуманитарно-педагогическое образование. 2020. Т. 6, № 3–4. С. 60–63.
7. The Role of the Facilitator in Language Teaching: Student Teachers' Conceptualizations in Malaysia / Z. Hasim, R. Barnard, T. M. T. Mohtar, N. Maarof // New Zealand Studies in Applied Linguistics. 2016. № 22. P. 21–36.

USING A FACILITATION METHOD TO WORK WITH THE TEXT IN THE ASPECT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION WHILE TEACHING FUTURE INTERPRETERS

Yu.V. Vedernikova
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of using the facilitation method “the World Café” to work with the text in the aspect of cross-cultural communication while teaching a foreign language to future interpreters. The method in question allows one to organise groupwork with several medium-sized texts, united by the common topic, in the interactive discussion format. As a result, the following things take place: forming the group experience and knowledge, including the one about different cross-cultural peculiarities, vocabulary extension, and the opinion exchange on the content of the texts. All of the above happens in a relaxed atmosphere, which promotes oral fluency development.

Key words: facilitation, the world café, text, cross-cultural communication, teaching, foreign language.

УДК 81'25

ФОРЕНИЗАЦИЯ/ДОМЕСТИКАЦИЯ ИЛИ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ОШИБКА? К ПРОБЛЕМЕ КРИТЕРИЕВ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

С.М. Вопияшина

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматриваются проблемы преодоления межкультурных барьеров в переводе научных текстов по коучингу и наставничеству путем вариативного использования стратегий форенизации и доместикации. В ходе исследования выясняется, что стратегии не только взаимодействуют, но и вступают в противоречие. По итогам исследования сделаны выводы, что существует проблема выработки критериев качества перевода в случае вариативного использования переводчиком стратегий доместикации и форенизации в переводе текстов, обслуживающих область знания, активно развивающуюся на стыке двух лингвокультур.

Ключевые слова: межкультурные барьеры, форенизация, доместикация, переводческая ошибка, лингвокультура, аутентичный перевод, качество перевода.

Процессы глобализации привели к небывалому росту и скорости обмена знаниями. В настоящий момент можно в полной мере говорить об информационной глобализации и глобализации знаний [3]. Особое место в этом процессе принадлежит английскому языку, как ведущему языку международной научной коммуникации. Большие объемы собственно научной, научно-популярной, научно-учебной литературы из разных областей знания переводятся с английского языка на русский, и с русского на английский. Интенсивная переводческая практика в научной сфере выявила целый ряд вопросов, связанных с проблемами преодоления межкультурных барьеров. Несмотря на то, что научная информация является по сравнению с другими видами информации более универсальной, а научный стиль в целом тяготеет к однозначности, прямолинейности, прозрачности, четкости, точности, ясности, обнаруживаются некоторые сложности ее перекодирования при переводе.

Как правило стратегии преодоления межкультурных барьеров – доместикация и форенизация – изучают на примере художественной литературы, текстов рекламной или туристской направленности [1; 6; 10; 11]. В настоящий момент исследователи проявляют большой интерес и к научным текстам. Так, Н.К. Рябцева анализирует межъязыковую интерференцию между родным и английским языком, результатом которой является низкое качество переводов научных статей на английский язык. Автор приходит к выводу, что «не только «устройство» английского языка асимметрично «устройству» русского языка, но и научная речь на английском и русском языке неконгруэнтны друг другу. Поэтому дословный перевод с русского языка на английский не будет аутентичным» [7, с. 144]. Н.В. Малышева описывает стратегии перевода научно-популярных текстов TED и утверждает,

что переводчик должен стремиться к естественности и читабельности перевода, творчески совмещая стратегии доместикации и форенизации, отмечая, что «чаще всего в переводе при помощи этих стратегий происходит укрепление «домашних» культурных ценностей и её, культуры, обогащение» [2, с. 78].

Наряду с терминами форенизация и доместикация для описания проблем перевода межкультурного характера стал активно использоваться термин аутентичность в сочетаниях «аутентичный перевод», «аутентичность перевода» (См. <https://www.oneskyapp.com/blog/authentic-translation-requires-human-touch/>).

Строго говоря, об аутентичности пишут в первую очередь применительно к переводу документных текстов. (См. http://www.cnct.ru/encyclopedia/one/authentic_translation/, <https://tolmach.ru/services/authenticity/>).

В «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбин определяет аутентичный перевод как перевод официального документа, имеющий одинаковую силу с оригиналом» [4, с. 23].

Аутентичность ассоциируется с такими понятиями как доверие: «Certified translation is the best way to ensure the authenticity of the document» (<https://www.languageoasis.com/blog/certified-translation-is-the-best-way-to-ensure-the-authenticity-of-the-document/>) и подлинность (<https://www.smartling.com/resources/101/how-to-translate-user-generated-content/>).

P. Gawn связывает аутентичность со способностью текста переводного документа производить тот же коммуникативный эффект, что и оригинал [15]. Вместе с тем, очевидно, что термин стал трактоваться шире, как некая качественная характеристика перевода применительно к передаче культурно обусловленных черт текста при переводе. Так, Т.А. Фуфурина описывает процесс обучения студентов аутентичному переводу, «аутентичный перевод требует не только полной и точной передачи смысла оригинала, но и правильной передачи основной коммуникативной цели, которая ведет к формированию общественного сознания и обмену научными знаниями и информацией между людьми» [9, с. 74]. Н.К. Рябцева отмечает, что переводы научных статей, аннотаций к ним часто являются почти дословными, такой перевод «не отвечает принципам аутентичности, которые имеют ярко выраженный лингвоспецифический характер» [7, с. 133]. А.В. Семенова рассматривает аутентичность в широком научном контексте – с позиций философии, языкознания, теории обучения иностранному языку, теории художественного перевода. Аутентичность представляется в ее исследовании понятием социальным, культурно-маркированным, связанным с фигурой интерпретатора (переводчика и получателя перевода) [8]. Все исследователи довольно осторожны в оценках и подчеркивают, что переводчик выступает медиатором и его задача почувствовать, понять, как эффективно использовать инструменты форенизации и доместикации для достижения цели перевода [3].

Теория Л. Венути о невидимости переводчика отражает запрос получателя перевода на доступный, понятный, прозрачный, читабельный текст перевода [17]. Отсюда рассуждения о том, что текст перевода должен читаться так, как будто он был написан на языке перевода. Л. Венути вводит термины доместикации и форенизации для того, чтобы развести две стратегии перевода – стратегию, направленную на сохранение культурной специфики исходного текста (форенизация), и стратегию максимальной адаптации текста к принимающему языку и культуре (доместикация). Дж. Хаус предлагает термины скрытый перевод (*covert translation*) и открытый перевод (*overt translation*). Скрытый перевод максимально приближен к аудитории перевода, не проявляет признаков иностранного текста, не прочитав фамилию автора, получатель перевода может и не догадаться, что текст изначально был написан на другом языке. В таком переводе сняты все межкультурные барьеры. Дж.Хаус считает, что научные переводы выполняются в рамках такого подхода.

Открытый перевод обеспечивает подлинный культурный трансфер, в таком переводе контакт принимающей лингвокультуры с лингвокультурой – донором обнаруживает себя, становится явным. «Лингвокультурный перенос часто замечен как (намеренно) раздражающий <...>. Таким образом, открытый перевод является как с лингвистической и психолингвистической точки зрения отчетливо гибридной сущностью» [14, р. 245].

В этой связи обостряется, как нам кажется, вопрос о качестве перевода, т.к. граница между нормами исходного языка и переводящего в открытом переводе становится прозрачной. А если граница не четко очерчена, и нормы размыты, то каковы критерии качества такого перевода?

Рассмотрим проблему на примере перевода книги *E. Parsloe u M. Leedham Coaching and Mentoring. Practical techniques for developing learning and performance* на русский язык [5; 16]. Коучинг как направление деятельности появился в России сравнительно недавно, чуть больше двадцати лет назад, технологии коучинга описаны преимущественно в переводной литературе с английского языка. Вышеназванная книга является популярной, пережила несколько изданий и представляет собой репрезентативный материал по теме исследования.

Когда переводчик становится в книге видимым, а сам текст проявляет признаки переводного?

1. В случае сохранения непривычного для реципиента уровня эмоциональности за счет эмотивной лексики:

*we have the opportunity to update and add to his **seminal** work, Coaching and Mentoring: Practical conversations to improve learning* – мы беремся исправить и дополнить его **эпохальный** труд «Коучинг и наставничество: практические беседы для личностного развития»;

*it is possible to develop '**great** coaches' who can help produce '**extraordinary** results'* – что вполне возможно подготовить **блестящих** коучей, которые помогут менеджерам добиться **феноменальных** результатов;

*To achieve real **sophistication**, however, we must also recognize that 'simple' does not mean – Чтобы добиться настоящего **совершенства**, однако, не следует забывать, что простота не дается легко* [5; 16].

Культурно обусловленная специфичность восприятия уровня эмоциональности в оценке событий, фактов, людей подчеркивается многими лингвистами. «Очевидно, мы оцениваем и выражаем или описываем эмоции по-разному в разных языках. Очевидно, что причины и результаты различаются в разных культурах, но все ли способны чувствовать одинаково или, по крайней мере, сравнимо?» [13, р. 44].

2. В случае отказа от использования общепринятой/известной формы термина: *супервайзинг* вместо *супервизии*, *внутренняя личностная польза* вместо привычной в психологии *внутренней выгоды*, *нетворкинга* вместо *сетевого взаимодействия*.

3. В случае использования аутентичной номенклатурной лексики, включая аббревиатуры: *Анджела Кин*, *директор по культуре ОСМ*. Термин организационного менеджмента, не получивший широкого распространения в русском языке. Так обозначается лидер организации, который занимается целями, ценностями компании и их внедрением на практике. Переводчик комментариев не дает, сам же термин способен завести реципиента в тупик, т.к. ассоциируется с такими наименованиями должностей как советник по культуре, начальник департамента культуры и т.п., которые имеют совершенно другое значение.

Название компании, в которой разработаны описываемые техники, **ОСМ**, дается в оригинальном написании, без перевода и комментария. Не подготовленным реципиентом воспринимается как русская аббревиатура, возникает только вопрос, а что это за компания. Т.к. комментария нет, ищем в интернете, и обнаруживаем, что это англоязычная аббревиатура от *Organization Change Management*. Почему реципиент не получает этой информации из книги? Считает ли переводчик, что из контекста все понятно, что все, кто так или иначе знаком с коучингом, знакомы и с компанией, которая стоит у истоков? Движет ли им цель закрепить название компании в умах читающих? Рассматривает ли он это название как бренд? Некоторые аутентичные аббревиатуры узнаваемы, переносятся в текст перевода: **HR** профессионалы, **SMART** цели, модель **GROW**, **HR-отдел**.

4. В случае отказа от поясняющих слов при передаче имен собственных-названий компаний: *запустить успешную программу по наставничеству в Unilever, Майлс Дауни в сотрудничестве с Industrial Society (позже переименованной в Work Foundation), Pfizer Ltd и Primary Care Trust* [5].

5. В случае сохранения аутентичных названий программ, государственных учреждений: *Обучающие наставники также участвуют в Children's Workforce при поддержке Children's Workforce Development Council (CWDC). С апреля 2012 года программы CWDC перешли в ведомство Департамента образования, Агентства по педагогическим вопросам и Совета по совершенствованию образования.*

Они предоставляют поддержку и помощь ученикам из социально незащищенных групп (*Hanson School, Bradford*, сентябрь 2005) [5];

6. В случае интерференции языка английского языка, которая проявляется в нарушении сочетаемости, в нарушении стилистических норм, в выборе неаутентичного для русского языка наименования: *Мне бы хотелось поблагодарить всех членов команды ОСМ, которые поделились* своими мыслями, опытом и **временем** для этой книги.

Затем Грэм Кларк **взялся** за главу 13..., *Кэтрин Рей не понаслышке* знает...

Мы понимаем, что *четырёхэтапную* модель одобряют далеко не все теоретики и академики...

Олимпийский тренер должен действовать недирективно..., Их цель – не только помощь в учебе, но и **душепопечении** [5].

Основываясь на вышеизложенном можно было бы смело утверждать, что переводчик следует стратегии форенизации и стремится подчеркнуть аутентичность переводимого материала. Но тот же самый текст имеет признаки доместикации, в чем-то явно противоречащие форенизации.

1. Переводчик создает аббревиатуры по аналогии с исходным языком, либо пользуется соответствием: *коучинг* и *наставничество* (КИН), *личный план обучения* (ЛПО), *личный план развития* (ЛПР).

2. Переводчик калькирует названия организаций в сфере коучинга, управления персоналом, при этом одни названия имеют устоявшиеся соответствия в русском языке, а другие нет: *Дипломированный институт управления персоналом и кадрового развития, Европейский совет по наставничеству и коучингу, Британское агентство по квалификациям и учебным программам, Ассоциация коучинговых супервайзеров, Ассоциация профессионального коучинга и супервайзинга для управленцев, Национальная служба здравоохранения. Управление по охране труда Великобритании* [5].

В ряде случаев приходится сомневаться в выборе переводчика. Так, в следующих парах представлены примеры, в которых первый вариант принадлежит переводчику, второй найден нами в других источниках: *Британская ассоциация психологических консультантов и психотерапевтов – Британская ассоциация психологического консультирования и психотерапии, Международная федерация коучей – Международная федерация коучинга, Глобальный альянс по коучингу и наставничеству – Глобальный Альянс Коучинга и Менторства* [5].

Нам не удалось обнаружить официального русскоязычного реестра подобного рода организаций. Результаты поиска позволяют говорить о существующей вариативности перевода таких наименований. По всей видимости, мы находимся в зоне активного формирования соответствующей сферы знания на русском языке.

3. Переводчик поясняет культурно-специфичные слова и понятия: ... *создал успешную коучинговую компанию с удачным названием Lane 4* (*lane* – дорожка в бассейне)..., Слово «лайф» (в переводе с английского –

жизнь) ..., Вероятно, более уместный термин в некоторых контекстах – лайфстайл коучинг (лайфстайл – образ жизни). ... коактивный коучинг, онтологический коучинг, побратимство (*buddy*) ... [5];

переводит названия телепрограмм, книг: *Британские телепрограммы* – такие как «Не носите это ни в коем случае», «Как выглядит красиво без одежды» и даже «Суперняня», ... Тимоти Голви, написавший книгу «Теннис как внутренняя игра...», ... книга Джона Уитмора «Коучинг высокой эффективности» (1997, переиздана в 2002) ... [5].

Можно ли рассматривать подобный открытый перевод как творческое сочетание переводчиком стратегий форенизации и доместикации, с одной стороны, в полной мере раскрывающее аутентичность исходного материала и, с другой стороны, его удачную адаптацию в принимающей лингвокультуре? Или же речь идет о переводческих ошибках в части преодоления межкультурных барьеров, о некоторой хаотичности приемов передачи культурно-маркированной информации? Отказ от комментариев и поясняющего перевода в одном случае и активное использование в другом, перенос некоторых единиц в исходной форме в текст перевода и одновременно полный перевод других, сохранение стилевых черт исходного текста в ущерб стило принимающего языка – это намеренные действия переводчика, следующего определенным тенденциям в сфере перевода подобного рода литературы или ошибки и самого переводчика, и редактора, пропустившего перевод в таком виде? Приемлема ли такая форма подачи информации для целевой аудитории перевода?

Если рассматривать эту проблематику исключительно с позиций либо форенизации, либо доместикации, то границу провести не так сложно – все, что за рамками стратегии, можно рассматривать как ошибки переводчика, которые можно категоризировать. Если же мы говорим о творческом совмещении стратегий для передачи информации в области знаний, переживающий этап активного формирования в принимающей лингвокультуре, то критерии качества не будут так четко очерчены, границы оказываются размытыми.

Проведенный анализ, таким образом, позволил обозначить проблему, которая, на наш взгляд, требует более глубокого осмысления в части изучения критериев качества перевода на пересечении стратегий форенизации и доместикации при передаче информации в активно развивающихся сферах знания.

Литература

1. Крашенинникова Н. А., Егорова Э. В., Крашенинникова Е. И. Форенизация и доместикация в переводе текстов туристской направленности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 2. С. 56–66.
2. Малышева Н. В. Стратегии форенизации и доместикации при переводе научно-популярных текстов // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. Т. 2, № 1. С. 73–78.

3. Мельничук М. В., Осипова В. М. Роль перевода и переводчика в условиях глобализации знаний // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 4. С. 385–393.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. Москва : Флинта [и др.], 2003. 320 с.
5. Парслоу Э., Лидхем М. Коучинг и наставничество. Практические методы обучения и развития. Москва : Библос, 2021. 440 с.
6. Раренко М. Б. Перевод как инструмент познания «другого» // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 1. С. 50–59. URL: cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-instrument-poznaniya-drugogo/viewer (дата обращения: 30.12.2022).
7. Рябцева Н. К. Асимметрия межкультурной коммуникации и проблемы аутентичности // Научный диалог. 2020. № 4. С. 130–150.
8. Семенова А. В. Проблемы нормы и аутентичности в переводческом и вариантологическом моделировании // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV, вып. 1. С. 50–54.
9. Фуфурина Т. А. Обучение аутентичному переводу научного текста с английского языка на русский студентов технических вузов // Проблемы педагогики. 2017. № 2. С. 70–74.
10. Шацило Т. А., Аверин А. В., Иванова Ю. О. Изучение текстов туристской тематики в переводческом аспекте при обучении студентов // Вестник РМАТ. 2019. № 3. С. 101–109.
11. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4. С. 202–207.
12. Шерстнева Е. С. Переводческие стратегии: от доместикации к форенизации // *Juvenis scientia*. Филологические науки. 2018. № 10. С. 57–60.
13. *Translating Values : Evaluative Concepts in Translation* / Eds.: P. Blumczynski, J. Gillespie. London : Palgrave Macmillan, 2016. XV, 363 p.
14. *Handbook of Translation Studies* / Eds: Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam [et al.] : John Benjamins Publishing Company, 201. Vol. 1. 458 p.
15. Gawn P. Authenticity and Quality of Translation // *Meta*. 1988. Vol. 33, № 3. P. 456–460.
16. Parslou E., Leedham M. *Coaching and Mentoring : Practical Techniques for Developing Learning and Performance*. 3rd ed. London [et al.] : Kogan Page Publishers, 2017. XIV, 338 p.
17. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London : Routledge, 1995. 368 p.

AN APPROACH TO DOMESTICATION AND FOREIGNIZATION FROM THE ANGLE OF TRANSLATION QUALITY

S.M. Vopiyashina
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problems of overcoming intercultural barriers in the translation of scientific texts on coaching and mentoring through the variable application of foreignization and domestication strategies. In the course of the study, it turns out that the strategies not only interact, but also come into conflict. Based on the results of the study, it was concluded that there is a problem of developing criteria for the quality of translation in the case of variable application of the strategies of domestication and foreignization.

Key words: intercultural barriers, foreignization, domestication, translation error, authentic translation, translation quality.

УДК: 7.049.2:27-43:316.4(430)

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ КАК ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ

Г.Л. Денисова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье определяются функции изображений, которые входят в ассоциативное поле «Рождество», в немецкой политической карикатуре как поликодовом тексте. Автор приходит к выводу, что данные изображения используются, в первую очередь, как темпоральные ссылки – маркеры конца года (время для подведения итогов). Рождественские образы облачают сообщение в интригующую адресата форму, внимательное рассмотрение которой с опорой на фоновые знания выводит адресата далеко за пределы рождественской тематики и привлекает его внимание к злободневным вопросам.

Ключевые слова: политическая карикатура, поликодовый текст, темпоральная ссылка, ирония, сарказм.

Рождество, которое отмечается в Германии в ночь с 24 на 25 декабря, имеет в восприятии немецкого общества положительные ассоциации, которые объясняются религиозными чувствами верующих немцев, их отношением к образу Христа, желанием верить в чудо, что свойственно части немецкого общества, и поддерживаются традицией обмена подарками в этот праздник. В языковом материале положительное отношение к Рождеству находит выражение:

(1) в традиционных поздравлениях, которые содержат пожелания счастья, добра, удачи и благополучия: *Frohe Weihnachten!* (Счастливого Рождества!); *Frohe Weihnachten und einen guten Start ins Jahr 2023!* (Счастливого Рождества и хорошего старта в 2023 году!); *Ein frohes Weihnachtsfest und die besten Wünsche zum neuen Jahr!* (Счастливого Рождества и наилучшие пожелания к Новому Году!);

(2) в сочетании наименования праздника с прилагательными и причастиями, которые несут очевидную положительную окраску: *frohe[s], fröhliche[s], gesegnete[s] Weihnachten* ‘радостное, счастливое, благословенное Рождество’; *stille Weihnachten* ‘тихое Рождество’;

(3) в закреплении в лексиконе словосочетаний, которые относят к состоянию духа, которое обусловлено ожиданием и празднованием Рождества: *eine weihnachtliche Stimmung* ‘рождественское настроение’; *ihr war ganz weihnachtlich zumute* ‘на душе у неё было, как на Рождество’; *die Kinder freuten sich auf die Weihnachten* ‘дети радовались наступающему Рождеству’.

В связи с вышесказанным упоминание Рождества и появление изображений, которые имеют чёткие ассоциативные связи с праздником, в политической карикатуре, которая имеет характер критической реакции на злободневные вопросы, передает иронию и сарказм художника, побуждает задаться вопросом о функциях таких упоминаний и изображений в рассматриваемом поликодовом тексте. С целью получения ответа на данный вопрос была проанализирована выборка из собрания карикатур Вальтера Ханеля на сайте *Stiftung Haus der deutschen Geschichte*³.

Основанием для анализа выборки стало представление о немецкой карикатуре как поликодовом тексте [5], обращённом к языковой личности [3], которая вбирает в себя языковые личности адресанта и адресата сообщения [4]. Данная интерпретация позволяет опираться в ходе анализа как на общие для адресанта и адресата представления о предметах и явлениях окружающей действительности (тезаурус), так и на анализ языковых средств, которые используются для их обозначения на вербально-семантическом уровне (лексикон). Особенности карикатуры как реакции художника на злободневные вопросы предполагает учёт фоновых знаний адресата сообщения.

Первичный обзор выборки обнаружил широкий ряд изображений, которые входят в ассоциативное поле «Рождество» в тезаурусе немецкой языковой личности: рождественская звезда, волхвы, рождественский ангел, рождественский дед, рождественское дерево, подарки, свечи. Дальнейшее изложение результатов анализа определяется изображением, к которому обращается художник в сообщении в форме политической карикатуры.

В Германии традиционный рождественский венок украшают четыре **свечи**, которые используются в период ожидания Рождества (*Advent*) для отсчёта течения времени. Немцы начинают зажигать их по одной за четыре недели до Рождества. В его канун зажигают все свечи. Четыре горящие свечи на рождественском венке, которыми с довольной улыбкой любитесь Й. Штраус, изображены на карикатуре „*Das mit den Nordlichtern zur Bescherung war wirklich eine gute Idee...*“ («Северные свечи к раздаче рождественских подарков было, действительно, хорошей идеей...»)⁴. Карикатура посвящена разногласиям в коалиции ХДС – ХСС. Причиной разногласий в коалиции стали итоги выборов в Бундестаг. В провале на выборах Штраус обвинил политиков, которые представляли север Германии: Г. Коля, Г. Штольтенберга, Э. Альбрехта и К. Биденкопфа. Их лица узнаются в очертаниях свечей, зажжённых на рождественском венке. Карикатура датируется 1976 годом, но изображение рождественского венка с четырьмя горя-

³ URL: <https://www.hdg.de/haus-der-geschichte/sammlung/karikatur> (дата обращения: 06.11.2022). Карикатуры находятся в коллекции *Haus der Geschichte Bonn → Entdecken → Sammlung → Karikatur → Karikaturen in der Objektdatenbank*. Для просмотра изображения карикатуры, упомянутой в статье, надо зайти на сайт по указанному адресу, нажать на ссылку «Karikaturen in der Objektdatenbank», выбрать закладку «Neue Suche», скопировать в строку «Suchbegriffe» номер карикатуры и нажать на кнопку «Suche starten».

⁴ EB-Nummer 1995/01/0001.0029.

щими свечами позволяет более точно установить дату события, отображённого на рисунке, – канун Рождества, т. е. конец 1976 года. Таким образом, рождественский венок и четыре горящие на нём свечи могут быть определены как темпоральные ссылки, которые позволяют уточнить время события [2].

Очевидны ассоциативные связи лексемы *Licht* в реплике-подписи, приписываемой Штраусу, с изображением свечей: в одном из своих значений она является синонимом лексемы *Kerze*. Накладывая на изображение свечи образ человека, художник актуализирует её другое значение '*Lebenslicht*' и выводит на представление об истечении времени жизни. Данный вектор связей лексемы закреплён в немецком языке в ряде устойчивых словосочетаний: *sein Leben verlosch still wie eine Kerze* '*его жизнь медленно таяла как свеча (он умирал)*'; *j-m das Licht ausblasen (auslöschen)* '*отнять жизнь у кого-л. / лишить жизни кого-л.*'. В контексте политической карикатуры данное представление получает спецификацию: речь идёт о политической карьере. Употребление лексемы *Idee* '*идея*' в реплике, приписываемой Штраусу, свидетельствует о том, что речь идёт об интриге, которую он определяет как удачную (*gute Idee*). Сарказм заключается не только в том, что, как выясняется, его обвинение не имеет под собой реальную почву, но и в том, что люди, которых он принёс в жертву, считали его своим другом. Об этом свидетельствует надпись на пивной кружке, подарке Штраусу к Рождеству. Смысл сообщения карикатуры декодируется следующим образом: '*Своим обвинением Й. Штраус нанёс ущерб политической карьере Г. Коля, Г. Штольтенберга, Э. Альбрехта и К. Биденкопфа*'. Вышесказанное позволяет определить изображение свечей в пространстве карикатуры как метафору.

На карикатуре «*Advent in Moskau*» (*Адвент в Москве*), которая датируется 1992 годом, в подтёках горящей свечи, оплывающей на тарелке с надписью *Reformpolitik-Moskau* (*Политика реформ – Москва*)⁵, узнаём черты лица Б. Ельцина. Название карикатуры в соотношении с изображением позволяет определить функцию изображения свечи как темпоральной ссылки. В свете знаний о трудностях, которые Ельцин испытывал при проведении реформ, почти сгоревшая, безобразно оплывшая свеча с чертами лица политика представляет собой визуализацию общественной оценки его деятельности, утрату былого статуса в политической жизни России (функция метафоры). Сообщение карикатуры декодируется следующим образом '*Приближение Б. Ельцина к концу его политической карьеры*'.

Таким образом, выполняя функцию темпоральной ссылки, проецируя событие на конец календарного года, изображение тающей свечи в привязке к конкретной личности может интерпретироваться как метафора.

Дефиниция лексемы *Weihnachtsmann* позволяет выделить когнитивные признаки в представлении о **рождественском деде**: '*(1) zu Volksbräu-*

⁵ EB-Nummer 1995/01/0001.0216

chen um die Weihnachtszeit gehörige männliche Gestalt (2) in pelzverbrämter Kleidung (3) mit Rute und (4) einem mit Geschenken gefüllten Sack’. Первый признак предопределяет возможность использования изображения рождественского деда как темпоральной ссылки: его изображение маркирует конец календарного года. Второй и четвёртый признаки позволяют идентифицировать персонаж. Именно такой персонаж в красном колпаке и пальто, отороченных белым мехом, с неизменным мешком с подарками за плечами потерянно бредёт по безлюдной тёмной улице между домов, зияющих чернотой пустых оконных проёмов, и задаётся вопросом, который озаглавил карикатуру: *"Mein Gott, – ist denn da überhaupt noch jemand da?!"* (Боже мой, есть ли здесь вообще кто-нибудь?)⁶. Темой карикатуры стал отток населения с территории бывшей ГДР в конце 80-х годов. Принимая во внимание, что единственный персонаж в пространстве карикатуры ассоциируется с концом года, который понимается в современной экономической и политической жизни общества как время для подведения итогов, определяем функцию фигурки рождественского деда на данной карикатуре не столько как темпоральной ссылки, сколько как побуждения к выводам из уроков уходящего года. Создавая контраст единственного светлого пятнышка на рисунке (фигурки деда) с окружающим пространством, которое напоминает декорации из фильма ужасов, художник даёт оценку сложившейся ситуации, которая в его видении выходит за пределы нормы (экспрессивная, аффективная оценка [1, с. 12]).

На карикатуре 1985 года *"Verfixter Boris Becker-Boom!"* (Нескончаемая шумиха вокруг Бориса Беккера!)⁷ рождественский дед несёт огромный мешок подарков, которыми являются теннисные мячи и ракетки. Следует вспомнить что подарки, которыми одаривает «настоящий» рождественский дед, являются желанными, поэтому вышеперечисленные подарки являются косвенным подтверждением того, что мысли соотечественников художника заняты исключительно большим теннисом и личностью Беккера, который стал победителем Уимблдонского турнира (24.06 – 7.07 1985 г.). В названии карикатуры данный факт акцентирует лексема *Boom*. Если принять во внимание, что изображение рождественского деда, сохраняя функцию темпоральной ссылки, относит сообщение к концу 1985 года, смысл сообщения расшифровывается следующим образом: *‘И в конце 1985 года не ослабевает внимание немецких болельщиков к Беккеру’*. Авторская оценка сложившегося положения дел находит выражение в употреблении в заголовке оценочного прилагательного *verfixter* и в деталях изображения рождественского деда, который изнемогает под тяжестью ноши (он обливается потом, глаза вылезли на лоб от напряжения). Очевидно, что карикатурист несколько утомлён «зацикленностью» соотечественников на личности юного спортсмена, что служит основанием лёгкой иронии в их адрес.

⁶ EB-Nummer 1995/01/0001.0110.

⁷ EB-Nummer 1995/01/0001.0009.

Размер мешка для подарков и его наполненность приобретает значение в карикатуре «*Weihnachtsmänner anno 2008*» (Рождественские деды 2008 года), на которой в роли рождественских дедов изображены лидеры США, Великобритании, Франции и Германии. Все политики за исключением Ангелы Меркель держат на своих спинах огромные мешки с подарками, в её руке – маленький пустой мешочек. Обряжая лидеров стран в костюм рождественского деда, художник создаёт проекцию на конец года (функция темпоральной ссылки). Изображение мешков разного размера и наполненности раскрывает тему сообщения – социально-экономические «подарки» для населения стран как итог минувшего года. Пустой мешочек в руке Меркель визуализирует отрицательную оценку итогов 2008 года для Германии по критерию «хорошо – плохо» и служит поводом для разочарования, т. е. выражает эмоционально-прагматическую оценку сложившегося положения дел. Художник противопоставляет Меркель другим персонажам, располагая её в стороне от них. Такое расположение действующих лиц в пространстве карикатуры представляется намёком на то, что пустой мешок у рождественского деда является нонсенсом, выходит за пределы представления о «норме» (в сознании адресата карикатуры «нормой», безусловно, является рождественский дед с полным мешком подарков). Другими словами, художник реализует образительными средствами сравнение с оттенком аффективной оценки.

Поводом для создания карикатуры 1991 года "*Morgen kommt der Mölleman, will sin Gaben wiederha'n!*" (Завтра придёт Мёллеманн, чтобы забрать свои подарки!)⁸ стали предпринимаемые Ю. Мёллеманном усилия, направленные на сокращение государственных субсидий. На карикатуре министр экономики изображён в наряде рождественского деда с пустым мешком за плечами и розгами в руке. '*Розги в руке*' – третий признак в вышеприведённой дефиниции лексемы *Weihnachtsmann*. Рождественский дед унаследовал этот признак от Кнехта Рупрехта – персонажа из немецкого фольклора. В Германии в этом «страшном» образе рождественский дед используется родителями как безобидная страшилка, чтобы урезонить слишком расшалившееся чадо. Художник предлагает адресату карикатуры посмеяться вместе с ним, представляя Мёллеманна в «очень страшном» образе рождественского деда, которого боятся только малыши.

Сарказм карикатуриста настигает Э. Кренца на карикатуре 1989 года "*Das muss man dem Genossen Krenz lassen, – er unternimmt alles, um sich beim Volk beliebt zu machen!*" (Это надо предоставить товарищу Кренцу, он делает всё, чтобы добиться любви народа!)⁹. Э. Кренц сменил 18 октября 1989 года Э. Хонеккера и обещал провести ряд реформ в ГДР с целью спасения государственности республики. Художник изображает политика в образе доброго рождественского деда с широкой улыбкой и мешком подарков

⁸ EB-Nummer 1995/01/0001.0180.

⁹ EB-Nummer 2011/09/0086.0560.

за спиной, которые представляют в метафорической форме обещанные реформы. Обращение к образу рождественского деда задолго до наступления Рождества, исключает проекцию образа на временную ось, акцентирует его «несвоевременное» появление, трансформирует событие в клоунаду. Наложение на личность политика образа вымышленного (сказочного) персонажа, направляет адресата в суждениях об обещаниях Кренца, зарождает сомнения в их реальности, в их реализуемости.

Обобщая вышесказанное, следует констатировать, что образ рождественского деда находится во взаимодействии с другими элементами сообщения, и его функции предопределяются контекстом карикатуры.

Связь ангела с Рождеством обусловлена ролью, которую он играет в истории рождения Иисуса Христа: **рождественский ангел** провозглашает пастухам о его рождении. Когнитивные признаки в представлении об ангеле можно выделить, опираясь на анализ значений лексемы *Engel*. В определении прямого значения лексемы '(1) *ein von menschlicher Vorstellung geschaffenes*, (2) *mit Flügeln versehenes*, (3) *überirdisches Wesen des Himmels*' обнаруживаются признаки: (1) 'существо, созданное воображением человека', (2) 'имеет крылья', (3) 'неземное / райское'. Лексема развивает переносное значение (7) '*Helfer in der Not*' (помощник в беде), что свидетельствует о положительной оценке образа в представлении немецкой языковой личности.

Стремление политиков в ходе предвыборной кампании показать себя перед электоратом в выгодном свете высмеивается карикатуристом, который визуализирует эти попытки как презентацию себя в образе ангела. В этом образе появляется Й. Пау в телестудии на карикатуре 1986 г. "*Denk dran Johannes, es ist der allerletzte Versuch an die absolute Mehrheit zu kommen!*" (Подумай о том, Йоханнес, что это последняя попытка добиться абсолютного большинства!)¹⁰, которая посвящена его предвыборной кампании. В облике Пау обнаруживаются все вышеперечисленные внешние признаки: за его спиной белые крылья, над головой – божественный свет, в одной руке он держит колокольчик для провозглашения прихода Спасителя, в другой – подарки (метафорическое представление предвыборных обещаний).

Рождество знаменуется появлением на небосклоне **рождественской звезды** и приходом **волхвов** с подарками. В библейском сюжете Рождественская звезда является знамением. На карикатурах она сохраняет свою роль, маркируя значимое событие или ведущую тенденцию года. Рождественская звезда изображается как падающая звезда или комета. Движение по небосклону или падение с него отмечается световым следом, на который может налагаться вербальный элемент. Ядро космического тела образует традиционное схематическое изображение лучевой звезды, предметное изображение или символ, вызывающий у немецкой языковой личности вполне определённые ассоциации, как на карикатуре «*Sternhimmel 92/93*»

¹⁰ EB-Nummer 1995/01/0001.0048.

(*Звёздное небо 92/93*). Изображение на этой карикатуре падения с небосклона немецкой марки соотносится для немецкой языковой личности с падением курса немецкой валюты (см. словосочетание *die Silbermarkt fiel 'im Wert sinken'*). Изображение человеческого черепа в ядре падающего космического тела с надписью «Босния» на световом следе является указанием на войну в этом регионе Европы. Свастика в ядре другой падающей звезды – намёк на возрождение националистических идей в Германии.

Изображение Рождественской звезды как звезды путеводной находим на карикатуре 1989 года «*Der lange Marsch der heiligen drei Könige*» (*Долгий путь трёх святых королей*)¹¹. Подобно комете, хвост которой образует надпись *Wiedervereinigung* 'объединение', движется она по небосклону. Вслед за ней, согласно библейскому сюжету, идут волхвы. Рождественская звезда и изображение волхвов выполняют темпоральную функцию, проецируя ситуацию на исход 1989 года. Следует отметить, что фоновые знания адресата карикатуры позволяют ему почувствовать иронию карикатуриста, который акцентирует продолжительность движения к объединению Германии, употребляя в заголовке прилагательное *lang*. Достаточно упомянуть, что изначально в 1945 году не предполагалось, что Германия будет разделена на два государства, но конструктивные переговоры об объединении Германии начались только с 1980-х. Переговорный процесс не был завершён и к концу 1989 года (момент создания карикатуры). Карикатура посвящена плану Г. Коля (28.11.1989), который должен был подготовить новые земли к условиям хозяйствования в ФРГ. Дары волхвов, снабжённые соответствующими надписями, представляют собой метафорическое представление предложений Коля: *Kredite* – кредиты для малых и средних предприятий, *Joint Venture* – сотрудничество между предприятиями старых и новых земель и *Devisen-Fonds* – фонды для поддержки внешних контактов новых земель. Прибегая к приёму иносказания, облекая актуальное содержание в форму библейского рождественского сюжета, карикатурист привлекает внимание адресата и удерживает его, интригуя процессом декодирования содержания сообщения.

На карикатуре 1992¹² года волхвы спасаются бегством от толпы правых радикалов, которые держат в руках красный штандарт с фашистской свастикой и плакаты *Ausländer raus!* (*Иностранцы, убирайтесь!*) и *Asysanten raus!* (*Мигранты, убирайтесь!*). Изображение героев библейской истории о рождении Христа в качестве участников неприглядной сцены позволяет художнику раскрыть тему карикатуры – враждебность немцев по отношению к мигрантам – и выразить своё мнение о положении дел, которое сложилось в Германии, а также акцентировать его абсурдность.

В немецкой традиции имеет место следующее представление о **рождественском дереве** *Weihnachtsbaum*: (1) (*kleine*) *Fichte, Tanne oder Kiefer*,

¹¹ EB-Nummer 1995/01/0001.0109.

¹² EB-Nummer 2011/09/0086.0561.

(2) *die zum Weihnachtsfest (ins Zimmer gestellt (3) und) geschmückt wird* ('маленькая') сосна, ель или кедр, которые на Рождество устанавливаются (в комнате) и украшаются'. Все три когнитивных признака, которые отмечены в определении лексемы *Weihnachtsbaum*, обнаруживаем на карикатуре 1984 года¹³. На переднем плане карикатуры среди пней изображена одинокая маленькая ёлочка в рождественском убранстве. На заднем плане за ёлочкой собралась безбрежная толпа людей, из которой подаётся реплика: "*Das waren noch Zeiten, als sich jede Familie einen Christbaum leisten konnte...*" (Были времена, когда каждая семья могла позволить себе рождественское дерево...). В контексте данной реплики изображение ёлочки выполняет функцию темпоральной ссылки, проецируя ситуацию на рождественский праздник. Опираясь на реплику из толпы и свои фоновые знания (положение ещё не настолько критично), адресат определяет изображённую ситуацию как проекцию в будущее и рассматривает сообщение карикатуры как выражение обеспокоенности карикатуриста складывающимся положением дел. В этом отношении одинокая ёлочка на фоне остальных элементов сообщения определяет тему сообщения «Последнее рождественское дерево».

На карикатуре 1999 года «*Weihnachten 1999/2000*»¹⁴ у рождественского дерева собрались совсем на радостные немецкие политики. Сарказм карикатуриста находит выражение в изображении убранства ёлочки: денежные банкноты, мешки с монетами, сундучки и чемоданы с деньгами, на одном из которых написано «*Spenden-Affären*» (явный намёк на финансовые аферы немецких политиков). Вышесказанное позволяет утверждать, что в контексте заголовка нарядная ёлочка несёт функцию темпоральной ссылки, осуществляя проекцию на рождественский праздник и на конец года, а характер её убранства вносит уточнение: речь идёт о времени для анализа результатов истекшего года.

В заключении следует отметить, что рождественские образы являются средством привлечения внимания адресата к сообщению в форме политической карикатуры, придавая ему характер иносказания. Они часто выполняют функцию темпоральной ссылки, создавая проекцию на конец года как время для подведения итогов и анализа его результатов. Оценочную коннотацию несут детали изображения и рождественские образы, использованные в контексте сравнения. Маски рождественского ангела, злого и доброго рождественского деда, акцент на выдвигании их отдельных когнитивных признаков используются для характеристики политиков и их действий. Другими словами, рождественские образы облачают сообщение в интригующую адресата форму, внимательное рассмотрение которой с опорой на фоновые знания выводит адресата далеко за пределы рождественской тематики, привлекает его внимание к злободневным вопросам.

¹³ EB-Nummer 1995/01/0001.0011.

¹⁴ EB-Nummer 2011/09/0086.0049.

Литература

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : КомКнига, 2006. 280 с.
2. Денисова Г. Л. Категория времени в политической карикатуре // Мир лингвистики и коммуникации : электрон. науч. журнал. 2018. № 3. С. 51–69. URL: tverlingua.ru/ (дата обращения: 06.11.2022).
3. Денисова Г. Л. Обращённость карикатур периода Великой Отечественной войны к русской языковой личности. DOI 10.20916/1812-3228-2020-1-78-86 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 78–86.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : ЛКИ, 2010. 263 с.
5. Novospasskaya N. V., Zou Huajing. The Formation of Polycode Text Theory. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-2-501-513 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 501–513.

CHRISTMAS IMAGES IN A GERMAN POLITICAL CARTOON AS A POLYCODE TEXT

G.L. Denisova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article detects functions of images, which go into the association field “Christmas”, in a German political cartoon as a polycode text. The author arrives at a conclusion that many such images are used as time references, as marks of close of year, sometimes as the point in time for analysis of the past year results. Christmas images represent the message in such a form which intrigues the addressee and holds his attention. The addressee’s background knowledge helps the addressee *to go beyond the* Christmas subject and find out the true theme of the message.

Key words: political cartoon, polycode text, time reference, irony, sarcasm.

УДК 81’25:659.443(047.5)

ТЕКСТЫ КОРПОРАТИВНЫХ ПРЕСС-РЕЛИЗОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

О.В. Мурдускина

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается жанровая деформация текстов современных пресс-релизов и описывается специфика корпоративных пресс-релизов. Делается вывод, что языковые характеристики текстов пресс-релизов должны коррелировать с их коммуникативной целью и особенностями реципиента. Приведены основные проблемы, которые могут возникнуть при переводе текстов пресс-релизов. Также в статье описываются принципы локализации текстов пресс-релизов образовательной организации.

Ключевые слова: пресс-релиз, анализ жанра, деформация жанра, коммуникативная цель, продвижение, иноязычный реципиент, перевод, локализация.

В настоящее время роль пресс-релиза как одного из лингвистических инструментов, используемых компанией для проецирования своего фирменного стиля, формирования корпоративного имиджа и укрепления репутации в целом, неоспорима. Пресс-релиз в современном понимании реализует задачу создания благоприятного имиджа компании для обеспечения ее бесперебойного функционирования, а также для расширения сферы деятельности и повышения репутационных показателей.

Существуют различные подходы к ключевому определению понятия «пресс-релиз» – от предельно лаконичных до развернутых. Если проанализировать определения, приведенные в энциклопедических словарях советского периода, то их объединяет то, что под пресс-релизами понимались специальные бюллетени, в которых содержалась актуальная информация в основном политической направленности, предназначенная для дальнейшей публикации в средствах массовой информации. В текстах пресс-релизов не должно было содержаться материалов рекламного характера или материалов, относящихся к деятельности коммерческих предприятий [4].

Традиционно жанр пресс-релиза характеризуется определенным видом коммуникативной цели, согласно которой автор предоставляет информацию в средствах массовой коммуникации для доведения ее до широкой общественности. Однако современные определения пресс-релиза подчеркивают изменившуюся функцию пресс-релизов, поскольку жанр пресс-релиза в последнее время претерпел изменения в связи с изменением самого информационно-коммуникативного, который все более приобретает характеристики рекламно-воздействующего [7].

Так А.Д. Кривоносов полагает, что информация пресс-релиза – это «предназначенная для внешней аудитории текстовая информация, которая выполняет оперативно-новостные функции и направлена на формирование и приращение публичного капитала первичного субъекта коммуникации» [3, с. 100].

В зарубежных исследованиях пресс-релизы определяются как заявления, часто о запуске нового продукта, услуги или события, и используются организациями для информирования СМИ с целью побуждения их написать статьи на эту тему [6, с. 274].

Таким образом, очевидно, что пресс-релизы предназначены прежде всего для того, чтобы вызвать интерес у целевых представителей СМИ и сообщить о новостной информации в максимально объективной и фактической форме. Для реализации данной функции «могут решаться такие имиджевые задачи, как поддержание интереса целевой аудитории к субъекту пресс-релиза или устранение негативного влияния на репутацию организации, которое может появиться вследствие различных неблагоприятных событий или недоброжелательных слухов» [1].

В данном исследовании мы придерживаемся той точки зрения, что современные пресс-релизы являются текстами небольшого размера, в которых

информационная составляющая коррелирует с его рекламной направленностью. То есть мы можем говорить о жанровой деформации пресс-релиза: из специфически информативного жанра он превратился в некий гибрид между информативным и рекламным. В этом нет ничего удивительного, поскольку современные жанры являются динамичными конструкциями и могут эволюционировать, приобретая характеристики, которые ранее считались нарушениями требований к принципам составления текста определенного функционального стиля [7]. Пресс-релиз в этом понимании приобретает черты элемента корпоративной культуры.

Не вызывает сомнения тот факт, что вузы на современном этапе развития также претерпевают определенные трансформации. В списке «основных критериев успешности вуза в числе существенных результатов помимо научной и образовательной деятельности выделяют вклад университета в развитие региона, вклад в технологическое развитие промышленности, качество подготовки кадров для науки и высшего образования, т. е. называют коммерческий успех вуза как корпорации» [5, с. 86]. К современным успешным вузам также выдвигается требование выходить на международный рынок образовательных услуг, что приводит к необходимости переводить тексты пресс-релизов на английский язык. От того, насколько адекватно будет выполнен перевод, во многом будет зависеть восприятие текстов пресс-релизов иностранной аудиторией. В случае качественного перевода имиджевая составляющая вуза укрепляется, и напротив, некачественный перевод в лучшем случае вызовет иронию и недоумение иноязычного реципиента.

В данной статье представлены результаты исследования пресс-релизов Тольяттинского государственного университета, относящихся к категории «объявление о награде». Цель работы - выявить основные характеристики корпоративного пресс-релиза и соотнести эти характеристики со стратегией перевода данного типа текста. Пресс-релизы университета размещаются на сайте ТГУ <https://www.tltsu.ru/> в разделе «Новости ТГУ».

Существует различные классификации текстов пресс-релизов. Если обратиться к их типологии по предметному содержанию, то выделяются следующие типы пресс-релизов:

1. Запуск продукта: используется для объявления о запуске нового продукта или услуги.
2. Объявление о партнерстве: используется для информирования о новом деловом партнерстве или корпоративном слиянии.
3. Объявление о событии: используется в случае выпуска нового продукта, отраслевой конференции, обучающем семинаре или другом мероприятии.
4. Объявление о награде: используется для объявления о вручении награды или признания, которое получила компания или один из ее сотрудников.

5. Исследования и разработки: используется для объявления о новом проекте исследований или разработок, который проводит компания.

6. Интервью для прессы: используется для продвижения компании посредством интервью с генеральным директором компании или другим руководителем.

7. Вехи и достижения: используется для объявления важной вехи или достижения компании.

8. Расширение и рост: используется для объявления об открытии нового офиса, региональном расширении или другом крупном событии.

9. Знаменательные соглашения: используется для объявления о значимом для дальнейшего развития компании соглашении компании с другой организацией.

10. Благотворительность и социальная ответственность: используется для объявления о новой благотворительной инициативе или благотворительном пожертвовании.

Опишем кратко характеристики пресс-релизов, относящихся к категории «объявление о награде». Речь в данных пресс-релизах идет о достижениях и успехах компании. Этот тип пресс-релиза служит для утверждения компании, в нашем случае Тольяттинского государственного университета в качестве эксперта и авторитета в отрасли высшего образования.

Пресс-релизы такого типа часто написаны авторитетным тоном, поскольку само содержание пресс-релизов обычно ориентировано на научную аудиторию – представителей академических кругов, студентов, потенциальных партнеров и абитуриентов. В языковом плане это достигается за счет употребления терминологии, относящейся к той или иной области знаний: *биорезорбируемые магнелиевые сплавы, микродуговое окисление, легирование аэтированных покрытий на жаростойкость титана*.

Как правило такие пресс-релизы предоставляют подробную и фактическую информацию о конкретной теме или событии за счет употребления большого количества прецизионной лексики, которая включает в себя факты, имена и цифры в поддержку утверждений: *научно-исследовательский институт прогрессивных технологий (НИИПТ), программа государственной поддержки вузов «Приоритет-2030», консорциум «Новые технологии для магнелиевых сплавов», 120 тысяч рублей*.

В пресс-релизы анализируемого типа с этой целью также часто включают цитаты представителя университета или другого соответствующего эксперта.

Что касается структуры пресс-релиза университета, то обязательным требованием к нему является включение контактной информации для возможных дополнительных запросов средств массовой информации. К этой же категории относятся гиперссылки на ресурсы и дополнительная справочная информация. Также пресс-релизы часто содержат изображения / ссылки на изображения с высоким разрешением или другие визуальные элементы, которые сопровождают текстовое содержание пресс-релиза.

Итак, хорошо написанные и продуманные пресс-релизы могут стать эффективным инструментом в комплексной PR-стратегии компании. Перевод текстов пресс-релизов на иностранный язык жизненно важен университетов, стремящихся выйти на международные рынки. При переводе пресс-релиза перед переводчиками стоят две задачи: во-первых, важно точно передать информацию и тон оригинального текста, во-вторых, не менее важно сделать так, чтобы перевод звучал естественно для носителя языка перевода. Таким образом, если анализировать тексты пресс-релизов в аспекте перевода, то переводчику необходимо задействовать одновременно два процесса: непосредственно перевод и локализация текста пресс-релиза.

Рассмотрим трудности перевода, обусловленные прежде всего необходимостью соблюдать требования языковой системы, нормы и узуса, характерные для иной языковой системы. В качестве примера, иллюстрирующего сложности подобного рода, можно привести необходимость использования или неиспользования кавычек при переводе имен собственных; необходимость употребления родового понятия перед названием организации при переводе с английского языка на русский; замена прописных букв строчными в заголовках, названиях документов и определяемых терминах при переводе с английского языка на русский и т.п.

Что касается локализации как процесса адаптации языкового, культурного, валютного и технического содержания текста с целью использования на различных рынках, то опытный переводчик понимает необходимость внести культурные и/или языковые изменения в текст пресс-релиза, особенно если целевая аудитория – иноязычный реципиент, переводчик в этом случае должен быть в состоянии обеспечить применение соответствующих стандартов и правил к переводному тексту. Кроме того, переводчик всегда должен учитывать уникальные культурные аспекты, например праздники или обычаи, знать требования законодательства и местные правила/нормативные акты, использовать правильные стандарты измерений. К примеру, существуют определенные различия метрической системы измерения в разных странах. В России используют метры, километры для обозначения расстояния, температура измеряется в градусах по Цельсию, килограммы для измерения веса. В то время как в США используются футы, дюймы, температура измеряется по Фаренгейту. Кроме того, существуют различия в написании цифр (ср. русское 45 000 с переводом на английский 45,000), дат (ср. русское 31.12.2022 с переводом на американский вариант написания даты 12.31.2022).

Особую сложность при переводе представляют такие языковые единицы как реалии. К примеру, названия таких реалий как локальные проекты и акции при переводе текстов пресс-релизов ТГУ необходимо адаптировать для англоязычного реципиента следующим образом: *Тотальный диктант – Total dictation, the annual educational event of the Russian language literacy testing, Смыденческая весна – Russian Students' Spring Festival.*

Профессиональному переводчику прежде чем переводить текст пресс-релиза важно изучить не только целевой язык, но и культуру, чтобы убедиться, что используемый язык подходит и сообщение передается точно, а также учитывать аудиторию, региональные различия и любые потенциальные культурные особенности. В отдельных случаях при переводе может потребоваться локализация, которая включает в себя корректировку текста, изображений, видео и тона, чтобы лучше резонировать с целевой аудиторией.

Конечная цель перевода пресс-релиза – эффективно и точно донести информацию и смысл оригинального текста до целевой аудитории. Следование этим передовым методам поможет создать успешный перевод пресс-релиза.

Перевод играет важную роль в преодолении разрыва между людьми разных культур и языков. Это неотъемлемая часть глобальной коммуникации, позволяющая обмениваться информацией и идеями, преодолевая языковые барьеры. В бизнесе его часто используют для облегчения переговоров, торговли и других сделок. В сфере образования адекватный перевод может способствовать сотрудничеству и обмену знаниями между учащимися из разных стран. Он также используется для распространения и обмена культурной информацией, позволяя людям понимать и ценить друг друга и их убеждения.

Литература

1. Возиянов Г. В. Промо-язык в тексте пресс-релиза как средство усиления имиджевой привлекательности организации // Научные высказывания. 2022. № 5. URL: nvjournal.ru/article/Promo-jazyk_v_tekste_press-reliza_kak_sredstvo_usilenija_im-idzhevoj_privlekatelnosti_organizatsii (дата обращения: 14.02.2023).
2. Воронкова И. Е. Рекламная и PR-деятельность в образовательных учреждениях // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2017. № 5. С. 265–267.
3. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. Москва : Петербургское востоковедение, 2002. 279 с.
4. Морякова А. С. К вопросу об определении современного пресс-релиза // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 93–94.
5. Мурдускина О. В. Жанровая характеристика текстов пресс-релизов университета // Проблемы гуманитарного образования в аспекте новых научных парадигм : сборник материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), Махачкала, 21 декабря 2021 года / отв. ред.: З. М. Абдуллаева. Махачкала, 2021. С. 85–89.
6. Blundel R., Ippolito K. Effective organisational communication: perspectives, principles and practices. London : Pearson Education, 2008. 417 p.
7. Maat H. P. How Promotional Language in Press Releases Is Dealt With by Journalists : Genre Mixing or Genre Conflict? // Journal of Business Communication. 2007. № 44. P. 59–95.

CORPORATE PRESS RELEASE TEXTS FROM A TRANSLATION PERSPECTIVE

O.V. Murduskina
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the genre deformation of modern press release texts and describes the characteristics of corporate press releases. The author concludes that the linguistic features of press release texts should correlate with their communicative purpose and the reader's perception. The principal problems that can arise during the translation of press release texts are highlighted. The article also describes the principles of localisation of educational organisation's press releases.

Key words: press release, genre analysis, genre bending, communicative purposes, promotion, foreign language recipient, translation, localisation.

УДК 82.09-191:7.046+398.221

ПОЭТИЧЕСКАЯ «КАРДИОЛОГИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Д.В. Панченко
Волгоградский государственный медицинский университет
г. Волгоград, Российская Федерация

В статье анализируется значение мифологема «сердце» в литературе и культуре Востока и Запада. Автор статьи, рассматривая отражение понимания данного концепта в мировой литературе, выявляют специфику его реализации в национальном художественной сокровищнице европейской и арабской культуры.

Ключевые слова: мифопоэтическое наследие Востока и Запада, концепт «сердце» в художественной культуре, поэтическая кардиология, образ сердца в религиозной и литературной традиции.

Каждой культуре и литературе как важной части культуры свойственны определенные художественно-символические представления. Они ярко отражают мировоззрение и содержат коллективный опыт понимания различных явлений бытия. Некоторые образы подробно описывают контуры древнейшего осмысления мира и места человека в нем. Одним из таких концептов является мифологема «сердце». Данный вопрос нередко исследовался философами, культурологами и литературоведами П.Д. Юркевичем, Б.П. Вышеславцевым, А.М. Булановым.

В творениях Святых отцов часто пишется о том, что сердце человека – это бездна. Особое пространство, центр личности (вспоминая этимологическое родство слов «сердце» и «середина»), место, сокрытое от посторонних умов и глаз и иногда даже от самого человека под наслоением социальных, культурных оболочек – и найти его можно только по точным координатам, оставленным религиозной и литературной традицией. «Змий,

который таится под самым умом, во глубине помыслов, гнездится и умерщвляет тебя в так называемых тайниках и хранилищах души; потому что сердце есть бездна» [9].

Своеобразная поэтическая кардиология или религиозная топология открывают образ сердца и как реальное пространство, и как пространство художественное, место тайны и открытого знания, место глубокое и поверхностное, место реальное и как будто бы немного фантастическое. «Сердце есть, прежде всего, предельный, таинственный, сокровенный центр личности, где находится вся ее ценность и вся ее вечность» [3].

«Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1-е послание Петра 3:4 – 1Пет 3:4).

В данном отрывке послании апостола Петра встречаются эти два пространства сердца: потаенное, духовное начало человека, которое резко противопоставлено всему зримому, материальному, и реальное биологическое. Сокровенный – с кровью, с током крови, в крови – то есть и в сердце, во вполне конкретном, физическом, анатомическом пространстве, так как биологическое понимание сердца определяет его как орган, который исходящими импульсами, запускает волну кровяного давления, заряжая ткани и органы кислородом и микроэлементами.

Тайна данного художественного и религиозного феномена заключается в его сложности, в том, что сердце – это и пространство плоти, но также сердце – это пространство духа. «...Сердце иррационально не только в смысле низшей своей сферы, соприкасающейся с “плотью”, но и в смысле высшей, соприкасающейся с “духом”, и являющейся органом духа: но, во всяком случае, его иррациональность, глубина и бездна обнимает как высшие мистические переживания, так и низшие подсознательные, “утробные” влечения» [4].

Примером вышеприведенных положений являются русская пословица «Сердце без тайности – пустая грамота» и арабская «Сердце – уникальное тайное место, в котором нет ничего, кроме жалаемого, и все сложные средства контроля с ним не работают».

عفتن التو، يهتشى وديري ام ال! يوحى ال يذلى يرسل او دحوال ان الكمل و به بلقل
تدق عمل اقباقرل لئاسو لك دع

Как пространство плоти, тела, сердце связано с работой всего организма, например, интересно его физиологическое взаимодействие с мозгом, с высшими психическими функциями: мышлением, восприятием, памятью. Пространственные координаты сердца опознаваемы по перцептивным, когнитивным способностям человека. И то, что недавно доказала медицина, в языке и литературной традиции живет уже не одну сотню лет и передаётся из поколения в поколения в словесном творчестве.

Например, знание о том, что функции мозга находятся в прямой зависимости от работы сердца. Медики это выявили после операции шунтирования, когда стало очевидно, что когнитивные способности человека резко снизились. Дело в том, что шунт влияет на приток крови к головному мозгу. В исследовании, которое было проведено в 2001 году, ученые опубликовали данные, подтверждающие связь сердца и мозга: у пациентов сразу после операции шунтирования резко снижалась память, внимание и концентрация. Получается, что между сердцем и мозгом есть прямая связь через кровообращение [7].

Также исследователи Института Математики Сердца установили, что сердце играет существенную функциональную роль в формировании не только эмоций, но и интеллекта [7].

Поэтому можно говорить о связи мифологемы «сердце» и высших когнитивных функций человека – и, таким образом, потенциале медицинских знаний для понимания мирового культурного словесного наследия.

Рассмотрим некоторые общие аспекты интерпретации концепта «сердце» в культурном наследии Востока и Запада.

Сердце как орган чувств.

Сердце имеет сложную нервную систему, передает множество импульсов. По изменениям сердечной деятельности можно определить эмоциональное состояние человека, его переживания. Святитель, ученый и врач-хирург Лука (Войно-Ясенецкий) писал, что «современный цивилизованный человек путем работы над собой приучается скрывать свои мышечные рефлексы, и только изменения сердечной деятельности все еще могут указать нам на его переживания» [8].

В русских пословицах и поговорках находим что в сердце человека может храниться:

- радость «сердце радуется»;
 - душевная боль: «сердце разывается», «разбередить сердце», «сердце ноет», «сердце кровью обливается»;
 - волнение: «сердце ушло в пятки», «принимать близко к сердцу», «сердце екнуло»;
 - искренность: «от всего сердца».
 - гнев, раздражение, злоба: «сказать в сердцах», «накипело на сердце»;
- بولل القلب عي مج وف غت ن ا دع ب ال ا ، بال ا بلق وف غي ال

«Сердце отца засыпает только после того, как все сердца заснут». В арабской пословице читаем о том же: отец думает, переживает, заботится и со вниманием относится к жизни каждого в своей семье.

Сердце – орган мысли.

«Говорить в сердце» – значит, на библейском языке – думать [2]. В древности основным мыслительным органом считали сердце, а не мозг. Так, например, древние египтяне утверждали «Язык говорит то, что задумано сердцем» [1, с. 118]. Это же мы найдем в английской пословице «What

the heart thinks the tongue speaks» – дословно, «что сердце думает, язык говорит» (в русской пословице «Что на уме, то и на языке»). У Гомера Одиссей размышлял и принимал решения «в милом сердце». «Прискорбен // Сердцем, в кругу женихов он сидел, об одном помышляя» [5, с. 10]. «В сердце обдумывал путь, учрежденный богиней Афиной» [5, с. 19].

Сердце – орган памяти.

Интересно английское выражение «by heart» или французское «par coeur», то есть «сердцем», в значении «наизусть, на память». В арабском языке также существует выражение – بلق رظ ن ع . Оно переводится как «на спине сердца» и имеет значение «учить наизусть» [1, с. 118].

В медицине установлено, что болезни сердца прямо влияют на память, когнитивные нарушения – следствие распространенных сердечно-сосудистых заболеваний. Нарушение кровообращения, вызванное нарушением работы сердца, влияет на функции мозга, кратковременную и долговременную память и мышление в целом.

Сердце – словесный орган и орган коммуникации.

И в религиях, в литературной традиции и других культурах отмечена связь слова с душой и сердцем – с духовным внутренним пространством человека. Это можно найти, в ряде арабских пословиц.

ن.ي.ر خآلآ بولق ىلآ رورملآ قملك يه قبيطلا قملكلآ

«Доброе слово – это пароль к сердцам людей».

عتمتت امرامثب عتمتت مل نأف، قبيطلا قملكلآ اءيف عزأف عزازم بولقلآ امرضخب

«Сердце – это плодородная почва, посадите в ней доброе слово, чтобы наслаждаться ее фруктами, наслаждаться ее овощами».

منأ ول قصاخ ... فويسلآ برض نم ىوقأ بلقلآ ىل ع وعقو مالكلآ نوكي ان اءىح
بلقلآ بىبح نم رص

«Иногда речь оказывает более сильное воздействие на сердце, чем удары мечом, особенно если это исходит от любящего сердца».

«Душа душу знает, а сердце сердцу весть подаёт» (русская пословица)

«Много на сердце – много и на языке» (русская пословица)

Сердце – орган общения с Богом.

بحأ نم امب للآ زيمي قطف امنأ ، آءابغ سيل بلقلآ ءاقن

«Чистота сердца – это не глупость, а скорее качество, по которому Бог различает, кого любит».

نود نوكي يذلا يل خادلآ ملسلآ ، ملسلآ ديرأ ينإ ، ءيش دحلآ ين ع نأ ديرأ آل
بل من الله ىسكب في القلب ، دحأ نم ددم

«Я не хочу ни для кого ничего значить, я хочу мира, внутреннего мира, который не поддержан никем, но от Бога излит в сердце»

Самое интересное описание сердца как реального и художественного преломляются в аспекте зрения, видения, зримости. Поскольку это и физиологическая способность, и мыслительная практика, и духовное постижение мира. «Те, кто покрывает глаза сердца плотным покрывалом пороков и, по слову, Господа, видя не видят и слышать не слышат, и не разумеют

(Мф 13:13), они едва замечают в глубине сердца значительные и грубые ошибки» [6].

Иногда это пространство можно увидеть, но особым зрением. «Если же кто привязан к видимым вещам в мире сем, опутывает себя многообразными земными узами и увлекается зловредными страстями, то не познает он, что внутри у него есть иная борьба, и битва, и брань» [9].

Любовь, одну из главных способностей сердца, христианский проповедник митрополит Антоний Сурожский наделяет качеством зрения. «Чрезвычайно важно помнить, что любовь реалистична до конца, что она объемлет человека всецело и что она видит, она зряча» [10].

Проследим эту же мысль в арабских пословицах.

رمت أن لبق قطحلال ىرت نوي ع بولقلل ضعب يف .

«В некоторых сердцах глаза видят что-то за мгновение до того, как оно пройдет»

عقاولا ىرت نوي ع بولقلل ضعب يف .

«В некоторых сердцах глаза видят реальность».

قشاعلا ال اامهفي ال تارظن بولقلل ضعب يف .

«В некоторых сердцах взгляды, которые может понять только влюбленный».

ضيأ مبلق .

Про доброго человека говорят «У него белое сердце»

إذا ما كنت ذا قلب قنوع فأنت ومالك الدنيا سواء

«Если у тебя довольное сердце – ты хозяин мира»

Таким образом, тема, на которую мы немного порассуждали в рамках данной статьи, – такая же бездна, как и ее основной предмет. Однако без всматривания в ее глубины ни исследовательская жажда учёного, сравнивающего словесное искусство Запада и Востока, не будет утолена, ни желание обычного человека понять самого себя не найдет удовлетворяющих ответов.

Литературы

1. Алдиева М. Ш., Рамазанова Р. Т. Концепты «Сердце» и «Душа» в английской и арабской языковых картинах мира // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 114–121.
2. Буланов А. М. Рациональное и сердечное в теории познания и в эстетике славянофилов // Славянофильство и современность : сборник статей / отв. ред.: Б. Ф. Егоров [и др.]. Санкт-Петербург, 1994. С. 77–91.
3. Вышеславцев Б. П. Значение сердца в религии // Путь. 1925. № 1. С. 79–98. URL: azbyka.ru/otechnik/Boris_Vysheslavcev/znachenie-serdtsa-v-religii/ (дата обращения: 10.03.2023).
4. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса : Проблемы Закона и Благодати // Этика преображенного Эроса / Б. П. Вышеславцев. Москва, 1994. С. 14–152. URL: www.hesychasm.ru/library/thlg/vish_1.html (дата обращения: 10.03.2023).
5. Гомер Одиссея / пер. В. А. Жуковского // Собрание сочинений : в 4 т. / В. А. Жуковский. Москва [и др.], 1960. Т. 4. С. 5–679.

6. Иоанн Кассиан Римлянин. Двадцать третье собеседование аввы Феоны (третье). О словах апостола: доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю // Писания. Минск [и др.], 2000. С. 713–740.
7. Климов Л. В., Парфенов В. А. Когнитивные нарушения в остром периоде ишемического инсульта // Неврологический журнал. 2006. Т. 11, № S1. С. 53–57.
8. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. Москва : ОБРАЗ, 2011. 128 с. URL: /azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasenetskij/dukh-dusha-i-telo/ (дата обращения: 10.03.2023).
9. Макарий Египетский. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях : пер. с греч. 3-е изд. Москва : типография Готье, 1880. Беседы 15, 17, 21. URL: viewer.rsl.ru/ru/rsl01003562517?page=323&rotate=0&theme=white (дата обращения: 10.03.2023).
10. Сурожский Антоний (митрополит). Таинство любви : Беседа о христианском браке // Православная электронная библиотека. URL: lib.pravmir.ru/library/readbook/1267 (дата обращения: 17.09.2022).
11. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слова Божия // Философские произведения / П. Д. Юркевич. Москва, 1990. С. 69–103.

POETIC CARDIOLOGY IN THE ARTISTIC CULTURE OF THE EAST AND WEST

D.V. Panchenko
Volgograd State Medical University
Volgograd, Russian Federation

The article analyzes the meaning of the mythologeme "heart" in the literature and culture of the East and West. The author of the article, considering the reflection of the understanding of this concept in world literature, reveals the specifics of its implementation in the national artistic treasury of European and Arab culture.

Key words: mythopoetic heritage of the East and West, the concept of "heart" in artistic culture, poetic cardiology, the image of the heart in religious and literary tradition.

ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕТОДИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

УДК 378.091.3:004.77

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И МЕТОДИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ БЛОГ-ТЕХНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М.В. Абрамова

Тольяттинский государственный университет
г. Тольятти, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема применения технологии написания блогов как вида Интернет-технологии в процессе формирования основ межкультурной коммуникации у студентов лингвистических специальностей вузов. Исследуется дидактический и методический потенциал внедрения данной технологии в обучающий процесс. Приводятся примеры положительного опыта применения блог-технологии в образовательном процессе.

Ключевые слова: Интернет-технология, блог-технология, онлайн-обучение, иностранные языки, межкультурная коммуникация.

Современную жизнь уже трудно себе представить без электронных устройств и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Так или иначе, данными средствами пользуются все и повсеместно. Кроме того, на протяжении нескольких десятилетий изучается возможность и необходимость применения Интернет-ресурсов и технологий в образовании, в том числе высшем [2; 8; 9]. Ситуация с пандемией показала нам еще и возможность реализации непрерывного образования во всех смыслах этого слова, ведь всевозможные средства онлайн-обучения позволяют продолжать процесс обучения в школах и вузах, независимо от внешних обстоятельств. В связи со всем вышесказанным, мы можем сказать, что тема нашего исследования является актуальной.

Еще в начале 2000-х годов с развитием Интернет начала активно обсуждаться тема возможности применения информационных технологий в обучении различным предметам. Изучив многолетний опыт ученых, посвятивших свои труды данной теме, среди которых Н.Г. Асмус, В.Е. Воевода, Е.И. Горошко, Т.И. Рязанцева, Е.Д. Патаракин, П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев, D. Crystal, G. Dudeney и многие другие, мы пришли к выводу, что несмотря на ряд негативных выводов об онлайн-обучении, все же большинство ученых находит существенные плюсы во внедрении ряда «онлайн-элементов» в традиционный образовательный процесс (например, смешанное обучение / blended learning), где учитель/преподаватель является его непосредственным участником и исключена возможность упразднения роли пе-

дагога. Мы разделяем взгляд последних и видим возможность использования такой Интернет-технологии, как блоги в процессе формирования межкультурной коммуникации в письменной креолизованной (работающей по законам устной и письменной речи одновременно) форме. Об этой технологии и пойдет речь в нашей статье.

В контексте нашего исследования мы рассматриваем *блог как один из видов Интернет-технологий, с помощью которого возможно осуществление эффективного формирования основ межкультурной коммуникации у студентов лингвистических специальностей вуза*. В целом же блог рассматривается как электронный дневник, где автор делится своими мыслями, фотографиями и видео; сами записи публикуются в обратном хронологическом порядке. В зависимости от используемой платформы блог может иметь различную структуру, но в целом набор функций примерно одинаков. На рисунке 1 представлена примерная структура блога.

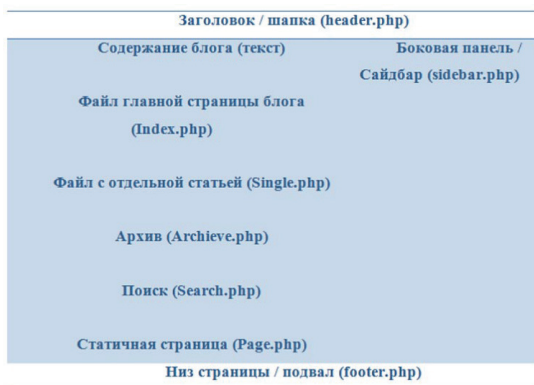

Рис. 1. Структура блога

Охарактеризуем более подробно общее содержание блога. Начинается электронный дневник с заголовка, в других контекстах именуемый шапкой. Слева обычно располагается содержание блога / контент, здесь располагаются ссылки на недавно опубликованные записи. На главной странице блога можно просмотреть последний опубликованный пост или иную запись, которую автор выбрал для этой функции. В архиве находятся ранее опубликованные статьи, которые можно сгруппировать по месяцам или годам. Кроме того, в блоге можно воспользоваться функцией поиска и по ключевым словам или дате публикации найти интересующую нас запись. На статичной странице обычно находится информация об авторе. Справа чаще всего располагается боковая панель, где блогер, по желанию, может разместить рекламу. В самом низу страницы мы можем найти либо адрес сайта, либо список публикаций и т.п.

Среди дидактических свойств и методических функций блог-технологии следует отметить, прежде всего, следующие: *публичность, линейность, авторство и модерация, мультимедийность* [5, с. 115–116]. Рассмотрим подробнее каждое из них.

Под свойством публичности мы понимаем, что блоги доступны всем участникам сообщества / проекта / группы и т.д. Данное свойство мы можем применять в случае организации межкультурного онлайн взаимодействия между обучающимися. Принимая во внимание, что общение в блоге публично, студенты стремятся выражаться более грамотно, а это способствует развитию лексических и грамматических аспектов языка, положительно сказывается на развитии таких видов речевой деятельности, как чтение и письмо.

Свойство линейности подразумевает возможность вносить изменения в электронный текст в хронологическом порядке. Данное свойство учитывается при разработке методики развития речи в Интернет-пространстве, при этом особое внимание уделяется как индивидуальной работе каждого обучающегося, так и организации онлайн коммуникации между участниками одного проекта или группы.

Свойство авторства подразумевает, что каждый студент ведет свою страницу в блоге самостоятельно и несет ответственность за то, что он публикует. Понятие модерации подразумевает, что, например, дискуссия, предложенная автором публикации, должна соответствовать теме и быть конструктивной, авторы комментариев не используют нецензурную лексику и избегают переходов на личности и оскорблений. В случае же нарушений правил электронного этикета, модератор имеет право заблокировать автора такого комментария [3]. В ряде случаев студент может сам быть модератором своей страницы в блоге, но если этот блог учебный, то функции модератора выполняет преподаватель или руководитель учебной группы/проекта. Авторство и модерация как дидактическое свойство блога позволяет индивидуализировать обучающий процесс любым видам речевой деятельности.

Свойство мультимедийности позволяет разнообразить контент блога и включать в него не только текстовые, но и графические, фото-, видео-, и аудиоматериалы. Это, в свою очередь, «обогащает социокультурный и языковой материал, который может служить основой для написания рецензий, эссе, отзывов, обзоров» [5, с. 115–116].

С точки зрения методического потенциала технология написания блогов достаточно полно описана и обсуждается в научных трудах российских и зарубежных авторов. На первых порах авторы рассматривали блог только как способ публикации обучающимися их письменных работ, а также возможности задать вопросы преподавателю. В более поздних трудах нашему вниманию уже предлагаются результаты проведенного исследования среди студентов-журналистов. В качестве примеров, иллюстрирующих проведенную работу, авторы представляют не только публикации студентов, но

и дискуссии в блоге учебной группы. Такой вид деятельности, по мнению исследователей, существенно сказывается на повышении мотивации и ответственности обучающихся за публикуемые материалы [5].

Позднее была предложена методика развития умений написания эссе с помощью технологии ведения блогов. Из недостатков можно отметить, что в данном случае авторы не принимали во внимание формирование лексических и грамматических навыков, поэтому обучающиеся, несмотря на существенные успехи в развитии спонтанной и подготовленной речи, продолжали делать много ошибок. Затем ученые-методисты предложили «методику организации сетевых дискуссий на иностранном языке». Следует обозначить, что в новой методике, построенной на технологии написания блогов, были учтены недостатки прошлых опытов, и у студентов были отмечены существенные положительные изменения в развитии многих аспектов языка [5].

Среди российских методистов, прежде всего, необходимо обратить особое внимание на труды, в которых представлена разработанная авторами «номенклатура умений письменной речи и чтения, а также алгоритм развития умений письменной речи» посредством технологии написания блогов [4]. Кроме того, в среде российских ученых были исследованы дидактические свойства, функции и методический потенциал блог-технологии в обучении межкультурному взаимодействию [7], была разработана методика применения блог-технологии, способствующую, в данном случае, развитию умений участвовать в Интернет-дискуссии и умений написания творческих работ [8].

Автором же настоящей статьи под руководством профессора Л.И. Корниловой было составлено учебно-методическое пособие *Successful Communication on the Internet (Blogging)* [1], элементы которого применяются как в обучении студентов ТГУ, так и при создании собственных онлайн-проектов.

Таким образом, исходя из успешного опыта внедрения блог-технологии в процесс формирования основ межкультурной коммуникации, мы можем сделать отметить, что, описанная нами технология, способствует существенному повышению уровня владения иностранным языком, в том числе и в электронной (онлайн) среде. Кроме того, дополняется и содержание компетенций, предусмотренных федеральным государственным стандартом высшего образования для студентов лингвистических специальностей вуза, например: способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач; способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде; способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах); способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах [6].

В заключении мы можем сделать следующие выводы: блог, как вид Интернет-технологии, обладает рядом функций, существенно влияющих на эффективность формирования основ межкультурной коммуникации; в связи с этим, учебный блог может успешно применяться в работе со студентами и способствовать развитию у них таких видов речевой деятельности, как чтение и письмо; также с помощью технологии написания блогов у обучающихся формируются компетенции, соответствующие федеральному государственному стандарту высшего образования.

Литература

1. Абрамова М. В. Эффективное общение в Интернете (блогинг) : учеб.-метод. пособие для студентов 1–2 курсов неязыковых специальностей / под ред. Л. И. Корниловой. Тольятти : РИЧМАРК, 2015. 38 с.
2. Абрамова М. В. К вопросу формирования основ электронной коммуникации у студентов технических специальностей вуза // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 3. С. 90–95.
3. Модерация : статья // Викисловарь. URL: ru.wiktionary.org/wiki/модерация (дата обращения: 25.01.2023).
4. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникативных Интернет-технологий : учеб.-метод. пособие. Москва [и др.] : Глосса-Пресс [и др.], 2010. 182 с.
5. Сысоев П. В. Блог-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2012. № 4. С. 115–127.
6. ФГОС ВО (3++) по направлениям бакалавриата // FGOSVO. URL: fgosvo.ru/fgosvo/index/24 (дата обращения: 10.02.2023).
7. Филатова А. В. Оптимизация преподавания иностранных языков посредством блог-технологии : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2009. 20 с.
8. Павельева Т. Ю. Методика развития умений письменной речи студентов средствами учебного Интернет-блога (английский язык, языковой вуз) : дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2010. 158 с.
9. Formation of bachelors' competence readiness to work in a team / N. V. Saratovtseva, O. E. Kozlova, O. I. Vaganova [et al.]. DOI 10.20511/pyr2021.v9nSPE1.807 // Propositos y Representaciones. 2021. Vol. 9, № SPE1. Article number 807.

DIDACTIC PROPERTIES AND METHODOLOGICAL FUNCTIONS OF BLOG TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF FORMING THE FOUNDATIONS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

M.V. Abramova

Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation

The article deals with the problem of using the technology of writing blogs as a type of Internet technology in the process of forming the foundations of intercultural communication among students of non-linguistic specialties of universities. The didactic and methodological potential of the introduction of this technology into the learning process is investigated. The examples of positive experience of using blog technology in the educational process are given.

Key words: Internet technology, blog technology, online learning, foreign languages, intercultural communication.

УДК 81'42

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ НИКА ХОРНБИ)

М.А. Ананьина, М.В. Чернова

Специализированный учебно-научный центр федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема лингвистических средств выражения художественного концепта. В настоящее время существуют несколько точек зрения относительно методики изучения структуры художественного концепта как эстетической категории художественного текста. Предпочтение отдаётся подходу, согласно которому авторская картина мира формируется посредством концептов, имеющих сложную структуру, восходящую к ключевому слову, затем получающую реализацию в виде словообраза, который постепенно, по мнению Е.В. Туктамуговой, формирует художественный концепт.

Ключевые слова: художественный концепт, аллюзивное имя, словообраз, художественный текст, авторская картина мира, Ник Хорнби.

В настоящее время понятие концепта становится всё более популярным и переносится из сферы лингвистики на смежные филологические области, в частности, на лингвистику текста. Таким образом, изучение художественного текста неизбежно вовлекается в проблемы когнитивной лингвистики. Это происходит потому, что художественный текст как эстетическая категория является продуктом речевой деятельности человека и несёт в себе отпечаток индивидуально-авторского сознания. Понятие концепта начинает использоваться в отношении художественного текста, возникает проблема разведения широкого понятия концепт и понятия художественного концепта. Несомненно, между двумя понятиями есть общие черты. Как отмечают Л.П. Грунина, И.А. Долбина, общепризнанные свойства концепта включают связь с опытом человека и культурой народа; особую структуру, содержащую ядро, базовые слои и интерпретационное поле с эмоциональными оценками и эмоциональными коннотациями; содержательные компоненты, такие как понятие, предметное содержание, представление, ассоциации, эмоции и оценки [2, с. 134]. Мы приходим к выводу о наличии структуры художественного концепта. Вместе с тем, Л.В. Миллер отмечает, что «полное и всестороннее описание художественного концепта вряд ли возможно из-за его принципиальной бесформенности, расплывчатости и нечёткости» [4, с. 133]. Исследователь предлагает методику анализа художественного концепта на основе отбора языковых высказываний по тематическому принципу и их группированию в соответствии с выражаемыми смыслами.

Художественный концепт имеет отличия от когнитивного понятия данного термина. Как отмечает Е.В. Туктангулова, художественный концепт представляет собой единицу сознания поэта или писателя, «которая представляет собой лингвоментальную категорию и получает репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов и явлений» [5, с. 108]. О.Е. Беспалова, Е.В. Туктангулова выявляют три категории отличий художественного концепта от ментального. Художественный концепт репрезентируется только лингвистическими единицами, а ментальный концепт может кодироваться единицами иных семиотических пространств. Кроме того, художественный концепт выборочно включает в себя национальные духовные ценности, а когнитивный концепт вбирает все формы духовного постижения мира, носит интернациональный характер. Наконец, художественный концепт имеет неустойчивое ядро и периферию, что связано с индивидуально-авторским воплощением концепта в тексте. Ядро и периферия культурного концепта устойчивы относительно друг друга [1; 5].

Художественный концепт биографичен, неизбежно связан с индивидуальными переживаниями и опытом писателя, а также вбирает в себя вехи национальной истории и истории общества, в котором прошла социализация автора, то есть это среда, в которой вырос писатель или поэт. По мнению А.А. Куравской, концепт как индивидуально-значимая структура рассматривается в коммуникативно-стилистическом направлении. Подчёркивается психический характер концепта в таком понимании. Это личностная психическая структура [3]. С другой стороны, художественный концепт может пониматься как частный случай реализации лингвокультурного концепта [4]. С нашей точки зрения, художественный концепт включает в своей структуре как индивидуальные, психические особенности, так и национальные и межнациональные черты. Не случайно акцентируется внимание на многослойной структуре художественного концепта. Л.П. Грунина, И.А. Долбина относят к структуре художественного концепта такие слои, как чувственный (предметный), понятийный, образный ассоциативный, символический, ценностно-оценочный компоненты [2, с. 134]. Соотношение между компонентами в структуре художественного концепта различно в зависимости от индивидуально-авторских ценностей, идейных задач и эстетической нагрузки языковых единиц, относящихся к ключевым знакам и участвующих в формировании структуры художественного концепта.

Возникает вопрос о средствах представленности художественного концепта, методике его анализа, средствах кодирования.

С нашей точки зрения, наиболее полной и эксплицитной представляется точка зрения Е.В. Туктангуловой [5]. Автор исходит из того, что важнейшей функцией художественного текста является эстетическая. Ментальное пространство художественного текста представляет собой целый

комплексе плоскостей, таких, как концептуальная информация, лингвокультурный контекст, лингвопоэтическая структура, контекстуальное поле. Предполагается, что ключевые слова в тексте несут основную идейно-смысловую нагрузку, играют главную роль в выявлении скрытых авторских смыслов, а значит, в создании авторской картины мира в тексте. На наш взгляд, к ключевым словам можно отнести все слова, несущие культурно-смысловую нагрузку и способствующие созданию вертикального контекста. К таким единицам, в частности, относятся аллюзивные имена, прецедентные феномены как единицы, значимость которых распространяется на текущую культурно-историческую ситуацию. Аллюзивные имена позволяют связать эпохи, культурные пласты, сделать далёкое прошлое понятным и знакомым, благодаря авторскому использованию аллюзий в составе стилистического приёма.

В процессе функционирования в художественном тексте подобные единицы превращаются в словообразы, единицы авторского сознания и одновременно единицы художественного текста [5, с. 106]. Словообраз может быть представлен как троп, как стилистический приём, образное средство, как прямое значение слова. Словообраз не превращается в знак, он принадлежит более высокому уровню абстракции, преодолевает знаковость слова. Словообраз состоит из абзаца, главы. Это эстетически организованный структурный элемент. По мнению Е.В. Туктангуловой, словообраз может достичь уровня обобщения художественного концепта [5].

Художественный текст позволяет отследить когнитивные структуры, создаваемые субъектом. Художественный концепт становится центральной категорией изучения авторского идиостиля. Таким образом, мы видим свою задачу в изучении художественной концептосферы автора на основе группирования и анализа аллюзивных имён, используемых в художественном тексте. Л.П. Грунина и И.А. Долбина обобщают два основных способа анализа художественного концепта. Во-первых, анализ может идти от словоупотребления, классификации слов, объединённых семантически, тематически, словообразовательно. Таким образом, исследовать приходит к раскрытию духовных ценностей писателя. Второй путь представляет собой обратную последовательность от художественной идеи к её словесному воплощению. В нашей работе мы используем первый подход.

Проанализировав романы Ника Хорнби «About a Boy», «A Long Way Down», «Fever Pitch» мы приходим к выводу о наличии большого количества аллюзивных и прецедентных имён, которые можно группировать по тематической направленности отсылки. Мы получаем группы слов, относящихся к классической музыке, сфере музыкальной культуры первой и второй половины XX века, современной музыке, кино, телевидению, искусству слова, писательству, науке, благотворительности, современной медиа-культуре, политической сфере. Общее число составляет 70 примеров аллюзивных и прецедентных имён.

Какой предстаёт авторская картина мира в этих произведениях на основе анализа отобранных ключевых знаков? Рассмотрим пример из романа Н. Хорнби «Футбольная лихорадка»: You like **Dire Straits or Mozart**, wine, pinching ladies's bottoms and money You don't fit into either camp? *Macho, nein danke?* In which case it must follow that you're a pacifist, vegetarian, studiously oblivious to the charms of **Michelle Pfeiffer**, who thinks that only leering wide-boys listen to **Luther Vandross**. [6, p. 72]. Аллюзивное имя **Dire Straits** отсылает к британская рок-группе, созданной в Лондоне в 1977 году Марком Нопфлером (ведущий вокал и соло-гитара), Дэвидом Нопфлером (ритм-гитара и бэк-вокал), Джоном Иллсли (бас-гитара и бэк-вокал) и Пиком Уитерсом (ударные и перкуссия). Они были активны с 1977 по 1988 год и снова с 1990 по 1995 годы. **Лютер Вандросс**, или **Лютер Вэндросс** (англ. *Luther Ronzoni Vandross*; 20 апреля 1951 — 1 июля 2005), — американский соул-певец, автор и продюсер. Лауреат 8 премий Грэмми, включая 4 премии за лучшее мужское вокальное исполнение в стиле ритм-н-блюз. Все эти сведения относятся к сфере британской культуры второй половины XX века. Безусловно, эти имена относятся к ключевым знакам, они свидетельствуют о значимости данных людей, их деятельности, их вклада в британскую культуру.

Таких примеров много. В романе «Долгое падение» встречаются подобные отсылки: The guy making our coffee was watching us carefully. I knew him, to say hello to, and he was OK; he was a student, and we'd talked about music a couple times. He liked **the White Stripes** a lot, and I'd been trying to get him to listen to **Muddy Waters** and **the Wolf**. We were freaking him out a little [7, p. 217]. Название **The White Stripes** относится к американской рок-группе, дуэту из Детройта, созданному в 1997 году. Так же упоминаются имена **McKinley Morganfield** (April 4, 1913 – April 30, 1983), профессионально известного по имени **Muddy Waters** (Грязные воды), американского блюз-певца и музыканта, являвшегося важной фигурой в мире поствоенного блюза, которого принято называть «отцом современного чикагского блюза». Можно сделать вывод о том, что автор хорошо разбирается в музыке, она занимает важное место в его картине мира. Концепт МУЗЫКА занимает особое место в картине мира автора. Это подтверждают другие примеры.

Рассмотрим пример из романа «Долгое падение»: He looked at me, baffled, although I should point out that just about any question baffled **Pacino**. He was large and buck-toothed, and he had a squint, so his lack of intelligence was particularly unfortunate. If anyone ever needed the compensation of charisma and good looks, it was **Pacino**. ... 'Where did your name come from?' 'Where did it come from?' 'There's a famous actor called **Pacino**' He looked at me. 'Is there?' 'You hadn't heard of him?' 'Nope.' 'So you don't think you were named after him?' 'Dunno.' 'You ever asked?' 'Nope. I don't ask about no one's name.' [7, p. 245]. Главный герой подрабатывает в качестве приходящей няни-помощ-

ницы, ему приходится делать уроки с ребенком, которого герой явно не уважает и считает, что у него ограниченные умственные способности. В романе приводится аллюзия на известного итальянского актера Аль Пачино, мальчик является его тёзкой, однако мальчик никогда не слышал о таком актёре известном культовом фильме, что ещё раз убеждает приходящую няню в невежестве мальчика.

Примеры из сферы современного кино и телевидения можно привести из романа «Футбольная лихорадка»: For this thirtysomething, the midweek afternoon Cup-tie (West Ham played giant-killers Hereford on a Tuesday afternoon as well, and got a forty-two-thousand crowd) now has that wonderful early seventies sheen, like an episode of *The Fenn Street Gang* or a packet of Number Six cigarettes; maybe it was just that everyone at Upton Park and Highbury, all one hundred and six thousand of us, wanted to walk down one of the millions of tiny alleys of social history. В тексте упоминается название известного сериала *The Fenn Street Gang*, известной британской комедии положений, которая была в прокате с 1971 по 1973 годы в Британии. Она была поставлена Джоном Эсмондом и Бобом Ларби в качестве продолжения сериала *Please Sir!*

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что необходимо разделить понятия культурного, когнитивного и художественного концепта. Художественный концепт заслуживает внимания исследователей в связи с выражением индивидуально-авторского видения мира, частью которого является художественный концепт. Художественный концепт выражается только лингвистическими средствами. Выявление художественного концепта осуществляется на основе ключевых знаков, к которым могут быть причислены аллюзивные и прецедентные имена. Имена формируют словообраз, который, достигая определённой степени обобщения, превращается в художественный концепт. Словообраз теряет и преодолевает свою знаковую. Отбор аллюзивных и прецедентных имён в романах Ника Хорнби показал важность сферы искусства, музыки, искусства слова, кино, медиаиндустрии и политической обстановки для сознания автора книг. Значительная представленность музыкальных имён свидетельствует об основном музыкальном образовании автора текстов.

В качестве перспективы работы мы рассматриваем группирование и анализ отобранных аллюзивных имён, их дальнейшую интерпретацию в связи с их интертекстуальной ролью в рассматриваемых текстах. Структурирование имён позволит составить картину мира писателя, выделить основные художественные концепты в данных произведениях.

Литература

1. Беспалова О. Е. О соотношении художественного и культурного концептов (на материале поэзии Н. Гумилёва) // Слово. Семантика. Текст : сборник науч. трудов, посвященный юбилею профессора Веры Васильевны Степановой / редкол.: В. Д. Черняк (отв. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург, 2002. С. 89–95.
2. Грунина Л. П., Долбина И. А. Художественный концепт как особая эстетическая категория // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. №4-1. С. 132–135.

3. Купавская А. А. Художественный концепт «героиня» в текстовом пространстве русской классике XIX века: национальное в индивидуальном // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 12, № 3. С. 3–7.
4. Миллер Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 156 с.
5. Туктангулова Е. В. Ключевое слово – словообраз – художественный концепт как универсальные текстообразующие константы художественного текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 8. 105–109.
6. Hornby N. *Fever Pitch*. London : Penguin Books, 2014. 248 p.
7. Hornby N. *A Long Way Down*. London : Penguin Books, 2014. 264 p.

LINGUISTIC MEANS OF CREATION OF A LITERARY CONCEPT (BASES ON THE NOVELS BY NICK HORNBY)

M.A. Ananyina, M.V. Chernova

Specialized Educational and Scientific Center of UrFU
Yekaterinburg, Russian Federation

The article deals with the problem of linguistic means of expression of a literary concept. There exist several approaches to the methods of studying the structure of a literary concept as an aesthetic category. The preference is given to the method, according to which an author's picture of the world is formed with the help of concepts, having complex structure ascending from a key word, which then receives its actualization in the word-image, which gradually forms a literary concept.

Key words: a literary concept, allusive name, word-image, literary text, author's picture of the world, Nick Hornby.

УДК 811.111'373.46:81'25

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОБУЧЕНИЮ ПЕРЕВОДУ

Н.О. Дурмаз

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны
г. Ярославль, Российская Федерация

В статье рассматриваются основные черты английского научно-технического текста и даются их характеристики, исследуются особенности его лексического состава. Успешный перевод требует понимания особенностей НТТ и представления о неоднородности его лексики. В статье также предлагаются некоторые методические рекомендации по обучению переводу лексики научно-технического текста (НТТ) с английского языка на русский.

Ключевые слова: научно-технический текст, лексика, термин, эквивалент, переводческая трансформация, транслитерация, транскрибирование.

В настоящее время владение иностранным языком, в частности английским, является весьма актуальным навыком. Иностранный язык по-

может поддерживать общение с иноязычными коммуникантами и обмениваться необходимой информацией. Зная иностранный (английский) язык человек получает доступ к более широкому контенту: имеет возможность читать, слушать музыку и смотреть видео на языке оригинала. Знание иностранного языка очень часто определяет успешность профессиональной деятельности различных специалистов.

Несомненно, что целью обучения иностранному языку, является развитие навыка именно практического применения изучаемого языка. Данная цель предполагает решение ряда задач по развитию определенных речевых навыков и умений. Немаловажным при обучении иностранному языку представляется научить обучающегося работать с иноязычным текстом. Работа с текстом представляет собой многокомпонентный процесс, состоящий из нескольких этапов, важнейшим из которых является перевод, поскольку помогает проанализировать лексико-грамматическую структуру иностранного текста и лучше осознать передаваемую текстом информацию.

В настоящее время учеными-лингвистами написано большое количество трудов по функциональной принадлежности текстов и их основных характеристиках. В рамках проводимого исследования ставится задача проанализировать черты именно научно-технического текста (НТТ), поскольку целью данной работы является исследование лексического состава английского научно-технического текста и некоторых приемов перевода лексики НТТ на русский язык.

Изучением особенностей стиля научных и научно-технических текстов занимались многие отечественные ученые-лингвисты. По мнению И.В. Арнольд, научный стиль характерен для текстов, передающих точные сведения из какой-либо специальной области [2, с. 276]. Об этом же в свое время говорил и И.Р. Гальперин, подчеркивая, что в НТТ слова используются в основных предметно-логических значениях и редко в переносных и других контекстуальных значениях [3, с. 424]. Автор ряда работ по научному стилю английского языка Г.Б. Поспелова также заявляет о точности, как основной характеристики научного стиля, которая заключается в широком употреблении специальной лексики, особенно той, являющейся международной и потому сходной во многих языках [5, с. 10].

Для И.В. Арнольд стилеобразующим фактором научно-технического текста выступает необходимость доходчивости и логичного изложения сложного материала [2, с. 277]. Г.Б. Поспелова также отмечает, что научный текст должен иметь хорошую структуру, соблюдать принцип последовательного изложения аргументов. Должна прослеживаться логическая связь между предшествующим и последующим предложениями [5, с. 8].

И.С. Алексеева выделяет такую черту НТТ как абстрактность, ее наличие она объясняет тем, что при рассмотрении проблемы ученый сначала занимается изучением общих понятий, а затем переходит к конкретизации. Абстрактность, таким образом, демонстрирует высокий уровень обобщен-

ности и, следовательно, объективности [1, с. 168]. Говоря о функциональности научно-технического текста, И.С. Алексеева высказывает мысль, что любой НТТ отличается богатым арсеналом вспомогательных знаковых систем, например, может содержать чертежи, схемы, диаграммы [1, с. 168]. М.Д. Кузнец, в свою очередь, говорит о том, что характер научного изложения может варьироваться в зависимости от принадлежности к конкретной специальной области. Это объясняется различиями в круге понятий и предмета исследования, разницей в приемах и аргументации, используемых в той или иной науке. Но, при этом, есть и общие черты, которые объединяют научные тексты в единый научно-профессиональный стиль [4, с. 127].

Таким образом, изучив мнения ряда исследователей, можно сделать вывод, что для научно-технического текста характерны такие черты, как точность, логичность, абстрактность и объективность изложения информации.

Прежде всего **точность** НТТ проявляется в использовании большого количества терминов, слов с ясной семантикой и лексической сочетаемостью, а также интернациональной лексики. Точность в научно-техническом тексте является необходимым условием однозначного понимания, заключенной в данном тексте информации.

Естественно, что любая наука, занимаясь исследованием своего предмета, стремится в большей степени к обобщенному и непредвзятому познанию, поэтому **абстрактность и объективность** – это важные характеристики научно-технического текста. **Логичность** необходима для последовательного выражения определенных мыслей и идей в суждениях и умозаключениях НТТ.

Лексический состав научно-технического текста неоднороден по своему составу, но его характерной чертой является обилие терминологической лексики. Как правило, термины лишены эмоциональной окраски, не зависимы от контекста и однозначны. Именно наличие терминов в тексте демонстрирует принадлежность текста к научному стилю.

Анализ английского научно-технического текста позволяет выделить следующие структурные особенности терминологии. В самом общем виде классификация терминов английского НТТ может быть представлена как подразделение на следующие типы:

- однословные (простые, однокоренные): *amplifier* – усилитель, *receiver* – приемник;
- однословные (сложные): *hardware* – аппаратное обеспечение; *electromagnetic* – электромагнитный;
- многословные (составные): *power supply unit* – агрегат питания; *pulse radar* – импульсная РЛС.

Составные термины могут принимать сокращенную форму и существовать, например, в виде аббревиатур и акронимов:

- аббревиатуры: **GCI** (*Ground-Controlled Interception*) – станция наземного управления перехватом;
- акронимы: **radar** (*radio detection and ranging*) – радар.

Лексический состав английского научно-технического текста представлен также общенаучной лексикой, которая включает в свой состав слова и словосочетания, специальные обороты, используемые для называния общенаучных и общетехнических понятий.

Чаще всего общенаучная лексика английского НТТ состоит из общенаучной терминологии греческого и латинского происхождения, например:

- **scheme** – схема, **analysis** – анализ и др. (греческие заимствования);
- **exploration** – исследование, **identification** – идентификация и др. (латинские заимствования).

Общеупотребительная (неспециальная) лексика английского научно-технического текста поддерживает связь между общелитературным и специальным языком, поскольку несет основную коммуникативную нагрузку.

Рассмотрим некоторые рекомендации по переводу лексических единиц английского научно-технического текста на русский язык. Как известно, термины, преобладающие в научно-техническом тексте, однозначны и лишены коннотативной окраски, поэтому для их передачи на русский язык следует использовать эквиваленты, т.е. такие же однозначные и не зависящие от контекста соответствия, значительная часть которых представлена в двуязычных специальных словарях.

Для передачи безэквивалентной лексики рекомендуется использовать определенные переводческие трансформации. Наиболее распространенными трансформациями в данном случае выступают транслитерация, транскрибирование, калькирование и описательный перевод.

- транслитерация и транскрибирование (сохранение формы слова – написания или звучания при переводе, таким образом происходит заимствование иностранного слова в русский язык):

transmitter – *трансммиттер*, **mortar** – *мортир*, **generator** – *генератор*.

- калькирование (буквальный покомпонентный перевод морфем слова или лексем словосочетания):

electrostatic – *электростатический*, **antiaircraft** – *противовоздушный*, **flamethrower** – *огнемет*;

- описательный перевод:

re-entry vehicle – *возвращающийся в плотные слои атмосферы летательный аппарат*, **rules of engagement** – *правила ведения боя*.

Следует обратить внимание обучающихся на то, что иногда при использовании таких трансформаций, как транслитерация или транскрибирование, в текст перевода могут попасть весьма неблагозвучные лексические конститuentы, значение которых возможно будет понять только при дополнительном объяснении. Например, перевод английского термина «**trans-**

ductor» посредством транслитерации – «*трансдуктор*» может потребовать еще и описательный перевод – «электромагнитное устройство, предназначенное для усиления или преобразования электрических сигналов».

Для избежания подобного рода недопонимания или неблагозвучия, можно подобрать русский эквивалентный термин, передающий значение данной лексической единицы, например, перевести *transductor* при помощи термина «*магнитный усилитель*».

У метода описательного перевода можно выделить такой недостаток как избыточность, многословие при выражении мысли, а это может лишить текст перевода точности и тем самым сделать его приблизительным, что недопустимо при переводе научно-технического текста. Следовательно, необходимо научить обучающихся по возможности сокращать описательные конструкции до минимума, делать их предельно краткими.

Для развития у обучающихся навыка перевода лексических единиц английского научно-технического текста на русский язык, можно предложить ряд упражнений, приведем лишь некоторые рекомендации.

Весьма эффективными будут упражнения, направленные на развитие лексического запаса обучающихся, что предполагает обучение составлению терминологического вокабуляра по прочитанному тексту, расшифровку аббревиатур, разного рода сокращений и условных знаков, анализ структурных компонентов терминов.

Например, можно порекомендовать упражнения на языковую догадку:
– догадайтесь о значении терминологической лексики по ее компонентам:

directional antenna, electromagnetic field, radio signal, target detection;

– расшифруйте следующие английские аббревиатуры:

Infantry is equipped with APCs (armored personnel carriers).

ICBMs (Intercontinental Ballistic Missiles) follow their own ballistic trajectory.

В составе многих терминов встречаются международные аффиксы, следовательно, для лучшего запоминания их значения и распознавания в термине можно тренировать **перевод лексических единиц с международными аффиксами**.

Например, объясните значение интернациональных префиксов и переведите слова с английского языка на русский:

transcontinental, transformation, demount, degas, superheat, supersonic, ultrasound, ultrashort, antitank, anti-aircraft, counterbalance, counterweight.

Переведите предложения, содержащие слова с интернациональными префиксами.

- *A new modification of the missile is provided with **infrared** homing.*
- *An **extra**-productivity of the device is due to improved technology.*
- ***Hypersonic** weapons are weapons travelling at **hypersonic** speed.*

Навык распознавания эквивалентов текста источника и текста перевода помогут выработать упражнения на **подбор эквивалентных единиц** (лексических соответствий).

Например, найдите в предложении английские эквиваленты следующим русским словосочетаниям:

проходимость по пересеченной местности, запас хода

The mobility of armor units depends on the speed, cross-country capability and fuel distance of tanks and other vehicles.

Найдите в предложении русские эквиваленты следующим английским словосочетаниям:

multipurpose aircraft, high rate of climb, short take-off and landing distance.

Истребители – это многоцелевые самолеты, перемещающиеся со сверхзвуковой скоростью, характеризующиеся высокой скороподъемностью и взлетающие с коротких взлетно-посадочных полос.

Следует отметить, что прежде всего при работе с переводом лексики английского научно-технического текста у обучающихся необходимо выработать навык письменного перевода на русский язык, что предполагает развитие дополнительных умений, например, умения работать со специально-справочной литературой и веб-ресурсами, проводить анализ языковых средств, используемых в тексте-оригинале.

Использование преподавателем разного рода упражнений для тренировки навыка перевода лексических единиц английского НТТ позволит повысить интерес обучающихся к работе с иноязычным текстом и занятию переводом, что благотворно скажется на эффективности проводимого практического занятия и обучении иностранному (английскому) языку. Обучающиеся смогут обогатить свой лексический запас, развить аналитические и творческие способности.

Естественно, что перевод английского научно-технического текста, это лишь один из аспектов работы с текстом, а навык перевода лексических единиц с английского языка на русский не исчерпывает всех возможных задач, связанных с обучением переводу. Представляется интересным исследовать вопросы, связанные с расширением (изменением) значений терминологической лексики в зависимости от применения в конкретных специальных областях науки. Анализ лексико-грамматической структуры английского НТТ дает возможности для обучения использованию определенных грамматических трансформаций при переводе.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. Санкт-Петербург : Союз, 2001. 288 с.

2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. Москва : Флинта, 2002. 384 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 459 с.
4. Кузнец М. Д. Стилистика английского языка : пособие для студентов пед. институтов. Ленинград : ГУПИМП РСФСР, Ленинград. отд-ние, 1960. 176 с.
5. Поспелова Г. Б. Характеристики научного стиля в английском языке // Иностранные языки: теория и практика. 2012. № 2. С. 8–14.
6. Окуловская М. В., Орлова Н. О. Курс профессионально-ориентированного английского языка. Радиотехника специального назначения. Ярославль : Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, 2017. 56 с.

ENGLISH SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXT LEXIS: SOME RECOMMENDATIONS FOR TEACHING TRANSLATION

N.O. Durmaz

Yaroslavl Higher Military Institute of the Air Defense
Yaroslavl, Russian Federation

The main features of the English scientific and technical text (STT), their characteristics and the peculiarities of its vocabulary are investigated in the article. A successful translation requires the understanding of SST peculiarities and its heterogeneous lexis. The article also deals with some methodological recommendations for teaching scientific and technical text lexis translation from English into Russian.

Key words: science and technical text, vocabulary, term, equivalent, translation transformation, transliteration, transcription.

УДК 81'373.46

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИИ ТРАНСПОРТНОЙ НОМИНАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ (К ВОПРОСУ ОБ ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ)

А.А. Исакова

Тюменский индустриальный университет
г. Тюмень, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема выбора методов и приемов обучения магистрантов экологии транспортной языковой коммуникации. Предлагаемый элективный курс имеет свои определенные особенности, конечной целью которых является научить магистрантов применять основные теоретические и практические знания, аккумулирующие последние научные разработки в области транспортной номинации для подготовки магистров транспортного направления нового типа, владеющих универсальными умениями и навыками исследовательского поиска экологически-ориентированной профессиональной языковой коммуникации.

Ключевые слова: транспортные номинации, экология языковой коммуникации, проектная работа, авторский элективный курс.

В настоящее время сфера технического образования заинтересована в расширении предметной базы и использовании коммуникационных технологий, поскольку проектная деятельность современного магистранта предполагает речевую коммуникацию, умение не только создать свой проект, но и представить, защитить его, научно обосновать проблему и опубликовать результаты.

Сегодня магистр транспортного направления – это профессионал высокого уровня, который не только обеспечивает работу сложнейшего оборудования, не только конструирует современную технику и машины, но, по сути, и формирует окружающую действительность. Он не просто инженер своего профиля, магистерская степень предполагает более обширные знания в области дорожно-транспортной инфраструктур. Усиление конкуренции и изменение «правил игры» требуют нового качества подготовки, особых знаний и умений, которые могут быть получены за счет вариативной составляющей обучения, а именно увеличения числа элективных авторских курсов.

Авторский курс – это необходимое промежуточное звено гармонизации между основным профессиональным образованием и спросом на рынке образовательных услуг, часть бизнес-образования с оптимальным сочетанием теоретического/прикладного компонентов, выполнением соответствующих требований в отношении методов обучения с ориентацией на результат [1, с. 84].

Основные подходы к проектированию и разработке курса ориентированы, в большей степени, на соответствие интересам потребителей, т.е. магистрантов. Задачей является развитие, формирование, совершенствование профессиональных компетенций. На первый план выходят действия, операции, обусловленные ситуацией, профессиональной задачей или проблемой, критерием их отбора становится актуальность содержания профессиональных задач, которые должны решать обучающиеся в профессиональных условиях при формировании индивидуальной образовательной траектории [1, с. 84].

Оценку курса мы скорректировали на основе трех основополагающих факторов:

- 1) востребованность, актуальность, целесообразность, практическая направленность, адаптивность и конкурентоспособность;
- 2) эффективность механизма реализации, т.е. соответствие целям, задачам, отраслевым требованиям, фундаментальность и отражение новых подходов и новых технологий;
- 3) механизм обратной связи, т.е. мониторинг результатов обучения [1, с. 85].

Предлагаемый элективный курс имеет свои определенные особенности, конечной целью которых является научить магистрантов применять

знания, аккумулирующие последние научные разработки в области транспортной номинации для подготовки магистров транспортного направления нового типа, владеющих универсальными умениями и навыками исследовательского поиска, экологически-ориентированной профессиональной языковой коммуникацией.

Естественно, полноценная связь участников дорожно-транспортной инфраструктуры не может быть обеспечена без эффективной межкультурной коммуникации, коммуникация существенно трансформировала свое собственное содержание, выступая отныне в качестве средства действительного познания и согласования интересов субъектов отношений, являясь условием их успешного взаимодействия [2].

Можно предположить, что найдется множество противников привилегированного внимания к экологии языковой коммуникации, утверждающих, что это приведет к ослаблению собственно технического, инженерного начала. Однако мы придерживаемся иной точки зрения: концепция развития коммуникативных навыков, получения смежных знаний, расширения межпредметных связей соответствует возросшим требованиям рынка.

Учебный курс завершает изучение магистрантами предметной области, связанной с языковой коммуникацией базового уровня бакалавриата. Дисциплина «Транспортные номинации в экологии языковой коммуникации» входит в состав вариативной части формируемого участниками образовательных отношений учебного плана, относится к дисциплинам по выбору. Для ее овладения необходимы общие знания основ информатики, иностранного языка, русского языка и культуры речи, полученные в ходе подготовки по различным профилям бакалавриата/специалитета и в первом семестре магистерской программы.

Курс предшествует проведению экспериментального исследования при работе над магистерской диссертацией во время научно-исследовательской и производственной практик.

Местоположение курса (первый год обучения в магистратуре вуза) позволяет его выстраивать с доминантной опорой на самостоятельность суждений обучающихся, высказываемых ими в процессе специально организуемой полемики при обсуждении предложенных к освоению тем. Особенно предпочтителен такой подход при освоении проектной деятельности, командной работы, ведения и анализа деловых переговоров, обоснования задач, подготовки к презентации. Объясняется такое предпочтение, отдаваемое самостоятельной работе магистрантов в описываемой ситуации не только тем, что они уже имеют достаточно богатый фундамент после окончания бакалавриата, но, не в меньшей степени, и тем, что практически ещё нет готовых клишированных разработок по работе с транспортными номинациями, транспортной рекламе, нет работ, в которых бы интерпретировался язык транспорта и дорожно-транспортная языковая коммуникация.

Следовательно, невозможно сослаться или опереться на мнения профессионалов об экологии транспортной языковой коммуникации, необходимо участнику дискуссии - магистранту самому оценивать ситуации и создавать свой проект. Остроту полемики, разворачивающейся на занятиях, придает то, что она включает авторское решение именно тех жизненно важных проблем дорожно-транспортной коммуникации, которые на сегодня актуализированы в обществе.

В наши дни, помимо всегда поднимаемых вопросов проблем транспортного бытия, обрела свой неподдельный интерес широко обсуждаемая в России проблема выбора нового транспортного средства в эпоху санкций и появления новых транспортных средств, новых логистических компаний на российском рынке [3]. В зависимости от подготовки материал курса можно «проходить» быстрее или медленнее в зависимости от усвоения магистрантами, однако, не допуская «провалов» в понимании основ языковой коммуникации.

Мы считаем, что курс доступен и посилен обучающимся транспортных направлений, основой обучения является коммуникация в ее разнообразных формах: беседы, презентация, ситуативные, ролевые игры и т.д. не только в режиме преподаватель-обучающийся, но и между самими магистрантами.

На первом этапе идет накопление терминологического словаря и усвоение наиболее употребительных коммуникативных моделей, на следующих этапах обучения основное внимание уделяется проектной деятельности и практическому использованию накопленных знаний. Запоминая готовые модели, а затем, практикуясь в самостоятельном употреблении их в речи, составленных аналогично готовым образцам, магистранты приучаются свободно оперировать ими в дальнейшем. Сложность данного метода обучения заключается в неприятии магистрантами самого факта заучивания, поэтому необходимость проговаривать коммуникативные модели в различных ситуациях, имитация мозгового штурма, типичные ролевые презентации и были заложены в программу авторского курса.

Методы работы по развитию устной и письменной коммуникации также сталкиваются с небольшими трудностями при разработке курса. Вечная тема языкознания о взаимосвязи устной и письменной речи в век развития цифровых технологий становится актуальной в связи с значительным повышением функциональности звуковой формы общения. На современном этапе вопрос первичности/вторичности устной и письменной форм речи, не представляется дискуссионным, и вторая по отношению к языку признается внешним фактором. Вместе с тем условность характера взаимосвязей письменной и устной форм коммуникации между собой «законодательно» закреплена в орфографических и орфоэпических словарях [4]. Проблема возникает с появлением на транспортном рынке новых наиме-

нований, которые в результате глобализации и привилегированного места английского языка в мировой лингво-культуре теряют исконное произношение, например, автомобиль Ламборджини (слово «Ламборгини» отсутствует даже в текстовом редакторе программы Windows), Мицубиси и т.д. более того, появляется разница в транслитерации транспортных номинаций, даже в Национальном корпусе русского языка.

Курс «Транспортные номинации в экологии языковой коммуникации» охватывает практически все формы коммуникации, позволяет взглянуть на «язык транспортников» с различных точек зрения. Приведем пример одного из разделов курса «Мотивация транспортных номинаций в различных языках»: 1. Межкультурное взаимодействие в сфере транспортной номинации и языковой коммуникации. 2. Патриотизм в транспортных номинациях и рекламе. 3. Ориентация на целевую аудиторию. 4. Этнолингвистические аспекты транспортного нейминга. 5. Основные направления изучения процессов создания транспортных названий. 6. Этнолингвистические особенности транспортных номинаций и рекламы. 7. Заимствования и адаптация иностранных транспортных именований.

Первый вопрос освещает транспортные номинации и транспортную рекламу как маркер культуры, доказывает необходимость изучения лингвокультурологических аспектов языка.

Рис. 1. Определение лингвокультурологии

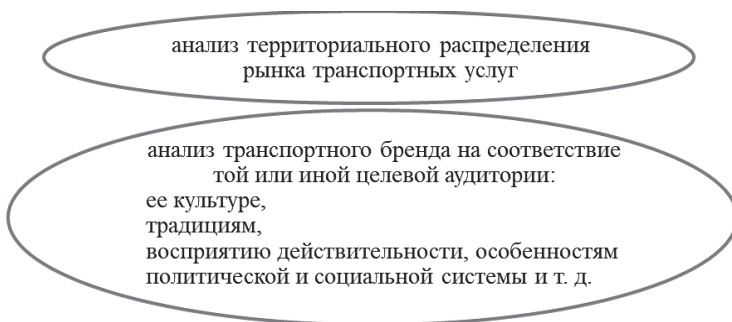

Рис. 2. Принципы межкультурного взаимодействия в сфере транспортной номинации

Рис.3. Лингвокультурологический подход в рекламе КАМАЗа на Индийском рынке (<https://ok.ru/video/92768504494>)

Язык рекламы в полной мере отражает весь спектр философских, социальных и психологических взглядов на совокупность общественно важных физических и духовных качеств, мировоззренческих ориентиров, чувства юмора человека соответствующей исторической эпохи [5].

2. Патриотизм в транспортных номинациях и рекламе.

Патриотизм – это значимая ценность народа. Он является базой менталитета и составляет национальное достояние народа, нации. Патриотические национальные стереотипы создают в транспортной рекламе положительные образы. Реклама с использованием патриотических мотивов является достаточно эффективной, и всегда формирует позитивный образ страны/национальности/этноса.

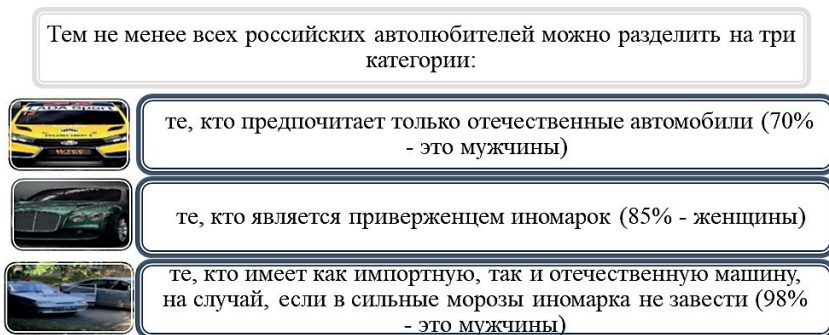

Рис. 4. Результаты опроса автолюбителей

Рекламный текст с использованием патриотических мотивов является достаточно эффективным, и всегда формирует позитивный образ страны/национальности/этноса.

► Strong cars - for strong Russia.

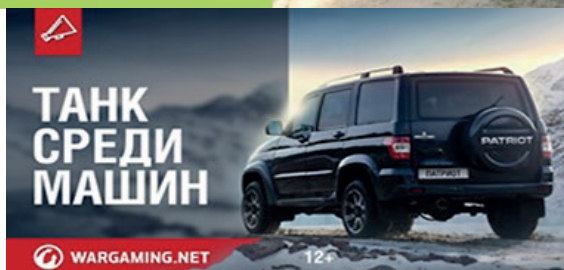

Рис. 5. Примеры рекламных слоганов, способствующих воспитанию гордости за российские автомобили

Рис.6. Реклама Северного потока-2

Рис.7. Воспитание патриотизма в видеорекламе Газель Next

<https://youtu.be/O4sK0zRUc2M>

Пришло время перемен, теперь Россия – это страна мягкого климата...

При рекламировании автомобилей в основном отсутствуют императивные конструкции. Чаще всего – это эмоциональная реклама, играющая на символике, глубинных мотивах.

Например,

Mercedes car “Real German quality”

MITSUBISHI Outlander "If Darwin was right other cars would simply die ".

the BMW car (It shows wide and clean German roads in the video. Voice of the announcer says behind the scenes: wide roads, wide possibilities)

the Mitsubishi car 'Impeccable Japanese concentration."

Mitsubishi Lancer. A real Japanese drive.

Рис.8. Пример рекламных сообщений

3.Ориентация на целевую аудиторию.

возрастные
когорты, напр.,
молодежь: дети
и т.д.

гендерный
аспект:
мужчины/женщины

социальный аспект:
маломужские/хорошо
беспеченные

Рис.9. Классификация целевой аудитории

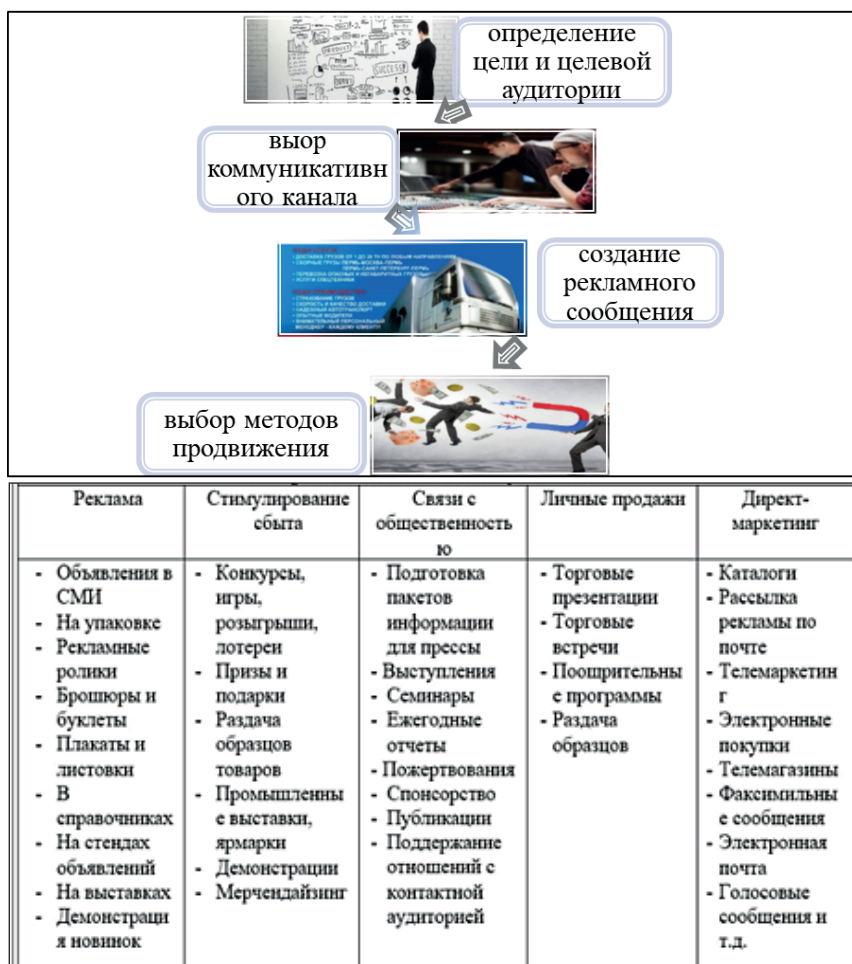

Рис. 10. Создание коммуникативной стратегии транспортной услуги

Исследование чувств человека, которые возникают при восприятии транспортной номинации и рекламного сообщения (текста) является основной задачей рекламистов (Внедорожники Сузуки Гранд Витара – **Suzuki Grand Vitara**. Почувствуй размах).

Можно выделить несколько приемов суггестии.

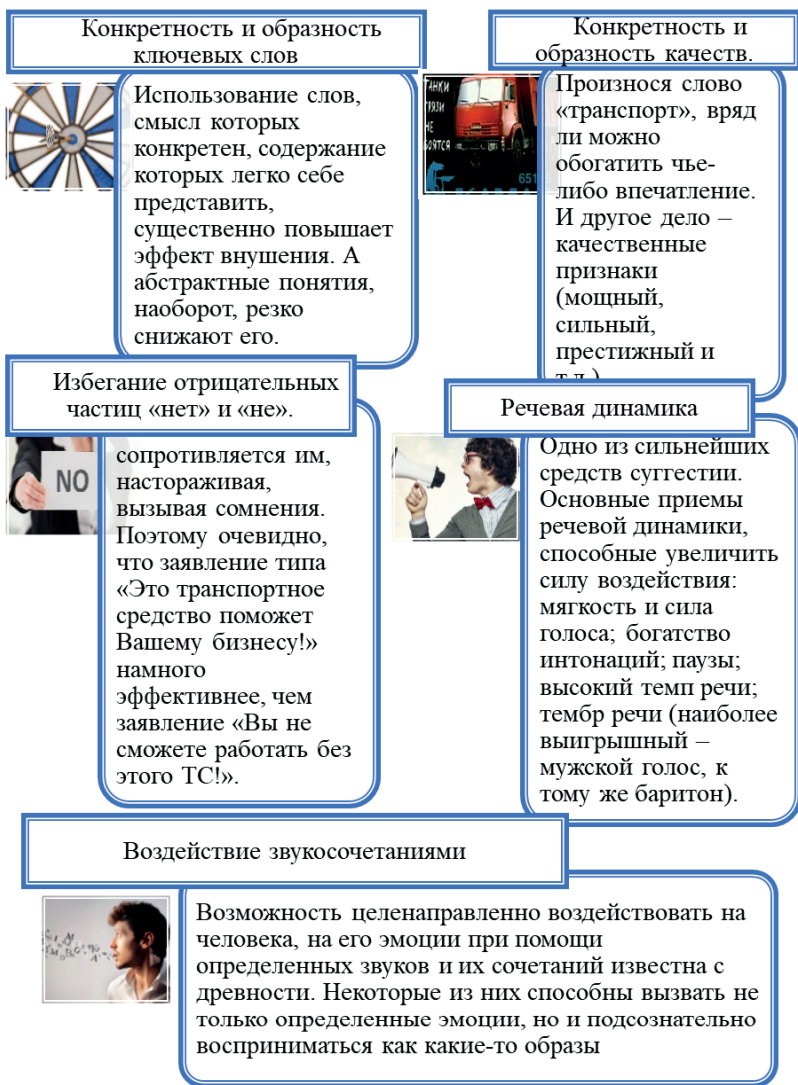

Рис. 11. Приемы суггестии

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, курс содержит дидактические материалы, которые сопровождаются заданиями, позволяющими находить мировоззренческую информацию, анализировать, усваивать и преобразовывать, трансформировать ее, духовно и интеллектуально обогащаясь.

Результаты. В процессе транспортной коммуникации происходит живой процесс общения между участниками коммуникации, который направлен на реализацию конкретной жизненной целевой установки, протекает на основе обратной связи в конкретных видах речевой деятельности [6]. Для выявления интереса к изучению курса, мы провели анкетирование, используя ресурсы google-table с предварительным показом презентации о курсе и учебного пособия. Заинтересованность курсом – 100 процентов, результаты мотивации приведены на рисунке ниже.

Почему вы планируете выбрать этот курс?

21 ответ

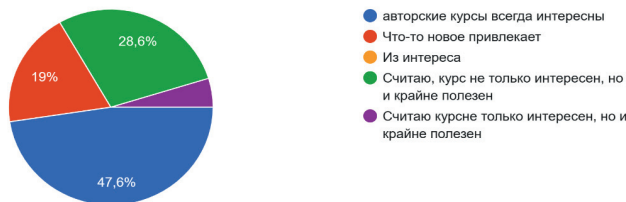

Рис 12. Результаты мотивации

Современная коммуникативная парадигма, включающая в себя данные других смежных наук, дающих представление о человеке, его языковой коммуникации, условиях функционирования в разных социальных и профессиональных сферах и ситуациях, а также в разнообразных этнических проявлениях, – это совокупность нескольких парадигм, раскрывающих понятие о коммуникации в разных аспектах и планах.

Постоянные изменения представлений об инженерной деятельности, возросшие требования к профессии инженера диктуют другие условия к тому, чему учить, как учить и какая должна быть стратегия этого дела... Сегодня магистр транспортного направления – это профессионал высокого уровня, к имеющий знания междисциплинарного характера, который не только обеспечивает работу сложнейшего оборудования, не только конструирует современную технику и машины, но, по сути, и формирует окружающую действительность [7].

Литература

1. Мотова Г. Н., Аносова Н. А. Почему государство отказывается аккредитовывать программы ДПО // Аккредитация в образовании. 2013. № 2. С. 83–85.
2. Овруцкий А. В. Бренд как знаково-социальная система // La identidad nacional a través del diálogo entre culturas : estudios científicos sobre el área de las humanidades en los espacios científicos ruso e iberoamericano = Национальная идентичность сквозь призму диалога культур : исследования в области гуманитарных наук в иbero-американском и российском научном пространстве / отв. ред.: Н. В. Карповская, А. С. Аррибас. Ростов-на-Дону, 2015. Т. 2. С. 360–366.

3. Исакова А. А. Прецедентные транспортные номинации как средство формирования ценностных ориентаций студентов // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Е. Ф. Тарасов (отв. ред.) [и др.]. Москва, 2019. С. 157–159.
4. Сихарулидзе Т. Т., Сихарулидзе Ж. И. К изменению соотношения значимости устной и письменной речи // Гейдар Алиев и тюркский мир : Междунар. Симпозиум в рамках «Гейдар Алиев: идеология мультикультурализма и толерантности», посвященный 95-летию со дня рождения ... Гейдара Алиева / ред.: Б. Демир [и др.]. Эрзурум, 2018. С. 300. URL: atauni.edu.tr/yuklemeler/5dd87d51c4abbac29d1eb3d43bbd0621.pdf (дата обращения: 12.09.2023).
5. Тарасов Е. Ф. Мультипликативность речевых процессов // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты : Материалы XVI Междунар. науч. конф. / отв. ред. А. В. Пузырёв. Орехово-Зуево, 2016. С. 94–95.
6. Бурко Н. В., Булавина Н. В. Русский язык и культура речи : учеб.-метод. пособие / Орловский государственный аграрный университет. Орел : Издательство Орел ГАУ, 2013. С. 188. URL: e.lanbook.com/book/71467 (дата обращения: 12.03.2023). Режим доступа: по подписке.
7. Заседание Совета по науке и образованию : стенографический отчёт // Новости ВПК. URL: vpk.name/news/112441_zasedanie_soveta_po_nauke_i_obrazovaniyu.html (дата обращения: 12.09.2023).

SOME FEATURES OF TRANSPORT NOMINATION AND LANGUAGE ECOLOGIC COMMUNICATION TEACHING IN A TECHNICAL UNIVERSITY

A.A. Isakova

Tyumen Industrial University

Tyumen, Russian Federation

The article deals with the problem of choosing methods and techniques in the ecology of transport language communication teaching. The proposed elective course has its own specific features. Its ultimate goal is to teach undergraduates to apply basic theoretical and practical knowledge, accumulating the latest scientific developments in the field of transport nomination in order to prepare masters of a new type with universal skills and abilities of research search and environmentally-oriented professional language communication.

Key words: transport nominations, ecology of language communication, project work, author's elective course.

УДК 81'373.612.2:78

МУЗЫКАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В СИЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А. УИЛСОНА “THE PIANO LESSON”)

О.С. Камышева

Шадринский государственный педагогический университет

г. Шадринск, Российская Федерация

Статья посвящена изучению музыкальной метафоры в сильной позиции текста. В качестве материала исследования использовалась пьеса А. Уилсона “The Piano Lesson”. Предполагалось решение следующих задач: выявить связь метафоры в заголовке

с основным текстом пьесы; выделить метафорическую модель и объяснить особенности ее использования; определить основные функции данной метафоры. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: в заголовке пьесы А. Уилсона «Урок фортепиано» находит место метафорическая модель «Фортепиано – это учитель или наставник», указывая на то, что музыкальный инструмент метафорически антропоморфен и преподносит урок своим владельцам, тем самым, решая проблему главных героев и свою судьбу; несмотря на то, что музыкальная метафора в заголовке пьесы не получает развитие в тексте художественного произведения, она играет важную роль, усиливая эстетическую значимость и прагматический потенциал текста, а также выступая мощным средством воздействия на читателя.

Ключевые слова: музыкальная метафора, метафорическая модель, сильная позиция текста, функции метафоры, стилистический прием.

Музыкальная метафора – метафора, в которой музыкальное искусство выступает в качестве сферы-магнита или сферы-источника. Метафоры со сферой-магнитом «Музыка» могут передавать звучание музыки, музыкальные инструменты, игру на музыкальных инструментах и музыкантов посредством обыденных образов, тогда как метафоры со сферой-источником «Музыка» репрезентируют окружающий мир через музыкальные ассоциации. Следовательно, в метафоре одна концептуальная область репрезентируется посредством другой, и метафора рассматривается как когнитивный механизм, ментальная операция, способ структурирования и объяснения окружающего мира [2; 3; 11; 12; 15]. Впервые теорию концептуальной метафоры выдвинули американские ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» [13]. Позднее на ее основе российскими лингвистами была разработана теория метафорического моделирования, предполагающая в процессе лингвистического анализа выделение системы фреймов и слотов [15], что позволяет представить полученные данные в доступной и понятной форме.

Музыкальная метафора может по-разному реализовываться в художественном тексте. Возможно развертывание ключевой метафорической модели с дополнением второстепенных музыкальных метафор [5; 6; 10], варьирование одной и той же метафорической модели: переход от стертых к оригинальным метафорам [4], раскрытие эмотивного потенциала в микроконтекстах [7], использование музыкальных метафор в качестве эстетических штрихов [9]. Иногда музыкальная метафора обнаруживается в заголовках художественных произведений, тем самым, находясь в сильной позиции текста. Как отмечает А.П. Чудинов, «усилению значимости метафоры в тексте способствует ее использование в условиях максимального «текстового напряжения», в условиях, когда эта метафора привлекает особое внимание адресата» [15, с. 124]. Как правило, такие метафоры вплетается в единую метафорическую систему подобных метафор на протяжении всего произведения [8]. Однако в редких случаях музыкальная метафора в заголовке не поддерживается метафорами текста, но, при этом, играет важную роль в сюжете произведения. Одним из таких примеров является пьеса А. Уилсона

«Урок фортепиано» (“The Piano Lesson”), которая в 1990 году получила в США Пулитцеровскую премию за драматургию [16].

Цель данной статьи: исследовать метафору в сильной позиции текста на материале пьесы А. Уилсона «Урок фортепиано» (“The Piano Lesson”). Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) выявить связь метафоры в заголовке с основным текстом пьесы; 2) выделить метафорическую модель и объяснить особенности ее использования; 3) определить основные функции данной метафоры. В статье используются методы исследования: метод метафорического моделирования, а также методы контекстуального и стилистического анализа.

Необходимо отметить, что ученые довольно редко обращаются к исследованию метафор в сильной позиции текста. В основном, подобные работы касаются изучения метафор в заголовках политических и публицистических текстов [1; 14; 15]. В настоящее время метафоры в заголовках художественных текстов малоизученны, тем более, если это касается каких-то определенных видов метафор. В данной статье впервые проводится исследование музыкальной метафоры в сильной позиции художественного текста.

Действие пьесы У. Уилсона «Урок фортепиано» происходит в 1936 году в Питтсбурге после Великой депрессии. Пьеса повествует о жизни афроамериканской семьи Чарльзов и их семейной реликвии – фортепиано, на котором изображены лица жены и сына их прадеда во время их порабощения. История фортепиано основана на трагических событиях. Рабовладелец Саттер разбил семью своих рабов, продав мать и ребенка, чтобы купить для своей жены фортепиано в качестве подарка на годовщину свадьбы. Жена была довольна, но скучала по рабам. Саттер заставил отца этой семьи, который работал плотником, вырезать их изображения на музыкальном инструменте. Позднее фортепиано было украдено у Саттеров и вернулось в дом семьи Чарльзов.

В сюжете пьесы центральным является спор между братом и сестрой, у которых разные представления о том, что делать с антикварным музыкальным инструментом. Импульсивный брат Бой Уилли, издолщик, недавно освобожденный из тюрьмы, смотрит на семейный раритет с практической стороны и собирается продать его, чтобы купить землю, где трудились его предки в качестве рабов. Его 35-летняя сестра Бернис придерживается иной точки зрения, считая, что необходимо сохранить семейную реликвию как память. Каждый раз при попытке Бой Уилли вывезти музыкальный инструмент, появляется призрак рабовладельца Саттера. Это происходит и в последней сцене, когда Бернис понимает, что она должна не только беречь фортепиано, но и играть на нем, тем самым, обращаясь к своим предкам. В доме воцаряется мир, и Уилли уходит, отказавшись от своей идеи продать этот музыкальный инструмент.

Несмотря на то, что старинное фортепиано находится в самом центре сюжетной линии, в данном художественном произведении практически отсутствуют музыкальные метафоры. Музыкальная метафора обнаруживается лишь в названии пьесы, предвещая финал истории. Главные герои оказываются перед дилеммой – сохранить раритетное фортепиано, которое напоминает трагическую историю предков, или продать инструмент и, тем самым, избавиться от прошлого и, самое главное, выручить средства. Однако фортепиано само решает за них, определяя свою судьбу и напоминая о том, что наследие и память важнее материального.

В официальном переводе пьесы У. Уилсона на русский язык указывается название «Урок игры на фортепиано», что, полагаясь, является ошибочным, поскольку в сюжете пьесы никто никому не преподает урок именно игры на фортепиано. Считаем, что в метафоре “The Piano Lesson” скрыта английская идиома *to teach smb a lesson* в значении «преподать кому-либо урок», а, значит, наиболее адекватным переводом названия будет «Урок фортепиано». Таким образом, старинное фортепиано становится метафорически антропоморфным и выступает в качестве персонажа, который преподносит урок главным героям, указывая, что от наследия предков им никуда не деться, его надо ценить и беречь. Реализуется метафорическая модель «Фортепиано – это человек», а, если точнее, «Фортепиано – это учитель или наставник», где «музыкальное искусство» выступает как сфера-магнит, а «человек» – как сфера-источник. Таким образом, метафора в заглавии пьесы “The Piano Lesson” выполняет кодирующую и эмоционально-оценочную функции: основная информация сжата и упакована в метафору, заостряя внимание на развязке сюжета и воздействуя на читателя. Кроме того, при соотношении заголовка и текста пьесы возникает особый стилистический прием – эффект усиленного ожидания [15, с. 152], «когда буквальный смысл заголовка мало вероятен, но читателю трудно догадаться и о возможном метафорическом смысле, перед ним поставлена своего рода загадка, ответ на которую можно найти в тексте» [15, с. 152].

Таким образом, музыкальная метафора в сильной позиции текста пьесы А. Уилсона «Урок фортепиано», несмотря на то, что не получает развитие в самом тексте, играет важную роль. Метафорическая модель «Фортепиано – это учитель или наставник» позволяет представить музыкальный инструмент как равнозначного персонажа пьесы. Он решает за героев проблему, которая терзала их в течение долгого времени, давая им понять истинные ценности. Следовательно, данная музыкальная метафора усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста. Кроме того, она выступает мощным средством воздействия на читателя и способом преобразования художественной картины мира.

Литература

1. Афанасьева А. Р. Метафора в заголовках статей как прием речевого воздействия // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. Вып. 4. С. 72–75.

2. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 33–43.
3. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. Москва, 1989. С. 5–11.
4. Камышева О. С. Вариативность метафоры «Звуки птиц – музыкальное искусство» в романе Ф. Бёрнетт «Таинственный сад» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 199–202.
5. Камышева О. С. Ключевая метафора рэгтайма и второстепенные метафоры со сферой-источником «Музыка» в романе Э.Л. Доктороу «Рэгтайм» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 250–253.
6. Камышева О. С. Когнитивное исследование музыкальных метафор в поэме У. Уитмена «Песня о себе» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4. С. 137–148.
7. Камышева О. С. Контекстуальная эмотивность музыкальных метафор в рассказе Т. Капоте «Воспоминание об одном Рождестве» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 1. С. 112–114.
8. Камышева О. С. Музыкальные метафоры в повести Т. Капоте «Луговая арфа» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 253–257.
9. Камышева О. С. Музыкальные метафоры как эстетические штрихи в романе У. Голдинга «Повелитель мух» // ЕВРАЗИЯ–2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации : Материалы Междунар. науч. культур.-образоват. Форума / под ред. Т. Ф. Семьян [и др.]. Челябинск, 2022. Т. 4. С. 405–407.
10. Камышева О. С. Развернутые метафоры в повести Ч. Диккенса «Колокола» // Современное образование: традиции и инновации : Материалы междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. А. Р. Дзиов. Шадринск, 2020. Ч. 1. С. 266–269.
11. Кобозева И. В. Лингвистическая семантика. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
12. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5–6. С. 3–13.
13. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
14. Парешнева В. О. Метафорика и интертекст в сильных текстовых позициях политического медиатекста // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9, № 2. С. 332–338.
15. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.
16. Wilson A. The Piano Lesson. USA : A Dutton Book, 1990. 108 p.

MUSICAL METAPHOR IN THE STRONG POSITION OF THE TEXT (BASED ON A. WILSON'S PLAY "THE PIANO LESSON")

O.S. Kamysheva
Shadrinsk State Pedagogical University
Shadrinsk, Российская Федерация

The article is devoted to the study of musical metaphor in a strong position of the text. A. Wilson's play "The Piano Lesson" was used as the research material. It was supposed to

solve the following tasks: to reveal the connection between the metaphor in the title and the main text of the play; to highlight the metaphorical model and explain the features of its use; to determine the main functions of this metaphor. As a result of the study, the following conclusions were made: in the title of A. Wilson's play "The Piano Lesson" there is a metaphorical model "The piano is a teacher or mentor", indicating that the musical instrument is metaphorically anthropomorphic and teaches a lesson to its owners, thereby solving the problem of the main characters and their own destiny; despite the fact that the musical metaphor in the title of the play is not developed in the text of the play, it plays an important role, enhancing the aesthetic significance and pragmatic potential of the text, as well as acting as a powerful means of influencing the reader.

Key words: musical metaphor, metaphorical model, strong position of the text, metaphor functions, stylistic device.

УДК 811.111'003.28+811.111'367

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПУНКТУАЦИИ

О.К. Кирсанова

Независимый исследователь
г. Красково, Российская Федерация

В статье рассматривается проблема системного эксплицитного обучения правилам английской пунктуации в сравнении с русской. Русская пунктуация «следует» за синтаксисом, в то время как английская преимущественно – за интонацией и авторским намерением. При этом роль экспрессивных средств пунктуации в русском тексте выше, чем в английском. Знание и учёт этих особенностей помогают предотвратить интерференцию между языками и обеспечить более эффективную письменную коммуникацию.

Ключевые слова: пунктуация, запятая, двоеточие, точка с запятой, восклицательный знак, предложение.

Пунктуационное оформление текста имеет большое значение для эффективности письменной коммуникации – как в отношении корректной передачи информации, так и в отношении успешного установления межличностного контакта. Неясно выразить свою мысль, быть неправильно понятым, произвести неблагоприятное впечатление на читателя – этих негативных последствий любому автору письменного текста хотелось бы избежать.

Несмотря на то, что академический интерес к проблеме английской пунктуации и, в частности, к сопоставлению особенностей английской и русской пунктуации безусловно существует (см., например, работу М.С. Власова «Русская и английская пунктуация: вопросы теории и практики» [2]), в практике преподавания английского языка – в рамках среднего, высшего или дополнительного образования – английская пунктуация преподаётся очень избирательно. В тех темах, которые преподаются эксплицитно – правила постановки апострофа, пунктуация в определительных придаточных предложениях, отчасти оформление письма (обращение

и подпись) – учащиеся показывают владение навыками, сопоставимыми по уровню с уровнем образованных носителей языка. В остальных случаях рекомендации сводятся к расплывчатым «ставить поменьше (чем в русском) запятых» и, видимо, полагаться на интуицию и здравый смысл. Интуиция и здравый смысл в данном случае могут опираться на развитие навыка *noticing* – «узнавания», способности замечать незнакомые явления и самостоятельно выводить закономерности их использования в языке.

Однако, исходя из опыта изучения и преподавания английского языка, попробуем качнуть маятник от популяризируемого в настоящее время подхода I-I-I (*illustration-interaction-induction*) обратно в сторону старого доброго подхода P-P-P (*presentation-practice-production*), потому что для многих студентов, особенно не-лингвистов, наличие понятных правил снимает хотя бы часть фрустраций, связанных с изучением иностранного языка и коммуникацией на нём. Цель данной статьи исключительно практическая – составить краткое руководство по правилам английской пунктуации в сопоставлении с русской. Это сопоставление представляется важным, поскольку тренирует то самое *noticing*, переводит замеченное на уровень осознания и предотвращает интерференцию между языками.

Традиционно выделяют следующие принципы пунктуации: интонационный, грамматический, синтаксический и коммуникативный [2]. В разных языках и на разных исторических этапах ведущие принципы могут различаться.

Хронологически наиболее ранний принцип пунктуации – интонационный. Разработка первой в истории системы пунктуационных знаков приписывается Аристофану Византийскому (ок. 257 – 180 гг. до н.э.). Знаки в этой трёхчастной системе указывали на паузы при декламации текстов. Не удивительно, что и термины *comma*, *colon* и *period* в его системе обозначали отрезки текста разной длины, а не сами знаки, их выделяющие. *Comma* (греч. *komma*) – дословно «отрезанный кусок, отрезок» – самый короткий фрагмент. *Colon* (греч. *kōlon*) – дословно «конечность, нога, ветка дерева» – более длинная часть предложения, предложение в составе сложного. *Period* (греч. *periodos*) – дословно «обход, окружность» – целое предложение [4].

С появлением и распространением книгопечатания расширяется ассортимент средств пунктуации (например, венецианский издатель и книгопечатник Альд Мануций в 1494 году впервые использует в печати знак «точка с запятой», а в 1501 году разрабатывает курсивный шрифт), а основными принципами пунктуации постепенно становятся грамматический и синтаксический. Пунктуация упорядочивает текст, проясняет его структуру.

В 20 веке английская пунктуация становится более свободной и, как правило, «следует» за интонацией. Линн Трасс так юмористически характеризует современные тенденции: «Сегодня излишняя грамматическая щепетильность не в моде. Отрывок, изобилующий запятыми, который раньше

свидетельствовал бы о тщательной и квалифицированной редакции, теперь отдаёт бесхребетностью. Дотошно расставляют все запятые только моральные слабаки с избытком свободного времени и устаревшими справочниками» [9, p. 95].

Во времена Филдинга и Диккенса пунктуационное оформление предложения выглядело бы так: *Belinda opened the trap door, and, after listening for a minute, she closed it again*. Здесь первая запятая разделяет части сложносочинённого предложения, а дальше пара запятых обособляет обстоятельство, выраженное герундием с зависимыми словами. Современные писатели и редакторы предпочтут поставить «одну запятую за один подход»: *Belinda opened the trap door, and after listening for a minute she closed it again*; или, скорее всего, *Belinda opened the trap door and, after listening for a minute, she closed it again* [9, p. 95].

В русском языке продолжают доминировать грамматический и синтаксический принципы, и пунктуация «следует» за синтаксисом, поэтому русские предложения более насыщены знаками препинания. Однако, чтобы в определении этого «более или менее» не полагаться на глазок и интуицию, попробуем составить «шпаргалку по русско-английской пунктуации», не претендующую на полноту охвата, но очерчивающую хотя бы некоторые из тех случаев, которые обычно не попадают в фокус внимания составителей учебных программ и пособий.

Начнём с простого предложения. Простые предложения могут быть осложнены однородными членами предложения или обособленными конструкциями. В русском языке между однородными членами предложения, не соединёнными союзами, обычно ставится запятая [3, с. 84]. Между однородными членами предложения, связанными одиночными соединительными или разделительными союзами, запятая не ставится [3, с. 88]. Запятая ставится между однородными членами предложения, соединёнными посредством повторяющихся союзов; но при двух однородных членах с повторяющимся союзом *и* запятая не ставится, если образуется тесное смысловое единство (обычно такие однородные члены не имеют при себе пояснительных слов) [3, с. 89]. В русском языке возможны комбинации сочетания трёх однородных членов, а в английском доступны следующие варианты:

1.
A, B, V

2.
A, B и V

3.
A, и B, и V

4.
и A, и B, и V

1.
A, B, C

2.
A, B, and C

3.
A, B and C

4.
A and B and C

Из сравнения этих наборов видно, что вариант, соответствующий нашему №4, в английском языке отсутствует (а для пары однородных членов есть парный союз *both... and*). Зато в русском языке отсутствует аналог английского №2, с так называемой «оксфордской запятой» [1, с. 156–157]. Поговорим об этом явлении поподробнее.

Оксфордская, или серийная запятая, – это запятая, которая ставится перед союзом *and* или *or* перед последним пунктом в списке из трёх или более элементов. Про неё можно сказать словами А.С. Пушкина: «Она в семье своей родной казалась девочкой чужой», потому что оксфордская запятая, несмотря на своё имя, гораздо популярнее в академических и литературных кругах США, чем Великобритании. Издательство Oxford University Press в этом вопросе является очевидным аутсайдером.

Сторонники оксфордской запятой считают, что она помогает избежать двусмысленности. В следующих примерах отсутствие запятой перед *and* рисует нам довольно причудливые наборы родителей:

This book is dedicated to my parents, Ayn Rand and God [6].

I'd like to thank my parents, Mother Teresa and the pope [10].

А здесь без запятой не ясно, к чему присоединяется яичница – к тостам или к бекону:

My usual breakfast is coffee, bacon and eggs and toast.

Противники оксфордской запятой приводят примеры, когда запятая сама создаёт двусмысленность.

Those at the ceremony were the commodore, the fleet captain, the donor of the cup, Mr. Smith, and Mr. Jones [6].

Здесь запятая перед Mr Jones позволяет неверно истолковать Mr Smith как приложение к the donor of the cup.

Из этих примеров следует, что список типа A, B (,) and C может пониматься корректно и однозначно только в том случае, если B или B(,) and C не могут потенциально восприниматься как приложение к A.

They went to Oregon with Betty, a maid, and a cook.

Не ясно, идёт речь о трёх людях: Бетти, горничной и поваре, или о двух: горничной Бетти и поваре.

They went to Oregon with Betty, a maid and a cook.

Снова не ясно, это три человека или одна Бетти – горничная и повар.

А, например, *red, white (,) and blue* читается одинаково однозначно что с запятой, что без неё.

Кроме того, список A and B and C может пониматься двусмысленно, если потенциально могут распадаться на группы A and B и B and C.

Для того чтобы снять двусмысленность, стоит переформулировать предложение. Также можно использовать точку с запятой, отделяя распространённые однородные члены и выстраивая таким образом их иерархию. Вместо

Fares were offered to Corfu, the Greek island, Morocco, Elba, in the Mediterranean, and Paris.

получим

Fares were offered to Corfu, the Greek island; Morocco; Elba, in the Mediterranean; and Paris [9, p. 125–126].

Оформление причастных оборотов. В самом общем виде правила обособления причастных и деепричастных оборотов в русском языке сводятся к следующим:

- как правило, обособляются распространённые определения, выраженные причастием или прилагательным с зависимыми от них словами и стоящие после определяемого слова;
- не обособляются распространённые определения, стоящие перед определяемым существительным, если не имеют добавочных обстоятельственных оттенков значения (причинного, условного, уступительного, временного);
- деепричастный оборот, как правило, обособляется независимо от места, занимаемого им по отношению к глаголу-сказуемому [3, с. 96, 105].

В английском языке правила относительно *participial phrases* – назовём их тоже причастными оборотами, хотя английский термин *phrase* может относиться и к отдельным словам, а, следовательно, и одиночным причастиям – формулируются следующим образом:

- Если причастный оборот стоит в начале предложения, он отделяется запятой.

Arriving at the store, I found that it was closed.

Washing and polishing the car, Frank developed sore muscles.

- Если причастный оборот стоит в середине предложения, то он выделяется запятыми, если содержит информацию, не существенную для смысла предложения.

Sid, *watching an old movie*, drifted in and out of sleep.

The church, *destroyed by a fire*, was never rebuilt.

Nicholas Nickleby, *published in 1839*, used a great many commas.

- Если причастный оборот в середине предложения содержит информацию, существенную для смысла предложения, он запятыми не выделяется.

The student *earning the highest grade point average* will receive a special award.

The guy *wearing the chicken costume* is my cousin.

Относительно обособления причастных оборотов в конце предложения существуют различные формулировки.

Один вариант: если причастный оборот относится к непосредственно предшествующему ему слову, запятая не ставится. Если он относится к какому-то более раннему слову в предложении, запятая ставится.

The local residents often saw Ken *wandering through the streets*. (The phrase modifies *Ken*, not *residents*.)

Tom nervously watched the woman, *alarmed by her silence*. (The phrase modifies *Tom*, not *woman* [7].)

Второй вариант – снова в терминах «существенная или дополнительная информация» – в *restrictive participial phrases* запятая не ставится; в *non-restrictive* – ставится.

She is the lady *making me cry*.

She yelled at me, *making me cry* [5].

Можно заметить, что, в отличие от *non-defining phrase* в *The church, destroyed by a fire, was never rebuilt*, причастный оборот в *She yelled at me, making me cry* является, собственно говоря, не определением к подлежащему, а обстоятельством, относящимся к сказуемому, то есть выполняет функцию русского деепричастного оборота.

Если мы кроме того посмотрим на пунктуацию в предложениях с одиночными причастиями, то заметим, что они не обособляются в функции определений, но обособляются в функции обстоятельств:

The *crying* baby had a wet diaper.

Smiling, she hugged the *panting* dog.

Таким образом, можно вывести общую закономерность: в английском языке не обособляются запятыми причастия в функции определения и причастные обороты в функции рестриктивного определения; обособляются запятыми одиночные причастия и причастные обороты в функции обстоятельства и причастные обороты в функции нерестриктивного определения.

Выделение обстоятельств в начале предложения в английском языке – это случай, для объяснения которого грамматические справочники обычно не предлагают никакого писаного правила.

Джеймс Тёрбер (James Thurber) – американский писатель и юморист, в 1930–40 гг. работавший в журнале *The New Yorker* и имевший серьёзные разногласия по поводу запятых с соучредителем и главным редактором журнала Гарольдом Россом (считавшим, что чем больше запятых, тем понятнее), так в шутку объяснял постановку запятой в предложении *After dinner, the men went into the living-room*: «С помощью этой запятой Росс дал мужчинам время, чтобы отодвинуть стулья и встать». Эту историю пересказывает в своей книге Линн Трасс [9, с.70]. Приведём в качестве примера обособления обстоятельства в начале предложения цитату из её текста:

For a millennium and a half, punctuation's purpose was to guide actors, chanters and readers-aloud through sentences of manuscript, indicating the pauses, accentuating matters of sense and sound, and leaving syntax mostly to look after itself.

Сложносочинённое предложение. В русском языке запятыми разделяются части сложносочинённого предложения, соединённые соединительными, противительными или разделительными союзами. Запятая не

ставится, если части сложносочинённого предложения имеют общий второстепенный член или общее придаточное предложение [3, с. 127–128]. В английском языке части сложносочинённого предложения могут не разделяться запятыми, если они короткие.

Jane decided to try the home-made steak pie, and Andrew ordered Dover sole with boiled potatoes.

Jane had pie and Andrew had fish [8, p. 461].

Сложноподчинённое предложение. Изъяснительные придаточные (that-clauses) в английском языке запятыми не выделяются. Определительные придаточные выделяются или нет в зависимости от того, являются они restrictive/defining или non-restrictive/non-defining:

The people in the queue who managed to get tickets were very satisfied.
(Some people did not get tickets.)

The people in the queue, who managed to get tickets, were very satisfied.
(Everyone got tickets [9, p. 92].)

Придаточные предложения времени и условия отделяются запятой, если стоят перед главным, и не отделяются, если стоят после главного:

If you are ever in London, come and see me.

Come and see me if you are ever in London.

Предложения, вводимые с помощью however, nevertheless, also, consequently и hence, отделяются точкой с запятой:

It was the Queen's birthday on Saturday; nevertheless, she had no post whatever.

The tap water is safe to drink in tea and coffee; however, we recommend using bottled water for drinking.

Бессоюзное предложение. В русском языке между частями бессоюзного сложного предложения может ставиться:

- запятая;
- точка с запятой, если части значительно распространены и имеют внутри себя запяты;
- двоеточие, если вторая часть разъясняет, раскрывает содержание первой или указывает на причину того, о чём говорится в первой части;
- тире, если во второй части содержится указание на быструю смену событий, резкое противопоставление по отношению к первой части, или вывод из того, о чём говорится в первой части.

Выйти невозможно: на улице проливной дождь.

На улице проливной дождь – выйти невозможно [3, с. 142–147].

В английском языке части бессоюзного предложения никогда не отделяются запятой. Стандартные знаки для разделения частей бессоюзного предложения в английском – точка с запятой или двоеточие.

Вот как Линн Трасс иллюстрирует разницу между точкой, точкой с запятой и двоеточием [9, p. 129–130]:

Tom locked himself in the shed. England lost to Argentina. (Два действия, не связанных между собой, которые произошли когда-то в прошлом.)

Tom locked himself in the shed; England lost to Argentina. (Вероятно, действия произошли примерно в одно время. Может быть, Тому было невыносимо смотреть матч, так что он заперся в сарае и до сих пор не знает результата. Может быть, эти события связаны в восприятии кого-то третьего: «It was a terrible day, Mum: Tom locked himself in the shed; England lost to Argentina; the rabbit electrocuted itself by biting into the power cable of the washing machine.»)

Tom locked himself in the shed: England lost to Argentina. (Всё ясно. Том заперся в сарае, потому что Англия проиграла Аргентине. И кто бы мог его за это осудить?)

Двоеточие традиционно разделяет в английском части бессоюзного предложения даже в тех случаях, когда они представляют собой антитезу (там, где в русском предложении используется тире):

Man proposes: God disposes.

Человек предполагает – бог располагает.

И кстати, там, где в неполных предложениях в русском тоже ставится тире, в английском пауза заполняется запятой:

To err is human; to forgive, divine.

Человеку свойственно ошибаться, богу – прощать.

Но это по правилам. Нельзя не сказать, что в современных письменных текстах популярность тире растёт в обоих языках. Владимир Бабков пишет: «Как в английском, так и в русском языке двоеточие постепенно вытесняется тире. Наверное, это связано с тем, что тире нагляднее: по нему лучше видно, что в этом месте надо сделать паузу, а грамматический смысл знака додумывается читателем. Тире теперь встречается даже там, где позиции двоеточия, казалось бы, сильнее всего: перед перечислением после обобщающего слова, перед пояснением сказанного и в сложном предложении, где [оно] разделяет – или, если угодно, связывает – следствие и причину [1, с. 146–147]». Линн Трасс называет тире «убийцей грамматики» по той же причине: из-за своей наглядности в электронной неформальной коммуникации оно стремится вытеснить все прочие знаки препинания.

I saw Jim — he looked gr8 — have you seen him — what time is the thing 2morrow — C U there [9, p. 157].

Скажем пару слов об экспрессивной пунктуации – восклицательных знаках и многоточиях. Русский язык к этим средствам гораздо более склонен, чем английский. «Давайте восклицать, друг другом восхищаться» – этот призыв можно отнести к русской пунктуации, но не к английской.

Хотя официально английскому восклицательному знаку выделены его области применения: в непроизвольных восклицаниях, обращениях, восхищённых возгласах, для усиления драматизма и придания выразительности – список противопоказаний к его применению настолько велик, что рекомен-

дуются подумать дважды и ставить его только в тех случаях, «когда потенциальная польза превышает потенциальный риск». В. Бабков в своей работе цитирует рекомендацию Уильяма Зинсера из его пособия «Как писать хорошо»: «Используйте его [восклицательный знак] только в тех случаях, когда вам необходимо добиться особого эффекта. В этом знаке есть налёт чрезмерности, что-то от захлёбывающегося восторга дебютантки, описывающей события, важные только для неё одной... Все мы на своём веку встречали чересчур много предложений, которые лупили нас по голове восклицательным знаком, стараясь убедить в серьёзности или экстраординарности происшедшего. Вместо этого конструируйте свою фразу так, чтобы придать ей нужную интонацию просто с помощью порядка слов» [1, с. 144].

Линн Трасс образно описывает положение восклицательного знака в дружной семье знаков препинания, «где точка – это папа, запятая – мама, точка с запятой прилежно упражняется на пианино с перекрещенными руками, а восклицательный знак – это старший брат-СДВГшник, вечно перевозбуждённый, который всё ломает и слишком громко смеётся» [9, р. 138].

В обращениях в начале письма или текстового сообщения, где мы в русском традиционно используем восклицательный знак, англичане обходятся запятой. В американском варианте для выражения подчеркнутой вежливости и официальности после обращения может быть использовано двоеточие. В британском варианте в неформальном общении допустимо обращение вообще без знаков пунктуации. Нужно сказать, что под влиянием английского языка теперь и русское обращение всё чаще отделяют от основного текста запятой.

В прямых обращениях, которые в русских диалогах тоже оформляются с помощью восклицательного знака, в английском языке часто используется вопросительный знак:

“Mummy?” said Ziggy.

“Yes?” she said.

Многоточие в обоих языках используется для обозначения пропусков в предложениях, например, в цитатах. В русском языке многоточия также могут показывать смену мысли (в английском для этого скорее будут использовать точку или точку с запятой) или незавершённую мысль (в английском незавершённую фразу обрывают с помощью тире). Кроме того, многоточия могут выражать у нас чувство грусти или задумчивости, чего англичане себе не позволяют. Мишель Бёрди, переводчица с русского и редактор *The Moscow Times*, в своей колонке приводит слова Владимира Набокова: «Многоточие означает, должно быть, следы на цыпочках ушедших слов»; и возражает ему: «Это очень мило, но у менее опытного писателя эти следы больше похожи на кучки скомканных носовых платков и массу драматических вздохов».

Таковы некоторые отличия между пунктуационными нормами русского и английского языков. Разумеется, в рамках одной небольшой статьи

не представляется возможным рассмотреть абсолютно все случаи и тонкости пунктуации двух языков. За её пределами остались, например, особенности оформления прямой речи или использование курсива. Кроме того, подобный справочный материал, каким бы объёмным и всеобъемлющим ни был, является только первым Р в триаде PPP – Presentation. Помимо этого, необходимо разработать и предложить студентам упражнения для отработки практических навыков. Это могут быть сначала упражнения на распознавание и объяснение уже поставленной авторской пунктуации, а затем задания расставить пропущенные знаки препинания. Тем не менее можно надеяться, что проведённая работа по систематизации материала может представлять интерес для представителей вида *homo scribens* – человек пишущий – особенно для активно пишущих на двух языках.

Литература

1. Бабков В. О. Игра слов. Практика и идеология художественного перевода. Москва : АСТ [и др, 2022. 336 с.
2. Власов М. С. Русская и английская пунктуация: вопросы теории и практики : электрон. учеб.-метод. пособие. Бийск : АГТПУ им. В.М. Шукшина, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
3. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Москва : Книга, 1978. 334 с.
4. Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com/ (дата обращения: 25.01.2023).
5. Mills B. Commas With Participial Phrases : When do you put a comma before a participial phrase such as "making me cry"? // Quick and Dirty Tips. URL: www.quickanddirtytips.com/articles/commas-with-participial-phrases/ (дата обращения: 25.01.2023).
6. Okrent A. The 9 Best Shots Fired in the Oxford Comma Wars // Mental Floss. URL: www.mentalfloss.com/article/33637/best-shots-fired-oxford-comma-wars (дата обращения: 25.01.2023).
7. Participles // Purdue OWL. URL: owl.purdue.edu/owl/general_writing/mechanics/gerunds_participles_and_infinitives/participles.html#:~:text=If%20a%20participial%20phrase%20comes,follows%20the%20word%20it%20modifies (дата обращения: 25.01.2023).
8. Swan M. Practical English Usage. 3rd Ed. Oxford University Press, 2014. 653 p.
9. Truss L. Eats, Shoots & Leaves: The Zero Tolerance Approach to Punctuation. London : Fourth Estate, 2009. 209 p.
10. Victor D. Lack of Oxford Comma Could Cost Maine Company Millions in Overtime Dispute // The New York Times. URL: www.nytimes.com/2017/03/16/us/oxford-comma-law-suit.html?_r=0 (дата обращения: 25.01.2023). Дата публикации: 17.03.2017.

SOME PRACTICAL ASPECTS OF TEACHING ENGLISH PUNCTUATION

O.K. Kirsanova

Independent researcher
Krasnovo, Russian Federation

The article deals with the problem of presenting similarities and, more importantly, differences between Russian and English punctuation conventions. While Russian punctuation is mostly governed by grammar and syntax principles, English punctuation is more intonation-

based. However, Russian conventions are much more liberal in the realm of expressive punctuation. All these differences should be taught explicitly in order to prevent interference between the languages and ensure clear, complex and effective written communication.

Key words: punctuation, comma, colon, semicolon, dash, exclamation mark, clause.

УДК 811.161.1'367

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТЫ «АМУРСКАЯ ПРАВДА»)

В.В. Коломенская

Благовещенский государственный педагогический университет

Благовещенск, Российская Федерация

Ван Янцзэ

Благовещенский государственный педагогический университет

Хэйхэ, КНР

В статье рассматривается возможность использования газетных заголовков для изучения синтаксических конструкций русского языка в мононациональной китайской группе. Поскольку целью газетного заголовка является привлечение внимания к тексту и краткое сообщение о его содержании, можно предположить, что заголовки газет очень разнообразны. Кроме того, газетные заголовки содержат лингвокультурологическую информацию. Таким образом, использование заголовков газетных материалов будет способствовать формированию коммуникативной компетенции учащихся.

Ключевые слова: газета, заголовки, синтаксис, синтаксическая конструкция, предложение, методика преподавания РКИ.

В последние годы многие китайские граждане выбирают Россию для учёбы, что связано с высоким качеством российского образования и дружественными отношениями между нашими странами. Тесные экономические, политические и культурные связи между Россией и Китаем требуют подготовки квалифицированных переводчиков, поэтому филологическое направление подготовки является одним из самых востребованных.

Естественно, что филологам необходимо в совершенстве владеть разнообразными синтаксическими конструкциями, уметь распознавать логические связи в предложении, подбирать синтаксические синонимы. Иностранцы, изучающие русский язык, уже на первых занятиях понимают, что успех коммуникации напрямую зависит от правильности употребления тех или иных грамматических форм и конструкций. Поэтому вопрос изучения синтаксических конструкций является одним из актуальных вопросов преподавания РКИ.

Таким образом, целью данной статьи является обоснование необходимости изучения иностранными студентами продвинутого этапа обучения разнообразных синтаксических конструкций русского языка на материале

газетных заголовков. В качестве материала исследования используются заголовки всех номеров газеты «Амурская правда» с 1 сентября по 31 декабря 2021 г. [1].

Ошибкой будет утверждать, что никто до нас не использовал газетные материалы при обучении иностранному языку или не изучал их особенности. Например, учёный из Китая Го Лицзе считает целесообразным использование текстов газетно-публицистического стиля для развития письменной речи китайских учащихся [3]. Исследователь Янь Чжикэ рекомендует использовать тексты газетно-публицистического стиля для обучения китайских студентов-русистов, так как «Использование газетных текстов в преподавании русского языка для китайских студентов-филологов позволяет активизировать формирование вторичной языковой личности, отражает современные тенденции развития методики преподавания русского языка как иностранного» [6, с. 8]. Российский исследователь Е.А. Штерн делает акцент на стилистических особенностях газетных текстов на уроках РКИ [5]. А.Д. Гаврилов же изучает газетные заголовки как синтаксическое средство выражения экспрессивности [2], однако его исследование носит теоретический, а не методический характер. Диссертация М.Ю. Доценко также посвящена синтаксису газетного заголовка в отрыве от методики [4]. Таким образом, можно заключить, что многие лингвисты и методисты обращаются в своих исследованиях к газетным текстам и даже заголовкам газетных текстов, однако использование газетных заголовков для изучения синтаксиса иностранными студентами до сих пор оставалось вне поля зрения учёных. Наше исследование в некоторой мере должно компенсировать этот пробел.

По нашему мнению, изучение синтаксиса плодотворно совмещать с изучением других лингвистических дисциплин, например, стилистики, лингвокультурологии, культуры речи и т.п., так как культура и стиль речи зачастую диктует правомерность использования конкретных синтаксических конструкций в конкретных условиях. Таким образом, возникает необходимость изучения синтаксических конструкций, принадлежащих различным стилям речи – в том числе публицистическому. Наиболее сильной позицией в публицистическом тексте является заголовок, служащий, главным образом, для привлечения внимания к материалу.

Как мы уже сообщали выше, в ходе работы были проанализированы заголовки популярной региональной газеты «Амурская правда» [1].

Анализ заголовков данной газеты показал, что наиболее частотными синтаксическими конструкциями оказались:

- простые распространенные двусоставные предложения (например, «Газовый баллон взорвался при пожаре в жилом доме в Белогорском округе», «В Благовещенске 1 сентября праздничные линейки прошли у 3 400 первоклассников»),

- простые распространенные односоставные предложения, чаще всего неопределенно-личные («Новую детскую поликлинику строят в Благовещенске по дальневосточной концессии», «Тысячи кубометров древесного хлама убрали теплотрассы с Зейского водохранилища»),
- бессоюзные сложные предложения («На севере Амурской области выпадет мокрый снег, в Благовещенске преимущественно без осадков», «Картофель пошел в заплыв: паводок, дожди и грунтовые воды не дают овощеводам собрать урожай»).

Интересной, на наш взгляд, является конструкция, представляющая собой зависимую часть сложноподчинённого предложения (например, «Как хлебопеки-нелегалы «убивают» честные пекарни Амурской области»). Главная часть предложения опущена, но её можно восстановить, вероятно, журналисты подразумевали фразу типа «Наша газета расскажет» или «Из нашего материала вы узнаете» и т.п.

Среди заголовков газеты «Амурская правда» можно обнаружить нетипичные для русского языка конструкции, представляющие собой несогласованные сложные предложения с разными типами связи («Кому нужно открывать бизнес, а кому рожать детей: гороскоп на сентябрь-2021 для всех знаков зодиака», «Почти 80 тысяч молодых амурчан получают «Пушкинскую карту»: какие бонусы она даст»). Крайне редко в исследуемой газете используются неполные предложения («В основе Народной программы – забота о людях»).

Из классификации заголовков видно, что они достаточно разнообразны. Поэтому их можно использовать для изучения синтаксиса китайскими студентами. Например, на этапе закрепления темы «Простое и сложное предложение» можно дать учащимся один номер газеты, группу разделить на две подгруппы, первой группе дать задание выписать из газеты только заголовки в форме простых предложений, второй – в форме сложных. Подобным образом можно поступить при изучении темы «Виды сложных предложений»: учащимся нужно выписать все заголовки из одного номера газеты, рассортировать их на сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные сложные предложения.

Поскольку в «Амурской правде» часто используются односоставные предложения, заголовки статей из этой газеты целесообразно использовать при изучении темы «Односоставное предложение». Ученики должны будут не просто найти и выписать односоставные предложения из нескольких номеров газеты, но и определить их тип. Важно проанализировать семантику данных предложений, чтобы учащиеся понимали, почему журналисты использовали в своём материале ту или иную конкретную конструкцию. Также можно предложить китайским студентам найти в газете и неполные предложения, сравнить их с односоставными.

Можно предположить, что при использовании газет в качестве учебного материала эффективным будет эвристический метод. Например, перед

тем, как дать ученикам газеты, преподаватель спрашивает их: *Как вы думаете в статьях на какие темы используются односоставные предложения? Для каких тем лучше использовать простые, а для каких сложные предложения?* и т.п. Далее преподаватель раздаёт учащимся газеты, и они проверяют свои догадки. Такой подход очень мотивирует китайских учащихся, поскольку пробуждает в них интерес и азарт.

Интересным видом работы на продвинутом этапе обучения будет придумывание собственных заголовков для реальных газетных текстов. Нужно проанализировать семантику и синтаксическую структуру предложенных иностранными учащимися заголовков, затем сравнить с заголовками, данными текстам журналистами.

Можно предложить и другой эксперимент. Например, соотнести синтаксическую структуру заголовка с полом журналиста. Так ученики выяснят, какие предложения чаще используют русские женщины, а какие – мужчины.

Перечень заданий, позволяющий привлечь в качестве учебного материала газетные заголовки, поистине бесконечен. Выбор задания должен быть обоснован целью занятия, его местом в учебном плане и уровнем подготовки группы. Поэтому в качестве дальнейших перспектив исследования нам видится разработка целостной системы уроков по синтаксису русского языка, на которых будут использоваться заголовки газет. Этот материал предполагается использовать с момента представления ученикам новой темы и до этапа закрепления материала.

Такая система уроков, по нашему мнению, будет способствовать не только эффективному усвоению синтаксиса, но и лексики, стилистики, психолингвистики и лингвокультурологии – всего того, что способствует гармоничному формированию коммуникативной компетенции иностранных учащихся.

Литература

1. Амурская правда : сайт. URL: ampravda.ru/ (дата обращения: 30.01.2023).
2. Гаврилов А. Д. Вопросительная конструкция как синтаксическое средство выражения экспрессивности в сетевом газетном заголовке (на материале русского, чувашского и английского языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1. С. 18–27.
3. Го Лицзе. Обучение газетно-публицистическому стилю китайских студентов-русистов в системе работы по развитию письменной речи : На примере жанра репортажа : дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2001. 153 с.
4. Доценко М. Ю. Синтаксис газетного заголовка: структура, семантика, прогнозирование смыслового развития текста : дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 243 с.
5. Штерн Е. А. Жанрово-стилистический аспект изучения газетных текстов на уроках русского языка как иностранного : дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2001. 194 с.
6. Янь Чжикэ. Методика работы с текстами газетно-публицистического стиля в китайской аудитории : дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2002. 162 с.

CHINESE STUDENTS STUDY OF RUSSIAN SYNTAX CONSTRUCTIONS
ON THE MATERIAL OF NEWSPAPER HEADLINES (ON THE EXAMPLE
OF THE HEADLINES OF THE NEWSPAPER "AMURSKAYA PRAVDA")

V.V. Kolomenskaya

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Blagoveshchensk State Pedagogical University"
Blagoveshchensk, Russia

Wang Yangze

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Blagoveshchensk State Pedagogical University"
Heihe, China

The article considers the possibility of using newspaper headlines to study the syntactic constructions of the Russian language in a mononational Chinese group. Since the purpose of a newspaper headline is to draw attention to the text and briefly communicate its content, it can be assumed that newspaper headlines are very diverse. In addition, newspaper headlines contain linguocultural information. Thus, the use of newspaper headlines will contribute to the formation of students' communicative competence.

Key words: newspaper, headline, syntax, syntactic construction, sentence, Russian as a foreign language teaching method.

УДК 378.091.3:811.161.1'42

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Н.Е. Петрова

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
г. Минск, Республика Беларусь

И.В. Савицкая

Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается художественный текст в аспекте методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Приводятся критерии отбора текстового материала, называются основные требования к художественному тексту, различные виды заданий и упражнений, которые можно использовать на вузовском этапе изучения РКИ. Особое внимание уделяется адаптации художественных текстов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, текст, художественный текст, адаптация текста, комментирование текста.

Современная методика преподавания РКИ значительное внимание уделяет работе с текстом, который является основной единицей языкового материала. Исходя из коммуникативного подхода, текст на уроке РКИ – это и цель, и средство обучения языку. Текст служит базой для наблюдения

и осмысления лексических единиц и грамматических конструкций как предмета изучения, выступает основой для формирования речевых навыков. Вместе с анализом функционирующих в тексте языковых единиц, их динамики, вариативности в зависимости от авторского замысла на занятиях по РКИ одновременно раскрываются и законы текстовой организации.

В методике преподавания РКИ работа с текстом начинается буквально с первых уроков ещё на довузовском этапе, однако сначала основное внимание уделяется формированию общей языковой компетенции, изучению общеупотребительной лексики, а тексты используются из универсальных учебников по РКИ. Однако уже через несколько месяцев обучения вводятся и тексты, взятые из иных источников и адаптированные преподавателем [1, с. 136].

Как известно, на разных этапах обучения русскому языку как иностранному используются разные виды текстов: учебные, адаптированные и оригинальные. На вузовском этапе обучения РКИ у студентов первого курса «понимание оригинального текста обычно сопряжено с целым рядом непреодолимых трудностей, прежде всего лексического плана (на продвинутом этапе количество трудностей существенно сокращается)» [2, с. 265]. Следовательно, текст необходимо адаптировать (до уровня понимания) или дополнить текст комментариями.

Существует два основных вида адаптации текстов: 1) собственно адаптация, т. е. упрощение текста; 2) перевод на родной язык учащихся отдельных слов и выражений или всего текста. Мы считаем, что на вузовском этапе обучения РКИ, где очень часто в одной группе присутствуют обучающиеся из разных стран, оптимально использовать адаптацию, упрощая текст. Текст должен упрощаться с учётом различных факторов: специальности студентов, индивидуальных особенностей обучающихся, их уровня знаний, интересов и др. Адаптированный текст должен быть доступен, актуален и интересен для студентов. Иногда приходится использовать не один, а несколько первоисточников, сокращать текст, выполнять всевозможные замены и т. д. с целью сделать информацию адекватной для восприятия в определённой иностранной аудитории.

Иногда адаптированный текст, на наш взгляд, теряет образность и неповторимость ассоциаций, национальную принадлежность, юмор, особенности символики. В этом случае оправдано использование комментирования, которое позволяет сохранить оригинальность текста, дать историческую справку, сохранить культуроведческую направленность и т. д.

В практике преподавания РКИ существуют следующие виды учебного комментария к тексту:

- историко-страноведческий, или энциклопедический, поясняющий реалии культуры, быта, истории, социальной жизни и т. д.;
- лингвистический, направленный на семантизацию незнакомых слов;
- лингвострановедческий, т. е. раскрывающий национальные особенности восприятия внеязыкового факта, информирующий о нацио-

нально-культурном или социокультурном компоненте в семантике языковой единицы;

- лингвостилистический и контекстуально-ориентированный, указывающий на ту роль, которую этот внеязыковой фактор играет в данном тексте [3, с. 336].

С нашей точки зрения, при определении языковых явлений и социокультурной информации, требующих комментирования, следует принять во внимание национальную принадлежность студента; предполагаемый интеллектуальный уровень; предполагаемый уровень языковой подготовки; мотивационный аспект.

Основное средство организации языкового материала на занятиях по русскому языку как иностранному на вузовском этапе обучения – научный текст. Причём такие тексты должны быть профессионально ориентированы. Они являются важнейшим источником актуальной для студентов информации, отвечают целям и задачам обучения, связаны с будущей профессиональной деятельностью обучающихся и выступают эффективным средством формирования коммуникативной компетенции в учебно-профессиональной среде [4, с. 120].

Однако при изучении русского языка иностранные учащиеся должны овладеть не только коммуникативным и языковым материалом научных текстов, но и эмоционально-образным содержанием произведений. Именно в таком случае происходит формирование ценностных ориентиров, развитие познавательной, коммуникативной и морально-эстетической культуры студентов. В этом помогают в первую очередь художественные тексты, роль которых также существенна в изучении РКИ. В свою очередь, преподаватель РКИ должен выбирать оптимальный текстовый материал, который можно эффективно использовать в обучении в конкретной группе обучающихся.

Назовём основные критерии отбора художественных текстов, которые можно использовать на вузовском этапе обучения РКИ. Во-первых, это посильность и доступность текста, поскольку слишком сложные тексты могут понизить мотивацию в обучении. Это касается и объёма текста. Языковая сложность и объём текстов должны возрастать постепенно, основной принцип в обучении РКИ – от простого к сложному. Также текст должен соответствовать русскоязычному речевому опыту иностранных студентов. Во-вторых, художественный текст должен быть актуальным для обучающихся вузов, соответствовать возрастным особенностям студентов, профилю вуза. К примеру, сказка «Колобок», очевидно, непригодна как средство обучения РКИ на вузовском этапе обучения. Также художественные тексты будут различны на занятиях в техническом и языковом вузах. В-третьих, тематика и проблематика текста должны быть интересны студентам. Помимо этого, в лингводидактике называются и такие требования к художественному тексту, как наличие избыточных элементов информации; естественность представленной в тексте ситуации, персонажей и обстоятельств; спо-

способность материала вызвать ответный эмоциональный отклик; наличие воспитательной ценности и др. [5, с. 78].

Использование художественных текстов на занятиях РКИ имеет важное культурологическое значение, поскольку такие источники важны как факты национальной и общечеловеческой культуры, участвуют в диалоге культур, являются средством фиксации (отражения и формирования) различных сторон национального сознания (и самосознания), национальной культуры. Кроме того, художественные тексты вызывают эстетический интерес учащихся и несут воспитывающий потенциал.

При работе с художественными текстами на занятиях по РКИ в вузе обычно используются такие же виды заданий, как и при работе с научными текстами: предтекстовые, притекстовые и послетекстовые. Если текст большой по объёму, на продвинутом этапе обучения РКИ рекомендуем использовать приём комментированного чтения. Уже в период первого прочтения текста можно останавливаться после каждого абзаца и выполнять актуальные задания, в первую очередь направленные на понимание содержания текста, уточнение значений отдельных лексических единиц, снятие возможных страноведческих и содержательных трудностей текста.

В предтекстовой работе важно перед чтением текста поставить студентам общий целевой вопрос. Это активизирует внимание обучающихся. Также в предтекстовой работе с художественным текстом часто необходимо выполнить задания, которые помогут обучающимся понять контекст культурно-исторической эпохи, описываемой в произведении. Притекстовые упражнения, направленные на формирование коммуникативной установки на чтение текста, на объем извлечения информации. Послетекстовые упражнения дают возможность осуществить контроль понимания прочитанного, успешность выполнения смысловой обработки информации в соответствии с вопросами и заданиями, сформулированными в притекстовых заданиях.

Приоритетной является предтекстовая работа, направленная на формирование культурологических, фоновых знаний. Её задача и заключается в том, чтобы воссоздать облик эпохи, запечатленный в том или ином произведении, прокомментировать наиболее значительные инонациональные реалии, традиции, обычаи, характеризующие время, событие, т. е. смоделировать мини-фон, который готовит читателя к полному восприятию текста. Рекомендуем использовать такие виды работы с художественным текстом, как выделение основной идеи текста, структурирование (разделение текста на части), выделение ключевых слов, составление разных видов планов, ответы на вопросы, тест, компрессирование, различные виды пересказа.

Предлагаем методическую разработку по работе с небольшим художественным текстом А.И. Куприна «Куст сирени» [6]. Адаптированный текст включён в учебно-методическое пособие по русскому языку как иностранному для студентов 1-го курса технических вузов «Практический курс русского языка» [7, с. 20–21].

Если сравнить оригинал и адаптированный текст, то можно заметить, что текст был сокращён практически вдвое. Поскольку источник адресуется студентам 1-го курса, рекомендуем первый раз прочитать произведение преподавателю, задав перед этим следующий целевой вопрос: *О чём поспорили профессор и главный герой?* Также перед чтением текста рекомендуем уточнить значение слова *куст* – *‘растение с ветвями, начинающимися от земли’* и продемонстрировать иллюстрации сирени. Можно попросить студентов назвать другие кустовые растения, которые им известны.

В качестве лексической работы мы предлагаем рассмотреть функционирование следующих единиц: *съёмка* – *‘обмеренная копия оригинала’*; *посадить пятно (разг.)* – *‘поставить пятно’*; *чертёж* – *‘изображение чего-либо линиями на плоскости’*; *дрожать* – *‘трястись’*; *провалиться на экзамене* – *‘не сдать экзамен’*; *местность* – *‘пространство, участок земли’*. В зависимости от уровня группы, можно предложить различные задания на опознавание изучаемых лексических единиц и формирование навыков их употребления в речи. К примеру, можно использовать следующее упражнение: *Подберите видовую пару к глаголам. Составьте с ними словосочетания: сдавать, начертить, помогать, спрашивать, сказать, ответить.*

Для проверки понимания содержания текста мы предлагаем использовать небольшой тест. Он позволит сэкономить время и исключит трудности. Приводим возможные варианты тестовых заданий:

1. Кто такой Алмазов?

а) инженер; б) офицер; в) садовник; г) учитель.

2. Чтобы сдать последний экзамен, Алмазову нужно было сделать:

а) план местности; б) чертёж детали; в) план дома, г) карту города.

3. Какого цвета было пятно на чертеже?

а) жёлтое; б) чёрное; в) сиреневое г) зелёное.

4. Кому показал Алмазов свой чертёж?

а) жене; б) профессору; в) другу; г) садовнику.

5. Почему садовник сначала отказался продавать кусты?

а) потому что у Алмазова было мало денег; б) потому что была ночь, а ночью садовник не работает; в) потому что садовник был другом профессора ;г) потому что у садовника было мало кустов.

6. Что Вы узнали о профессоре? Выберите правильные ответы.

а) он дружил с семьёй Алмазовых; б) он работал в инженерной академии; в) он был старым; г) он извинился перед Алмазовым.

7. Для кого сирень стала любимым цветком?

а) для профессора; б) для Алмазова; в) для садовника; г) для жены Алмазова.

Кроме тестовых форм работы, можно предложить и следующие упражнения: дополните информацию из текста; сформулируйте вопрос к каждому абзацу текста; подберите другой заголовок к тексту; в каждом абзаце найдите ключевые слова и т. п.

Для отработки речевых умений и навыков, предлагаем провести дискуссию, в которой студенты должны будут выразить своё мнение по пред-

ложенным темам. К примеру, можно использовать следующие вопросы: 1. *Как вы считаете, Алмазов хороший человек или нет, прокомментируйте свой ответ?* 2. *Что Вы думаете о жене Алмазова? Охарактеризуйте её при помощи прилагательных и причастий, например, красивая, сообразительная, ленивая.* 3. *Почему на месте пятна Алмазов нарисовал кусты, а не что-то другое?* 4. *Почему жена героя сказала, что сирень будет навсегда её любимым цветком?* 5. *Какова идея произведения (авторский замысел)?* 6. *Как вы думаете, всегда ли обманывать плохо?*

На заключительном этапе работы с текстом можно предложить различные задания на составление плана, компрессию, пересказ. К примеру, можно предложить следующие задания: сократите предложение (абзац, текст), сохраняя основную мысль; перескажите текст или его часть; оцените актуальность прочитанной информации; выразите своё впечатление от прочитанного текста; выразите мнение по поводу определённых вопросов и др. При работе с данным текстом рекомендуем предложить студентам пересказать текст от лица жены главного героя или от лица профессора (садовника). Можно использовать и следующее задание: *Напишите письменный пересказ текста. Используйте конструкции причины (например, из-за пятна, по неосторожности, благодаря жене, от горя, от счастья, от радости и др.).* Кроме этого, можно предложить и творческие задания, где обучающимся нужно самим придумать продолжение текста или заменить его последнюю часть.

Таким образом, подобная работа с художественными текстами на занятиях по РКИ способствует не только обогащению словарного запаса иностранных студентов, но и формированию и развитию речевых компетенций. Помимо этого, художественные тексты несут высокий воспитывающий потенциал, способствуют эстетическому развитию студентов. Основная задача преподавателя РКИ – грамотно выбрать и адаптировать текст для определённой группы обучающихся и разработать эффективную систему предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий.

Литература

1. Петрова Н. Е. Формирование профессиональной компетенции по направлениям современной информатики на довузовском этапе обучения русскому языку как иностранному // *Международное образование и сотрудничество : Материалы IX Междунауч.-практ. конф. / отв. ред.: А. В. Новиков [и др]. Москва, 2022. Вып. 16. С. 135–140.*
2. Бондарец Е. В., Огуреева И. А. Лингвострановедческий и социокультурный аспекты в обучении студентов-иностранцев нефилологических вузов русскому языку // *Язык и социум : Материалы VIII Междунауч. конф. / редкол.: Л. Н. Чумак (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2000. Ч. 2. С. 264–265.*
3. Петрова Н. Е., Савицкая И. В. Текст как основное средство организации языкового материала на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории // *Россия и славянские народы в XIX–XXI вв. : сборник статей : Междунауч. конф. / редкол.: В. В. Мищенко [и др.]. Брянск, 2020. С. 331–337.*

4. Петрова Н. Е. Профессионально-ориентированное чтение текста на занятиях по РКИ в негуманитарном вузе // Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе : Материалы V Республиканской науч.-практ. конф. (с междунар. участием) / редкол.: А. Э. Черенда (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 119–123.
5. Ахмерова Г. А., Белая А. Г., Кузнецова Т. А. Использование научно-популярных текстов в процессе обучения РКИ // Этнокультурный и социолингвистический аспекты теории и практики преподавания языков : сборник науч. статей. Минск, 2015. С. 76–84.
6. Куприн А. И. Куст сирени // Интернет Библиотека Алексея Комарова. URL: ilibrary.ru/text/1848/p.1/index.html (дата обращения: 16.02.2023).
7. Корбут Г. С., Петрова Н. Е. Практический курс русского языка : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУИР, 2020. Ч. 2. 136 с.

LITERARY TEXT IN THE ASPECT OF TEACHING METHODS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

N.E. Petrova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics
Minsk, Republic of Belarus

I.V. Savitskaya

Belarusian National Technological University
Minsk, Republic of Belarus

The article deals a literary text in the aspect of the methodology of teaching Russian as a foreign language. The criteria for the selection of text material are given, the main requirements for a literary text are called, various types of tasks and exercises that can be used at the university stage of studying Russian as a foreign language. Special attention is paid to the adaptation of literary texts.

Key words: Russian as a foreign language, text, literary text, text adaptation, text commenting.